

Т. В. БУЛЫГИНА, А. Д. ШМЕЛЕВ

**ЯЗЫКОВАЯ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА**
(на материале русской грамматики)

ПРАГМАТИКА

*

СЕМАНТИКА

*

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

*

ВИД ВРЕМЯ ЛИЦО

МОДАЛЬНОСТЬ

Татьяна Вячеславовна Булыгина родилась в 1929 году. Доктор филологических наук, профессор. Работает в Институте языкознания РАН в должности главного научного сотрудника (Лаборатория теоретической лингвистики).

Алексей Дмитриевич Шмелев родился в 1957 году. Доктор филологических наук. Работает в должности профессора кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета.

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ББК 81
Б 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16076

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.

Б 90 Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

ISBN 5-88766-051-1

В монографии предлагается описание русской языковой картины мира с точки зрения взаимодействия онтологических и субъективных факторов. На данной основе выполнено описание целого ряда лингво-специфичных явлений. Полученные результаты позволяют связать указанные явления с присущими русскому языку особенностями концептуализации действительности.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-88766-051-1

© Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, 1997
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
---------------	---

ЧАСТЬ I

ОНТОЛОГИЯ ЯВЛЕНИЙ И РУССКИЙ ВИД

I.1. КОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ	13
ГЛАВА 1. ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ИХ СВЯЗИ.....	15
ГЛАВА 2. К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	45
ГЛАВА 3. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК СУПЕРКАТЕГОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	113
I.2. «ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ» ОСНОВА РУССКОЙ ВИДОВОЙ СИСТЕМ.....	127
ГЛАВА 1. КЛАССЫ ПРЕДИКАТОВ И АСПЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	129
ГЛАВА 2. МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В АСПЕКТЕ АСПЕКТОЛОГИИ.....	151
ГЛАВА 3. ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОБЫТИЙ: ОНТОЛОГИЯ, АСПЕКТОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ.....	167
ГЛАВА 4. ТИПЫ КАУЗАЦИИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКИХ КАУЗАТИВОВ.....	181

ЧАСТЬ II

ЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАТОРЫ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

ГЛАВА 1. МЕХАНИЗМЫ КВАНТИФИКАЦИИ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ И СЕМАНТИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ.....	193
ГЛАВА 2. «ВОЗМОЖНОСТИ» ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И МОДАЛЬНАЯ ЛОГИКА.....	209
ГЛАВА 3. КОНЦЕПТ ДОЛГА В ПОЛЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ.....	233

ЧАСТЬ III

ПРАГМАТИКА И ИЛЛОКУТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 1. О ГРАНИЦАХ И СОДЕРЖАНИИ ПРАГМАТИКИ.....	243
ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА.....	257
ГЛАВА 3. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДИАЛОГЕ.....	263
ГЛАВА 4. КОСВЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОВУЖДЕНИЯ: ОБЩЕКОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ ИЛИ ВНЕЯЗЫКОВЫЕ КОНВЕНЦИИ?.....	283
ГЛАВА 5. ГИПОТЕЗЫ И КВАЗИАССЕРЦИИ.....	293
ГЛАВА 6. ВОЗРАЖЕНИЕ ПОД ВИДОМ СОГЛАСИЯ.....	305

ЧАСТЬ IV

ЛИЦО И ВРЕМЯ В НАИВНО-ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ МИРА

ГЛАВА 1. ГРАММАТИКА ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ	319
ГЛАВА 2. Я, ТЫ И ДРУГИЕ В РУССКОМ СИНТАКСИСЕ (НУЛЕВЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ: РЕФЕРЕНЦИЯ И ПРАГМАТИКА).....	335
ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ: СТРУКТУРА ПАРАДИГМ	353
ГЛАВА 4. НЕСПЕЦИФИЦИРОВАННЫЙ ПОЛ И СОГЛАСОВАНИЕ ПРИ АНАФОРЕ.....	363
ГЛАВА 5. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ (ПАРАДОКСЫ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ).....	373

ЧАСТЬ V

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТИ

ГЛАВА 1. ВОПРОС О КОСВЕННЫХ ВОПРОСАХ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УСТАНОВЛЕННЫМ ФАКТОМ ИХ СВЯЗЬ С ФАКТИВНОСТЬЮ?	385
ГЛАВА 2. «ХОТЬ ЗНАЮ, ДА НЕ ВЕРЮ»	399
ГЛАВА 3. ОЦЕНОЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ	405
ГЛАВА 4. ОЦЕНКА ПРИ ВТОРИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	417
ГЛАВА 5. ИМЕНОВАНИЕ И АВТОНИМНОСТЬ ИМЕНИ	425

ЧАСТЬ VI

АНОМАЛИИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА 1. «АНОМАЛЬНЫЕ» ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	437
ГЛАВА 2. ПАРАДОКС САМОФАЛЬСИФИКАЦИИ	453
ГЛАВА 3. ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ДЕМАГОГИИ. АПЕЛЛЯЦИЯ К РЕАЛЬНОСТИ КАК ДЕМАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ	461

ЧАСТЬ VII

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ГЛАВА 1. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ «РУССКОЙ ДУШИ».....	481
ГЛАВА 2. ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ	497
ГЛАВА 3. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ	515
ГЛАВА 4. ДУХ, ДУША И ТЕЛО В СВЕТЕ ДАННЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА	523
БИБЛИОГРАФИЯ.....	541
УКАЗАТЕЛИ	558

ВВЕДЕНИЕ

Наша книга представляет собою результат исследований, объединенных тем, что они, прямо или косвенно, направлены на решение одной и той же проблемы: в какой мере и в каких случаях функционирование языковых выражений зависит от «объективных» свойств обозначаемой ими внеязыковой действительности? Указанная проблема тесно связана с вопросом о соотношении и взаимодействии «объективного» и «субъективного», «когнитивного» и «коммуникативного», «логического» и «прагматического» в языковой картине мира.

Исследования последних десятилетий наглядно продемонстрировали некоторую искусственность восходящего к Ч. Моррису разграничения семантики и прагматики на основе разграничения между отношением знаков к «реальности» и отношением знаков к тем, кто их использует. В естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собою мир, взятый в интерпретации его людьми, вместе с их отношениями друг к другу, и в этом смысле «онтология» явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализуют внеязыковую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира.

Таким образом, в языке «онтология» и «прагматика» существуют в неразрывной связи и взаимодействии, и именно описание этой связи в значительной мере и есть описание семантики языка. Значение языкового знака обращено как к внеязыковой действительности, так и к людям, обсуждающим эту действительность, так что, по-видимому, правильнее говорить не о границе между семантикой и (лингвистической) прагматикой, а о границе между «когнитивными» и «прагматическими» аспектами языкового значения, понимая при этом, что указанная граница иногда оказывается не вполне ясной или подвижной. И потому современные семантические исследования столь близко соприкасаются с исследованиями реальности, с анализом общепhilософских понятий, с одной стороны, и с описанием различных способов непрямого использования языка — с другой.

Поэтому мы должны признать, что, с точки зрения интересов лингвистики, установление границ между «онтологией» и «прагматикой» значительно менее важно, нежели отграничение семантического описания как от сообщения энциклопедических сведений, так и

от исчисления всевозможных приемов, посредством которых говорящие манипулируют языком.

Следует согласиться как с тем, что при описании номинативных единиц едва ли является оправданным игнорирование их номинативной сущности [Шмелев 1973: 16], так и с тем, что не следует подменять семантический анализ описанием внеязыковой реальности. Точно так же при описании семантики языковых единиц нет оснований отказываться от учета различных случаев их непрямого использования; однако мы не обязаны включать в число функций языковой единицы все возможности манипулирования этой единицей в различных коммуникативных ситуациях.

Поскольку лингвистическая семантика близко соприкасается и с «энциклопедией», и с общей теорией коммуникации, в результате в современных исследованиях семантического содержания высказывания обнаруживаются две противоположно направленные тенденции.

Одна состоит в том, чтобы максимально обогатить семантическое описание, включая в него все знания о мире, аккумулированные в значении входящих в высказывание единиц, и все то, что выражается данным высказыванием в рамках коммуникативного взаимодействия. Подход, в котором эта тенденция реализуется наиболее полно, иногда называют «семантицизмом», или «радикально семантическим» подходом.

Другая тенденция состоит в том, чтобы максимально «разгрузить» семантическое описание, удалив из него все «энциклопедические» сведения, и все то, что имеет отношение к функционированию высказывания как единицы общения. Тенденция к «освобождению» от «энциклопедической» информации была свойственна структурному подходу, а тенденцию к тому, чтобы объяснять «прагматические» явления на основе общих законов речевого общения и шире — человеческого взаимодействия, опираясь на известную работу Х. Грайса, и считать их выходящими за рамки компетенции собственно лингвистической семантики «речевыми импликатурами», иногда называют «радикально прагматическим» подходом.

Указанные подходы, при всем их различии, сближает «радикализм» в решении вопроса о том, что входит в компетенцию лингвистического описания. «Околоязыковые» явления недифференцированно включаются в сферу интересов лингвистики или, напротив, выводятся за ее пределы, и тем самым не учитываются различия в степени конвенционализации соответствующих «значений». В наших исследованиях мы исходим из того, что граница между лингвистической семантикой и «внеязыковыми» явлениями определяется разграничением между языковыми конвенциями и явлениями, не конвенционализированными в конкретном языке. Описывая предмет лингвистической семантики, можно было бы сказать, что семантика занимается изучением конвенционализированных значений.

Таким образом, в работах, вошедших в данную книгу, особое внимание уделяется выявлению конвенциональных явлений как в сфере «онтологии», так и в сфере «прагматики». При таком подходе чрезвычайно важны критерии, позволяющие установить, является ли то или иное семантическое явление конвенционализированным. Одним из критериев конвенционализации семантического явления в конкретном языке является наличие другого языка, в котором данное явление не имеет места. И если лингвистические универсалии всегда служили объектом пристального внимания типологов, то для нашего подхода особый интерес составляют как раз неуниверсальные явления.

При этом собственно языковые конвенции бывают переплетены с универсальными, неконвенциональными явлениями. Например, употребление вопросительных предложений в функции побуждения (а именно просьбы) является достаточно распространенным и нередко описывается на основе универсальных постулатов речевого общения, как речевая импликатура. В то же время в русском языке такое употребление обладает определенными особенностями и может считаться конвенционализированным, поскольку, в отличие, скажем, от английского языка, соответствующие предложения должны включать поверхностное отрицание (описанию конвенционального и неконвенционального в выражении побуждения посвящена глава «Косвенное выражение побуждения: общекommunikативные постулаты или языковые конвенции?»).

От языковых конвенций следует отличать как неконвенциональные явления, так и явления, регулируемые внеязыковыми конвенциями, в частности т. н. «конвенциями употребления», представлениями, принятыми в соответствующем обществе, и т. д. При этом «лингвоспецифичные» явления не всегда легко отграничить от явлений «этноспецифичных» и «культуроспецифичных». По-видимому, принятый у американцев обычай отвечать *Fine!* на приветствие *How are you doing today?* относится к культурным конвенциям (по-русски также можно ответить *Прекрасно!* на вопрос *Как дела?*), а выбор между ответами *Quite good* и *Quite well*, скорее, определяется языковыми конвенциями. Русский ответ *Ничего* на вопрос *Как дела?* культурно обусловлен в том смысле, что выбирается «скромный» вариант ответа, и лингвистически обусловлен в том смысле, что для передачи соответствующего содержания используется отрицательное местоимение. Однако «конвенции употребления» часто бывают обусловлены какими-то нюансами в значении языковых единиц, а с другой стороны, сами оказывают влияние на их семантику, и поэтому излишний ригоризм в разграничении языковых и внеязыковых конвенций представляется неоправданным.

Часто именно на основе выявления языковых конвенций удается установить роль «когнитивных» и «коммуникативных» факторов в семантике языковой единицы. Так, выясняется, что «коммуникативный» компонент занимает существенное место в семантике квантор-

ных выражений русского языка (см. главу «Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки»); с другой стороны, часто особый коммуникативный эффект использования модальных выражений целиком обусловлен универсальными законами общения, которые позволяют эксплуатировать «логическую» структуру этих выражений (см. главу «Возможности» естественного языка и модальная логика»).

Изложенное представление о соотношении конвенционализированных и неконвенционализированных смыслов и о взаимодействии «онтологического» и «прагматического» в семантике высказывания на естественном языке в какой-то мере обусловило структуру настоящей книги. Основу книги составляют статьи, написанные нами в 1980—1995 гг. и по большей части опубликованные в различных научных журналах, сборниках и коллективных монографиях. Они сгруппированы в соответствии с кругом обсуждаемых в них языковых явлений и подвергнуты незначительной редакционной правке.

При этом первые две части посвящены смыслам, носящим в большей степени «объективный» характер: в первой части рассматривается онтология явлений, как она представлена в языке, и с этой точки зрения анализируется функционирование русского вида, а во второй — отражение в языке категорий мышления, находящихся непосредственную аналогию в формальной логике. Следующие две части в большей степени сосредоточены на «субъективном» аспекте языковой концептуализации мира. Далее рассматривается взаимодействие «объективного» и «субъективного», «онтологии» и «прагматики», в частности пропозициональные установки и их языковая интерпретация. Последние две части посвящены более специальным проблемам: отклонениям от стандарта (как с точки зрения концептуализуемой действительности, так и с точки зрения способа о ней говорить), возникающим в процессе речевой коммуникации, и специфическим особенностям национальной картины мира.

В первой части, «Онтология явлений и русский вид», с разных точек зрения рассматриваются представления о типах наблюдаемых явлений, лежащие в основе видовой системы русского языка. Высказывается предположение, что в основе взаимодействия «когнитивных» характеристик языковых выражений и аспектуальных свойств русских глаголов лежит функционирование «суперкатегории» пространственно-временной локализации.

Во второй части, «Логические операторы в естественном языке», рассматриваются языковые значения, имеющие непосредственные аналоги в формальной логике: кванторные и модальные значения. Ставится вопрос о соотношении «логического» и «прагматического» при выражении указанных значений в естественном языке.

Третья часть, «Прагматика и иллокутивная модальность», посвящена используемым в языке способам маркировать иллокутивную силу высказывания. Особое внимание уделено так называемым «косвенным речевым актам» и случаям их языковой конвенционализации.

В четвертой части, «Лицо и время в наивно-языковой модели мира», анализируются единицы, предназначенные для выражения действительных компонентов смысла: личные местоимения и языковые показатели времени. Рассматривается вопрос о «нулевых» личных местоимениях в русском языке и о семантике специфичных русских синтаксических конструкций, включающих эти местоимения; кроме того, формулируется ряд «парадоксов», связанных с особенностями языковой концептуализации времени.

Пятая часть посвящена поведению языковых единиц в контексте так называемых пропозициональных установок. Рассматриваются такие вопросы, как интерпретация косвенно-вопросительных конструкций при передаче чужих речевых актов и шире — чужих установок; различные стратегии при передаче установки, различные виды оценки и проблема установления субъекта оценки, парадоксы именования и проблема автономности.

В шестой части описываются разного рода «аномалии», имеющие место в реальной речевой деятельности. Рассматривается вопрос об интерпретации семантически «аномальных» высказываний, среди которых особое место занимают так называемые «самофальсифицируемые» высказывания, а также описываются «демагогические» приемы, эксплуатирующие возможности, предоставляемые языком.

Наконец, седьмая часть посвящена особенностям русской языковой картины мира. Обсуждается вопрос о том, в какой степени эти особенности могут быть связаны с особенностями национального характера носителей соответствующего языка.

Большая часть глав написана нами совместно. Исключение составляют главы I.1.1 («Грамматические и семантические категории и их связи»), I.1.2 («К построению типологии предикатов в русском языке»), I.2.1 («Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания») и III.1 («О границах и содержании прагматики»), написанные Т. В. Булыгиной, а также главы III.2 («Классификация предложений по цели высказывания и функциональная стилистика»), V.2 («Хоть знаю, да не верю»), V.5 («Именование и автономность имени»), VI.2 («Парадокс самофальсификации»), VI.3 («Приемы речевой демагогии...») и все главы седьмой части («Национальная специфика языковой картины мира»), написанные А. Д. Шмелевым*.

* Некоторые главы книги написаны по плану Института языкознания РАН. Кроме того, некоторые главы написаны при частичной финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (проект 94—06—19717 «Субъективность в грамматике») и Программы поддержки высшего образования (Research Support Scheme, грант № 511/1995).

ЧАСТЬ I

ОНТОЛОГИЯ ЯВЛЕНИЙ И РУССКИЙ ВИД

I.1. КОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

ГЛАВА 1

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ИХ СВЯЗИ*

Наряду с решительным поворотом к семантике в числе основных тенденций постструктуралистского этапа развития лингвистики можно назвать: 1) обращение к исследованию языковых единиц, больших, чем слово, и 2) требование вполне эксплицитного и исчерпывающего характера лингвистического описания. Эта общая ориентация предполагает не только расширение круга изучаемых семантикой объектов, основанное на осознании того, что задачи лингвистической семантики несводимы к исследованию смысла отдельных лексем, но и определенную переориентацию самого подхода к изучению традиционных объектов семантики.

Она предполагает, в частности, признание подчиненности исследования лексических и грамматических значений задаче описания смысла предложения в целом, а также замену слишком общего признания влияния контекста на ту или другую реализацию «инвариантного» лексического или грамматического значения точным определением типов и характера взаимодействия всех семантических компонентов предложения.

Исследование семантики предложения в грамматическом аспекте требует решения двух вопросов: 1) какие смысловые различия, обнаруживаемые между конкретными предложениями, уместно включать в компетенцию грамматики и 2) как общий смысл предложения коррелирует с семантикой конституирующих его грамматических форм и синтаксических моделей (иначе говоря, какова степень участия семантики грамматических категорий в смысловой организации предложения).

Прямолинейное решение этих вопросов, например безоговорочное признание синтаксической значимости любого формального (нелексического) различия и, напротив, исключение из области грамматической семантики всего, что связано с «лексическим наполнением» структурной схемы предложения, а также того, что вообще не получает непосредственного формального выражения, очевидно неадекватно.

* Впервые опубликовано: Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980.

В последнее время все большее распространение получает признание необходимости отказаться от отождествления формальной и смысловой структуры предложения, от взгляда, согласно которому отсутствие различий в структуре предложения автоматически снимает вопрос о какой-либо их грамматической дифференциации [Москальская 1974: 40 и др.]. С другой стороны, различные морфологические и синтаксические категории характеризуются значительной неоднородностью в семантическом плане. Одни из них (например, род, число, падеж прилагательных и другие чисто согласовательные категории) в силу своей асемантической не вносят никакого или почти никакого «вклада» в общий смысл предложения. Другие (например, число существительных) отражают в первую очередь внеязыковые различия между предметами и явлениями действительности; роль различных категориальных значений этого типа (в той мере, в какой она исчерпывается именно данной функцией) сопоставима с семантической ролью собственно лексических различий и может быть в той же степени грамматически «неинтересна».

В то же время нет оснований заранее считать любые лексические различия такими различиями, от которых следует непременно «отвлекаться» при семантико-синтаксическом моделировании: во многих случаях разные лексемы бывают связаны отношением, которое имеет скорее грамматический, чем собственно лексический характер¹.

Разумеется, и так называемые семантически наполненные морфологические категории (лишенные, по мнению некоторых исследователей, непосредственной синтаксической релевантности) не только отражают реальные свойства предметов и явлений внеязыковой действительности, но могут, как уже приходилось отмечать [Булыгина 1977: 173—175], принимать участие в формировании общей смысловой структуры предложения, представляющей собой, по выражению О. И. Москаль-

¹ Ср., например, отмеченное Н. Д. Арутюновой [1976: 217] различие между глаголами *находиться*, *водиться*, *обитать*, *иметься*, *встречаться*. Очевидно, что различие между предложениями (1—3) — (1) *Обезьяны находятся в вольере для игр.* (2) *Тигры водятся в Уссурийском крае.* (3) *Кроты обитают в земляных норах* — не сводимо к «грамматически несущественному» различию в «лексическом наполнении» одной и той же модели предложения. Оно касается не только «вещественного» значения этих предложений, но и тех накладываемых на него смысловых элементов, которые в силу своего «сопутствующего», «дополнительного», «формального» характера подпадают под традиционное определение грамматических значений. Можно заметить, что различие, сопоставимое с тем, которое существует, например, между предложениями (1) и (2) (приблизительно — различие но «определенности»/«неопределенности»), может выражаться в русском языке различными «структурными схемами» предложений (ср., например: *Деньги у меня* и *Деньги у меня есть*) или различными морфологическими средствами (*Надо взять у него деньги* и *Надо взять у него денег*).

ской, «тот или иной стереотип структурирования мысли» [1974: 38], разные виды которого и являются объектом исследования семантики предложения.

Исследование роли различных смысловых компонентов предложения в его общей смысловой организации осложняется отсутствием сколько-нибудь широко принятой классификации языковых значений, соответственно и весьма разнообразным пониманием того места, которое занимают в типологии языковых значений грамматические значения.

Ниже мы коснемся некоторых признаков грамматических значений (ни в коей мере не претендуя на их формальное определение).

1. К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ (ПРИЗНАКИ «ГРАММАТИЧНОСТИ» ЗНАЧЕНИЯ)

Термин «грамматика» и эпитет «грамматический» употребляются в лингвистике в различных значениях — более узких и более широких. Узкое толкование «грамматического» опирается на формальные особенности выражения соответствующих значений (термин «грамматическая категория» оказывается при этом приблизительным синонимом термина «морфологическая категория», а под термином «грамматическое значение» скрывается «значение, выраженное аффиксальным способом»). При широком толковании к грамматике относят, грубо говоря, все то, что не принадлежит (только) словарю.

Исходя из широко принятого первичного противопоставления грамматических значений лексическим, т. е. из того, что все ноэтическое пространство языка делится первоначально именно на эти две области, следует признать предпочтительным второе толкование (одно из самых широких, хотя и не максимально широкое из всех возможных²). В противном случае рискуют оказаться вне рассмотрения многие лингвистически интересные значения — в частности те, которые имеют явно не лексическую природу, но при этом не имеют непосредственного формального выражения.

Традиционное понимание грамматических значений и категорий является довольно широким. Грамматическими называются сущности

² При максимально широком понимании грамматики последняя является, собственно говоря, синонимом лингвистики (ср. сочетания типа «сравнительно-историческая грамматика», «генеративная грамматика» и т. п.). В дальнейшем мы не будем принимать во внимание словоупотребление, отражающее это понимание, так же как и некоторые другие интерпретации, например такую, согласно которой в грамматику (как «науку об общем») включаются морфология, синтаксис и фонетика, противопоставляемые все вместе лексике (как «науке о специальном»). О различных пониманиях «грамматики» и «грамматического» см., например [Общее языкознание 1972], с. 200—209.

по крайней мере трех типов: 1) значения морфологических категорий (например, категории падежа, числа, лица, времени) знаменательных частей речи, а также «значения» служебных слов; 2) значения функциональных категорий вроде «подлежащее», «дополнение», «обстоятельство»; 3) значения, соответствующие различным коммуникативным типам предложений («повествовательных», «вопросительных», «побудительных»).

Хотя такое объединение представляется интуитивно убедительным (быть может, потому, что оно освящено традицией), дать точную экспликацию оснований этого объединения, т. е. назвать признаки, общие для сущностей всех перечисленных классов и только для них, чрезвычайно трудно. Задача, естественно, усложнится еще больше, если мы попытаемся найти такое определение грамматических категорий, под которое бы подходили и так называемые «скрытые грамматические категории». Впрочем, обнаружить (семантический) признак или набор признаков, который был бы исключительной принадлежностью всех грамматических значений, не удастся и в том случае, если ограничить употребление этого термина лишь морфологическими категориями (как это часто делается).

Многочисленные обсуждения оснований разграничения между грамматическими и неграмматическими значениями приводят к заключению об отсутствии четких границ между этими типами языковых значений, о градуальном характере соответствующего противопоставления. Представляется невозможным (а быть может, и не необходимым) выделить такой признак или такой комплекс признаков, который бы во всех случаях недвусмысленно относил то или иное значение к одному или другому классу. Тем не менее рассмотрение свойств, по которым может проводиться классификация языковых значений, возможно, приблизит нас к пониманию сущности соответствующих разграничений.

К числу важных элементов представлений о природе грамматических значений, присутствующих (в имплицитной или явной форме) во многих лингвистических концепциях, можно отнести: а) представление о флективном (переменном, нефиксированном для данной единицы) характере значения; б) о его причастности к синтаксису; в) об «обязательности» присутствия одного из ряда однородных значений в любой единице некоторого класса; г) о стандартном и регулярном способе его выражения.

Совпадение всех признаков (в особенности если «причастность к синтаксису» выражается в автоматичности, контекстной обусловленности соответствующего признака) характеризует значения, грамматическая сущность которых ни у кого сомнений не вызывает. В других случаях наблюдаются разногласия, зависящие от того, какому из перечисленных признаков придается наибольший вес.

Можно заметить, что свойство флективности, проявляющееся в том, что одна и та же единица выступает в реальном употреблении в различных «ипостасях», обладает большой степенью общности. Оно, в частности, объединяет как словоизменительные, так и «фразоизменительные» значения³. Именно различие между постоянными (фиксированными для данной лексемы) и переменными (нефиксированными) значениями был склонен класть в основу разграничения между лексическими и грамматическими категориями Л. В. Щерба, как об этом свидетельствует предлагавшееся им отнесение уменьшительно-ласкательных и увеличительных форм существительных и прилагательных в русском языке к грамматическим категориям, а таких категорий, как безличность (характеризующую *impersonalia tantum* типа *светает; смеркается, тошнит*) или род у существительных — к лексическим категориям [Щерба 1974: 59]⁴.

К мнению Л. В. Щербы (сопоставимому с отрицанием статуса грамматической «монемы» за субстантивным родом со стороны А. Мартине) можно отнестись с пониманием, в особенности если учесть, что проведение границы между лексикой и грамматикой связано с решением вопроса о том, какую информацию следует фиксировать в словаре, а какую — в правилах функционирования единиц. Более распространено, однако, признание, наряду со словоизменительными (или шире — формоизменительными) категориями, и так называемых классифицирующих грамматических⁵ категорий, т. е. признание грамматического характера таких фиксированных для большинства соответствующих лексем значений, как субстантивный род или переходность/непереходность глаголов в русском языке. Основным мотивом такого решения является, очевидно, синтаксическая природа соответствующих признаков, т. е. тот факт, что, скажем, род существительного непосредственно связан с бесспорно грамматическими (по всем признакам) свойствами синтаксически связанных с существительным слов (прилагательных, глаголов)⁶.

³ Ср. замечание Н. Ю. Шведовой о том, что «в языке существует определенный изоморфизм между формоизменением слова и предложением» [1966: 150]. Следует подчеркнуть, что переменный или постоянный характер значения зависит от типа единиц, которые считаются выделенными, т. е. от типа единиц, по отношению к которым рассматривается соответствующий признак.

⁴ В то же время лексические категории этого типа Щерба предлагал рассматривать в особом разделе грамматики, возражая, правда с терминологической точки зрения, против предложения Бодуэна де Куртена называть соответствующий раздел «лексикологией».

⁵ Впрочем, такие категории, как (субстантивный) род, часто называют «лексико-грамматическими». Это связано именно с тем, что род (как и другие классифицирующие значения) фиксирован у каждой лексемы, подобно индивидуальному лексическому значению.

⁶ Напротив, почти общепринятое непризнание грамматического характера значения уменьшительности, увеличительности и т. п. в русском языке мо-

Синтаксический характер значения (при этом «синтаксический» — в узком смысле⁷) считают необходимым условием отнесения его к грамматическим некоторые лингвисты, испытавшие влияние концепции школы Ф. Ф. Фортунатова (в которой, как известно, к словоформам одной лексемы предъявляется требование полного тождества номинативных значений)⁸. Последовательное проведение этой точки зрения (привлекательной своей простотой), как известно, иногда приводит к интуитивно неудовлетворительным результатам (в частности, к признанию разными лексемами не только разных числовых форм существительных, но и разных временных форм глаголов)⁹. Если, однако, расширить понимание «синтаксичности» значения — так, чтобы под ней подразумевалась «причастность к синтаксису», противоречий с языковой интуицией и лингвистической традицией, по видимому, не возникнет.

Многие современные грамматические концепции считают важнейшим признаком грамматических значений свойство «обязательности»¹⁰.

Критерий обязательности, или «вынужденности», имеет в виду принудительное выражение при каждой из рассматриваемых единиц некоторого дополнительного смысла, невозможности даже при желании оставить невыраженным то или другое из противопоставленных значений категории, т. е., например, употребить (в русском языке) форму существительного, в содержание которой не входил бы ни элемент «единственное» число ни элемент «множественное число» (или входили бы одновременно оба эти элемента). Широко распростран-

жет быть объяснено отсутствием синтаксической релевантности соответствующих значений. Тем же можно объяснить и невключение в число грамматических категорий таких формальных группировок, как, скажем, типы склонения или спряжения, во многом сходных с категорией субстантивного рода (ср. [Иванова 1976]).

⁷ Т. е. противопоставляемый «номинативному»; об этом противопоставлении см., например: *Общее языкознание* 1972: 203—206.

⁸ В фортунатовской школе граница между словоизменением и словообразованием и граница между грамматикой и лексикой не обязательно совпадают (так, в рамках фортунатовской концепции число существительного и вид глагола в русском языке могут признаваться словообразовательными, но при этом грамматическими категориями). Обычно, однако (хотя и не всегда в явной форме), соответствующие разграничения отождествляются (ср., например, [Зализняк 1967: 25—26 и 57], где критерии «обязательности» и «регулярности», выдвинутые для различения грамматических и неграмматических значений, независимого от деления значений на номинативные и синтаксические, без специальной оговорки привлекаются в дальнейшем в связи с вопросом о разграничении словоформ одной лексемы и разных лексем). Это лишний раз демонстрирует существенность «флексивности» как признака грамматических значений для многих лингвистов.

⁹ См. в связи с этим: [Зализняк 1967: 56—57].

¹⁰ Подробнее о концепции грамматических значений как обязательных см., например, в кн.: *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*, с. 206—209

ное представление о взаимоисключающем характере граммем одной категории — это другой способ экспликации того же свойства обязательности.

Концепция «грамматического» как «обязательного» (ставшая весьма популярной после известной статьи Р. О. Якобсона [1959]), несомненно, вскрывает некоторые важные особенности отношения между противопоставленными грамматическими значениями. Следует в то же время обратить внимание на то, что эта концепция может привести к существенно различным результатам в конкретном анализе в зависимости от «поверхностного» (= формального) или «глубинного» («семантического») понимания «обязательности», то есть от того, считается ли необходимым элементом высказывания (или словоформы, если речь идет о морфологических значениях) определенный формальный показатель той или иной семантической категории, независимо от того, какое именно значение он выражает в употреблении данного типа, или же дело касается обязательности определенного значения, которое должно быть выражено независимо от целей и потребностей сообщения безразлично каким способом.

При «формальной» трактовке «обязательности» такие, например, значения, как «единственное число» и «множественное число», должны быть признаны безусловно грамматическими у личных форм глагола в русском языке (поскольку всякая личная форма является формой либо единственного, либо множественного числа), тогда как значения «указание на «личность» или «неличность» субъекта» — неграмматическими (поскольку в самих глагольных формах соответствующее морфологическое противопоставление отсутствует).

Но при «содержательной» трактовке «обязательности» семантические элементы «указание на единичность субъекта»/«указание на множественность субъекта» оказываются «менее грамматичными» по сравнению с семантическими элементами «указание на личность»/«указание на неличность субъекта».

Семантический признак «один»/«несколько», характеризующий субъект действия, может в некоторых типах предложений оставаться невыраженным (из-за уклончивости или неосведомленности говорящего либо избыточности соответствующей спецификации); иногда данное семантическое противопоставление оказывается снятым в силу смысловой несовместимости с другими семантическими характеристиками предложения), в то время как семантический признак «лицо»/«не-лицо» оказывается выраженным даже в тех случаях, когда во всех прочих отношениях «субъект» остается неспецифицированным¹¹, — ср. (4) и (5), (6) и (7), (9) и (10) и соответствующее противопоставление внутри (11):

¹¹ Речь идет о так называемых односоставных неопределенно-личных и безличных предложениях; в двусоставных — признак «лицо»/«не-лицо» выражен основой имени, называющего субъект действия.

- (4) *Стучат в дверь;*
- (5) *Стучит в висках;*
- (6) *Героя качали;*
- (7) *В тот день его контузило. Даже не контузило, а отбросило взрывом и ударило несильно обо что-то. «Прислонило к стенке», как он после говорил. Слабый, вялый — его качало, он еле сдерживал тошноту, — Андрей заснул один в окопе (Г. Бакланов);*
- (8) *Он в то время вздыхал по пятой дочке генерала, и ему, кажется, отвечали взаимностью. Но Амалию все-таки выдали... (Ф. Достоевский);*
- (9) *Теперь ему было не до дуэлей. Правую ногу ему совсем отрезали, и потому он ходил на костыле. (Короленко);*
- (10) *Один барышник попал под локомотив, и ему отрезало ногу (А. Чехов);*
- (11) *[Как она в ее положении перелезла через высокий и крепкий забор сада, оставалось в некотором роде загадкой.] Одни говорили, что ее «перенесли», другие, что «перенесло» (Ф. Достоевский).*

В предложении (8) из контекста можно заключить, что «ему отвечало взаимностью» одно лицо, но сама глагольная форма (3 л. мн. ч.) вне опоры на контекст, как показывают другие примеры, о числе производителей действия ничего не сообщает; напротив, указание на «личность»/«безличность» может содержаться не только в самой глагольной форме, но и в ее ближайшем и дальнейшем контексте, однако для выражения соответствующего противопоставления глагольная форма в опоре на контекст вовсе не нуждается — ср., в особенности, пример (11) (который уже приходилось комментировать несколько в другой связи [Булыгина 1977: 172]).

При «формальной» интерпретации принципа обязательности соответствующий критерий становится во многих случаях практически бесполезным, так как без обращения к семантическим критериям любое отсутствие формального показателя можно трактовать как нулевой показатель. Соответственно любой семантический элемент, имеющий регулярное знаковое выражение (например, значение, указывающее на размер предмета или на субъективное отношение к нему говорящего в русском языке), будет признаваться грамматическим.

В самом деле, любое существительное русского языка либо содержит, либо не содержит аффикс «уменьшительности», и нет никаких критериев, кроме семантических, для того, чтобы обосновать отказ от введения в структуру неизменяемого существительного нулевого суффикса «неуменьшительности» (или «нейтральной оценки»).

Только тот факт, что слова *дом*, *стол* и т. п. могут относиться к *дому*, *столу* и т. п. любого размера (т. е. тот факт, что размер называемого предмета — или характер отношения к нему со стороны говорящего — в общем случае не обязан быть эксплицитно указан), отличает отношение *дом* vs. *домик* от отношения *дом* vs. *дома́*. С формальной точки зрения, *дом* является в той же мере «неуменьшительным» существительным, в какой *дом* представляет собой существительное единственного (т. е. «немножественного») числа.

«Содержательная» трактовка принципа обязательности представляется поэтому предпочтительной (в оригинальной версии концепции обязательности, восходящей к Ф. Боасу, имеется в виду именно характер семантического отношения между соответствующими формами). Правда, эта интерпретация наталкивается на известные трудности, связанные с возможностью нейтрализации грамматического противопоставления.

Несмотря на эту возможность, различие между грамматическим противопоставлением и другими возможными семантическими отношениями сохраняется. Так, непризнание грамматического характера различных значений субъективной оценки (или признаков, характеризующих размер предмета) можно объяснить с помощью рассматриваемого критерия: слово *дом* во всех случаях может заменить слова *домик*, или *домишко*, или *домище*, или *доми́на* и т. д., слово *бледный* — слова *бледенький* или *бледнющий* и т. п., так как значение слова *дом* характеризуется меньшей степенью семантической сложности по сравнению со словами *домишко* или *домище*, является нейтральным, неспецифицированным в отношении признака размера или субъективной оценки.

В случае же грамматического противопоставления речь идет о его эвентуальной нейтрализации, которая происходит в строго ограниченных условиях (и носит значительно более сложный характер, чем это бывает представлено в описаниях, использующих понятия маркированности/немаркированности членов грамматической оппозиции)¹².

«Содержательная» трактовка рассматриваемого принципа, учитывающая относительную обязательность сохранения того или иного

¹² В одних случаях противопоставление оказывается снятым в силу смысловой несовместимости с каким-либо значением, и тогда противопоставленные члены могут быть взаимозаменяемы без изменения смысла высказывания (и без нарушения его грамматической правильности). В других случаях в позиции нейтрализации обязательно выступает лишь один из членов противопоставления, хотя «нейтрализованное» семантическое различие не теряет своей коммуникативной существенности. При этом определение противопоставленных членов в терминах маркированности/немаркированности может оказаться неуместным, так как в одних позициях нейтрализации обязательным является употребление «немаркированного» члена, а в других — «маркированного».

семантического противопоставления, должна привести к признанию градуального характера «грамматичности» и к выявлению «более грамматичных» и «менее грамматичных» значений данного языка.

Последнее из перечисленных выше свойств грамматических значений (стандартность и регулярность способа выражения) следует признать их характерным признаком: в большинстве случаев значения, традиционно относимые к грамматическим, действительно бывают непосредственно выраженными при помощи достаточно регулярных и стандартных средств выражения. Однако этот признак не различает словоизменяемые (грамматические) и регулярные словообразовательные значения, обычно исключаемые из числа грамматических (ср. то же значение «уменьшительности» или, скажем, «ослабленной степени качества», выражаемое прилагательными вроде *красноватый*). С другой стороны, формальная выраженность характерна прежде всего для словоизменяемых (вообще — переменных) значений, тогда как классифицирующие значения остаются часто невыраженными (это вполне естественно в связи с непредсказуемостью переменных значений и избыточностью, предсказуемостью фиксированных для данной единицы значений). Тем не менее такие не выраженные в самом слове значения, как, например, род существительного, традиционно причисляются к грамматическим (и обычно не характеризуются как «скрытая категория»).

Таким образом, признак непосредственной формальной выраженности не является, строго говоря, ни достаточным, ни необходимым для признания того или иного значения грамматическим.

Разумеется, с собственно лингвистической точки зрения различия, касающиеся способа выражения, очень существенны, и соответствующий признак, несомненно, должен учитываться при классификации языковых значений. Можно именно с помощью этого признака производить деление на грамматические и неграмматические значения¹³ (вопрос о том, как обозначать результат этого деления, носит в значительной степени терминологический характер). Возражения вызывает не учет самого критерия, а незаметный гипостазис в его применении, который состоит в том, что непосредственно не выраженные семантические различия не только объявляются неинтересными для грамматики, но нередко и вообще выводятся за пределы лингвистического рассмотрения. Между тем исследования последних десятилетий убедительно показывают, что наряду с «явной» грамматикой существует еще грамматика «скрытая», категории которой, нередко ускользающие от внимания исследователя [Кацнельсон 1972: 16], тем не менее представляют самый непосредственный лингвистический (и даже узкограмматический) интерес.

¹³ Ср., например, [Серебренников 1976].

2. СКРЫТЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Введение в лингвистический обиход термина (и понятия) «скрытая грамматическая категория», или «криптотип», противопоставляемого «явной, или открытой, категории», т. е. «фенотипу», связывается с именем Б. Уорфа. По его определению, «скрытая категория — не обозначаемая вообще в предложении, но вызывающая особые явления в некоторых типах предложений» ([Хэмп 1964: 194]; см. также: [Уорф 1972]).

Признаки, о которых шла речь выше, сохраняют свою релевантность и в отношении скрытых грамматических категорий. В частности, здесь также можно выделить переменные («флективные») и постоянные («классифицирующие») для некоторой единицы значения¹⁴. К криптотипам первого рода относятся нелексические значения, возникающие в предложении, например значения определенности/неопределенности в русском языке, а также и многие из так называемых частных значений морфологических категорий; к криптотипам второго рода — многие из значений, характеризующих так называемые лексико-грамматические разряды, например значение одушевленности (в русском языке).

Выделение флективных криптотипов связано с проблемой разграничения между неоднозначностью (омонимией, полисемией) и семантической неопределенностью¹⁵, между различными значениями и вариан-

¹⁴ Термин «флективные» по отношению к скрытым категориям не очень удачен, т. к. часто ассоциируется с формально выраженными (и притом вполне определенным способом) категориями. Принятое здесь терминопотребление — результат стремления отразить сходство между противопоставлением словоизменятельных и словоклассифицирующих значений в «явной грамматике» и аналогичным противопоставлением в сфере «скрытой грамматики». Раньше мы употребляли в близком смысле термины «дифференциальные» и «интегральные признаки» [Булыгина 1968]. Однако и эти термины используются в лингвистике (в том числе и в семантических исследованиях) в ином значении. Уорф использует для сходного разграничения непривычные термины «модулирующая категория» («она может быть прибавлена или удалена произвольно») и «селективная категория» («это — грамматический класс с фиксированным числом членов, ограниченным по отношению к некоторому более обширному классу») [Уорф 1972: 51, 53]. Ближе всего к принимаемому нами противопоставлению (и терминологически, и по существу) выделение (семантических) «флексионных» и «избирательных» единиц, предложенное Чейфом [Чейф 1975: 124, 192].

¹⁵ При неоднозначности говорящий имеет в виду лишь одно определенное значение, и для правильного понимания высказывания слушающий делает обязательный выбор из возможных значений. Семантическая неопределенность, напротив, обычно соответствует коммуникативным намерениям говорящего, и проблема выбора перед слушающим обычно не встает. Можно, таким образом, и в отношении скрытых грамматических категорий говорить о своеобразном действии принципа «обязательности» (ср. его толкование, данное выше).

тами единого значения формы, обладающей различными денотативными возможностями. Решение этого вопроса далеко не всегда очевидно.

Дают ли, например, предложения типа (12—16), допускающие две различные интерпретации (одну, при которой подлинным агентом действия является лицо, обозначенное подлежащим, и другую, при которой оно является лишь каузатором действия, производящимся над ним или в его пользу), основания для того, чтобы постулировать в русском языке скрытую категорию «прямой агентивности/косвенной агентивности» (или «собственно агентивности/квазиагентивности»)? Ср.:

- (12) *Она сшила себе юбку;*
- (13) *Ты хорошо причесалась;*
- (14) *Он бреется каждый день;*
- (15) *Они отремонтировали квартиру;*
- (16) *Он лег в больницу.*

Следует ли говорить о скрытой категории, относящейся к типу референции имени (сходной с категорией, которая проявляется явно в сфере местоимений)? Ср. предложение (17), допускающее толкование, эквивалентное каждому из значений формально различающихся предложений (18—20):

- (17) *Маша хочет выйти замуж за молодого человека, владеющего суахили;*
- (18) *Маша хочет выйти замуж за одного молодого человека, владеющего суахили;*
- (19) *Маша хочет выйти замуж за какого-то молодого человека, владеющего суахили;*
- (20) *Маша хочет выйти замуж за какого-нибудь молодого человека, владеющего суахили.*

Являются ли значения отнесенности к адресату и к «обобщенному лицу», выражаемые глагольными и местоименными формами 2-го лица ед. числа, противопоставленными, т. е. взаимоисключающими, значениями скрытой категории или речь идет о различных денотативных возможностях единого значения?

Представляется, что различие между по крайней мере двумя значениями — конкретной и неконкретной референции — следует признать грамматически существенным для русского языка. Неоднозначность (а не семантическая индифферентность) предложений типа (17) обнаруживается, например, при квазисинонимическом (с точностью до актуального членения) преобразовании (17):

- (17а) *Молодой человек, за которого хочет выйти Маша, владеет суахили* (конкретная референция, с презумпцией существования «молодого человека»);

- (176) *Человек, за которого хочет выйти Маша, должен быть молодым и владеть суахили* (неконкретная референция, без презумпции существования).

Особым криптотипом следует считать и противопоставление «адресат» — «обобщенно-личность»: оно проявляется внешним образом при выражении кореферентности или некорреферентности объекта и субъекта. Ср.:

- (21) *В таких случаях ты думаешь о себе, а обо мне не думаешь;*
 (22) *В таких случаях ты (уж) о себе не думаешь;*
 (23) *О тебе все время думаешь,*
 (24) *а ты этого не ценишь.*

В (21) и в (24) «2 л. ед. ч.» выражает значение «адресат», в (23) — обобщенно-личное значение (с отнесенностью к говорящему), (22) — неоднозначно (при наличии «уж» более вероятно обобщенно-личное значение)¹⁶.

Что касается предложений (12—16), то их, видимо, следует считать неспецифицированными в отношении признака «прямой/косвенной агентивности» (хотя именно в силу этой неспецифицированности они могут описывать денотативно различные ситуации): соответствующее различие, кажется, ни в каких случаях формально не проявляется (и при этом значении «косвенной агентивности» всегда противопоставлено неагентивности: про младенца, которого постригли или положили в больницу, нельзя сказать: *Ребенок постригся* или *Ребенок лег в больницу* и т. п.).

Подобным образом и признание грамматической существенности предполагаемой скрытой категории классифицирующего типа также требует определения ее «реактивной способности» (reactance, по Уорфу), т. е. выяснения вопроса о том, отражается ли наличие рассматриваемого семантического элемента (непосредственно в слове не выраженного) в формальных особенностях соответствующих конструкций.

Вообще можно заранее предполагать, что всякая мыслительная категория должна получить то или иное языковое отражение — хотя бы в частных сочетаемостных ограничениях, свойственных данной единице. «Мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм предложения психологической коммуникации, — писал Шахматов, настаивая на „тесной внутренней связи между языком и мышлением, между грамматическими и психологическими категориями“, — но несоответствие не тождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может

¹⁶ Подробнее вопрос об «обобщенно-личных» конструкциях рассматривается далее в главе IV.2.

противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим формам представлений» [Шахматов 1941: 23].

В то же время степень лингвистической существенности тех или иных логических или психологических категорий может быть неодинаковой, а определенное языковое отражение различных мыслительных категорий может иметь либо не иметь отношения к грамматике.

Конечно, общность семантической характеристики определенно-го класса не может сама по себе быть основанием для выделения соответствующей грамматической категории. И это относится не только к «явным», но и к «скрытым» категориям.

Никто не станет спорить с тем, что, хотя с точки зрения логики такие предметы, как «снег», «молоко», «мел», «известь», «полотно», «бумага», могут быть объединены в одну логическую категорию «белые предметы», мы не имеем права говорить о существовании грамматической категории, которая выражает белые предметы [Исаченко 1954: 41].

Однако неграмматический характер объединения «белых предметов» определяется не столько тем, что в названиях *снег*, *мел*, *известь*, *молоко*, *полотно*, *бумага* признак «белизны» не получает самостоятельного формального выражения (хотя для исключения этой группировки из числа морфологических категорий этот признак существен), сколько тем, что выделение класса «белых предметов» нигде в грамматике не потребуется: нет такой конструкции, в которой, скажем, в качестве подлежащего могли бы фигурировать только члены данного класса; нет субстантивных словоизменительных форм, которые могли бы быть образованы только от названий «белых предметов», и т. п.

Наличие коннотативного признака «белизны» в значении существительных *снег*, *мел*, *бумага*, *полотно* (но, пожалуй, не *известь* или *молоко*) отражается, например, в таких выражениях, как *белоснежный*; *белый*, как *снег* (*мел*, *бумага*); *побледнел как полотно* и т. п. Однако такими выражениями языковая релевантность рассматриваемого признака, пожалуй, исчерпывается. Более существенным (для русского языка) является различие между, скажем, такими признаками субстанции, как *жидкий/нежидкий* и т. д. — поскольку с ними связан ряд сочетаемостных особенностей (не вполне, впрочем, последовательно проведенных [Арутюнова 1976: 86—92]). Однако в случаях, подобных данному, речь идет все же о неграмматической (онтологической, денотативной или же индивидуально-лексической) категоризации, поскольку само различие между, скажем, *положить* — *налить*, *есть* — *пить* и т. д. есть различие лексического, а не грамматического характера.

Рассматривая природу тех или иных языковых классов, иногда обращают внимание на количественный признак (или же на совпадение различных признаков в одном классе, что представляется более

существенным). Так, обращая внимание на различный характер сочетаемостных ограничений, нарушаемых предложениями *My cat is barking* 'Моя кошка лает' и *The noise frightened my chair* 'Шум испугал мой стул', У. Чейф отмечает, что ограничения, подобные тем, которые определяют круг „субъектов“ глагола „лаять“, являются идиосинкратическими ограничениями, не связанными ни с чем, кроме этих конкретных лексических единиц»; напротив, рассматривая «класс вещей, которые не могут быть напуганы, мы обнаруживаем, что он не является классом, определяемым только на этом основании, подобно тому как класс, включающий в себя собак, койотов, котиков и мунтжаков, был определен лишь в отношении признака „лаять“, но что он является классом, который может быть определен и на других основаниях» [Чейф 1975: 103].

Однако эти «другие основания» заключаются не только и не столько в том, что «предметы, которые не пугаются, одновременно являются предметами, которые не удивляются и не сердятся, которые не едят, не любят и т. д.» [Чейф 1975: 103]. То, что стул не может не только пугаться, но и удивляться, сердиться, есть, любить и т. д., — это не разные совпадающие факты, отражающие внутриязыковую категоризацию, а один и тот же факт, являющийся частью всеобщего человеческого знания относительно «способностей» неодушевленных предметов. Аномальность предложения *Шум испугал мой стул* состоит не в нарушении сочетаемостных ограничений лексем *испугать* и *стул* (или класса лексем, объединенных общим значением), а в нарушении наших представлений о мире¹⁷ (с этой точки зрения тот факт, что в английском языке тюлень и олень-мунтжак, но не, например, лисица, входят в класс «лающих животных», носит в большей степени внутриязыковой характер).

Лингвистическая существенность выделения категории одушевленности/неодушевленности (в частности — для русского языка) определяется в первую очередь не той несовместимостью названий неодушевленных предметов с некоторыми предикатами, которая является отражением реальной несовместимости соответствующих представлений, а целым рядом собственно языковых ограничений — лексического и грамматического характера¹⁸.

¹⁷ Ср. справедливые замечания О. Н. Селиверстовой [1976: 123] в связи с примерами вроде *The boy may frighten sincerity*.

¹⁸ К числу грамматических ограничений относится, например, невозможность употребления неодушевленного существительного в дательном падеже для выражения «предназначенности» (ср. *пойти за лекарством отцу/для отца, купить бифштекс кошке/для кошки*, но: **купить чехлы машине; *достать линолеум кухне; *приобрести новый шрифт пишущей машинке* и т. п.), невозможность употребления в оборотах типа «У X-а высокая температура» (ср.: **У воздуха высокая температура*) и многие другие особенности.

Если считать признаком наибольшей «грамматичности» категории степень обязательности сохранения в различных коммуникативных условиях соответствующего противопоставления, следует признать различие по одушевленности/неодушевленности (иногда перекрываемое различием лицо/не-лицо) одним из «наиболее грамматичных» для русского языка разграничений. Соответствующая характеристика субъекта оказывается выраженной не только в предложениях с «нулевым подлежащим», о котором шла речь выше, но и в предложениях с неопределенными местоимениями («не определенными» в отношении всех прочих признаков, за исключением признака одушевленности/неодушевленности) — ср., например: *Ее кто-то напугал. Ее что-то напугало* и т. п.

Интересно, что даже в случае желательности обобщенного названия, которое бы включало как одушевленный, так и неодушевленный предмет, говорящий на русском языке лишен возможности выразить какой-либо формой соответствующее значение. Ср.: *Было видно, что в доме есть что-то или кто-то, кого нужно прятать от всех* (Д. Пристли, *Затемнение в Грэтли*. Пер. М. Абкиной).

Рассматривая те или иные семантические различия, следует разграничивать, таким образом, онтологическую классификацию и внутриязыковую категоризацию, а внутри последней — группировки, существенные для описания лексико-семантических сочетаемостных ограничений, и классы, обладающие грамматической значимостью. Необходимым (и достаточным) условием для отнесения той или иной семантической категоризации к грамматическим криптотипам следует считать грамматический характер ее косвенного отражения.

Рассмотрим в этой связи смысловое различие между предложениями типа *Упал камень* и *Прилетели грачи*, специально обсуждавшееся в книге В. М. Солнцева [1977]. Автор приходит к выводу, что «для русского языка характерно в равной мере представление и активного физического действия, и состояния, и какого-либо «умственного» действия как грамматических действий, подлежащие при которых в равной мере имеют значение... «грамматически активного» субъекта» (стр. 308), подчеркивая, что в общем конструктивном и общих функциональных значениях предложений вроде *Камень летит* и *Птица летит* «обобщенно отражена некая типовая ситуация, в которой «кто-то что-то делает», в отвлечении от того, является ли субъект реальным производителем действия, является ли действие физически активным или неактивным и т. п.» (стр. 309—310).

Мнение В. М. Солнцева о том, что в рамках конструкции активного глагольного предложения соответствующее семантическое различие в известной мере (автор, впрочем, пишет: «полностью») нивелировано,

представляется справедливым¹⁹. Вместе с тем утверждения, что «в русском языке нет соответствующих функциональных значений», что «они никак не проявляют себя в грамматике» (стр. 308) и т. п., кажутся слишком категоричными.

Можно, например, указать на то, что только агентивные конструкции способны сочетаться с инфинитивом, обстоятельством цели, придаточным с союзом *чтобы* и т. п. Ср.: *Он полетел в Ленинград на конференцию (оппонировать; для участия в юбилейной сессии; на свадьбу к другу; чтобы попасть на выставку); Летят перелетные птицы Ушедшее лето искать* (М. Исаковский), но **Стрела летит попасть в яблоко, *Камень падает, чтобы ушибить собаку* и т. п.

То, что в агентивных предложениях предусмотрена позиция для обстоятельства цели (не обязательно замещаемая), следует считать конструктивной особенностью этих предложений (отличающей их от неагентивных). Такие предложения, как

- (25a) *Пастер умер от чумы, чтобы навсегда остаться в памяти благодарных потомков;*
 (26a) *Ночью река замерзла, чтобы быть скованной льдом три долгих зимних месяца,*

не являются контрпримерами, так как в этих предложениях союз *чтобы* имеет нецелевое значение. Различие между целевым и нецелевым значением союза проявляется в возможности препозиции придаточного только с целевым *чтобы*. Ср.:

- (27a) *Чтобы проверить действие прививки, Пастер поставил опыт на себе самом.*

Но невозможно:

- (25б) **Чтобы остаться в памяти потомков, Пастер умер от чумы;*

¹⁹ О безразличности той или иной формальной репрезентации предиката свидетельствует, в частности, тот факт, что в случае сосуществования в языке параллельных квазисинонимичных конструкций с глагольным и именным предикатом первые обычно отличаются от вторых некоторым «динамизмом» — в том смысле, что обозначают временные, преходящие («акцидентальные») признаки, противопоставляясь постоянным («эссенциальным») свойствам: *Еще в полях белеет снег. — Снег бел; Мальчик капризничает. — Мальчик капризный* и т. п. (ср. [Пешковский 1956: 76—77]). Элемент «динамичности», свойственный значению глаголов (даже стативных), противопоставляющий их — в общем случае — именам, говорящие могут не вполне адекватно характеризовать как большую «действенность» — ср. строчки М. Цветаевой: *Дачи пустующие! Как мать Старую — так же чту их. Это ведь действие — пустовать: Полое — не пустует*, в которых смысловое различие между глагольным и именным представлением признака подмечено удивительно тонко, хотя сформулировано не вполне точно (что, разумеется, позволено поэту).

(266) **Чтобы быть скованной льдом всю зиму, река замерзла.*

Таким образом, можно говорить о возможности препозиции союза *чтобы* как о формальном показателе различия между агентивными и неагентивными предложениями. Ср. также: [Алисова 1971: 29], где, в частности, отмечается, что «возможность или невозможность появления факультативного обстоятельства цели служит формальным показателем семантического противопоставления предикатов активного воздействия на объект и предикатов неактивного контакта с объектом; „Он рубит дерево для чего?“, но „Он видит дерево“».

Объективным отражением смыслового различия между агентивными и неагентивными конструкциями являются и их различные трансформационные связи. Так, только предложения, описывающие активное (произвольное) действие, могут быть преобразованы в инфинитивные (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла «интенсивного и внезапного приступа к действию»): *Царица начала хохотать* → *Царица хохотать*; *Моська, увидевши слона, стала на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться* → (*Моська*) *увидевши слона, ну на него метаться, И лаять, и визжать, и рваться* (И. Крылов), но: *Дождь стал лить как из ведра* → **Дождь лить как из ведра*; *Начал валить снег* → **Снег валить*; *Она начала толстеть* → **Она толстеть*.

Существенно подчеркнуть, что само по себе значение интенсивности и внезапности вполне совместимо со значением наступления «события», относящегося к неактивному «субъекту», — ср.: *А дождь как польет!*; *А гром как загремит!*. Речь идет, следовательно, о грамматической, а не о реальной несовместимости смыслов.

Свидетельством грамматической существенности рассматриваемого противопоставления является и то, что весьма продуктивная возможность «дезактивизирующей» рефлексивизации, преобразующей активные конструкции с именительным падежом субъекта в «демиактивные» конструкции с дательным падежом, указывающим на носителя «внутренней предрасположенности к действию», ограничена предложениями с агентивными предикатами: *Черт: ползком не проберусь, А мне едется* (М. Цветаева); *Мы вас ждем, товарищ птица. Отчего вам не летится?* (В. Маяковский). Для предметов, лишенных волевого начала, такая дезактивизация невозможна, и это именно грамматический запрет, так как законы «семантического согласования», действующие на уровне сочетания слов, более «либеральны» — ср. лексическое выражение значения, довольно близкого тому, которое выражают «демиактивные» конструкции («внутренняя предрасположенность к действию»): *Теперь, с антенной, телевизор работал безотказно; Непослушные волосы никак не хотели укладываться, несмотря на все ухищрения парикмахера при невозможности *С ан-*

тенной телевизору хорошо работалось; *Волосам никак не лежало; *На его фигуре не сиделось ни одному костюму и т. п.

Неагентивные глаголы не могут употребляться в форме настоящего времени для выражения значения «запланированного будущего»: *Завтра мы слушаем Рихтера*, но не **Завтра мы слышим Рихтера*; *Она вот-вот уйдет на пенсию* → *Она вот-вот уходит на пенсию*. Но: *Сосулька вот-вот упадет* → **Сосулька вот-вот падает*. Аналогично: *Завтра я весь день буду работать в библиотеке* → *Завтра я весь день работаю в библиотеке*. Но: *Завтра весь день будет лить дождь* → **Завтра весь день льет дождь*.

Обращения к соответствующим смысловым характеристикам требует, очевидно, и адекватное описание особенностей распределения видов в отрицательных конструкциях с императивом: в форме сов. вида не могут выступать глаголы, обозначающие действие, зависящее от воли субъекта. Например: *Э — смотрите, носов не отморозьте. Семнадцать градусов на дворе* (А. Куприн); *Не поскользнься; Не стукнись*; но невозможно **Не защити диссертацию*; **Не плюнь в колодец*; **Не помой посуду*; **Не подари ей эту книгу*; **Не пойдя за хлебом*. (Переводы библейских заповедей: «не убий»; «не укради», — представляют собой прямое заимствование церковно-славянских форм; в новейших переводах фигурируют соответствующие общелитературной норме формы несов. вида: «не убивай»; «не кради».) Следует иметь в виду, что для многих глаголов значение произвольности/непроизвольности является «флексивным» (и зависит от комбинации с тем или иным видовым значением). Ср.: *Не обгори — солнце очень горячее. — Не загорай, тебе это вредно; Ты там ненароком не влюбись. — Не влюбляйся, тебе это мешает в занятиях; Не выпей то, что в бутылке — это метиловый спирт. — Не пей сырой воды; Не прозевай поезд. — Не зевай*, т. е. «будь внимателен», и т. п.

Тот факт, что названия стихийных сил (*ветер, дождь, буря, метель*), а также некоторых других «потенционных»²⁰ имен (*машина, поезд, корабль*) могут выступать в роли подлежащего при активном (переходном) глаголе, не отменяет грамматической существенности рассматриваемого противопоставления. Предложения с названиями стихийных сил в позиции подлежащего регулярно соотносятся (в результате «устранения субъекта», по терминологии Шахматова) с синонимичными безличными конструкциями (с творительным «вместо» именительного или без него), тогда как аналогичное преобразование конструкции с личным подлежащим либо делает ее грамматически неправильной, либо необходимо ведет к ее переосмыслению. Иначе говоря, именительный падеж и творительный падеж неодушевленных существительных семантически не противопоставлены в соответст-

²⁰ Термин У. Чейфа [1975: 128].

вующих конструкциях, а одушевленных — противопоставлены. Возможность синонимического преобразования *Ветер и пыль бьют в лицо* → *Ветром и пылью бьет в лицо*; *Но буря разбила корабль* → *Но бурю корабль разбило* нельзя описать без обращения к семантической характеристике подлежащего. Это следует, очевидно, считать грамматическим отражением соответствующих «денотативных различий».

В тех случаях, когда в значении личного существительного реализуются одновременно и «активное», и «физическое» начало («личность» и «тело», по А. Вежбицкой), что делает возможным «инструментальное» употребление названия лица в творительном падеже, отличие агентивных предложений от неагентивных обнаруживается в особенностях прономинализации. Ср.: Она бросилась вперед и заслонила собой ребенка. — *Дуб его свалился, И подавило им орлицу и детей* (И. Крылов) (при сомнительности: ?*Дуб свалился и придавил собой орлицу и детей*).

Все эти факты (и ряд других) не позволяют согласиться с тем, что в русском языке «реальная неактивность... не фиксируется ни в значениях, ни в конструкциях языка», что различие между реальным инициатором действия и пассивным участником события — это лишь «различие в свойствах денотатов, никак не отраженное в грамматике», и тем более с тем, что для русского языка все эти «дополнительные смысловые эффекты» — «это не языковые различия» [Солнцев 1977: 308, 309].

Особую проблему составляет вопрос об оптимальных способах описания рассмотренных фактов, на котором мы не будем здесь останавливаться. Отметим только, что наиболее целесообразным представляется выделение «скрытой категории», отражающей наличие/отсутствие волевого начала — флективной для личных и классифицирующей (если не принимать во внимание явления персонификации) для предметных существительных, и (флективной для ряда глаголов) категории, отражающей «контролируемость» действия. Для описания «агентивного» или «неагентивного» смысла соответствующих конструкций потребуется, по видимому, обращение к понятию «семантического согласования». Этого последнего понятия мы коснемся в следующем разделе.

3. О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОГЛАСОВАННОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

По признанию многих современных лингвистов, основной целью семантического исследования является построение правил, по которым значение предложения выводится из значений его конститuentов. С этим связано, между прочим, выдвижение требования дополнить описание парадигматических отношений в лексике детальным

описанием синтагматических связей между словами. Выполнению этого требования подчинено выдвинутое в области лексической семантики понятие так называемой «семантической согласованности» (или «семантической связности») текста, о которой говорят в том случае, если словарные толкования входящих в синтаксические конструкции слов содержат общие семы²¹. На принципе повторения сем в значениях синтаксически связанных слов основано контекстуальное устранение (лексической) полисемии, т. е. выбор (при понимании) одного из возможных значений многозначного слова. Ю. Д. Апресян [1974: 13] иллюстрирует этот принцип на примере предложения *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*, в котором почти все слова многозначны. Несмотря на это, оно имеет лишь одну, наиболее естественную интерпретацию.

Интуитивные операции, производимые носителем языка, автор эксплицирует таким образом, что при понимании выбирается осмысление, при котором достигает максимума повторяемость семантических элементов (в данном случае выбираются те из значений слов, в которые входит сема «пища»).

Несомненно, что понятие семантической согласованности элементов существенно и для грамматических значений (фенотипов и крипто-типов) — по-видимому, даже в большей степени, чем для лексических (здесь она носит в большей степени внутриязыковой характер).

Воспользуемся для того, чтобы пояснить эту мысль, приведенным примером. В цитированной работе этот пример рассматривается только в связи с проблемой лексической многозначности. Однако можно обратить внимание на то, что конститuentы рассматриваемого предложения (в частности, *кондитер*, *жарит*) многозначны и в плане грамматической семантики. Так, *кондитер* принадлежит к тому типу нарицательных имен, которые могут реализовать в одних случаях свое концептуальное содержание, а в других случаях выступать в чисто идентифицирующей функции, т. е. «употребляться и как имя понятия, и как имя собственное» [Фреге 1978: 199]. Неоднозначными являются и глагольные словоформы настоящего времени: они могут выражать по крайней мере три различных «частных значения»; так называемое актуальное настоящее («действие, совпадающее с моментом речи»), узуальное и панхроническое (вневременное, гномическое) «настоящее», фигурирующее в общих («генерических») суждениях.

Приведенное предложение относится к этому последнему типу. Чем определяется его генерическое прочтение?

Очевидно, что оно не определяется словарными семантическими свойствами лексем *жарить*, *кондитер*. В отличие от таких, например, глаголов, как *воспитывать*, *руководить*, *управлять*, *следить* за

²¹ См., например, [Гак 1972].

чистотой, питаться, преподавать, управлять, коллекционировать марки, увлекаться, любить, испытывать отвращение, ненавидеть и др.²², глагол жарить (как и вообще большинство русских глаголов) может употребляться для обозначения конкретного, локализованного во времени действия, а существительное кондитер — для обозначения конкретного лица. Соответственно, предложение *Кондитер жарит хворост* неоднозначно. В частности, оно вполне может быть ответом на вопрос: «А почему не видно нашего кондитера?», — т. е. выражать значение «актуального настоящего».

Существенно, однако, что «генерическое» прочтение рассматриваемого примера не исключается семантико-грамматическими свойствами его компонентов.

Так, семантическая характеристика позиции подлежащего в общих суждениях²³ не находится в противоречии с семантическими свойствами существительных типа *кондитер*. В этом состоит отличие этих последних от собственных имен или личных местоимений²⁴.

Допускает генерическое прочтение и глагольная словоформа *жарит*, отличаясь в этом отношении от других единиц формоизменения

²² Перечисленные глаголы не способны выражать актуальное настоящее даже в сочетании с конкретно-референтными именами, такими, как имена собственные или местоимения. Формы настоящего времени от таких глаголов употребляются либо в общих суждениях (*Хороший педагог воспитывает не нотациями, а личным примером; Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую*), либо имеют значение узуального (или так называемого «абстрактного» или «качественного») настоящего (*Профессор Иванов заведует кафедрой; Маша увлекается древнерусской иконописью; Я ненавижу подхалимство*). Высказывание **Елена Михайловна руководит в коридоре своим аспирантом* (употребленное, например, в качестве ответа на вопрос: *А где же остальные сотрудники сектора?*) не является грамматически правильным.

²³ Если первичной функцией подлежащего в предложениях, сообщающих о конкретных событиях, а также в других типах предложений, выражающих конкретные суждения, является функция идентификации предмета сообщения, а основным его свойством — референция к конкретным объектам действительности, то имя, выступающее в качестве подлежащего общего суждения, в известном смысле (по характеру референции или, быть может точнее, по отсутствию референтности) сходно с именем, выступающим в роли сказуемого. В классических общих суждениях устанавливается концептуальная связь между двумя понятиями: субъектом и предикатом. В связи с этим, по видимому, уместно считать, что имя в позиции подлежащего общего суждения, реализуя свое сигнификативное, а не денотативное содержание, выражает понятие (ср.: [Фреге 1978]).

²⁴ Невозможность быть субъектом генерического суждения связана с неспособностью собственных имен (и местоимений) выражать концепт, т. е., в другой терминологии, с их способностью лишь «денотировать», но не «коннотировать». Понятий «быть Пушкиным», «быть Петей Ивановым» и т. п. не существует. Примеры типа *Быть голубкой твоей орлиной, больше матери быть — Мариной* (М. Цветаева) демонстрируют поэтический сдвиг в употреблении собственного имени.

(например, от формы *поджарил*). Соответствующий факт отражен в грамматических описаниях русского языка в виде признания многозначности категориального значения настоящего времени, одним из частных значений которого является вневременной характер связи подлежащего с приписываемым ему признаком. Заметим, однако, что это утверждение должно быть ограничено путем эксплицитного перечисления предикатов, семантика которых несовместима со значением «вневременного настоящего» (к их числу, наряду с «наречиями» и прилагательными типа *навеселе, в обмороке, пьян, сыт, болен, голоден, без ума, в бреду, в отпуску, в отъезде* и др. относятся и некоторые — по-видимому, немногочисленные — глаголы, например *виднеться, белеть* и под., а также *уплывать, реять, парить* и другие «изобразительные» глаголы).

В благоприятных условиях названные (потенциальные) семантические свойства компонентов рассматриваемого предложения актуализуются. К таким условиям следует, несомненно, причислить наличие и размещение отрицания в нашем примере. Оно побуждает понимать глагольную группу как слитный предикат с характеризующим значением, как свойство (понятие) «жарить хворост на газовой плите» и интерпретировать наше предложение как утверждение о несовместности этого свойства со свойством «быть хорошим кондитером», а не как сообщение о конкретном действии, сопровождаемое факультативным обстоятельственным уточнением. Прибавление оператора отрицания к акциональному предложению («Неверно, что кондитер жарит (сейчас) хворост на газовой плите») давало бы другой поверхностный результат. Оно должно было бы привести либо к элиминации указания на способ жарки: *Кондитер жарит хворост на газовой плите. — Нет, кондитер не жарит хворост (а звонит по телефону)*, либо (если бы отрицался именно сам способ жарки) — к другому размещению отрицания: *Кондитер жарит хворост на газовой плите. — Нет, кондитер жарит хворост не на газовой плите (а на электрической плитке)*.

Едва ли не решающую роль в толковании рассматриваемого предложения как общего суждения играет и наличие прилагательного *хороший* в составе именной группы: его специфика такова, что оно почти всегда (за исключением особых случаев) ассоциируется с сигнификатом, а не с денотатом имени (даже если имя занимает субъектную, как в данном примере, а не предикатную позицию, хотя, вообще говоря, справедливо, что субъектная позиция, как было отмечено Н. Д. Арутюновой [1976: 354—5], имплицитно связывает прилагательного²⁵ с денотативным наполнением имени).

²⁵ Если оно в принципе неоднозначно, т. е. может ассоциироваться как с ассертивным, так и с презумптивным компонентом значения имени (именно таковы анализируемые в только что цитированной работе прилагательные: *молодой* и англ. *beautiful*).

В отличие от таких, например, сочетаний, как *молодая хозяйка* или *прекрасная танцовщица* (*трактирщица, служанка* и пр.), которые, как отмечает Н. Д. Арутюнова [1976: 354], «вне контекста, выявляющего их синтаксическую функцию, двусмысленны», существительные в сочетаниях *хороший кондитер* (*аспирант; оппонент; писатель; шахматист; математик; муж; сын; зритель* и пр.) нормально реализуют свое сигнификативное содержание и вне контекста (что связано с тем, что определение *хороший*, как правило, относится к ассертивному, а не презумптивному компоненту значения существительного²⁶). Это обычно предполагает нереферентное употребление именной группы. А нереферентное употребление имени, фигурирующего в позиции подлежащего, характерно для субъекта общих суждений.

Лишь в тех случаях, когда именная группа типа *хороший кондитер* вступает в связь с предикатом, допускающим только конкретную временную отнесенность (как «только актуальные» предикаты типа приведенных выше *навеселе, в обмороке, пьян, сыт, болен, голоден, без ума, в бреду, в отпуску, в отъезде...; виднеться, белеть, уплывать, реять, парить* и др.), сочетание *хороший кондитер* может переосмысляться как конкретно-референтное. Однако для этого требуются специальные контекстные условия. Ср., например: *Что-то хворост у вас в кафе стал невкусным. — Дело в том, что в нашем кафе два кондитера. Хороший кондитер в отпуску, его заменяет неопытный молодой человек, только что окончивший кулинарный техникум.*

Тип референции именной группы может определяться не только типом сочетающегося с ним предиката, но и более частными грамматическими характеристиками сочетающейся с ним словоформы. Например, формы прошедшего времени от глаголов совершенного вида обычно имплицитно конкретизируют конкретно-референтное употребление субъекта. Так, хотя имя *шалун* — это, в первую очередь, предикатное имя (ср. неконкретную референцию имени *шалун*, обеспечиваемую как наличием при нем кванторного местоимения, так и грамматической характеристикой глагольных словоформ: *Щечки такие кругленькие, что иной шалун надуется нарочно, а таких не сделает* — Гончаров,

²⁶ См. об этом (в связи с анализом англ. *good*) в статье [Vendler 1967]. Следует иметь в виду, что русск. *хороший* может относиться и к презумптивному элементу значения имени (обычно к семе «человек», «личность») в случае заведомой уникальности («определенности») соответствующего предмета. Так, прилагательное в предложениях *У меня хороший редактор; У нас хороший заведующий сектором; В нашем институте хороший ученый секретарь* может иметь в виду не только профессиональную компетентность «редактора», «заведующего сектором», «ученого секретаря», но и их человеческие качества. Однако в предложении *У нас в секторе очень хороший индоевропеист* (тем более: *У нас в секторе есть очень хороший индоевропеист*) прилагательное относится к ассертивному элементу значения «индоевропеист».

Обломов), в тексте *Вот бегают дворовый мальчик... Шалун уж заморозил пальчик* имя может быть понято только как указывающее на конкретное лицо, в частности в силу конкретной временной соотносительности словоформы *заморозил*²⁷. Тот же эффект имела бы замена неоднозначной формы *жарит* на семантически более определенную *поджарил* в нашем примере. Впрочем, показательно, что подобная механическая замена едва ли возможна: Предложение *Хороший кондитер (не) поджарил хворост на газовой плите*, скорее всего, воспринималось бы как аномальное²⁸. Его осмысление затруднено именно отсутствием семантической согласованности между сочетанием *хороший кондитер*, не приспособленным для роли идентификации, и смыслом глагольной формы совершенного вида прошедшего времени, предназначенной, в первую очередь, для выражения конкретных, локализованных во времени действий.

Речь идет, следовательно, о взаимодействии разных компонентов предложения, оказывающем влияние на каждый выбор из нескольких возможных толкований тех дополнительных (т. е. грамматических в широком смысле) характеристик, которые возникают в предложении, причем, помимо взаимного влияния компонентов внутри именной и внутри глагольной группы, имеет место смысловая («пространственно-временная») согласованность и между именной и глагольной группой: нереферентное употребление именной группы соответствует «панхроническому» употреблению предиката.

О том, что грамматические свойства предложения, в частности семантика входящих в его состав морфологических форм, влияют на выбор одного из нескольких возможных осмыслений предложения, красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что в знаменитом щербовском предложении *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокренка* «глокая куздра», «бокра» и «бокренка» могут быть поняты только как имена с конкретной референцией, а «будланула» и «курдючит» — как описание конкретных, локализованных во времени действий «куздры» (чем, между прочим, данное предложение отличается от его иноязычных аналогов «нем.» *Piroten karulieren elatisch* и «англ.» *Pirots carulize elatically*, которые могут быть поняты и как общие суждения), хотя о влиянии «лексического наполнения» на интерпретацию предложения здесь, понятно, говорить не приходится.

Узкоморфологический (внутрипарадигматический) подход к исследованию грамматической семантики²⁹ (который состоял, главным образом, в поисках инвариантных «общих значений», описываемых

²⁷ Другой способ «дегенерализации» предикатного имени (который мы здесь не рассматриваем) — это сочетание с местоименными детерминантами, берущими на себя индексальную роль. См. об этом [Арутюнова 1976: 349].

²⁸ См. в связи с этим: [Ермакова 1971: 37; Вольф 1978: 132, 138] и др.

²⁹ См. подробнее: [Булыгина 1977: 173 и сл.].

по типу так называемых «минимальных определений», т. е. путем выделения минимального количества семантических или квазисемантических дифференциальных признаков, необходимых и достаточных для того, чтобы отличить рассматриваемое категориальное значение от прочих значений той же категории) явно недостаточен для понимания того «вклада», который вносит значение сочетающихся грамматических категорий в общий смысл предложения.

Очевидно, что описание грамматической парадигматики должно быть дополнено описанием синтагматического взаимодействия между значениями различных (на первый взгляд, быть может, разнородных) категорий.

Безусловный интерес в этом плане представляют понятия «функционально-семантической категории» и «функционально-семантического поля», выдвинутые в работах А. В. Бондарко. Есть все основания полагать, что синтагматические отношения между различными семантическими компонентами предложения заслуживают дальнейшего изучения. Так, нельзя, разумеется, сомневаться в наличии тесной связи между глагольными формами несовершенного вида и наречиями *часто, редко, всегда, иногда, иной раз, обычно* и т. п., с полным основанием включаемыми А. В. Бондарко в функционально-семантическое поле «аспектуальности». В то же время целесообразно учитывать тот факт, что наречия этого типа иногда обнаруживают глубинную связь с именным, а не глагольным компонентом предложения, выступая в качестве синонимов присубстантивных кванторов *многие, немногие, все, некоторые, иной, большинство* и т. п. Так, внутри каждой пары примеров (28—32) предложение (а) синонимично предложению (б):

- (28) а. *Любил я часто, чаще ненавидел* (М. Лермонтов);
 б. *Любил я многих, но было больше тех, кого я ненавидел;*
- (29) а. *Лингвисты редко обладают математическими способностями;*
 б. *Немногие лингвисты обладают математическими способностями;*
- (30) а. *Математики иногда прекрасно разбираются в лингвистике;*
 б. *Некоторые математики прекрасно разбираются в лингвистике;*
- (31) а. *В русском языке прилагательные всегда согласуются с существительными;*
 б. *В русском языке все прилагательные согласуются с существительными;*
- (32) а. *Люди обычно не любят критики;*
 б. *Большинство людей не любит критики.*

Ср. пример (33), в котором одна и та же семантическая квантификация выражается в одном случае формальным модификатором глагола, а в другом — формальным конституентом именной группы:

- (33) *Голубчик мой, только это и делал. Весь мир и миры забудешь, а к одному такому прилепишься, потому что бриллиант-то уж очень драгоценен; одна ведь такая душа стоит иной раз целого созвездия — у нас ведь своя арифметика. Победа-то драгоценна! А ведь иные из них, ей-богу, не ниже тебя по развитию (Ф. Достоевский).*

Семантически одна такая душа стоит иной раз целого созвездия = иные такие души (т. е. некоторые из таких душ) стоят каждая целого созвездия.

Таким образом, в одних случаях наречия *иногда, часто, всегда, редко* выполняют функцию конкретизации значения несовершенного вида глагольной словоформы, а в других случаях функционируют как кванторные прилагательные, ограничивающие соответствующим образом объем денотата именной группы³⁰. Такая систематическая двойственность служит указанием на определенную родственность значений глагольных и именных квантификаторов, в частности — категории вида и категории (субстантивного) числа.

Наблюдения показывают, что такая связь действительно имеет место.

Так, несовершенный вид определенно коррелирует с множественным числом существительного в случаях номинализации³¹ — ср., например, предложение (34а), представляющее номинализованную вер-

³⁰ Здесь снова можно обратить внимание на то, что та или другая интерпретация зависит от семантической согласованности компонентов предложения. Кванторные наречия семантически связаны с именной группой в тех случаях, когда глагольная группа обозначает действие, не допускающее (временной) квантификации (как в примерах 28—32), а имя, напротив, может подвергаться квантификации. При «определенности» имени и глаголе, способном выражать ряд разобценных во времени событий, кванторное наречие относится к глаголу. Так, предложение *Мои родители обычно не ходят на собрания* не преобразуется, конечно, в **Большинство моих родителей не ходит на собрания*. Ср. невозможность **Эти лингвисты редко обладают математическими способностями; *Маша часто знает французский язык*. Предложения вроде *Дети иногда не слушаются отца* неоднозначны.

³¹ Связь числа отглагольного существительного с видом глагола не является прямолинейной, что объясняется семантической неоднородностью самого видового противопоставления, один из типов которого соотносится (но не вполне последовательно) с противопоставлением разных *nomina actionis* (уход — хождение, побег — беганье, смерть — умирание). Интересно (в частности, для определения различных семантических потенциалов несовершенного вида) совмещение (формальной) несовершенности с множественным числом в отглагольном существительном.

сию предложения (34б), и предложение (35а), представляющее номинативный вариант предложения (35б):

- (34) а. *Я знаю о ваших ссорах;*
 б. *Я знаю, что вы ссоритесь;*
 (35) а. *Я знаю о вашей ссоре;*
 б. *Я знаю, что вы поссорились.*

Числовое значение существительного влияет, в частности, на выбор между присущими несовершенному виду значением «итеративность» + «результативность» (последовательный ряд действий или состояний, каждое из которых достигает предела и исчерпывает себя) и значением «нерезультативность», «длительность» (действие или состояние, стремящееся к достижению предела) — выбор, далеко не безразличный в семантическом плане для некоторых классов глаголов. Так, например, предложение (36) может быть понято как рекомендация репетиторскому таланту говорящего, а (37) скорее как выражение беспокойства по поводу исхода описываемого события; в (38) говорится о смерти «братьев» как о ряде уже совершившихся фактов, а в (39) о процессе «умирания»; из (40) можно заключить, что «его друзья» перестали курить, а в (41) говорится лишь о неудачных попытках «его друга» отказаться от вредной привычки; (42) понимается скорее как сообщение об уже произошедших разводах, а (43) — как о предстоящем; в (44) речь идет об успехах Дон Хуана, а в (45) — только о действиях, направленных на достижение успеха и т. п.:

- (36) *Мои ученики поступают в институты без какой бы то ни было протекции;*
 (37) *Мой ученик поступает в институт без какой бы то ни было протекции;*
 (38) *Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали;*
 (39) *В деревне под Москвой умирал его брат;*
 (40) *Его друзья бросали курить, когда женились;*
 (41) *Его друг бросал курить, когда женился;*
 (42) *Ее подруги разводились с мужьями, не прожив в браке и года;*
 (43) *Ее подруга разводилась с мужем, не прожив в браке и года;*
 (44) *Дон Хуан покорял самых неприступных и добродетельных дам;*
 (45) *Дон Хуан покорял самую неприступную и добродетельную даму.*

Эти примеры иллюстрируют семантическую близость значений собирательной/разделительной множественности, присущих мн. числу существительных, и значений временной локализованности/нелокали-

зованности действия, выражаемых глагольным видом (эти значения, в свою очередь, связаны с характером референции имен и глаголов). Названные категории, обычно «скрытые», в некоторых случаях обнаруживаются «явно» (и при этом демонстрируют сложный характер взаимной связи: глагольная морфологическая категория или противопоставление разных глагольных лексем может семантически модифицировать именной компонент предложения и обратно)³².

Так, видовое различие между глаголами в (46) и (47) указывает на собирательную множественность («тотальность», «определенность») именной группы в (46) и на разделительную множественность («неопределенность», «партиitivность») в (47):

- (46) *Стоило преподавателю поставить несправедливую оценку, как студенты встали и ушли;*
 (47) *Стоило преподавателю поставить несправедливую оценку, как студенты вставали и уходили.*

Значение, выражаемое глаголами типа *повыбросить*, *повыходить* (все ее подруги *повыходили замуж*), имеет отношение не только к семантической детерминации действия (ряд отдельных актов в целом исчерпанного действия), но и к детерминации объекта или субъекта (определенность, тотальность).

О том, что категории, характеризующие предикатные слова (глаголы, прилагательные), и именные категории не отделены друг от друга китайской стеной, свидетельствуют и многие другие наблюдения — например, касающиеся соотносительности краткой и полной формы прилагательного и характера референции имени в позиции подлежащего (см. [Ермакова 1974: 223—225; Шмелев 1976: 122]), влияния числового значения существительного на выбор между актуальным и узуальным прочтением глагольной формы [Гловинская 1977] и т. п.

Можно думать, что всестороннее исследование видов взаимодействия грамматических значений разных компонентов предложения («явных» и «скрытых») позволит обобщить различные наблюдения, касающиеся «влияния контекста» на ту или иную реализацию «общего значения» грамматической категории (нередко делающиеся в связи с анализом одного конкретного примера). Такое исследование, возможно, приведет к обнаружению некоторых общих семантических «супер-

³² Отношения такого рода не являются чем-то исключительным. Так, в финском языке «процессное» значение действия выражается постановкой дополнения в партиitivном падеже. Интересно, что в русском языке несовершенный вид (в несобытийном значении) несовместим с родительным партиitivным. Ср. *Он выпил молока и пошел в школу, но Каждый день он пьет молоко и идет в школу при невозможности *Каждый день он пьет молока...* Заметим, что это не поверхностно-синтаксическое, а семантически мотивированное ограничение.

категорий», действующих как в сфере имен, так и в сфере предикатов или, быть может, относящихся к предложению в целом, но систематически проявляющихся в определенных категориях разных частей речи.

В качестве одного из «кандидатов» на эту роль может, как представляется, претендовать категория «пространственно-временной локализованности», относящаяся к характеру референции — как имени, так и глагола. Во всяком случае, желательно описывать семантику грамматических (в том числе — морфологических) категорий таким образом, чтобы соответствующие определения объясняли взаимодействие грамматических значений различных конstituентов предложения, в частности — в случае грамматической полисемии — разрешение неоднозначности.

ГЛАВА 2

К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДИКАТОВ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ

Данная глава ставит своей задачей выявить наиболее общие (т. е. обладающие системной значимостью) признаки, которые могли бы быть положены в основу семантической классификации предикатов русского языка. Неоднократно отмечалось, что «в лингвистической литературе пока еще не существует общепринятой семантической классификации предикатов, основанной на точно определенном количестве их дифференциальных смысловых компонентов» [Алисова, 1971: 10]. В истекшее десятилетие появился целый ряд работ, ознаменовавших собой важные шаги на пути построения такой классификации (к их числу, несомненно, относится и цитированная книга Т. Б. Алисовой)³³. Тем не менее содержащаяся в только что упомянутом исследовании констатация в целом продолжает оставаться справедливой³⁴.

Любая классификация, в том числе и классификация лингвистических объектов, основывается на определенных свойствах, общих для объектов данного класса. Лингвистическая классификация способствует более глубокому проникновению в суть изучаемых явлений, в частности потому, что, классифицируя, лингвист обязан эксплицитно указать, какие объекты являются сходными и в каком отно-

* Впервые опубликовано: Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

³³ Интерес современной лингвистики к проблеме построения универсальной классификации предикатов отражает, в частности, серия работ по этой тематике, опубликованная в «Известиях АН СССР» [Сер. лит. и яз., т. 39, № 4], а также связанная с нею серия статей, посвященных таксономии субъектов [Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., т. 38, № 4]. См., в частности: [Демьянков 1980; Кибрик 1980; Степанов 1979] и в особенности работу, непосредственно связанную с интересующей нас темой: [Степанов 1980].

³⁴ Ср. замечание Н. С. Авиловой [1976: 10] относительно отсутствия универсальной классификации семантических типов глаголов в русском языке.

пении, а также на основе каких признаков выделяемые классы противопоставляются друг другу. Классификация предикатов представляет собой частный случай лингвистической классификации. С какими задачами связано построение семантической типологии предикатов?

С одной стороны, это должна быть именно семантическая классификация. Она должна, в частности, принимать во внимание реальное, онтологическое сходство и различие описываемых предикатами положений вещей³⁵. Предикаты — это особые семантические сущности, их категоризация представляет собой «обобщение объективных явлений бытия» [Степанов 1980: 312, 323].

Утверждая, что в предложении (а) *Мне холодно* описывается «состояние» говорящего, а в предложениях (б) *Я мерзну* или (б') *Я замерз* — его «действие» (или что предложение (а') *Он компетентен в абстрактной живописи* описывает «свойство» субъекта, а (б») *Он разбирается в абстрактной живописи* — его «действие»), следует задаться вопросом, существуют ли какие-либо другие основания для подобной квалификации, кроме тех, что в предложениях (б) предикат выражен глаголом, а в предложениях (а) — нет.

В противном случае может оказаться, что мы имеем дело с семантически немотивированным удвоением грамматической номенклатуры, т. е. выделением квазисемантических ярлыков, полностью дублирующих соответствующие грамматические понятия³⁶.

Для Щербы, например, было «очевидно, что когда мы говорим *больной лежит на кровати* или *ягодка краснеет в траве*, мы это «лежание» и «краснение» представляем не как состояния, а как действия» [Щерба 1974: 91]. На наш взгляд, «очевидным» является скорее то, что слово «действие» употреблено здесь в особом, в высшей степени условном смысле³⁷.

³⁵ Выражение «положение вещей» мы будем употреблять в самом широком смысле: то, что может иметь место в каком-нибудь мире (ср. определение соответствующего английского термина «state of affairs»: «what can be the case in some world» в работе [Dik 1979]). Иногда в качестве обобщения всех тех «положений вещей», каждое из которых может описываться той или иной предикативной конструкцией, употребляют термины «ситуация» или «событие» (англ. event). Мы, однако, резервируем эти термины для обозначения частных типов «положений дел» (что связано со стремлением в возможно большей степени приблизить нашу терминологию к обычному словоупотреблению обычного русского языка).

³⁶ Ср. частые упреки по адресу традиционных «понятийных» определений частей речи, указывающие на их кругообразный характер.

³⁷ В соответствующих определениях «общих значений» классов, выделяемых на формальных основаниях, эта условность иногда признается в явной форме. Ср., например, следующее высказывание А. М. Пешковского: «Всякий глагол прежде всего обозначает действие. Но ведь «действовать» могут только живые существа, все же остальные предметы не «действуют», а только движутся. Живые же существа «действуют» потому, что они движутся по

С другой стороны, нельзя не согласиться с теми, кто выступает против отождествления онтологического (или когнитивного) содержания с лингвистическим значением³⁸. Первое представляет собой объект логики и может рассматриваться безотносительно к какому-либо определенному языку (ср. ельмслебовское понятие «субстанция содержания»), тогда как второе тесно связано со структурой конкретного языка (ср. понятие «форма содержания» у Ельмслева).

Критикуя тот подход к языку, согласно которому значение имеет отношение лишь к экстралингвистической реальности — фактам, ситуациям, положениям вещей в действительном мире, подход, предполагающий, что все в языке, что не может быть сведено к свойствам внешнего мира, является несущественным и несемантическим, А. Вежбицкая называет его априористическим, узким и мало проникающим в суть дела. Предметом семантики является не реальный мир, а концептуализация мира. Каждый язык располагает средствами интерпретировать одну и ту же ситуацию множеством разнообразных способов. Центральной задачей лингвистики является изучение этих средств и их функций. Говорить о том, что те или иные различия — это «всего лишь различия в концептуализации», значит забывать или не хотеть признать, что первостепенный и наиболее существенный предмет лингвистики состав-

своей воле, произвольно. И, значит, в глаголе, раз он изображает действие, должен быть еще оттенок воли, намерения. И действительно, в каждом глаголе есть и этот оттенок, только его еще труднее уловить. В таких глаголах, например, как *умер, родился, заболел, простудился, упал, ушибся* и т. д., мы едва ли заметим «намеренные» действия. Нам смешна школьная формула — *что сделал? умер*. На самом деле эта формула грамматически безупречна» [Пешковский 1956: 78—79]. Ср. формулировку новой академической грамматики: «Значение процесса свойственно всем глаголам независимо от их лексического значения. Глагол представляет как процесс (процессуальный признак) и действия (*бежать, грузить, рыть*), и состояния (*лежать, спать, страдать*), и отношения (*иметь, преобладать, принадлежать*). При определении значения глагола как части речи можно использовать понятия «процесс» и «действие». В этом случае понятие «действие» трактуется в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия «действие», когда имеется в виду различие между активным действием и пассивным состоянием) [Грамматика 1980: 582].

³⁸ См.: [Procházka, Sgall, 1976: 258]. Признание глоссоцентричности лингвистического значения не исключает, разумеется, возможности глубоких типологических совпадений (как семантических «универсалий», так и «фреквенталий»). «Вполне вероятно, что многие языки (например, языки Европы, в силу многовековых межъязыковых контактов) обнаруживают совпадение основных свойств их семантических структур, так что различия касаются скорее индивидуальных единиц, чем типов единиц» (там же). Следует иметь в виду, что морфология может представлять собой «лишь средство, национально своеобразное и исторически изменчивое, оформления универсальных черт высказывания — предложения», как напоминает Ю. С. Степанов, рассматривая отражение в языках разного строя универсального противопоставления «действия» «состоянию» (т. е. «положению» и «обладанию») [Степанов 1980: 317—318].

ляет именно концептуализация... Язык отражает мир только косвенным образом. Он отражает непосредственно нашу концептуализацию мира [Wierzbicka 1980: 49—50].

«Модный в настоящее время взгляд, согласно которому явные грамматические категории — семантически пустые и поверхностные явления, а какое бы то ни было отношение к семантике (или к лежащим в основе ментальным структурам) имеют лишь скрытые категории, представляет собой весьма парадоксальный итог замечательных поисков скрытых языковых категорий. Современная лингвистика (в особенности трансформационная грамматика) убедительно продемонстрировала реальность и значимость скрытых категорий. Но не перестаралась ли она, придя к заключению, что в большинстве случаев только скрытые категории действительно реальны? Почему языки должны быть столь извращенными и неэкономными? Почему они должны обременять говорящих сотнями явных категорий, лишенных какой бы то ни было семантической значимости? Не разумнее ли полагать, что скрытые категории функционируют в языке наряду с явными (в связи с недостаточностью последних для сложных целей человеческой коммуникации)?»

Есть весьма существенная разница между взглядом, согласно которому морфология представляет собой единственно надежную опору для проникновения в лежащую в основе структуру, и взглядом, по которому морфология вовсе не является какой бы то ни было опорой» [Wierzbicka 1980: XVII—XVIII].

Семантическая классификация предикатов должна быть связана, таким образом, с построением такой типологии описываемых ими «положений дел», в основе которой лежали бы лингвистически интересные признаки, в первую очередь — признаки, соотносимые с семантическими компонентами, обладающими грамматической релевантностью, т. е. существенными не для индивидуальных единиц, а для целых классов единиц (грамматических форм, синтаксических конструкций), существенными в том смысле, что они непременно находят то или иное языковое отражение — хотя и не обязательно формально однородное и непосредственно (скажем, морфологически) выраженное³⁹. Иначе говоря, следует стремиться к тому, чтобы каждый

³⁹ Определяя описываемые «ядерными предикатами» «элементарные семантические ситуации» как «наиболее общие типы координации понятий, лежащие в основе всех синтаксических структур языка», Т. Б. Алисова справедливо подчеркивает, что, с одной стороны, «эти предшествующие языковому выражению стандартные ассоциации понятий отражают и интерпретируют внеязыковое объективное «положение вещей», но что, с другой стороны, они сами отражаются и объективируются в простейших... синтаксических структурах, перечень которых должен явиться одновременно описанием и перечислением семантических ситуаций» [Алисова 1971: 32].

из выделяемых классов предикатов представлял собой «семантический класс» в том понимании, согласно которому последний (a meaning-class) «определяется и в синтаксических, и в семантических терминах — как набор семантических признаков, способных фигурировать в синтаксических правилах» [Lakoff 1968: 165].

Построение лингвистически интересной типологии «положений вещей» предполагает выделение ограниченного набора типовых (или ядерных) предикативных конструкций (мы будем называть их для краткости предикациями), которые состоят из имен, обозначающих сущности какого-либо мира, и предикатов, обозначающих свойства этих сущностей или отношения между ними. Ядерная предикация в целом обозначает некоторый класс положений вещей, каждое из которых определяется конкретным свойством или отношением, обозначаемым предикатом, характеризующим сущности, обозначенные именами. Положения вещей могут быть разделены на типы, в зависимости от значений, принимаемых некоторым набором различительных признаков.

2. НЕКОТОРЫЕ КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕДИКАТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

*Характер отношения к времени как наиболее общий
признак предикаций разных типов*

2.1. ВНЕВРЕМЕННОСТЬ VS. ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ

«Качества» и «явления»

Наиболее общим противопоставлением, которое делит все предикаты на две большие группы, во многих работах признается противопоставление по признаку статичности/динамичности. Соответствующие термины не всегда употребляются, однако, в одном и том же смысле.

В русских грамматиках названное противопоставление нередко представлено как самое общее различие, связанное с глагольным и неглагольным выражением соответствующих предикатов: «динамичность» (или эквивалентное динамичности значение «процессуальность») объявляется «общим значением» всех без исключения глаголов и противопоставляется «статичности» (или «нединамичности», или «статальности», или «непроцессуальности»), непосредственно связываемой с неглагольным способом выражения⁴⁰.

⁴⁰ Так, например, в Грамматике русского языка 1970 года говорится, что «глаголы по значению противопоставляются именам и наречиям как слова, называющие признак как процесс (динамический признак)», и что прилага-

В то же время в некоторых описаниях среди глаголов русского языка (а также и других славянских и неславянских языков) выделяются в качестве особого класса «статические» глаголы — такие, в частности, как *белеть(ся)*, *зеленеть*, *виднеться*, а также *лежать*, *висеть*, *сидеть* и др. (см., например: [Авилова 1976; Далеь, 1971]).

Прежде чем задаваться целью упорядочить данную ситуацию в чисто терминологическом плане, следует решить вопрос по существу.

Можно ли говорить, что различие именных и глагольных предикатов (имеющее вполне очевидные собственно грамматические основания) последовательно соотносится с семантическим противопоставлением (как бы ни характеризовать это противопоставление)? И, с другой стороны: есть ли какие-либо формальные основания для того, чтобы различать внутри русских глаголов «статический» и «динамический» классы (не обязательно именно в этих терминах), иными словами — есть ли основания говорить о грамматической (в частности — синтаксической) релевантности соответствующего смыслового признака?

Что касается первого вопроса (относительно достаточно систематической формально-смысловой конгруэнтности, характеризующей именные и глагольные предикаты), то, очевидно, есть основания ответить на него положительно. Эти основания заключаются не только в том, что с «типичным» употреблением глагольных предикатов действительно связывается представление о динамичности, а с «типичным» употреблением неглагольных предикатов — представление о статичности (стабильности) соответствующего положения вещей, но и в том, что в «нетипичных» случаях тот или другой способ грамматической репрезентации накладывает на восприятие свой отпечаток, так что и здесь обычно (хотя и не всегда) оказывается возможным говорить о сохранении соответствующего противопоставления, быть может, иногда и получающего своеобразное преломление. Ср. в этой связи свидетельство лингвиста (впрочем, далеко не рядового):

Дачи пустующие! Как мать
Старую — так же чту их.
Это ведь действие — пустовать:
Полое — не пустует.

(М. Цветаева).

Данное толкование глагола *пустовать* трудно признать вполне точным (то, что «пустует», едва ли уместно считать «действующим» в обычном смысле слова), но само наличие замеченного поэтом смыслового противопоставления между глагольным и семантически близким

тельные и наречия называют «признаки (нединамические, стальные)» [Грамматика 1970: 310].

адъективным предикатом⁴¹ сомнений не вызывает: предикат *полюй* приписывает субъекту постоянный, существенный, не подверженный изменению во времени признак, тогда как предикат *пустовать* (в нашем случае выступающий в форме *пустующие*) обозначает, скорее, признак преходящий, «случайный», присущий субъекту именно в данный момент (или период) времени⁴².

Значение глагола *пустовать* отличается сходным образом и от однокоренного прилагательного *пустой* (хотя смысловое расстояние между ними меньше, чем между *пустовать* и *полюй*). Ср. употребление глагольной лексемы *пустовать* в только что цитированных строчках с употреблением адъективной лексемы *пустой* в другом стихотворении того же поэта: *Всяк храм мне чужд, всяк дом мне пуст, И все равно, и все едино...*

Если обратить внимание на то, что противопоставление между существенностью, «эссенциальностью», и случайностью, «акциденциальностью», соответствует противопоставлению между тем, что «дано», что существует как бы независимо от времени, и тем, что происходит, случается во времени (достаточно вспомнить о родственности слов *сущее* и *существенное*, *случайное* и *случаться*, *акциденциальное* и лат. *accidens* ‘случай’, *эвентуальное* — лат. *eventus* ‘случай, событие’), то можно, кажется, сказать, что основное (наиболее общее) смысловое различие между глагольными и именными предикатами сводится к различному характеру их отношения к времени.

Существенной характеристикой адъективных и субстантивных предикатов (если говорить об их первичной функции) является относительная независимость от времени, отсутствие четких временных границ существования связи между субъектом и приписываемым ему признаком (в частности — потенциальная атемпоральность, проявляющаяся в способности к употреблению в общих суждениях), ограниченная возможность «актуализации» признака. Напротив, существенной характеристикой подавляющего большинства глаголов является способность к «актуальному» употреблению, указывающему на э п и - з о д и ч е с к и й, преходящий характер соответствующего положения вещей, его прикрепленность к конкретному временному отрезку.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что некоторые глагольные предикаты, в частности — непосредственно соотносимые с одно-

⁴¹ О том, что Цветаева имеет здесь в виду смысловое различие, связанное именно с глагольным и неглагольным выражением, свидетельствует ее характеристика предиката *пустовать* как «действия» — характеристика, несомненно, апеллирующая к освященным традицией школьно-грамматическим представлениям читателя.

⁴² Последнее предложение цитированной строфы, формально напоминающее общее суждение, на самом деле является метаязыковым высказыванием относительно смысловой несовместимости данных субъекта и предиката.

коренными адъективными предикатами (и потому представляющие особый интерес для выявления смысловых различий, связанных именно с различной грамматической репрезентацией), например, *белеть(ся)*, *краснеть(ся)*, *зеленеть*, могут функционировать только в предикациях, описывающих конкретную, «актуальную» ситуацию, в которой находится (или в которую помещает себя) говорящий:

- (1) *Прозрачный лес один темнеет, И ель сквозь иней зеленеет* (А. Пушкин);
- (2) *Белеет парус одинокий В тумане моря голубом* (М. Лермонтов);
- (3) *Светлое осеннее небо весело синело над темно-бурой грядой обнаженных лип* (И. Тургенев)⁴³.

Способностью к преимущественно актуальному («негенерическому») употреблению (скорее, чем динамичностью) отличаются от именных предикатов и такие (очевидно, справедливо относимые к «статическим») глаголы, как, например, *стоять*⁴⁴, *сидеть*, *лежать*, *висеть*, *находить(ся)*, *быть* (где-либо).

Так, и предложение (4), приписывающее постоянный, не связанный со временем признак конкретному объекту, и предложение (5), устанавливающее концептуальную связь между двумя свойствами («быть горой») и («быть высоким»), отличаются от предложения (6), описывающего конкретную, актуальную, т. е. непосредственно наблюдаемую в определенный отрезок времени ситуацию:

- (4) *Дом, в котором мы жили до войны, был очень высокий, а мы жили на самом верхнем этаже;*
- (5) *Чем отличаются горы от холмов? — Тем, что горы высокие, а холмы могут быть и совсем низкими;*
- (6) *Вокруг высились горы.*

⁴³ Предикации с глаголами типа *белеть(ся)* обладают рядом особенностей, связанных, в частности, с актуальным членением. Предикативное сочетание именной и глагольной групп представляет собой часто нечленимую рему. Предложения, подобные (1) и (2), описывают конкретные «сцены» или фрагменты действительности, характеризующиеся присутствием называемых предметов (само же наличие выраженного глаголом свойства «быть белым» и т. п. находится как бы в презумпции). Большинство предикатов рассматриваемого типа сходно с предикатами «наличия и местоположения».

⁴⁴ Глагол *стоять* как элемент именного сказуемого употребляется как полувспомогательный глагол, основная функция которого, — по-видимому, как раз и состоит в «актуализации» соответствующего признака, отнесении его к конкретной, локализованной во времени ситуации. Ср.: *Зима в этих краях холодная, а лето жаркое* и *Зима на сорок пятый, последний военный год, в этих краях простояла сиротская* (В. Распутин); *Утренники в этих краях холодные* и *Утренники стояли холодные и ленивые* (Он же).

Приуроченность к определенному временному отрезку, «случайность» признака, отличает от соответствующих прилагательных или существительных, обозначающих «эссенциальные» качества, деноминативные глаголы вроде *подличать*, *малодушничать*; *свирепствовать*, *усердствовать*; *актерствовать*; *философствовать* (хотя здесь в большинстве случаев различие может быть описано и в терминах большей «действенности» глаголов по сравнению с именами).

Тот же признак с еще большим основанием может быть использован и при определении семантического соотношения членов таких пар, как *ленивый/лениться* (или *лентяйничать*), *упрямый/упрямиться*, *шалопай/шалопайничать* и т. п., не говоря уже о парах типа *драчун/драться* или *молчаливый/молчать*. Ср., например: *Отчего он все молчит? — По натуре он молчалив! Но зато как умен!* (А. Чехов); *Может, ты у нас больной? Ты не дрался в выходной* (А. Барто), но не: **Ты не был драчуном в выходной.*

Как отмечал А. М. Пешковский, «ленится — это значит „поступает нехорошо“, „дурно ведет себя“, вообще „делает что-то нехорошее, недозволенное“ (хотя в данном случае это «действие» сводится, в сущности, к ничегонеделанию). Напротив, в слове *ленив* нет никакого действия, так как оно указывает только на природное качество. Человек может быть от природы ленив, но усилием воли или под давлением необходимости работать, как вол. Про такого человека мы скажем, что он „ленив“, но что в данное время он „не ленился“. Наоборот, от природы трудолюбивый человек может разленился, и мы скажем тогда, что он „неленив“, но в данную минуту „ленится“» [Пешковский 1956. 76] (разрядка моя. — Т. Б.).

Представляется допустимым считать отмеченные смысловые различия вариантами одного и того же общего противопоставления, которое делит предикаты на два больших класса: «качества», или «свойства» (связанные преимущественно, хотя, как будет видно из дальнейшего, не исключительно, с именным способом выражения), и «явления» (связанные, хотя тоже не исключительно, с глагольным выражением).

«Качества» представляют собой относительно независимую от течения времени характеристику предмета и в то же время характеризуют сам мир, для которого истинна соответствующая предикация. Напротив, «явления» (проявления) описывают только некоторый момент или отрезок существования объекта, характеризуя при этом скорее лишь определенное (преходящее) «состояние мира».

Возвращаясь к терминологической стороне вопроса, заметим, что некоторые экспликации понятий статичности/динамичности⁴⁵ наво-

⁴⁵ Как предложения, сообщающие «о признаке постоянном, неизменном, с обобщенным, а не актуальным значением времени», трактуются «предложения статического класса» Г. А. Золотовой [1973: 246]. Т. Б. Алисова [1971] толкует признак «статичности» как «неограниченность во времени».

дят на мысль о том, что различие между «качествами» и «явлениями» могло бы быть описано именно в этих терминах. В самом деле, отвлеченность от времени, характерная для предикатов «качества», имплицитно статичность соответствующего положения вещей. Что же касается тех классов «явлений», которые воспринимаются как, во всяком случае, не «типично динамические» (*белеть(ся)*, *лежать* и т. п.), то случайный, преходящий характер соответствующих ситуаций, связанный с представлением о том, что с течением времени они должны быть заменены другими ситуациями, можно было бы с известной долей условности отождествлять с «динамичностью»⁴⁶. Однако предикаты типа *белеть(ся)* отличаются не только от предикатов «качества» (*снег бел*), но и от предикатов типа (*побелеть* 'становиться (стать) белым или белее', описывающих изменение, происходящие или произошедшие в конкретный период или момент времени.

Представляется естественным использовать признак статичности/динамичности именно для различения таких предикатов, как *белеть(ся)* — (*по*)*белеть*, а также таких, как *сидеть* — *сидеться/сесть*, *лежать* — *ложиться/лечь*, *стоять* — *вставать/встать* или *быть пьяным* — *опьянеть*, *быть трезвым* — *отрезветь* и под. (первые члены двух последних пар мы относим к классу «явлений», см. ниже, § 3). Сопоставление предикаций типа *Снег бел* (качество). — *Еще в полях белеет снег* (статическое явление, «проявление»). — *Смотри, пятно на глазах белеет* (динамическое явление, «процесс») или типа *Он — пьяница* (качество). — *Он пьян* (статическое явление, «состояние»). — *Он на глазах пьянел* (динамическое явление, «процесс») показывает, что признак статичности/динамичности и признак, лежащий в основе противопоставления «качеств» «явлениям», являются взаимно независимыми. Последний мы будем называть признаком непосредственной связанности со временем (об отрицательном значении этого признака мы будем также говорить как о «нелокализованности во времени», «вневременности», «временной неограниченности»⁴⁷, «постоянности», а о положительном — как о «временной локализованности», «временной ограниченности», «эпизодичности» или «актуализованности»)⁴⁸.

⁴⁶ Именно так трактовалось это понятие в работе [Булыгина 1980] (см. главу I.1.1).

⁴⁷ Термин «временная неограниченность» представляется удачным в том отношении, что ассоциируется с термином «пространственная неограниченность», употреблявшимся (например, А. И. Томсоном) по отношению к вещественным (т. е. неисчисляемым) существительным. Противопоставление временной неограниченности/ограниченности в сфере предикатных слов во многом сходно с противопоставлением пространственной неограниченности/ограниченности (т. е. «вещественности»/«предметности») в сфере существительных: для тех и других существительным является признак «неквантифицируемости» (см. ниже).

⁴⁸ Эти терминологические излишества связаны с тем, что едва ли не каждый из тех терминов, которые казались наиболее «подходящими», уже упот-

Под локализованными во времени явлениями мы будем понимать события и процессы, представленные как конкретные, реально происходящие (происходившие, произошедшие) в некоторый момент или период времени, а также ситуации и состояния, относящиеся к конкретному временному отрезку. Такое терминопотребление в общем соответствует аспектологической традиции, с тем отличием, что предикациям, описывающим реальные события, повторявшиеся неопределенное число раз (вроде *Каждый раз, когда я открывал дверь, я замечал...*) мы считаем целесообразным приписывать значение временной локализованности, хотя и неопределенной (ср. [Бондарко 1971: 6], где этот пример, имеющий, как пишет автор, значение «абстрактности, неопределенности положения действия во времени», иллюстрирует значение временной н е л о к а л и з о в а н н о с т и).

В полном согласии с аспектологической традицией мы трактуем события, выраженные глаголами совершенного вида (в так называемом конкретно-фактическом значении), как локализованные во времени независимо от способности соответствующих форм сочетаться с темпоральными выражениями, указывающими на точную (точечную) дату события⁴⁹.

Мы будем считать основополагающим деление на «качества» и «явления», выделяя уже среди этих последних статические и динамические явления (что касается «качеств», то значение статичности присуще им всем). Это решение, рассматривающее наличие/отсут-

реблялся в литературе не совсем в том значении, которое имеется в виду здесь. Мы надеемся, что термины, используемые здесь как равнозначные, будут взаимно уточнять подразумеваемое значение. Отметим еще близость вводимого здесь признака к тому «онтологическому параметру», по отношению к которому Э. Кошмидер употреблял трудно переводимое название «die ontologische Dimension der Verzeitung» (об этом параметре см., например, [Общее языкознание 1970: 146]).

⁴⁹ Несколько иначе использует понятие «временной локализованности» О. Н. Селиверстова [1982], обратившая внимание на неупотребительность предложений вроде: *В эту минуту (в пять часов) я вымыла посуду*, — и на этом основании считающая соответствующие предикаты нелокализованными во времени. Действительно, постепенность осуществления событий, обозначаемых предикатными выражениями типа *вымыть посуду*, в значении которых как бы сохраняется воспоминание о пруществующем п р о ц е с с е (см. ниже, § 4 наст. главы), может вызывать ощущение неуместности точной (точечной) датировки события (в особенности в случае событий, описываемых такими предикатами, как *построить дом и под.*; ср. большую приемлемость таких предложений, как, скажем, *В пять часов она вымыла руки и села обедать*). Для предикатов «постепенного осуществления», к которым относятся выражения *вымыть посуду, построить дом и под.*, вообще говоря, характерна сочетаемость с «обстоятельствами срока», а не с точечными показателями времени: *В одну минуту я вымыла посуду; Дом построили за два года*. Но такая сочетаемость также свидетельствует о временной локализованности соответствующих событий.

ствии временной связанности как более общий признак по сравнению с признаком, указывающим на характер этой связанности, кажется естественным с логической точки зрения. К тому же оно объясняется тем, что факты, находившиеся в поле нашего зрения, свидетельствуют об относительно меньшей существенности признака статичности/динамичности по сравнению с признаком временной связанности. Последний проявляется в ряде особенностей темпорально-аспектуальных (в широком смысле) свойств соответствующих предикатов, а также имеет отношение к свойствам, характеризующим денотативный статус (тип референции) окружающих его имен (мы остановимся на этих особенностях в последующем изложении).

Впрочем, описание некоторых фактов русского языка требует обращения и к признаку статичности/динамичности. Из нетривиальных⁵⁰ фактов такого рода отметим особенности синтаксического поведения глаголов положения в пространстве (которым мы приписываем значение «статичности»), а именно то, что в сочинительных конструкциях эти глаголы всегда предшествуют «динамическим» глаголам (наблюдение Миллера — см. [Miller 1970]). Ср., например: *Я часов до трех сидел и считал свои деньги* (Ф. Достоевский), но не: **Я считал свои деньги и сидел; M-lle Blanche между тем сидела на постели и тараторила* (Ф. Достоевский), не: **...тараторила и сидела; На берегу пустынных волн Стоял он дум, великих полн, И вдаль глядел* (А. Пушкин), ср.: **Он смотрел вдаль и стоял на берегу*.

Признак дуративности, характеризующий способ протекания во времени, делит динамические явления на длящиеся и не длящиеся, т. е. на «процессы» и «события» (статические положения вещей все характеризуются положительным значением этого признака). Это противопоставление существенно для русской грамматики, оно находится в достаточно систематическом (хотя и далеко не абсолютном) соответствии с различием несовершенного и совершенного вида.

В зависимости от того, приводит ли естественное течение процесса к определенному результату, различаются «бесперспективные («гомогенные») процессы» и «развивающиеся процессы». Соответственно различаются события, предполагающие и не предполагающие предшествующий «развивающийся процесс». Первые называются «завершениями», вторые — «происшествиями».

⁵⁰ К «тривиальным» мы относим те свойства, которые непосредственно вытекают из определения понятия «статичности», например, несочетаемость статических предикатов с такими наречиями, как *поспешно, медленно, быстро, внезапно, вдруг, неожиданно* и т. п.: *Солнце медленно садится за горизонт; Он стремительно встал; Он внезапно вставал и уходил; Садитесь быстро за стол; Моментально ложись в постель; Быстро темнело (смеркалось), но не: *Он медленно лежит; *Он внезапно стоит; *Моментально лежи в постели; *Быстро сидите за столом; *На востоке быстро алела заря* и т. д.

Кроме этих признаков, учитывающих характер временной отнесенности, выделяется также признак «контролируемости», имеющий в виду роль субъекта в определении того, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей. Контролируемые положения вещей представляют собой подтипы соответствующих типов, выделяемых по характеру отношения к времени. Так, все контролируемые явления называются «действиями», контролируемые процессы — «деятельностью», контролируемые события — «поступками» или «актами».

Специально подчеркнем независимость признаков «статичность/динамичность» и «контролируемость/неконтролируемость» (часто не различаемых). Например, явления, описываемые такими предикациями, как *Светает; Рассвело; Мороженое быстро таяло; Мороженое растаяло* и т. п., относятся в нашей классификации к типу неконтролируемых динамических явлений (неконтролируемых процессов или событий). Контролируемые статические явления могут описываться, например, такими предикациями, как *Он стоит у окна; Он неподвижно сидел; Он лежит в гамаке* (мы называем этот подтип «положения в пространстве» «позициями», вслед за Диком [Dik 1979]), а также и такими, как *Он был груб с нею; Его спрашивали об этом, но он был нем (оставался безмолвным)*⁵¹.

Отметим еще раз, что принятое здесь первичное разграничение на «качества» и «явления» связано с представлением об относительно большей существенности (по крайней мере для русского языка) признаков, объединяющих разные классы «явлений» и отличающих их от «качеств», по сравнению с признаками, объединяющими, скажем, статические положения вещей и отличающие их от динамических. В других языках ситуация может быть, разумеется, иной. Так, в английском языке привязанность к определенной локализованной во времени ситуации как признак, характеризующий лексические типы предикатных выражений, по-видимому, обладает меньшей грамматической значимостью по сравнению с признаком «стативности» (трактуемым иногда как синтаксический коррелят семантической активности субъекта [Lakoff 1966], иногда — как коррелят онтологической статичности соответствующего положения вещей [Lyons, 1977]). С последним признаком непосредственно связывается невозможность употребления предикатного выражения в форме Continuous. Эта невозможность характеризует как

⁵¹ Свойство контролируемости достаточно удовлетворительно, на наш взгляд, объясняет те особенности поведения глаголов *стоять, сидеть, лежать* (с одушевленным субъектом), которые побуждают О. Н. Селиверстову [1982] трактовать соответствующие предикаты как «динамические». Такая трактовка (основанная на определении динамических ситуаций в терминах «энергии, необходимой для их поддержания» [ср.: Comrie 1976]) не дает, однако, возможности различить глаголы *сидеть* и *сидиться/сесть, лежать* и *ложиться/лечь, стоять* и *вставать/встать*.

предикаты типа *to be tall* 'быть высокого роста' (соответствующие предикаты русского языка относятся в нашей классификации к «качествам»), так и предикаты типа *to be ill* 'быть больным (в определенный отрезок времени)', *to be awake* 'быть в состоянии бодрствования', *to be drunk* 'быть пьяным' (приблизительно соответствующие предикаты русского языка отнесены в нашей классификации к «состояниям», т. е. к подтипу «явлений» — см. ниже). Именно на этом (в первую очередь) основании как те, так и другие предикаты относят к классу «стативов» [Lakoff 1966 и др.] или «состояний» [Vendler 1967; Kenny 1963 и др.]. Что касается признака, лежащего в основе нашего противопоставления «качеств» «явлениям», то он в классификации предикатных выражений обычно не учитывается. Преимущественное внимание, которое мы в дальнейшем уделяем особенностям, отражающим соответствующее различие, связано, в частности, именно с этим обстоятельством.

2.2. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ГРАНИЦ МЕЖДУ РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРЕДИКАТОВ

Частичная грамматикализация или лексикализация соответствующих смысловых противопоставлений.

Связь характера временной отнесенности с референциальным статусом аргументов

Корреляция различия между постоянным («эссенциальным») свойством и преходящим, актуальным (отнесенным к конкретному времени) «явлением» с различием между именным и глагольным выражением соответствующих предикатов проводится в русском языке с достаточно высокой, но отнюдь не абсолютной степенью последовательности (два наиболее важных класса предикатов, нарушающих эту корреляцию, — именные предикаты состояния и «характеризующие» глагольные предикаты — специально рассматриваются ниже в §§ 3 и 4). Это семантическое противопоставление может наблюдаться и внутри одной части речи. При этом оно может быть грамматикализовано (т. е. соотноситься с различными грамматическими характеристиками соответствующих предикаций) или лексикализовано (т. е. связано с различными лексемами) или же может определяться контекстуальными либо прагматическими факторами.

Так, многие качественные прилагательные могут участвовать в предикациях, приписывающих субъекту (обычно лицу) как постоянные свойства, так и приуроченные к конкретному временному отрезку «проявления». Ср., например: *Вы от природы человек холодный... с душой, неспособной к волнениям* (И. Гончаров) и *Он был довольно холоден с ней и в разговоре* (Он же) (оба примера из СУ).

Временность, прикрепленность к определенной ситуации связана с одним из типов обособления прилагательных. Ср. несколько характерных примеров из «Евгения Онегина»:

На встречу бедного певца
 Прыгнула Оленька с крыльца,
 Подобна ветреной надежде,
 Резва, беспечна, весела,
 Ну точно та же, как была.

Но обращаюсь к нашей даме.
 Беспечной прелестью мила,
 Она сидела у стола
 С блестящей Ниной Воронскою...

Княгиня перед ним, одна,
 Сидит, не убрана, бледна,
 Письмо какое-то читает
 И тихо слезы льет рекой,
 Опершись на руку щекой⁵².

К числу способов выражения, обычно связанных с «актуальным» прочтением предикации (как сообщения о конкретном проявлении какого-либо свойства), можно отнести транзитивизацию прилагательного, т. е. включение в состав предикации еще одного (кроме «носителя») партиципанта ситуации: *Он был очень мил, чрезвычайно нежен с Наташей и даже развеселился с моим приходом* (Ф. Достоевский); *Я графа видела в монастыре. Насколько позволяло мне приличие, Я с ним была любезна и тепла* (В. Шекспир, Ромео и Джульетта, пер. Б. Пастернака). Следует, впрочем, отметить, что, если в качестве второго актанта фигурирует имя с неспецифической (неконкретной) референцией, прилагательное обозначает обычное свойство, не приуроченное к конкретному времени: *У нас в роду все решительно холодны к мужьям: больше все думают о нарядах* (А. Островский) (последний пример из МАС).

В примерах, подобных вышеприведенным, прилагательные сближаются по типу употребления с глаголами (в частности — с переходными). Факт известного «оглаголивания» прилагательных, участвующих в рассматриваемых предикациях, подтверждается возможностью

⁵² Такое, близкое к деепричастному значение может выражаться и полными формами прилагательных, например: *Я пошла спать, счастливая от мысли, что завтра, будет хорошая погода* (Л. Толстой). Ср. приводимые В. В. Виноградовым примеры: *Довольный праздничным обедом, сосед стоит перед соседом* (А. Пушкин); *Ласково переругиваясь, веселые, с улыбками на потных лицах, мужики подходили к нему и тесно окружали его* (М. Горький), — которыми он иллюстрирует возможность того, что «даже качественные определения, выраженные прилагательными, приобретают „обстоятельный оттенок“, обозначая иногда «не столько признак предмета, сколько его состояние, которым сопровождается действие». В примерах такого рода, как замечает автор, «обстоятельное определение в известной степени эквивалентно деепричастию при глаголе» [Виноградов 1975: 281].

употребления прилагательных в неопределенно-личных предложениях с «нулевым подлежащим»⁵³. *Я позвонил по телефону. Со мной были вежливы, но холодны; В поликлинике к нему очень внимательны; Боюсь, что в детстве с ним были слишком мягки; Если с ребенком слишком суровы, он и сам вырастает неласковым.*

Семантические различия, которые можно считать вариациями противопоставления по признаку постоянности/временности, как известно, коррелируют с грамматическим различием между полной и краткой формой в сфере прилагательных и с противопоставлением именительный падеж/творительный падеж у существительных, выступающих в предикативной функции. В обоих случаях грамматикализация соответствующих семантических различий (не тождественных в том и другом типах противопоставления) носит относительный характер⁵⁴. Наличие формально-смысловой корреляции между предикациями типа *Этот мальчик здоровый. — Этот мальчик здоров; Он веселый. — Он весел* связано с довольно узким кругом прилагательных. Во многих случаях различие между краткой и полной формой прилагательного асемантично, для некоторых прилагательных соответствующая категория является классифицирующей, а не словоизменительной, причем принадлежность прилагательного только к одному классу не предсказывает со стопроцентной вероятностью определенного значения рассматриваемого признака. Так, например «только краткое» прилагательное *горазд* совместимо по смыслу лишь с предикациями, приписывающими лицу постоянный, не приуроченный к конкретному времени признак (*Он горазд на выдумки; Отъявленный мошенник, плут: Антон Антонович Загорецкий. При нем остерегись: переносить горазд, И в карты не садись: продаст [А. Грибоедов]*)⁵⁵, в отличие от, скажем, «только краткого» *рад*, обладающего противоположными свойствами.

Лексикализация рассматриваемого противопоставления наблюдается также в тех случаях, когда разными лексемами, специализирующимися (независимо от полноты/краткости) на том или другом типе употребления, выражаются родственные значения.

Таковы, например, предикаты (*не*) *расположен(ный)*, (*не*) *склонен (склонный)*, (*не*) *создан*, (*не*) *чужд*. Первый склонен употреблять-

⁵³ Подробнее неопределенно-личные предложения с «нулевым подлежащим» рассматриваются в главе IV.2.

⁵⁴ Ср., впрочем, исследование А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980] о творительном падеже. Некоторые соображения о смысловом противопоставлении именительного предикативного творительному высказываются в [Селиверстова 1982].

⁵⁵ Грамматически это проявляется, в частности, в том, что субстантивное дополнение прилагательного *горазд* (выраженное обычно отглагольным существительным) выступает в форме множественного числа, а его инфинитивное дополнение — в форме несовершенного вида.

ся преимущественно в предикациях, описывающих конкретные, локализованные во времени ситуации (*В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению* [А. Пушкин]; *У меня теперь такое настроение, что я совершенно не расположена заниматься денежными делами* [А. Чехов])⁵⁶; предикаты *создан* и *чужд*, напротив, созданы для участия в предикациях, характеризующих лицо с точки зрения его постоянных свойств (*Но я не создан для блаженства, Ему чужда душа моя* [А. Пушкин]), тогда как предикату *склонен* (*склонный*) не чужды оба типа употребления (*Я по своей натуре более склонен к оптимизму* [М. Булгаков]; *Мы склонны идеализировать тех, кого любим*, — и, с другой стороны: *Николай I не был склонен принять предложение Чернышева* [Л. Толстой]).

Любопытно, что в предлагаемых словарями толкованиях предикат *расположенный* толкуется через *склонный* (*расположенный* 'склонный к чему-либо, имеющий желание что-либо сделать', по МАС), а толкование предиката *склонный* (в первом, неактуальном значении) отсылает в конечном счете к предикату *расположенность* (*склонный*, по МАС, 'имеющий склонность к чему-либо,' а *склонность* 'расположенность к какой-либо деятельности, занятиям'). Взаимные отсылки такого рода свидетельствуют о семантической близости данных предикатов, но не раскрывают явным образом их различия в отношении рассматриваемого признака. Однако имплицитно это различие все-таки выражено различием в формулировках, относящихся ко второй (объектной) валентности предикатов. Так, «что-либо сделать», фигурирующее в толковании прилагательного *расположенный*, предполагает приуроченное к конкретному моменту настроение субъекта, тогда как объект «какая-либо деятельность, занятия» скорое согласуется с представлением о постоянных вкусах субъекта.

Примером выражения разными лексемами различия по параметру актуализованности/неактуализованности признака могут служить также прилагательные *безмолвный* и *молчаливый*. Прилагательное *безмолвный* употребляется исключительно для приписывания лицу (мы отвлекаемся здесь от случаев метафорического употребления, когда носителем признака является не-лицо) реализованного в определенный момент времени признака (часто сопровождающего другое событие), тогда как прилагательное *молчаливый* преимущественно используется для общей характеристики лица (для предикцирования ему склонности «быть безмолвным»). Ср.: *Но кто это в толпе избранной Стоит безмолвный и туманный? и Дика, печальна, молчалива. Как лань лесная боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой*⁵⁷. Ср. прилагатель-

⁵⁶Примеры другого типа употребления (*расположен к полноте; к простуде; к ангинам*) редки и носят полуфразеологизованный характер.

⁵⁷ Ср., впрочем: *Скажите: вашу душу Какое чувство овладеет, Когда недвижим, на земле Пред вами с смертью на челе, Он постепенно костене-*

ное *немой/нем*, демонстрирующее частичную грамматикализацию рассматриваемого различия. Так, в сказуемом и «полусказуемом» употреблении краткая форма выражает значение, близкое к значению предиката *быть безмолвным* (тогда как полная означает ‘лишенный дара речи, способности говорить’): *В дверях другой диктатор бальный Стоял картинкою журнальной, Румян, как вербный херувим, Затянут, нем и недвижим* (А. Пушкин).

Неоднородны в рассматриваемом отношении и субстантивные предикаты, в частности — существительные, выступающие в роли сказуемого. В целом верно, что в русском языке «существительное в функции предиката обозначает только постоянное свойство субъекта» [Арутюнова 1980: 162]. Однако такие существительные, как, например, *убийца, автор, дезертир, беглец, спаситель, свидетель, победитель, оппонент, зритель* и т. п., т. е. существительные так называемого перфективного типа (в смысле работы [Wierzbicka 1965]), все же могут, выступая в функции сказуемого, иметь в виду единичный, конкретный, локализованный во времени акт. Ср., например: *Ты царевич, мой спаситель Мой могучий избавитель* (А. Пушкин); *Таль был победителем международного шахматного турнира в 1965 году; Сегодня я был свидетелем⁵⁸ безобразной сцены; Он был свидетель умиленный Ее младенческих забав* (А. Пушкин). Впрочем, предикации такого типа достаточно редки: обычно существительные в позиции сказуемого действительно обозначают постоянное свойство субъекта.

Предикатные существительные вроде *красавец, мудрец, дурак* и т. п. еще в меньшей степени, чем прилагательные, способны фигурировать в контекстах, побуждающих интерпретировать соответствующие свойства как преходящие, исчезающие и создающиеся вновь.

Ср., например, сопряжение предикатов (*быть*) *дураком* (так же как и (*быть*) *умнее*) с дистрибутивными темпоральными выражениями *по вторникам, по средам, в четверг* в словах Федьки Каторжного из «Бесов» Достоевского: *У того коли сказано про человека: подлец, так уж кроме подльца он про него ничего и не ведает. Али сказано — дурак, так уж кроме дурака у него тому человеку и званья нет. А я, может, но вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его*. Несмотря на полемический характер реплики, т. е. на контекстуальную заданность, оправдывающую соответствующий способ выражения, последний все же воспринимается как несколько необычный⁵⁹.

ет, Когда он глух и молчалив На ваш отчаянный призыв? Подобный тип употребления приближает предикат *быть молчаливым* к *быть безмолвным*. Однако этот пример воспринимается как отклоняющийся от современной нормы.

⁵⁸ Ср. предикат *зритель*, который, в отличие от предиката *свидетель*, способен иметь как актуальное, так и узуальное значение: *И по одной значительной причине Я только зритель в этом магазине* (М. Лермонтов).

⁵⁹ Говоря о том, что «Достоевского волнуют и интересуют парадоксы психики, непредвиденное в поведении человека», акад. Д. С. Лихачев приводит

Приуроченность к конкретному, временному отрезку или постоянный характер связи признака с его «носителем», естественно, зависит от денотативного статуса (характера референции) окружающих его имен⁶⁰. Если, например, имя, выступающее в позиции субъекта, употреблено нереферентно или его референтом является класс объектов, то исключается «актуальное» прочтение предиката. Существует и обратная зависимость, когда тип предиката имплицитно референтное или нереферентное прочтение субъектного или объектного термина. Например, такие ингерентно «классифицирующие» именные предикаты, как *хищный (хищник)*, *млекопитающее*, *травоядное*, а также и такие, как *дефицитный (быть в дефиците)*, *широко распространенный*, *редкостный*, *часто встречающийся*, *раритет*, *быть в моде* (об одежде), могут сочетаться лишь с «родовыми» субъектами.

Противоположными свойствами обладают «только актуальные» предикаты типа *навеселе*, *голоден*, *пьян*, *в отчаянье*, *в истерике*, *морозно* и т. п., которые будут более подробно рассмотрены в § 3.

«Актуальное» употребление предиката и нереферентность имен взаимно несовместимы, но «неактуальность» (временная нелокализованность) не исключает референтности имени. Так, например, глагол *любить* (который в большинстве его значений мы относим к «неактуальным», «вневременным») может сочетаться с референтно употребленным названием лица в позиции объекта, но требует нереферентности имени, обозначающего неодушевленный объект. Первое свойство противопоставляет предикат *любить* предикату *любить* (ср.: *Я люблю Володю*, но: **Она любителница Володи*), второе — предикату *нравиться*, способному сочетаться с названием объекта соответствующей эмоции, употребленным как референтно, так и нереферентно (ср.: *Мне нравится/понравилась ее сегодняшняя прическа*, но: **Я люблю/любил ее сегодняшнюю прическу*).

Для большинства глагольных предикатов признак «актуальности/неактуальности» является «флективным» (в смысле работы [Булыгина 1980]), но для некоторых глаголов он является фиксированным, неизменным. Так, к «только актуальным», помимо упомянутых выше глаголов вроде *белеться*, *виднеться*, относятся, например, глаголы *разглагольствовать*, *философствовать* (ср.: **Гегель жил и философствовал в XIX веке*), а также такие «изобразительные» (связанные с непосредственной наблюдаемостью соответствующей ситуации) глаголы, как *реять* (*Над седой равниной моря гордо реет буреветник*; невозможно общее суждение **Буреветники реют*) или *уп-*

данный пример как иллюстрацию свободы Достоевского «от элементарной бытовой логики» [Лихачев 1981: 92].

⁶⁰ См. об этом в главе I.1.1, где высказывалось в данной связи предположение о существовании «суперкатегории» «пространственно-временной локализованности», действующей как в сфере имен, так и в сфере предикатов.

летать. Последний глагол противопоставлен, в частности, именно по признаку «актуальности/неактуальности», такому глаголу, как *питаться*, всегда обозначающему ситуацию, не локализованную во времени (о глаголах этого типа см. § 4.1).

3. «СОСТОЯНИЯ» КАК ОСОБЫЙ КЛАСС «ЯВЛЕНИЙ»

К предикатам рассматриваемой здесь группы относятся морфологически различные образования, объединяемые некоторыми общими семантико-синтаксическими особенностями, например: *X болен, здоров, сыт, голоден, пьян, трезв, рад; X в истерике, в отчаянье, навеселе, начеку, не в духе; X-у тошно, весело, грустно, скучно, жарко; X-у не спится, (хорошо) работается, (легко) дышится; X раздражен, возмущен, влюблен; (на дворе) холодно, ветрено, сыро, — и др.* Эта группа лишь частично совпадает с теми (достаточно разнородными) словами, которые некоторые исследователи русской грамматики были склонны, вслед за Л. В. Щербой, выделять в качестве особой категории — «категории состояния»⁶¹. Это несовпадение вполне естественно, если вспомнить, что обсуждения самостоятельности «категории состояния» проходили под знаком выяснения ее статуса в качестве особой части речи, так что усилия грамматистов были направлены, в первую очередь, на выделение формальных особенностей соответствующей группы слов (отсюда другие названия этого класса слов и его подклассов: «безличные предикативы», «предикативные наречия»; «краткие прилагательные, не имеющие соотносительных полных форм», «несогласуемые прилагательные» и др.).

Собственно, само выдвижение особой «категории состояния» первоначально мотивировалось тем, что в русском языке «есть ряд слов, подведение которых под какую-либо категорию затруднительно» ([Щерба 1974: 89]; под «категорией» имелась в виду «часть речи»). Однако примеры тех слов и выражений, которые Щерба считал воз-

⁶¹ Не включаемые в «категорию состояния» многие образования, которые мы относим к рассматриваемой группе предикатов, тем не менее определялись семантически как «состояния». Так, относя некоторые предложно-падежные образования (вроде *в духе, не в духе, не в себе, вне себя, в памяти, в сознании, настороже*) к наречиям, В. В. Виноградов связывал переход падежных конструкций существительных в наречия «с развитием особых грамматических форм для выражения специальных оттенков качественного состояния», «для обозначения пребывания в каком-нибудь состоянии, положении [Виноградов 1947: 356]. Он же обращал внимание на «сближение кратких прилагательных и причастий с категорией состояния» [с. 402, 405], на «тесную связь между категорией состояния и разрядами качественно-обстоятельственных наречий, выражающих характер, образ действия и состояние» [с. 416], на «процесс обеспредмечивания имен существительных и пути движения их в категорию состояния» [с. 417].

возможным отнести к «категории состояния», свидетельствуют о том, что он имел в виду скорее именно их семантико-синтаксическое, чем морфологическое или поверхностно-синтаксическое своеобразие. Так, например, предикатное выражение *в сюртуке*, отнесенное Щербой к рассматриваемой категории, едва ли представляет какие-либо затруднения в плане морфологического (да и поверхностно-синтаксического) анализа. Но это выражение сходно с другими, приводимыми Щербой в том же ряду (*быть навеселе, наготове, настороже, замужем, начеку, без памяти, без чувств*), тем, что оно не употребляется в классифицирующей функции, не может относиться к «родовому» субъекту. (Показательно, что в последующих, более «формально ориентированных» описаниях, предикаты данного типа в «категорию состояния» не включались и обычно вообще не описывались.) Той же семантической особенностью отличаются предикаты *мал* и *велик* (*Сапоги малы мне = Эти сапоги — слишком маленькие для меня; Палка велика для меня = Эта палка для меня слишком большая*), которые впоследствии иногда относили к «категории состояния» (или к прилагательным, «близким к категории состояния») на том основании, что их значение не тождественно значению соответствующих полных прилагательных *малый* и *великий*. Однако в принципе ничто не мешало бы тому, чтобы считать данные краткие прилагательные супплетивными формами других (тождественных по значению) прилагательных, а именно (*слишком*) *маленький* и (*слишком*) *большой* — отношение между ними не отличается от отношения между, скажем, предикативным *хорош (собой)* и атрибутивным *красивый*. Примечательно, однако, что *хорош (собой)* Щерба среди слов «категории состояния» не перечисляет, что, как мы полагаем, вполне оправдано, так как это прилагательное обычно выполняет характеризующую, классифицирующую функцию, а не описывает одно из «состояний» (т. е. «стадий существования») субъекта (ср. возможность общих суждений: *армянские девушки хороши собой*).

По семантико-синтаксическому, а не формальному, критерию выделяется и группа предикатов типа *нам было весело, на дворе холодно, в комнате было светло*, хотя в эксплицитной форме Щерба аргументирует отнесение этих предикатов к «категории состояния», ссылаясь на их поверхностно-синтаксические особенности, а именно на то, что формы *холодно, светло, весело* в данном типе употребления не могут считаться ни наречиями, ни формой среднего рода единственного числа прилагательных, «так как прилагательные относятся к существительным, а здесь этих последних нет, ни явных, ни подразумеваемых» [Щерба 1974: 90]. Этот аргумент повторялся и другими исследователями, указывавшими в данной связи на согласуемость прилагательного с существительным-субъектом как на главную характеристику этой части речи. Едва ли, однако, этот аргумент имеет силу: ведь и глаголы характеризуются тем, что согласуются (по лицу, числу, а

также роду в прошедшем времени) со своим субъектом, что не мешает признанию форм типа *смеркалось, рассветало, (его) знобило* именно глаголами.

Как бы то ни было, «формальная» аргументация выделения «категории состояния» привела к совершенно не оправданному расширению этой категории (по сравнению с первоначальным замыслом Щербы), в частности — к отождествлению «категории состояния» со всеми «безличными предикативами» («слова на -о», как они часто назывались), например, к трактовке прилагательных *интересно, вредно, полезно* как слов «категории состояния» в употреблении типа:

- (7) *Играть в шахматы интересно;*
- (8) *Заниматься йогой полезно для тела и духа;*
- (9) *Детям вредно пить вино;*
- (10) *Кататься на лыжах здорово*

и т. п. Очевидно, что такая интерпретация не адекватна ни с семантико-синтаксической, ни с формально-синтаксической точки зрения (в связи с последним см., например: [Буланин, 1976: 178—179]). Что касается семантико-синтаксической характеристики, то предикаты типа *вредно, полезно* и т. п. обладают как раз противоположным признаком по сравнению с тем, который представляется нам одним из наиболее существенных признаков предикатов состояния: они нормально не сочетаются с термами в конкретно-референтном употреблении, а, напротив, имеют в виду родовые особенности своего субъекта. Так, предикат *вредно* в примере (9) относит занятие *пить вино* (в общем смысле) к классу вредных (для детей) занятий. Предложения вроде *Это вино вредно для моей печени* при более аккуратном *modus'e dicendi* должно было бы замениться правильным *Такое вино вредно для моей печени*, а при конкретно-референтном смысле «субъекта» вместо предиката *вреден* нормально должны употребляться глагольные предикаты *повредить, причинить вред* и т. п., как в пушкинском *Боюсь, брусничная вода Мне не наделала б вреда* (едва ли возможно оценить как вполне правильное предложение вроде: *Боюсь, что (эта, выпитая) брусничная вода мне вредна*).

Общей особенностью предикатов, которые мы относим к «предикатам состояния», является то, что они описывают не «свойства», а «явления». В отличие от «характеризующих» предикатов, приписывающих предмету качество, отличающее его от других предметов того же рода, или свойство, присущее предмету как представителю определенного рода, предикаты состояния описывают временные «стадии» существования предмета (лица), приписывая ему именно как индивидууму признак, актуальный для данного отрезка времени (или для нескольких временных отрезков), и в этом смысле — признак переходящий, «случайный».

Различие между постоянными «свойствами» и временными «состояниями» (наблюдаемое, в частности, между значениями некоторых полных и кратких прилагательных) формулировалось А. А. Шахматовым и В. В. Виноградовым следующим образом: «*Больна, грязны* означают признак во времени (теперь, в настоящее время), *больная, грязные* означают признак постоянный, тесно сочетающийся с субстанцией» [Шахматов 1925: 285]; «Различие между сказуемым-прилагательным в нечленной форме и членной зависит от того, что прилагательное в членной форме вызывает представление не только о наличии сочетания признака в тот или другой момент времени, но также и в том, что этот признак характеристичен для субъекта вообще» [Шахматов 1941: 190]; «Различия лексических и лексико-семантических значений и оттенков, связанных с предикативным употреблением одних и тех же прилагательных в членной и нечленной форме, очень велики. Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесенный к определенному времени. В сущности, при предикативном употреблении полных форм имен прилагательных происходит подведение тех или иных предметов под известные категории качества или признака, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц» [Виноградов 1947: 263].

Хотя содержащееся в цитированных замечаниях определение «состояний» приложимо отнюдь не ко всем кратким прилагательным⁶², а с другой стороны — не только к кратким прилагательным, предложенная характеристика очень хорошо, на наш взгляд, раскрывает специфику предикатов состояния, отличающую их от «свойств».

«Временность», случайность, неэссенциальный характер связи состояния с его субъектом проявляется, в частности, в неспособности предикатов состояния сочетаться с родовыми терминами. В предикациях

⁶² Об отсутствии данного формально-семантического параллелизма с особенной очевидностью свидетельствует прямо противоположное распределение краткой и полной форм прилагательного в «общих» и «конкретных» суждениях, отмеченное Ермаковой О. П. [1974: 223—225]. Сопоставление примеров типа *Старики ворчливы* и *Старики ворчливые* показывает, что функция «подведения предметов под известные категории качества или признака, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц» свойственна скорее краткому, чем полному прилагательному. В общих сентенциях полные прилагательные обычно не фигурируют (ср.: *Голь на выдумки хитра*, но не: **Голь на выдумки хитрая*). Ср. еще примеры, приводимые Шмелевым Д. Н. [1976: с. 122]: *Закат прекрасный* (этот, сегодня). — *Закаты прекрасны*; *Люди удивительные* (те, о которых шла речь). — *Люди удивительны* (общая сентенция); *Болото опасное* (это, то, о котором идет речь). — *Болото опасно* (вообще, всякое). Ср. замечание Ю. С. Степанова о предложениях вроде *Трава зеленая*; последнее может трактоваться и как *Трава зелена*, и как *Эта трава — зеленая трава* [Степанов 1980].

типа *X пьян, X здоров, X в отчаянье* «X» прочитывается как имя с конкретной референцией — независимо от значения переменной.

Неспособность X быть субъектом общих суждений проявляется в том, что предикаты состояния сочетаются обычно с именами идентифицирующей семантики (именами собственными, местоимениями или иными определенными дескрипциями): *Он болен, не верьте ему, он в белой горячке!*; *Катерина Ивановна была бледна, сильно утомлена и в то же время в чрезвычайно болезненном возбуждении; Рядом же, в другой комнате, лежал в горячке и беспамятстве Иван Федорович; А докторам не верьте, я в полном уме, только душе моей тяжело; И наконец, он был в таком исступлении; Председатель был очень утомлен; Сам оратор был искренне растроган; Все были так напряжены и настроены, что было не до покоя* (Ф. Достоевский); *Он пьян, — сказал князь. — Он вас очень любит. — А не стыдно тебе потом будет, что твоя невеста чуть с Рогожиным не уехала? — Это вы в лихорадке были; вы и теперь в лихорадке, как в бреду* (Ф. Достоевский).

Примечательно, однако, что и в тех случаях, когда семантико-грамматическая характеристика предикации допускает (или даже делает предпочтительной) универсальное прочтение — в частности, когда видо-временное значение предикации допускает не только актуальный, но и гномический тип связи X с признаком P, а место X замещает при этом имя предикатной семантики (без указательного местоимения) или существительное множественного числа (склонное вообще быть названием класса объектов), — даже и в этих случаях предикации типа *X трезв, X в истерике, X навеселе, X в восторге* «выбирают» экзистенциальное, а не универсальное прочтение. Эта особенность отличает предикаты состояния от классифицирующих предикатов «постоянного свойства» (в том числе и от «характеризующих» глаголов) (см. ниже, § 4.1). Так, первые два предложения (а и б) в тройках (11—15) в наиболее естественном прочтении воспринимаются как общие суждения, тогда как последнее предложение в каждой тройке (в) прочитывается как сообщение о конкретных «детях», «стариках», «молодых людях», «ревнивце», «лентяе»:

- (11) а. Дети любознательны;
 б. Дети требуют внимания;
 в. Дети голодны.
- (12) а. Старики раздражительны;
 б. Старики не терпят возражений;
 в. Старики в раздражении.
- (13) а. Молодые люди легкомысленны;
 б. Молодые люди умеют веселиться;
 в. Молодые люди пьяны.

- (14) а. Ревнивец невыносим в семейной жизни;
 б. Ревнивец видит соперника в каждом мужчине;
 в. Ревнивец в бешенстве.
- (15) а. Лентяй — обуза для коллектива;
 б. Лентяй не любит работать;
 в. Лентяй утомлен.

Предикации вида X — Р, где «Р» — предикат состояния, нормально описывают, таким образом, актуальную связь признака с конкретным предметом (лицом). Правда, предикаты состояния способны выступать в составе предикаций, описывающих отдельные повторяющиеся ситуации. Однако в отличие от большинства глагольных предикатов, «актуальное» и «узуальное» значение которых формально может быть никак не выражено (так что соответствующие предикации вне контекста и ситуации обычно неоднозначны), предикаты состояния получают «узуальное» (или «фреквентативное») прочтение лишь в специальных условиях: например, в сочетании с временными адвербиальными выражениями, лишенными конкретно-референтной функции (такими, как, например, *в такие дни, в минуту жизни трудную, в подобные моменты* и т. п. или *вечерами, зимой* и аналогичными названиями регулярно повторяющихся отрезков времени), а также в сочетании с глаголом *бывать*⁶³:

- (16) *Почему мне в эти минуты всегда грустно, разгадайте, ученый человек* (Ф. Достоевский);
- (17) *Зверю холодно зимой* (В. Маяковский);
- (18) *Он был говорлив, беспокоен. Минутами бывал весел, но чаще задумывался, сам, впрочем, не зная о чем именно* (Ф. Достоевский);

⁶³ Г. А. Золотова, у которой мы заимствовали примеры (10) и (11), называет глагол *бывать* «в его полнозначном и связочном употреблении» «специфическим показателем в русском языке узуального времени» [Золотова 1973: 183]. Заметим, что эта характеристика верна лишь для предикатов, способных обозначать квантифицируемое действие. По отношению к неквантифицируемым «характеризующим» предикатам глагол *бывать* выполняет иную функцию, играя роль квантора, относящегося к денотату именного термина. Так, предложение *Голубоглазые кошки бывают глухими* не сообщает, конечно, о повторяющемся время от времени состоянии (конкретных) голубоглазых кошек. Оно отличается от предложения *Голубоглазые кошки глухие* (устанавливающего связь между свойством голубоглазости и глухоты у кошек) лишь меньшей категоричностью, допускающей возможность исключения из общего правила. Аналогичное семантическое различие наблюдается и между сочетаниями адвербиальных квантификаторов *часто, редко, иногда* и т. п. с предикатами состояния, с одной стороны, и предикатами качества и свойства, с другой (см. ниже).

- (19) *И скучно, и грустно и некому руку подать В минуту душевной невзгоды* (М. Лермонтов)⁶⁴;
 (20) *Бывало грустно им, а скучно не бывало* (И. Крылов);
 (21) *Ты, от кого я пьян бывал* (А. Пушкин) и т. п.

«Дезактуализующую» роль играют также различные распространения базовых предикаций, указывающие на возможные (а не реально имеющие место в определенный момент) условия, в предложениях, приближающихся к генерическим, но все же не тождественных им (см. в этой связи трактовку примеров типа *Француз должен быть влюблен* = 'Если человек француз, то он влюблен', предложенную О. Н. Селиверстовой [1982]): *У хорошего хозяина и конь сыт* (пример из Словаря Даля); *У сильного всегда бессильный виноват* (И. Крылов); *Ах, когда б вы знали, как тоскуется, Когда вас раз сто в течение дня на ходу на сходствах ловит улица!* (Б. Пастернак); *Старец же должен быть доволен во всякое время* (Ф. Достоевский).

Весьма показательно, что в сочетаниях с предикатом состояния наречия типа *редко, часто, иногда, обычно, постоянно, всегда* (а также семантически эквивалентный глагол *бывать*) обычно характеризуют временные периоды существования субъекта, в отличие от сочетаний с характеризующими предикатами, в которых те же наречия прочитывается как квантор, ограничивающий объем денотата субъектного термина. Ср. различное влияние, которое оказывают на интерпретацию кванторных наречий предикаты *быть не в форме, быть грустно, быть пьяным*, с одной стороны, и предикаты *быть хорошим лингвистом, быть оптимистом, быть пьяницей* — с другой:

Спортсмены иногда бывают не в форме. = *В жизни спортсмена есть некоторые моменты, когда он не в форме.* Но: *Полиглоты иногда бывают хорошими лингвистами.* = *Некоторые полиглоты — хорошие лингвисты.*

Поэтам бывает грустно без причины. = *В жизни поэта есть моменты, когда ему грустно без причины* (Некоторым поэтам грустно без причины). Ср.: *Поэты редко бывают оптимистами.* = *Немногие поэты — оптимисты.*

Вегетарианцы иногда бывают пьяными. = *В жизни вегетарианца есть некоторые моменты, когда он пьян.* ≠ *Некоторые вегетарианцы пьяны*. Ср.: *Вегетарианцы часто бывают пьяницами.* = *Многие вегетарианцы пьяницы.*

Примеры такого рода свидетельствуют о том, что предикаты состояния обозначают (подобно большинству глагольных предикатов, но

⁶⁴ В работе [Булыгина 1977: 169] не вполне точно говорится в связи с данным примером о «генерализующей» роли сирконстанта «в минуту душевной невзгоды». Правильнее было бы считать, что этот сирконстант играет здесь «дезактуализующую» роль.

в отличие от большинства именных предикатов, а также от глаголов типа *обладать, любить* — см. ниже, § 4.1) квантифицируемые явления. Заслуживает внимания то обстоятельство, что даже в тех случаях, когда в позиции субъекта выступает родовое имя, предикат состояния описывает определенные эпизоды (стадии существования) лиц (предметов), принадлежащих к соответствующему классу, а не устанавливает концептуальную связь между субъектом и признаком (как в подлинно генерических предложениях с предикатами качества и с характеризующим глаголами): *Студент бывает весел от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год.*

Свойство квантифицируемости явлений, описываемых предикатами состояния, т. е. кратность, возможная «прерывистость» состояний, отличающая их от «свойств» (в том числе и тех, которые выражаются «характеризующими» глаголами — см. § 4.1), проявляется в возможности специального указания на непрерывность состояния (для «свойств», хотя бы и временных, подобное указание было бы избыточным), ср.: *Если две минуты сряду ей возле тебя будет скучно, ты погиб безвозвратно* (М. Лермонтов); *Он не сказал ничего, но после этого два дня сряду был болен* (Ф. Достоевский). Было бы странно: **Пять лет подряд она была ослепительно красива; *Три года сряду любил ее или *Два дня сряду ненавидел его*, хотя указание на общую продолжительность соответствующих эмоций или свойств вполне возможно (примеры ср. ниже), так же, как, разумеется, вполне допустимо указание на продолжительность состояния. Ср., например: *... подсудимый целые двадцать три года столь благодарен был всего только за один фунт орехов* (Ф. Достоевский).

Любопытно, что предикаты *благодарен* и *неблагодарен* по ряду свойств различаются и должны быть, очевидно, причислены к разным типам: *благодарен* — к предикатам состояния, а *неблагодарен* (*неблагодарный*) — к предикатам «свойства»⁶⁵. «Неактуальный» характер значения, вообще говоря, естествен для предиката, отрицающего наличие признака.

Предикаты состояния обычно (за исключением особых случаев) не входят в предикации с подлинным квантором общности. (*Все люди смертны*, но: **Все люди при смерти*). Но утверждения о состоянии некоторого конкретного множества объектов вполне возможны: *А главное, кто ж теперь не в аффекте, вы, я — все в аффекте* (Ф. Достоевский).

Актуальность, временная локализованность «состояний» объясняет несовместимость соответствующих предикаций с кванторами типа *любой, всякий*, лишаящими термы конкретной референции: **Любой пессимист в дурном настроении; *Любой пьяница пьян*. Эта

⁶⁵ Независимо от нас (и раньше) на несимметричность предикатов *благодарен* и *неблагодарный* обратил внимание Ю. Д. Апресян [1980: 56].

особенность объединяет предикаты состояния с конкретно-событийными предикатами (к числу которых относится, например, большинство глаголов в форме совершенного вида в русском языке⁶⁶) и опять же противопоставляет их так называемым качественным предикатам (иногда называемым «стативными»)⁶⁷.

Кроме временной связанности, «эпизодичности» состояний, отличающей их от так называемых «стативных» адъективных и глагольных предикатов, выражающих качества и постоянные свойства (мы уделили этому признаку преимущественное внимание по причинам, указанным в § 1), состояния характеризуются в рамках принятой здесь системы признаков также свойствами статичности, длительности и неконтролируемости. Мы ограничимся лишь несколькими замечаниями в связи с этими признаками.

Теоретически свойства статичности, длительности и неконтролируемости достаточны для отграничения предикатов состояния от предикатов, описывающих другие типы явлений, в первую очередь — динамические. В ясных случаях соответствующие различия очевидны. Так, например, статичность, отличающая состояния от динамических явлений (процессов и событий), проявляется, в частности, в несочетаемости предикатов состояния с наречиями типа *постепенно*, *быстро*, *внезапно*, *вдруг* и т. п. Ср.: *Он внезапно пришел в бешенство/отрезвел/устал*, но не: **Он внезапно был в бешенстве/трезв/утомлен*; *Он постепенно пьянел*; *Он быстро проголодался*, но не: **Он постепенно был пьян*; **Он быстро был голоден*.

Ср. также: *В настоящее время я лишен возможности помочь вам* (состояние) и *Актеры были лишены рук Иваном Васильевичем нарочно* (М. Булгаков) (в последнем предложении, даже при устранении агента, наречие *нарочно*, указывающее на контролируемость ситуации, побуждало бы рассматривать предикацию как описание некоего «поступка», события, затрагивающего «актеров», а не как описание их «состояния»).

Длительность состояний отличает их от мгновенных событий (ср. известное в литературе различие между «статальным пассивом» и

⁶⁶ Предикат, выраженный формой глагола совершенного вида прошедшего времени, в большинстве случаев исключает в русском языке нереперентное прочтение термов. Как было отмечено в главе 1.1.1, *глокая куздра* в знаменитом примере Шербы может обозначать только конкретную «куздру», а не класс «глоких куздр» из-за грамматической характеристики формы *будланула*.

⁶⁷ Ср. замечание Е. В. Падучевой [1974: 92] относительно бессмысленности употребления лексемы, соответствующей квантору общности, «в контексте предиката, обозначающего однократное действие, происшедшее в определенный момент времени», и осмысленности ее употребления «в контексте стативного предиката». При этом Е. В. Падучева называет стативным «предикат, обозначающий не действие, а свойство или состояние объекта, вообще говоря постоянное, а не ограниченное каким-то одним периодом или моментом» [Там же].

«моментальным пассивом» — см., например: [Гаврилова 1978]). Последние могут быть точно датированы: *Магазин был открыт ровно в 8 часов*; *Ровно в 17.30 ленточка была перерезана* (событие) — ср.: *Окно было открыто весь день* (состояние).

На практике, однако, провести соответствующие разграничения не всегда легко. Во-первых, пропозиции с предикатами состояния, будучи истинными в течение некоторого отрезка времени, истинны и для любой точки внутри этого отрезка (отличие от событий состоит в том, что для события точка, фиксирующая переход в новое состояние, является вполне определенной и единственной). Поэтому возможно: *В 8 часов (когда я проходил мимо) магазин был открыт*; *Вчера в 10 часов он был уже болен* (состояние). Во-вторых, сходство состояний и некоторых видов событий состоит в том, что и те и другие (хотя, быть может, в разной степени) «ретроспективны» и «проспективны» одновременно. Состояния часто мыслятся как результат предшествующих событий, а всякое событие, вообще говоря, приводит к новому состоянию.

Трудность разграничения некоторых типов состояний и событий свидетельствует об их объективной близости. По-видимому, в некоторых случаях необходимо прибегать к дополнительным критериям — относящимся, в частности, к различной коммуникативной структуре соответствующих предикаций (ср. признак «ориентированности на субъект», выделяемый О. Н. Селиверстовой [1982] в качестве характеристики состояний).

4. ТИПЫ ПРЕДИКАЦИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

Различный характер отношения описываемого «положения дел» к времени оказывается существенным и для типологии разных лексико-семантических классов внутри глаголов. В русистике признак временной локализации подробно исследован, главным образом, в связи с различным семантическим потенциалом грамматических категорий вида и времени. Так, например, Г. А. Золотова [1973: 181] справедливо указывает в этой связи на то, что «в пределах каждого из трех временных планов (настоящего, прошедшего и будущего) говорящие по-русски могут избрать тот или иной «способ отражения явлений действительности — как явления единичного, конкретного, как явления обычного, повторяющегося, типичного или как явления обобщенного, возведенного в степень абстракции».

В меньшей степени признак временной локализованности привлекал внимание исследователей в связи с лексико-семантической классификацией предикатных выражений, т. е. (в частности) как признак, отличающий одни предикатные выражения от других уже как

бы на словарном уровне. Между тем тот или иной выбор способа изображения действительности может быть связан не только с грамматической характеристикой высказывания, но и с принадлежностью предикатного выражения к тому или другому семантическому классу, т. е. с внутренне присущими ему свойствами, допускающими лишь определенного рода временную отнесенность и исключающими временную отнесенность другого рода.

На это обстоятельство обратил внимание Ю. С. Маслов еще в 1948 г. в статье, совершенно недостаточно, на наш взгляд, учитываемой в дальнейших (в частности аспектологических) исследованиях [Маслов 1948]. Работа Ю. С. Маслова ставила своей задачей выяснить, каким образом особенности, характеризующие функционирование категории вида в русском языке (а именно особенности, проявляющиеся в видовой несоотнесенности, а также в различном характере отношения, связывающего члены видовых пар разных типов), могут быть объяснены собственно семантическими особенностями, связанными с самим (онтологическим) характером глагольного действия. Интересно, что классификация, предложенная в названной статье Ю. С. Маслова, обнаруживает существенное сходство с логико-семантической классификацией английских глаголов, предложенной в известной статье философа Оксфордской школы З. Вендлера [Vendler 1967] — одной из самых влиятельных работ, широко обсуждаемой сейчас на страницах лингвистических изданий. В последнее время исследователи обнаруживают приложимость классификации Вендлера к материалу разных языков. Вместе с тем отмечается определенная лингвистическая ограниченность вендлеровской классификации, связанная с тем, что она рассматривает только те (философски интересные) глаголы, которые связаны с человеком (с его эмоциями, вообще — с человеческой деятельностью), и не учитывает более широкой лингвистической перспективы. Так, по мнению некоторых исследователей, Вендлер не пытается соотнести свою типологию глаголов с известными лингвистическими классификациями, выделяющими действия, процессы, события и т. п., а также не принимает во внимание явлений, изучавшихся в лингвистике (особенно в славистике) в связи с категорией вида [Mourelatos 1978: 418].

Некоторые исследователи, например Деклерк [Declerck 1979], настаивают в связи с этим на том, чтобы выделяемые Вендлером и его единомышленниками признаки относились не к типам глагольных предикатов, а к типам предикаций.

Нам представляется, что в русистике наблюдается, скорее, противоположная ситуация. Весьма основательно изучены свойства (в частности, связанные с характером временной отнесенности), присущие различным видо-временным формам глагола, и в значительно меньшей степени — свойства, вытекающие из тех особенностей гла-

гола, которые присущи ему как представителю определенного семантического класса (независимо от того, в какой видо-временной форме он выступает). Основное внимание пока уделялось тем семантическим особенностям глагола, которые объясняют наличие или отсутствие видовой соотносительности⁶⁸ (ср. деление на предельные и непредельные глаголы), и меньшее внимание — тем семантическим признакам (в частности «нетривиальным» — в смысле работы [Апресян 1978]), которые объясняют разный характер семантического соотношения между членами единой видовой пары у разных типов глаголов или между семантически коррелятивными глаголами разных видов в случае видовой несоотносительности.

Рассматривая в дальнейшем различные классы глаголов (прежде всего с точки зрения характера временной отнесенности соответствующего «положения вещей»), мы стремились разграничивать свойства, «исконно» присущие глаголу как представителю определенного семантического типа (специально отметим, что «глаголом» мы называем видовую пару), и те «производные» значения, которые связаны со значением категорий времени или вида (такие, как, скажем, значения абитуальности).

Разумеется, мы никак не претендуем на описание функционирования категории вида в русском языке. Тем не менее мы думаем, что выбранный аспект⁶⁹ рассмотрения типов предикатов мог бы оказаться полезным и для собственно аспектологических исследований, так как он, как представляется, позволяет обнаружить такие особенности, которые должны способствовать предиктивному описанию функционирования видо-временных форм, т. е. выяснению того, как именно значения глаголов взаимодействуют со значениями категорий вида и времени.

4.1. ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ («СВОЙСТВА И ПОСТОЯННЫЕ ОТНОШЕНИЯ») VS. НЕОПРЕДЕЛЕННО ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ ЯВЛЕНИЯ

Как было отмечено выше, в русистике основательно исследован признак временной локализованности как характеристика различных частных значений категорий вида и времени. Мы же здесь будем говорить скорее о семантическом потенциале самих глагольных лексем, т. е. о способности к той или иной временной отнесенности, характеризующей глаголы разных семантических классов. Наряду с предиката-

⁶⁸ Именно эта проблема стоит в центре внимания исследования Н. С. Авилевой [1976].

⁶⁹ Зависимость этого выбора от названных работ Ю. С. Маслова [1948] и З. Вендлера [1967] (их подход, в свою очередь, обнаруживает существенное сходство с классификацией глаголов, предложенной Аристотелем) будет очевидна в последующем изложении.

ми, описывающими «только актуальные» ситуации, неспособными «повышаться в ранге» до высказываний общего характера (*белеть(ся)*; *быть в раздражении* и т. п.), можно выделить класс глагольных предикатов, неспособных, напротив, к актуальному употреблению — например, *равняться*, *соответствовать*, *зависеть*, *обладать*, *владеть*, а также и *любить* (мороженое), *ненавидеть* (лицемерие), *знать* (математику), *понимать* (кое-что в технике), *полагать*, *думать*, *что...* (в отличие от *думать о чем-то...*), *презирать* и т. п.

Некоторые из подобных глаголов (например, «глаголы отношения»: *преобладать*, *содержать*, *соответствовать* и т. п.) упоминаются при описании частных значений несовершенного вида как глаголы, не связанные с конкретно-процессным значением: по справедливому замечанию А. В. Бондарко [1971: 25], «данность» отношения не может быть представлена как процесс. Отвлеченность от конкретного течения времени, характерная для глаголов подобного рода, очевидно, не требует доказательств⁷⁰. Однако и глаголы типа *любить*, *ненавидеть*, *понимать*, *знать*, *полагать*, *верить*, *что...* и т. п. также описывают соответствующие положения вещей как некую «данность» и, по отмеченной А. В. Бондарко закономерности, не могут употребляться в конкретно-процессном значении.

Отсутствие конкретной временной локализованности проявляется, в частности, в том, что высказывания, содержащие анализируемые предикаты, не могут (нормально) служить ответом на вопросы типа *Что он сейчас делает?* (*Что он тогда делал?*; *Чем он (был) занят в это время?*; *Что с ним происходит (происходило)?*; *Почему он отсутствует?* и т. п.), а также соответственно не могут «вставляться» в предложения, начинающиеся оборотами вроде *Он был занят тем, что...*, *Он только и делал, что...*

Высказывания, содержащие предикаты рассматриваемого типа, могут быть истинными (или ложными) в течение определенного периода времени, но они не описывают процессы, протекающие во времени. Пушкинская Лаура могла сказать: *Мне двух любить нельзя. Теперь люблю тебя*, но это не значит, что она говорила об актуальном «процессе любви»⁷¹, который развертывается во времени, включающим в себя момент речи (и тем более совпадающим с ним).

⁷⁰ Многие из них участвуют в подлинно вневременных высказываниях. Как заметил (в другой связи) М. В. Панов [1967: 20], правило «два, умноженное на два, равняется четырем» не включает никаких временных показателей. «Вопросы: как долго, с какого времени, скоро ли $2 \times 2 = 4$ — все лишены смысла».

⁷¹ «Непроцессуальный» характер ситуаций, описываемых предикатами типа *любить*, *ненавидеть*, *обладать* и т. п., отражается в невозможности соответствующей языковой квалификации. Ср., например: *Мне нравится сам процесс катания на велосипеде*, но не: **Мне нравится сам процесс облада-*

Примеры вроде следующего:

Но позвонил он с площади.
 — Ты спишь? — Нет, я не сплю.
 — Не спишь, а что ты делаешь?
 Ответила: — Люблю

(Л. Мартынов), —

явно воспринимаются как (очевидно, намеренное) отклонение от нормы.

Непроцессуальный (нефазовый)⁷² характер рассматриваемых предикатов проявляется, в частности, в невозможности образовать от них производные с темпоральными приставками *по-* или *про-* (со значением «уменьшительно-ограничительным» и значением «распространения действия на какой-нибудь промежуток времени» соответственно)⁷³. Ср. неправильность предложений вроде: *Он был обидчив, но незлопамятен. *Поненавидит своего оскорбителя с недельку и простит его; Мне не нравится, что мальчик любит азартные игры. — *Ничего, полюбит немного и образумится; *Все детство я продумал, что детей находят в капусте.* — ср. возможность образования деривата *продумать* («провести какое-либо время в думах, в размышлениях») от глагола *думать* «размышлять, (отличного от *думать, что* «полагать, что...»): *Я продумала и промечтала всю ночь* (Ф. Достоевский); *И час-*

ния собственным велосипедом. Ср., впрочем, встретившееся у Достоевского: *Он даже начал сам замечать эту нарастающую почти ненависть к этому существу. Может быть, процесс ненависти так обострился именно потому, что вначале, когда только что приехал к нам Иван Федорович, происходило совсем другое.* Но здесь имеется в виду процесс нарастания (ненависти) (ср. первое предложение цитированного фрагмента), а под «обострением процесса» подразумевается, очевидно, «процесс обострения».

⁷² Ср. замечания З. Вендлера относительно английских «стативных» (типа *know*) и «нестативных» (типа *run* и т. п.) глаголов: «... беганье, писание и под. — это процессы, протекающие во времени, т. е. состоящие, грубо говоря, из последовательных фаз, следующих во времени друг за другом. В самом деле, человек, который бежит, поднимает правую ногу в один момент, опускает ее в следующий момент, затем поднимает другую ногу, опускает ее и так дальше. Но хотя по отношению к некоторому лицу может быть истинным, что он знает что-то в данный момент или в течение определенного периода, знание и т. п. не является протекающим во времени процессом. Может быть верным, что я знаю географию сейчас, но это не означает, что процесс знания географии, состоящий из фаз, следующих друг за другом во времени, происходит в настоящий момент» [Vendler 1967].

⁷³ На непосредственную зависимость формообразовательных возможностей глагола от его семантической характеристики обращал внимание Шахматов [1941: 474], выделявший, в частности, «кратный» и «некратный» подвиды несовершенного вида. К кратному подвиду относятся глаголы, называющие действие «раздробленное во времени, прерывистое» (ср. выше характеристику глаголов типа *run* у Вендлера), к некратному — глаголы, называющие непрерывное действие.

то-часто, ночь о нем продумав, Я утра ждал у трех оконных створ
(Б. Пастернак).

Реальная связь конкретного субъекта с теми признаками, которые приписываются ему с помощью предикатов *знать, любить, иметь, обладать, надеяться, уметь, ненавидеть* и т. п., не является абсолютно неизменной и неизменной. Можно *знать* что-то в течение какого-то времени, а потом забыть; *любить* кого-то, а потом разлюбить; *иметь* что-то, *обладать* чем-то, а потом лишиться, утратить, потерять это; *уметь* делать что-то, а потом разучиться; *ненавидеть* кого-то, а потом простить ему, смягчиться, стать равнодушным или даже полюбить его (правда, к сожалению, эта ситуация менее обычна, чем противоположная, что отражается в том, что глагол *разлюбить* не имеет коррелятивного **разненавидеть*)⁷⁴. Тем не менее «положения вещей», описываемые предикатами рассматриваемого типа, представлены в языке как естественным образом длящиеся, по своей природе к изменению не склонные, не ограниченные каким-либо определенным периодом времени, как положения дел с диффузными временными границами (если они вообще совместимы с представлением о временных границах)⁷⁵.

Пропозиции, содержащие данные предикаты, будучи истинными в течение некоторого периода времени, тем самым являются истинными для любого момента времени, лежащего внутри этого периода. Вместе с тем соответствующие положения вещей не «заполняют» этого времени сплошь, не «занимают» его, не исключают возможности «заполнить» его какой-либо деятельностью.

Поэтому предикаты рассматриваемого типа способны сочетаться с дуративными, но не с квантитативными обстоятельствами времени вроде (*целыми*) *неделями, день-деньской, и день и ночь, весь день напролет, часами, годами, непрерывно, постоянно* и т. п.

Можно *все думать, думать об одном и день и ночь до новой встречи*, можно *с большим сидеть и день и ночь, не отходя ни шагу прочь* и при этом (*и день и ночь*) *вздыхать и думать про себя: когда же черт возьмет тебя!*, но нельзя: **и день, и ночь (день-деньской, неде-*

⁷⁴ Потенциальная нестабильность соответствующих положений дел отличает анализируемые здесь предикаты от предикатов типа *быть красивым, быть молодым*, представленных в языке (вопреки действительности) как постоянные свойства. Возможно, этим объясняется относительно большая приемлемость дериватов, образованных от глаголов вроде *любить* при помощи префикса *про-*, по сравнению с не встречающимися деривативными предикатами типа **пробыть красивым* (до глубокой старости): *Да, и у меня, кажется, достанет сил прожить и пролюбить всю жизнь* (И. Гончаров); *Вот когда ты меня потеряешь, — а я долго такого не пролюблю, — тогда тебе будет плохо* (А. Н. Толстой).

⁷⁵ Аналогичным образом так называемые неисчисляемые имена существительные, называющие «вещества», независимы от их реального модуса существования в природе, представлены в языке как пространственно неограниченные массы, обладающие только качественной, но не количественной определенностью.

лями, часами, годами и т. п.) полагать, что P , считать, что P , верить, что P , быть уверенным, что P , думать, что P (в значении 'придерживаться мнения, что P '). Ср.: До недавнего времени он полагал, что все будет сходиться ему с рук, но: *Он годами (часами, неделями, целыми днями) полагал, что все будет сходиться ему с рук.

В то же время предикаты типа *любить, знать* (математику), *понимать, ненавидеть, разбираться* (в технике) и т. п. не имеют так называемого узуального или абитуального значения, т. е. не описывают конкретные явления, привычные для данного (конкретного) носителя соответствующего признака, повторяющиеся с ним с той или иной периодичностью. Именно этой особенностью объясняется то обстоятельство, что предложения, в которых в качестве аргументов предиката рассматриваемого типа выступают имена, не допускающие квантификации (например, имена с конкретной референцией), не могут включать в себя «фреквентативные» наречия *всегда, часто, редко, обычно, иногда, иной раз* и т. п.⁷⁶ Ср. аномальность примеров вроде следующих:

- (22) *Лена всегда знает шведский язык;
- (23) *Все время Таня любит Сережу;
- (24) *Моя кухня часто владеет приемами каратэ;
- (25) *Мой брат иногда ненавидит лицемерие.

В том случае, если с рассматриваемыми предикатами сочетаются имена, допускающие нереферентное (или не конкретно-референтное) прочтение, в состав соответствующих предложений может входить фреквентативное наречие, но тогда оно неизбежно прочитывается как квантор, сферой действия которого является один из аргументов, а не как квантификатор соответствующего предикатного выражения⁷⁷. Так, внутри каждой пары примеров предложение (а) синонимично предложению (б)⁷⁸:

- (26) а. Музыканты редко обладают абсолютным слухом;
- б. Не многие музыканты обладают абсолютным слухом;

⁷⁶ Таким образом, утверждение о том, что выражение «неограниченно-кратного» значения «возможно при любом способе действия» [Бондарко 1971: 26], нуждается в ограничении. Ср. также [Кнорина 1976: 65], где говорится, что в ситуации многократности могут употребляться все глаголы несовершенного вида. Следовало бы добавить: парные.

⁷⁷ Ср. возможность «обратной» замены кванторных прилагательных кванторными наречиями «в контексте стативных предикатов», о которой упоминает Е. В. Падучева [1974: 96]. Заметим, что такая замена представляет собой синонимическое преобразование в том случае, если «стативность» является фиксированным для данного предиката свойством (соответствующим тому, что здесь называется «временной нелокализovanностью», «постоянностью» — ср. предлагаемое Е. В. Падучевой определение «стативности», цитированное нами выше).

⁷⁸ В главе I.1.1 уже приводились примеры предложений с аналогичным семантическим соотношением.

- (27) а. Врачи обычно терпеть не могут разговоров на медицинские темы в обществе ;
 б. Большинство врачей терпеть не может разговоров на медицинские темы в обществе;
- (28) а. Русские существительные иногда не склоняются;
 б. Некоторые русские существительные не склоняются;
- (29) а. Женщины часто не любят говорить о возрасте;
 б. Многие женщины не любят говорить о возрасте.

Невозможность темпорального прочтения наречий типа *всегда*, *иногда*, *часто* и т. п. в сочетании с глаголами рассматриваемого типа отличает эти последние не только от предикатов состояния (см. выше), но и от других (а именно «динамических», способных к актуальному употреблению) глаголов, в сочетании с которыми фреквентативные наречия либо неоднозначны (*Дети не всегда слушаются старших* может означать 'Не все дети слушаются старших' или 'Дети (конкретные) по временам не слушаются старших', а также, конечно, и 'Некоторые дети по временам не слушаются старших'), либо (с субъектом, не допускающим неконкретно-референтного прочтения) имеют только темпоральное значение: *Мои родители обычно не ходят на собрания*, разумеется, не преобразуется в **Большинство моих родителей не ходит на собрания* [Булыгина 1980: 352] (см. главу I.1.1).

Заметим, что предложения вроде (30—31) не являются контр-примерами:

- (30) *Все это время он знал, что жена обманывает его;*
 (31) *И, право же, я всегда тебя любил, и сейчас — особенно.*

Выражения *все (это) время* или *всегда* существенно отличаются от омонимичных (или квазиомонимичных) наречных выражений, фигурирующих в приведенных выше предложениях (22—22).

Так, за наречием *всегда* скрываются два существенно различные значения⁷⁹ — одно фреквентативное, обозначающее не продолжительность, не сосредоточивающее внимание на самом времени продолжения соответствующего действия (процесса, состояния), но используемое для характеристики самого действия (процесса, состояния) и/или его субъекта, а другое не фреквентативное, привлекающее внимание именно к обозначаемому времени. Только первое значение характеризуется смысловой несовместимостью с предикатами рассматриваемого типа.

⁷⁹ По определению МАС1, одно значение наречия *всегда* (фреквентативное) определяется как 'Во всякое время, постоянно' (и иллюстрируется примерами: *Марфеньку всегда слышно и видно в доме; Всегда он кому-нибудь должен, всегда чем-то озабочен*), а другое (указывающее не на частоту, а на продолжительность) определяется как 'вечно' (и иллюстрируется примером: *Материя существовала всегда*).

Обстоятельственное выражение *все это время* концентрирует внимание на продолжительности соответствующего положения дел, а выражение *все время*⁸⁰ (обычно выступающее в предложении в «аллегрочной безударной форме»), указывая (несколько гиперболически) на частоту отдельных «квантов» положения дел, отделенных друг от друга минимальными перерывами, характеризует само явление (или его партиципантов) (ср.: [Wierzbicka 1980: 100—112]).

То же соотношение между *вечно*₁ («В течение веков, не прекращаясь, бесконечно», по определению МАС1) и *вечно*₂ («Разг. Постоянно, во всякое время»). *Вечно*₁ может приписываться предикатам, не локализованным во времени: *Материя существует вечно; Я буду вечно любить тебя; Память о нем будет вечно жить в наших сердцах*, тогда как *вечно*₂ может характеризовать лишь предикаты, способные (в принципе) к конкретной временной локализации: *Вечно они спорят друг с другом; Вечно у нас нет горячей воды; Вечно она больна; Нина вечно опаздывает; Петрушка, вечно ты с обновкой. С разодранным локтем* (А. Грибоедов). Ср. также аналогичное различие между значениями соответствующего прилагательного — *вечный*₁: *Они клялись друг другу в вечной любви; Тартюф, конечно, — вечный тип, Фальстаф — вечный характер* (И. Гончаров); *Вечная память павшим героям, вечная слава тем, кто живет!* и *вечный*₂: *Эх, Дон Гуан, Досадно, право. Вечные проказы* (А. Пушкин).

Впрочем, *вечно*₂ (*всегда*₂, *все время*₂) все же могут сочетаться с некоторыми из рассматриваемых предикатов — в случае возможности соответствующего прочтения названий актантов или модификации значения предиката. Ср.: *Вечно он ненавидит своего преуспевающего товарища* (*вечно*₂ имплицитно подразумевает неспецифическую неопределенность объекта = какого-нибудь, того или иного из своих преуспевающих товарищей); *Неужели она будет вечно любить стариков?* (прочтение с *вечно*₂ допустимо при неспецифической неопределенности именной группы = каких-нибудь стариков, того или иного старика).

Неквантифицируемость денотативных ситуаций, описываемых предикатами рассматриваемого типа, проявляющуюся в неспособности сочетания с наречиями *иногда*, *обычно* и т. п. в темпоральном значении, можно рассматривать как симптом нелокализованности во времени. Действительно, анализируемые предикаты не описывают конкретных событий или процессов, в которых участвует субъект, они дают ему некоторую общую характеристику, подобно именным предикатам, приписывающим субъекту то или иное качество⁸¹. То же

⁸⁰ Ср. также в статье *Время* определение выражения *все время* при помощи толкования «постоянно, не переставая» [МАС].

⁸¹ Напомним, что эта особенность объединяет анализируемые предикаты с именными предикатами качества (такими, как *быть белым*). При этом не-

значение могут выражать и глаголы, исконно принадлежащие к классу (динамических) «явлений», хотя для них качественно-характеризующее значение является лишь одной из возможностей. Разные типы употребления приближаются к «качественному» значению в разной степени. На одном полюсе находятся такие, безусловно, «вневременные» предикации, как *Рыбы дышат жабрами*, *Вода кипит при температуре 100°*, *Железо тонет в воде*, описывающие не серию повторяющихся явлений, а свойства субъекта⁸². На другом — предикации с так называемым неограниченно-кратным значением, например, *Он спит в кабинете*; *По утрам они пьют чай* и под., которым мы, как говорилось выше (§ 1), приписываем значение локализованности во времени, хотя и неопределенной. К промежуточным случаям можно отнести предикации вроде: *Он играет на скрипке* (= ‘умеет играть’), *Он курит* (= ‘он курящий’) или *Она ест мясо* (= ‘она не вегетарианка’).

Граница между соответствующими типами не является вполне четкой. С одной стороны, предикации, описывающие регулярно повторяющиеся поступки или процессы (т. е. локализованные во времени «явления»), могут восприниматься как характеристика субъекта. Они могут квалифицироваться соответствующим образом в самом языке, ср.: *У Верочки редкое качество: мгновенно обижается, но так же мгновенно и полностью забывает обиду* (Ю. Трифонов), не говоря уже о возможности различных умозаключений вроде: *Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп* (В. Маяковский), где постоянность «состояния» дает основания для вывода о «свойстве». С другой стороны, не всегда ясно, в какой мере предикации с «обобщенным» (или «потенциальным») значением основываются на определенном количестве «актов реализации» (или предполагают их). Можно ли с уверенностью говорить, что предложения *Он курит*, *Он играет на скрипке*. *Он ест мясо* представляют собой обобщения достаточно большого числа случаев, когда соответствующие «поступки» действительно имели место (ср. соображения, высказываемые О. Н. Селиверстовой [1982])? Конечно, если верно, что *он играет на скрипке*, можно не сомневаться, что «акты реализации» соответствующего умения имели место в про-

возможность темпорального прочтения кванторных наречий связана не со статичностью, а с характером временной соотнесенности. Показательно различное понимание кванторных наречий с предикатами типа *быть белым* и (тоже статичными) «явлениями» типа *белеть*. Так, предложение *Лебеди обычно бывают белыми* не сообщает, конечно, что конкретные (одни и те же) лебеди имеют обыкновение время от времени менять свой цвет, тогда как в стихах Пушкина: *Здесь вижу двух озер лазурные равнины, где парус рыбака белеет иногда*, — наречие *иногда* имеет темпоральное значение.

⁸² В этих случаях, может быть, уместнее говорить не о свойстве, которое приписывается субъекту, а о связи двух предикатов, двух свойств: *Быть рыбой значит дышать жабрами*.

плом, и не один раз. Но, например, *Х ест мясо* (= 'Х не вегетарианец') не обязательно предполагает достаточную многочисленность случаев реального «поедания» Х-ом этого продукта. Ср. анекдотический ответ на вопрос: *Вы играете на скрипке?* — *Не знаю, не пробовал*, воспринимаемый, естественно, как неадекватный. Однако если хозяйка обратится к гостю с вопросом *Вы едите маслины?* (она может предварить его ходячей сентенцией насчет того, что все люди делятся на тех, кто без ума от маслин, и на тех, кто их терпеть не может) и гость ответит: *Не знаю, не пробовал*, — то ответ, возможно, будет воспринят как достаточно естественный.

Поскольку отмеченное выше сходство в поведения предикатов «постоянного отношения» и (именных) предикатов «качества» (их несочетаемость с наречиями типа *обычно* в темпоральном значении) подтверждает независимое ощущение их семантической близости, свойство «неквантифицируемости» следует считать существенным, не случайным. Можно поэтому использовать соответствующие особенности в качестве критерия разграничения между различными типами не-актуального употребления основного массива русских глаголов. Если прибавление наречия типа *обычно, постоянно, всегда* не меняет существенным образом значение предложения (не меняет тип его значения) и не превращает его в аномальное, то предикация описывает повторяющиеся действия, состояния и т. п., т. е. (неопределенно) локализованные во времени «явления»; в противном случае мы имеем дело с «качественным» (во всяком случае — с «неэпизодическим») значением (т. е. с положением вещей, не локализованным во времени). Ср., например: *Он любит живопись* ≠ **Он постоянно любит живопись*, но: *Он ходит в музеи и картинные галереи* ≈ *Он постоянно ходит в музеи и картинные галереи*; *Он курит* ≠ *Он всегда курит*, но: *Он курит «Беломор»* ≈ *Он обычно курит «Беломор»*; *Она работает преподавателем русского языка в педагогическом институте* ≠ *Она обычно работает преподавателем русского языка в педагогическом институте*, но: *Она работает по вторникам в библиотеке* ≈ *Она обычно (всегда) работает по вторникам в библиотеке*; *Она ест маслины* (т. е. 'не испытывает к ним отвращения') ≈ *Она всегда ест маслины*, но: *Они едят маслины на завтрак* ≈ *Они обычно (всегда) едят на завтрак маслины*; *Рыбы дышат жабрами* ≠ ?*Рыбы всегда дышат жабрами*, но: *Он спит в кабинете* ≈ *Он обычно (всегда, иногда) спит в кабинете*. Результаты этого теста согласуются с интуитивным представлением о том, что предикации *Он любит живопись*; *Он курит*; *Он работает преподавателем в педагогическом институте*; *Рыбы дышат жабрами* и даже *Он ест маслины* дают субъекту более существенную характеристику, чем соответственно предикации *Он ходит в музеи и картинные галереи*; *Он курит «Беломор»*; *Он работает по вторникам в*

библиотеке; Он спит в кабинете; Они едят на завтрак маслины, описывающие нечто более внешнее.

Впрочем, как бы ни дифференцировать типы употребления глаголов вроде *курить*, *играть*, *есть* и т. д. (составляющих подавляющее большинство русских глагольных лексем), все они (как лексемы) отличаются как способностью к актуальному употреблению (соответствующее значение можно считать «органическим», первичным, исходным), так и способностью «повышаться в ранге» при помощи морфологически не выраженного «дезактуализатора» (соответствующие значения можно считать «неорганическими», вторичными, производными). Конечно, любовь к живописи предполагает хождение по выставкам и музеям, а также положительные эмоции при общении с хорошими произведениями живописного искусства⁸³, точно так же, как статус курильщика предполагает «акты реализации» соответствующей вредной привычки. Но каким бы близким к «характеризующему» ни было значение предикаций *Он курит*; *Мой дед землю пахал*; *Она играет на гитаре*; *Она занимается йогой* и т. п., лингвистически существенное отличие глаголов *курить*, *пахать*, *играть*, *заниматься* и мн. др. от глаголов типа *любить* состоит, в частности, в том, что конкретные проявления соответствующих «привычек» и «умений» (реальные «случаи» курения, «пахания», игры на гитаре, занятий йогой и т. д.) описываются в русском языке с помощью тех же самых предикатов, которые могут употребляться в «узуальном» и «качественном» значениях, так что предикации, содержащие глаголы соответствующего класса, вне контекста оказываются неоднозначными.

В зависимости от того, описывает ли предикат определенную «стадию» существования предмета, или же дает ему более существенную, не связанную с преходящим временным отрезком характеристику, или, наконец, устанавливает постоянную связь признака с предметом как представителем определенного класса, иногда выделяют три типа предикатов: *stages-predicates*, *objects-predicates* и *kind-predicates*. Большинство глагольных предикатов функционирует как *stages-predicates*, но может «повышаться в ранге» при помощи «гномического оператора», превращающего предикацию в тип второй или третий (в частности — в зависимости от характера субъекта) (см. [Carlson 1979]). Предикацию типа *Дед пахал землю* (понимаемую как общая характеристика лица) можно рассматривать как производную от предикации *Дед пахал землю* (описывающей индивидуальный случай «пахания») именно при помощи подобной операции «повышения в ранге».

Особую группу глаголов, характеризующих лицо по «принадлежности к определенной общественной группе, роду занятий, профес-

⁸³ Ср. описание предикации *X любит Y*, предложенное О. Н. Селиверстовой [1982].

сии» и т. п. [Маслов 1948], составляют упомянутые в главе I.1.1 глаголы типа *руководить*. Хотя некоторые из этих глаголов соотносятся с вполне определенными временными рамками: *С такого-то по такой-то год руководил (заведовал) кафедрой сравнительно-исторического языкознания; Он царствовал всего один год* и т. п., — все они обнаруживают сходство с рассмотренными выше предикатами типа *знать, любить, разбираться* (в технике) и т. п. Как и эти последние, предикаты типа *руководить, воспитывать, управлять, директорствовать* и т. п. не могут обозначать какое-либо конкретное «проявление» соответствующего признака. Действительно, ответ на вопрос о специфических действиях того, кто воспитывает, помыкает кем-либо, господствует над кем-либо, или украшает общество своим присутствием или всецело, подчиняется кому-либо, находится под каблуком у кого-либо и т. п., т. е. о конкретном, локализованном во времени действии, которое можно было бы считать индивидуальным случаем «воспитания», «помыкания», «господства», «украшения общества своим присутствием», «подчинения», «бытия подкаблучником» и т. п., является в достаточной степени неопределенным.

Так, умение матери Татьяны Лариной *супругом самодержавно управлять* проявлялось, в частности, в том, что *она езжала по работам, солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы, ходила в баню по субботам, служанок била осердясь — все это мужа не спросясь*, однако ни один из соответствующих конкретных поступков не является неким «квантом» «самодержавного управления супругом». Столь же разнородны поступки, предполагаемые, например, статусом воспитателя. И все же едва ли значение предикатов типа *царствовать* или *править* следует определять как «обобщение разнородных конкретных поступков». *Царствовать*, например, означает, прежде всего 'быть царем' и даже не предполагает с необходимостью совершения каких-то поступков (можно ведь, подобно царю Додону, «царствовать, лежа на боку»). С другой стороны, различие между предложениями *Лошадь питается овсом* и *Лошадь ест овес* едва ли сводится к тому, что в первом случае предикат является обобщением разнородных действий, а во втором — однородных. Между тем второе предложение может обозначать не только «обобщенную», но и конкретную ситуацию, тогда как второе — нет (высказывания вроде **Позвоните попозже, Ваня сейчас питается* или **Ну, питайся, а я пока поднимусь посмотреть, что есть в книжном киоске* в речи людей, владеющих литературной нормой, могут быть употреблены разве что ради шутки).

Подобным образом, лишь с целью достичь комического эффекта, могут быть употреблены высказывания вроде: **В коридоре шумно, так как многие сотрудники руководят по разным углам своими аспирантами* или: **Повоспитывай Ваню, пока я схожу за хлебом*;

**Пока директор был в командировке, поуправлять институтом успела его секретарша*⁸⁴.

Глаголы вроде *воспитывать, править, руководить, царствовать* и рассмотренные выше глаголы устойчивого эмоционального и интеллектуального состояния обнаруживают и другие общие черты.

И те, и другие не могут употребляться для обозначения определенной «порции» деятельности (процесса, состояния), в частности, не могут фигурировать в контекстах, обозначающих серию ситуаций, следующих друг за другом во времени.

Диагностическим контекстом для выделения предикатов такого рода являются, например, сочинительные конструкции с однонаправленными глаголами движения, употребленными для обозначения повторных событий.

Ср. предложение (32), включающее в свой состав однонаправленные глаголы *идти* и *вести*, и предложение (33), в котором фигурируют разнонаправленные глаголы *ходить* и *водить*:

(32) *Она вставала в шесть часов утра, убирала в квартире, шла в магазин, варила обед и вела сына в детский сад;*

(33) *Она вставала в шесть часов утра, убирала в квартире, ходила в магазины, варила обед, водила сына в детский сад.*

Предложение (32) описывает (регулярно повторяющуюся) упорядоченную во времени последовательность целостных событий, тогда как (33) описывает круг «ее» обязанностей, не упорядоченных во времени (соответствующие предикаты не описывают события). Формально это различие выражается противопоставлением однонаправленных и разнонаправленных глаголов *идти* — *ходить* (*шла* — *ходила*), *вести* — *водить* (*вела* — *водила*).

Предикаты типа *воспитывать, следить за чистотой, руководить* и т. п. «вписываются» лишь в контекст второго рода. Ср.: *Она вставала ночью к ребенку, следила за чистотой в квартире, воспитывала детей, водила сына в школу, руководила его образованием, ходила в магазины*, но: **Она вставала в шесть часов, следила за чистотой, воспитывала сына, вела его в школу, руководила его образованием и шла в магазин*.

Та же особенность характеризует глаголы эмоционального и интеллектуального отношения. Ср.: *Он рано вставал, зимой ходил на лыжах, увлекался греблей, любил сына, водил его по музеям*, но: **Он*

⁸⁴ В то же время глагол *поуправлять*, обозначающий конкретное действие, вполне допустим. Ср., например: *Хоть Васька только разок дал ему поуправлять трактором, у него было такое ощущение, что он все сидит у рычагов и пашет какое-то огромное, бесконечное поле (Жестев, Под одной крышей).*

вставал в шесть часов, шел на прогулку, увлекался греблей, любил сына и вел его в музей. Аномальность второго предложения связана с тем, что предикаты *увлекаться (греблей)*, *любить (сына)* не могут относиться к конкретным, локализованным во времени (хотя бы и регулярно повторяющимся) событиям, а сочиненные с ними глаголы *идти* и *вести* имеют именно такое значение.

Предикаты, характеризующиеся названными особенностями, не могут обозначать, таким образом, ни однократных ситуаций, ни серии повторяющихся отдельных «случаев» (*ненависти; *увлечения и т. п.). Иными словами, они обладают (подобно именным предикатам «качества») признаком неквантифицируемости.

Чтобы подчеркнуть близость рассмотренных здесь предикатов предикатам «качества», мы будем условно называть их предикатами «свойства».

4.2. ГОМОГЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ («ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»)

К предикатам рассматриваемого здесь типа принадлежат такие глаголы, как *плакать*, *дразнить*, *издеваться*, *гулять*, *играть*, *плавать*, *гореть*, *моросить*, обозначающие, по определению Ю. С. Маслова [1948: 309], «занятие действием без указания, хотя бы в перспективе, на момент окончания этого действия как на его цель». Глаголы этого типа автор объединяет с другими глаголами, «лишенными внутреннего предела» (обозначающими «факт существования подлежащего и его наиболее общие свойства и качества», «чувства и эмоциональные состояния, которые не могут мыслиться как кратковременные» вроде *любить*, *полагать* и т. п.), включая их в один разряд «глаголов пребывания и бесперспективного протекания». Действительно, «внутренняя беспредельность» подобных глаголов отличает их от так называемых «предельных» глаголов, обозначающих (в несовершенном виде) такое действие (или процесс), которое предполагает вполне определенную кульминацию. И глаголы типа *любить*, и глаголы типа *плакать* обозначают ингерентно длящиеся (хотя бы и короткое время) «положения дел». И те, и другие, «длясь», не приводят (сами по себе) ни к какому событию.

И те, и другие могут перестать иметь место (хотя и не могут быть «кончены»). Однако «прекращение» такого положения дел, которое обозначается предикатами типа *знать*, *любить*, *быть толстым* является «неестественным» — в том смысле, что оно непременно вызывается особыми «событиями» (ср. *забыть*, *разлюбить*, *похудеть*), наступление которых никак не предусматривается семантикой данных предикатов. Напротив, деятельность, обозначаемая предикатами типа *плакать*, *играть*, *гулять*, *заниматься* (и неагентивные процессы, принадлежащие к тому же типу), мыслится как занимающая место на временной оси, а потому как в конечном счете

преходящая (хотя, как было сказано, прекращение деятельности не приводит к «событию»). Именно с этим связана широкая употребительность производных типа *поплакать*, *поиграть*, *погулять*, *позаниматься* (предикатов, не обозначающих точечных происшествий, «событий», хотя и обозначающих деятельность, ограниченную временными рамками, деятельность, рассматриваемую как целостный процесс, скорее всего «прекращенный» или «прекратившийся»). Характерно при этом, что о прекращении деятельности говорят не только в ретроспективе (*С собакой я уже погулял; Они поиграли в мяч, потом пошли купаться; Попили, поели, кыш — полетели!; Дождь покапал и прошел*), но и «перспективно», как о предусматриваемом (пусть в неопределенном будущем) прекращении деятельности или процесса, прекращении в определенном смысле естественном⁸⁵: *Я не могу идти в кино. Я занимаюсь. — Когда позанимаешься, позвони; Пойди погуляй. А потом будем обедать; Давай поиграем в бадминтон; Потанцуем?; Ты расскажи всю правду ей. Пустого сердца не жалея, Пускай она поплачет... Ей ничего не значит!* (М. Лермонтов). Эта особенность (являющаяся отражением временной локализованности соответствующих ситуаций) объединяет рассматриваемые глаголы с глаголами «постепенного осуществления» (см. ниже, § 4.3) вроде *писать/написать* (письмо), *обедать/пообедать*, *бриться/побриться*, *тонуть/потонуть* (или *утонуть*), *переплывать/переплыть* (реку), *красить/покрасить* (забор) и т. п. (противопоставляя их вместе глаголам, обозначающим «положения вещей», не локализованные во времени).

Однако отсутствие определенного момента, завершающего деятельность (процесс), кульминации, после которой ситуация, исчерпав себя, должна перестать иметь место, отличает рассматриваемые глаголы от глаголов «постепенного осуществления», объединяя их в то же время с характеризующими предикатами. Эта общность проявляется, в частности, в том, что названия процессов (деятельности), так же как и названия «свойств», естественнее сочетаются с «делимитативными» глаголами *перестать*, *прекратить(ся)*, чем с «терминативным» глаголом *кончить* (и тем более с книжным *завершить*)⁸⁶. Ср.: *К счастью, за стенкой перестали шуметь, а то мы боялись,*

⁸⁵ Мы говорим о «естественности» прекращения деятельности (или процесса) в противоположность «неестественности» прекращения статических ситуаций примерно в том же (несколько условном) смысле, который имеет в виду следующая формулировка Комри: «О состоянии можно сказать, что оно будет продолжаться до тех пор, пока не случится что-нибудь, что изменит это состояние. Динамическая ситуация, с другой стороны, будет продолжаться лишь в том случае, если она постоянно поддерживается новым притоком энергии» (Comrie 1976: 49).

⁸⁶ Глаголы *прекратить* и *кончить* могут сочетаться не только с инфинитивами, но и с соответствующими отглагольными существительными. Для *завершить* сочетание с существительным является единственно возможным.

что всю ночь нам не дадут спать (...за стенкой ?кончили шуметь...); Ничего, покапризничает и перестанет, при сомнительности: ?Ничего, покапризничает и кончит; Мы сядем в час и встанем в третьем, Я с книгой, ты с вышиваньем, И на рассвете не заметим, Как целоваться перестанем (Б. Пастернак); *Она перестала глядеть на улицу и шила около двух часов, не приподнимая головы* (А. Пушкин); *Я улыбаться перестала, Морозный ветер губы студит. Одной надеждой меньше стало, Одной песней больше будет* (А. Ахматова).

Даже если и можно «кончить целоваться на рассвете», «кончить глядеть на улицу» или «кончить улыбаться» и т. п. (хотя нормативность подобных сочетаний вызывает сомнения), очевидно, что в сфере глагольных предикатов, обозначающих «бесперспективные процессы (деятельность)», сочетания *перестать* + инф. и *кончить* + инф. (или сущ. вин. п.) семантически не противопоставлены, тогда как в сфере предикатов «постепенного осуществления» соответствующие предикации далеко не равнозначны. *Кончить писать диссертацию*, например, отнюдь не то же самое, что *перестать* (или *прекратить*) *писать диссертацию*, *кончить читать роман* — не то же, что *перестать читать роман*, *кончить убирать в квартире* (или *кончить уборку*) — не то же, что *перестать убирать в квартире* (или *прекратить* или *прервать уборку*) и т. п. Ср.: *Вы говорите справедливо, Что странно, даже неучтиво Роман, не конча, прерывать* (А. Пушкин).

Однако было бы странно «прервать рыдания, не кончив их», или «перестать плакать, не кончив плакать», или «прекратить шуметь, не кончив шуметь», и т. п.

Эти особенности также роднят предикаты «бесперспективных процессов» с характеризующими предикатами.

Так, если предикаты *быть поклонником*, *быть лентяем*, *быть сплетником*, *быть лингвистом*, *быть поэтом* и т. п. и мыслятся как свойства, ограниченные во времени, то быть таковыми скорее *перестают*, чем *кончают*: *Когда ты перестанешь быть таким сплетником (лентяем)?* И менее естественно: *?Когда ты кончишь быть таким сплетником (лентяем)?*; *Когда я увидел, как она разговаривает с теми, кто ниже ее по положению, я уже навсегда перестал быть ее поклонником (...*кончил быть ее поклонником)*. Ср. у Пушкина: *Я перестану быть поэтом, В меня вселится новый бес, И, Фебовы презрев угрозы, Унижусь до смиренной прозы (*Я кончу быть поэтом и унижусь до прозы)*.

Подобным образом едва ли осмысленно сочетание *кончить быть гостем*, тогда как *перестать находиться* в этом статусе для человека соответствующего склада вполне естественно: *Через пять минут он перестал быть гостем, а сделался своим человеком для всех нас* (Л. Толстой).

То же и с глагольными характеризующими предикатами: *Любить же Лизу я не переставал вовсе, а, напротив, любил еще более* (Ф. Достоевский), но не: **Любить ее я не кончал*.

Неопределенная длительность гомогенных процессов (деятельности) объясняет невозможность сочетания соответствующих предикатов с обстоятельственными временными выражениями типа *в один год, за полчаса*, которые обозначали бы срок, «требуемый» данным процессом (деятельностью), даже если этот процесс обозначается глагольной формой совершенного вида⁸⁷.

При этом невозможно не только указать срок прекращения процесса в будущем (что могло бы быть объяснено неизвестностью соответствующего «конечного пункта»), но и определить этот «срок» при помощи выражений типа *за час, в неделю* в тех случаях, когда речь идет об уже прекратившихся процессах, продолжительность которых, таким образом, известна: **За какой срок ты посидишь с больным?; *Сумеешь ли ты потанцевать за полтора часа?; *Они посплетничали в полчаса (за десять минут); *Он подразнил собаку за час*.

Дело в том, что «бесперспективные процессы» (в отличие от процессов, выражаемых предельными глаголами) не подразумевают какого-либо скачка или перехода в новое состояние, так что глаголы совершенного вида с приставками *по-* или *про-*, производные от глаголов несовершенного вида данного типа, в сущности означают то же, что и эти последние. Поэтому, если X занимался «бесперспективной деятельностью», то как бы короток ни был период, занятый этой деятельностью, этот X уже «позанимался» ею. Если мальчик собирался плавать полчаса, а его через десять минут после начала плавания позвали обедать, то он все же *поплавал* немного (хотя и меньше, чем намеревался). Но если X тонул полчаса, а потом его спасли, то это, разумеется, не значит, что он *потонул*⁸⁸ (т. е. утонул), как не значит и того, что он «потонул некоторое время». То же можно сказать и о

⁸⁷ Данное сочетаемостное ограничение было отмечено А. М. Пешковским [1956: 305].

⁸⁸ То обстоятельство, что глагольные лексемы типа *плавать* — *поплавать* обычно не признаются членами одной видовой пары в отличие от глаголов (или глагольных форм) типа *тонуть* — *потонуть*, в данном случае не принципиально. Недостаточно констатировать, что префикс *по-* многозначен, т. е. что в одних случаях он может иметь «делIMITативное» значение, а в других может быть «десемантизован», т. е. полностью «аспектуализован» (внося в значение глагола лишь семантику вида); сам этот факт требует объяснения и предикативного описания. Отнесение соответствующих глагольных лексем (точнее — предикатных выражений с данным глаголом) к тому или другому классу как раз и дает возможность предсказать тип описываемого соотношения между членами внешне сходных пар. Исходя из критерия, предложенного Масловым [1948], мы не считаем глаголы типа *плакать* — *поплакать*, *читать* — *почитать*, *сидеть* — *посидеть* членами одной видовой пары, в отличие от глаголов типа *тонуть* — *потонуть*, *брить* — *побрить* и т. п., принадлежащих к одной видовой паре. Однако для обсуждаемого здесь различия между соответствующими классами глаголов это обстоятельство несущественно.

«бесперспективных процессах», выражаемых неопредельными глаголами с неагентивным субъектом. Если, например, дождь прекратился через две минуты после того, как начал капать, можно сказать: *Дождь покапал (и прошел)*, причем верно будет и то, что он «покапал» уже в первую секунду после того, как начал «капать». Иначе говоря, если дождь «капал», то он уже и «покапал». Напротив, сообщение *Костер от ветра гас* не подразумевает того, что *Костер погас*.

Более того, если предикация, включающая неопредельный глагол в форме настоящего времени, подразумевает истинность предикации, включающей соотносительный глагол совершенного вида (в форме прошедшего времени), то предикация с предельным глаголом в форме настоящего времени имплицитно отрицает предикацию с коррелятивной формой совершенного вида (прошедшего времени). Так, например: *X живет в этом доме уже три года* → *X прожил в этом доме уже три года*, но: *X пишет диссертацию уже три года* → *X не написал диссертации*.

Отличаются по своим импликациям и предикации с формами совершенного вида глаголов этих двух классов. Так, форма совершенного вида прошедшего времени предельного глагола подразумевает, что процесс, обозначаемый соответствующим глаголом несовершенного вида (настоящего времени), не имеет места, тогда как глагол совершенного вида, принадлежащий к классу «бесперспективных процессов», не связан с подобной импликацией (хотя и не исключает соответствующего положения дел): *X написал диссертацию* → *X не пишет диссертацию*, но: *X погулял полчаса* → *X больше не гуляет*⁸⁹.

Во многих классификациях глагольных предикатов (в конечном счете восходящих к классификации Аристотеля) именно наличие рассмотренных импликаций используется в качестве критерия разграничения между двумя типами предикаций: «конечных», или «целевых» (telic) и «неконечных», или «нецелевых» (atelic)⁹⁰.

Так, по определению Говарда Б. Гэрея (с именем которого связывают введение терминов «целевой»/«нецелевой»)⁹¹, «нецелевыми»

⁸⁹ Это различие лежит в основе знаменитого аристотелевского деления на «кинетические» глаголы («движения») и «энергетические» («осуществления»). Ср. группу глаголов «непосредственного эффекта» у Ю. С. Маслова [1948: 314], более узкую, чем «осуществления» Аристотеля, что объясняется тем, что Маслов рассматривает в первую очередь отношения между членами одной видовой пары.

⁹⁰ Одни исследователи относят это разграничение к глаголам как к лексическим типам, другие — к самим ситуациям.

⁹¹ Гэрей говорил о «целевых» и «нецелевых» глаголах (во французском языке) — в работе «Verbal aspect in French» (Language, 33, 1957), помещенной в русском переводе в сборнике «Вопросы глагольного вида» [Гэрей 1962]. Его рассуждения и терминология очень напоминают рассуждения и терминологию Аристотеля (хотя Гэрей не упоминает о классификации греческого философа). Ср., например, следующий пассаж из Аристотеля: «Ни одно из действий, имеющих предел, не есть цель, а все они направлены на цель, например

глаголами «будут являться те, которым не нужно дожидаться достижения цели для того, чтобы обозначаемое ими действие представлялось осуществленным: действие это реализуется сразу же, как только начнется» [Гэрей 1962: 347]. Ср. общую формулировку Б. Комри: «Если утверждение, описывающее данную ситуацию при помощи формы с имперфективным значением (такой, как англ. прогрессив), имплицитно утверждает истинность утверждения, описывающего ту же ситуацию при помощи формы с перфективным значением (такой, как англ. перфект), то ситуация является нецелевой; в противном случае она целевая» [Comrie 1976]. В русской аспектологической литературе данное противопоставление обычно отождествляется с противопоставлением «предельность»/«непредельность» (см., например, [Маслов 1978: 14]). В действительности, однако, эти два противопоставления не тождественны (так, все глаголы «непосредственного эффекта», по Маслову [1948: 314], являются «нецелевыми» в только что определенном смысле и в то же время «предельными», ибо «непредельность есть невозможность для данного глагольного значения функционировать в совершенном виде» [Маслов 1964: 91]. Более того, употребление самого понятия «предельность» оказывается внутренне противоречивым (см. ниже).

4.3. «ПОСТЕПЕННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ» («ВЫПОЛНЕНИЕ») VS. «ПРОИСШЕСТВИЯ» («ДОСТИЖЕНИЯ»)

Среди глаголов, называемых в русской аспектологической литературе «предельными», можно выделить по крайней мере два различных класса. Один из них составляют глагольные видовые пары, спо-

цель похудания — худоба; ... это движение не действие или по крайней мере не законченное действие (ибо оно не есть цель); но если в движении заключена цель, то оно и есть действие. Так, например, человек видит — и тем самым увидел, размышляет — и тем самым размыслил, думает — и тем самым подумал (но нельзя сказать, что он учится — и тем самым научился или лечится и тем самым вылечился); и он живет хорошо — и тем самым уже жил хорошо, он счастлив — и тем самым уже был счастлив. Иначе действие это уже должно было бы когда-нибудь прекратиться, так, когда человек худеет; здесь это не так, а, например, он живет — и уже жил. Поэтому первые надо называть движениями, вторые — осуществлениями. Ведь всякое движение незакончено — похудание, учение, ходьба, строительство; это, разумеется, движения и именно незаконченные. Ибо неверно, что человек в одно и то же время идет и уже сходил, строит дом и уже построил его, возникает и уже возник или двигается и уже подвинулся, — все это разное, и также разное «движет» и «подвинул». Но одно и то же существо в то же время увидело и видит, а также думает и подумало. Так вот такое действие я называю осуществлением, а то — движением» [Аристотель 1976: 242, 246—247].

Ср. близкие формулировки в работах А. Кенни, З. Вендлера [Kenney 1963; Vendler 1967]. У Кенни целевым предикациям соответствуют так называемые performances, у Вендлера — accomplishments (составляющие подкласс класса «performances» Кенни).

собные участвовать в «целевых» предикациях, т. е. такие глаголы, несовершенный вид которых может обозначать некоторую тенденцию, а совершенный — осуществление этой тенденции (в аспектологических трудах данное противопоставление описывается как противопоставление «попытка» — «успех» и соответственно говорится о «конативном» значении несовершенного вида предельных глаголов; это, однако, не очень уместно в отношении процессов с неактивным субъектом, как в следующем примере: *Светало. За Владикавказом Чернело что-то. Тяжело Шли тучи. Рассвело не разом. Светало, но не рассвело* [Б. Пастернак]). Соответствующие предикаты, которые мы здесь называем предикатами «постепенного осуществления», включают в свое значение одновременно и указание на процесс, ведущий к определенной конечной точке, и указание на саму эту конечную точку. Иначе обстоит дело с такими глаголами, которые описывают лишь происшедшее в некоторый момент времени событие, но не подразумевают, что это событие было подготовлено каким бы то ни было процессом. Такие глаголы (или такие видовые пары) не могут участвовать в процессуальной предикации (даже в форме несовершенного вида, если данный глагол не относится к *perfectiva tantum*). Соответствующие предикации независимо от видовой формы глагольного предиката не принадлежат, следовательно, к «целевым».

На некоторые из таких глаголов обратил внимание Ю. С. Маслов более тридцати лет тому назад [Маслов 1948]. Ю. С. Маслов заметил, что противопоставление «действие в процессе его осуществления — событие» (в терминологии автора: «готовый факт, скачок»), казалось бы, настолько типичное и характерное, что именно его многие клали (и, добавим, кладут до сих пор) в основу определения семантики видов, не охватывает всех видовых пар. В частности, оно не может, по наблюдениям Ю. С. Маслова, проявиться в таких парах, как: *приходить/прийти, приносить/принести, приводить/привести, находить/найти*. Глаголы этого типа (их в действительности значительно больше, чем приводится в цитируемой работе, автор которой, впрочем, говорит и о «ряде других глаголов» того же рода) «не способны выражать отдельное действие в процессе его осуществления (занятость подлежащего выполнением этого действия)». Ср. неправильность примеров (34—43), где имеется типичный для конкретно-процессного значения контекст: дуративные обстоятельства (*целый час, медленно*) или актуализаторы вроде *смотри, как раз, вот*:

(34) *Смотри, вот он приводит сюда сына;

(35) *Я встретил почтальона на лестнице, как раз когда он приносил мне письмо;

(36) *Он медленно приходил домой;

- (37) *Старик увидел, что к нему не спеша приплывает золотая рыбка;
 (38) *Она целый час находила иголку;
 (39) *Ребенок родился трое суток;
 (40) *Экспедиция находила снежного человека пять лет, но так и не нашла его;
 (41) *Онегин все узнавал, узнавал в ней прежнюю Татьяну и наконец узнал;
 (42) *Два часа он побеждал противника, но так и не победил;
 (43) Что это с ним происходит? — *Да, судя по всему, он сейчас пугается темноты

(примеры (34), (35) и (38) принадлежат Маслову).

Несовершенный вид подобных глаголов (которые мы будем называть «происшествиями» или (с агентивным субъектом) «достижениями», а также глаголами «мгновенного осуществления») может употребляться в сценических ремарках, в функции исторического настоящего, в итеративном значении и т. п., т. е. всегда обозначает именно событие (или ряд событий), а не процесс: *Приходит муж, он нарушает сей неприятный tête-à-tête* (А. Пушкин); *Татьяна в тишине лесов Одна с опасной книгой бродит, Она в ней ищет и находит Свой тайный жар, свои мечты, Плоды сердечной полноты* (Он же); *Усилия Романуса увенчивались успехом — из электрической будки слышалось хихиканье, вылезала голова* (М. Булгаков).

«Только событийный» характер глаголов «мгновенного осуществления» объясняет их несовместимость с временными обстоятельственными выражениями, указывающими на продолжительность отрезка времени, в течение которого происходило разворачивание события, такими, как *за полчаса, в неделю, за год*. Сочетания с подобными временными выражениями возможны только для предикатов «постепенного осуществления»: *Он сможет прочитать эту книгу за вечер; Они добрались до реки в два дня; Он написал отзыв в два дня*, но невозможно: **Он придет за вечер; *Они очутились у реки за полдня; *Он вернется за полчаса; *Ребенок появился на свет в трое суток*.

Эта особенность объединяет предикаты «мгновенного осуществления» с предикатами «гомогенных (бесперспективных) процессов» («деятельности»), которые, как отмечалось, также не сочетаются с наречиями «срока», но по противоположным причинам, а именно потому, что данные наречия указывают на продолжительность разворачивания с о б ы т и я, а «бесперспективные процессы» ни к какому событию не приводят.

Заметим, что в описаниях русской грамматики обычно отмечается только это последнее ограничение, и соответствующие формулировки оказываются не только неполными, но и неточными, поскольку не учитывают «только событийных» глаголов типа *приходить/прийти*. Не учитывают их существование и распространенные определения

«предельности». Ср. формулировку новой академической грамматики: «Значение ограничения действия пределом свойственно всем глаголам сов. вида. Но значение достижения действием предела как некоей критической точки, после чего действие, исчерпав себя, должно прекратиться, свойственно не всем глаголам. Это зависит от семантики глагольной основы. Одни глагольные основы способны по своей семантике выразить в сов. виде достижение этой критической точки (*побелить, написать, вспахать*), а в несов. виде — стремление к ее достижению (*белить, писать, пахать*); такие глаголы называются глаголами с предельным значением основ. Другие глагольные основы не способны по своей семантике выражать достижение или стремление к достижению такого предела, это глаголы с не предельным значением основ (*лежать, спать, грустить*)» [Русская грамматика 1980: 583]. Как можно видеть, по отношению к глаголам типа *приходить/прийти, находить/найти* и т. п. эта формулировка оказывается противоречивой.

4.4. ЗЫБКОСТЬ ГРАНИЦ МЕЖДУ НЕКОТОРЫМИ КЛАССАМИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Глагольные предикаты, описывающие положения дел, так или иначе локализованные во времени (и тем все вместе противопоставленные предикатам, описывающим «общие свойства, привычки и род занятия»), различаются между собой характером временной отнесенности, что отражается, в частности, в их различной сочетаемости с временными обстоятельственными выражениями. Следует, однако, иметь в виду, что границы между соответствующими классами не всегда оказываются вполне четкими.

Так, многие «точечные события» прочно ассоциируются с определенными «процессами» и обратно (хотя глагол, описывающий «событие», и глагол, описывающий «процесс», и не являются членами одной видовой пары). Например, деятельность, описываемая глаголом *искать*, обычно направлена на то, чтобы *найти*, и поэтому событие, описываемое этим последним глаголом (т. е. «находка»), может восприниматься как закономерный «предел» (результат, завершение) процесса «поисков» (хотя и не процесса «нахождения», поскольку пара *находить/найти* не имеет значения процесса). Этим объясняется возможность сочетания глагола *находить/найти* с временными выражениями, указывающими на срок развертывания события, иначе говоря — трактовка предиката «точечного события» как предиката «постепенного осуществления». Ср.: *Х нашел нужную справку в пять минут; Сколько времени потребуется тебе, чтобы найти ручку?; Надеюсь, что ты найдешь паспорт за полчаса.*

Подобным образом события, описываемые, например, глаголами *вызубривать/вызубрить* или *высыпаться/выспаться*, могут рассмат-

риваться как результат процессов, обозначаемых неопредельными глаголами *зубрить, спать*. Поэтому, хотя названные «событийные» глаголы не употребляются в конкретно-процессном значении (нельзя сказать: **Вот он сидит и вызубривает урок*, как было отмечено Ю. Масловым [1948]; или: **Тише, в соседней комнате высыпается Ваня*), они тем не менее могут фигурировать в контексте, типичном для глаголов «постепенного осуществления»: *За три часа любой тупица может вызубрить что угодно; За семь часов он, вероятно, выпится*⁹².

Напротив, хотя семантическое отношение между несовершенным и совершенным видом глагола *умирать/умереть* как будто бы типично для предикатов «постепенного осуществления»⁹³, этот глагол не допускает сочетания с выражениями, указывающими на срок «наступления события». Едва ли возможны предложения вроде: *?Он умер за трое суток; ?Она умерла в полтора часа*.

С другой стороны, многие предикации, включающие в свой состав глаголы «бесперспективных процессов», могут в соответствующем контексте быть истолкованы как «предельные». Так, хотя такие глаголы, как *гулять, плакать, беседовать* и т. п., являются неопредельными, некоторые ситуации, описываемые соответствующими предикатами, могут мыслиться как требующие определенного завершения. Поэтому в некоторых условиях могут оказаться осмысленными вопросы типа: *Сколько времени тебе потребуется, чтобы погулять с собакой?; За какое время ты поплачешь ей в жилетку?; Надеюсь, за час вы уже побеседуете?* и т. п.

Следует также учитывать возможность окказионального переосмысления семантического соотношения различных видовых форм глагола, принадлежащего к одному классу, по образцу соотношения между видовыми формами глагола другого класса. Так, например, предикатные выражения *открывать/открыть дверь, окно* и т. п. являются предикатами «постепенного осуществления», тогда как выражения *открыть закон всемирного тяготения, открыть Америку* и

⁹² Отметим в этой связи редкий пример сочетания «обстоятельства срока» с таким типичным статическим предикатом, как глагол *знать*, в данном контексте трактуемым, очевидно, как результат («предел») предшествующей деятельности (процесса «учения», «запоминания»): *Я же почти в один сеанс знала уже всю французскую азбуку... — Вы во сколько времени азбуку выучили? — В три урока. — А она в один. Стало быть, она втрое скорее вас понимает и мягом вас перегонит* (Ф. Достоевский). Этот пример можно рассматривать как свидетельство в пользу трактовки предиката *знать*, предложенной О. Н. Селиверстовой [1982]. З. Вендлер также замечает (в другой связи), что «знание чего-нибудь есть ментальное состояние, вызванное соответствующей деятельностью» (Vendler 1980: 277). Ср. также [Бондарко 1971].

⁹³ Ср. толкование соответствующего польского глагола, предложенное А. Вежбицкой: *Ян умирал* = Ян последовательно проходил состояния такого ряда состояний, что если бы он прошел все состояния этого ряда, то умер бы [Wierzbicka 1967].

т. п. описывают точечные события («достижения») (разумеется, подготовленные какой-то предшествующей деятельностью, но не процессом «открывания»). В особых условиях, однако, «открытие» может трактоваться как результат предшествующего «открывания» — ср.: *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее; будьте уверены, что самый высокий момент его счастья был, может быть, ровно за три дня до открытия Нового Света... Колумб помер, почти не видав его и, в сущности, не зная, что он открыл. Дело в жизни, в одной жизни — в открывании ее непрерывном и вечном, а совсем не в открытии!* (Ф. Достоевский).

Несмотря на то, что в некоторых случаях безоговорочное отнесение рассматриваемой предикации к тому или иному типу может представить определенные трудности, соответствующие разграничения являются в целом весьма существенными.

5. КОНТРОЛИРУЕМЫЕ/НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВЕЩЕЙ

Признаки, родственные тому, который мы называем здесь «контролируемостью», фигурируют под разными названиями в целом ряде исследований последнего времени, в частности — под названием активности, или агентивности⁹⁴, субъекта предикации. Многие исследователи, под влиянием Лакоффа, обратившего внимание на то, что синтаксический признак «стативности» (выражающийся в невозможности употребления в английском языке стативных предикатов в форме прогрессива) часто коррелирует с семантическим признаком неактивности субъекта предикации, отождествляют соответствующие признаки. Однако, по крайней мере в русском языке, контролируемость/неконтролируемость и динамичность/статичность оказываются независимыми признаками (хотя нередко и совпадающими) — в том смысле, что многие правила русской грамматики требуют отдельного обращения к этим признакам.

Статичность, в частности, вполне совместима с признаком контролируемости. Таковы, например, предикаты *бездействовать, хранить молчание, присутствовать, манкировать своими обязанностями, безмолвствовать, быть (пребывать)* в сочетании с агентивным (наделенным волей) субъектом. Напротив, динамические предикаты («процессы»: *Ревела буря, дождь шумел, во мраке молния блистала*; «события»: *Прогредел гром* и т. п.) могут описывать неконтролируемые «положения дел».

⁹⁴ Термин «агентивность» использовался и в работе [Булыгина 1980] (см. главу I.1.1). О различных типах употребления этого термина в разных лингвистических работах см. [Cruse 1973].

Исследователи русской грамматики спорадически обращаются при описании тех или иных фактов к признакам, сходным с признаком контролируемости (прибегая при этом к различным названиям этих признаков). Так, например, еще Востоков, сопоставляя «начинательные» значения глаголов совершенного вида со значениями перифрастических оборотов с глаголом *стать* + инф. несов., отмечал, что последние (в отличие от первых) выражают действие произвольное, происходящее по собственной воле лица, и употребляются почти исключительно в связи с одушевленными субъектами: *Ребенок стал играть*, но: *Румянец заиграл на щеках* (цит. по: [Виноградов 1947: 531]).

Помимо этого более или менее частного (относящегося к одному определенному слову) сочетаемостного ограничения, можно указать и на ряд других, свидетельствующих о грамматической существенности рассматриваемого признака. Впрочем, некоторые из таких ограничений непосредственно вытекают из семантического определения соответствующих конструкций и в этом смысле являются более или менее тривиальными.

К такого рода смысловой несовместимости относится невозможность комбинации предикатов, описывающих неконтролируемые ситуации с обстоятельствами цели или «субъективного» основания (*ради него; для нее*), с целевым инфинитивом и с придаточными предложениями с союзом *чтобы* (в целевом значении):

- (44) *Он остался в этом городе ради нее, но: *Погода оставалась солнечной ради меня;*
 (45) *Он упал на колени, чтобы убедить ее в своем раскаянии, но: *Камень упал, чтобы ушибить собаку,*
 (46) *Мы зашли к соседке, чтобы она не обиделась, но: *Солнце зашло, чтобы было темно*

и т. п.

В том случае, если союз *чтобы* имеет нецелевое значение, как в примерах типа (47—50) (в [Грамматика 1970] некоторые предложения этого рода квалифицируются как имеющие значения «антицели»), данное ограничение снимается:

- (47) *Его долго носило по свету, и наконец он приехал сюда, чтобы через полгода умереть здесь от малярии;*
 (48) *Ветер утихает, чтобы через мгновение задуть с новой силой;*
 (49) *Садовод любовно ухаживает за яблонькой, чтобы ее сломал хулиган;*
 (50) *Он уезжает на чужбину, чтобы через год вернуться оттуда больным.*

Заметим, что придаточное предложение в примерах (47—50) может занимать только постпозитивное положение, тогда как в примерах с целевым *чтобы* позиция придаточного не является фиксированной. Ср. вполне нормальное:

(45') *Чтобы убедить ее в своем раскаянии, он упал на колени*

и аномальные:

(47') **Чтобы через полгода умереть здесь от малярии, его долго носило по свету, и наконец он приехал сюда;*

(48') **Чтобы через мгновение задуть с новой силой, ветер затихает;*

(49') **Чтобы ее сломал хулиган, садовод любовно ухаживает за яблонькой;*

(50') **Чтобы через год вернуться больным, он уезжает на чужбину.*

Таким образом, можно говорить о возможности препозиции придаточного с союзом *чтобы* как о формальном показателе различия между предикациями, описывающими «контролируемое» и «неконтролируемое» положение дел.

Исследователи обычно описывают данное ограничение в терминах признаков «активности» /«неактивности» или «статичности»/«динамичности» соответствующих предикатов. Так, Т. Б. Алисова [1971: 29] отмечает, что «возможность или невозможность появления факультативного обстоятельства цели служит формальным показателем семантического противопоставления предикатов активного воздействия на объект и предикатов неактивного контакта с объектом: *Он рубит дерево для чего?*, но *Он видит дерево*».

По формулировке «Грамматики русского языка», несвободность семантического наполнения сложноподчиненных целевых предложений состоит в том, что

- 1) «главная часть не может иметь значения статического пассивного состояния: для них обязательно значение динамического, активного действия»

и что

- 2) «главная часть обозначает произвольное действие, субъект которого — сознательно действующее лицо» [Грамматика 1970: 725].

Напротив, в предложениях с нецелевым *чтобы*, описывающих произвольное действие, «субъект действия главной части представлен действующим не сознательно и целенаправленно, а в силу сложившихся обстоятельств, либо является предметом неодушевленным» [Грамматика 1970: 277].

Представляется более уместным описывать соответствующее ограничение путем апелляции не к признакам стативности, статичности, динамичности, активного воздействия на объект и т. п., а именно к признаку контролируемости всей ситуации в целом, причем не обязательно со стороны лица, название которого выступает в функции подлежащего. Возможность комбинации признака статичности с признаком контролируемости ситуации объясняет приемлемость факультативного распространения целевыми обстоятельствами таких типичных предикатов состояния, как, например, *быть одетым, быть начеку, быть трезвым*, а также предикатов «положения» вроде *лежать, висеть, стоять* и т. п., в особенности, если контролируемость соответствующего состояния эксплицитно выражена, как в примерах: *Он увидел старика, повязанного платком, чтоб не мерзла лысина, и с деревяшкой вместо ноги* (Л. Леонов); *Лежит на нем камень тяжелый, Чтоб встать он из гроба не мог* (М. Лермонтов); *Будь готова к двум часам, чтобы не заставить нас ждать; Пусть белье повисит на солнышке часа два, чтобы как следует проветриться; Надеюсь, ты будешь причесана, накрашена и нарядно одета, чтобы не ударить в грязь лицом; Ты должен быть абсолютно трезв, чтобы не наболтать лишнего; Ты должна быть здорова хотя бы ради детей; Окна должны быть плотно занавешены, чтобы в комнаты не проник ни один луч света* и т. п.⁹⁵.

Достаточно тривиальной смысловой несовместимостью (а не запретами собственно грамматического характера) объясняется часто отмечаемая исследователями невозможность совмещения предикатов некоторых типов со значением побуждения (при формулировке соответствующих ограничений исследователи обычно апеллируют к признакам «стативности» или «неактивности», но, по нашим наблюдениям, и здесь уместнее говорить о признаке неконтролируемости).

Так, едва ли естественно: **Будь высокого роста; *Полагай, что все кончится хорошо; *Знай ответ* (примеры Миллера: Miller 1970), но вполне возможно: *Будь осторожен; Будь вежлив*, поскольку осторожность или вежливость характеризует поведение субъекта, находящееся под его контролем.

Как и в предыдущем случае, признак контролируемости характеризует ситуацию в целом и может быть связан с реальным инициатором (каузатором) ситуации, а не с формальным адресатом «побуждения». Так, при малой вероятности высказывания **Знай математику!* вполне нормальны высказывания вроде *Знай, что я тебя презираю; Знай, что я уезжаю*, в которых каузация получения адресатом соот-

⁹⁵ Отметим еще примеры вроде: *Волк ответил Красной Шапочке, что уши у него большие, чтобы лучше ее слышать, глаза большие, чтобы лучше ее видеть, а зубы большие, чтобы ее съест*, — основанные, по-видимому, на презумпции целесообразности того, что создается природой.

ветствующего «знания» находится под контролем говорящего. Аналогичным образом убийца может, убивая свою жертву, предварить акт убийства псевдопобуждением: *Умри, несчастная!*, хотя смерть и не принадлежит к категории «поступков».

Быть может, с тем же признаком контролируемости следует связывать возможность различных пожеланий, проклятий и тому подобных высказываний, близких к перформативным: *Навеки будь благословенна; Будь ты проклят; Славься, отечество наше свободное; Да будет сталь крепка; Будьте здоровы и благополучны; Пусть всегда будет солнце; Будьте так же прелестны, как и раньше, и по-прежнему восхищайте нас* и т. п. (говорящий в некотором роде присваивает себе контроль над ситуацией, как бы исходя из того, что он способен вызвать ее к жизни, высказав соответствующее пожелание; в противном случае подобного рода псевдопобуждения были бы бессмысленны).

В связи с широкой употребительностью форм повелительного наклонения для выражения пожелания, заклинания, экспрессивного псевдопобуждения, равного имплицитному обещанию возмездия в случае реализации этого «побуждения» (*Попробуй только заболей!; Попробуй упади мне в обморок, только этого не хватало; Ты еще у меня влюбись!; Ты мне засни еще на уроке!; Ты мне прозевай поезд!* и т. п.), не говоря уже о возможностях персонификации, сопровождаемой «волюнтаризацией», казалось бы, сугубо стихийных явлений и проявлений, т. е. презумпцией о наличии контроля над ними со стороны адресата (*Раззудись плечо, размахнись рука, Ты пахни в лицо, ветер с полудня!* [М. Кольцов]; *Ты без устали, ветер, пой, Ты, дорога, не будь им жесткой!* [М. Цветаева]; *Дождик, дождик, перестань* и т. п.), каких-либо строгих собственно грамматических ограничений на комбинацию граммы императивности с тем или иным лексическим значением глагола сформулировать не удается⁹⁶.

Существует, однако, ряд собственно грамматических ограничений, адекватная формулировка которых требует обращения к признаку «контролируемости».

К их числу относится, в частности, правило распределения видов в императивных конструкциях с отрицанием.

В исследованиях по русской грамматике при описании употребления видов (а также в связи с описанием императивных конструк-

⁹⁶ Можно впрочем, упомянуть о неупотребительности императивов [?]слышь, [?]услышь или [?]видь, [?]увидь при полной обычности их агентивных коррелятов: *слушай, смотри* (разумеется, не случайной). Однако и им может быть при желании приписан оптативный смысл. Ср., например, у М. Цветаевой: *Друг, я люблю тебя свыше. Слышь-и-встань; В тебе удлинясь, Как эхо в соборную грудь, В меня ударяясь: Не видь и не слышь и не будь.*

ций) обычно отмечается нейтрализация противопоставления по виду в императивных предложениях с отрицанием.

Если в собственно побудительных предложениях (без отрицания) может фигурировать повелительная форма как глагола несовершенного, так и глагола совершенного вида (каково бы ни было смысловое различие между ними), то в прогитивных, «запретительных» конструкциях с отрицанием употребляется в общем случае только форма повелительного наклонения глагола несовершенного вида:

Позвони брату. — Не звони брату; Расскажи ему все. — Не рассказывай ему ничего; Полюбите нас черненькими. — Не любите богатый бедную (М. Цветаева); Пожелай мне счастья. — Не желай несчастья близнему и т. п.

В качестве особого случая отмечается также употребление при отрицании повелительной формы глаголов совершенного вида в так называемых предостерегательных конструкциях (*Не споткнись; Не упади и т. п.*).

В некоторых описаниях указывается на смысловое отличие конструкций *не + имп. несов.* от конструкций *не + имп. сов.* Так, например, указывается, что «формы повелительного наклонения глагола несовершенного вида с отрицанием выражают запрещение, например: *не говорите этого сестре, не опаздывайте на занятия*», тогда как «формы... глагола совершенного вида выражают предостережение, например: *не опоздайте на поезд; не скажите этого сестре; не проговоритесь; не упадите — тут скользко*» [Грамматика 1953: 500].

Там же говорится, что «оттенок предостережения усиливается присоединением повелительной формы *смотри (смотрите)* к глаголам как совершенного, так и несовершенного вида», т. е. признается, что значение «предостережения» могут выражать и формы глаголов несовершенного вида (*смотри не опаздывай; смотри не говори этого*).

И хотя говорится, что «при наличии отрицания употребление того или другого вида определяется более точными условиями» [Грамматика 1953: 500], приходится признать, что формулировка этих условий необходимой точностью не обладает.

А. В. Исаченко объясняет употребление различных видов глагола в императивных конструкциях с отрицанием общей способностью несовершенного вида выражать (в индикативе) «актуальные» действия и неспособностью к такому употреблению глаголов совершенного вида. По его мнению, отрицательная форма императива несовершенного вида типа *Не пиши!* выражает запрет, относящийся к конкретному действию, или уже совершаемому в момент речи, или непосредственно предстоящему, в то время как форма императива совершенного вида типа *Не упади!* или *Не простудись!* употребляется в тех случаях, когда говорящий хочет помешать осуществлению «угрожающего» (в бу-

дущем) действия, хочет предупредить собеседника: *Не забудь позвонить!*; *Не опоздай к обеду!* [Исаченко 1960: 493].

Эта интерпретация не кажется вполне удовлетворительной.

Так, например, невозможность употребления формы императива глагола совершенного вида в следующих ниже примерах едва ли может быть объяснена в духе комментариев Исаченко: *Я хочу позвонить ей в конце месяца — Ни в коем случае не звони (*не позвони)* (никакой «актуальности» нет); **Не устрой банкет после защиты. — могут быть неприятности; *Не выступи на послезавтрашнем обсуждении, это у нас не принято.*

Предложенное А. В. Исаченко объяснение плохо согласуется и с (принимаемым им же) взглядом на природу противопоставления совершенного и несовершенного видов по отношению к будущему [Исаченко 1960: 444]. По наблюдению С. О. Карцевского, «описательное будущее отчетливо указывает на действие, развивающееся в плане будущего, всецело отделенного от плана настоящего; так *Она сейчас будет одеваться к обеду* эксплицитно выражает, что данное лицо еще не начало одеваться. Напротив, предложение *Она сейчас оденется к обеду* может обозначать, что это лицо окончит свой туалет, начатый уже раньше» [Karcevski 1927].

С этим наблюдением солидаризировался и В. В. Виноградов: «Описательная форма будущего времени несовершенного вида... обозначает течение действия в плане будущего, отрешенном от настоящего (ср., например, *Я сейчас буду одеваться*, т. е. еще не начинал и *Я сейчас оденусь*, т. е. буду одетым)» [Виноградов 1947: 569]. Соответствующее значение будущего времени глаголов несовершенного вида, как подчеркивает Исаченко, «является не каким-либо дополнительным „оттенком значения“ формы будущего времени глаголов несовершенного вида, а основным семантическим признаком данной формы», отличающим ее от формы будущего времени глаголов совершенного вида. Было бы странно (или требовало бы специального объяснения), если бы в других словоизменительных формах — в частности в рассматриваемом нами случае императивных предложений — данное семантическое соотношение было бы попросту инвертировано.

Как говорилось выше, адекватная формулировка правила распределения видов в императивных конструкциях с отрицанием требует обращения к признаку контролируемости. Если глагол обозначает контролируемое действие, то любому виду императива в неотрицательных конструкциях всегда соответствует несовершенный вид императива в конструкциях с отрицанием — в форме совершенного вида здесь могут выступать лишь глаголы, обозначающие события, которые не зависят от воли субъекта (хотя говорящий и предполагает, что ситуация в целом контролируется адресатом — в том смысле, что событие может быть предотвращено): *Не упади!*; *Не поскользнись!*; *Не*

заболей!; *Не попади под влияние этого субъекта!*; *Не прозевай этот спектакль!*; *Не опоздай на поезд!*; *Не забудь паспорт!*, тогда как употребление формы совершенного вида от агентивных глаголов невозможно даже по отношению к конкретному одноактному действию: **Не подпиши ему рекомендацию!*; **Не сходи за хлебом!*; **Не позвони брату!*; **Не плюнь в колодец!*; **Не подари ему эту книгу!*.

(Библейские заповеди «не убий», «не укради» иногда цитируются путем буквального заимствования церковно-славянских форм. В русском переводе Библии фигурируют формы несов. вида: «не убивай»; «не кради».)

Заметим, что презумпция возможности предотвращения действия (которое само по себе является произвольным) составляет одно из условий возможности употребления рассматриваемой конструкции: как говорилось выше, любое побуждение тривиальным образом связано с тем или иным типом контролируемости ситуации. Поэтому в императивных конструкциях с отрицанием возможен не любой неагентивный глагол совершенного вида. Существенно, однако, что агентивные глаголы совершенного вида в отрицательных императивных конструкциях вообще невозможны. Иначе говоря, произвольность как элемент семантики глагола является недостаточным, но необходимым условием возможности употребления совершенного вида в рассматриваемых конструкциях. С другой стороны, для многих глаголов значение произвольности или непроизвольности (как отмечалось в работе [Булыгина 1980: 341—342, 343] — см. главу I.1.1) является флексивным и зависит, в частности, от комбинации с тем или другим видовым значением в императивных конструкциях с отрицанием. Ср.: *Не опаздывай на работу.* — *Не опоздай на работу;* *Не прозевай выставку.* — *Не зевай* (т. е. *будь внимателен*); *В пирог запечена монетка на счастье, не проглоти ее!* — *Не глотай таблетку, ее следует положить на язык и сосать* и т. п.

Объективным языковым отражением смыслового различия между контролируемыми и неконтролируемыми ситуациями являются различные трансформационные связи соответствующих конструкций. Так, только предложения, описывающие произвольное, зависящее от субъекта действие, могут быть преобразованы в инфинитивные (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла «интенсивного и внезапного приступа к действию»): *Мужик метаться и кричать: Ой, батюшки! тону! тону!* (И. Хемницер); *Мы ее убеждать, уговаривать, а она пуще плакать* (М. Вовчок); *И царица хохотать, И плечами пожимать, И подмигивать глазами, И прищелкивать перстами, И вертеться подбочась...* (А. Пушкин); *Увидевши слона, ну на него метаться, И лаять, и визжать, и рваться* (И. Крылов); при невозможности: **А дождь лить;* **А гром греметь;* **Она толстеть.* Существенно подчеркнуть, что само по себе значение «интенсивности» и

«внезапности» вполне совместимо со значением наступления «события», относящегося к неактивному субъекту — ср.: *А дождь как польет!*; *А гром как загремит!*.

Это свидетельствует о том, что данное сочетаемое ограничение связано с грамматической, а не с реальной несовместимостью соответствующих смыслов. В грамматике обычно конструкции типа *Она плакать* характеризуются как «экспрессивно окрашенный вариант» сказуемого, образованного сочетанием инфинитива с начинательным глаголом (преимущественно в форме прошедшего времени): *Она начала плакать* → *Она плакать*; *Царица принялась хохотать* → *Царица хохотать* [Грамматика 1970: 584].

Очевидно, что исчерпывающая характеристика данного преобразования (или данного соотношения) должна была бы включать указание на соответствующее ограничение, т. е. эксплицитным образом исключить из правила предикаты с отрицательным значением признака «контролируемость». В своем настоящем виде формулировка [Грамматики 1970] — «Сказуемое, которое образуется сочетанием инфинитива с начинательным глаголом (*стал спорить, начал плакать, принялся хохотать*), имеет вариант в виде собственного инфинитива» — не предотвращает порождения грамматически неправильных предложений — ср. ниже примеры (51а) и (51б), (52а) и (52б), которые находятся в том же отношении, что и приведенные в [Грамматика 1970] примеры: *Она начала плакать* ≈ *Она плакать*; *Царица принялась хохотать* ≈ *Царица хохотать*, но: (51а) *Дождь стал лить как из ведра* ≠ (51б) **Дождь лить как из ведра*; (52а) *Начал валить снег* ≠ (52б) **Снег валить*; (53а) *Она начала худеть* ≠ (53б) **Она худеть*.

Следует заметить, что контролируемость действия — единственное условие возможности употребления глагола в инфинитивных конструкциях рассматриваемого типа (в них не могут быть, в частности, употреблены глаголы «достижения» и статические глаголы, хотя бы обозначающие ситуации, находящиеся под контролем субъекта). Важно, однако, что контролируемость ситуации является н е о б х о д и м ы м признаком рассматриваемых конструкций.

Еще одним свидетельством грамматической существенности рассматриваемого семантического противопоставления является то, что весьма продуктивная⁹⁷ возможность «дезактивирующего» преобразования, проявляющаяся в соотносительности личных конструкций «им. п. +Vf» с безличными предложениями, состоящими из (факультативного) дательного падежа субъекта и глагола 3 л. ед. ч. на -ся,

⁹⁷ С. О. Карцевский, например, утверждал, что в русском языке «практически нет глагола, не могущего быть употребленным в безличном обороте в форме на -ся» [Karcevski 1927]. Хотя эта формулировка представляет собой преувеличение, высокая степень продуктивности рассматриваемых образований не вызывает сомнений (ср. [Грамматика 1954: 18]).

например: *Я работаю.* — *Мне [хорошо] работается,* — ограничена предложениями с активными субъектами: *Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. Только мне не плачется — на душе светло* (С. Есенин); *Не спится, няня: здесь так душно* (А. Пушкин); *Я буду петь, пока поется, Пока волненья позабыл, Пока высоким сердце бьется, Пока я жизнь не пережил* (М. Лермонтов); *Кому сегодня шутится? Кому кого жалеть?* (Б. Пастернак); *Черт: ползком не проберусь, А мне едется* (М. Цветаева). Для предметов, лишенных волевого начала, такая «дезактивизация» невозможна; и это именно грамматический запрет, так как законы «семантического согласования», действующие на уровне сочетания слов, более «либеральны» — ср. лексическое выражение значения, довольно близкого тому, которое выражают «демиактивные» конструкции («внутренняя предрасположенность к действию»): *Ватман загорался нехотя* (А. Солженицын); *С неба капали ленивые капли дождя, но не: *Ватману не горелось; *Дождю шлось с трудом* (ср. *Она чувствовала себя легко, всю себя и ноги особенно — так невесомо шлось* [А. Солженицын]).

В [Грамматика 1954] глаголы, образующие рассматриваемую форму, характеризуются как «продуктивная группа глаголов, обозначающих состояние живого существа». Эта характеристика не совсем точна: рассматриваемая форма обычно употребляется лишь в качестве названия состояния, предцизируемого лицу (едва ли можно сказать: [?]*Коровам не мычалось; ?Петуку сегодня не поется; ?Кошкам не елось* и т. п.).

Возможно, правда, употребление анализируемой конструкции с личными одушевленными предметами при персонификации, но такая персонификация возможна и в отношении неодушевленных предметов: *Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится?* (В. Маяковский); *Очень знать нам хочется, звездная Медведица, как вам ночью ходится, как вам ночью ездится?* (Он же); *Уединение любя, Чиж робкий на заре чирикал про себя. Не для того, чтобы похвал ему хотелось. И не за что; так как-то пелось* (И. Крылов).

С другой стороны, одушевленность субъекта еще не обеспечивает возможности использования рассматриваемой конструкции. А. В. Исаченко, возражая С. О. Карцевскому, который, по его мнению, переоценивал продуктивность безличных форм на -ся (утверждая, что в русском языке практически нет глагола, не могущего быть употребленным в безличном обороте), справедливо отметил, что «далеко не все непереходные глаголы образуют безличные возвратные формы». Невозможность сочетаний типа **Мне присутствуется, *Мне выздоравливается, *Мне негодуется, *Мне завидится* Исаченко [1960] объяснял тем, что «безличные формы легче образуются от глаголов конкретно-бытовой лексики, чем от глаголов отвлеченных и книжных».

Можно, однако, заметить, что данное деление не соответствует тем классам глаголов, от которых образуются или не образуются рассмат-

риваемые формы. Если и справедливо, что среди глаголов «отвлеченных и книжных» данный тип употребления представлен реже, чем среди глаголов «конкретно-бытовой» лексики, то это объясняется тем, что значение многих «отвлеченных и книжных» глаголов несовместимо по смыслу со значением «внутренней предрасположенности к действию», «успешности совершения действия» и т. д., выражаемым данной формой.

И все же далеко не все глаголы «конкретно-бытовой» лексики образуют безличную форму на -ся, и, с другой стороны, достаточное число «отвлеченных и книжных» глаголов эту форму образуют. Ср. примеры (54—59) с «конкретно-бытовыми» глаголами и примеры (60—65) с «отвлеченными и книжными» глаголами:

(54) **Ей все хорошеется*;

(55) *Он совершенно лишен застенчивости — *ему никогда не краснеется*;

(56) *На дворе октябрь, а *листьям все не желтеется*;

(57) **Ей давно не влюбляется*;

(58) **Лыжам хорошо скользится*;

(59) **Воде течется свободно*,

но:

(60) *Как вам там путешествуется?*;

(61) *Хорошо ли ему директорствуется?*;

(62) *Сегодня композитору что-то не импровизируется*;

(63) *Надеюсь, вам там хорошо гастролируется*;

(64) *Сегодня на семинаре нам хорошо пофилософствовалось*;

(65) ... *со стороны ему рассуждается вольнее и яснее* (Н. Добролюбов)⁹⁸.

Обратим внимание на то, что превращение предиката, выражающего контролируемую ситуацию, в предикат, выражающий «полуконтролируемую» («демиактивную») ситуацию, автоматически снимает возможность распространения предиката при помощи целевых обстоятельств (ср. о соответствующей зависимости выше):

(66) *Но я плачу не для вас: мне просто плачется* (И. Гончаров) — было бы невозможно: **Мне плачется не для вас, а просто так*;

(67) *Зачем вы так много и добросовестно работаете? Ведь ваша книга не будет напечатана, и никто не будет вашу работу читать*;

(68) **Зачем вам так хорошо работается? Ведь вашу книгу не будут печатать*.

⁹⁸ Ср. также: *Здесь мне легко мыслится* — пример из [Очерки... 1971: 162].

Существенно, что данное сочетаемое ограничение связано не только с формально выраженной «неактивностью» предиката (ср. пример (67) и явно аномальный пример (68), а также (66), в котором рассматриваемое смысловое противопоставление очень наглядно), но и с соответствующим семантическим свойством, непосредственно (в форме самого предиката) не выраженным.

Признак контролируемости должен использоваться также в правиле, описывающем возможности выражения формами настоящего времени значения «запланированного будущего». Это значение могут иметь только предикаты целенаправленного действия, например, *слушать*, но не *слышать*, *работать*, но не *любить* и т. п. Ср.: *Завтра мы слушаем Рихтера*, но не **Завтра мы слышим Рихтера*; *Завтра я работаю в библиотеке*, но не **Завтра я болен гриппом*. В форме «настоящее в смысле запланированного будущего» не могут употребляться даже предложения, содержащие прогнозы, если они касаются неконтролируемых ситуаций. Так, *Завтра весь день будет лить дождь* не преобразуется в **Завтра весь день льет дождь*. Смысл, выражаемый предложениями (67) или (68), не может быть выражен предложением (69)⁹⁹: (67) *Послезавтра у больного температура снизится до нормы* = (68) *Послезавтра температура у больного должна снизиться до нормы* ≠ (69) **Послезавтра температура у больного снижается до нормы*.

Признак контролируемости должен приниматься во внимание и при описании семантики несовершенного вида, а также семантического соотношения несовершенного и совершенного видов: глаголы некоторых классов в контексте неагентивности являются «непосредственно эффективными» (в смысле работы [Маслов 1948]), т. е. выражают значение «осуществленности» независимо от того, в какой видовой форме они выступают, тогда как в контексте агентивности значение успешности некоторой деятельности строго имплицитно лишь совершенным видом глагола, а несовершенный вид может, кроме того, иметь значение деятельности, только направленной к достижению определенного результата, попытки добиться успеха (в том числе и неудачной). Так, например, предложение *X пугает Y-а* приблизительно равнозначно предложению *Y боится X-а* в том случае, если X — объект, лишенный волевого начала. Однако если X — агентивный субъект, то импликация не действует ни в ту, ни в другую сторону. Ср. известную фразу Л. Н. Толстого о Л. Андрееве: *Он меня пугает своими произведениями, а мне не страшно*. Но невозможно:

⁹⁹ Предложение (69) не может быть понято не только в смысле «настоящего в значении будущего», но и в узуальном смысле или же в значении «настоящего исторического» — из-за присутствия индексального (относящегося к речевому событию) элемента в семантике наречия *послезавтра*.

Меня пугает предстоящее обсуждение нашей монографии, *но мне не страшно (или: *но я его не боюсь).

Ср. также: Она очаровывала нового заведующего всеми доступными ей средствами и в конце концов, кажется, действительно очаровала его (или: ...но все-таки так его и не очаровала), но: Ее голос и артистизм неизменно очаровывали слушателей, где бы она ни пела (было бы невозможно: *Ее голос очаровывал слушателей, да не очаровал, или: ...*и в конце концов очаровал их).

Дон Хуан покорял самую неприступную и добродетельную даму¹⁰⁰ (и впервые в жизни не был уверен, что покорит ее) и: *Ее протодушие всех покоряет, только неизвестно, покорит ли и т. п. Различный характер семантического отношения между несовершенным и совершенным видом, зависящий от агентивности/неагентивности субъекта, обнаруживают не только глаголы эмоционального воздействия (на которые в данной связи было недавно обращено внимание в работе [Арутюнова 1980]), но и глаголы других лексических группировок. Так, например, даже такие глаголы, как, скажем, *кусать*, *будить*, *дарить*, близкие, вообще говоря, к типу точечных предикатов (выражающих «достижение» независимо от видового значения), всегда сохраняют эти свои свойства только когда речь идет о неконтролируемых процессах, а в контексте целенаправленной деятельности несовершенный вид этих (и подобных) глаголов может выражать не только значение «достигнутого эффекта», но и значение «попытки, не увенчавшейся успехом». Ср. странность фраз вроде: *Его кусала оса, но, к счастью, не укусила или даже: ?Его долго кусала собака и наконец укусила при возможности «конативного» (и притом «неэффективного») прочтения формы *кусали* (требующего, правда, специальных контекстуальных или конситуативных условий), как в примере, встретившемся у В. Распутина: *Как-то, вспомнив эту поговорку, он схватил рукой локоть и изо всех сил потянулся к нему зубами — вдруг укусишь? — Но, не дотянувшись, свернув до боли шею, засмеялся, довольный: правильно говорят. Кусали, значит, и до него, да не тут-то было.* Подобным образом фраза типа *X будил Y-а* имплицитно подразумевает *X разбудил Y-а* (хотя бы однажды), если каузация исходит от неодушевленного X-а, но может и не иметь такой импликации, если X — лицо: *По утрам его будили парходные гудки* (невозможно продолжить: *но разбудить его удавалось только отцу); но: *По утрам его долго будила мать, но обычно приходилось звать на помощь отца: только он мог его разбудить.*

Даже глаголы типа *давать*, *дарить* могут в контексте агентивности относиться к неудачной попытке «дать» или «подарить» (в от-

¹⁰⁰ Этот и другие подобные примеры обсуждались несколько в другой связи в работе [Булыгина 1980: 352—353] (см. главу I.1.1).

личие от значения, которое *давать*, *дарить* имеют в сочетании с личным субъектом). Ср.: *Много полезного давали аспирантам лекции Н. А.* (странно было бы продолжить: **но, к сожалению, мало что дали*) и *Дала тебе Маша билеты? — Нет, она давала, но я отказался.* Ср. также: *Любовь одна — веселье жизни холодной, Любовь одна — мучение сердец: Она дарит один лишь миг отрадный, А горестям не виден и конец* (А. Пушкин). Но: *Моей любви просил он. Любить я не могла, И деньги мне дарил он — Я денег не брала* (М. Лермонтов).

Следует, таким образом, признать, что «контролируемость» не всегда представляет собой частный признак, не влияющий на отнесение предиката к тому или другому общему типу, как можно было бы заключить по предлагаемой здесь классификации, основанной, главным образом, на признаках, связанных с характером временной соотнесенности (см. табл.).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ свидетельствует о системной значимости и грамматической (в частности, аспектуально-темпоральной) сущности следующих признаков:

- 1) отсутствие/наличие временной связанности (вневременность, постоянность/эпизодичность);
- 2) статичность/динамичность;
- 3) длительность/недлительность;
- 4) временная перспектива, т. е.:
 - а) перспективность/бесперспективность (для процессов),
 - б) подготовленность/неподготовленность предшествующим процессом (для событий);
- 5) контролируемость/неконтролируемость.

Описание классов предикатов русского языка в терминах выделенных признаков позволяет представить отношения между ними в виде иерархически организованной системы — см. табл. (в скобки заключены названия контролируемых положений дел; фигурные скобки, объединяющие «тенденции» («попытки») и «результаты» («свершения»), указывают на то, что соответствующие значения выражаются несовершенным и совершенным видом глаголов, образующих видовую пару (если глагол относится к классу предикатов «постепенного осуществления»).

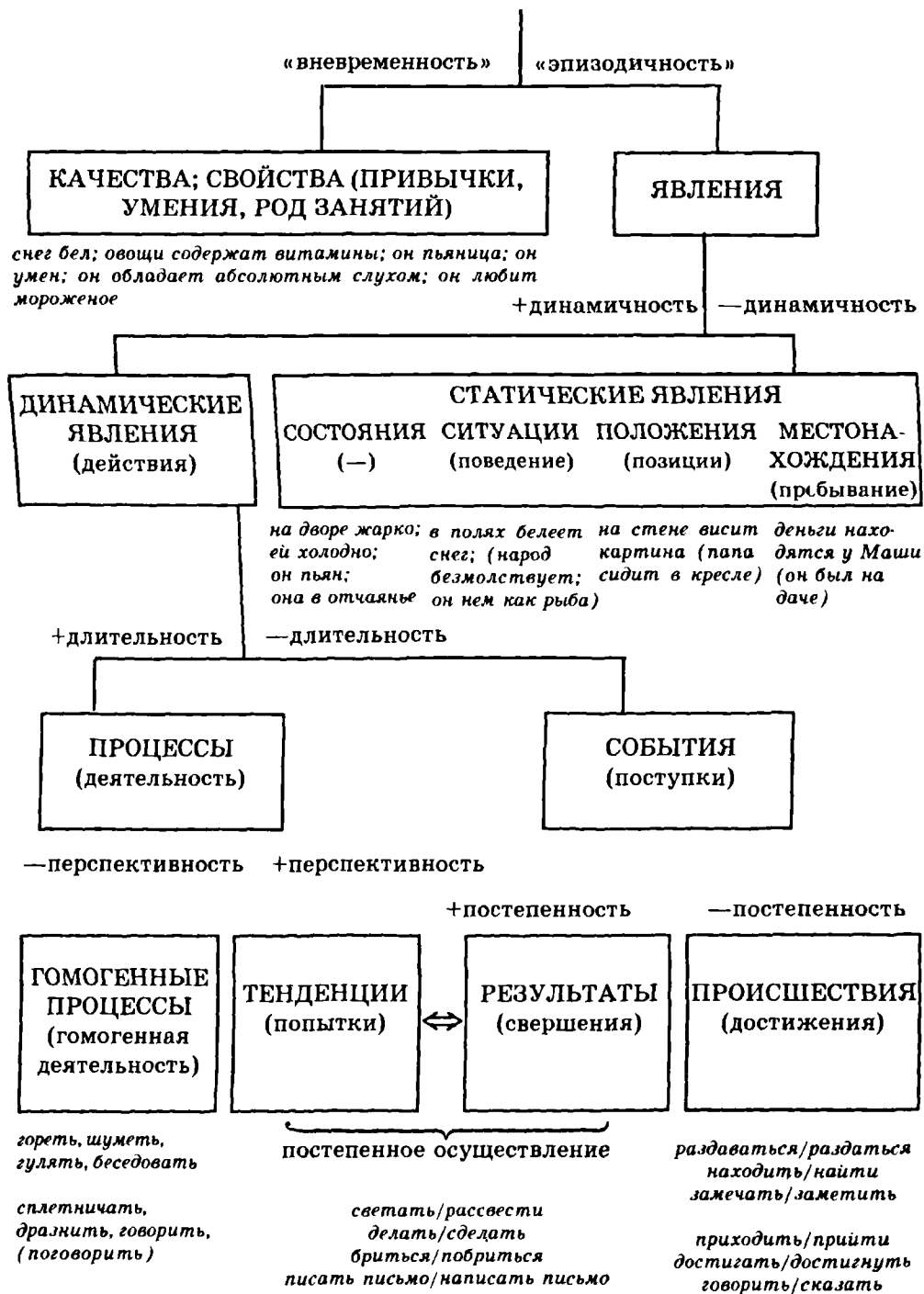
Предложенная классификация не является, разумеется, ни единственно возможной (она могла бы быть построена на иных основаниях), ни окончательной — и в том смысле, что она допускает дальнейшую детализацию при добавлении дополнительных призна-

ков, посторонних для нашей классификации¹⁰¹, и в том смысле, что более полный учет фактов, релевантных для выбранного здесь аспекта рассмотрения, может потребовать уточнения состава выделяемых классов¹⁰².

¹⁰¹ Так, «состояния», «ситуации», «положения» и «местонахождение» попадают у нас в один класс, поскольку характеризуются одними и теми же значениями признаков, положенных в основу нашего разбиения, что не исключает того, что они различаются по другим, более частным признакам, сознательно оставленным нами в стороне.

¹⁰² Так, например, класс не подготовленным предшествующим процессом событий, т. е. «происшествий» и «достижений», к которому наряду с «точечными» глаголами вроде *споткнуться* были отнесены также глаголы типа *вызубривать* и *высыпаться* (на том основании, что несовершенный вид этих глаголов не может выражать конкретно-процессное значение), быть может, следует разделить на собственно «сюрпризы» и на такие события, которые предполагают предшествующий процесс, хотя и выраженный другим глаголом. Признак контролируемости, выделяющий среди «только событийных» глаголов предикаты «достижения», лишь отчасти объясняет различия в поведении глаголов типа *очутиться* и типа *вызубривать/вызубрить* (глагол *высыпаться*, например, должен быть объединен с этим последним глаголом, хотя событие, описываемое глаголом *выспаться*, едва ли можно считать находящимся под контролем субъекта).

ПОЛОЖЕНИЯ ВЕЩЕЙ

ГЛАВА 3

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК СУПЕРКАТЕГОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

1. ТИПЫ ВНЕЯЗЫКОВЫХ СУЩНОСТЕЙ

Исследования последних десятилетий в области семантики предложения показали, что языковая единица, неоднозначная сама по себе, может получить однозначную интерпретацию в контексте предложения в результате семантического взаимодействия с другими языковыми единицами, входящими в то же предложение [Апресян 1972; Гак 1972; Арутюнова 1974]. Данная глава посвящена проблеме взаимной связи видо-временного значения предиката и референциальных характеристик его актантов. Мы постараемся также выяснить, каким образом эта связь может быть отражена в лингвистическом описании.

Источники референциальных противопоставлений могут быть различны: при анализе референциальных характеристик именной группы (далее — ИГ) следует учитывать, в каком денотативном пространстве фиксируется референт ИГ.

Существует три типа внеязыковых сущностей, к которым может производиться референция.

- 1) абстрактные классы (открытые множества) объектов;
- 2) индивидные объекты, взятые в отвлечении от конкретных пространственно-временных манифестаций;
- 3) конкретные пространственно-временные «срезы» объектов.

Мы будем называть сущности первого типа классами, сущности второго типа — (абстрактными) индивидами, объекты третьего типа — «инстанциями», или «инстантами». Следует отличать классы как открытые, неперечислимые множества объектов от множественных ин-

* Впервые опубликовано: Вопросы языкознания, 1989, № 3. В основу главы был положен доклад, прочитанный на школе-семинаре «Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности» в г. Телави в 1983 г. [Булыгина 1983а]. Мы признательны всем принявшим участие в обсуждении названного доклада.

дивидов, т. е. закрытых, перечислимых множеств объектов. Так, ИГ *дети* в высказывании *Дети любопытны* в наиболее естественном понимании соотносится с классом (открытым, принципиально неограниченным множеством), в высказывании *Дети сыты* или *Дети спят* — с закрытым множеством (а именно — с множественным индивидом, взятым в данном случае в конкретной пространственно-временной реализации, т. е. с «инстантом»), а в высказывании *Дети у нее плохо воспитаны* — с множественным индивидом, взятым в отвлечении от конкретных пространственно-временных реализаций. Референцию к классу мы в дальнейшем будем называть генерализованной референцией, а референцию к индивиду — индивидуальной референцией.

Противопоставление «инстантов» и абстрактных индивидов связано с признаваемым логикой онтологическим и эпистемологическим различием между подлинно единичными объектами, к которым «... с определенностью можно отнести только объекты, в принципе доступные непосредственному восприятию, т. е. вещи в пространстве-времени» [Рвачев 1966: 5], и абстрактными объектами, с которыми, например, имеет дело экспериментатор, «отождествляющий свою аппаратуру и сотрудников в разные моменты времени» [Там же: 3]. Тот факт, что ИГ, соотносимые с абстрактными индивидами, в том числе имена собственные, а также существительные с так называемой «уникальной референцией» (*солнце*, *луна*) содержат в себе элемент обобщения, был замечен и лингвистами. Так, С. Д. Кацнельсон [1972] справедливо отметил, что, «выделяя какое-либо лицо, собственное имя объединяет различные состояния и аспекты его деятельности, различные периоды его физического и духовного развития» (можно добавить, что объединяются различные моменты существования данного лица). Упомянем также замечание А. Вежбицкой [1982: 255], что в таких предложениях, как *Я хорошо знаю Яна; Ян добрый, умный, спокойный, смелый*, «преддицируемый признак приписывается, строго говоря, не Яну, а множеству событий, которые тем или иным образом связаны с Яном (множество, которое нельзя просто перечислить, т. к. его нельзя приравнять ни к какому закрытому списку)».

Важно отметить, что в русском языке нет специальных средств выражения противопоставления между абстрактными индивидами и «инстантами»: одна и та же предметная ИГ в разных высказываниях может соотноситься то с «инстантом», то с абстрактным индивидом, а выбор интерпретации определяется контекстом и, в первую очередь, свойствами подчиняющего предиката. Например, в предложении *Солнце излучает тепло и свет* ИГ *солнце* соотносится с абстрактным индивидом, и истинность соответствующего высказывания прямо не зависит от конкретных событий, происходящих в пространстве и времени (так, оно не перестает быть истинным, будучи произнесенным, скажем, зимней ночью). Напротив, в таких предложениях, как,

например, *Солнце греет до седьмого пота и бушует, одурев, овраг* или *Солнце грустно сегодня, как ты, солнце нынче, как ты, северянка* указанная ИГ соотносится с отдельными «инстантами» солнца (свойства «греть до седьмого пота» или «испытывать грусть», «выглядеть грустным» не входят в число свойств солнца как абстрактного индивида).

Подчеркнем, что интерпретация референта как «инстанта» или же абстрактного индивида не зависит от выбранного способа его номинации. Так, *пьяница* в предложении *Пьяница упал* соотносится с «инстантом», поскольку высказывание касается только одного «временного среза» обозначаемого лица. В то же время номинация выбирается на основе нелокализованных во времени свойств лица (свойство «быть пьяницей» присуще обозначаемому лицу независимо от конкретного момента, когда произошло событие, о котором идет речь).

Выделенные три когнитивных статуса присуще только предметным ИГ. Что же касается сентенциальных ИГ, т. е. ИГ, соотносимых с ситуациями, то для них возможны лишь два типа таких сущностей: 1) абстрактные классы и 2) «инстанты» — ср.: *Он боится грозы* (класс). — *Он испугался грозы* («инстант»); *Но поражение от победы ты сам не должен отличать* (класс). — *Я был свидетелем поражения «Спартака»* («инстант»). Иными словами, операция отождествления «инстантов», манифестирующих один и тот же индивид, на множестве ситуаций не задается, и мы не говорим о ситуациях как об (абстрактных) индивидах. Можно говорить о заходах солнца вообще или о конкретном заходе солнца, имеющем место в некоторый данный момент, но мы не можем отождествить два наблюдавшихся в различное время захода солнца в качестве представителей одного абстрактного индивида (как бы некоторого индивидуального захода солнца, отличного от других заходов, но при этом способного к различным манифестациям).

Что касается номинализаций, обозначающих факты, для них исключается и генерализованная интерпретация. Это связано с тем, что факты всегда конкретны и не образуют открытых множеств. Правда, иногда используются выражения *факты такого рода, подобные факты* — т. е. генерализованные ИГ, соотносящиеся с открытыми множествами, несмотря на то, что их вершиной является существительное *факт*. Но эти выражения не являются «фактуальными» в собственном смысле слова — здесь не осуществляется референция к фактам (поэтому возможными оказываются такие фразы, как *Если факты такого рода будут иметь место...*, где существительное *факты* апеллирует никак не к фактам, а к некоей гипотетической ситуации). Дело в том, что, как справедливо заметила Н. Д. Арутюнова [1980а: 325], «семантика имени *факт*, как и многих других абстрактных имен, расшатана... небрежным обращением

говорящих и пишущих». Другими словами, само существительное *факт* не во всех своих употреблениях соотносится с фактами. Невозможность генерализованного прочтения характерна не для слова *факт*, а для фактуальных номинализаций.

Таким образом, по своему когнитивному статусу фактуальные номинализации всегда соотносятся с индивидами (и сверх того всегда характеризуются определенностью). При этом для фактуальных ИГ референтом является «факт» — индивид, о котором нельзя сказать, представляет ли он собою абстрактный индивид или «инстант». Дело в том, что для фактов данное противопоставление вообще лишено смысла, поскольку фактуальные номинализации не являются непосредственными обозначениями событий, происходящих или происходивших в мире. Факты — это отражение соответствующих событий в сознании, объект знания, размышления, объект, вызывающий те или иные эмоции, и вопрос о пространственно-временной локализации фактов не возникает.

Итак, для номинализаций, обозначающих факты, генерализованная референция исключается, такие номинализации с классами соотноситься не могут. Факты всегда представляют собою индивиды и не объединяются в классы. Из сказанного вытекает, что если контекст диктует генерализованную интерпретацию номинализованной пропозиции, то она не может восприниматься как фактуальная (обладающая «презумптивной модальностью» по Е. В. Падучевой [1974: 197]). Так, предложение *За и г р у р у к о й ф у т б о л и с т п о л у ч а е т п р е д у п р е ж д е н и е* имеет два прочтения: 'всякий раз, когда футболист сыграет рукой, он получает предупреждение' (≅ 'всякий футболист, сыгравший рукой, получает предупреждение') и '(конкретный) футболист за то, что он сыграл рукой, получает предупреждение'. При первом прочтении выделенная ИГ имеет генерализованную референцию и не может соотноситься с фактом. При таком прочтении вовсе не предполагается, что игра рукой действительно имела место, указывается только, что если это произойдет, допустивший такое нарушение футболист должен получить предупреждение. При второй интерпретации речь может идти только о конкретном футболисте, сыгравшем рукою; выделенная ИГ соотносится с конкретным фактом (с тем фактом, что данный футболист сыграл рукою), а генерализованное прочтение указанной ИГ исключается.

Разумеется, из несовместимости фактуальности и генерализованности не следует, что нефактуальность («нейтральный» статус, по Е. В. Падучевой) всегда влечет генерализованность. Вполне возможна нефактуальная индивидуальная интерпретация номинализованной пропозиции. Например, в предложении *С у дья о б е щ а л , ч т о у д а л и т э т о г о ф у т б о л и с т а с п о л я з а п е р в о е ж е н а р у ш е н и е п р а в и л* выделенная ИГ не является фактуальной, хотя соотносится не с клас-

сом событий, а с конкретным (пусть воображаемым «событием»). Поэтому противопоставление «фактуальность — нефактуальность» нельзя рассматривать как противопоставление «индивидуальность — генерализованность» на множестве номинализованных пропозиций.

Отметим, что при неполной номинализации (т. е. в случаях, когда сентенциальный актант выражен придаточным предложением) семантическое различие между фактуальностью и нефактуальностью (и, соответственно, между возможностью и невозможностью генерализованной интерпретации) имеет внешнее выражение в русском языке, а именно: фактуальные сентенциальные актанты в контексте оценочных (и некоторых других) предикатов присоединяются союзом *что* (ср.: *Хорошо, что вы поете; Мне нравится, что вы поете; Я рад, что вы поете*), а нефактуальные — союзами *когда, чтобы* и т. п. (ср.: *Я радуюсь, когда вы поете; Мне нравится, когда вы поете; Лучше, чтобы вы спели нам*)¹⁰³. Что же касается случаев полной номинализации, то в русском языке различие между фактуальностью и гипотетичностью у таких ИГ внешне не выражается.

Отсутствие последовательного внешнего выражения отнесенности референта к одному из указанных типов приводит к тому, что разрешение возможной неоднозначной интерпретации ИГ должно опираться на семантическое взаимодействие с предикатными выражениями, с которыми сочетается данная ИГ в конкретном предложении; ср. интерпретацию выделенных ИГ в следующих высказываниях: *Дети любопытны; Собака — млекопитающее* (референт — класс объектов); *Дети у нее плохо воспитаны; Собака любит Ивана* (референт — абстрактный индивид); *Дети сыты; Собака залаяла* (референт — «инстант»).

В этой связи можно упомянуть различные сочетаемостные возможности предикатов *нравиться, любить* и *любитель*. Предикат *нравиться* допускает в качестве объекта установки все когнитивные типы ИГ — и классы, и абстрактные индивиды и «инстанты», ср.: *Мне нравятся красивые женщины* (класс); *Ты мне всегда нравишься* (абстрактный индивид); *Ты мне что-то сегодня не нравишься* («инстант»). Объект установки, обозначаемой глаголом *любить*, — либо класс, либо абстрактный индивид, ср.: *Я люблю детей* (класс); *Я люблю своих детей* (абстрактный индивид). Предикат *любитель* может подчинять только генерализованный объект (т. е. объект установки соотносится с классом), ср.: *Он любитель красивых женщин*, но не **Он любитель своей жены*¹⁰⁴. Этому не противоречат такие высказывания, как *Он люби-*

¹⁰³ Союз *как* присоединяет сентенциальные актанты, соотносящиеся не с пропозициями, а с процессами или событиями; для таких актантов нельзя говорить о фактуальности/нефактуальности.

¹⁰⁴ Указанные особенности предикатов *любить, любитель* и *нравиться* уже рассматривались в главе I.1.2; здесь мы уточняем приведенные там фор-

тель Блока, так как имя собственное употреблено здесь метонимически, по отношению ко всей поэзии Блока, т. е. не к индивиду, а к целому классу.

2. ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ И ГНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДИКАТЫ

Полное описание выбора интерпретации референта ИГ как класса, «инстанта» или абстрактного индивида предполагает наличие соответствующей классификации предикатов. Наиболее существенными представляются характеристики предикатного выражения (ПВ) с точки зрения локализованности во времени (роль, которую признак локализованности во времени играет в построении общей классификации ПВ, подробно рассмотрена в [Булыгина 1982] — см. главу I.1.2). Четко разграничиваются два типа употреблений ПВ: эпизодические и качественные. При эпизодическом употреблении ПВ представляют процессы или события как конкретные, реально происходящие или происшедшие в некоторый момент или период времени, или же описывают ситуации или состояния, приуроченные к конкретному временному отрезку. При качественном употреблении ПВ описывают признаки, не связанные с конкретным моментом времени. Существуют ПВ, для которых соответствующая характеристика оказывается фиксированной — тем самым выделяются предикаты *episodica tantum* (например, *быть пьяным, безмолвствовать, быть при смерти*) и предикаты *qualitativa tantum* (*быть пьяницей, быть молчаливым, быть смертным*). Для других ПВ данная характеристика является «флективной» (в том смысле, в каком этот термин использовался, в частности, в главе I.1.1), и вне контекста такие ПВ оказываются неоднозначными: так, *Он курит* может означать как то, что он курит в данный момент, так и то, что он вообще курящий.

Эпизодические ПВ (в том числе *episodica tantum*) могут «повышаться в ранге» с помощью «гномического оператора» (например, такого выражения, как *бывает, всегда, иногда*). Более того, как уже говорилось (см. главу I.1.2), именно способность сочетаться с гномическим оператором может рассматриваться как характеристическое свойство эпизодических ПВ: в сочетании с качественными ПВ такие слова, как *бывает, всегда, иногда*, не имеют значения гномического оператора, а прочитываются как квантор при генерализованном субъекте, как, например, в предложениях *Голубоглазые кошки бывают глухими; Математики иногда разбираются в лингвистике; а в*

мулировки. Различие лексем *любить* и *нравиться* вполне аналогично отмеченному А. Вежбицкой [1982: 254—255] различию польских лексем *lubić* и *podobać się*.

предложениях с качественным предикатом и единичным субъектом такие слова вообще невозможны: *Он бывает пьяницей.

«Повышенные в ранге» эпизодические ПВ можно назвать узуальными. Мы не относим к узуальным ПВ, обозначающие серию упорядоченных во времени действий, даже в тех случаях, когда речь идет о повторяющихся действиях. В частности, не могут употребляться в «узуальном» значении «итеративные» употребления так называемых однонаправленных глаголов движения и некоторых глаголов несовершенного вида, возникших в результате вторичной имперфективации, — таких, как *выкуривать, прочитывать, выпивать (чашку молока)*. Прибавление к таким ПВ слов типа *бывало, всегда, иногда* не превращает эти ПВ в узуальные (в указанном понимании данного термина), они и в этом случае сохраняют конкретную пространственно-временную локализацию, а их сочинение указывает на следующие во времени друг за другом действия (ср. *Каждый вечер он ужинал, выпивал чашку кофе, выкуривал сигарету и шел гулять*). Показательно употребление партитива при глаголе несовершенного вида у Ю. Казакова: *На другой день Василий Панков выпивает коньяку на какой-то станции и возвращается в вагон веселый, беспрестанно улыбаясь и играя глазами* (ср. невозможность **пьет коньяку*)¹⁰⁵. Этим ПВ рассматриваемого типа отличаются от таких ПВ, как, скажем, *пить вино, курить трубку, ходить за грибами, читать детективы*, которые могут употребляться, не предполагая пространственно-временной локализации и давая общую характеристику субъекту. *Слегка за шалости бранил И в Летний сад гулять водил* описывает общий круг обязанностей губернатора, не упорядоченных во времени, тогда как *слегка за шалости бранил и вел гулять в Летний сад* указывало бы на повторяющуюся последовательность действий: '(каждый раз) сперва бранил за шалости, а затем вел гулять в Летний сад'.

Узуальные ПВ образуют вместе с качественными ПВ единый класс гномических ПВ. Они могут сочетаться в пределах одной сочиненной группы (например, *Он заботился о своем здоровье и ходил на работу пешком*), тогда как ни тот, ни другой тип гномического ПВ не может вступать в сочинительную связь с эпизодическим: **Он заботился о своем здоровье и шел на работу пешком* (как уже говорилось, однонаправленные глаголы движения даже в итеративном значении остаются эпизодическими); **Он болен и любит чай с лимоном*¹⁰⁶. Однако в рамках указанного единого класса определенные

¹⁰⁵ Таким образом, встречающееся в грамматических описаниях утверждение, что глагол несовершенного вида не может сочетаться с партитивом объекта, нуждается в уточнении.

¹⁰⁶ Отмеченная в свое время Ю. Д. Апресяном аномальность предложений типа **Он высок и болен* также может быть объяснена невозможностью сочинения гномического *высок* и эпизодического *болен*.

различия между узуальными и качественными ПВ сохраняются: качественное ПВ обозначает нелокализованное во времени свойство, а узуальное ПВ соотносится с рядом явлений, имеющих пространственно-временную локализацию (хотя и неопределенную)¹⁰⁷.

Разграничение эпизодических и гномических употреблений ИГ позволяет сформулировать закономерности, касающиеся связей между типом ПВ и референциальными характеристиками подчиненных ему ИГ. Гномические предикаты (как качественные, так и узуальные) могут относиться к классам или абстрактным индивидам, эпизодические предикаты — к «инстантам». Другими словами, в контексте гномических предикатов ИГ всегда понимаются обобщенно, в отвлечении от конкретных пространственно-временных манифестаций. Именно с гномическими предикатами чаще всего сочетаются «слабо индивидуализирующие» ИГ, например ИГ с предикатной семантикой, склонные к генерализованному употреблению (см., в частности, [Шмелев 1984]). Однако в силу того же правила даже «слабо индивидуализирующие» ИГ в контексте предикатов, относящихся к *episodica tantum*, понимаются как соотнесенные с «инстантами». Так, в примерах, приведенных в [Булыгина 1982] (см. главу I.1.2), в предложениях с гномическими предикатами (*Старики не терпят возражений; Молодые люди умеют веселиться; Дети любознательны; Лентяй — обуза для коллектива*) «слабо индивидуализирующие» ИГ-подлежащие воспринимаются как генерализованные; однако в контексте эпизодических предикатов те же самые ИГ могут быть поняты только как соотнесенные с конкретными «инстантами» (*Старики в раздразнении; Молодые люди пьяны; Дети голодны; Лентяй утомлен*).

Если обобщенная интерпретация для той или иной ИГ в силу каких-то причин оказывается невозможной, эта ИГ не может сочетаться с гномическими предикатами. А. Вежбицкая отметила, что аномальность предложения *Lubię to ciastko* 'Я люблю это пирожное' объясняется тем, что невозможно представить себе, чтобы человек «обычно охотно ел» одно и то же пирожное [Вежбицкая 1982: 255]. Действительно, можно любить пирожные вообще, но существование конкретного пирожного достаточно эфемерно: как только «любовь» к пирожному (в одной из его пространственно-временных манифестаций) будет проявлена, пирожное прекратит свое существование и невозможным окажется проявление любви к другим его манифестациям. А, как уже говорилось, объектом при глаголе *любить* всегда должно быть некоторое открытое множество манифестаций — т. е. абстрактный индивид или класс. Этим же объясняется и то, что в предложении *Мне нравится это пирожное* предикат *нравиться*, который, вообще говоря,

¹⁰⁷ Проблемы, связанные с разграничением качественных и узуальных ПВ, подробнее рассмотрены во второй главе.

может функционировать и как эпизодический, и как гномический, получает «эпизодическое» прочтение.

Из сказанного вытекает согласованность референциальных статусов всех ИГ, подчиненных одному и тому же предикату. Действительно, наличие хотя бы одной ИГ, соотношенной с «инстантом», предопределяет эпизодический характер подчиняющего предиката, а это, в свою очередь, детерминирует соотношенность с «инстантами» для всех прочих подчиненных ему ИГ. Соответственно, наличие хотя бы одной ИГ, соотношенной с открытым множеством пространственно-временных манифестаций (т. е. с классом или с абстрактным индивидом), предопределяет гномический характер предиката, а это означает, что среди подчиненных ему ИГ не может быть соотношенных с «инстантами».

В этой связи необходимо отметить особый характер фактуальных ИГ. Во многих отношениях они ведут себя подобно ИГ, соотношенным с «инстантами». Отметим аномальность сочетаний таких ИГ с качественными ПВ: **Я люблю, что в комнате порядок*; ср. правильное сочетание того же ПВ с нефактуальным актантом: *Я люблю, когда в комнате порядок*; *Мне нравится, чтобы в комнате был порядок*. Потенциально неоднозначные ПВ получают в контексте «фактуальных» ИГ однозначно эпизодическую интерпретацию: высказывание *Я радуюсь, что в комнате порядок* указывает на конкретно переживаемую эмоцию; ср. *Я радуюсь, когда в комнате порядок*, предполагающее постоянное отношение к рассматриваемому положению дел.

Полностью номинализованные ИГ могут, как уже говорилось, функционировать и как фактуальные, и как нефактуальные; но в контексте «только эпизодических» ПВ они получают однозначно фактуальную интерпретацию (ср. *Я рад порядку в комнате*), а в контексте «только качественных» ПВ — нефактуальную интерпретацию (ср. *Я люблю порядок в комнате*). Если ПВ может пониматься и как эпизодическое, и как качественное, то сентенциальная ИГ в контексте такого ПВ неоднозначна с точки зрения фактуальности — нефактуальности. Так, взятый в отрыве от более широкого контекста фрагмент из «Евгения Онегина» двусмыслен в силу двойственности свойств предиката *нравиться*:

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,
И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет.

Он может пониматься и в качественном (диспозициональном) смысле — как сообщение об общем положительном отношении субъекта к «порядку олигархических бесед», и в «эпизодическом» смысле — как сообщение о конкретно переживаемой наблюдателем положительной эмоции, которая вызывается непосредственно воспринимаемыми

«беседами». Именно эта последняя интерпретация оказывается единственно возможной из-за соседства с «только эпизодическим» предикатом *безмолвный*, появляющимся в конце цитированной строфы:

Но кто это в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?

Необходимо «актуальная» интерпретация этого текста индуцирует соответствующее понимание непосредственно предшествующего текста.

Тем не менее существуют предикаты, которые в качестве одного из актантов могут иметь факт, а в качестве другого — не «инстант», а открытое множество «инстантов». Сюда относятся такие фактивные предикаты, как *быть виноватым в...*, *знать о...* и т. п. В качестве объекта они имеют фактуальные ИГ, а в качестве субъекта выступает абстрактный индивид или даже класс индивидов. Общим для рассматриваемых ПВ является то, что все они обозначают свойства, не имеющие конкретной пространственно-временной локализации, но возникшие в результате локализованных во времени событий и так и оставшиеся связанными с субъектом. Если воспользоваться определением факта как «тени, отброшенной событием на экран знания» [Арутюнова 1980а: 355], то можно сказать, что тень инкриминируемого события неразрывно связывается с виновным. Провинившись в чем-либо, он остается виноват в этом навсегда.

Мы видим, что из трех выделенных разновидностей референтов: классов, абстрактных индивидов и «инстантов», — первые две (представляющие собою открытые множества «инстантов») обнаруживают значительное сходство с точки зрения сочетаемости с ПВ и вместе противопоставлены «инстантам». Если а priori основным кажется противопоставление классов и индивидов, то в ряде работ последних лет — особенно в тех, где обсуждается сочетаемость предикатов с ИГ различных референциальных типов, — наблюдается тенденция отождествлять (в явном виде или чаще имплицитно) классы и абстрактные индивиды. Ср. приведенное выше замечание А. Вежбицкой о том, что в таких предложениях, как *Я люблю Яна; Я хорошо знаю Яна; Ян добрый, умный, спокойный, смелый*, имя *Ян* соотносится не с самим Яном, а с множеством событий, так или иначе связанным с Яном. В неявном виде опираются на отождествление «абстрактно-индивидуальных» ИГ с родовыми (генерализованными) такие утверждения, как «*нравиться* допускает объект в референтном ДС [денотативном статусе], а *любить* — только в „родовом“» [Падучева 1983: 231]. Однако подобное отождествление препятствует обнаружению и формулировке важных семантических различий — так, утверждение, что для *любить* возможен только родовой объект, затушевывает различие между разными видами любви, которому соответствует различная интер-

претация глагола в выражениях *любить женщин* и *любить (эту) женщину* (напомним в этой связи замечание Вл. Соловьева: «...Если я люблю женщин, а не *эту* женщину, значит, я люблю только родовые качества, а не существо, и, следовательно, это не есть истинная любовь»).

Итак, несмотря на несомненное сходство классов и абстрактных индивидов (и то, и другое представляет собою открытое множество «инстантов»), соответствующие ИГ должны быть отнесены к разным референциальным типам, в частности еще и потому, что существуют предикаты, которые могут приписываться только первым, но не вторым. К таким предикатам относится уже упоминавшееся выше ПВ *быть любителем* (аномально *любителю Маши*, хотя вполне возможно *любителю красивых женщин*). Другой пример ПВ, требующего класса в качестве объекта, — это *знаток*. Можно сказать: *Ты большой знаток женщин и, наверно, можешь предугадать, как на это посмотрит Маша*, — но аномально высказывание **Ты большой знаток Маши. Как она на это посмотрит?* (следует: *Ты хорошо знаешь Машу. Как она на это посмотрит?*). Сочетание *знаток Пушкина*, как и *любителю Пушкина*, возможно только потому, что имя *Пушкин* здесь имеет возникшее на основе метонимии генерализованное значение и обозначает творчество Пушкина и все, что с ним связано, — все то, что составляет объект пушкинистики. Сочетание *знаток «Евгения Онегина»* более естественно, чем *знаток стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»*, поскольку «*Евгений Онегин*» легче подвергается метонимическому переносу, при котором приобретает генерализованное значение. Ср. также *охотник до (Их и по сегодня много ходит, всяческих охотников до наших жен при аномальности *Он большой охотник до моей жены)*.

Есть еще один тип ПВ, сочетающихся только с генерализованными, но не с индивидуальными ИГ. Это такие предикаты, как *быть в дефиците*, *быть редкостью*, *вымереть*, *подорожать*, *получить большое распространение*, *иметься в продаже*¹⁰⁸ и т. п. (некоторые из таких ПВ рассматривались в [Булыгина 1983а] — см. также главу 1.2.1). Не являются контрпримерами высказывания типа *Эта книга сейчас есть в продаже*, так как, несмотря на наличие указательного местоимения, ИГ *эта книга* соотносится не с отдельным объектом, а с целым классом (ср. соответствующие замечания в книге [Арутюнова 1976]).

ПВ рассматриваемого типа описывают конкретные («случайные») состояния мира, и в этом смысле они сходны с эпизодическими предикатами. С эпизодическими предикатами их сближают и некоторые собственно языковые свойства, например сочетае-

¹⁰⁸ Способность сочетаться только с генерализованными ИГ отличает ПВ *иметься в продаже* от сходного по смыслу предиката *продаваться*, сочетающегося как с генерализованными (*У нас продаются подержанные автомобили*), так и с индивидуальными (*Продается почти новый автомобиль*) ИГ.

мость с гномическими операторами (ср.: *Здесь всегда в продаже есть мороженое*) или с показателями временной локализации (*Вчера в продаже были тренировочные костюмы; Такие шляпки в этом году в моде; Весь год этот товар в дефиците*). В то же время, в отличие от эпизодических предикатов, не сочетающихся с генерализованными ИГ, указанные ПВ как раз только к таким ИГ и могут относиться. Однако они характеризуют не существенные свойства класса, а его переходящие состояния, поэтому их уместно называть «предикатами состояния класса». В каком-то смысле можно сказать, что субъекты предикатов «состояния класса» так относятся к классам, о которых идет речь в высказываниях с гномическими предикатами, как «инстанты» относятся к абстрактным индивидам. Наличие среди рассматриваемых ПВ глаголов совершенного вида позволяет уточнить приведенную в [Булыгина 1982] формулировку о несовместимости совершенного вида с генерализованным статусом субъекта (ср.: *Динозавры вымерли; Мини-юбки снова вошли в моду*).

3. «СУПЕРКАТЕГОРИЯ» ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Нагляднее всего описанные закономерности можно представить на языке семантических признаков. Конечно, есть основания сомневаться в том, что постулированные *ad hoc* признаки представляют собою самый адекватный способ экспликации семантических закономерностей. Однако в настоящее время не существует общепринятого семантического метаязыка, пригодного для описания когнитивных различий. В этой ситуации возрастает эвристическая роль постулируемых признаков, позволяющих в обозримом виде представить закономерности семантического взаимодействия компонентов предложения. Разумеется, следует стремиться к тому, чтобы постулированные признаки соответствовали семантической реальности и в принципе допускали переформулировку в терминах универсального семантического метаязыка. Необходимо только учитывать, что выбранные названия семантических признаков представляют собою всего лишь условные обозначения и не претендуют на выражение сущности эксплицируемых различий.

Мы будем использовать для этой цели два бинарных семантических признака: «актуализованность» и «локализуемость». Абстрактные индивиды и «инстанты» различаются «актуализованностью»: абстрактным индивидам приписывается признак [—актуализ], а «инстантам» — [+актуализ] (поскольку «инстант» фактически и представляет собою «актуализованный» индивид). В то же время индивиды, независимо от того, идет ли речь о фактах, абстрактных индивидах или «инстантах», могут быть тем или иным образом «локализованы» — в отличие от классов, которые представляют собою открытые множест-

ва и могут считаться «нелокализуемыми». Поэтому приписываем индивидам признак [+локализ], а классам — признак [—локализ], при этом классы оказываются не характеризованными по признаку «актуализованность». Теми же признаками можно характеризовать и соответствующие ИГ.

Те же самые два бинарных признака используются и для классификации предикатов. Гномические предикаты получают признак [—актуализ] и, в общем случае, не характеризуются по признаку «локализуемость»¹⁰⁹, предикаты «состояния класса» — признаки [—локализ] и [+актуализ], эпизодические предикаты — признаки [+актуализ] и [+локализ].

Между признаками ПВ и признаками референтов подчиненных ему ИГ должна быть согласованность: не допускается сочетание ИГ и ПВ с противоположными значениями одного и того же признака. Поэтому гномические предикаты (признак [—актуализ]) не могут сочетаться с ИГ, относящимися к «инстантам» (признак [+актуализ]); эпизодические предикаты (признаки [+актуализ] и [+локализ]) не сочетаются ни с генерализованными ИГ (признак [—локализ]), ни с ИГ, относящимися к абстрактным индивидам (признак [—актуализ]); предикаты «состояния класса» (признак [—локализ]) не могут приписываться индивидам (признак [+локализ]).

Предложенный подход позволяет объяснить уже упомянутую выше возможность двоякого понимания временных наречий типа *всегда, иногда, часто, редко*, слов типа *бывают* и т. п. По существу, указанные слова выступают как кванторы на множестве ситуаций. Если предикат допускает актуализованную интерпретацию, эти слова играют роль гномических операторов («деактуализаторов»); если же мы имеем дело с гномическим предикатом, предикат прочитывается как квантор при множестве, обозначенном субъектом. Именно поэтому указанные слова невозможны в высказываниях с единичным субъектом и качественным предикатом: в этом случае у нас нет множества, которое могло бы подвергнуться квантификации.

Приведенные правила несколько схематично описывают семантическое взаимодействие когнитивных характеристик ИГ и подчиняющего ПВ. Более исчерпывающее описание требует ряда уточнений. Однако и указанные закономерности, по-видимому, могут служить достаточным основанием для того, чтобы выделить, как это и предлагалось в [Бульгина 1980] (см. главу I.1.1), единую суперкатегорию пространственно-временной локализации, включающую в свою сферу действия всю пропозицию и определяющую как тип вершинного предиката, так и тип референта каждой из подчиненных ему ИГ.

¹⁰⁹ Для некоторых типов гномических ПВ значение признака «локализуемость» является словарной характеристикой.

I.2. «ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ» ОСНОВА РУССКОЙ ВИДОВОЙ СИСТЕМЫ

ГЛАВА 1

КЛАССЫ ПРЕДИКАТОВ И АСПЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Признание того бесспорного факта, что аспектуальная характеристика высказывания (и соответствующая характеристика обозначаемого им «положения вещей») выражается «при участии вида, но не самим по себе видом глагола» [Русская грамматика 1980: 604, 605], требует не только инвентаризации релевантных ситуационных типов, но и всестороннего исследования взаимодействия грамматических значений видовременных форм с другими аспектуально значимыми факторами. К таким факторам относятся, по крайней мере: характер темпоральных распространителей; денотативный статус (тип референции) субъектного и объектного термов; тип лексического (т. е. отвлеченного от семантики вида и времени) значения глагола (или шире — предикатного выражения).

Важнейшая роль, которую играют в «функциональном поле аспектуальности» темпоральные распространители, является общепризнанной. Она проявляется в различных сочетаемостных возможностях форм с разным видовым значением, а также в том влиянии, которое оказывают темпоральные распространители разных типов на интерпретацию многозначных форм, как в следующих (заимствованных из [Апресян 1978]) примерах: *Спартак поворачивает на юг и три недели добирается до Сиракуз* (процессуальное значение) и: *Спартак поворачивает на юг и в три недели добирается до Сиракуз* (значение совершившегося события).

Известна и связь видовых значений с референциальными свойствами окружающих глагол имен. Так, несовместимость нереферентного употребления субъекта (и объекта) с конкретно-событийным

* Данная глава представляет собою сокращенный вариант статьи, опубликованной в книге «Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках» (М.: Наука, 1983). Указанная статья была попыткой уточнения классификации, предложенной в [Булыгина 1982] (см. главу I.1.2) и рассмотренной в контексте изучения категорий вида и времени в славянских языках.

значением совершенного вида объясняет аномальность сочетаний вроде **Любой заметил...* [Бондарко 1971] или невозможность интерпретации знаменитого щербовского примера *Глокая куздра будланула бокра...* как общего суждения об открытом множестве «глоких куздр» (этим данный пример отличается от его иноязычных аналогов [Булыгина 1980: 350] — см. главу I.1.1).

Подобная избирательность может характеризовать и сами предикатные лексемы. Так, например, глаголы некоторых семантических классов не сочетаются с обстоятельственными выражениями «срока», даже выступая в форме сов. вида. Ср. аномальность примеров вроде **Он споткнулся за две секунды* или (отмеченную еще Пешковским [1956: 305]) невозможность сочетаний типа: **Они поговорили в два часа*.

Некоторые глагольные лексемы совместимы не со всеми типами денотативных статусов субъекта или объекта. Так, например, в [Булыгина 1982] (см. главу I.1.2) отмечалось, что глагол *любить* может употребляться с референтно употребленным (в качестве объекта) названием лица, но требует нереферентности имени, обозначающего неодушевленный объект, причем первое свойство противопоставляет предикат *любить* предикату *любитель* (*Я люблю Юру*, но не **Я любительница Юры*), второе — предикату *нравиться*, способному сочетаться с названием объекта соответствующей эмоции, употребленным как нереферентно, так и референтно (*Мне нравится/понравилась твоя сегодняшняя прическа*, но не **Я люблю/полюбил твою сегодняшнюю прическу*).

Эти и многие другие факты (на некоторых из них мы остановимся ниже) свидетельствуют об относительной значимости свойств самих предикатных лексем, об их определенном аспектуальном потенциале.

На то, что особенности, характеризующие функционирование категории вида в русском языке, могут быть объяснены собственно семантическими особенностями глаголов, связанными с самим «характером глагольного действия», обратил внимание Ю. С. Маслов еще в 1948 г. в статье, которая долгое время совершенно недостаточно, на наш взгляд, учитывалась в аспектологических исследованиях и до сих пор не вполне оценена. Интересно, что классификация, предложенная в названной статье Ю. С. Маслова, обнаруживает определенное сходство с семантической классификацией английских глаголов, предложенной З. Вендлером в посвященной этому вопросу статье, вошедшей в его книгу [Vendler 1967] и ставшей весьма популярной в последнее время, — факт, конечно, не безразличный для типологического исследования явлений аспектуальности в разных языках.

Здесь предпринимается попытка, используя (в модифицированном виде) критерии классификаций Маслова и Вендлера, рассмотреть аспектуальную значимость издавна выделявшихся в лингвистике классов — таких, как действие, состояние, процесс и т. п. Из относи-

тельно недавних работ, систематизирующих некоторые из этих традиционных разграничений, безусловный интерес для наших целей представляет семантическая классификация глаголов, предложенная Ф. Данешом [Daneš 1971], хотя аспектологические проблемы не были предметом специального внимания названной работы (отметим также предпринятую в монографии [Авилова 1976] попытку применить классификацию Данеша для объяснения аспектуальных свойств русского глагола, свидетельствующую о том, что соответствующие вопросы заслуживают дальнейшего изучения).

До последнего времени большинство описаний русского вида ориентировалось в основном на выявление так называемых частных видовых значений. В настоящее время основательно изучен семантический потенциал различных видовременных форм глагола, и в значительно меньшей степени — аспектуальный потенциал глагольной лексемы, т. е. свойства, вытекающие из тех особенностей глагола, которые присущи ему как представителю определенного семантического класса (независимо от того, в какой видовой форме он выступает). Учитывались, главным образом, те семантические особенности глагола, которые объясняют наличие или отсутствие видовой соотносительности (ср. деление на предельные и непредельные глаголы), и в меньшей степени — те семантические признаки (в том числе «нетривиальные» — в смысле работы [Апресян 1980]), с которыми связано различие в поведении разных классов глаголов в функционально-семантическом поле аспектуальности, в частности — разный характер семантического соотношения между членами единой видовой пары у разных типов глаголов или между семантически коррелятивными глаголами разных видов в случае видовой несоотносительности (важное исключение составляет упомянутая выше работа Ю. С. Маслова).

Предложенная А. В. Бондарко инвентаризация «типов ситуаций, передающихся с участием вида», автор которой подчеркивает, что соответствующие значения выражаются «глагольным видом в сочетании с контекстом, в части случаев — в сочетании со способом действия глаголов и их лексическим значением» [Русская грамматика 1980: 604], все же представляет собой систематизацию именно грамматических видовых значений, в значительной степени отвлеченную от взаимодействующих с видом факторов.

Обсуждаемая в настоящей главе онтологическая (или квазионтологическая) классификация аспектуальных ситуаций (мы заимствуем этот удобный термин у А. В. Бондарко, несколько видоизменяя его содержание), напротив, ориентирована на выявление аспектуально значимых свойств глагольных лексем (точнее — предикатных выражений) «исконно» присущих им как представителям лексических типов, и на отграничение этих свойств от «производных», «дополнительных» значений, связанных с видом как грамматической категорией.

Известная независимость «органических» аспектуально значимых свойств предикатных выражений от собственно видовых значений, свойств, в значительной степени предопределяющих тип взаимодействия с другими релевантными факторами, позволяет поставить вопрос о том, как соотносится типология аспектуальных ситуаций с семантической классификацией предикатных выражений, рассматриваемых в отвлечении от конкретных видовременных значений, в которых они выступают в реальных высказываниях.

Отметим определенную условность самого термина «аспектуальная ситуация» (далее АС). Хотя свойства различных типов АС имеют в виду соответствующие свойства объективной действительности (положения вещей или явлений, характеризующих сам мир или его возможные состояния), речь идет, разумеется, не о реальности как таковой, а о ее языковой концептуализации. Категоризация АС — это подведение денотативной ситуации под определенный концепт. Языковые единицы любой степени сложности, выражающие этот концепт, мы будем называть предикатными выражениями (ПВ). В частном случае граница между разными ПВ может проходить внутри лексемы, т. е. к разным ПВ могут относиться лексико-семантические варианты слова, или, по терминологии работы [Крылов 1982], разные глоссеммы одной лексемы. Это терминопотребление удобно для аспектуально ориентированной классификации ПВ, в частности, в связи с тем, что о видовой соотносительности во многих случаях можно говорить именно применительно к отдельным значениям многозначного глагола [Русская грамматика 1980: 584].

Основополагающим параметром принимаемой нами классификации (более подробно см. о ней в главе I.1.2) является признак наличия/отсутствия временной связанности, который делит все предикаты на два больших класса: «качества» («свойства») и «явления» («эпизоды»). «Качества» характеризуются относительной независимостью от времени, «вневременностью», тогда как «явлениям» приписывается свойство временной локализованности.

Под локализованными во времени явлениями понимаются конкретные, реально происшедшие (или происходящие) в некоторый момент или период времени события или процессы, а также ситуации, относящиеся к конкретному временному отрезку. Принятое здесь терминопотребление несколько отличается от аспектологической традиции в том отношении, что предикациям, описывающим реальные события, повторявшиеся неопределенное число раз, но в определенной последовательности (вроде: *Каждый раз, когда я открывал дверь, я замечал...*), приписывается значение временной локализованности, хотя и неопределенной.

Этот отход от традиции связан с тем фактом, что многократность сама по себе не исключает временной локализованности. Так, в при-

мерах типа *Каждый день он встает в восемь утра, занимается гимнастикой, пьет чай и идет пешком на работу* речь идет о регулярно повторяющейся серии упорядоченных во времени (и, следовательно, локализованных во времени) действий.

«Явления» делятся на два класса по признаку статичности/динамичности. («Качества» считаются ингерентно статичными.)

Признак длительности, характеризующий способ протекания во времени, делит динамические явления на длящиеся и не длящиеся, т. е. на «процессы» и «события» (статические положения вещей все характеризуются положительным значением этого признака).

В зависимости от того, приводит ли естественное течение процесса к определенному результату, различаются «бесперспективные процессы» и «развивающиеся процессы». Соответственно различаются события, предполагающие и не предполагающие предшествующий «развивающийся процесс» («результаты» и «происшествия»).

Кроме того, выделяется признак «агентивности», имеющий в виду роль субъекта в соответствующей ситуации. Процессы, в которые вовлечен сознательно действующий субъект, называются «деятельностью», «результаты» целенаправленной деятельности — «свершениями», «происшествия», случившиеся по воле субъекта, — «достижениями» и т. д. Выделенные признаки позволяют представить типологию АС в виде иерархически организованной системы (см. таблицу, приведенную в главе I.1.2).

Рассмотрим теперь выделенные признаки в их отношении к классам АС, с одной стороны, и к семантическим классам ПВ, с другой, а также с точки зрения той роли, которую играет каждый признак в функциональном поле аспектуальности.

2. ПРИЗНАК ВРЕМЕННОЙ ЛОКАЛИЗОВАННОСТИ: КАЧЕСТВА И СТАТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Признак временной локализованности (аспектуальная значимость которого очевидна) широко используется в русистике в связи с исследованием семантического потенциала грамматических категорий вида и времени.

Выше уже говорилось о том, что значение признака временной локализованности (во многих случаях связанное с грамматическим значением соответствующих видовременных форм) является для ряда предикатных выражений фиксированным.

Так, отмечалось, что наряду с предикатами, неспособными «повышаться в ранге» до общих суждений вневременного характера (такими, как *белеть(ся)*, *быть в отчаянье*, *быть не в духе*), существует значи-

тельное число предикатов, в частности глагольных, неспособных, напротив, к временной локализации — например, *равняться, соответствовать, зависеть, обладать, владеть*, а также и *любить* (мороженое), *ненавидеть* (лицемерие), *знать* (математику), *понимать* (кое-что в технике), *полагать, думать, что...* (в отличие от *думать о чем-то...*), *презирать* и т. п.

Отсутствие конкретной временной локализованности проявляется, в частности, в том, что высказывания, содержащие такого рода предикаты, не могут (нормально) служить ответом на вопросы типа «Что он сейчас делает? (Что он тогда делал?)», «Чем он (был) занят в это время?», «Что с ним происходит (происходило?)», «Почему он отсутствует?» и т. п., а также, соответственно, не могут «вставляться» в предложения, начинающиеся оборотами вроде *Он был занят тем, что...; Он только и делал, что...*

Высказывания, содержащие предикаты рассматриваемого типа, могут быть истинными (или ложными) в течение определенного периода времени, но они не описывают процессы, протекающие во времени (приводившиеся в главе I.1.2 строчки из Л. Мартынова *Что ты делаешь? — Люблю — пример «поэтической вольности»*).

К ПВ, которые описывают постоянные свойства и отношения (и могут быть поэтому названы «квалитативными»), примыкают глаголы, обозначающие род занятий, профессию, диспозиции вроде *руководить, заведовать, преподавать в..., управлять, царствовать, воспитывать, трудиться на ниве просвещения, питаться*. Они в меньшей степени, чем ПВ, характеризующие свойства, отвлечены от течения времени, поскольку допускают представление о точных временных границах истинности соответствующих предикаций: *С мая 1950 г. по декабрь 1979 г. заведовал отделом Института истории*. Но, как и ПВ типа *знать, любить, разбираться* (в технике), они не могут обозначать какое-либо конкретное «проявление» соответствующего признака.

Предикаты типа *любить, знать* (математику), *обладать, владеть, ненавидеть, разбираться* (в технике) и т. п. не имеют и так называемого «узуального» или «абитуального» значения, т. е. не описывают конкретные явления, повторяющиеся с той или иной периодичностью. Этой особенностью объясняется аномальность предложений вроде: **Илья часто обладает абсолютным слухом; *Иван редко хорошо разбирается в поэзии; *Мой сын постоянно любит мороженое*. Очевидно, что эта аномальность связана не с видовременной характеристикой форм *обладает, (хорошо) разбирается, любит*, а с особенностями лексического значения соответствующих ПВ (ср. такие неприемлемые сочетания, как **Мой сын часто купил мороженое; *Петя постоянно потерял очки* и т. п.).

Возможность сочетания качественных предикатных выражений с фреквентативными наречиями ограничивается теми случаями, когда субъект допускает нереферентное прочтение, но тогда наречие выступает в роли квантора, ограничивающего объем денотата субъекта, а не в роли квантификатора «случаев» проявления соответствующих свойств (эмоций, мнений, умений) и т. д. Ср.: *Профессиональные музыканты не всегда обладают абсолютным слухом.* = *Не все профессиональные музыканты обладают абсолютным слухом;* *Математики иногда прекрасно разбираются в лингвистике.* = *Некоторые математики прекрасно разбираются в лингвистике;* *Дети редко любят манную кашу.* = *Не многие дети любят манную кашу;* *Молодые люди обычно неопытны.* = *Большинство молодых людей неопытно.*

Неквантифицируемость денотативных ситуаций, описываемых предикатами рассматриваемого типа, которая проявляется в неспособности сочетания с наречиями *иногда*, *обычно* и т. п. в темпоральном значении, следует рассматривать как симптом нелокализованности во времени. Действительно, анализируемые предикаты не описывают конкретных событий или процессов, в которых участвует субъект, они дают ему некоторую общую характеристику, подобно именным предикатам, приписывающим субъекту то или иное качество. В этом отношении с ними могут быть сходны и другие глаголы с производным неактуальным значением, хотя разные типы употребления приближаются к «качественному» значению в разной степени, так что граница между соответствующими типами не всегда является вполне ясной (см. подробнее главу I.1.2).

Заметим, что во многих классификациях предикаты только что рассмотренного типа объединяются с такими предикатными выражениями, как *быть в плохом настроении*, *быть трезвым* и т. п., в одном классе стативных (или статических, или стальных) предикатов (или объединяются в одном типе «состояний», как это делается Вендлером для сопоставимых предикатов английского языка). Между тем аспектуально-темпоральные свойства этих предикатов (во всяком случае в русском языке) во многом диаметрально противоположны.

Большинство предикатов, описывающих статические явления, локализованные во времени («местоположения», «состояния» типа *X пьян*, *X-у жарко*; «проявления» типа *Белеет парус одинокий*), несовместимы (как уже говорилось в главе I.1.1) со значением «вневременности».

Так, «изобразительные» глаголы (*белеть*, *реять*, *выситься*, *пылать*, *тлеть*, *уплывать*) несовместимы с «вневременностью», поскольку предполагают синхронного наблюдателя. *Над седой равниной моря гордо реет буревестник;* *Как походил он на поэта, когда в углу сидел один, И перед ним пыла л камин, И он мурлыкал: Benedetta*

(А. Пушкин); *Уж пламя жадное листы твои приемлет... Минуту!... Вспыхнули! п ы л а ю т* (А. Пушкин).

Эпизодический характер связи «состояний» и «проявлений» с их субъектом отражается, в частности, в весьма ограниченной способности соответствующих ПВ сочетаться с родовыми терминами. В предикациях типа *X пьян, X здоров, X в отчаянье X* прочитывается как имя с конкретной референцией — независимо от значения переменной, т. е. даже в тех случаях, когда место *X* замещает имя предикатной семантики (без указательного местоимения) или существительное множественного числа (склонное вообще быть названием открытого множества объектов). Эта особенность отличает предикаты «статических явлений» от качественных предикатов «постоянного свойства» (в том числе и от «характеризующих» глаголов)¹¹⁰. Предикации вида *X-P*, где «P» — предикат состояния, нормально описывают актуальную связь признака с конкретным предметом (лицом). Впрочем, предикаты состояния, как и другие предикаты, обозначающие «явления», способны выражать (связанное с грамматической семантикой вида) производное значение повторяемости.

Однако в отличие от большинства «динамических» глагольных предикатов, «актуальное» и «узуальное» значение которых формально может быть никак не выражено (так что соответствующие предикации вне контекста и ситуации обычно неоднозначны), предикаты состояния получают «узуальное» (или «фреквентативное») прочтение лишь в специальных «дезактуализующих» условиях, например, в сочетании с временными адвербиальными выражениями, лишенными конкретно-референтной функции (*в такие дни, в минуту жизни трудную, в подобные моменты* и т. п. или *вечерами, зимой* и аналогичными названиями регулярно повторяющихся отрезков времени), а также в сочетании с глаголом *бывать*: *Он требовал, чтобы она шла за него, и бранил ее, когда бывал пьян* (А. Чехов); *Немец три раза в день и два раза в ночь окуртно* (так у Пушкина) *был пьян; В году недель пять-шесть Одесса По воле бурного Зевеса Потоплена, запружена, В густой грязи погружена* (А. Пушкин); *Здесь вижу двух озер лазурные равнины, где парус рыбака белее т и н о г д а* (Он же) и т. п.

Иными словами, при наличии специальных «дезактуализаторов» эпизодические ПВ, в том числе и глагольные, могут обозначать повторяющиеся ситуации (что отличает их от качественных ПВ, неспособных выражать конкретно-ситуационное значение). Однако они не могут «повышаться в ранге» до статуса общих суждений (что отличает их от большинства динамических глаголов, способных к такой, в частности и имплицитной, генерализации): [*Камины дороже, но*

¹¹⁰ См. подробнее в главе I.1.2.

зато] *камин п ы л а е т, а электронагреватель т л е е т; *Буревестники р е ю т; *Горы, в отличие от холмов, в ы с ь я т с я. В «дезактуализующих» контекстах предикаты состояния могут сочетаться и с родовыми именами, обозначая, однако, не «атрибуты» соответствующего класса объектов (лиц), а преходящие эпизоды в их существовании (хотя, возможно, как в следующем примере, достаточно длительные): *Студент бывает весел от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год.* Это проявляется, в частности, в том, что кванторные наречия *иногда, часто, редко, обычно, постоянно, всегда* (а также функционально близкий глагол *бывать*) не прочитываются в этих условиях как квантор, ограничивающий объем денотата субъектного терма, а сохраняют временное значение. Сама возможность комбинации предикатов состояния (и других типов предикатов, описывающих статические явления) со значением фреквентативности, повторяемости отличает их от качественных предикатов, обладающих свойством неквантифицируемости.

Так, возможно: *Мы же то смертельно пьяны, то мертвецки влюблены* (А. Пушкин), но едва ли допустимо: *Он то пьяница, то женский угодник; Он то обладал наклонностями к алкоголизму, то любил женщин* (если подобные сочетания и возможны, то лишь для выражения обвинения в непоследовательности: *Ты себе противоречишь — то он у тебя пьяница, то аскет; Тебя не поймешь: то ты знаешь польский язык, то не имеешь о нем никакого представления*).

Подобным образом аномальность предикаций вроде **Володя только и делает, что знает математику; *Таня только и делает, что любит Сережу* следует, очевидно, связывать именно с временной нелокализovanностью, а не со статичностью и не со «стативностью» (= «неактивностью субъекта»), поскольку гораздо более приемлемо: *Маша только и делала, что была больна, — и вполне приемлемо: Петья только и делает, что хворает.*

Конкретно-ситуационное значение состояний объясняет несовместимость соответствующих предикаций с кванторами типа *любой, всякий*, лишающими термы конкретной референции — особенность, опять же противопоставляющая их предикатам свойства. Так, высказывание: *Все холостяки пьяницы* грамматически правильно (хотя, быть может, и несправедливо), а *Все холостяки пьяны* аномально. Ср. также *Все люди смертны* и *Все люди при смерти* и т. п.

Таким образом, аспектуально-темпоральные свойства «качественных» АС и «статических явлений» («проявлений», «состояний») во многом диаметрально противоположны. Вместе с тем они обладают и определенным сходством. И те, и другие не допускают «целостного»¹¹¹ рассмотрения, они, как правило, описывают соответствующие

¹¹¹ Мы считаем целесообразным сохранить часто критиковавшийся традиционный термин «целостность» в качестве первого приближения к опреде-

положения вещей безотносительно к их возникновению или прекращению и обычно неспособны обозначать событие, фиксирующее переход от отсутствия данного положения вещей к его наличию и обратно¹¹². Более того, АС обоих типов несовместимы и с установлением хотя бы произвольного («внешнего») предела, которое бы обеспечивало возможность «целостного» рассмотрения выделенного фрагмента ситуации. Поэтому и те, и другие ПВ не только не участвуют в большинстве своем в грамматической видовой оппозиции, но и не допускают даже делимитативной перфективации (не коррелируют с префиксальными дериватами с приставкой *по-*: аномально **поненавидел подхалимство, а потом стал относиться к нему более терпимо, а также *Буревестник пореял над морем часа два, а потом улетел; ?Парус побелел в тумане моря, а потом исчез за горизонтом; ?Небо посинело до полудня, а потом заволоклось тучами*).

Впрочем, здесь уместно вновь обратиться к различию АС рассматриваемых двух типов, объясняющему различную степень строгости применения к ним указанных выше запретов. Так, глаголы типа *белеть(ся)* все же могут в особых условиях (в *praesens historicum* или в контекстах итеративности, а также при наличии специальных показателей типа *снова, опять*, как в следующем примере) иметь квазисобытийное значение, а именно обозначать возникновение новой ситуации: *Ветер налетает, тучи уплывают, и опять с и н е ю т неба (песня)*.

Для большинства качественных ПВ это невозможно. Например, употребление глагола *ненавидеть* в инхотативном значении (вместо несуществующего **возненаживать*) в следующем примере из Пуш-

лению инвариантного значения вида. Он представляется удобным, в частности, в связи с тем, что подходит не только к видовым формам парных глаголов, но и к непарным глаголам (так, глагол *поиграть*, выражающий процессное значение, характеризуется признаком «целостность»), а также позволяет объяснить использование форм несовершенного вида с о б ы т и й н ы х глаголов в употреблениях типа *praesens historicum*: в соответствии с интуицией многих исследователей, при таком употреблении действие представлено как «происходящее перед глазами» наблюдателя. При таком употреблении мы имеем дело с особой концептуализацией ситуации, предполагающей н е ц е л о с т н о е рассмотрение АС, вопреки ее «событийности».

¹¹² Поэтому статическим ситуациям в русском языке обычно соответствуют *imperfectiva tantum*. А в тех немногих случаях, когда стативный глагол все же вступает в отношении видовой корреляции, перфективный глагол обычно обозначает начало (а не конец) ситуации, которая обозначается его имперфективным партнером (так, *увидеть* значит «начать видеть», *осознать* — «начать осознавать», *понять* — «начать понимать» и т. п.).

Но видовая парность у глаголов, описывающих стативные АС, — все же довольно редкое явление. У статических явлений (*episodica tantum*) начало состояния чаще выражается словообразовательными средствами: *В листве, сырой и ржавой, рябины заалеет гроздь* (А. Блок); *Засребрятся малины кусты, запрокинувшись к небу изнанкой* (Б. Пастернак).

кина воспринимается как способствующее общему ироническому звучанию текста:

Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы.
Но дева гордая их чувства ненавидит
И, очи опустив, не внемлет и не видит.

3. ДИНАМИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Признак «динамизма» противопоставляет состояния, положения, проявления и другие классы статических явлений динамическим явлениям, а именно — процессам и событиям, в свою очередь различающимся между собой по признаку «длительности».

Деление на процессы и события частично коррелирует с видовым противопоставлением у тех классов глаголов, которые мы называем здесь глаголами «постепенного осуществления»¹¹³: *светать/рассвети, бриться/побриться, переплывать/переплыть* и т. д. Это единственный класс глаголов, разные видовые формы которых выражают разные АС: «развивающиеся процессы» (целенаправленную деятельность) и «результаты» («свершения»). Из взаимосвязанности этих АС вытекает комплексный характер каждой из них.

Характерной чертой глаголов «постепенного осуществления», отличающей их от «бесперспективных процессов» (а также и от «происшествий»), является членимость протекающего во времени явления на качественно различные фазы, возможность противоположения по линии «попытка — успех» или «тенденция — осуществление» [Маслов 1948], выражаемого соответственно несовершенным и совершенным видом одного и того же глагола. Семантика обеих видовых форм имеет комплексный характер, поскольку несовершенный вид «перспективен», а совершенный — «ретроспективен». Именно комплексность глаголов «постепенного осуществления» объясняет возможность их сочетания с выражениями типа *за час, в минуту*, указывающими на срок развертывания события. Эта возможность отличает «постепенное осуществление» как от «бесперспективных процессов», так и от «происшествий»: *Он написал статью в неделю/за три дня*, но не: **Он пришел в полчаса; *Ребенок родился за трое суток; *Они обычно любят море в десять минут*.

Недостаточно внимательное различение грамматических видо-временных свойств и свойств, определяемых принадлежностью глаго-

¹¹³ Именно «постепенные осуществления» (т. е. видовые пары) соответствуют вендлеровским «accomplishments».

ла к тому или другому лексическому типу (семантическому классу), нередко приводит к неточным формулировкам правил взаимодействия аспектуально значимых единиц. Например, у Г. А. Золотовой [1973, с. 246]: «Форма „в + вин. п.“ со значением срока действия относится к моделям действия с глаголом совершенного вида (или несовершенного повторяющегося): *Этот портрет я написал в два дня* (Н. Гоголь)». Без учета принадлежности ПВ к тому или другому лексическому типу такого рода формулировки (если их понимать буквально) неполны: не только те и не все те глагольные формы, которые соответствуют данной характеристике, обладают рассматриваемым сочетаемостным свойством. Так, приведенный выше пример Ю. Д. Апресяна *Спартак поворачивает на юг и в три недели добирается до Сиракуз* содержит форму несовершенного вида, обозначающую не повторяющееся, а единичное событие (ср. *Узнав о предстоящем визите, она бросается домой, в десять минут приводит в порядок квартиру (сжигает компрометирующие документы/переодевается/приготавливает салат) и во всеоружии ждет гостей* и т. п.). С другой стороны не всякий глагол совершенного вида (или несовершенного повторяющегося) совместим с данным темпоральным распространителем. Так, с ним плохо сочетаются ПВ, описывающие «происшествия» или «достижения» (т. е. события, не подготовленные предшествующим процессом или деятельностью), ср.: **В пять минут я (вдруг) почувствовал, что в доме есть кто-то посторонний; *Он услышал крик и в пять секунд ринулся на помощь*, — а также ПВ (в обеих видовых формах), описывающие бесперспективные процессы или «деятельности»; ср.: **Мы послушали (послушаем) музыку в полчаса; *Каждый день мы ходили к морю, за десять минут любовались пейзажем, потом за полчаса валялись на пляже и шли в лес*. Для того чтобы было возможно сочетание с обстоятельством срока, необходимо ПВ, выражающее подготовленное предшествующим процессом (единичное или повторяющееся) событие, а ни «происшествия», ни «бесперспективные процессы» этого значения не выражают.

Итак, формулировки, связывающие рассмотренную сочетаемостную возможность с «совершенным или несовершенным повторяющимся» либо со значением «законченности», нуждаются в уточнении.

«Происшествия» и «достижения» обозначаются глаголами, обе видовые формы которых имеют событийное значение (т. е. глаголами «eventiva tantum»; ср. achievements Вендлера): *найти/находить, потерять/терять, заметить/замечать*. Особенность этих глаголов, отмеченная Ю. С. Масловым [1948], заключается в невозможности выражения конкретно-процессного значения. Выступая в форме несовершенного вида, они выражают единичное событие (в настоящем историческом, сценических ремарках и т. п.) либо обозна-

чают ряд повторяющихся событий: *Обыкновенно, проговорив последний монолог (а с ним это часто случалось), Шатов схватывал свой картуз и бросался к дверям (Ф. Достоевский); В последнее время началось что-то новое, и Крафты не уживаются, а застреливаются (Ф. Достоевский); Он, правда, в туз из пистолета в пяти саженях попадал (невозможно: *Я пришел, как раз когда он схватывал картуз и бросался к дверям; *Его позвали в тот момент, когда он попадал в туз из пистолета; *Что-то стало подозрительно тихо за стенкой, он там не застреливается?)*.

Многие сочетаемостные ограничения, нередко связываемые с семантическими особенностями грамматических форм несовершенного вида, имеют место лишь при использовании глагола несовершенного вида в процессном значении, но «снимаются», если глагол используется в «событийном» значении. Ср. следующий пример: *Генеральша... обыкновенно, в половине первого, принимала участие в обильном завтраке, похожем почти на обед, вместе с дочерьми. По чашке кофею выпивалось барышнями еще раньше, ровно в десять часов, в постелях, в минуту пробуждения (Ф. Достоевский)*. Ясно, что было бы невозможно выразить количественно охарактеризованный объект при конкретно-процессном значении несовершенного вида: **Она пришла ровно в десять часов, когда барышни как раз пили (или выпивали) в постелях по чашке кофею*.

Аналогичное сочетаемостное ограничение имеет место для родительного партитивного, который, однако, тоже становится возможным, если обозначает объект (единичного или повторяющегося) законченного (т. е. рассматриваемого извне) действия (хотя вся ситуация неопределенной многократности рассматривается изнутри):

Получив увольнительную, человек в обмотках ехал... на Кропоткинскую, сбрасывал военную ветошь, надевал чистую... сорочку, прекрасный костюм, начищенные до блеска ботинки..., с неподражаемым искусством повязывал бабочку, выпивал спирту, закусывал копченой уткой и обретал если не счастье, то покой и волю

(Ю. Нагибин).

Несовершенный вид со значением конкретного процесса с партитивом объекта был бы невозможен (**Когда он пришел, человек как раз выпивал спирту*). Таким образом, и здесь неуместно формулировать правило о сочетаемостном ограничении в грамматических терминах, как это обычно делается: запрет на сочетание с партитивом не относится к глаголам несовершенного вида, обозначающим (повторяющиеся) с о б ы т и я.

ПВ, выражающее серию повторяющихся в разное время событий, может приобретать некоторые черты процессуальности (ряд со-

бытий может рассматриваться как процесс в его протекании), однако исходное (органическое) значение событийности не утрачивается полностью (линия, так сказать, остается не сплошной, а пунктирной), что находит отражение в возможности одновременного присутствия в предложении и наречий длительности, и «точечных» временных обстоятельств: *Все лето стоило мне сесть за письменный стол, как в ту же секунду гас свет; Всю эту зиму почтальон приносил нам газету ровно в восемь часов; Весь день я неожиданно обнаруживал его в самых неподходящих местах; Но мы знаем также, что он в эти же дни, несколько раз и даже много раз, вдруг отправлялся к Епанчиным, не скрывая этого от Настасьи Филипповны, отчего та приходила чуть не в отчаянье* (Ф. Достоевский), — ср. аномальность **Вот уже битый час он вдруг отправляется к Епанчиным*.

Аспектуальное своеобразие глаголов обозначающих «бесперспективные (гомогенные) процессы или деятельность» — таких, как *играть, работать, заниматься, танцевать, рисовать*, и их делимитативные производные (ср. activities Вендлера), состоит в том, что они выражают процессное значение независимо от своей видовой принадлежности (их можно поэтому причислить к *processiva tantum*). Относящиеся к данному типу глаголы совершенного вида (*поиграть, поработать, потанцевать*) предполагают «целостное» рассмотрение ситуации (это связано с грамматической семантикой вида), но сохраняют представление о длительности ситуации. Эта двойственность находит отражение в том, что глаголам типа *поиграть* свойственны как ограничения, связанные с их видовой принадлежностью (несочетаемость с фазовыми глаголами с фреквентативными наречиями и т. п.), так и особенности, связанные с их ингерентной процессуальностью (возможность сочетания с некоторыми наречиями длительности: *поработал некоторое время, часа два погулял* и т. п.).

Высокая продуктивность производных с делимитативной приставкой *по-* является характерным свойством глаголов «бесперспективных процессов»: *Народ еще повоет, да поплачет, Борис еще поморщится немного, Что пьяница пред чаркою вина...* (А. Пушкин). Эта особенность отличает «бесперспективные» глаголы не только от глаголов «свойства и постоянного отношения», которые обозначают нелокализованные во времени и потому не поддающиеся квантификации (сегментации) положения вещей, рассматриваемые безотносительно к наступлению и прекращению, но и от глаголов «постепенного осуществления», обозначающих (в несовершенном виде) развивающиеся процессы (или целенаправленную деятельность): префикс *по-*, устанавливая произвольную, ничем не predeterminedенную временную границу протекания процесса (деятельности), связан, как кажется, с кон-

нотацией простого «времяпрепровождения», совершения «деятельности как таковой», «деятельности ради деятельности». Ср. шутливые строчки Маяковского: *Сидят папаши. Каждый хитр. Землю попахет, напишет стихи*, особый стилистический эффект которых возникает в частности за счет трактовки предикатных выражений *пахать землю, писать стихи* как «деятельностных» — тогда как эти выражения обозначают либо постоянный статус (*Мой дед землю пахал; Она пишет стихи*, — от такой их интерпретации поэт и отталкивается), либо описывают предельную, целенаправленную деятельность (*пахут* обычно для того, чтобы «вспахать», а не для того, чтобы «попахать», так же как стихи пишут, имея в виду *написать* их, а не просто «пописать»). Ср. более естественное употребление в аналогичном аспектуальном контексте предельного¹¹⁴ глагола *вспахать* (полосу): *До света все у него пляшет, Лошадь запряжет, полосу вспашет* (А. Пушкин).

«Только процессуальные» (т. е. «processiva tantum») глаголы обладают свойствами, объединяющими их со статическими предикатами, в том числе и с предикатами «свойства и постоянного отношения». Недаром в [Маслов 1948] они объединяются в разделе «глаголов пребывания и бесперспективного протекания» (ср. также аристотелевское деление предикатов на кинетические [«движения»] и энергетические [«осуществления»]). Однако от предикатов «свойства» их отличает временная локализованность, проявляющаяся в том, что деятельностные глаголы могут обозначать сукцессивные, упорядоченные во времени «порции процесса» (деятельности): *Каждый день он встает, занимается гимнастикой, слушает последние известия, ходит по лесу, ищет там грибы и ягоды, возвращается, работает в саду, идет к морю, плавает, затем немножко загорает на берегу*. Тот факт, что в контексте «неограниченной кратности» формы такого рода непосредственно коррелируют с делимитативными формами совершенного вида (*вчера он встал, позанимался гимнастикой, послушал радио, поработал в саду, ...*), а также то, что «бесперспективные» глаголы способны замещать соответствующие глаголы совершенного вида в контексте прошедшего исторического, свидетельствует о неспорности безоговорочного признания видовой несоотнесенности глаголов типа *работать — поработать, играть — поиграть* и т. п. (если считать, что в основе видового противопоставления лежит признак «целостности» и если принимать предложенный Ю. С. Масловым критерий принадлежности глагольных форм к одной видовой паре — критерий, до сих пор остающийся наиболее объективным из когда-либо предлагавшихся).

¹¹⁴ Т. е. глагола «постепенного осуществления» (мы не относим к предельным ПВ типа вендлеровских achievements и пр.).

4. ДАЛЬНЕЙШАЯ ДЕТАЛИЗАЦИЯ И УТОЧНЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Рассмотренные классификационные признаки объясняют ряд особенностей аспектуального поведения соответствующих ПВ. Несомненно, однако, что более полный учет фактов потребует уточнения набора и состава выделенных классов. Так, в главе 1.1.2 уже говорилось, что класс не подготовленных предшествующим процессом событий, т. е. «происшествий» и «достижений», к которому наряду с «точечными» глаголами вроде *споткнуться* мы отнесли (вслед за Ю. С. Масловым) также глаголы типа *вызубривать* и *высыпаться* (на том основании, что несовершенный вид этих глаголов не может выражать конкретно-процессное значение), вероятно, следует разделить на собственно «сюрпризы» и на такие события, которые предполагают предшествующий процесс, хотя бы и выраженный другим глаголом.

Действительно, многие «точечные события» прочно ассоциируются с определенными «процессами» и обратно (хотя глагол, описывающий «событие», и глагол, описывающий «процесс», и не являются членами одной видовой пары). Например, деятельность, описываемая глаголом *искать*, обычно направлена на то, чтобы *найти*, и поэтому событие, описываемое этим последним глаголом (т. е. «находка»), может восприниматься как закономерный «предел» (результат, завершение) процесса «поисков» (хотя и не процесса «нахождения», поскольку пара *находить/найти* не имеет значения процесса). Этим объясняется возможность сочетания глагола *находить/найти* с временными выражениями, указывающими на срок развертывания события, иначе говоря — трактовка предиката «точечного события» как предиката «постепенного осуществления»: *Х нашел нужную справку в пять минут*.

Подобным образом события, описываемые, например, глаголами *домчать*, *вызубривать/вызубрить*, *выучивать/выучить* или *высыпаться/выспаться*, могут рассматриваться как результат процессов, обозначаемых неопределенными глаголами *мчать*, *зубрить*, *учить*, *спать*.

Поэтому, несмотря на то, что названные глаголы принадлежат к классу «eventiva tantum» (для *домчать* вообще нельзя сконструировать хотя бы гипотетическую форму несовершенного вида, а несовершенный вид остальных глаголов не употребляется в конкретно-процессном значении, ср.: **Тише, в соседней комнате высыпается Алеша*; **Она сейчас как раз выучивает французскую азбуку*; **Вот он сидит и вызубривает урок*, — аномальность последнего примера была отмечена Ю. С. Масловым [1948: 315]), все они тем не менее могут фигурировать в контексте, типичном для глаголов «постепенного осуществ-

вления»: *Я вас в три дня туда домчу...* (Н. Некрасов); *Я надеюсь, что за семь часов ты выплывешь?; Он вызубрил урок за три часа).*

Вы во сколько времени азбуку выучили? — В три урока. — А она в один (Ф. Достоевский).

По-видимому, пары этого типа следует относить не к «происшествиям» («достижениям»), а к «результатам», предусмотрев внутри соответствующего типа ПВ подтип *resultativa tantum*.

Не вполне ясным оказывается также статус глаголов *умирать/умереть, засыпать/заснуть* и некоторых подобных. Возможность употребления несовершенного вида этих глаголов в конкретно-ситуационном «несобытийном» значении (*Мать у нас умирала, теперь ей легче; Смотри, мальчик совсем засыпает* и т. п.), казалось бы, свидетельствует об их принадлежности к классу предикатов «постепенного осуществления». Однако такие глаголы не допускают сочетания с выражениями, указывающими на срок «наступления события» (едва ли возможно: **Он умер за трое суток; ?Она умерла в полтора часа; ?Я обычно принимаю снотворное и засыпаю примерно за полчаса; ?Сколько времени занял(о) у тебя выигрыш (выигрывание) партии?*), невозможность таких сочетаний характерна, как мы видели, для «происшествий» и «достижений».

В литературе глаголы данного типа получают различную трактовку. Ю. С. Маслов объединяет глагол *умирать/умереть* и другие подобные глаголы с такими типичными глаголами «постепенного осуществления», как *писать/написать, пахать/вспахать, строить/построить*, а также *дряхлеть/одряхлеть, бледнеть/побледнеть* и под., противопоставляя их все вместе глаголам, обозначающим факт «скачкообразного», «точечного» перехода к новому качеству, семантика которых «указанием на „критическую точку“, собственно, и исчерпывается» [Маслов 1948: 315], т. е. нашим «происшествиям». Ср. также толкование глагола *умирать*, предложенное в свое время А. Вежбицкой: *Ян умер = Ян последовательно проходил состояния такого ряда состояний, что если бы он прошел все состояния этого ряда, то умер бы* [Wierzbicka 1967], от которого, впрочем, в более поздних работах автор отказывается. Вендлер, напротив, без каких-либо оговорок причисляет английские глаголы *to die, to win (a race)*, сопоставимые с рассматриваемыми здесь русскими глаголами, к классу «достижений» [Vendler 1967], не учитывая возможности конструкций *he is dying, he is winning the race* (что касается критерия сочетания с наречными выражениями «срока», то он в английском языке не может служить разграничением для «achievements» и «accomplishments», поэтому в английском языке меньше, вообще говоря, чем в русском, формальных препятствий для отнесения глаголов типа *to die* «умереть» к «постепенным осуществлениям»).

Как примирить противоречивые показания разных критериев в этом случае, допускающем, как мы только что видели, альтернативные интерпретации? Одно из возможных решений могло бы состоять в том, чтобы выделять у каждой из глагольных лексем рассматриваемого типа две самостоятельные глоссемы: глоссему с «событийным значением», выступающую в формах обоих видов: *умирать/умереть*, *засыпать/заснуть*, *побеждать/победить*, *проигрывать/проиграть* и т. п., — и глоссему с «оценочно-стативным» значением, принадлежащую к *imperfectiva tantum* и обозначающую состояние, близкое, по мнению говорящего, к тому, чтобы смениться соответствующим событием (приблизительно таким образом поступают, например, составители СЯП, трактуя глагол *умирать*, с одной стороны, как несовершенный к *умереть* 'перестать жить', а с другой — выделяя у него в качестве самостоятельного значения 'находиться при смерти, в тяжелом физическом состоянии'). Глоссемы *умирать/умереть*, *засыпать/заснуть*, *побеждать/победить* и т. п. с событийным значением можно будет тогда отнести к «происшествиям», так что отпадет необходимость специального объяснения их несочетаемости с наречиями «срока».

Отказ от трактовки рассматриваемых глаголов как предикатов «постепенного осуществления» кажется, вообще говоря, оправданным семантическими соображениями: смысловое соотношение между «несобытийным» и событийным значениями этих глаголов иное, чем между значением «развивающегося процесса» (деятельности) и значением результата разных видовых форм типичных глаголов «постепенного осуществления». Действительно, *Он умирает* не значит, что «он (постепенно) перестает жить или находится в процессе постепенного («поступательного») приближения к смерти» или «становится все более и более мертвым или умершим» (ср. толкование англ. *to die*, предложенное в связи с анализом английского прогрессива и «семантики изменения» в [Wierzbicka 1980: 202]), так же, как *Мальчик совсем засыпает*, по-видимому, сообщает не о процессе постепенного «засыпания мальчика», не о том, что он становится «все более и более спящим», а о его сонном состоянии, разумеется, «чреватом» засыпанием как событием, но таким, которое все же мыслится как скачкообразный переход от состояния бодрствования к состоянию сна. Подобным образом, наблюдая за шахматной партией, можно сказать: *Саша проигрывает*, — но это не будет значить, что Саша находится в процессе, закономерным завершением которого будет проигрыш партии; скорее говорящий делает некоторый прогноз о наиболее вероятном исходе партии (как о «точечном» событии, «происшествии», вызванном неудачной игрой Саши или блестящей игрой его противника, но не подготовленной деятельностью Саши, которую можно было бы назвать «проигрыванием»).

Обратим внимание на возможность сочетания с наречиями, указывающими на степень близости описываемого состояния к соответствующему событию (*совсем, совершенно, почти* и т. п.), что является характерной чертой рассматриваемого типа употребления, ср.: *Мальчик совершенно (почти, буквально) засыпал; Он уже совсем (почти) проигрывал, но неожиданный звонок противника позволил свести партию вничью; Он буквально (совсем) умирал, но это лекарство спасло его, —* и т. п. С несовершенным видом предельных глаголов, обозначающим развивающийся процесс (деятельность), наречия такого рода не сочетаются: **Он совсем писал письмо; *Она совершенно пришивала пуговицу; *Она буквально поджаривала мясо; *Он почти читает эту книгу.* Критерий сочетания с фазовыми глаголами *кончить, завершить* (в конструкциях, синонимичных с соотносительной формой совершенного вида: *Он кончил писать диссертацию → Он написал диссертацию*) также отличает рассматриваемые глаголы от глаголов «постепенного осуществления». *Он наконец кончил выигрывать → Он наконец выиграл.* Вопрос *Ну ты, наконец, кончил проигрывать Саше?* тоже не имеет в виду конкретно состоявшийся проигрыш («успешное завершение проигрывания»), а скорее может быть понят в противоположном (и притом общем) смысле (= «Не стал ли ты наконец играть не хуже Саши?»). Вопрос *Кончил ли умирать ваш дедушка?* в значении «Умер ли ваш дедушка?» некорректен не только по этическим, но и по чисто грамматическим причинам (если он и допускает какую бы то ни было интерпретацию, то только как вопрос, означающий приблизительно «Стало ли лучше вашему дедушке?»).

Таким образом, мы склонны думать, что глаголы типа *умирать/умереть* не являются «предельными».

Не во всех случаях ясна роль признака контролируемости, несомненно обладающего аспектуальной значимостью. Так, например, делимитативное значение сочетается наиболее свободно со смысловыми элементами [+ динам.], [+ контроль]. Наличие хотя бы одного из этих смыслов в структуре производящего глагола представляет собой неперемное условие возможности образования производного с делимитативным *по-*. При этом значение [+ контроль] является, кажется, более необходимым «спутником» делимитативного значения. Так, широко употребительны производные *постоять, посидеть, полежать* со значениями [— динам.], [+ контроль]. Ср., с другой стороны, полную естественность производных *повоеет* и *поплачет* в приведенном выше примере из «Бориса Годунова» и некоторую странность сочетаний вроде: *Буря повоеет и перестанет* (хотя буря, как известно, может не только «выть», но — при метафорическом употреблении — и «плакать как дитя»). В таких примерах, как: *Дождь покапал и прошел* или *Прыц и тот сначала почешется, а уж потом вскочит*

(половица), ощущается, на наш взгляд, некоторый оттенок агентивности субъекта. Способность контроля над ситуацией приписывается адресату (субъекту желаемой «деятельности») в примере: *Понравься, еще понравься!* (М. Цветаева). Впрочем, возможны и употребления типа: *Зуб поболел и перестал* [+ динам.], [— контроль], где такой коннотации, по-видимому, нет.

Признак контролируемости должен приниматься во внимание при описании соотношения несовершенного и совершенного видов: как отмечалось в [Булыгина 1982: 81] (см. главу I.1.2), глаголы некоторых классов являются «непосредственно эффективными» (в смысле работы [Маслов 1948]) в контексте неагентивности, т. е. выражают значение «осуществленности» независимо от того, в какой видовой форме они выступают, тогда как в контексте агентивности значение успешности некоторой деятельности строго имплицуруется лишь совершенным видом глагола, а несовершенный вид может, кроме того, иметь значение деятельности, только направленной к достижению определенного результата, попытки добиться успеха (в том числе и неудачной). Так, например, *X пугает Y-а* приблизительно равнозначно предложению *Y боится X-а* в том случае, если X — объект, лишенный волевого начала. Так, возможно: *Все пугают меня одиночеством, но я не боюсь одиночества* (или: *...но меня не пугает одиночество*), но противоречиво: *Меня пугает одиночество, но я не боюсь одиночества*¹¹⁵.

Различный характер семантического отношения между несовершенным и совершенным видом, зависящий от агентивности/неагентивности субъекта, обнаруживают не только глаголы эмоционального воздействия, но и глаголы других лексических группировок. Например, такие глаголы, как *кусать/укусить, будить/разбудить, давать/дать*, близкие к типу «предикатов достижения», в сочетании с субъектом — лицом могут трактоваться как глаголы «постепенного осуществления»: в контексте целенаправленной деятельности несовершенный вид этих (и подобных) глаголов может выражать не только значение «достигнутого эффекта», но и значение попытки (в частности, не увенчавшейся успехом). Так, фразы типа *X будил Y-а* имплицуруют *X разбудил Y-а* (хотя бы однажды), если каузация исходит от неодушевленного X-а, но может и не иметь такой импликации, если X — лицо: *По утрам его будили парходные гудки* (невозможно продолжить: **но разбудить его удавалось только отцу*), но ср.: *По утрам его долго будила мать, но обычно приходилось звать на помощь отца: только он мог его разбудить*. Глаголы типа *давать, дарить* также могут в контексте агентивности иногда относиться к неудачной попытке «дать» или «подарить» (в отличие от значения, которое *давать, дарить* имеют в сочетании с неличным субъектом). Ср. странность: **Лекции профессора много давали аспирантам, но, к сожалению*

¹¹⁵ Т. е. невозможно: **Меня пугало одиночество, но не испугало*.

нию, ничего не дали. Но возможно: Тебе дали билеты? — Нет, мне давали, но я не взял.

Следует также учитывать возможность окказионального переосмысления семантического соотношения различных видовых форм глагола, принадлежащего к одному классу, по образцу соотношения между видовыми формами глаголами другого класса. Ср. изысканный пример окказиональной рекатегоризации глагольной пары «непосредственного эффекта» *назвать/называть* по модели предикатов «постепенного осуществления» в примере из стихотворения М. Цветаевой:

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня — святцы.
...
Этот — орлицей, синицей — тот, —
Всяк по иному меня зовет.
...
Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.
Звали — равно, *называли* — разно.
Все *называли*, никто не назвал

(Курсивное выделение первого глагола принадлежит Цветаевой.)

И, завершая эти заметки, мы хотели бы присоединиться к мысли Ю. С. Маслова относительно возможности и важности «такого изучения семантики видов, которое выводит конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов из особенностей их лексической семантики, т. е., собственно говоря, из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами действий» [Маслов 1948/1984: 65], и высказать мнение, что соответствующие связи заслуживают дальнейшего изучения.

ГЛАВА 2

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В АСПЕКТЕ АСПЕКТОЛОГИИ*

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глаголы, относящиеся к типу ментальных предикатов, представляют собою весьма неоднородный класс. Они могут обозначать то или иное ментальное состояние (*знать, верить, полагать*), мыслительную деятельность, обычно направленную на получение знания (*размышлять, обдумывать*), или же указывать на возникновение определенного ментального состояния в результате предшествующей деятельности или внезапного озарения (*узнать, догадаться, понять*).

Семантические различия ментальных предикатов определенным образом взаимодействуют с видовыми значениями. Поэтому представляется, что свет на семантику ментальных предикатов могло бы пролить углубленное изучение их аспектуальных свойств. В частности, специального внимания заслуживает вопрос о возможных соотношениях между ментальными глаголами, входящими в одну видовую пару.

Изложим вкратце принимаемую нами аспектологическую концепцию. В соответствии с критерием, предложенным Ю. С. Масловым в известной статье 1948 г., имперфективный и перфективный глаголы являются членами одной видовой пары в том случае, если имперфективный глагол может употребляться для обозначения таких же событий, что и соответствующий перфективный глагол; диагностическими контекстами таких употреблений являются контексты многократности, отрицания, настоящего исторического и т. п. Семантические отличия имперфективного члена от перфективного, появляющиеся в таких контекстах, можно назвать «тривиальными» (устное предложение Е. В. Падучевой). Таким образом, к тривиальным значениям несовершенного вида (НСВ) относятся значения «многократности», «изобразительности» и т. п.

Наряду с употреблениями, при которых имперфективные глаголы имеют лишь тривиальные отличия от перфективных коррелятов, для многих глаголов возможны и такие употребления, при которых

* Впервые опубликовано: Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

имперфективные члены видовой пары отличаются от соответствующих перфективных членов нетривиальным образом. При этом нетривиальные значения глаголов несовершенного вида в русском языке достаточно разнородны и различны для разных глаголов¹¹⁶, поэтому указание только на перфективный коррелят, как правило, не позволяет составить правильного представления о семантике этих глаголов. Так, глагол *решать* — имперфективный коррелят глагола *решить* — наряду с тривиальным употреблением (иллюстрируемым, например, предложением *Он много раз решал бросить курить*, где НСВ выражает значение многократности) может иметь нетривиальное значение «попытки» ('пытаться решить'), ср.: *Они долго решали, кто поедет на конференцию*, где *решали* указывает на целенаправленную деятельность, результатом которой должно явиться событие, обозначенное перфективным коррелятом: *Они наконец решили, кто поедет на конференцию*.

Иное соотношение в паре *понимать* — *понять*: *понимать* никогда не значить 'пытаться понять' — здесь, наоборот, имперфективный глагол (наряду с тривиальными употреблениями) может обозначать результат события, на которое указывает перфективный. Толкование, в соответствии с которым *понять* — «уяснить смысл», а *понимать* — НСВ к *понять* (т. е., очевидно, «уяснять смысл»?), может дать искаженное представление о семантическом соотношении этих глаголов.

Вводит в заблуждение и толкование, согласно которому *догадаться* — «по каким-либо приметам прийти к правильному выводу», а *догадываться* — «несов. к *догадаться*» (т. е. очевидно, «приходить к правильному выводу?»). На самом деле *догадаться* предполагает, что субъект получил верное знание, а *догадываться* (при нетривиальном употреблении) — что он делает вероятностное предположение, т. е. располагает некоторой гипотезой (подробнее см. далее).

В большинстве случаев возможные нетривиальные значения имперфективного члена видовой пары могли бы быть выведены из особенностей соответствующей аспектуальной ситуации. Но следует иметь в виду, что представления об аспектуальной ситуации, которые можно получить из словарных толкований, как правило, явно недостаточны. Таким образом, распространенная лексикографическая

¹¹⁶ Соответственно различными оказываются и типы семантических соотношений между глаголами одной видовой пары. Такое разнообразие в не меньшей степени (а может быть, в особенности) характерно для ментальных предикатов, поэтому их рассмотрение *sub specie aspectologiae* может представить интерес и для самой аспектологии. Обратим внимание на то, что в работе [Гловинская 1982], в которой специально обсуждается связь категории вида с лексико-семантическими особенностями глагола, ментальные предикаты практически не рассматриваются.

практика, в соответствии с которой развернутое толкование дается лишь одному из членов видовой пары, а для другого словарь ограничивается указанием на видовой коррелят (*догадываться* — несов. к *догадаться*, *понимать* — несов. к *понять* и т. п.), должна быть признана неудовлетворительной.

Недостаточность простой отсылки к видовому корреляту связана и с тем, что при нетривиальном употреблении члены одной видовой пары нередко характеризуются различными семантико-грамматическими признаками: с аспектуальными особенностями глагола связана его способность сочетаться с подчиненной предикацией того или другого типа; от вида подчиняющего глагола может зависеть значение придаточного предложения, в частности косвенно-вопросительного [Булыгина, Шмелев 1988] (см. главу V.1); члены видовой пары могут различаться в отношении фактивности, имплицативности и т. п. Отсылочные толкования создают неверное впечатление, что все подобные характеристики членов одной пары полностью тождественны.

Весьма любопытно прихотливое поведение ментальных предикатов совершенного вида (СВ) и НСВ в сочетании с императивом (с отрицанием и без отрицания). Так, говорят *пойми, что...*, но не **понимай, что...* (но в ответ на вопрос *как это понять?* естественнее звучит *Понимай* [а не **Пойми*], *как хочешь*); *считай, что...*, но не **сочти, что...* (хотя с отрицанием возможно *не сочтите, что...*); *верь, что...* и *поверь, что...*, но только *не верь, что...* Здесь можно напомнить, что выбор форм СВ или НСВ в повелительном наклонении при наличии отрицания зависит от контролируемости — неконтролируемости соответствующей ситуации со стороны субъекта [Булыгина 1980] (см. главу I.1.1). Поэтому рассмотрение ментальных предикатов с этой точки зрения может играть роль теста, позволяющего определить, является ли та или иная «ментальная ситуация» контролируемой или неконтролируемой.

При отсутствии отрицания выбор форм СВ и НСВ в повелительном наклонении в целом подчиняется общим правилам употребления видовых форм в императиве¹¹⁷. Так, при побуждении к конкретному, единичному «действию», связанному с моментом волеизъявления, выбирается форма СВ, при побуждении к неоднократному совершению действия вне конкретного отношения к моменту волеизъявления — форма НСВ: *Вспомни, что у тебя есть дети!*; *Вспоминай же, мой ангел, меня, Вспоминай хоть до первого снега* (А. Ахматова). Практически любому ментальному предикату свойственно и особое, «пермиссивное» значение формы императива НСВ, когда «действие предполагается самой ситуацией»; можно полагать, что адресат речи готов «совершить» его и сам по себе, а форма императива выражает «разре-

¹¹⁷ См. описание этих правил в статье Д. Н. Шмелева: [Шмелев 1959: 14—15].

шение», отсутствие возражений или «определяет характер данного действия»: *Думай, что хочешь; Как это понять? — Понимай, как знаешь (Понимай так, что...); Выясняй где угодно и т. п., ср.: Как он, хозяйка и Параша Проводят остальную ночь, Воображайте, воля ваша, Я не намерен Вам помочь (А. Пушкин).*

Однако наряду с общими закономерностями употребления форм вида в повелительном наклонении функционирование ментальных предикатов в императиве имеет свою специфику. Это связано с тем, что «обычное» значение побуждения свойственно лишь форме императива контролируемых предикатов, поэтому оно присуще лишь «действительным» ментальным глаголам типа *решать* (ср. *Решай скорее...*), *выяснить* и т. п. Напомним, что у большинства неконтролируемых предикатов императив выражает значение опатива [Булыгина 1982] (см. главу I.1.2).

Особенность ментальных предикатов состоит в том, что они выражают в императиве сложный комплекс прагматических значений. Обращают на себя внимание употребления, близкие к перформативным, когда ментальное состояние адресата речи контролируется говорящим и посредством данного речевого акта говорящий достигает изменения в ментальной сфере адресата: *Пойми, что P; Вспомни, что P; Знай, что P* (так, *Знай, что P* ≈ 'Каузирую тебя знать, что P' = 'Сообщаю тебе, что P'; *Вспомни, что P* ≈ 'Каузирую тебя вспомнить, что P' = 'Напоминаю тебе, что P' и т. п.). Такие квазиперформативные употребления в большей степени свойственны глаголам СВ. Заметим, что для многих предикатов возможность таких употреблений связана с ограничениями на социальный статус адресата; так, высказывания *Знай(те), что P; Пойми(те), что P; Прими(те) к сведению, что P* не могут быть употреблены, когда социальный статус адресата выше, чем у говорящего.

2. АНАЛИЗ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Вспоминать—вспомнить. Событие, обозначаемое глаголом *вспомнить*, может произойти как спонтанно (неконтролируемым образом), так и в результате специальной ментальной деятельности¹¹⁸. При этом в первом случае НСВ *вспоминать* может иметь только тривиальные употребления: *Тут я вдруг вспомню, что забыл дома выключить электрическую печку (Д. Хармс) — настоящее историческое; Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю про нее, как гляжу в ту сторонку (А. Пушкин) — многократность.*

¹¹⁸ Соответствующие значения различаются в словаре А. А. Зализняка [1977], где даются следующие пояснения: 1) о непроизвольном восстановлении чего-либо в сознании; 2) сознательным усилием воли восстанавливать в памяти.

На первый взгляд процессное (т. е. нетривиальное) значение реализуется в примере: *Но я молюсь и воздыхаю, крещусь, не вмешаю Сатане, а все невольно вспоминаю, Давыдов, о твоём вине* (А. Пушкин). Но в действительности здесь речь идет не о процессе (тем более не о ментальной деятельности, на что указывает слово *невольно*), а о «пунктирной» последовательности событий, разъединенных малыми интервалами¹¹⁹.

В данном «неконтролируемом» значении НСВ *вспоминать* не отличается по своим сочетаемым свойствам от СВ *вспомнить*: оба глагола способны подчинять придаточное с союзом *что*, а в том случае, когда им подчинено косвенно-вопросительное придаточное, последнее скрывает за собою неэксплицированное положительное суждение, которое в дальнейшем может быть раскрыто: *Я вспомнил, по какому поводу слегка увлажнена подушка. Мне снилось, что ко мне на прощанье шли по лесу вы друг за дружкой* (Б. Пастернак).

При контролируемом акте «вспоминания» НСВ *вспоминать* может иметь нетривиальное «деятельностное» значение («стараться вспомнить»; ср. *мучительно вспоминать*). Косвенный вопрос, подчиненный глаголу *вспоминать* в этом «игноративном» значении, — это полностью эксплицированный объект пропозициональной установки (т. е. именно вопрос), а изъяснительное придаточное с союзом *что* при данном значении глагола невозможно (*Я *мучительно / *старательно вспоминал, что я здесь уже бывал*)¹²⁰.

Поскольку речь идет об акте «вспоминания», зависящем от сознательных усилий субъекта, наряду с квазиперформативным употреблением императива (*Вспомни, что Р*; ср. также использование в этой функции формы *вспомним*, характерное для научных текстов) вполне обычно его употребление в собственно побудительном значении: *Вспомните, пожалуйста, когда вы его видели в последний раз*. Кроме того, *вспомнить* — это возобновить в памяти то, что в ней уже было (при этом сами события, о которых вспоминают, могут относиться к будущему: *Он вспомнил, что завтра придет Х*). Поэтому успешное «вспоминание» легче предвидеть, чем, например, «понима-

¹¹⁹ Соотнесенность с рядом разъединенных событий особенно явна в примере: *Весь вечер я вспоминал о предстоящем матче* ≈ 'о том, что предстоит матч'. В то же время в примере: *Весь вечер я вспоминал о вчерашнем матче (вспоминал подробности вчерашнего матча)* НСВ *вспоминал* может иметь значение, близкое к значению 'предаваться воспоминаниям', когда «пунктир» переходит в почти «сплошную» линию (об этом см. главу II.1.1). Однако и в случаях такого рода предикат *вспоминать* не приобретает значения процесса (деятельности). Ср. в этой связи противоречивость высказывания **Весь вечер я вспоминал о вчерашней встрече, ни на секунду о ней не забывая*: если представление о встрече непрерывно сохраняется в памяти, уместно употребить глагол *помнить*, а не *вспоминать*.

¹²⁰ Подробнее см. главу V.1.

ние», ср.: *Зачем же это я звал — не помню! Поди пока к себе, а я вспомню* (И. Гончаров); но аномально: **Зачем он это сделал — не понимаю. Поди пока к себе, *а я пойму* (следует: *а я постараюсь это понять или а я подумаю*).

Решать — решить. Как уже говорилось, в данной паре первый член может обозначать целенаправленную деятельность, результатом которой является событие, обозначенное перфективным членом. Однако данное нетривиальное значение, естественно возникающее в контексте косвенного вопроса (ср.: *Они долго решали, кто поедет на конференцию*), не может реализоваться в тех случаях, когда глагол *решать* подчиняет изъяснительное придаточное с союзом *что* или инфинитив (аномально: **Они долго решали, что на конференцию поедет Петров; *Они долго решали послать на конференцию Петрова*; ср.: *решили, что поедет Петров; решили послать Петрова*). Иными словами, *решать* в сочетании с придаточным вида *что Р* или с инфинитивом может иметь только тривиальные значения (ср.: *Каждый раз они решали, что поедет Петров; Неожиданно они решают послать Петрова*), но не значение деятельности.

Данное сочетаемостное ограничение роднит пару *решать — решить (что Р)* с парами типа *выливать — выпить (три чашки кофе)*, *пробегать — пробежать (два километра)*, имперфективный член которых тоже не может употребляться в актуально-длительном значении [ср. Wierzbicka 1967]. Эта особенность, возможно, объясняется сходными семантическими причинами: в обоих случаях соответствующие ситуации могут оцениваться как таковые лишь *post factum*; иначе говоря, они не могут рассматриваться «изнутри», «нецелостно» (если только речь не идет об особом, дополнительном, значении интертерминальности, возникающем при тривиальном употреблении несовершенного вида, например в настоящем историческом или в контексте неопределенной многократности).

Иными свойствами характеризуются пары типа *сочинять — сочинить симфонию, строить — построить дом*; так, например, процесс сочинения симфонии может быть оценен как таковой еще до своего естественного завершения. Дело в том, что уже сам процесс (а не только результат) сочинения симфонии качественно отличен, скажем, от процесса сочинения шлагера или романа. Напротив, принятие качественно различных конкретных решений (*решить, что поедет Петров; решить, что поедет Сидоров* и т. д.) является результатом деятельности одного и того же рода. Если результат процесса сочинения симфонии в известной мере предопределен, то мысленное (или вербальное) обсуждение различных возможностей, составляющее сущность «решения», наоборот, имеет смысл только в том случае, если конкретное решение заранее неизвестно.

До сих пор речь шла об употреблении глаголов *решать* — *решить* по отношению к акту принятия решения, которому обычно предшествует хотя бы короткий период поисков такого решения. Наряду с этим *решать* — *решить* может употребляться для обозначения не волевого акта, а произвольно возникающей мысли (в этом случае *решить, что P* \approx *подумать, что P*), ср.: *В тебе ведь недостатков нет, А добродетельность исконна. Нарисовал я твой портрет, А все решили, что икона.*

Если пара *решать* — *решить* в первом значении чаще используется, когда речь идет о будущих событиях, и связана с намерением, то второе значение выражает суждение, умозаключение — как правило, о том, что уже имеет место. В отличие от *понять* данное значение глагола *решить* не несет презумпции истинности *P*; ср.: *Сначала я решил...*, но сомнительно [?]*Сначала я понял...*; *Я сразу понял, что P лучше, чем* [?]*Я сразу решил, что P* в ситуации, когда *P* истинна.

Эти два значения — контролируемого и неконтролируемого «решания» — не разграничиваются в существующих толковых словарях. Между тем в «неконтролируемом» значении глагол *решать* может иметь лишь тривиальные значения НСВ и не может подчинять (как и соответствующий СВ) косвенный вопрос, т. е. обладает прямо противоположными свойствами по сравнению с «контролируемым» НСВ *решать*.

Таким образом, между «контролируемым» и «неконтролируемым» значением обнаруживаются грамматические и сочетаемостные различия.

Понимать — **понять**. Эти глаголы составляют бесспорную видовую пару¹²¹ — *понимать* имеет тривиальные типы употребления, т. е. может обозначать такое же событие (такие же события), какое (какие) обозначается глаголом *понять*: *Внезапно я понимаю всю нелепость своего положения* (наст. ист.); *Он обычно сразу же понимает, что от него требуется* (многокр.).

Кроме того, *понимать* может отличаться от *понять* и нетривиальным образом, а именно выражать не событийное, а стативное значение (указывать на определенное ментальное состояние). Как уже отмечалось выше, соотношение между имперфективным и перфективным членами пары *понимать* — *понять* обратно соотношению между членами пары *решать* — *решить*: если ситуация *X решил этот вопрос*, имеющая место в момент t_1 , исключает наличие ситуации *X решает этот вопрос* в момент t_2 (t_1 непосредственно предшествует моменту t_2), то ситуация *X понял, что P*, имеющая место в момент

¹²¹ Это, впрочем, признается не всеми словарями — в СУ, например, *понимать* и *понять* во всех своих значениях трактуются как самостоятельные, не соотносительные по виду лексемы.

t_1 , напротив, предполагает наличие ситуации *X* понимает, что *P* в момент t_2 . Заметим, однако, что в то время как событие *понять* всегда знаменует собой переход от незнания («непонимания») к знанию («пониманию»), состояние, описываемое глаголом *понимать*, необязательно предполагает предшествующее состояние «непонимания»¹²². Вместе с тем в отличие от чисто стативного (пассивного) состояния простой осведомленности (описываемого предикатом *знать*), обязанного своим существованием внешнему источнику информации, состояние «понимания» требует собственной умственной активности субъекта, определенного уровня его умственного развития (способности к аналитическому мышлению)¹²³. Ср., например: *Я понимаю, что трудно не обижаться, когда вас бьют по лицу, суют за ворот снег, толкают в сугроб, но ведь буря это делает без всякой злобы, нечаянно* (Е. Шварц). Именно с этим последним обстоятельством, по-видимому, связан тот факт, что круг объектов, которые могут быть «известны» субъекту, значительно шире круга объектов, которые могут быть ему «понятны». Так, допустимо *знать* (но не *понимать*) *имя, адрес, место, маршрут, размер, рост, телефон* и т. п., и лишь интенциональные объекты, такие, как *цель, мотивы, причину, движущую силу, способ, смысл* и т. п., субъект может не только *знать*, но и *понимать*. Соответственно ограничена способность предиката *понимать* (речь идет, естественно, о стативном значении) подчинять косвенный вопрос. Ср.: *Я знаю/понимаю, зачем, почему, как, по какой причине, с какой целью он это сделал, но Я знаю (*понимаю), как его зовут, где он живет, куда они уехали, какого он роста* и т. п.

Интересно при этом, что перфективный член пары *понимать* — *понять* сочетается с разными типами косвенно-вопросительных придаточных гораздо свободнее, чем имперфективный. Ср.: *Я понял, где он прячет деньги; Она поняла, кто это вчера звонил; Он... понял, чьим он золотом платил за свой ночлег* (Л. Мартынов), и сомнительно вне специальных контекстных условий: ¹*Я (прекрасно) понимаю, где он прячет деньги;* ²*Она (хорошо) понимает, кто это вчера звонил;* ³*Он (великолепно) понимает, чьим золотом он платит за свой ночлег.*

Это сочетаемостное различие можно было бы, как представляется, объяснить отмеченным выше различием в семантической структуре предикатов *понять* и *понимать*: поскольку событие *понять* (но

¹²² Это общее свойство стативных предикатов: они описывают состояние безотносительно к его наступлению или окончанию.

¹²³ Данное семантическое различие между «пониманием» и «знанием» отражается, в частности, в том, что глагол *понимать* употребляется в абсолютной конструкции, выражающей значение способности к соответствующему ментальному состоянию, тогда как *знать* в таких конструкциях не употребляется. Ср., например: *У нас есть сын. Ты редко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Ведь он уж понимать начинает. Ласкается ко мне, мамой, мамочкой зовет* (А. Островский).

не состояние *понимать*) тесно связано с непосредственно предшествующим состоянием незнания, можно думать, что этот предикат наследует свойства игноративных предикатов, в частности и в отношении способности сочетаться с косвенными вопросами [Булыгина, Шмелев 1988] (см. главу V.1). Правдоподобность такого объяснения подтверждается тем, что, когда имперфективный член рассматриваемой пары употребляется в контексте, указывающем на смену состояния «непонимания» состоянием «понимания», его возможности сочетаться с косвенными вопросами соответственно расширяются¹²⁴. Ср.: *А, теперь я понимаю, где он спрятал деньги!*; *Ну, теперь я понимаю, кто мне вчера звонил!*; *Ну наконец-то ты понимаешь, куда они поехали* и т. п.

В императиве форма СВ *пойми* употребляется как «квазиперформатив»: *Пойми, что Р ≈ 'Считая, что Р может повлиять на твои поступки или образ мыслей, и видя, что ты не знаешь, что Р, или недооцениваешь Р, я настойчиво говорю тебе: Р'*. Высказывания этого типа не употребляются «снизу вверх».

Догадываться—догадаться. В словарях *догадываться*, как уже говорилось, часто толкуется просто как «несов. к *догадаться*». Однако наряду с тривиальными значениями (ср., например, настоящее историческое: *И тут я внезапно догадываюсь...*) глагол *догадываться* имеет и весьма своеобразные нетривиальные значения. Он не может указывать на целенаправленную деятельность — попытку догадаться (как в паре *решать — решить* или *отгадывать — отгадать*); так, невозможна синонимичная замена *стараются догадаться* на *догадываются* в следующем примере: *Гости по этим взглядам стараются догадаться, кого или чего еще ждут, важного родственника или кушанья, которое еще не поспело* (Л. Толстой)¹²⁵.

С другой стороны, *догадываться* не может обозначать и ментального состояния, возникающего после того, как субъект *догадался*

¹²⁴ То же, естественно, справедливо и в отношении сочетаний глагола *понимать* с отрицанием, превращающим предикат положительного суждения в игноратив: *Я совершенно не понимаю (ума не приложу), где он спрятал деньги!*; *Я решительно не понимаю, кто мне вчера звонил.*

¹²⁵ Употребление *догадываться* в значении 'пытаться догадаться' в следующем примере из Пушкина, как представляется, не вполне отвечает современной норме: *Я... теперь догадываюсь (= 'обдумываю'), кому Николай Иванович думал погрозить мизинчиком Фаддея Венедиктовича. В самом деле, к кому может отнестись это затейливое выражение? Кто наши записные рецензенты? Вы, г. издатель «Телескопа»?.. Г-н Полевой?.. Г-н Воейков?.. Г-н Сомов?.. Кого же оцарапал сей мизинец?* Такое употребление можно отнести к своеобразной перекатегоризации предиката, при которой он вопреки своим ингерентным свойствам ведет себя как «предикат постепенного осуществления», ср. примеры, приведенные в этой связи в главах I.1.2 и II.2.1: *Так много всего я видела, а что увидела?* (Н. Ильина); *Кусали, да не укусили* (В. Распутин); *Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее* (Ф. Достоевский).

(как в паре *понимать — понять*): после того как Х догадался, он уже не догадывается, а знает.

Одно из наиболее существенных различий ментальных ситуаций Х догадался, что Р и Х догадывается, что Р состоит в том, что, как уже говорилось, в первом случае ментальное состояние близко к достоверному знанию, во втором — это всего-навсего предположение. Характерны сочетания догадываться со словами *лишь, только, смутно*, ср.: *можно лишь догадываться, Петя понимал, что дело это политическое, но в чем оно заключается, мог только смутно догадываться* (В. Катаев)¹²⁶; *догадываться* всегда предполагает отсутствие точного знания, ср.: *Разумеется, дедушка... кое о чем догадывался. Но все же, чтобы помочь человеку, надо бы знать побольше* (В. Катаев)¹²⁷. С другой стороны, догадаться в таких контекстах практически не употребляется, для него более характерны сочетания со словами *легко, без труда* (ср. у Достоевского: *Я без труда догадалась, что мне многое запрещают*). При этом как догадаться, так и догадываться относятся к фактивным предикатам. Иными словами, во всех случаях употребления данных глаголов с придаточным изъяснительным (с союзом *что*) говорящий находится в ментальном состоянии знания, что пропозициональное содержание придаточного истинно. Тем самым высказывание вида Х догадывается, что Р выражает два различных отношения к Р: Х всего-навсего предполагает, что Р, а говорящий достоверно знает, что Р истинно. Та же самая ситуация имеет место в том случае, когда Х — говорящий в один из прошлых моментов времени (т. е. когда высказывание имеет вид *Я догадывался, что Р*): интерпретация высказывания в нормальных коммуникативных условиях — в прошлом говорящий предполагал, что Р, а к моменту речи удостоверился в истинности своего предположения.

Несколько иначе обстоит дело в том случае, когда субъект установки полностью совпадает с говорящим, т. е. когда высказывание

¹²⁶ Этот и следующий примеры — из картотеки ЛО ИЯ АН СССР.

¹²⁷ Заметим, что объект пропозициональной установки, описываемой предикатом *догадываться*, вполне определен, даже в том случае, если он выражен «косвенно-вопросительным» придаточным, т. е. не эксплицирован. При необходимости он может быть сформулирован в виде положительного суждения (т. е. косвенно-вопросительное придаточное может быть преобразовано в изъяснительное). В этом отношении предикат *догадывается* (*кто поедет в Ленинград*) коренным образом отличается от игноративных предикатов типа *решать* (*кто поедет в Ленинград*) и, напротив, обнаруживает сходство с предикатами типа *сочинять симфонию* (*строить дом*): пропозиция Р (являющаяся объектом ментального состояния *догадываться, что Р*) может не быть истинной, а симфония (дом) еще не существует в процессе сочинения (строительства), однако в обоих случаях необходимо идеальное существование соответствующих объектов (определенной гипотезы об истинности Р в случае с *догадываться*, образа готовой симфонии или проекта дома в случае с *сочинять симфонию* или *строить дом*).

имеет вид *Я догадываюсь, что Р*. В этой ситуации два указанных отношения к содержанию *Р* вступают в противоречие друг с другом. Следует заметить, что (вероятно, именно в силу указанного противоречия) высказывания вида *Я догадываюсь, что Р* достаточно редки и часто воспринимаются как аномальные или стоящие на грани нормы. Однако в некоторых ситуациях они все же используются (чаще в бессоюзной форме — *догадываюсь: Р!*) и означают, что говорящий сообщает: 'Я думаю, что я правильно догадался, что *Р*, хотя и не имею достаточных к тому оснований'; ср.: *Письмо твое... я получил сего 20 июня и заранее догадываюсь, что дело должно быть важное* (Н. Гоголь).

Сходным образом ведут себя глаголы *догадаться* и *догадываться*, когда они подчиняют косвенный вопрос (например, *Петя догадался, кто разбил окно*). Хотя здесь говорящий не хочет сообщить или не знает, в чем, собственно, заключается «догадка», он дает понять, что считает эту догадку верной. Однако в случае полного совпадения субъекта установки с говорящим степень фактивности уменьшается. Уже высказывание *Я догадался, кто разбил окно* может быть произведено и в ситуации отсутствия стопроцентной уверенности в правильности догадки. Частичная утрата фактивности особенно заметна при сочетании с модальными показателями. Слово *кажется* в высказывании *Я, кажется, догадался, кто это сделал* указывает именно на то, что говорящий не уверен в правильности догадки (ср. аномальность **Я, кажется, догадался, что это сделал Ваня*)¹²⁸. Что же касается предиката *догадываюсь*, то он вообще не является фактивным, когда подчиняет косвенный вопрос, ср.: *Я (кажется) догадываюсь ('У меня есть одно предположение'), кто это сделал*. Приведенные факты позволяют усомниться в том, что полностью справедливо предположение З. Вендлера [1987] о существовании непосредственной связи между фактивностью и способностью подчинять косвенный вопрос (подробнее — в главе V.1).

Именно с таким, нефактивным употреблением глаголов *догадаться* и особенно *догадываться* соотносится существительное *догадка* — гипотеза, предположение, которое не обязано быть истинным. Этим слово *догадка* отличается от слова *отгадка*. Можно *теряться в догадках*, но никто никогда не **теряется в отгадках*, поскольку из множества догадок лишь одна — правильная — оказывается отгадкой.

Как и большинство ментальных предикатов, пара *догадываться* — *догадаться* обнаруживает сдвиг в повелительном наклонении. Форма

¹²⁸ В случае когда субъект установки отличен от говорящего, неуверенность может относиться как к правильности догадки, так и к тому, что «догадка» имела место, ср.: *Петя, кажется, догадался, кто разбил окно*. Разумеется, высказывание *Петя, кажется, догадался, что окно разбил Ваня* понимается однозначно: говорящий знает, что окно разбил Ваня, но не уверен, что об этом догадался Петя.

догадывайся вообще не используется в функции побуждения; что же касается формы *догадайся*, то она (в отличие от императивных форм СВ большинства других глаголов) никак не предполагает, что говорящий заинтересован в результате. Форма *догадайся* означает скорее 'попытайся догадаться' и часто употребляется в тех случаях, когда говорящий намерен поразить собеседника и совершенно определенно рассчитывает, что тот не догадается.

Верить — поверить. На первый взгляд соотношение членов данной видовой пары близко к соотношению членов пары *понимать — понять*. Если *X верит, что P*, это означает, что *X поверил, что P*; имперфективный член пары может указывать на ментальное состояние, возникающее в результате события, обозначенного перфективным членом. Однако при употреблении глагола *верить* важно, как оценивает *P* говорящий (для глагола *поверить* такая оценка не играет роли).

М. Г. Селезнев [1988] отметил, что употребление *верить* в 1-м лице настоящего времени (*верю, что P*) несет на себе отпечаток «космического оптимизма» (*P* — нечто хорошее, особенно — добавим — когда относится к будущему), а употребление в 3-м лице или в прошедшем времени — печать «снисходительного пренебрежения к чужому заблуждению». Модально-оценочный элемент формы *верю* сохраняется и при наличии отрицания; в этом случае он может быть двойким: *не верю, что(бы) P* означает либо 'не хочу верить...' (когда *P* — нечто плохое), либо 'хочу верить, но...' (когда *P* — нечто хорошее).

Указанное различие между *верить* и *поверить* проявляется и в повелительном наклонении. Форма *верь* чаще всего используется как призыв к «космическому оптимизму» (*Товарищ, верь: взойдет она...*), а *поверь* — просто побуждение присоединиться к высказанному мнению, ср.: *Поверь* (но не **Верь*), *что у нас ничего не выйдет, не стоит и браться за дело* (ср.: [Шмелев 1988]).

При наличии отрицания нормально используется форма НСВ — *не верь*. Таким образом, язык представляет веру как контролируемую ментальную установку — человек несет ответственность за то, во что и чему он верит. Это, конечно, непосредственно связано с участием в акте веры воли человека. Как уже говорилось, *верю* часто означает 'хочу верить', а *не верю* — 'не хочу верить'. Связь веры (в отличие от знания) со свободным выбором субъекта приводит к тому, что можно не верить (не хотеть верить) даже при наличии положительного знания: *Хоть знаю, да не верю* (Я. Княжнин)¹²⁹.

Думать — подумать. Глагол *думать* может иметь тривиальные отличия от видового коррелята *подумать*, например выражать значение многократности (указывать на ряд событий): *Когда я думал, в чьих руках мы находимся, я приходил в ужас* (А. Пушкин), ср.: *Как*

¹²⁹ Подробнее см. об этом в главе V.2.

подумаю, в чьих руках мы находимся, прихожу в ужас (в этих примерах косвенный вопрос скрывает за собою положительное суждение); *Всякий раз, когда я думаю о форме плана...* и т. п. Однако чаще *думать* употребляется в нетривиальных значениях — для указания на ментальную деятельность, ср.: *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. Пушкин), — здесь косвенный вопрос полностью эксплицирует объект установки; *Думали-думали, толковали-толковали и наконец решили* (Н. Гоголь) или на ментальное состояние (*Думаю, что Р*). Это последнее значение в большой степени обособилось и представлено как отдельное значение глагола *думать* ('считать, полагать') в толковых словарях. Соответствующая глоссема (подчиняющая изъяснительное придаточное с союзом *что* без местоимения) выделяется в словарях как особая и у глагола *подумать*. Следует заметить, что в данном значении видовая коррелятивность глаголов *думать* и *подумать* практически утрачена (в соответствии с критерием Ю. С. Маслова): *думать, что Р* не употребляется как тривиальный аналог для *подумать, что Р*.

Значения *думать* и *подумать*, в которых обнаруживается видовая соотносительность, соответствуют контролируемой установке, и не случайно, что при отрицаемом императиве в этих значениях используется только форма НСВ (*не думай*). В то же время свои мнения субъект часто не может контролировать, они приходят произвольно (ср. выражение *думается, что...*). Поэтому в равной степени употребительны *Не думай, что Р* и *Не подумай, что Р*; форма *не подумай* используется в тех случаях, когда в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, которые могут привести адресата речи к неправильному выводу «Р» — говорящий стремится предотвратить неправильное понимание (ср.: *Не подумай, что я его боюсь, просто я не хочу с ним связываться; Не подумайте, что я вам лъщу, но... и т. п.*).

Узнавать — узнать. В данной видовой паре имперфективный член чаще всего употребляется в тривиальных значениях: *Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий* (А. Пушкин) (настоящее историческое); ... *мужья всегда последние в городе узнают про жен своих* (А. Пушкин) (неопределенная многократность). В отличие от ряда других глаголов со значением возникновения ментального состояния, в данной паре имперфективный член не может использоваться для указания на соответствующее ментальное состояние: если *понять* ≈ 'начать понимать', *осознать* ≈ 'начать осознавать', *признать* ≈ 'начать признавать', то *узнать* — это не 'начать узнавать', а 'начать знать' (*знать*, в соответствии с критерием Ю. С. Маслова, а также интуицией большинства аспектологов, не является видовым коррелятом для *узнать*). К тривиальным должно быть отнесено и такое употребление глагола *узнавать*, как в

высказывании *С* *каждым* *днем* *я* *узнавал* *все* *больше* (*все* *новые* *подробности*) *об* *этом* *деле*. Здесь речь идет не о процессе (ментальной деятельности), а о последовательности событий.

В том случае, когда получение знания не контролируется субъектом¹³⁰, глагол *узнавать* вообще не может иметь нетривиальных значений (поэтому *узнавать от Y-а* не употребляется в актуально-длительном значении [Апресян 1978: 137]). Если же приобретение знания находится под контролем субъекта, *узнавать* может употребляться в значении целенаправленной деятельности, ср.: *Он долго узнавал* (= 'пытался узнать'), *когда придет поезд*. Однако употребление *узнавать* в этом значении оказывается весьма ограниченным. Понятно, что оно, как правило, не может возникать в контексте придаточного изъяснительного (**узнавать, что P*), высказывания типа **Он долго узнавал у проводника, что поезд пойдет в два часа* представляют собой контаминацию двух высказываний: *Он долго узнавал* («игноратив») *у проводника, когда пойдет поезд* и *Он узнал* («положительное суждение»), *что поезд пойдет в два часа*.

Кроме того, следует отметить, что *узнавать* может указывать не на любую деятельность, направленную на получение знаний, а только на получение знаний посредством расспросов, наведения справок. Нельзя сказать об ученом, ставящем эксперимент с целью исследования свойств вещества X: **Ученый сейчас узнаёт, каковы свойства вещества X*. Аномально: **В настоящий момент она в экспедиции — узнаёт, существует ли снежный человек*; **Не мешай: я узнаю по радио, какая будет погода*. Возможно, данный «деятельностный» смысл глагола *узнавать* следует считать связанным с особым значением пары *узнавать — узнать* ('наводить/навести справки') — ср. выделение в ССРЯ особого синонимического ряда *спросить, справиться, осведомиться, узнать* (в статье с заглавным словом *спросить*), отличного от синонимических рядов *узнать, разузнать, проведать, разведать...*; *узнать, определить, распознать, угадать...*; *узнать, признать, распознать, опознать...* (выделяемых в статьях с заглавным словом *узнать*). Именно в первом из названных значений (≈ 'спросить, справиться, осведомиться') *узнать* естественным образом употребляется в императиве: *Узнай, когда отходит поезд* (форма *узнавай* может быть использована в значении многократности или в «пермиссивном» значении: *Узнавай, где хочешь*; она же выбирается при наличии отрицания, поскольку соответствующее действие является контролируемым). Использование императивной формы СВ в значении, близком к перформативному (*Узнай, что P* ('Сообщаю тебе (т. е.

¹³⁰ В качестве формального различия между «контролируемым» и «неконтролируемым» *узнавать — узнать* выступает использование для указания на источник знания предлога *у* в первом случае и предлога *от* во втором (см.: [Апресян 1978]).

«каузирую тебя узнать»), что Р') является устаревшим: *Узнай, Руслан: твой оскорбитель — волшебник страшный Черномор*. В современном языке в этой функции чаще используется глагол *знать*: *Знай, что Р ≈ 'Полагая, что ты не знаешь, что Р, и желая подчеркнуть, что Р для тебя небезразлично, я сообщаю: Р'*. Добавление отрицания к формам *узнай* или *знай* в таком квазиперформативном употреблении приводит к «иллокутивному самоубийству»: **Не знай (*Не узнай), что Р*.

Упомянем для сравнения видовые пары *обнаружить — обнаруживать* и *открыть — открывать* (в их «ментальных» значениях). Имперфективный член этих пар, семантически сходных с только что рассмотренной парой *узнать — узнавать*, не может тем не менее выражать значения целенаправленной деятельности, употребляясь только в тривиальных значениях НСВ. В высказываниях типа *Мы постепенно обнаруживали все новые аспектологические особенности ментальных предикатов; Гений с одного взгляда открывает истину* (А. Пушкин) формы *обнаруживали, открывает* указывают не на процесс, а на ряд событий.

3. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Рассмотрение аспектуальных свойств ментальных предикатов показывает, что в этой сфере сохраняет силу основное собственно видовое различие (характеризующее вид как грамматическую категорию), а именно различие между «целостным» и «нецелостным» рассмотрением одной и той же (за исключением указанного различия в перспективе) ситуации. Значение «целостности» присуще глаголам СВ, описывающим рассматриваемые «извне» события, т. е. начало или конец определенного ментального состояния.

Грамматическое значение «нецелостности», присущее всем без исключения глаголам НСВ, участвующим в видовой корреляции, реализуется в виде значения неопределенной многократности событий и в особом «изобразительном» представлении, которое возникает при описании события в *praesens historicum*. В силу «тривиальности» (т. е. абсолютно общего характера) указанных значений они могут не получать специальной фиксации в словаре — достаточно ограничиться отсылкой к соответствующей глоссе СВ.

Однако кроме этого многие участвующие в видовом противопоставлении ментальные предикаты имеют, дополнительно к названным «тривиальным» видовым значениям, значения «ментальной деятельности» или «ментального состояния», сложным образом и по-разному соотносящиеся с событийным значением своего перфективного коррелята (для *imperfectiva tantum*, по определению не выражающих «тривиальных» видовых значений, значение ментальной деятельности или ментального состояния оказывается единственным).

Несмотря на то что способность к выражению «дополнительных» аспектуальных значений может быть часто предсказана, исходя из семантического класса соответствующего предиката, целесообразно давать им в словаре специальное толкование.

Ограничиться указанием на видовой коррелят (как это делается в большинстве словарей) можно было бы лишь в том случае, если бы:

- 1) существовали четкие правила, позволяющие из толкования глагола вывести возможные нетривиальные употребления;
- 2) мы располагали бы для каждого ментального глагола точным словарным толкованием, допускающим применение таких правил.

В настоящее время далеки от осуществления оба условия. Поэтому отсутствие в словарях подробных сведений об аспектуальном поведении ментальных глаголов воспринимается как неполнота словарной статьи, искажающая представление об их семантике.

ГЛАВА 3

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОБЫТИЙ: ОНТОЛОГИЯ, АСПЕКТОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ*

Прежде всего необходимо терминологическое разъяснение. Термин «событие» используется в науке (в частности, в лингвистических работах) в различных смыслах [Freed 1979: 25—46]. В данной главе мы употребляем этот термин в более широком и в более узком смысле. В более широком событиями называют все, что случается, происходит, имеет место в мире. При таком понимании события противопоставляются фактам и пропозициям как явлениям ментальной или эмоциональной сферы, как объектам «пропозициональных установок». В более узком смысле события — разновидность (наряду с процессами и состояниями) событий в широком смысле. Более широкое понимание термина «событие» будет использоваться в первой части данной главы, более узкое — во второй.

1. ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ И ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА СОБЫТИЙ

Онтология событий чрезвычайно важна для философии, логики, юриспруденции и лингвистики. Нередко одни и те же параметры одновременно оказываются существенными с разных точек зрения. Так, разграничение контролируемых и неконтролируемых действий играет роль при философском, этическом или юридическом решении проблемы ответственности; с другой стороны, оно релевантно для описания многих языковых правил, в частности интересных явлений русской грамматики.

Проблемы, связанные с пространственной и временной локализацией событий, привлекают внимание логиков и философов. Собственно лингвистическую значимость проблемы определения временных границ события иллюстрирует употребление так называемого

* Впервые опубликовано в сокращенном виде: Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992.

«настоящего в значении будущего» (*Завтра она улетает в Прагу*). Иногда утверждается, что возможность употребления этой формы связана с «уверенностью» говорящего в том, что соответствующее событие наступит. Но «уверенность» здесь ни при чем. Как бы ни был говорящий уверен в предстоящей победе «Спартак» над «Динамо», он не может выразить эту свою уверенность словами: **Завтра «Спартак» выигрывает у «Динамо»*. С другой стороны, отсутствие уверенности не препятствует использованию настоящего в значении будущего в таких выражениях, как *Я не уверен, но, кажется, она улетает завтра*. Не вполне точным является и указание на «запланированность» действия как условие употребления рассматриваемой формы. При формулировке производственных планов нельзя использовать конструкцию *В будущем году мы производим...*

Обращает на себя внимание тот факт, что проверка истинности высказываний рассматриваемого типа осуществляется не в будущем, а в настоящем. Для того чтобы оценить истинность высказывания *Завтра я читаю лекцию*, не надо ждать завтрашнего дня — достаточно заглянуть в расписание. Предложение *Завтра я читаю лекцию, но думаю ее отменить* не является противоречивым; предложение **Завтра я буду читать лекцию, но думаю ее отменить* содержит явное противоречие. В силу сказанного сам термин «настоящее в значении будущего» представляется не вполне удачным. Настоящее время в таких предложениях употребляется именно «в значении настоящего». Речь в них может идти о будущих событиях, контроль над которыми осуществляется уже в настоящем (уже принято решение, куплены билеты и т. п.). Именно поэтому, как отмечалось в предшествующих главах, в подобных конструкциях могут употребляться только контролируемые предикаты (*Завтра мы слушаем оперу, но не *Завтра мы слышим оперу*). Подобное употребление — для обозначения заранее запланированных событий — возможно не только для настоящего, но и для прошедшего времени, ср.: *Этот самолет вылетал на Москву несколькими часами позже и летел более длинным путем* (Ф. Искандер).

С вопросом о временных границах события тесно связан вопрос об отождествлении и характеристике событий. Если «отравитель» вчера подсыпал в чай яду, ничего не подозревающая жертва сегодня выпила чай и на следующий день умирает, то когда произошло убийство? *«Недогляди сторож, так поезд мог бы сойти с рельсов... Ты бы людей убил»*, — говорят в рассказе Чехова «злоумышленнику», отвинтившему гайки с рельсов. Здесь используется ирреальное наклонение, хотя само действие, о котором идет речь, — отвинчивание гаек — фактически произведено. Ирреальность относится не к факту совершения действия, а к его квалификации — идентифицировать это действие как убийство мы можем лишь зная его достаточно отдаленные

последствия¹³¹. Иными словами, онтологическая характеристика действия нередко дается не непосредственно, а лишь на основании отдаленных последствий. В пределе, поскольку человек не в состоянии знать все последствия, мы оцениваем те или иные действия приблизительно или условно, а по-настоящему судить о них может только Бог.

2. ОНТОЛОГИЯ И АСПЕКТОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Значительное внимание проблеме идентификации событий уделяется в логических исследованиях, посвященных «логике действия». Логиков интересует, в частности, вопрос о том, в каких случаях события, происходящие в разное время и в разных местах, могут считаться однородными, или «такими же»; в каких случаях сложные события, включающие разнообразные частные действия, могут описываться предикатом, указывающим на «результат» или «последствия» действия; может ли не осуществленное до конца действие, т. е. действие, не достигшее желаемого эффекта (естественного «предела»), описываться тем же языковым выражением, например, определенной формой той же глагольной лексемы, что и успешно завершённое действие [Вригт 1986; Anscombe 1957; Ackermann 1967; Bogusławski 1981; Bach 1986]. Все эти вопросы, несомненно, обладают лингвистической релевантностью; они, в частности, представляют значительный интерес для решения ряда важных вопросов грамматики (особенно исследований залога и глагольного вида) и лексической семантики (в частности, и лексикографии).

В соответствии с онтологией положений вещей, изложенной в предшествующих главах, все явления (события в широком смысле) подразделяются на статические (состояния) и динамические, а динамические — на процессы и (собственно) события. Устройство аспектуальной системы русских глаголов таково, что глаголы несовершен-

¹³¹ Ср. замечания Г. Х. фон Вригта: «(Причинные) последствия действия будут, естественно, проявляться через некоторое время после того, как совершилось действие. Следовательно, в момент выполнения может быть неясно (неизвестно), какие из (всех) последствий возникнут. На улице *a* сбивает *b* автомобилем. Сильно пострадавший *b* умирает после этого. Медицинская экспертиза устанавливает смерть *b* от ранения. Предметом судебного дела может быть вопрос о том, следует ли считать действие наезда *a* на *b* причиной смерти *b*. Только если это классифицируется таким образом, можно справедливо сказать, что *a* убил *b*, действие наезда *a* на *b* было убийством человека. Если наезд считается существенным свойством действия *a*, о котором идет речь, то можно сказать, что это действие приобретает свойство убийства, которым оно первоначально не обладало. Если, с другой стороны, убийство считается существенным свойством, то можно сказать, что это действие первоначально было просто наездом» [Вригт 1986: 265].

ного вида могут обозначать и состояния (*умирает от нетерпения, хворает, чего-то ждет*), и процессы (*горит, беседует с приятелем, долго пишет письмо*), и события (*внезапно понимает, каждый день приходит*), тогда как глаголы совершенного вида используются только для обозначения событий. Здесь, правда, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, глаголы совершенного вида, образованные при помощи приставки *по-* от «процессных» глаголов, обозначают «событие», состоящее только в том, что имела место определенная «порция» соответствующего процесса (ср. *погулять*). Во-вторых, иногда глаголы совершенного вида используются для указания на состояние, как бы возникшее в результате соответствующего события (*Река раскинулась*).

Отвлекаясь от обоих указанных случаев, носящих маргинальный характер, можно сказать, что при обозначении состояний или процессов выбор несовершенного вида predetermined, а «конкуренция видов» возникает только при обозначении событий, когда выбор глагола несовершенного вида может быть обусловлен необходимостью выразить значения неоднократности, «изобразительности» (в так называемом настоящем историческом), контекстом отрицания и т. п. Пара «конкурирующих» глаголов называется видовой парой. Таким образом, критерием отнесения двух глаголов — совершенного и несовершенного вида — к одной видовой паре служит их способность обозначать одно и то же событие (с точностью до отсутствия/наличия указанных «дополнительных» значений: «изобразительности», неоднократности и проч.). Событийные значения являются для имперфективных членов видových пар «тривиальными», поскольку встречаются у всех без исключения членов видových пар, так что наличие событийного значения является тривиальным следствием вхождения в видовую пару. Наряду с событийными у имперфективных членов видových пар могут быть и «нетривиальные» значения, т. е. значения процесса или состояния. Например, *решать*, являющийся бесспорным видовым коррелятом к *решить* (ср. событийное значение в настоящем историческом: *Он легко решает первую задачу и приступает ко второй*), имеет значение процесса — деятельности, целью которой является соответствующее событие (ср.: *Он долго решает задачу и наконец решает ее*). *Опаздывать* наряду с «тривиальным» значением (ср.: *Ты всегда опаздываешь на полчаса*), обуславливающим вхождение этого глагола в одну видовую пару с *опоздать*, имеет значение «предстояния», закономерным завершением которого является соответствующее событие (*Кажется, мы опаздываем*).

Типы нетривиальных значений глаголов несовершенного вида могут быть положены в основу классификации предикатов. Фактически именно так строилась знаменитая классификация Ю. С. Маслова [1948]. В последнее время особую популярность среди исследователей глагольного вида в русском языке получила классификация предикатов, предложенная на материале английского языка З. Вендлером в 1957 г.

Привлекательность указанной классификации состоит в том, что, будучи построенной независимо от собственно аспектологических соображений, она позволяет подвести под особенности аспектологического поведения предикатов различных типов онтологическую базу. Не случайно, как отмечалось в главе I.1.2), классификация предикатов по З. Вендлеру обнаруживает поразительное сходство с классификацией русских видовых пар, предложенной Ю. С. Масловым.

По-видимому, это связано с тем, что классификация З. Вендлера в неявном виде опирается на фундаментальное подразделение явлений на события, процессы и состояния, которое и лежит, как мы постарались показать, в основе русской аспектуальной системы. Как уже говорилось, критерием отнесения глаголов совершенного и несовершенного вида к одной видовой паре служит их способность использоваться для обозначения одного и того же события, и при этом глаголы несовершенного вида, входящие в видовые пары, могут, наряду с «тривиальными» (событийными) значениями, иметь и «нетривиальные». Соответственно все предикаты (независимо от того, соответствуют ли им видовые пары или непарные глаголы) можно подразделить на «чистые» и «смешанные» типы. К «чистым» типам относятся предикаты, во всех употреблениях обозначающие события (*eventiva tantum*, или *achievements* по З. Вендлеру, типа *прийти/приходить* или *найти/находить*), состояния (*stativa tantum*, или *states* по З. Вендлеру, типа *белеться*) или процессы в их протекании (*processiva tantum*, или *activities* по З. Вендлеру, типа *гулять*).

Из смешанных типов упомянем предикаты, способные обозначать как процесс, так и результат этого процесса (типа *решить/решать*). Легко убедиться, что они соответствуют вендлеровским *accomplishments*. Можно указать и другие «смешанные» типы, не отмеченные З. Вендлером. К ним относятся предикаты типа *понять/понимать*, способные обозначать как событие, так и состояние, возникающее в результате этого события (З. Вендлер относил предикаты типа *understand* к *states*, но указывал, что иногда они могут использоваться в значении *achievement*); выделенные выше предикаты типа *умереть/умирать*, *опоздать/опоздывать*, *выиграть/выигрывать*, способные обозначать как событие, так и состояние, «чреватое» этим событием (З. Вендлер безоговорочно относил предикаты типа *die* к событийным [*achievements*], очевидно не обратив внимания на возможность их использования в «продолженной» форме типа *be dying*, отсутствующей у подлинных *achievements*).

Особую роль играет признак контролируемости. Многие русские предикаты относятся к разным типам в зависимости от того, обозначают они контролируемое или неконтролируемое явление. Так, например, как было отмечено выше (см. главу I.1.2), контролируемое *разбудить/будить* принадлежит к классу *accomplishments*, а неконтролируемое — к классу *achievements*.

Собственно, с учетом сказанного и строилась классификация предикатов, предложенная в предшествующих главах. В частности, на схеме из [Булыгина 1982] (см. главу I.1.2) нашел отражение тот факт, что «предикаты постепенного осуществления» (\approx accomplishments) представляют собою смешанный тип (некоторые другие смешанные типы описываются в главах I.2.1 и I.2.2).

Ясно, что, исходя из типа видовой пары, можно предсказать, какие именно нетривиальные значения окажутся у имперфективного члена этой пары. Так, в видовых парах, соответствующих предикатам постепенного осуществления (accomplishments, по З. Вендлеру), таких, как *решить* — *решать*, имперфективный член имеет значение процесса, результатом которого должно стать событие, обозначаемое перфективным членом (и имперфективным в тривиальном значении). В видовых парах, соответствующих происшествиям (achievements, по З. Вендлеру), таких, как *прийти* — *приходить*, у имперфективного члена нет никаких значений, кроме тривиальных. Вендлеровским states соответствуют видовые пары, в которых имперфективный член может иметь значение состояния, возникающего в результате события, обозначаемого перфективным членом. Так, *понимать* может обозначать событие, как и *понять* (*внезапно я понимаю...*), поэтому *понять* — *понимать* — видовая пара. Но в то же время *понимать* может указывать и на результирующее состояние (после того как некто понял, как найти решение, он понимает, как найти решение). Особый тип видовых пар («предстояния») образуют такие пары, как *опоздать* — *опаздывать*, *умереть* — *умирать*, *выиграть* — *выигрывать*: тривиальные значения в этих парах соответствуют потенциально прогнозируемым событиям, а нетривиальные — предшествующим состояниям, дающим основание для прогноза.

Возможна и более детальная классификация видовых пар (упомянем, например, примыкающие к предикатам «постепенного осуществления» предикаты «постепенного изменения» типа *увеличиться* — *увеличиваться*). Однако во всех подобных случаях соотношение тривиальных и нетривиальных значений в видовой паре является регулярным и в принципе выводимым из семантики предиката на основе некоторых общих правил. В то же время существуют пары, в которых нетривиальные значения имперфективного члена в высшей степени специфичны. Так, *догадываться* наряду с тривиальными значениями, свидетельствующими о том, что это глагол, парный к *догадаться*, имеет нетривиальное значение ментального состояния, включающего дополнительный семантический компонент, указывающий на неуверенность субъекта (подробнее семантические и аспектуальные особенности этой видовой пары и ряда других ментальных предикатов рассмотрены в предыдущей главе).

Грамматические свойства имперфективных глаголов в тривиальных значениях, как правило, те же, что у их перфективных корреля-

тов (за исключением свойств, полностью детерминированных видовой принадлежностью). В нетривиальных же значениях их грамматические свойства могут быть существенно иными. Например, *решить* (и *решать* в событийном значении) может подчинять как косвенный вопрос, так и изъяснительное придаточное, тогда как *решать* в нетривиальном, процессном, значении — только косвенный вопрос. Точно так же *решать вопрос* может пониматься и событийно (т. е. тривиально, в соответствии с *решить вопрос*), и процессно (нетривиально), а *решать вопрос в положительную сторону* — только событийно, ср. комический эффект, возникающий при употреблении этого сочетания в процессном значении: *Возчик не заметил сделанного ему подарка, ибо в этот момент занят был тем, что решал в положительную сторону вопрос о бессмертии души своей лошади, суля ей участь, уготованную на том свете нераскаянным грешникам* (О. Генри; пер. О. Холмской).

С другой стороны, пара *решиться/решаться* обладает совсем иными особенностями по сравнению с внешне сходной парой *решить/решать*. *Решаться*, кажется, выступает только как «заместитель» своего перфективного коррелята (например, в настоящем историческом) и никогда не обозначает актуально длящийся процесс (ср. *Мы целый день решали, где мы будем проводить наш отпуск, и наконец решили ехать в Ялту; В зал заходить не велено: они там заняты важным делом — решают, кому присудить Пушкинскую премию; однако сомнительно: ?Мы целый день решались на преступление и наконец решились; ?Не мешай: они там заняты важным делом — решаются присудить премию Пушкина неизвестному молодому ученому*). Чаще всего форма несовершенного вида употребляется с отрицанием для обозначения концептуально выделенного состояния нерешимости (или нерешительности) субъекта, преодоление которой является условием наступления события, обозначаемого перфективным членом (понятно, без отрицания). Ситуация, описываемая отрицаемой глагольной группой *не решали, не решили* — это просто отрицание того, что соответствующая деятельность или событие имеют место (ср. вполне естественные примеры: *Ну как, вы уже решили, куда поедете летом? — Нет еще. Да мы, собственно, пока и не решали*), тогда как в аналогичных примерах с парой *решаться/решиться* речь идет о наличии особого концептуально выделенного русского языком состояния (нерешимости, нерешительности) субъекта (ср.: *[Райский] стоял в нерешимости — войти или нет [≈ не решался войти]; Ну как, вы все не решаетесь принять его предложение?*). Совершенный вид *решиться* обозначает переход от состояния нерешительности в состояние решимости (ср.: *Он решил на этот шаг*).

Упомянем также глагол *продолжать*. М. Я. Гловинская [1982] обратила внимание на то, что этот глагол, употребляясь для обозначения

процесса, имеет значение, полностью отличное от значения перфективного глагола *продолжить*: если *продолжить Р* — это 'возобновить Р после перерыва', то *продолжать Р* — 'не переставать Р'. Можно добавить, что грамматические свойства глагола *продолжать* совсем иные, нежели у глагола *продолжить*: при глаголе *продолжать Р* выражается как именем, так и инфинитивом, а при *продолжить* — только именем.

Впрочем, грамматические особенности имперфективных глаголов в нетривиальных значениях часто также оказываются выводимыми из семантики предиката. Например, отмеченное выше различие сочетаемостных свойств глаголов *решать* в процессном значении и *решить* вытекает из общих правил, касающихся различий между «игноративными» предикатами и предикатами «положительного суждения» (см. подробнее главу V.1).

3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Подобное обескураживающее разнообразие может привести к мысли вообще отказаться от «отсылочного» метода лексикографической трактовки видовых пар и толковать каждый член пары независимым образом. Очевидно, что такое решение было бы мало привлекательным.

Прежде всего, нет смысла игнорировать тот факт, что наряду со специфичным для одной пары (а чаще для групп глаголов, поскольку многие из тех «нестандартных» отношений, примеры которых были приведены, все же не уникальны) у всех обычно выделяемых видовых пар есть типы употребления, демонстрирующие полное лексическое тождество видовых партнеров.

На грамматическую существенность данного типа видového противопоставления со всей определенностью указал Ю. С. Маслов в работе, опубликованной почти полвека тому назад [Маслов 1948]. Одна из основных задач статьи Маслова состояла в демонстрации того, что «противоположение „действие в процессе его осуществления — готовый факт, скачок“ казалось бы, настолько типичное и характерное, что именно его многие клали [и, добавим, кладут до сих пор — Т. Б., А. Ш.] в основу определения семантики видов», не охватывает всех пар и уже поэтому не может считаться основой грамматического видového противопоставления [Маслов 1948]. Позднее Ю. С. Маслов несколько раз возвращался к этому вопросу, постоянно подчеркивая важность лексического тождества для признания разных видов грамматическими формами одной лексемы (или для отнесения их к одной «видовой паре»). Так, уточняя формулировки Эдуарда Германа относительно «объективного» различия форм вроде *садиться* и *сесть* (отра-

жающего различия между самими действиями) [Герман 1962: 51—52], Маслов писал: «Формы [несовершенного вида] вроде *сидиться* могут и, помимо случаев многократности, выражать не только „объективно дру-гое“ действие, чем формы вроде *сесть*, но и то же самое действие, на-пример, в историческом настоящем: „Он входит, *сидится* к окну и раскрывает книгу“, в повелительном наклонении *садитесь* и т. д. Для вида как грамматической категории существенны именно эти послед-ние случаи полного тождества лексических значений совершенного и несовершенного члена „глагольной пары“» [Маслов 1962: 397]. Ср. еще методологически важные замечания (высказанные по поводу грамма-тического статуса категории вида в готском языке, но имеющие более общую значимость):

«С семантической стороны важно отметить, что между предель-ным и по смыслу ближайшим к нему неопредельным значением и и-ногда нет абсолютного лексического тождест-ва. Отсюда следует, что противопоставление предельности — непре-дельности нельзя считать видом, потому что вид мы имеем, собственно, там, где возможно и типично двоякое грамматическое выражение о д-ного и того же лексического содержания, двоякое рассмотре-ние одного и того же глагольного действия (как это имеет место, на-пример, в славянских языках или в английском). Категория предель-ности/неопредельности представляет собой наивысшую абстракцию в области способов действия, абстракцию, в некотором роде даже пере-растающую рамки лексической группировки глаголов и как бы стоя-щую «на пороге» грамматики. В этом смысле мы можем называть ее «видообразной» категорией» [Маслов 1984: 220] (разрядка автора).

На роль грамматического могло бы скорее претендовать значение «неопределенной многократности» события, не пользующееся почему-то популярностью у аспектологов. Заметим, кстати, что эта претензия выглядела бы вполне обоснованной в свете представлений И. А. Мель-чука о степени «словоизменительности» («грамматичности») значения, хотя он сам, возможно, не готов это признать. Ср. его недавнее высказы-вание по этому поводу:

«Suppose a grammatical meaning ‘σ’ is added to a lexical meaning ‘L’; then I can formulate the following important rule:

The less ‘σ’ changes the concept corresponding to ‘L’, the more it tends to be inflectional.

For instance, «pencils» is simply a «pencil» taken several times, but a «small pencil» is not simply a «pencil»; therefore, it is more likely for grammatical number to be inflectional, and for diminutivity, to be deriva-tional. «Howard’s reading of 1984» remains the same situation, whether set in the present, the past, or the future. *Howard is reading the novel and The novel is being read by Howard* denotes the same situation as well. So tense and voice are, as a rule, inflectional. In sharp contrast to this, «completing the

reading», «reading repeatedly» or just «having a read» and so forth signal a (slightly) different situation, while «having somebody to read» does even more so. As a consequence, aspect and, in a greater degree, causative gravitate towards derivation» [Mel'čuk 1991: 93].

Соглашаясь с тем, что «completing the reading» и «having a read» обозначают онтологически иную ситуацию, нежели просто «reading», можно спросить, чем соотношение «reading» и «reading repeatedly» отличается от соотношения «pencil» и «pencils», и усомниться в том, что «reading repeatedly» — это нечто качественно иное, нежели просто «reading» несколько раз.

Таким образом, критерием отнесения глаголов к одной видовой паре служит способность глагола несовершенного вида использоваться для обозначения того же (за вычетом «чисто видовых» добавок типа «многократности») события, что и соответствующий глагол совершенного вида. Такие событийные значения имперфективных членов видовых пар мы и называем «тривиальными». В то же время, как мы видели, наряду с тривиальными значениями глаголы несовершенного вида часто имеют и «нетривиальные». Употребляясь в нетривиальных значениях, они обозначают качественно иную ситуацию, нежели при «тривиальном» употреблении. Таким образом, «тривиальные» значения в видовой паре сближают вид со словоизменительными категориями, а «нетривиальные» — со словообразовательными или словоклассифицирующими.

Из сказанного можно сделать следующие лексикографические выводы (ср. [Шмелев 1990]):

Назначение нередко используемой в словарях пометы «несов. к» — указать на тривиальные значения глагола несовершенного вида, соответствующие значению перфективного коррелята, к которому производится отсылка. Можно только приветствовать последовательное использование указанной пометы именно в этом значении.

Нетривиальные значения имперфективных членов видовых пар можно отражать в толковом словаре двойным образом. Первый способ состоит в том, чтобы толковать все нетривиальные значения независимо от тривиальных. Иными словами, если *умереть* — перестать жить, то *умирать* — 1. несов. к *умереть*; 2. быть при смерти. Второй способ заключается в том, чтобы эксплицитно задать правила, позволяющие вывести из толкования событийного значения, содержащегося в словарной статье перфективного глагола (1), все регулярные нетривиальные значения имперфективного коррелята и (2) его грамматические свойства при употреблении в этих нетривиальных значениях. В этом случае за пометой «несов. к» будет скрываться указание не только на тривиальные, но и на регулярные нетривиальные значения, а независимым образом должны будут толковаться только нерегулярные нетривиальные значения (например, у глаголов *догадываться* или *продолжать*).

Возможно и промежуточное решение, при котором правила получения нетривиальных значений указываются лишь для наиболее частых регулярных значений (например, значений попытки для *accomplishments*), а более редкие, хотя и регулярные, значения толкуются независимо.

Наконец, следует упомянуть о глаголах с приставкой *по-*, образованных от имперфективных глаголов в процессном значении. Как уже говорилось, эта модель абсолютно регулярна (ср. *порешать задачу*), и при ее действии видовая коррелятивность не возникает. В то же время некоторые глаголы с приставкой *по-* устойчиво используются как своего рода квазикорреляты соответствующих бесприставочных глаголов (*поест* в соответствии с «непереходным» *есть*, *поговорить с кем-либо* в соответствии с одним из значений глагола *говорить* и др.). Именно такие глаголы с приставкой *по-* должны включаться в словарь, в котором их связь с производящими глаголами, равно как и специфические особенности каждой из получившихся в результате пар, получит свое отражение.

Вернемся теперь к упомянутому выше лексикографическому решению, при котором за пометой «несов. к» скрывается указание как на тривиальные, так и на нетривиальные значения имперфективного глагола. В результате окажется, что одно и то же лексическое значение будет объединять совершенно разные явления — событие и процесс или событие и состояние. Это соответствует тому, что в ряде исследований называют «имперфективным парадоксом» (см., например, [Declerck 1979; Dowty 1979; Taylor 1977]). Действительно, языковое отождествление столь непохожих сущностей, как, например, процесс и его результат (событие), кажется парадоксальным и нелогичным. «Многие действия представляют собой осуществление чего-либо, — пишет Г. Х. фон Вригт. — В этих действиях есть такая фаза внешнего аспекта, что если она не реализуется, действие по определению просто не было совершено (закончено). Эту фазу внешнего аспекта мы будем называть (в несколько техническом смысле) результатом действия... Таким образом, результат действия — это фаза (часть) внешнего аспекта, существенно (концептуально, логически) связанная с самим действием. Например, открывание окна — это некоторое осуществление. Результатом его является событие (изменение), состоящее в том, что окно открывается (из закрытого становится открытым). Если бы окно не открылось, то было бы логически неверно описывать действие агента как открывание окна. Можно было бы назвать то, что он делал, попыткой (усилием) открыть окно» [Вригт 1986: 120].

Но эта «нелогичность» онтологически мотивирована. Для того чтобы сказать, что некто пишет автореферат или сочиняет симфонию, не требуется дожидаться завершения соответствующей деятельности; существуют определенные требования жанра, отличающие писание

автореферата от писания научного доклада или статьи в популярный журнал; сочинение симфонии, начиная с самого начального этапа, качественно отличается от сочинения романса (ср. главу I.2.2). В каждый момент времени, который может быть назван «сроком исполнения» намеченного действия, осуществляется часть деятельности, необходимой для успешного завершения соответствующего действия, и при этом, что весьма существенно, эта деятельность — для того чтобы быть тем, что она есть, — должна быть качественно определенной, т. е. принадлежать к типу (деятельности) «писание автореферата», «сочинение симфонии». При этом существенно именно накопление результатов, планомерное и естественное (заранее предусмотренное) продвижение к вполне определенному конечному итогу.

Отнесение предиката к тому или иному типу производится на чисто семантической (или даже онтологической основе). В этом смысле можно говорить, что аспектуальное поведение русских глаголов имеет онтологическое основание. В то же время следует сознавать, что сама онтологическая классификация предикатов базируется на языковом поведении соответствующих выражений. Тип предиката зависит не только от внеязыковой ситуации, которой он соответствует, но и от способа концептуализации этой ситуации в языковой картине мира. Мы говорим, что предикаты *поймать/ловить* или *решить/решать* относятся к классу accomplishments, предикат *найти/находить* — к классу achievements, а предикат *искать* — к классу activities, лишь потому, что *ловить* и *решать* могут иметь как значение деятельности, так и результата (например, многократного), а для *искать* и *найти/находить* значение деятельности и значение события-результата этой деятельности «разнесено» в языке по разным глаголам. При этом тот факт, что, скажем, в паре *решить* (≈ 'найти решение') — *решать* (≈ 'находить решение' в тривиальном, событийном значении и ≈ 'искать решение' в процессном значении) поиски решения и результат поисков обозначаются членами одной видовой пары и даже одним и тем же глаголом несовершенного вида, а для глаголов *искать* и *найти/находить* это невозможно, является, скорее, фактом языка, чем фактом онтологии.

В этом смысле, хотя аспектуальное поведение глагола часто может быть предсказано на основе особенностей его семантики (или «онтологических» особенностей соответствующей ситуации), для построения толкования, позволяющего осуществлять такой вывод, недостаточно простого «знания жизни» — необходим подлинный семантический анализ. К сожалению, толкования в реально существующих словарях часто не позволяют разграничить «онтологически» различные (событийные и несобытийные) значения глаголов несовершенного вида. Между тем «онтологическим» различиям часто сопутствуют дополнительные семантические и грамматические различия.

Так, при *решении* *какого-либо* *вопроса* (т. е. в ситуации, которая описывается с помощью глагола *решать*) речь идет о поисках ответа именно на вопрос. Перед субъектом стоит задача выбора, по крайней мере, из двух возможностей (а часто и гораздо больше, иногда это вообще открытый список — см. подробнее главу V.1). Именно по этой причине несов. *решать* свободно сочетается с частно-вопросительными подчиненными предложениями и с альтернативными вопросами. Это свойство объединяет его с другими «игноративами». В то же время в процессном значении *решать* не может подчинять придаточное, вводимое союзом (не союзным словом) *что*, — поскольку такое придаточное указывало бы на принятое решение, а поиски решения не имеют смысла, если решение уже принято. Напротив, в событийном значении *решать* (как и *решить*) свободно сочетается с *что*-придаточными. Словарные описания, которые при описании глагола *решать* ограничиваются указанием «несов. к *решить*» и тем самым не отражают для *решать* возможность двоякого употребления, очевидным образом неполны. В то же время это не означает нежелательности отсылок в словарных статьях глаголов несовершенного вида. Однако такие отсылки должны сопровождаться описанием, из которого можно извлечь информацию о типе предиката, и правилами, которые позволили бы на основе этой информации предсказать его языковое поведение.

ГЛАВА 4

ТИПЫ КАУЗАЦИИ

И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

РУССКИХ КАУЗАТИВОВ*

1. ВИД, КОНТРОЛЬ И ТИП КАУЗАЦИИ: ВЗАИМНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

В главе I.1.2 было замечено, что интерпретация каузативных глаголов несовершенного вида в русском языке зависит от того, является ли контролируемой соответствующая ситуация. А именно, отмечалось, что если ситуация не находится под контролем субъекта (например, если субъект лишен волевого начала), то глагол несовершенного вида указывает на достижение каузируемого положения вещей: *Его будит звонок будильника* ≈ *Он просыпается от звонка будильника*; *Его любезность всех покоряла* ≈ *Все были покорены его любезностью*.

Если же субъект ведет контролируемую деятельность, направленную на достижение каузируемого положения вещей, имперфективный глагол может, наряду с результативным значением, иметь и значение попытки, ничего не сообщая о достижении результата: *Мать будила его, но он не проснулся* (ср. аномальное **Звонок будильника будил его, но он не проснулся*).

С указанным наблюдением связаны различия в аспектологическом поведении контролируемых и неконтролируемых каузативных глаголов. И у тех, и у других имперфективный член видовой пары может обозначать то же событие, что и перфективный, но в контексте многократности, настоящего исторического (*praesens historicum*) и т. п., т. е. иметь «тривиальные»¹³² видовые значения (ср.: *Его разбудил звонок будильника*. — *Тут его будит звонок будильника*; *Его разбудила мать*. — *По утрам его будила мать*).

* В основу данной главы положен доклад, прочитанный на семинаре в Институте проблем передачи информации АН СССР в начале 1992 г. Мы пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность всем принявшим участие в обсуждении этого доклада и, в первую очередь, Ю. Д. Апресяну и Е. В. Падучевой.

¹³² Т. е. абсолютно регулярные, свойственные всякой видовой паре (см. главу I.2.2).

Но нетривиальные¹³³ видовые значения имперфективных членов каузативных видовых пар часто зависят от признака контролируемости. В контролируемых парах имперфективный глагол, как уже говорилось, может иметь значение попытки, деятельности, направленной на достижение результата: *Она его будила (но не разбудила)*; *Он меня пугал, да не испугал* (ср. известную фразу Л. Толстого о Л. Андрееве: *Он меня пугает своими произведениями, а мне не страшно*); иными словами, такие видовые пары могут принадлежать к accomplishments (по Вендлеру). В неконтролируемых каузативных видовых парах имперфективный глагол может, наряду с «тривиальным» событийным значением, иметь (нетривиальное) значение состояния (ср. *Меня пугает предстоящее обсуждение нашей работы*) — иными словами, такие пары относятся к вендлеровским states или achievements.

Однако анализ каузативных глаголов с точки зрения контролируемости/неконтролируемости показывает, что рассматриваемое противопоставление не может быть сведено к одному бинарному признаку. Так, наряду с полностью неконтролируемыми событиями (шум машины за окном *разбудил* отца), выделяются события, контролируемые лишь частично — каузирующее действие контролируется субъектом, но каузируемое положение дел не входит в его намерения и ему неподконтрольно (ребенок громко разговаривал и нечаянно *разбудил* отца). Фактически мы имеем дело с двумя признаками: контролируемость/неконтролируемость каузирующей ситуации и наличие/отсутствие намерения каузировать результирующее состояние. При этом каузация посредством контролируемой деятельности может быть намеренной или ненамеренной, а неагентивная каузация, разумеется, всегда ненамеренна.

Проведенные различия объясняют выбор видовых форм каузативных глаголов в повелительном наклонении при отрицании. В главах I.1.1—I.1.2 отмечалось, что если глагол обозначает контролируемое действие, то в конструкциях с отрицанием используется несовершенный вид, а в форме совершенного вида в таких конструкциях могут выступать лишь глаголы, обозначающие события, которые не зависят от воли субъекта. Для каузативных глаголов здесь возможны сдвиги, связанные с ситуациями, когда каузирующее действие контролируется субъектом, однако каузация результирующей ситуации не входит в его намерения. Ср. *Не буди отца* как запрет осуществлять контролируемое целенаправленное действие; *Не разбуди отца* как предостережение от ненамеренного неконтролируемого происшествия; но мальчикам, которые чересчур громко разговаривают, можно сказать: *Не будите отца* и *Не разбудите отца*, — в первом случае акцент делается на запрете продолжать разговор, во втором — это

¹³³ Т. е. свойственные лишь определенным типам глаголов несовершенного вида.

скорее призыв говорить потише. Отметим также употребления типа *Не вари кашу вместо супа*. Вообще говоря, действие, описываемое словосочетанием *сварить кашу*, нормально является целенаправленным и контролируемым. Но возможна ситуация, когда контролируемое действие *варить* осуществляется с иным намерением, нежели *сварить кашу* (например, чтобы сварить суп), а непредусмотренный результат *сварить кашу* возникает вследствие нарушения кулинарной технологии. Именно в такой ситуации и возможно употребление «неканонического» императива *Не вари кашу* (ср. примеры типа *Я боюсь сварить кашу*, упоминаемые Анной А. Зализняк [1983]).

Приведенные наблюдения демонстрируют необходимость использования информации о типе каузации при выборе формы каузативного глагола в русском языке. При этом для некоторых предикатов тип каузации оказывается фиксированным, для других соответствующий признак является «флексивным» (в том смысле, как этот термин использовался в главе I.1.1).

2. РАЗЛИЧИЯ СЕМАНТИЧЕСКИ БЛИЗКИХ ГЛАГОЛОВ

Важно отметить, что далеко не всегда общих «экстралингвистических» представлений о рассматриваемой ситуации достаточно для того, чтобы предсказать тип каузации, отражаемый в описывающем эту ситуацию глаголе. Рассмотрим, например, близкие по значению предикаты *соблазнить* и *прельстить*. Первый из них может обозначать как целенаправленное, так и неконтролируемое действие (ср. *Дон Жуан соблазнил эту неприступную даму* и *Я поехал во Францию, потому что меня соблазнила возможность попрактиковаться во французском языке*; в первом случае пара *соблазнить—соблазнять* относится к типу accomplishments, во втором — к типу achievements).

Аналогичным образом глагол несовершенного вида *соблазнять* в (1) обозначает серию успешно каузированных Дон Хуаном событий, в (2) (не обязательно успешную) деятельность, направленную на то, чтобы каузировать соответствующее событие, а в (3) — ненамеренным образом каузированное внутреннее состояние.

- (1) *Дон Хуан соблазнял самых неприступных и добродетельных дам.*
- (2) *Дон Хуан соблазнял самую неприступную и добродетельную даму (и впервые в жизни не был уверен, что соблазнит ее).*
- (3) *Меня соблазняет возможность поехать в Италию.*

Глагол *прельстить*, в отличие от *соблазнить*, всегда обозначает неконтролируемое событие, хотя, возможно, желанное (ср. (4)), а *прельщать*, наряду с тривиальными значениями несовершенного вида, может иметь значение результирующего состояния (ср. (5)):

- (4) *Красотой-то своей уж очень занят... Все счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь* (А. Островский).
 (5) *Чем он вас прельстил? ≈ Чем он вас прельщает?*

3. «АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ТРОЙКИ»

Разумно было бы рассчитывать, что в словарных статьях каузативных глаголов будет содержаться вся необходимая информация о типе каузации. К сожалению, сведений, содержащихся в реально существующих словарях, явно недостаточно для того, чтобы составить правильное представление о функционировании русских каузативов.

Так, проблема так называемых «видовых троек» типа *жечь-сжечь-сжигать* или *есть-съесть-съесть* во многом обязана своим возникновением тому факту, что в существующих описаниях игнорируется каузативный компонент семантики глаголов *сжечь-сжигать* и *съесть-съесть*.

Собственно *сжечь-сжигать* означает ‘посредством огня каузировать перестать быть’ и представляет собою подлинную видовую пару, относящуюся к типу accomplishments: *сжигать* наряду с тривиальными значениями несовершенного вида имеет значение целенаправленной попытки — ‘жечь с целью каузировать перестать быть’. Иными словами, в тех случаях, когда *сжигать* имеет процессуальное значение, это всегда деятельность, направленная на уничтожение. Напротив, глагол *жечь* обозначает деятельность, преследующую иные цели (например, согреться). Поэтому говорят *жечь дрова*, но *сжигать любовную записку*. Разумеется, действие *жечь* и действие *сжигать* фактически могут приводить к совершенно аналогичным результатам (объект сгорает), и поэтому можно как *сжечь записку*, так и *сжечь (все) дрова*. Создается впечатление параллелизма между парами *жечь-сжечь (дрова)* и *сжигать-сжечь (записку)*, что побуждает некоторых исследователей пытаться сформулировать достаточно сложные правила выбора между глаголами *жечь* и *сжигать*. В то же время эксплицитное указание на каузативный компонент значения глаголов *сжечь* и *сжигать* (отличающее эти глаголы от глагола *жечь*) позволило бы увидеть простую семантическую мотивировку этих правил. Отмеченное различие между *сжечь-сжигать* и глаголом *жечь*, относящимся к imperfectiva tantum, хорошо ощущается носителями языка, что отражает следующий диалог из пьесы Е. Шварца:

Книга моя «Вот как нужно готовить, господа» погибла. — Как! Когда? — Когда пришла мода *сжигать* книги на площадях. В первые три дня *сожгли* все действительно опасные книги. А мода не прошла. Тогда начали *жечь* остальные книги без разбора. Теперь книг вовсе нет. *Жгут* солому.

Ясно, что *сжигать книги* значит ‘жечь книги с целью уничтожить их’, а *жечь книги*, так же как *жечь солому*, указывает на ритуальное действие, не преследующее специальной цели уничтожения объекта.

Обратим внимание также на то, что *сжечь* (и *сжигать* в тривиальных значениях) может указывать как на намеренную, так и на ненамеренную каузацию; но *сжигать* в процессуальном значении — всегда целенаправленное действие¹³⁴. В этом отношении *сжечь-сжигать* принадлежит к иной разновидности accomplishments, нежели *разбудить-будить*. Действительно, как уже говорилось, *будить* в процессуальном значении может обозначать как целенаправленное действие (совершаемое с тем, чтобы *разбудить*), так и такую контролируемую деятельность, для которой *разбудить* — непредвиденный результат, и *Не будите отца* может выражать запрет громко разговаривать без специальной цели разбудить отца. Параллельным такому употреблению глагола *будить* будет использование не глагола *сжигать*, а глагола *жечь* (ср.: *Не жгите попусту дрова, надо оставить их до конца зимы*). Это и объясняет кажущуюся семантическую параллельность пар *будить* — *разбудить* и *жечь-сжечь*, позволяющую некоторым исследователям усматривать в паре *жечь-сжечь* «чисто видовое» различие. Однако такое решение неадекватно, поскольку основной критерий отнесения двух глаголов к одной видовой паре — возможность их употребления в одном и том же событийном значении, лишь с «тривиальными» видовыми отличиями, а глагол *жечь* событийного значения (соответствующего каузативу *сжечь*) вообще не имеет.

Нередко отмечается (см., например, [Wierzbicka 1988: 352]), что в предложениях типа *Он выпил молока* объект в форме партитива возможен лишь при глаголах совершенного вида, тогда как имперфектив *пить* требует винительного падежа объекта. Это, несомненно, справедливое замечание, поскольку *пить* никогда не может использоваться в качестве тривиальной пары к глаголу совершенного вида *выпить*. Однако если рассмотреть имперфективный глагол *выпивать*, представляющий собою тривиальный коррелят глагола *выпить* и входящий с ним в одну видовую пару, можно видеть, что, как и естественно ожидать, он может сочетаться с партитивным объектом. Ср. уже приводившиеся нами примеры: *На другой день Василий Панков*

¹³⁴ Отвлекаясь от метафорических употреблений, таких, как, скажем, в высказывании *Его сжигала страсть*.

выпивает коньяку на какой-то станции и возвращается в вагон веселый (Ю. Казаков) или Получив увольнительную, человек в обмотках ехал... на Кропоткинскую, сбрасывал военную ветошь, надевал чистую... сорочку, прекрасный костюм, начищенные до блеска ботинки..., с неподражаемым искусством повязывал бабочку, выпивал спирту, закусывал копченой уткой и обретал если не счастье, то покой и волю (Ю. Нагибин).

Тройка *есть-съесть-съеда́ть* лишь отчасти сходна с только что рассмотренной. Глаголы *съесть* и *съеда́ть*, образующие подлинную видовую пару, также имеют каузативное значение 'посредством еды каузировать перестать быть'. Как и *выпить/выпивать*, указанная видовая пара относится не к accomplishments, а к achievements: *съеда́ть* нормально может иметь только тривиальные значения, т. е. указывать на каузируемое событие (в контексте многократности, настоящего исторического и т. д.), и не способно выражать нетривиальные значения (такие, как процессное). Это семантически мотивировано: трудно представить себе, чтобы человек целенаправленно ел что-либо исключительно с целью уничтожить объект — а именно такое значение должно было бы быть у глагола *съеда́ть*, если бы он употреблялся в значении процесса.

Каузативный компонент в значениях глаголов *съесть-съеда́ть* объясняет целый ряд особенностей их употребления, отличающих их, скажем от глаголов *eat* или *manger*. Так, высказывание *Не ешь пирог* означает запрет есть хотя бы некоторую часть пирога; *Не съедай (весь) пирог* — запрет съеда́ть пирог полностью.

В отличие от *выпить*, глагол *съесть* не может сочетаться с партитивным объектом: *Кто съел каши?* едва ли приемлемо. Поэтому вопрос *Qui a mangé du gâteau?* следует перевести на русский как *Кто ел пирог?*, а не **Кто съел пирога?*, хотя обычно французское *passé composé* переводится на русский язык совершенным видом, а конструкции с партитивным артиклем — родительным партитивным (наблюдение Ж. Гроэн).

Из сказанного ясно, почему в русской народной сказке «Колобок» в ответ на угрозу волка: *Колобок, колобок, я тебя съем!* — колобок отвечает: *Не ешь меня, серый волк*, — выбирая не соотносительную форму несовершенного вида (*съесть-съеда́ть*), а глагол *есть*, входящий в видовую пару с глаголом *поесть*. Действительно, *Не съедай меня* можно было бы понять как приглашение 'поешь меня частично, но не съедай полностью'.

4. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Представляется, что приведенные факты демонстрируют необходимость включения в соответствующие словарные статьи информации

о каузативных компонентах значения, условиях их проявления, типе каузации и т. п. Отсутствие такой информации особенно остро ощущается при описании конструкций со значением каузации внутреннего состояния. Приведем лишь несколько примеров.

Для глагола *льстить* можно выделить по меньшей мере три типа употребления, в соответствии с которыми высказывание *Вы мне льстите* имеет три понимания. Первое из них соответствует значению 'неискренне хвалить с целью доставить удовольствие и вызвать к себе расположение, чтобы воспользоваться им'. Именно это значение призван иллюстрировать пример, приведенный в «Толково-комбинаторном словаре» [Мельчук, Жолковский 1984]: *Ну, доктор, вы мне льстите — и притом довольно неумело*. Следует отметить, что, даже если согласиться с трактовкой данного примера в [Мельчук, Жолковский 1984], рассматриваемая интерпретация высказывания *Вы мне льстите* является чрезвычайно редкой и в большой степени индуцируемой контекстом. Малая вероятность такой интерпретации прагматически мотивирована: говорящий не вполне вежливо обвиняет собеседника в неискренности и корыстных целях, присваивая себе право судить о намерениях собеседника. Более вероятной является несколько иная интерпретация глагола *льстить* в высказывании *Вы мне льстите* — 'говорить комплименты', т. е. 'не вполне искренне хвалить с целью доставить удовольствие'. Тогда снимается обвинение в корыстных целях и акцент делается на том, что похвала является преувеличенной и делается с целью доставить удовольствие.

Наиболее естественная интерпретация рассматриваемого высказывания соответствует пониманию глагола *льстить* как 'представлять лучше, чем на самом деле': *Вы мне льстите* означает: 'То, что вы говорите, не соответствует действительности, представляя меня лучше, чем на самом деле' — и представляет собою фигуру скромности. В этом случае каузация соответствующего внутреннего состояния (доставление удовольствия) не входит в намерение субъекта и не контролируется им.

Отметим, что ни при какой из названных трех интерпретаций глагола *льстить* ничего не сообщается о достижении каузируемого состояния. Только при понимании *льстить* как полностью неконтролируемого предиката (когда в роли субъекта выступает не лицо, а имя каузирующей ситуации) достижение каузируемого состояния входит в значение глагола: *Ваше предложение мне льстит* означает 'Ваше предложение удовлетворяет моему самолюбию и доставляет мне удовольствие'.

Впрочем, едва ли не любой глагол со значением каузации внутреннего состояния обнаруживает нестандартное соотношение между типом каузации, контролируемостью, прочими смысловыми компонентами и аспектуальным поведением. Поэтому адекватное лексико-

графическое описание таких глаголов может быть построено только в результате специального анализа.

Упомянем в этой связи глагол *напоминать*, недавно проанализированный В. В. Туровским [1991]. У этого глагола может быть выделено три значения (1. 'заставлять вспомнить'; 2. 'говорить что-либо с целью заставить вспомнить'; 3. 'быть похожим'), причем в третьем он относится к *imperfectiva tantum*, а в первых двух значениях входит в видовую пару с глаголом *напомнить*. Первое значение соответствует ненамеренной каузации, а второе — намеренной, но не любой, а лишь каузации посредством речи. С этим связана возможность перформативного употребления (*Напоминаю, что...*). И в первом, и во втором значении глагол *напоминать* указывает на достижение каузируемого состояния, значение безуспешной попытки для него невозможно.

Описание русских конструкций со значением каузации внутренне-го состояния предполагает также лексикографическую фиксацию целого ряда других, иногда довольно экзотических признаков. Отметим, в частности, возможность квазиперформативного употребления императивных форм ряда ментальных предикатов со значением каузации соответствующего ментального состояния (см. подробнее главу I.2.2): *Знай, что P* \approx 'Каузирую тебя знать, что P' (несколько более точное толкование: 'Полагая, что ты не знаешь, что P, и желая подчеркнуть, что P для тебя безразлично, я сообщаю: P'); *Пойми, что P* \approx 'Каузирую тебя понять, что P' (несколько более точное толкование: 'Считая, что P может повлиять на твои поступки или образ мыслей, и видя, что ты не знаешь, что P, или недооцениваешь P, я настойчиво говорю тебе: P'); *Вспомни, что P* \approx 'Напоминаю тебе, что P' \approx 'Каузирую тебя вспомнить, что P' и т. д.

Существенной характеристикой этих конструкций является ограничение на социальные роли участников коммуникации: большинство таких конструкций не может употребляться «снизу вверх». Поскольку возможность подобного использования формы императива характерна далеко не для каждого ментального глагола, соответствующая информация должна лексикографироваться.

Лексикографической фиксации подлежат и параметры, необходимые для описания сложного взаимодействия между контролируемостью/неконтролируемостью каузирующей ситуации, видом соответствующего глагола, типом каузируемого внутреннего состояния и др. Это взаимодействие отчасти иллюстрируется противопоставлением высказываний *Я боюсь будить отца* и *Я боюсь разбудить отца*, каждое из которых предполагает сразу две ситуации каузации: каузацию того, что отец проснется, и каузацию внутреннего состояния говорящего, выраженную глаголом *боюсь* (в роли «каузатора» здесь выступает сама мысль о перспективе *будить/разбудить отца*). Адекватное описание таких конструкций должно опираться на словарные описания глаголов *бояться* и *будить/разбудить*.

Есть еще целый ряд аспектов функционирования каузативных конструкций в русском языке, непосредственно связанный со словарными свойствами конкретных глаголов.

Так, в случае «непрямой» каузации [Comrie 1985: 335; Wierzbicka 1988: 248—249] некоторые каузативные глаголы употребляются свободно, а другие оказываются запрещены. Например, использованию глагола *убить* в следующем эпизоде из «Злоумышленника» Чехова никак не препятствует то, что каузация является косвенной и ненамеренной. Мужику, отвинтившему гайки с железнодорожных рельсов, следователь говорит: *Так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей бы убил!* — и ответ мужика, пытающегося отвести обвинение указанием на ненамеренность, воспринимается как неадекватный: *Слава Те Господи, ... век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было.* Но о человеке, случайно оставившем чашку на краю стола, в результате чего она упала и разбилась, нельзя сказать, что он *разбил чашку*.

Наконец, можно упомянуть о конструкциях с «обычными», некаузативными глаголами, когда субъект лишь каузирует действие, совершаемое в его интересах, а реально производят действие другие лица: *Он постригся, записался в библиотеку, обвенчался; сшил себе костюм, сделал операцию, лег в больницу.* Про младенца, которого постригли или положили в больницу, нельзя сказать, что он *постригся* или *лег в больницу*. Как было отмечено выше (см. гл. I.1.1), нормально такое употребление предполагает намеренную каузацию, однако в русском языке есть глаголы, которые употребляются в аналогичных конструкциях ненамеренной каузации, — ср. *сесть (в тюрьму)* и *освободиться (из тюрьмы)*. Возможность и условия употребления в конструкциях такого рода является словарной характеристикой глаголов.

Мы видим, сколь важна тщательная лексикографическая разработка проблем каузации. Описание русских каузативных конструкций должно иметь в качестве базы словарную информацию всех релевантных лексических единиц. Без такой информации мы обречены на то, что наше описание будет неполным и неадекватным.

ЧАСТЬ II

ЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАТОРЫ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

ГЛАВА 1

МЕХАНИЗМЫ КВАНТИФИКАЦИИ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ И СЕМАНТИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ*

1. ЕСТЕСТВЕННОЯЗЫКОВАЯ И ЛОГИЧЕСКАЯ КВАНТИФИКАЦИЯ

В работах, посвященных логическому анализу естественного языка, много внимания уделяется механизмам квантификации и значению кванторных выражений. Однако чаще всего объектом исследования оказываются языковые выражения, значения которых подобны значению логических кванторов. Фактически ставится вопрос о том, как значения логических кванторов передаются средствами естественного языка. Широко обсуждались вопросы о сводимости значения русских неопределенных местоимений (всех или только некоторых) к значению квантора существования (\exists). Рассматривались также естественно-языковые аналоги квантора общности (\forall), например, русские обобщающие местоимения: *всякий, каждый, любой, какой бы то ни было, все* и т. д. Кванторные выражения часто рассматриваются как наиболее «объективные», «логические» языковые единицы, функционирование которых в минимальной степени связано с коммуникативными, прагматическими факторами. Между тем формальный аппарат, необходимый для описания квантификации в естественном языке, далеко не исчерпывается инструментом анализа, принятым в математической логике.

Прежде всего отметим, что интерпретация естественноязыковой квантификации, скорее всего, должна быть основана не на классической теории множеств (*set-theory*), а на теории, аксиоматика которой разработана Г. Бантом (*ensemble-theory*), см. [Bunt 1985]). В основу ак-

* Впервые опубликовано в сокращенном виде: Референция и проблемы текстообразования. М.: Наука, 1988. Соответствующая проблема также рассматривалась в лексикографическом аспекте в статьях: «Несколько замечаний о словах типа *несколько*» (Язык: система и функционирование. М., 1988) и *Quantifiers in the Dictionary (EURALEX'90. Proceedings of the IV International Congress. Malaga, 1990)*.

сиоматики Г. Банта кладется не отношение «элемент — множество», а отношение «часть — целое». На основе этого отношения и определяются все операции над множествами.

Обычные дискретные множества оказываются при таком понимании частным случаем бантовых множеств (*ensembles*). Необходимость использования для описания естественно-языковой квантификации именно расширенного понимания множества связано с тем, что в естественном языке количественной оценке подвергаются не только множества, состоящие из отдельных элементов, но и неисчислимые совокупности: мы говорим не только *много книг, все книги*, но и *много хлеба, весь хлеб*.

Другая особенность естественно-языковой квантификации состоит в том, что в естественном языке используются количественные оценки двух различных типов (ср. [Larsson 1973]).

При квантификации первого типа оценивается количественное соотношение референта именной группы (ИГ) с «исходным» («объемлющим») множеством. Кванторное слово при этом типе квантификации, подобно логическому квантору, указывает на совпадение референта с «объемлющим» множеством (например, в предложении *Все геологи — романтики и поэты* [Ю. Казаков] референт ИГ *все геологи* совпадает с «объемлющим» множеством — экстенсионалом слова *геологи*) или на то, что референт представляет собою подмножество «объемлющего» множества (например, в предложении *Некоторые писатели не интересуются тем, что о них пишут* [Ю. Казаков] референт ИГ *некоторые писатели* — подмножество экстенсионала слова *писатели*). В роли исходного множества могут выступать и конечные множества объектов, задаваемые описанием или находящиеся в «поле зрения» участников коммуникации: *Некоторые из моих друзей — лингвисты; Все они красавцы, все они таланты, все они поэты* (Б. Окуджава). Данный тип квантификации можно назвать логическим.

Наряду с ним в естественном языке используется и другой, совершенно отличный тип квантификации, представленный в предложениях типа *В комнате было много народу*. Здесь вопрос о количественном отношении числа людей, находившихся в комнате, к какому-либо исходному множеству, например к множеству всех живущих на земле людей, ни в коей мере не релевантен. Кванторное слово в этом предложении оценивает референт не по отношению к какому-либо «объемлющему» множеству, а по сравнению с некоторым стереотипом — тем количеством, которое говорящий ощущает нормальным для данной ситуации. Этот тип квантификации, который можно назвать прагматическим, в корне отличается от логической квантификации.

Наконец, для естественно-языковой квантификации существенной оказывается коммуникативная сторона. Эта сторона функционирования кванторных выражений нередко ускользает от внимания при

логически ориентированном подходе. В русском языке есть слова, интерпретируемые в словарях как синонимичные или квазисинонимичные (например, *мало* и *немного*), которые тем не менее в реальном употреблении передают полностью различную информацию. Это, по-видимому, связано с особенностями коммуникативной структуры кванторных слов; например, для слов одного типа существование квантифицируемого множества может входить в ассертивный, а для слов другого типа — в пресуппозитивный компонент.

Все сказанное позволяет предположить, что исследование взаимоотношений квантификации в естественном языке и в языке математической логики должно вестись со стороны первого. Ниже мы обратим внимание на некоторые свойства русских кванторных слов, которые иллюстрируют функционирование механизмов естественно-языковой квантификации и их роль в общей системе референциальных механизмов русского языка.

2. КВАНТОРНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА ПОЛНОТУ ОХВАТА: ЛЕКСЕМЫ *ВСЬ*, *ВСЯКИЙ*, *КАЖДЫЙ*

Явно недостаточное внимание в работах, анализирующих естественный язык со стороны логики, уделяется лексеме *весь*. Это особенно заметно на фоне большого числа работ, в которых рассматривается форма *все* как один из естественно-языковых аналогов квантора общности. Тот факт, что значение формы *все* легко может быть сопоставлено со значением квантора общности, тогда как форма *весь* не имеет очевидного логического аналога, приводит многих исследователей к мысли о том, что *весь* и *все* не могут рассматриваться как формы одной лексемы. Иногда эта мысль принимается в неявном виде (когда говорят о лексеме *все*, игнорируя или отвергая традиционный взгляд, в соответствии с которым *все* — форма множественного числа лексемы *весь*), иногда мотивируется существованием важных семантических различий между *весь* и *все*. Так в [Зализняк, Падучева 1974: 33] отмечается, что «значение слова *весь* — ‘целиком’ — при переводе определяемого существительного во мн. число не сохраняется: *Я помню весь рассказ* = *Я помню один имеющийся в виду рассказ целиком*; *Я помню все рассказы* = *Я помню каждый из имеющихся в виду рассказов* ≠ *Я помню каждый из имеющихся в виду рассказов целиком*». Иными словами, *все* не имеет значения ‘целиком каждый предмет, о множестве предметов’. При этом *все* в предложениях типа *Извел все чернила* рассматривается А. А. Зализняком и Е. В. Падучевой как форма «ед. числа четвертого рода» лексемы *весь*, употребляющаяся при согласовании с существительными *pluralia tantum*.

При таком подходе *весь* рассматривается как показатель того, что объект берется «целиком» и значение этого слова может сопоставляться в первую очередь со значением слова *целый*, тогда как *все* рассматривается как квантор, применяемый к множеству объектов, которые берутся по отдельности, и сопоставляется с такими словами, как *всякий* или *каждый*.

В то же время необходимо отметить, что между значениями *весь* 'в полном объеме' и *все* 'в полном составе' нет никакой непроходимой границы. Наряду с использованием *все* в «тотальном» значении (т. е. как бы в качестве формы слова *весь*, причем не только в сочетании с существительными *pluralia tantum*, ср.: *Все руки исцарапаны; Просидел дома все пять дней; Все эти годы он любил ее*) следует отметить и использование формы единственного числа для квантификации дискретных множеств: *На дачу вывезли всю мебель* ≈ 'все столы, стулья и т. д.'). О возможности дискретного понимания собирательных имен, квантифицируемых при помощи формы единственного числа *весь*, свидетельствует, в частности, сочетаемость с дистрибутивными предикатами, как, скажем, в следующих примерах: ... *При взрыве колокольни на крепость упадет каменный град и передавит весь гарнизон* (А. Пушкин); ср. также: *Весь сектор перессорился; Вся семья разъехалась* (≈ *Все домашние разъехались*); *Все стулья, столы, сундуки* (≈ *Вся мебель*) *были переломаны, вся посуда перебита; Прочел всего Шекспира* ('все произведения Шекспира'). Вообще дискретное или недискретное понимание часто зависит от предиката или других элементов контекста: например, в строчке *Вся комната в табачной синеве* (О. Мандельштам) кванторное слово *весь* квантифицирует недискретный объект — пространство, а в предложении *В кабинете коменданта собралась вся наша комната* — дискретное множество людей. Ср. также недискретное понимание в *съел всего омуля* и дискретное — при наличии более широкого контекста: *Что ж, Петрович, омуля всего съел, ни одного на развод не оставил?* (Ю. Казаков).

Таким образом, не обнаруживается корреляция между противопоставлением дискретного значения 'в полном составе' и недискретного 'в полном объеме', с одной стороны, и противопоставлением форм множественного и единственного числа — с другой. Мы не имеем оснований рассматривать форму *весь* как показатель тотальной референции, а форму *все* — как показатель распределенной референции. В предложении *Все эти годы он любил ее* ИГ имеет недискретное осмысление, несмотря на множественное число, а в примере *Я, перебрал весь год, не вижу того счастливого числа...* (К. Симонов) — ИГ *весь год*, несмотря на единственное число, рассматривается как обозначение дискретного множества — собрания дат относящихся к данному году.

В примерах типа *выпил все молоко (все сливки), съел все печенье, все пирожные и конфеты* представляется очевидным полный параллелизм в употреблении форм единственного и множественного числа. И использование бантовской аксиоматики дает нам возможность сформулировать единое значение местоимения *весь*: совпадение референта соответствующей ИГ с «объемлющим» множеством. Напомним, что под множеством (*ensemble*) в системе Г. Банта понимается любой объект, у которого можно выделить части, по отношению к которым он выступает как целое. Выбор формы единственного или множественного числа местоимения определяется поверхностно-синтаксическими правилами согласования, хотя статистически чаще (но не всегда) единственное число соответствует недискретному, а множественное число дискретному пониманию. Различие между дискретным и недискретным пониманием ИГ связано не со свойствами кванторного слова, а с типом исходного множества, т. е. со значением имени в соответствующем контексте; а в ряде случаев противопоставление дискретного и недискретного понимания вообще оказывается нерелевантным (ср. у Пушкина: *...На весь бы мир одна наткала я полотна*).

Существенно обратить внимание на то, что квантификация при помощи *весь/все* оказывается успешной, только если «объемлющее» множество является определенным для адресата речи. Такая определенность может иметь место в двух случаях: (1) когда «объемлющее» множество включает все объекты данного типа, т. е. представляет собою экстенционал соответствующего имени (ср. *Все дети, кажется, уснули*); (2) когда «объемлющее» множество состоит из одного или нескольких объектов, введенных в поле зрения адресата речи или однозначно определяемых выбранной дескрипцией (ср. *Все слоны любят земляные орехи*)¹³⁵. В первом случае мы имеем дело с общеродовой (универсальной) референцией, во втором — с конкретной определенной референцией:

- (1) *Замечу кстати: все поэты любви мечтательной друзья;*
- (2) *Но панталоны, фрак, жилет — всех этих слов на русском нет; Онегин молча отвечал и после во весь путь молчал.*

Таким образом, лексема *весь* в русском языке выступает в качестве показателя определенности.

Значение определенности отличает кванторную лексему *весь/все* от прилагательного *целый*. Последнее вообще не является кванторным выражением в собственном смысле слова. Оно не квантифицирует

¹³⁵ Ср. используемые С. А. Крыловым [1984] термины «перманентная известность» и «окказиональная известность».

множества и не является референциальным показателем. Количественное значение словосочетаний со словом *целый* возникает потому, что оно присоединяется к ИГ, которые сами по себе связаны с идеей количества (часто это названия той или иной меры: времени, объема и т. п.). Иными словами, «количественность» характеризует не собственно семантику, а сочетаемость слова *целый*. *Целый* в сочетании с существительными количественной семантики имеет прагматическое значение: 'надеюсь, ты понимаешь, что это много'. Невозможны сочетания *целый* с ИГ, не указывающими на количество, в частности — с названиями открытых классов или с вещественными существительными: *Все* (но не **Целые*) *дети любят мороженое; Он выпил все* (**целое*) *молоко*.

Таким образом, условия употребления слов *весь* и *целый* полностью различны. У слова *весь* практически нет селективных ограничений, поскольку мы можем что угодно мыслить состоящим из каких-то частей. Но это слово предполагает известность квантифицируемого множества адресату речи и потому имеет тенденцию использоваться в составе ИГ, входящих в тематический компонент высказывания. Напротив того, слово *целый* характеризуется сильными селективными ограничениями — как уже говорилось, оно сочетается только со словами количественной семантики (или имеющими количественные коннотации) и принадлежит к классу слов, которые, так сказать, включают тематичность.

Рассматриваемые слова могут употребляться и в тождественных контекстах, а именно в сочетании со словами количественной семантики или предполагающими количественность. Но в этом случае соответствующие ИГ различаются по значению. Сочетания лексем *весь/все* и *целый* со словами количественной семантики различаются тем, что в первом случае выражается значение определенности. Ср. например: *Иван выпил всю бутылку водки* и *Иван выпил целую бутылку водки*. Первое высказывание может иметь целью сообщение о том, что некоторой известной адресату бутылки водки больше нет (указание на значительное количество выпитого отсутствует), т. е. что количество выпитой водки составляет содержимое данной бутылки в полном объеме. Второе же может информировать адресата речи о плачевном состоянии Ивана; оно не предполагает, что адресату было известно о наличии бутылки водки, а сообщает о количестве выпитой водки, по мнению говорящего, превышающем норму. Иными словами, слово *целый* в сочетании *целая бутылка водки* не дает количественной оценки референта, а прагматически оценивает количество ('водка в количестве одной бутылки'), на которое указывает подчиняющая ИГ.

Подобным образом такие ИГ, как *весь день, всю неделю, весь месяц*, могут быть употреблены, если известно, о каких дне, неделе, ме-

сяце идет речь; другими словами, они почти синонимичны ИГ *весь этот день, всю эту неделю, весь этот месяц* (ср. неупотребительность сочетаний типа **целый этот день*). *Весь день* и *целый день* различаются по значению: *целый день* только указывает на длительность, но при этом может быть неизвестно, какой день имеется в виду.

Таким образом, *весь* и *целый*, часто рассматриваемые как синонимы, не могут быть взаимозаменяемы в большинстве контекстов. Единственный случай, когда они оказываются близки по значению, — сочетания с именами, одновременно выражающими значение количества («объемности») и определенности: ср. *Только вряд найдете вы в России целой три пары стройных женских ног* (\approx *во всей России*); *Во всем мире* (\approx *В целом мире*) *нет таких лошадей*.

Упомянем также о семантическом отличии формы *все* от лексики *каждый*, которое состоит в том, что *каждый*, в отличие от *все*, выражает значение выделенности, т. е. предполагает индивидуальное рассмотрение элементов множества, участвующих в описываемой ситуации. Например, как некоторая неправильность воспринимается следующее предложение (перевод со словацкого): *В подобной ситуации каждый мужчина ведет себя одинаково глупо* (лучше было бы сказать: *все мужчины*). Индивидуальное рассмотрение элементов множества оказывается несовместимым с «симметричным» предикатом, включающим слово *одинаково*.

Во фразе, открывающей «Анну Каренину»: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*, — выбор двух разных кванторных лексем, конечно, не случаен. Показателен псевдоперевод этой фразы на англ. яз., сделанный Набоковым в «Аде»: *All happy families are more or less dissimilar, all unhappy ones are more or less alike*. Дело здесь в том, что, якобы цитируя Толстого, Набоков не только переворачивает смысл толстовской сентенции, но и меняет форму выражения, употребляя в обоих случаях симметричные предикаты *быть похожим* и *быть непохожим*, требующие в английском, как и в русском, кванторной лексики со значением «все», а не «каждый».

Таким образом, слово *каждый*, в отличие от *весь/все*, квантифицирует лишь множества, состоящие из элементов (sets), а не любые бантовы множества. Его значение максимально близко к значению логической квантификации некоторого множества M , т. е. $\forall x \in M$, и может быть сформулировано на языке логики как «Какой бы элемент x (из) множества M мы ни взяли ...»; иными словами, утверждение *Каждый x p* в логической нотации записывается как $(\forall x \in M)(p(x))$. Множество M при этом предполагается известным адресату речи (вследствие «перманентной» или «окказиональной» известности). Оно может представлять собою как открытое множество (т. е. класс — ср.: *Каждый человек имеет право искать, получать и распространять информа-*

цию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ), так и ограниченное множество (т. е. множественный индивид — ср.: *На этой неделе каждый день случалось что-нибудь непредвиденное*).

3. КВАНТОРНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ КОЛИЧЕСТВО: МАЛО, МНОГО, НЕМНОГИЕ, МНОГИЕ И ДР.

Перейдем к рассмотрению слов, непосредственно указывающих на малое или большое количество квантифицируемого множества, а именно слов *мало*, *много*, *немногие*, *многие* и др.

Распространенные представления о семантике слов *мало* и *немного*, отраженные и в словарных толкованиях, заключаются в том, что эти слова имеют очень близкое значение — и то, и другое указывают на небольшое количество или небольшую степень проявления признака. Действительно, в некоторых контекстах эти слова взаимозаменяемы с сохранением смысла высказывания (ср. *Денег у него осталось совсем мало* и *Денег у него осталось совсем немного*). Однако есть и такие высказывания, которым слова *немного* и *мало* придают скорее противоположное значение или, по крайней мере, противоположную коммуникативную предназначенность. Высказывание *Ивана немного беспокоил исход дела* сообщает об обеспокоенности Ивана, а высказывание *Ивана мало беспокоил исход дела* — о том, что Иван не волновался.

То же самое верно и в отношении таких высказываний, как *У меня дома есть немного водки* и *У меня мало водки*. В ответ на предложение *Почему бы нам не выпить?* первое звучит почти как приглашение, а второе — скорее как объяснение, почему предложение не может быть принято.

Такие явления могут быть объяснены исходя из особенностей семантики и информационного потенциала слов *мало* и *немного*.

Высказывание со словом *немного* содержит прежде всего утверждение о существовании квантифицируемого множества или проявлении признака. Посредством высказывания, содержащего слово *мало*, говорящий сообщает, что квантифицируемое множество меньше или признак проявляется в меньшей степени, чем можно было бы ожидать, а само существование квантифицируемого множества или признака является при этом пресуппозицией, и в этом смысле *мало* является «пресуппозиционно маркированным» (термин из работы [Givón 1971: 55 и сл.]). Любопытно, что Т. Гивон в цитированной работе рассматривает «пресуппозиционную маркированность» как признак единиц, содержащих (возможно, скрытое) отрицание. В этом

смысле можно сказать, что в русской паре *мало* — *немного* семантическое отношение обратное морфологическому. Содержащее морфологическое отрицание *немного* не является, с точки зрения данного критерия, семантически отрицательным, а *мало* должно рассматриваться как семантически отрицательная единица.

Рассматриваемая особенность актуального членения объясняет неупотребительность слова *мало* в собственно экзистенциальных предложениях, т. е. в предложениях вида *У X-а есть...*; нельзя сказать: **В книге есть мало опечаток*; **У меня есть мало денег*; **Нет ли у тебя мало соли?* (ср.: *У меня есть немного денег*; *Нет ли у тебя немного соли?*). Такие предложения неправильны именно потому, что экзистенциальное *есть* сообщает о существовании как о чем-то новом (и в предложениях с *нет* существование также находится в коммуникативном фокусе), а наличие слова *мало* указывает на то, что существование входит в пресуппозицию, т. е. предполагается заранее. Информационный потенциал слова *мало* отражается и на интонационных характеристиках соответствующих высказываний: *мало* обычно несет на себе логическое ударение. Существенно при этом, что его коммуникативная роль не зависит от интонации. Информация о речевой функции слова *мало* — это словарная характеристика данной лексемы. Поэтому, даже если высказывание *У меня мало денег* встретилось нам в письменном тексте, мы понимаем, что наличие денег — пресуппозиция, а то, что их мало, — ассерция. Представляется, что указанное свойство слова *мало* заслуживает лексикографической фиксации.

Слово *немного* обладает иными коммуникативными свойствами. Высказывание, в котором *немного* квантифицирует признак, выражает собой сообщение о самом факте проявления этого признака, а то, что признак проявляется в небольшой степени, составляет добавочное сообщение. Поэтому *немного* в таких предложениях никогда не может нести главного логического ударения (ср. *Я немного устал*; *Она немного странная* и т. п.). Часто добавочное сообщение, заключенное в слове *немного*, совсем отходит на задний план, так что *немного* используется только для «смягчения» высказывания. Высказывание *Она немного странная* не означает, что «количество» странности меньше, чем можно было бы ожидать. Скорее, таким образом «смягчается» более сильное утверждение, как иллюстрирует следующий диалог из перевода одного романа Айрис Мердок: *Она немного странная, не правда ли? — Вы имеете в виду сдвинутая, сумасшедшая.*

Если *немного* используется для «смягчения» утверждения, то *мало* для «смягчения» отрицания (ср. противоположную прагматическую направленность высказываний *Меня это немного беспокоит* и *Меня это мало волнует*). *Мало* может означать «возможно, вовсе нет». Характерен эпизод из «Белой гвардии» Булгакова: *Он... сказал, что надежды мало, и добавил, глядя в Еленины глаза глаза-*

ми очень, очень опытного и всех поэтому жалеющего человека, — «очень мало». Всем хорошо известно, и Елене тоже, что это означает, что надежды вовсе никакой нет и, значит, Турбин умирает.

Что касается высказываний, в которых *немного* квантифицирует множество, то они коммуникативно неоднозначны.

Если *немного* не несет логического ударения, актуальное членение сходно с актуальным членением предложений, в которых *немного* квантифицирует предикативный признак: сообщение о существовании квантифицируемого множества и есть основное сообщение, тогда как существование этого множества в небольшом количестве — дополнительное сообщение. Таким образом, предложение *У меня осталось немного денег* имеет два прочтения: с ударением на слове *немного* оно сообщает, что денег осталось мало, без ударения на этом слове оно сообщает, что остались деньги (и при этом *немного*). На письме это различие выражается в том, что в первом случае *не много* может писаться раздельно: *У меня не много денег, В кабаках меня не любят* (О. Мандельштам); *Но таких удач в романе не много* (В. Шкловский).

В тех случаях, когда слово *немного* относится к неисчисляемому имени, смысл высказывания может вообще состоять только в сообщении о существовании соответствующего (недискретного) множества, а сообщение о том, что множество невелико, может не просто отходить на задний план, а вообще не входить в смысл высказывания. В таких случаях *немного* означает просто «некоторое количество»: *Возьми на радость из моей ладони немного солнца и немного меда* (О. Мандельштам; здесь *солнце* употреблено как вещественное имя). В сочетании с исчисляемыми именами (когда квантифицируется дискретное множество) в этом же значении чаще употребляется слово *несколько*.

Различие в коммуникативном поведении слов *мало* и *немного* не пропорционально различию между *много* и *немало*, как можно было бы ожидать, исходя из пропорциональности их морфологического строения. Слова *много* и *немало* гораздо более сходны между собой и по ряду признаков вместе противостоят, с одной стороны, слову *мало*, а с другой — слову *немного*. От *мало* они отличаются меньшей, а от *немного* — большей степенью релативности. Будучи «менее релативными», нежели *мало*, слова *много* и *немало* свободно употребляются (в отличие от *мало*) в собственно экзистенциальных предложениях со словом *есть*¹⁸⁶: *У него есть немало недостатков; В работе есть много интересных наблюдений*.

Сходное соотношение (имеющее естественное прагматическое объяснение) наблюдается и между другими кванторными словами, занимающими соответствующие — полярные — места на количест-

¹⁸⁶ Тем самым нуждается в уточнении замечание К. Чвани [Chvany 1973: 71]: «... *est'* does not normally appear in sentences whose «object» is quantified».

венной шкале, например, между словом *редко* (и его квазисинонимом *нечасто*), с одной стороны, и словом *часто* (и *нередко*) — с другой. Слово *часто* в позиции синтаксической безударности образует дополнительную ассерцию в высказываниях, главным утверждением которых является сообщение о самом наличии квантифицируемых событий, тогда как слово *редко* непременно должно быть главной ремой — его безударным, нерематическим коррелятом является слово *изредка*. Ср.: *Часто приезжали гости, и тогда он отрывался от рукописи; Изредка приезжали гости...* или: *Гости приезжали редко, но не *Редко приезжали гости, и тогда он отрывался от рукописи*. Таким образом, мы имеем нечто вроде семантической (не морфологической!) пропорции — *немного: мало: много (немало) ≈ изредка: редко (нечасто): часто (нередко)*.

Ср. следующий пример из В. Шкловского, в котором обращает на себя внимание некорректность употребления слова *редко* вместо более уместного *изредка* (или *иногда*) [Шкловский рассказывает о своем посещении больного Юрия Тынянова]: *Я просил, — сказал Юрий, — чтобы мне дали вино, которое мне давали в детстве, когда я болел. — «Сант-Рафаэль»? — спросил я. Мы были почти однолетки и мне когда-то редко давали это сладкое желтое вино*. Если прочесть последнее предложение с фразовым ударением на глаголе (т. е. без выделения слова *редко*), то это будет противоречить просодическим правилам употребления слова *редко*, а если прочесть его с закономерным просодическим выделением — будет нарушена связность текста.

Возвращаясь к словам *много* и *немало*, отметим, что даже находясь в позиции синтаксической безударности, они все же всегда входят в ассертивную часть высказывания, хотя бы на правах дополнительного утверждения. В этом и состоит их бо́льшая рематичность по сравнению со словом *немного*, которое в определенных случаях, как было отмечено, выполняет артиклеобразную функцию. Поэтому вхождение слов *немало* и *много* в некоторые типы высказываний с заранее заданным актуальным членением может вести к рематической перегрузке. Примером может служить отрывок из статьи о русском языке, написанной литовцем: *Необходимо заметить, что по сравнению с немецким языком литовский пассив не изучался так широко и глубоко. Только в последнее время его изучению было посвящено немало работ*. Последнее предложение, пожалуй, также аномально (хотя не в такой степени, как пример из Шкловского), и объясняется это, по-видимому, тем, что в составе экзистенциального предложения ИГ *немало работ* (характеризующаяся хотя бы и ослабленной рематичностью) плохо сочетается с сильно рематической частью *только в последнее время*.

Мы рассмотрели особенности слов *мало*, *немного*, *много*, *немало*. Существенно, что эти особенности проявляются на фоне общих черт,

объединяющих указанные слова. Все эти слова могут квантифицировать как дискретные, так и недискретные множества. При этом они дают количественную оценку безотносительно к исходному множеству — экстенсионалу квантифицируемой ИГ.

Высказывание *Осталось мало денег* указывает на то, что количество денег невелико по сравнению с ожидавшимся, но безотносительно к общему количеству денег в универсуме. Именно поэтому посредством слов *мало* и *немного*, так же как и *много*, можно дать количественную оценку всему экстенсионалу: *Много званных, но мало избранных; Лжей много, а правда одна; На свете много интересного*. Конечно, это не значит, что количественная оценка, даваемая посредством слов *мало*, *много*, *немного*, является абсолютной. Просто оценка, будучи относительной, дается по отношению к предполагаемой норме, а не по отношению к исходному множеству.

Указанные признаки отличают рассмотренные слова от их адъективных и субстантивных коррелятов *многие*, *немногие*, *многое*, *немногое* (для слова *мало* адъективным коррелятом будет *мало какие*, а субстантивным — *мало кто*, *мало что*). Названные корреляты всегда квантифицируют дискретные множества, поэтому адъективные корреляты могут сочетаться только с исчисляемыми именами. Для субстантивных коррелятов *многие*, *немногие*, *мало кто* в роли исходного множества выступает множество людей, а для слов *многое*, *немногое* — множество неодушевленных (часто абстрактных) и при этом разнородных объектов (ср. у Анны Ахматовой: *Многое еще, наверно, хочет быть воспетым голосом моим*).

Другая важная особенность слов *многие*, *мало кто* и т. д. состоит в том, что оценка, которую они дают, — это не оценка по отношению к некоторой норме, а оценка количественного соотношения референта ИГ и исходного, объемлющего множества. Иными словами, они осуществляют не прагматическую, а логическую квантификацию. Высказывание *Многие лингвисты разбираются в математике* означает, что в математике разбирается значительная часть всего множества лингвистов. Субстантивные кванторные слова рассматриваемого типа также дают оценку референту по отношению к объемлющему множеству, что объясняет их употребительность в составе элективных ИГ: ср. *многие из них* при невозможности **много из них*. Иногда объемлющее множество не называется, а лишь подразумевается: в стихотворении Лермонтова «Бородино» *Немногие вернулись с поля* означает: немногие из тех «богатырей», о которых рассказывает старый солдат.

Соотношение коммуникативных свойств кванторных слов и сочетаний *немногие*, *мало какие*, *мало кто*, *мало что* во многом подобно особенностям их аналогов *немного* и *мало*. Сочетания *мало какие*, *мало кто*, *мало что* всегда соответствуют главной реме предложения. Ср.: *Город еще военный, мало кто вернулся, и те, кто верну-*

лись, тоже думают о войне (В. Шкловский). Другими словами, единственная ассерция предложения, содержащего такие сочетания, — это сообщение о том, что суждение касается лишь небольшой части объемлющего множества.

Слово *немногие* употребляется двояким образом. В тех случаях, когда оно несет на себе главное логическое ударение, оно выражает единственную ассерцию предложения (как в высказывании *Немногие вернулись с поля*). Но возможны и высказывания, в которых *немногие* не несет на себе главного логического ударения и выражает лишь добавочную ассерцию.

Так, например, приведенное выше сложносочиненное предложение из Шкловского — с двумя самостоятельными утверждениями:

(1) *Мало кто вернулся*

и

(2) *те, кто вернулся, тоже думают о войне, —*

соотносимо с близким по смыслу свернутым простым предложением, в котором сообщение о малочисленности субъекта составляет дополнительное утверждение: *Город еще военный. Немногие вернувшиеся тоже думают о войне*. При этом квантификация, выражаемая словом *немногие*, может быть дополнительным сообщением, но не может полностью отходить на задний план: если количественная оценка дискретного множества вообще не существенна для смысла высказывания, используется кванторное слово *некоторые* — адъективный и субстантивный коррелят слова *несколько* (в этом отношении *немногие* отличается от *немного*).

Отметим также ряд особенностей кванторного прилагательного *немногие*, отличающих его от *многие*. Так, *немногие* (в отличие от *многие*) свободно сочетается с признаком определенности: употребительно сочетание *те немногие* и сомнительно *?те многие* (речь идет об определенности референта, а не объемлющего множества: референт сочетания *многие из них* является неопределенным, хотя объемлющее множество определенное).

Еще одно отличие от *многие* (связанное с первым) состоит в том, что слово *немногие* может участвовать в квантификации обоих типов: и логической, и прагматической. Так, в предложении *На Петин доклад пришли немногие друзья* это слово — в зависимости от просодического контура — может либо давать количественную оценку всему множеству Петиных друзей по отношению к предполагаемой количественной норме имеющихся у человека друзей, т. е. указывать на то, что у Пети не так много друзей (тогда *немногие друзья* \approx *его немногочисленные друзья*), либо оценивать количественное отношение актуального множества к исходному (*немногие друзья* \approx 'незначительная часть множества Петиных друзей'). В первом случае мы имеем де-

ло с прагматической квантификацией, во втором — с логической. Слово *многие* в современном языке выражает только значение второго типа (логическое), тогда как значение первого типа (прагматическое) выражается прилагательным *многочисленные*. Поэтому церковнославянское *во облегчение тяжестей многих* [= 'многочисленных'] *моих согрешений* 'for the relief from the burden of my many sins' может быть неправильно понято носителем современного русского языка: правила употребления слова *многие* в современном языке навязывают понимание '...многих из...' (очевидно, не всех?). Иными словами, навязывается понимание '...many of my sins' вместо 'my numerous sins'.

В большинстве случаев потенциальная неоднозначность сочетаний, включающих слово *немногие*, разрешается в контексте. Так, мы можем уверенно говорить, что в следующих двух примерах различие в значении не сводится к указанию на малочисленность субъекта в (3) и его многочисленность в (4):

- (3) *Немногие присутствующие лингвисты обиделись, услышав, что лингвистика не наука* (≈ 'Присутствующие лингвисты — а их было немного — обиделись...');
- (4) *Многие присутствующие лингвисты обиделись, услышав, что лингвистика не наука* (≈ 'Многие из присутствующих лингвистов...', т. е. 'Некоторые, причем значительная часть, из присутствующих лингвистов...').

Здесь в (3) имеет место прагматическая квантификация, а (4) — логическая. Но иногда интерпретация квантификации, выраженной словом *немногие*, не столь ясна (возможно, что «диффузно» выражаются оба значения). Ср.: *Его редактор принадлежал к тем немногим людям, которые сразу по «альфе» (1905 г.) поняли «омегу» (1917 г.) русской революции* (В. Шульгин) — то ли '...к тем немногим из людей...', то ли '...к тем людям (а их было меньше, чем можно было ожидать)...'.

Наконец, следует отметить несимметричность количественных оценок «незначительная часть объемлющего множества» — «значительная часть объемлющего множества». О «незначительной части» можно говорить только в случае, если эта часть не превышает половины исходного множества; но оценка «значительная часть» может даваться по отношению к подмножеству, большему или меньшему половине исходного множества. Поэтому можно сказать: *Многие ушли, но многие и остались*, — но нельзя: **Мало кто ушел, но мало кто остался*¹⁸⁷.

¹⁸⁷ Ср. сходное различие в поведении слов возможно и вероятно: допустимо высказывание *Возможно, Петя уйдет, возможно — останется*, но неправильно **Вероятно, Петя уйдет, вероятно — останется*. Объяснение здесь также сходно: слова типа *вероятно* употребляются в тех случаях, когда, по оценке говорящего, вероятность больше 50 процентов.

4. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Итак, для описания механизмов квантификации в русском языке существенно учитывать прагматические и коммуникативные особенности различных кванторных лексем, а также их сочетаемостные свойства. Кратко перечислим факторы, влияющие на выбор и употребление кванторной лексемы.

1) Существенную роль играет дискретность — недискретность квантифицируемого множества. Так, выбор лексем *несколько* и *немного* зависит от признака дискретность/недискретность: ср. *Он съел немного супа / несколько ложек супа*. Слово *несколько* квантифицирует только дискретные множества и отличается в этом отношении от слов *сколько* и *столько*, которые (в именительном и винительном падеже) могут использоваться и для квантификации недискретных множеств. С противопоставлением по дискретности связано и различие слов *число* и *количество*; ср. пример ошибки, связанной с неучетом противопоставления по дискретности, из одного лингвистического сочинения: **Такой подход требует учета большого числа разноаспектной информации*.

2) Очень существенно различие в типе информации. Оно, в частности, обуславливает различное употребление слов *несколько* и *некоторые*: *несколько* указывает на то, что референт состоит из неопределенного числа объектов (обычно от трех до семи — безотносительно к числу объектов какого-либо «объемлющего» множества); *некоторые* в количественном значении указывает на то, что референт представляет собою неопределенную часть исходного множества. Логическая квантификация свойственна словам *весь/все*, *многие*, *многое*, прагматическая — словам *много*, *мало*, *немного*. Смещение указанных типов квантификации отражено в примере из Шкловского: *Толстой предвидел возражения, и у него много осталось в черновиках* — следовало бы сказать *многое* (правда, в данном примере нарушена и поверхностно-синтаксическая правильность: словам типа *много* не свойственно субстантивное употребление).

Чрезвычайная важность коммуникативных характеристик кванторных слов иллюстрируется поведением таких лексем, как *мало*, *немного*, *много*, *немногие*, *многие*, *редко*, *изредка* и т. п. Их учет заставляет пересмотреть представление о кванторных словах как об актуализаторах, выражающих лишь когнитивное значение, и отказаться от узкологического подхода к естественно-языковой квантификации.

ГЛАВА 2

«ВОЗМОЖНОСТИ» ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И МОДАЛЬНАЯ ЛОГИКА*

«Contrariwise», continued Tweedledee, «if it was so, it might be; and if it were so, it would be; but as it isn't, it aint't. That's logic»

Lewis Carroll

«С другой стороны, — продолжал Твиддиди, — если это так было, то это могло быть; а будь это так, оно бы так и было; но поскольку это не так, то ничего такого и нет. Таковы законы логики».

Льюис Кэрролл

(Курсив и перевод наш. — Т. Б., А. Ш.)

Из того, что *p* имеет место, следует, что *p* возможно. Такое умозаключение, отраженное в приведенном выше высказывании персонажа сказки Л. Кэрролла «Сквозь зеркало...», известно как вывод *ab asse ad posse*. Этот вывод вполне соответствует здравому смыслу. Но отвечает ли он правилам употребления языковых выражений со значением возможности? Иными словами, можно ли, достоверно зная, что *p*, с полным основанием сказать, что *p* возможно, что *p* может быть?

На первый взгляд, в естественном языке употребление показателей возможности в таких случаях по меньшей мере неуместно. Высказывание *p* могло быть делается только в тех случаях, когда говорящий не знает точно, *p* или не *p*, или даже достоверно знает, что не *p*. Поэтому естественно звучит фраза *Все могло быть иначе* и странно — *Все могло быть именно так (как и было)*. Высказывание *Петя мог получить двойку...* едва ли естественно продолжить: *...и так и случилось*; скорее, тут можно ожидать продолжения *...но, к счастью, его не спросили*. И едва ли можно вообразить педанта, который, увидев яблоко, лежащее на столе, сказал бы: *Возможно, что на столе лежит яблоко*.

* Впервые опубликовано: Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка: Сборник статей к 60-летию профессора В. А. Успенского. М., 1990.

В общем, мало того, что умозаключение *ab esse ad posse* оказывается в отношении естественного языка не универсальным; из истинности высказывания *p* почти всегда следует неуместность высказывания *p* *возможно*.

Означает ли это, что «возможность» в языке понимается совсем иначе, нежели в логике? Что хочет выразить носитель естественного языка, используя в своей речи модальные показатели со значением «возможности»?

1. ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ (ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ)

Прежде всего следует разграничить два типа естественно-языковых высказываний возможности. В высказываниях первого типа речь идет о ситуациях, когда имеет место та или иная возможность; в высказываниях второго типа — о возможности той или иной ситуации (при этом в высказываниях общих типов могут использоваться одни и те же средства выражения «возможности»). Различие между указанными типами высказываний возможности легко продемонстрировать на примере двух разных пониманий фразы *Петька мог и соврать*.

В высказывании *Петька мог и соврать, но решил сказать правду* говорится о возможности, которая имела место в прошлом, но не реализовалась. Однако независимо от того, реализовалась ли возможность, тот факт, что она имела место, подается как объективно установленный. Такую возможность можно назвать онтологической возможностью, или потенциалностью.

Высказывание *Если ли основания верить Петьке? Петька мог и соврать* предполагает, что говорящий не знает, соврал Петя или нет, и высказывает гипотезу, что, возможно, и соврал. Допустимость такого высказывания непосредственно связана с эпистемическим состоянием говорящего. Он говорит о том, что, возможно, рассматриваемая ситуация имела место в реальности (не зная, насколько верно его предположение), а не о том, что реально была ситуация, когда имела место рассматриваемая возможность. То же значение однозначно выражается в высказывании *Петька, возможно, и соврал*. Такую возможность будем называть эпистемической возможностью, или проблематичностью.

В русском языке глагол *мочь* используется для выражения обоих типов возможности. В то же время есть целый ряд показателей, служащих для выражения только онтологической или только эпистемической возможности. Так, слово *можно*, оборот *иметь возможность* и др.

всегда указывают на потенциальность, а вводные слова со значением возможности (*возможно, быть может* и т. п.) — на проблематичность.

Показатели онтологической и эпистемической возможности характеризуются совершенно различным статусом в языке. Присоединяясь к той или иной пропозиции, показатели онтологической возможности превращают ее в новую, модализованную пропозицию, которая, так же, как и исходная, может оцениваться с точки зрения истинностного значения, может участвовать в речевых актах различных типов: сообщениях, вопросах, пожеланиях и т. д. Показатели эпистемической возможности, присоединяясь к пропозиции, дают в результате не новую пропозицию, а речевой акт неуверенного предположения, истинностная оценка которого неуместна. Говоря: *Петька имел возможность соврать*, — я сообщаю собеседнику некоторую информацию о возможности, которая реально имела место; говоря: *Петька, возможно, соврал*, — я не передаю никакой достоверной информации, а, скорее, прошу собеседника учесть и эту возможность. Онтологическую возможность можно было бы отнести к логической модальности, эпистемическую — к прагматической модальности.

Совершенно различна и временная перспектива онтологической и эпистемической возможности. Онтологическая возможность имеет место в прошлом, настоящем или будущем или же носит вневременной характер, что же касается эпистемической возможности, это возможность прошлой, настоящей, будущей или вневременной ситуации, но сама проблематичность «имеет место» в момент, когда делается соответствующее высказывание. Не случайно показатели онтологической возможности свободно изменяются (так сказать, «спрягаются») по временам (*можно было, можно будет; имел возможность, имеет возможность...*), а типичные показатели эпистемической возможности изменяться по временам не могут. Онтологическая возможность может появляться и исчезать — ср.: *В юности он мог не спать сутки подряд; Раньше можно было добраться до любой точки Москвы за полчаса; Если я стану доктором, я смогу (= у меня будет возможность) выписывать книги из-за границы.* Эпистемическая возможность полностью связана с эпистемическим состоянием говорящего в момент речи; на нее невозможен взгляд «со стороны», из другого момента времени. Если некто предположил: *Возможно, идет дождь*, — а затем выглянул в окно и увидел, что это не так, то он не может описать ситуацию словами: *Прежде было возможно, что идет дождь, а теперь это стало невозможным*¹⁸⁸. Временные формы русского глагола *мочь*, выражающего проблематичность, указывают не

¹⁸⁸ Как заметил А. Уайт [White 1975], то, что было возможно в X в., например, путешествовать без паспорта, стало невозможным в XX в., но нельзя сказать: *В X в. было возможно, что система Птолемея верна, а в XX в. это невозможно* (следует: *В X в. казалось возможным или даже достоверным...*).

на время, когда имеет место эпистемическая возможность, а на временную отнесенность соответствующей ситуации; изменение глагола *мочь* (в эпистемическом значении) компенсирует невозможность изменения по временам подчиненного инфинитива.

Между онтологической и эпистемической возможностью есть связь: эпистемическая возможность предполагает онтологическую. Действительно, говорить, что, возможно, *p* имело место, можно только если *p* могло иметь место. Если *p* не могло быть, то нет никаких оснований высказывать неуверенные предположения по поводу того, *p* или не *p*.

2. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Содержание высказываний, выражающих онтологическую возможность, может быть описано при помощи аппарата модальной логики. Истинностное значение немодализованной пропозиции *p* считается находящимся в функциональной зависимости от рассматриваемого «случая» *h*. Обозначим область определения функции *p(h)* как *H*. Тогда модализованное суждение N_p — «*p* необходимо» — истинно тогда и только тогда, когда $\forall h \in H (p(h) \text{ истинно})$; модализованное суждение M_p — «*p* возможно» — означает: $\exists h \in H (p(h) \text{ истинно})$. Сами «случаи» могут интерпретироваться различным образом: как «денотативные пространства» [Шмелев 1988а], как «возможные миры», как возможные состояния мира (временные срезы) и т. п.

Интересна ситуация, когда множество «случаев» находится во взаимно-однозначном соответствии с некоторым множеством объектов и «случаи» могут интерпретироваться как денотативные пространства, однозначно определяемые соответствующими объектами. При такой ситуации модализованное суждение оказывается эквивалентно немодализованному, содержащему квантификацию соответствующего множества: например, (1) *В прямоугольном треугольнике катеты могут быть равны = Существуют прямоугольные треугольники, в которых катеты равны.* Такое употребление, характерное для языка математики [Шмелев 1989б], позволяет делать умозаключения не только *ab esse ad posse*, но и *ab posse ad esse*; иными словами, утверждение возможности эквивалентно утверждению существования. Действительно, для математических объектов потенциальное и реальное существование не различаются.

Впрочем, такое употребление возможно не только в математике. Высказывание (2) *Профессора математики могут обладать большой лингвистической проницательностью* сообщает о том, что некоторые профессора математики обладают большой лингвистической проницательностью, а высказывание (3) *Цветки сирени могут иметь пять*

лепестков вместо четырех означает: 'Некоторые цветки сирени имеют пять лепестков вместо четырех'.

Иногда модализованное высказывание оказывается эквивалентным немодализованному, содержащему квантификацию по временным срезам (тогда «случаи» могут интерпретироваться как состояния мира в различные моменты времени): *Странные отношения в этом доме: все дружны и, однако, немного равнодушны друг к другу. Вечерами вдруг разбредаются кто куда. Но могут и собраться вместе* (= 'иногда собираются вместе') (Ю. Трифонов).

Та или иная интерпретация зависит от класса предикатов, к которому принадлежит инфинитив, подчиненный глаголу *мочь*, а также от типа именной группы, выступающей в роли субъекта. Так, «временная» интерпретация примера из Трифонова связана с тем, что предикат *собраться вместе* относится к числу «эпизодических», т. е. характеризуется временной локализацией (хотя бы неопределенной), а субъект *все (в доме)* не допускает квантификации. Напротив, интерпретация примеров (1), (2) или (3) как утверждений о существовании определяется тем, что соответствующие предикаты относятся к «качественным» (т. е. не обладают признаком временной локализованности), а субъекты способны подвергаться квантификации. В случае неоднозначной характеристики субъекта и предиката предложение также оказывается неоднозначным с рассматриваемой точки зрения, ср. пример *Дети могут быть очень жестокими*, который может иметь, по меньшей мере, четыре значения:

- а) 'Некоторые дети очень жестоки';
- б) '(Все) дети иногда очень жестоки';
- в) '(Эти) дети иногда очень жестоки'

и

- г) 'Некоторые дети иногда очень жестоки'

(от других значений, например 'детям позволительно быть жестокими [а вот взрослым это непростительно]', мы здесь отвлекаемся).

Соответствующие зависимости вполне аналогичны рассмотренным в предшествующих главах зависимостям между типом именных групп и предикатов, с одной стороны, и темпоральной или нетемпоральной интерпретацией кванторных наречий, с другой.

Однако чаще в бытовых контекстах «случаи» интерпретируются как «возможности», не обязательно имеющие реальное существование. Действительность тогда понимается как реализация одной из возможностей. Умозаключение *ab esse ad posse* в этом случае является законным; тот факт, что нечто бывает, доказывает, что это может быть. Когда Солженицын пишет: «Под «агитацией, содержащей призыв», могла пониматься дружеская (или даже супружеская) беседа с глазу на глаз или частное письмо; а *призывом* мог быть и личный со-

вет. (Мы заключаем «могла, мог быть» из того, что так оно и бывало.)», — его умозаключение не вызывает сомнений. Разумеется, обратное заключение *ab posse ad esse* в этом случае незаконно, и справедливо возмущение по поводу использования таких умозаключений в советской юриспруденции: «Надо в интересах посрамления всякой оппозиционной идеи признать за совершенное то, что только могло теоретически совершиться. Ведь могло же? — Могло... — Так надо возможное признать действительным, только и всего. Небольшой философский переход» («Архипелаг ГУЛАГ»).

Внешне похожим (и не менее предосудительным) выглядит и такое рассуждение (также приводимое в «Архипелаге ГУЛАГ»): «„Могла ли произойти эта встреча? Такая возможность не исключена«. — Не исключена? — значит б ы л а!» Однако здесь речь идет не об онтологической, а об эпистемической возможности, и незаконность рассуждения связана не с логической несостоятельностью, а с нарушением презумпции невиновности, поскольку дело касается обвинения. Такой же переход в интересах защиты признается естественным и допустимым: «...Трое других лиц лишь выразились, что могло быть влияние беременности, но не сказали положительно, что оно действительно было. Из этого вы выводите, что лишь один эксперт оправдал подсудимую положительно... Но ведь такое рассуждение ваше неверно... Довольно и того, что трем экспертам, очевидно, не хотелось оправдать подсудимую положительно, т. е. взять это себе на душу, но ... они... *принуждены* были сказать, что „действительно могло быть влияние болезненное в момент преступления“. Ну, а для присяжных ведь это и приговор: коли не могли не сказать, что „могло быть“, значит, пожалуй, и впрямь оно было» (Ф. Достоевский).

Упомянутая выше связь между онтологической и эпистемической возможностью отчетливо видна именно в юридических рассуждениях. Действительно, в юридической практике мы сталкиваемся в первую очередь с эпистемической возможностью, поскольку все рассуждения ведутся в ситуации неполного знания об интересующих суд событиях (эта неопределенность лишь отчасти устраняется свидетельскими показаниями). С другой стороны, юридические выводы должны опираться на объективную логику, а логический аппарат применим только к онтологической возможности; эпистемическая возможность — факт сознания субъекта, производящего высказывание, и не может непосредственно участвовать в логических рассуждениях¹³⁹. Эта коллизия разрешается тем, что в ситуации, когда неизвестно, р

¹³⁹ В частности, не подходит для описания эпистемической возможности аппарат эпистемической логики, предназначенный для объективного анализа эпистемических состояний различных субъектов, — тогда как естественно-языковое высказывание, выражающее эпистемическую возможность, всегда связано с субъективным эпистемическим состоянием говорящего и не может быть объективизировано.

или не, знание об онтологической возможности p позволяет высказать неуверенное предположение *Может быть, p* , содержащее показатель эпистемической возможности. Если же p онтологически невозможно, всякий логически мыслящий субъект поймет, что не p , и неуверенное предположение оказывается неуместным (поскольку его условием является отсутствие информации о том, p или не p). Характерно рассуждение из «Дневника писателя» Достоевского: «„Хоть и редко-де бывают такие болезненные аффекты, но все же бывают; ну что, если и в настоящем случае был аффект беременности?“ Вот соображение». Здесь типичное рассуждение *ab esse ad posse* — от факта к (онтологической) возможности, — а от нее — к эпистемической. А высказывание, выражающее эпистемическую возможность, — достаточное основание для того, чтобы суд исходил из презумпции невиновности. Достоевский продолжает: «И что в том, что могла выйти ошибка: лучше уж ошибка в милосердии, чем в казни, тем более, что и про-верить-то никак невозможно».

3. ВИДЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Законность умозаключений *ab esse ad posse* в модальной логике связана с тем, что «действительный мир» принадлежит множеству «случаев» («возможных миров») ¹⁴⁰. Однако это предполагается далеко не всеми разновидностями онтологической возможности. Утверждение, что p (онтологически) возможно, может означать то, что p реально бывает, или же логическую возможность p , отсутствие физических препятствий для p , то, что p разрешено законом или не противоречит моральным принципам участников ситуации, и т. д. Для каждого из этих видов онтологической возможности релевантно свое множество «случаев», определяющих необходимость, возможность или невозможность того или иного положения дел. При этом один и тот же показатель может указывать на разные виды возможности: глагол *мочь* предполагает наличие соответствующих физических способностей X -а в высказывании *X может двадцать пять раз подтянуться на перекладине*, интеллектуальных возможностей — *X может решить любую задачу*, отсутствие препятствий, связанных с чертами характера,

¹⁴⁰ В современной модальной логике принято рассматривать не «возможность» и «необходимость» вообще, а «возможность» и «необходимость» в каждом отдельном «случае»: суждение M_p может быть истинно в одном «случае» и ложно в другом. Для формализации этого представления на множестве «случаев» задают отношение «достижимости» $R(h_1, h_2)$. Суждение $N_p(h)$ — « p необходимо в случае h » признается истинным тогда и только тогда, когда p истинно во всех случаях h' , таких, что $R(h, h')$, т. е. когда $\forall h'(R(h, h') \rightarrow p(h'))$. Суждение $M_p(h)$ — « p возможно в h » — означает: $\exists h'(R(h, h') \& p(h'))$. При таком подходе умозаключение *ab esse ad posse* законно тогда и только тогда, когда отношение «достижимости» рефлексивно.

в высказывании *Кто изменяет жене или мужу, может изменить и отечеству* (А. Чехов), с моральным долгом — в *Поэтом можешь ты не быть* и т. д. Однако ясно, что из того, что р имело место, никак не следует, что для р отсутствовали препятствия, связанные с моральным долгом, правом, законом и т. п., т. е. что р было (онтологически) возможно в этом смысле (ведь о том, что запретный плод сладок, люди узнали эмпирически).

Опираясь на логическую традицию, можно было бы различать алетическую и деонтическую модальность. Алетическая модальность связана с объективными потенциями реального мира, деонтическая — с долгом, с требованиями к поведению участников ситуации, предъявляемыми соответствующей системой правил. Обычно принято считать, что реальный мир заведомо входит в любое множество алетических «случаев», но не деонтических «случаев» (интерпретируемых как «состояние мира», соответствующие требованиям данной системы правил). Поэтому вывод *ab esse ad posse* является законным для алетической, но не деонтической возможности. Из того, что футболист обвел соперника, следует, что он мог (и был в состоянии) обвести соперника, но из того, что футболист схватил мяч руками, никак не следует, что он мог (и имел право) схватить мяч руками.

Вообще алетическая и деонтическая возможность логически не зависят одна от другой. В некотором другом (прагматическом) смысле деонтическая возможность предполагает алетическую (например, физическую) возможность. Так, хотя деонтическое высказывание *Во все время рождественского поста разрешается вкушение рыбной икры* вполне осмысленно, оно едва ли актуально в тех случаях, когда адресат не имеет реальной возможности воспользоваться данным разрешением. Фон Вригт называет подобные деонтические высказывания «разрешениями-насмешками» [Вригт 1986].

Интересно, что алетическая возможность предполагается в этом смысле не только высказываниями о деонтической возможности (разрешенности), но и высказываниями о деонтической невозможности (запрещенности) или, наоборот, необходимости (обязательности) какого-либо действия. Любопытен в этой связи следующий отрывок из путевых заметок писателя-юмориста Феликса Кривина: «О том, что пройти нельзя, пишут только там, где пройти можно. Чтоб мы почувствовали, не все то можно, что можно, кое-что из того, что можно, нельзя. Почему в театре пишут «Не курить» и не пишут «Не стрелять»? Потому что сигареты у зрителей есть, а патронов нет, так что они стрелять все равно не будут».

Эти справедливые наблюдения вполне соответствуют представлениям деонтической логики (типа системы, разрабатываемой фон Вригтом), согласно которым не все то, что не запрещено, автоматически разрешено. Некоторые поступки в определенных ситуациях просто не

имеют деонтического статуса. Убедительный пример такого рода представляют отношения родителей с незрелыми детьми, когда ребенок не может делать все, что ему заблагорассудится, хотя бы это не было ему специальным образом запрещено. Он должен предварительно, так сказать, «спросить разрешения».

В то же время четкой границы между алетической и деонтической модальностью нет. Как понимать глагол *мочь* в следующих примерах ('иметь возможность' или 'иметь право'):

- (4) *Здесь можно купаться; Пешка, стоящая на второй горизонтали, может пойти вперед на одно или два поля; Те, кому исполнилось 16 лет, могут ходить на любые фильмы; Он мог ехать по льготному билету в любой конец страны; В свободной стране всякий может говорить что угодно?*

Говорящие отдают себе отчет в различии, которое существует между долгом (деонтической возможностью или необходимостью) и, например, психологической возможностью или необходимостью, заложенной в самом субъекте, и вместе с тем отмечают близость данных понятий, которая в некоторых контекстах не позволяет провести между ними сколь-нибудь четкую границу. Показательны в этом отношении следующие комментарии, которыми современный исследователь биографии Цветаевой (И. Кудрова) сопровождает выражения «не могу» и «невозможность» (+ инфинитив): «В середине 30-х годов в Париже Эфрон пришел к своей давней близкой приятельнице и признался, что совершенно не знает, как жить и что делать: он влюблен в молодую женщину — и очень всерьез. «Ну, а я знаю, что тебе делать», — отвечала его решительная приятельница. Но Эфрон только покачал головой: «Нет. Я не могу оставить Марину...» Есть и в одном из писем Цветаевой чешского периода признание о «трагической невозможности оставить С.». Двухзначное выражение «невозможно оставить...». Скорее всего, и у того, и у другого оно означало далеко не только долг или сострадание к остающемуся, оставленному, а невозможность для самого себя — остаться без...».

Другое обстоятельство состоит в том, что в некоторых случаях, когда, казалось бы, речь идет явно об объективной потенции, вывод *ab esse ad posse* не соответствует реальному языковому употреблению. В речи возможным часто называют лишь то, что кажется или казалось вероятным, чего можно (было) ожидать; и потому нередко встречающаяся фраза *Случилось невозможное* означает, что случилось нечто неожиданное или невероятное. В этом смысле не столь уже парадоксальна строка Блока *И невозможное возможно*¹⁴¹. Реплика *Не мо-*

¹⁴¹ Н. Валентинов приводит речь Ю. Пятакова, в которой постоянно проводилась мысль о «превращении невозможного в возможное» как главной характеристике большевизма: *Партия берет это дело в свои руки... С помощью этих*

жет быть!, произносимая в ответ на какое-либо сообщение, не служит опровержением сообщаемого (как невозможного), а скорее выражает удивление и заинтересованность. Правда, при строго формальном подходе к делу такая реплика логически уязвима; ср. высказывание Цветаевой, служащее блестящим образцом рассуждения *ab esse ad posse*: *И вдруг — чудо! — быть не может! может, раз есть!*

Это высказывание отражает также установку, в соответствии с которой общие отвлеченные представления о невозможности *p* не имеют силы, если мы видим, что *p* имеет место. Правда, на практике мы часто сталкиваемся с тем, что люди отвергают очевидные факты, основываясь на своих априорных представлениях о невозможности соответствующей ситуации. Однако в этом случае их рассуждения, по общему мнению, не отвечают здравому смыслу; в пародийной передаче они выглядят так: *Этого нет потому, что этого не может быть, а этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.*

Апеллировать к невозможности *p* для обоснования того, что *p* не имеет места, принято лишь в случае, если речь идет о чисто логической (аналитической) невозможности, связанной непосредственно со значением употребленных в высказывании слов: *Мятеж не может кончиться удачей. В противном случае зовут его иначе* (С. Маршак). В репликах Короля-отца из пьесы Е. Шварца также содержатся утверждения о логической несовместимости субъекта *король* и ряда предикатов; эти утверждения очевидным (для говорящего) образом не подвержены опровержению эмпирическими фактами:

Принцесса. *Отец, ну хоть раз в жизни поверь мне. Я тебе даю честное слово: жених — идиот!*

Король-отец. *Король не может быть идиотом, дочка. Король всегда мудр.*

Принцесса. *Но он толстый!*

Король-отец. *Дочка, король не может быть толстым. Это называется «величавый».*

Принцесса. *Он глухой, по-моему! Я ругаюсь, а он не слышит и ржет.*

Король-отец. *Король не может ржать. Это он милостиво улыбается.*

Такое же уточнение выбранного способа выражения содержится в следующем рассуждении Цветаевой (о творчестве художницы Н. Гончаровой): «Раз повторяет вещь, значит нужно. Но повторить вещь не-

планов мы сделаем невозможное возможным и в кратчайшее время станем сильнейшей индустриализированной страной в мире. Впрочем, здесь очевидно и некоторое сближение алетической и деонтической возможности, так что не случайно Н. Валентинов заметил: «...Ход мысли Пятакова неумолимо приводил к выводу, что, раз все возможно, тогда и «все позволено».

возможно, значит не повторяет. Что же делает, если не повторяет? Делает другое что-то. Что именно? К вещи возвращается».

Однако в подобных случаях речь не идет о том, чтобы отвергать наблюдаемые факты; отвергается только способ говорить о них. Во всех остальных случаях лишь умозаключения *ab esse ad posse* в духе приведенной выше реплики Цветаевой (...*Может, раз есть!*), воспринимаются как логически безупречные и абсолютно убедительные. И, отвлекаясь от парадоксальных утверждений о «возможности невозможного», мы могли бы считать, что для алетической возможности (в отличие от деонтической) умозаключения *ab esse ad posse* логически правильны.

Итак, с точки зрения логики алетическая и деонтическая возможности ведут себя неодинаково. Насколько же различие между ними оказывается лингвистически существенным?

Средства выражения обеих разновидностей онтологической возможности во многом совпадают. Помимо глагола *мочь* сюда относится, например, слово *можно*; ср.: *В такую погоду можно промочить ноги* (алетическая возможность); *Когда человек знаменит, ему все можно* (Э. Кестнер, пер. К. Богатырева — деонтическая возможность). Но различие алетической и деонтической возможности значимо постольку, поскольку для каждой из них обнаруживаются специальные средства выражения. Для алетической возможности это слова типа *способен, в состоянии*, а также потенциальное употребление глагольных форм (*Бутылка вмещает [= 'может вместить'] 0,7 литра; Справлюсь [= 'могу справиться'] с двоими, а разозлит — и с тремя* (В. Маяковский); *Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал [= 'мог писать']*), прилагательные (нередко причастного происхождения): *достижимый, терпимый, горючий, транспортабельный* и т. п. Специальными средствами выражения деонтической возможности служат слова *разрешить, позволить*.

Алетическая и деонтическая возможности различным образом ведут себя в отношении некоторых типов речевых актов. Наличие деонтической возможности обычно зависит от специального акта, «разрешения». Поэтому показатели деонтической возможности способны к перформативному употреблению в специальных речевых актах — пермиссивах: *Разрешаю...; Настоящим разрешается...* и т. п. В пермиссивах, как и во многих других речевых актах, употребление перформативного глагола не обязательно: ср. пермиссивное употребление глагола *мочь* (*Можете идти*) или императива несовершенного вида (*Можно идти? — И д и т е; Делай, что хочешь; Я налью, а вы не пейте [= можете не пить]*¹⁴²).

¹⁴² Этот пример, принадлежащий В. А. Успенскому, показывает, что трактовка В. С. Храковским и А. П. Володиным [1986: 148] отрицательно-императивных форм как всегда выражающих запрет нуждается в уточнении.

Поскольку деонтическая возможность находится под контролем лица, дающего «разрешение», соответствующие пропозиции свободно употребляются в побудительных речевых актах, обращенных к «контролеру»: *Разреши...; Позволь...;* ср. также употребление вопросительных предложений в значении побуждения: *Можно пройти?* (= 'позвольте пройти').

Пропозиции, выражающие алетическую возможность, употребляются в побудительных речевых актах значительно реже — только в пожеланиях, когда говорящий присваивает себе «контроль» над ситуацией: *Пусть будет в силах волюю пить и еще более любить, но пусть любви от уваженья сама не сможет отличить!* (Ю. Степанов), — и молитвах (поскольку, на самом деле, лишь Бог держит под контролем алетическую возможность): *дай мне силы...* (= 'сделай так, чтобы я мог...').

Таким образом, различие между деонтической и алетической возможностью отражается в языке. Не всегда это различие оказывается достаточно четким, в ряде случаев, как мы уже видели, мы не можем однозначно отнести модализованное высказывание с показателем онтологической возможности к одному из двух типов. Дело осложняется еще и тем, что внутри алетической и деонтической возможности выделяются разные типы. Так, для деонтической модальности существенно различие между «персоноцентрическими» и «социоцентрическими» показателями (правда, для деонтической возможности разграничения оказываются менее четкими, нежели для деонтической необходимости: ср. «социоцентрическое» *положено* и «персоноцентрическое» *велено*). Для алетической модальности существенно различие между «активной» возможностью (способностью) и «пассивной» возможностью. «Активная» возможность имеет место, если р должно возникнуть в результате целенаправленных действий, «пассивная» — если р неконтролируемо. В русском языке есть показатели, пригодные для указания только на «активную» возможность: *способен, в состоянии*, глагол *смочь*. При этом производитель соответствующих целенаправленных действий не обязательно совпадает с субъектом предложения; ср.: *Только тогда словарь сможет выполнить свою задачу.*

З а м е ч а н и е. Иногда считают, что употребление глагола совершенного вида *смочь* является инновацией, не соответствующей нормам литературного языка. Упомянем точку зрения К. Чуковского, приведенную Сим. Дрейденем: «Смог», «смогли» — такие словообразования Корней Чуковский не переносил. Он утверждал, что глагол «мочь» не имеет в русском языке совершенного вида. Требовал: «я к вам вчера прийти не мог»; говорил: «Ну еще в будущем времени — кое-как: смогу. Но в прошедшем — только мог», — и высказыва-

ние И. С. Соколова-Микитова, приводимое В. Я. Лакшиным: «*Мы сможем вам помочь...*» — сказала пришедшая делать ему укол медсестра. «*Можем*», а не «*сможем*», — буркает после ее ухода Иван Сергеевич. И обращается ко мне: «*Сейчас в ходу это „сможем“... „Мы сможем построить“*». А русскому человеку хвастовство чуждо...». Однако на самом деле глагол *смочь* и в прошедшем, и в будущем времени свободно употребляется в русской классической литературе. Ср.: *Удостоверясь, что медведь убит, стал тащить его из берлоги, но не смог* (А. Пушкин); *Если я не смогу идти далее, то покинь меня здесь* (М. Загошкин); *Для себя не умеющий — для другого смог* (М. Цветаева).

В некоторых случаях глагол *смочь* действительно можно заменить на *мочь* (ср.: *Я рад, что смог/мог вам помочь*), но нередко такая замена полностью меняет смысл высказывания: ср.: *Иван смог выиграть* (имплицитно «Иван выиграл») и *Иван мог выиграть* (такой имплицитации нет; более того, как отмечалось выше, такое высказывание более уместно, если Иван не воспользовался своим шансом, т. е. не смог выиграть). В прошедшем времени *смочь* — имплицитивный глагол (по Карттунену): *Х смог сделать Y* имплицитно «Х сделал Y», а *Х не смог сделать Y* имплицитно «Х не сделал Y». В будущем времени *смочь* не имеет свойства имплицитивности; ср.: *Если я стану доктором, то я смогу выписывать книги из-за границы. — А будешь? — Не важно, существенно, что у меня будет эта возможность*.

Возвращаясь к разновидностям алетической и деонтической возможности, отметим, что их число практически безгранично. Деонтическая возможность и необходимость могут определяться моралью, правом, требованиями начальства; виды алетической модальности еще более разнообразны и могут вступать в противоречие. Из общей способности (и, следовательно, возможности) X-а делать р плюс наличия желания делать р не следует возможность для X-а делать р в данный момент. Так, Андрей Белый, говоря в своей речи о Блоке (передаваемой Цветаевой): *Я не могу писать! Я должен стоять в очереди за воблой! Я писать хочу! Но я и есть хочу!* — не имеет, разумеется, в виду своей субъективной (общей) неспособности писать (несколько выше он говорит: *Я писатель русской земли!... Я написал «Петербург», — и т. п.*); он говорит об объективных препятствиях, обуславливающих конкретную невозможность писать в данное время.

В случае, когда это необходимо, можно уточнить, какая разновидность алетической модальности имеется в виду; ср.: «Подчинение исламу активной части христианского мира в Средние века было бы великим и, по счастью, невозможным бедствием. Под невозможностью

я разумею здесь не отвлеченно-логическую (отчего бы, отвлеченно говоря, с целою Европою не могло случиться того же, что случилось с Западною Азией, Северною Африкой и юго-восточным краем той же Европы), а реально-историческую, зависевшую от жизненной крепости западных и северных христианских народов...» (Вл. Соловьев). Ср. также различие при помощи соответствующих детерминантов теоретической, практической, морально-этической возможности и т. п.: *Я его органически не могу выносить; Писать тебе у меня не было физической возможности; Это можно лишь теоретически, а практически нет* и т. п. Иногда дифференциация видов возможности проводится путем употребления различных предикатов (ср. упоминавшиеся выше специфические показатели: *быть способным, иметь возможность* — для алетической (не)возможности и *иметь право, не сместь* и др. — для деонтической), например: *...но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя* (Ф. Достоевский); *Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить?* (Ф. Достоевский).

Во многих случаях, однако, употребляют универсальные предикаты *мочь, (не)возможно* без дальнейшей конкретизации — либо потому, что она ясна из контекста, либо потому, что она оказывается не существенной в данном случае. Более того, даже в отношении двух наиболее противопоставленных разновидностей онтологической возможности — алетической и деонтической — следует говорить, скорее, о «семантической диффузности» в смысле работы [Шмелев 1973], чем о неоднозначности. Об этом свидетельствует полная нормальность высказываний, в которых одно и то же модальное выражение обозначает одновременно и тот, и другой вид (не)возможности — причем различие между ними ощутимо лишь в результате специального анализа, а для обычного адресата (не лингвиста и не логика), собственно, может не иметь значения; ср. следующий пассаж из Цветаевой: *К чему лукавить? Да к тому, чтобы торжествовать! А торжествовать — к чему? А вот на это, действительно, нет ответа для Татьяны — внятного, и опять она стоит, в зачарованном кругу залы, как тогда — в зачарованном кругу сада, — в зачарованном кругу своего любовного одиночества, тогда — непонадобившаяся, сейчас — вожделенная, и тогда и ныне — любящая и любимой быть не могущая.*

Редукционистский логический анализ обнаруживает в последних строчках совмещение двух пропозиций:

- 1) Тогда не р, и невозможно р;
- 2) Ныне р и невозможно р,

где р — «Татьяна любима Онегиным».

Для первой пропозиции, вообще говоря, не исключено деонтическое прочтение, однако и автор, и возможный адресат прекрасно знают,

что речь идет о психологической (тогдашнее равнодушие Онегина) т. е. не-деонтической возможности; для второй пропозиции единственно возможной оказывается деонтическая интерпретация (не только потому, что мы помним: *Вы должны... меня оставить; я другому отдана; Я буду век ему верна*), но и потому, что в противном случае было бы прямое противоречие: $p \ \&$ (алетически) невозможно p . Таким образом мы видим, что две пропозиции с алетической и с деонтической возможностью: «Тогда не- p и (алетически) невозможно $p \ \&$ (ныне) p и (деонтически) невозможно p », — допускают сочинительное сокращение. Это указывает на диффузность, а не на неоднозначность.

Как бы то ни было, различие двух типов онтологической возможности: алетической, для которой действует закон *ab esse ad posse*, и деонтической, к которой такие умозаключения неприменимы, — остается лингвистически и логически значимым.

Сказанное объясняет тот факт, что в ситуации, когда p заведомо имеет место, высказывание ‘ p деонтически возможно (разрешено)’ уместно, а высказывание ‘ p алетически возможно’ часто оказывается неуместным. Иными словами, зная, что X сделал Y , мы можем обсуждать, имел ли право X сделать Y , но обычно неуместно (поскольку неинформативно) сообщать, что X был в состоянии сделать Y . Если же мы говорим, что ‘ p алетически возможно’, это подразумевает (в силу постулата количества по Грайсу), что мы не знаем, p или не p , или даже достоверно знаем, что не p . Иначе говоря, высказывание ‘ p (алетически) возможно’ имеет в качестве речевых импликатур ‘не- p (алетически) возможно, и неверно, что говорящему достоверно известно, что p ’. Реплика князя Звездича, благодарного Арбенину, который отыграл проигранные княжеские деньги: *Но проигратъся вы могли*, — уместна именно потому, что известно, что Арбенин не проигрался. Неуместным в данной ситуации (хотя и не ложным!) было бы высказывание: *Вы могли выиграть*.

Впрочем, естественноречевые высказывания вида ‘ $p \ \& \ M_p$ ’ не являются абсолютно запрещенными. В особых условиях утверждение о возможности некоторого события, непосредственно следующее за сообщением о том, что данное событие произошло, может выполнять специальное коммуникативное задание. Так, если мы услышим последовательность приводимых ниже высказываний (5—6), то сама неинформативность, кажущаяся избыточность высказывания (6) наведет нас на мысль о том, что говорящий, произнося его после (5), хотел выразить (косвенным образом) некоторый добавочный смысл. В данном случае наиболее вероятно, что мы «прочтем» в высказывании (6) не содержащийся в нем буквально смысл ‘Теперь X -а смутить невозможно’:

(5) *Это смутило X-а.*

(6) *В то время смутить его было можно.*

Ср. похожий по содержанию и построению реальный текст, в котором последнее предложение выражает названный выше «дополнительный смысл» уже и при помощи конвенциональной (а не только речевой) имплицатуры, связанной со словом *еще*: *...А насмешливый голос звучит, и каждое слово больно стегает С. ... Этот неожиданно возникший в стенах Института голос поразил и смутил того, к кому обращался. В те годы смутить С. еще было возможно* (Н. Ильина).

Ясно, что никакой избыточности или прагматической неуместности в только что приведенном тексте нет.

Имплицатуры, о которых шла речь выше ('р [алетически] возможно' наводит на мысль, что 'не-р возможно', или что 'говорящий думает, что не-р возможно', или даже что 'не р'), как и всякие речевые имплицатуры, могут погашаться в соответствующем контексте. Ср., например: *То, что крестьяне во все это могли и должны были верить, очень понятно. Потому: баре, бояре, они всегда и отбоярятся — все логично* (С. Рассадин). Ср. также такие конструкции, как *р не только возможно, но и необходимо* или *р не только может быть, но и есть*. Примером могут служить такие высказывания: *Но может ли это сознание перейти в дело? Не только может, но отчасти и переходит* (Вл. Соловьев); *Разве не может быть стихотворение, которое одновременно и анапест, и тактовик? Не только может быть, но непременно так и бывает («непременно» — для русского языка)* (М. Панов).

Нет имплицатуры 'неверно, что говорящему известно, что р' и в таких высказываниях, как *Я рад, что мог вам помочь*. Это высказывание почти эквивалентно высказыванию *Я рад, что помог вам*. Более того, форма *Я рад, что мог вам помочь* воспринимается как значительно более вежливая. Это связано с тем, что выражением *Я рад, что помог вам* говорящий подчеркивает свои заслуги, умиляется собственному поступку; а используя выражение *Я рад, что мог вам помочь*, говорящий дает понять, что наличие доброй воли подразумевается само собою; радость здесь вызвана отсутствием препятствий для проявления этой доброй воли. Если же речь идет о помощи, оказанной говорящему другим лицом, основанием радости является, в первую очередь, наличие доброй воли, и поэтому более уместно сказать: *Я рад, что вы помогли мне*, — а не *?Я рад, что вы могли мне помочь*. В этом случае одно наличие возможности не обеспечивает оказания помощи; конструкция с глаголом *мочь* естественно выглядит, например, в таком высказывании: *Мне жаль, что он мог мне помочь, но не пожелал*¹⁴³.

¹⁴³ Ср. совсем недавний пример, в котором *мог* означает *сделал*: «крамольная» строчка *Был сын толпы и демагог. Неужели Аполлон Григорьев мог назвать Иисуса Христа демагогом* (т. е. тем, кто прибегает к демагогии, об-

Разумеется, указанная речевая импликатура высказывания вида *р* возможно (имплицуруется: 'неверно, что говорящему достоверно известно, что *р*') погашается в тех случаях, когда естественно-языковой показатель возможности употребляется в «кванторном» значении (квантификация объектов или моментов времени). Когда Солженицын говорит: «Художник никому ничего не должен, но больно видеть, как *может* (выделено Солженицыным. — Т. Б., А. Ш.) он, уходя в своесозданные миры или в пространства субъективных капризов, отдавать реальный мир в руки людей корыстных, а то и ничтожных, а то и безумных», — ясно, что ему «больно видеть» не сама «возможность», а случаи, когда эта возможность реализуется — когда некоторые писатели действительно «отдают мир» в руки корыстных, ничтожных или безумных людей. Аналогичное «кванторное» значение имеет глагол *мочь* и в следующем примере: *Дорогой покойник мог часами нести [= 'часами нес'] всевозможный вздор, но так, что все жадно ловили каждое его слово* (М. Алданов).

Таким образом, высказывания с глаголом *мочь* часто оказываются двузначными: они могут пониматься как констатация возможности, т. е. с речевой импликатурой нереализованности возможности, или, наоборот, как констатация имевших место фактов. Для разрешения неоднозначности может использоваться ирреальное наклонение, указывающее на то, что возможность не реализовалась, — ср.: *Он мог бы снять лучший театр Парижа, и люди съехались бы со всех концов земли, чтобы в последний раз послушать Листа* (М. Алданов).

Итак, рассматриваемые импликации высказываний с показателями алетической возможности нередко погашаются, и поэтому (в частности) их следует рассматривать именно как речевые (а не конвенциональные) импликации. Они возникают по общему правилу — следствию постулата количества; более слабое высказывание имеет речевую импликацию: более сильное высказывание неверно. Таким образом, неуместность употребления показателей алетической возможности (но не ложность соответствующей пропозиции!) в ситуации, когда говорящий достоверно знает, что *р*, не опровергает правила *ab esse ad posse* для естественного языка, а, напротив того, именно этим правилом и объясняется.

Эта же закономерность действует и в отношении деонтической возможности. Высказывание *Можно* (или *можешь*) *сделать Y* имеет импликацию '*Y* делать не обязательно' (поскольку «обязательность», или «деонтическая необходимость», сильнее, чем деонтическая возможность), ср., например: *Ну, что ж! если вам не угодно быть пре-*

ману, лживым обещаниям и лести)? Представьте себе, как вам это ни странно может показаться, мог, потому что слово *демагог* еще во 2-й половине XIX в. значило совсем не то, что сейчас» (Н. М. Шанский; разрядка автора).

лестью, ... можете не быть ею (М. Булгаков). Эта импликатура также может погашаться: *Не только можно, но и должно...*¹⁴⁴.

4. ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Как уже говорилось, слова со значением эпистемической возможности (в первую очередь, вводные слова *возможно, быть может* и т. п.) представляют собою не операторы, превращающие немодализованную пропозицию в модализованную, а показатели иллокутивной силы высказывания. Они указывают на то, что соответствующая пропозиция употреблена в составе речевого акта гадательного предположения (гипотезы), и не способны употребляться в речевых актах других типов: сообщениях, вопросах, приказах, просьбах, обещаниях и т. д. «Со стороны» гадательные предположения обычно квалифицируются при помощи глаголов *предложить, высказать предположение, высказать мысль, предложить подумать* о... и т. п.

Условие успешности речевого акта гадательного предположения — говорящий не знает, каково действительное положение дел, а его назначение — предложить адресату речи рассмотреть возможность, соответствующую высказанной гипотезе. Перлокутивный эффект такого речевого акта может быть различным. Если адресат речи не знает, как в действительности обстоит дело, он просто принимает во внимание эту возможность и учитывает ее в дальнейшем. Если же он знает, каково действительное положение вещей, то по законам речевой кооперации он должен сообщить это говорящему, не оставляя его в неведении. В последнем случае ожидаемый перлокутивный эффект у гадательного предположения оказывается таким же, как у вопроса. И тогда в конце соответствующих предложений в письменных текстах ставится вопросительный знак. Однако их, как показал С. Жажа [Žaža 1981], нельзя считать подлинно вопросительными. Об этом свидетельствует, в частности, интонация, отличающаяся от интонации (обще)вопросительных предложений¹⁴⁵.

В том случае, когда истинность соответствующей пропозиции зависит от адресата речи, речевой акт гадательного предположения ис-

¹⁴⁴ Конструкции вида *можно и должно* не всегда представляют собою соединение слабого и сильного утверждения. Иногда это соединение двух видов модальности: алетического *можно* и деонтического *должно*. Ср. два сходных примера из Солженицына: а) *Писатель может многое в своем народе — и должен;* б) *И рот ваш не заткнут. И вам можно и непременно надо было бы кричать.*

¹⁴⁵ «*Вы умрете другой смертью*». — «*Может быть, вы знаете, какой именно?*» — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз (М. Булгаков), — ср. иной просодический контур в собственно вопросе, также возможном в данной ситуации: *Вы знаете, какой именно?* Заметим также, что ирония, о которой говорится в примере из Булгакова, едва ли уместна при вопросах.

пользуется как просьба, совет или предложение: *Может быть, ты сходишь за хлебом?*; *А может быть, тебе стоит уйти на пенсию?*; *Может, не будем обсуждать этот вопрос?* Вопросительный знак, который обычно ставится в конце таких предложений, не должен вводить в заблуждение: мы не имеем здесь дело с «вопросом в значении побуждения». Заметим, что в русском языке употребление вопросительных предложений в значении побуждения конвенционализировано, они включают отрицание (см. главу III.4): *Ты не сходишь за хлебом?*; *Ты не мог бы сходить за хлебом?*; *Не уйти ли тебе на пенсию?*; *Почему бы тебе не подать заявление об уходе?*; *Не отказаться ли нам от обсуждения этого вопроса?* Отсутствие отрицания в рассмотренных ранее примерах как раз и объясняется тем, что здесь в качестве просьбы употреблены не вопросы, а гадательные предположения.

Общим во всех случаях использования гадательных предположений является неуверенность говорящего. Отсутствие у говорящего сведений об истинности пропозиционального содержания гадательного предположения — непереносимое условие употребления показателей иллюкативной силы данного речевого акта (или, что то же, показателей эпистемической возможности), и тем самым соответствующий смысл может рассматриваться как конвенциональная (а не речевая) импликатура соответствующего высказывания. Как и всякая конвенциональная импликатура, она не может погашаться: невозможны конструкции *не только может, но и точно* или тем более *может быть и точно*. Если кто-то хочет сказать, что не следовало ограничиваться гадательным предположением, а можно было высказать более категоричное утверждение, он может выразить эту мысль при помощи конструкции с другим союзом: *не может быть, а точно*. Иными словами, гадательное предположение не является более слабым высказыванием, чем категоричное утверждение, — просто это два разных речевых акта, имеющих разные условия успешности. Тот факт, что показатели эпистемической возможности не превращают немодализованную пропозицию в модализованную (как показатели онтологической возможности), а позволяют употребить пропозицию в составе речевого акта гадательного предположения, объясняет, в частности, отмеченную Е. Р. Иоаннесян [1989] невозможность «нецитатного» употребления этих показателей в сфере действия глаголов пропозициональной установки: **Я знаю, что Петя, возможно, уже уехал*; **Я думаю, что он, может быть, выступит*. С этим же связана и способность показателей эпистемической модальности «навешиваться» на любую пропозицию (в том числе модализованную), и прочие особенности их функционирования.

Неуместность использования гадательных предположений с пропозициональным содержанием *p* в ситуации, когда истинность *p* достоверно известно говорящему, определяется совсем другими факторами, нежели неуместность утверждений, что *p* онтологически возможно. Ес-

ли неуместность утверждений с показателями онтологической возможности определяется общими законами речевого общения (постулаты количества), то аномальность гадательных предположений вытекает из правил употребления соответствующих модальных показателей.

Достоверно зная, что *p*, говорящий может употребить показатель эпистемической возможности лишь при смещенной эмпатии. Это может происходить, когда говорящий не слишком вежливо «ставит на место» адресата речи, подчеркивая его некомпетентность судить о вещах, касающихся говорящего¹⁴⁶. Этот способ выражения социально окрашен, он имеет несколько «склочный» оттенок (в частности, к нему часто прибегают персонажи Зоценко). Прибегая к этому приему речевой демагогии, говорящий дает понять, что адресат речи судит о вещах, о которых ничего не знает, и при этом не принимает во внимание некоторую очевидную возможность. Эта возможность и предлагается его вниманию, так что цель здесь, в общем, та же, что и в других случаях высказывания гадательных предположений.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделаем краткие выводы.

«Возможность» в русском языке подразделяется на онтологическую возможность (потенциальность) и возможность, которую мы условно называли эпистемической (проблематичность). Значение показателей онтологической возможности может быть более или менее

¹⁴⁶ В других случаях эпистемические суждения возможности/невозможности, относящиеся к первому лицу, уместны в том случае, если оценивается не сама возможность события, участником которого был (или является) говорящий, а, например, в случае оценки собственных действий (в которой говорящий может быть не уверен), в случае той или иной квалификации его ощущений (например, при авторефлексии) и т. п.: *Неосторожно, быть может, поступила я* (А. Пушкин); *Я, может быть, не так себя вел* (Андрей Белый, в пересказе М. Цветаевой); *Я вас люблю любовью брата, а может быть, еще сильнее* и т. п. В других случаях употребление эпистемических показателей по отношению к фактам, о которых говорящий не может не иметь точных сведений, воспринимается как аномальное — даже если употребляются показатели со значением высокой или даже полной степени достоверности. Так, ответ Дантеса в диалоге, приведенном Вересаевым в кн. «Пушкин в жизни», представляется некорректным не только с этической, но и с грамматической точки зрения: *«Соболевский рассказывал, что виделся с Дантесом, долго говорил и спросил: „дело теперь прошлое, жил ли он с Пушкиной?“ — „Никакого нет сомнения“, — отвечал тот»*. Скорее всего, дело здесь в неудачном переводе французского *sans aucun doute*, которое может употребляться, подобно русским *конечно, разумеется*, не только в речевых актах гадательного предположения, но и в речевых актах подтверждения (конфирмативах).

адекватно представлено при помощи аппарата модальной логики; назначение показателей эпистемической возможности чисто коммуникативное — формулировать речевой акт гадательного предположения, или гипотезы.

Можно различать разные виды онтологической возможности, в то же время отдавая себе отчет, что не для всех употреблений соответствующие различия лингвистически существенны. Для наших целей наиболее существенно различие между алетической и деонтической возможностью. Лишь для алетической возможности действительные состояния мира входят в число рассматриваемых случаев. Поэтому для алетической возможности действует правило *ab esse ad posse*, иллюстрируемое рассуждением Цветаевой *Может, раз есть!* Приведем еще пример такого умозаключения: *Пушкин из всех женщин на свете любил свою няню, которая была не женщина. Из «К няне» Пушкина я на всю жизнь узнала, что старую женщину можно любить больше, чем молодую* (М. Цветаева).

Это безупречное и с точки зрения здравого смысла, и с точки зрения логики рассуждение, почти силлогизм:

Пушкин любил няню ('из всех женщин на свете').
Няня Пушкина — старая женщина (\approx 'не женщина').

Ситуация, когда старая женщина любима (больше, чем молодая) возможна.

Такие выводы *ab esse ad posse* типичны для естественного языка.

Никакие отвлеченные соображения о возможности или невозможности той или иной ситуации не могут сравниться в силе с аргументами *ab esse*. Горнфельд в книге о «Русских женщинах» Некрасова иронизировал над критиками, которые «оценивали законность самого замысла поэта и возможность различных его эпизодов», и продолжал: «О том, что *ab esse ad posse valet consequentia*, что где-то существуют подлинные воспоминания княгини М. Н. Волконской, что они были знакомы Некрасову..., — об этом едва ли подозревал кто-либо из критиков».

Встречаются в практических рассуждениях и эксплицированные умозаключения от необходимости к действительности (чаще в форме 'от невозможности не-р к р'). Ср. полемические замечания С. Рассадина против представлений, рисующих Сухово-Кобылина «законченным дилетантом, который если бы не угодил под арест, то, вероятно, и не взялся бы за перо» («Зачем, ежели нет повода для тоски и не затомило безделье?...»): *Что до ареста, он, как известно, был. Была, не могла не быть и тоска. Не было случайности. Не было безделья. Не было дилетанта.*

Выделенное предложение — типичное рассуждение от необходимости к действительности, не только логически корректное, но и

прагматически уместное, поскольку высказывается в ситуации незнания. В противном случае одно из двух суждений («была тоска» или «не могла не быть тоска») выглядело бы избыточным.

В практических рассуждениях иногда (в определенных ситуациях) используются и умозаключения, ошибочные с точки зрения формальной логики.

Так, презумпция невиновности позволяет и даже предписывает делать заключение *ab incertis ad non esse* 'от незнания — к несуществованию'.

В отвлеченных науках иногда используется вывод *ab posse ad esse*, когда, установив отвлеченную возможность того или иного положения дел, в дальнейшем уже говорят о нем как о чем-то заведомо имеющем место. Он признается законным в рассуждениях о математических объектах, для которых не различается потенциальное и реальное существование, так что доказать, что через любые три точки можно провести окружность, значит доказать, что для любых трех точек существует проходящая через них окружность. Но, скажем, для этимолога или исторического лексикографа такой переход уже выглядит не столь оправданным — ср. критические замечания Т. Филиппова: «Это опять легонькое *ab posse ad esse*, которое мы имели уже случай встретить у Буслаева при объяснении слова *притча*». Полностью недопустим (хотя, как мы видели, реально встречался) такой переход при доказательстве вины подсудимого. Таким образом, заключение *ab posse ad esse*, ошибочное с точки зрения логики, в общем случае неприемлемо и для практических рассуждений. Ср. ответ Солженицына на соображение, что «все в лагере против лагерника, а вот врач — один может ему помочь»: «Но *может* помочь еще не значит: помогает. Может помочь, если захочет, и прораб, и нормировщик, и бухгалтер, и нарядчик, и каптер, и повар, и дневальный — да много ли помогают?»

Гадательные предположения способны участвовать в умозаключениях лишь постольку, поскольку эпистемическая возможность основывается на онтологической. С этим мы сталкивались при рассмотрении судебной практики.

Разнообразные виды возможности имеют в языке сходные средства выражения. Это позволяет использовать их в разного рода языковых играх.

Сюда относятся и неприятзательные каламбуры, как в пьесе Солженицына «Олень и шалашовка»: врачу Мерещуну начальник полярного пункта предлагает отправиться «в областной город без конвою на неделю», и, когда он выражает согласие при помощи клишированного оборота *Это можно* (где *можно* — «персоноцентрический» показатель деонтической возможности), ему говорят: «Не то, что можно, — никак нельзя! Но — сделаем» (здесь *нельзя* одновременно выражает «социоцентрический» запрет и алетическую невозможность, так что *сделаем* означает 'сделаем невозможное'). Особый тип игры с языком представ-

лен в цитированном выше отрывке путевых очерков Ф. Кривина: *Не все то можно, что можно, кое-что из того, что можно, нельзя.*

Возможна и более нарочитая игра с языковыми показателями возможности — как в эпизоде из «Алисы в Зазеркалье», том самом, откуда был заимствован эпитаф: *«Как вы думаете, не собирается ли дождь?» Твидлдам раскрыл большой зонт над собой и над своим братом и посмотрел наверх. «Нет, я не думаю, — сказал он. — По крайней мере не здесь. никоим образом». «Но дождь может пойти снаружи?» «Может — если захочет, — сказал Твидлди. — Мы не возражаем».*

И совсем изощренный пример языковой игры представляет собою беседа Журдена с философом Панкрассом в пьесе Булгакова «Полоумный Журден»:

Журден. Видите ли... я влюблен... Что вы по этому поводу скажете?

Панкрасс. Скажу, что это возможно.

Журден. Очаровательная женщина!

Панкрасс. И это возможно.

Журден. Мне хотелось бы ей написать любовную записку.

Панкрасс. И это возможно. Стихами или прозой?

Журден. Не стихами и не прозой.

Панкрасс. А вот это невозможно.

Журден. Почему?

Панкрасс. Существуют только или стихи или проза. Никак иначе ни писать, ни говорить нельзя.

Дело в том, что реплика *Возможно* в ответ на сообщение, как правило, выражает эпистемическую возможность и является не очень-то вежливой, поскольку выражает недоверие: говорящий продолжает оставаться в эпистемическом состоянии незнания, несмотря на сделанное сообщение. Именно так мы воспринимаем поначалу реплики Панкрасса. И лишь его заключительная реплика показывает, что все содержание предыдущих реплик сводилось к указанию на логическую непротиворечивость сообщений Журдена.

ГЛАВА 3

КОНЦЕПТ ДОЛГА В ПОЛЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ*

Понятию долга посвящены многочисленные философские и морально-этические сочинения, ставящие своей целью показать, в чем состоит долг человека, и убедить читателя выполнять этот долг. Предметом нашей статьи является наивно-языковое представление о долге, реконструируемое из употребления соответствующего существительного в русском языке.

1. ПОЛЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

Чтобы определить место долга в поле долженствования, рассмотрим строение этого поля. Русские высказывания со значением долженствования можно подразделить на два класса в соответствии с общим разграничением эпистемической и онтологической модальности. Речь идет об эпистемическом и онтологическом долженствовании.

Высказывания со значением эпистемического долженствования выражают гипотезы относительно ситуации, о которой у говорящего нет непосредственной информации. Показателями эпистемического долженствования обычно служат вводные слова типа *должно быть, наверно, несомненно*. Их выбор зависит от того, считает ли говорящий косвенные данные, на основании которых он высказывает гипотезу, достаточными для уверенного заключения [Яковлева 1989]. Значение эпистемического долженствования описывается скорее при помощи прагматических категорий, чем средствами модальной логики.

Высказывания онтологического долженствования говорят о ситуациях, в которых имеет место то или иное «долженствование», а именно: если соответствующая пропозиция истинна во всех «случаях», релевантных для данной ситуации, то истинным оказывается и суждение онтологического долженствования.

В зависимости от того, как определяется множество релевантных случаев, можно различать два вида онтологического долженствования.

* Впервые опубликовано: Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991.

ния: алетическое и деонтическое. Алетическое долженствование связано с объективными потенциями реального мира, деонтическое — с нормативным и ненормативным поведением. Алетическое долженствование можно рассматривать как аналог логической необходимости. Однако отличие состоит в том, что естественно-языковое суждение алетического долженствования, как правило, предполагает истинность соответствующей пропозиции не во всех теоретически возможных «случаях», а лишь в «закономерных» (особенно это касается таких показателей, как лексема *должен*). Поэтому возможны такие высказывания, как *Стакан должен был разбиться при падении, но чудом остался цел*. При формально логическом понимании долженствования данное высказывание было бы противоречивым: *должен был разбиться* означало бы «не мог не разбиться». В силу указанного свойства лексемы *должен* во многих случаях содержащие ее высказывания прагматически близки высказываниям эпистемического долженствования: *При падении с такой высоты стакан должен был разбиться* → «скорее всего, разбился». Отличие высказываний алетического долженствования с лексемой *должен* от высказываний эпистемического долженствования отчетливо проявляется лишь в тех случаях, когда речь идет о чем-то достоверно известном говорящему, о математической истине или аналитическом суждении: *Так и должно было случиться; Если это равнобедренный треугольник, его медиана должна совпасть с высотой; Какая же это кружка? У кружки должна быть ручка* (на функционирование лексемы *должен* как показателя алетической необходимости в примерах последнего типа обратили внимание И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер [1991]. В подобных случаях показатели эпистемического долженствования, разумеется, неуместны.

В большей степени близки значению логической необходимости такие показатели алетического долженствования, как *необходимо, неизбежно, обязательно, непременно, с необходимостью*. Каждый из этих показателей характеризуется определенными особенностями языкового поведения. Слово *необходимо* обычно используется в позиции предиката и подчиняет инфинитив или придаточное, вводимое союзом *чтобы* (наречное употребление *необходимо* встречается в основном в логико-математическом жаргоне). Для слова *неизбежно* в равной степени характерны предикативное и наречное употребления; для слова *обязательно* более характерно наречное употребление, а для *непременно* оно единственно возможное. В наречном употреблении рассматриваемые показатели свободно сочетаются с гномическими предикатами, с предикатами сослагательного (кроме *неизбежно*) и повелительного наклонения, а также будущего времени, для указания же на алетическую необходимость в прошлом может использоваться сочетание этих показателей с оператором *должен был*: *Он неизбежно придет; Он неизбежно должен был приехать, но не: *Он неизбежно*

приехал (впрочем, у Пушкина встретилось: *И то, что дозволяешь нежно, и то, что запрещаешь мне, все впечатлелось неизбежно в моей сердечной глубине*, — однако подобное употребление представляется устаревшим).

2. ДОЛГ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДЕОНТИЧЕСКОГО ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

Понятие долга принадлежит сфере деонтического долженствования. Различие между алетическим и деонтическим долженствованием может быть продемонстрировано на примере двух интерпретаций предложения *Учителям должны повысить жалованье*. При алетической интерпретации высказывание может пониматься как сообщение о том, что принято решение о повышении жалованья учителям, так что при закономерном развитии событий жалованье будет повышено. При деонтической интерпретации высказывание сообщает, что, по оценке говорящего, учителям выплачивают слишком низкое жалованье и следует его повысить. Любопытно, что указанная неоднозначность разрешается в контексте глаголов пропозициональной установки: *Я знаю, что учителям должны повысить жалованье* (алетическое понимание); *Я считаю, что учителям должны повысить жалованье* (деонтическое понимание).

В следующем примере¹⁴⁷ иронический эффект возникает из-за того, что алетическое долженствование выдается за деонтическое: *Он — царский министр и поэтому обязан быть глуп, туп, бессловесен и пуглив, — а Риттих нарушил весь кодекс* (А. Солженицын). Закономерность, состоящая в том, что министр неизбежно бывает глуп и т. д., представлена здесь как норма, записанная в некоем «кодексе».

Рассмотрим параметры, позволяющие уточнить место понятия «долг» среди других показателей деонтического долженствования.

Прежде всего показатели долженствования различаются с точки зрения наличия/отсутствия цели, определяющей долженствование. Так, наличие цели — *вырастить детей «настоящими разбойниками»* — определяет долженствование в известном высказывании из пьесы Е. Шварца: *Детей надо баловать — тогда они вырастут настоящими разбойниками*¹⁴⁸. Данное разграничение представляет собою частный случай общего разграничения условного и безусловного долженствования. Например, слово *необходимо* функционирует как показатель условного долженствования (необходимо для чего?), а неиз-

¹⁴⁷ Этот пример упоминается также в указанной работе И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер.

¹⁴⁸ Комический эффект возникает здесь вследствие того, что необходимость стремиться к достижению указанной цели является далеко не очевидной.

бежно — безусловного. В полном соответствии с «внутренней формой» *необходимо* указывает на условие, которое нельзя *обойти*, двигаясь к намеченной цели, а *неизбежно* — на невозможность *избежать* чего-то независимо от поставленной цели (ср. высказывание из одного романа И. Грековой: *В коллективной научной работе разговоры не только неизбежны, но и необходимы*). Не случайно говорят о *необходимых условиях*, но о *неизбежных последствиях*.

В высказываниях со значением условного долженствования стираются грани между разными видами модальности. Так, суждение об условии, необходимом для достижения некоторой цели, можно рассматривать как предписание лицам, ставящим перед собою эту цель, так что совмещаются алетическая и деонтическая модальность¹⁴⁹ (*Если хочешь быть здоров, надо закаляться*). Высказывание типа *Надо быть исключительной душой, чтобы совершить такое преступление перед отечественной литературой* (Н. Глазков) сообщает об алетическом долженствовании, но в ситуации, когда известно, что «преступление» совершено, оно прагматически эквивалентно высказыванию эпистемического долженствования (*≈ Она, несомненно, исключительная дура, раз совершила такое преступление*).

Долг выражает безусловное долженствование, не предполагая посторонней утилитарной цели, ср.: *Чтобы похудеть, необходимо соблюдать диету; Если ты хочешь похудеть, ты должна соблюдать диету, но не: *Если ты хочешь похудеть, твой долг соблюдать диету*. Поэтому долг остается всецело в сфере деонтической модальности, веление долга — всегда этическая проскрипция, которой подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели и не ожидая вознаграждения. Исполнение долга само по себе дает чувство нравственного удовлетворения (ср.: *с сознанием выполненного долга*).

Большинство видов деонтического долженствования возникает с течением времени — в результате специального акта, устанавливающего норму. Подобные нормы Г. Х. фон Вригт называл позитивными нормами. Для выявления разновидностей позитивных норм полезным может оказаться семантический анализ наименований актов, их устанавливающих (*приказ, распоряжение, предписание, команда, повеление* и т. п.). В частности, можно различать персонцентрические и социоцентрические предписания (ср. различие слов *велено* и *положено*). Характерен диалог, приводимый в книге Е. Боннэр «Постскриптум»: *Дело ваше к рассмотрению я принять не могу. — Почему? — Не могу. — Тогда дайте письменный мотивированный отказ, ведь это положено, так написано в кодексе. — Положено, но я не дам мотивированного отказа, не могу. — ...Скажите, а вам на высоком уровне*

¹⁴⁹ Ср. понятия технической нормы и гипотетического императива у Г. Х. фон Вригта [1986].

приказали не принимать моего заявления в суд к рассмотрению? Здесь положено, но не могу фактически означает 'положено, но не велено'.

Временной статус моральных норм несколько иной [Вригт 1986]. Даже если они возникают в результате какого-либо специального акта (например, дается заповедь), они мыслятся как существующие изначально. В частности, это касается понятия «долг»: долг существует априори, независимо от воли его носителя или посторонних лиц.

Обращает на себя внимание межличностный характер долга, проявляющийся в наличии у слова *долг* валентности как для носителя долга (чей долг?), так и для тех, кому выгодно или угодно то, что требуется долгом (долг перед кем?). В зависимости от заполнения второй валентности выявляются разные аспекты долга; при этом вторая валентность факультативна, ее заполнение может быть контекстным (*долг христианина* = долг перед Богом; *гражданский долг* = долг перед родиной¹⁵⁰; по *долгу дружбы* = по долгу перед другом), может вообще не иметь места: *Я только девочка. Мой долг До брачного венца Не забывать, что всюду волк И помнить: я — овца* (М. Цветаева). В отличие от предиката *должен* слово *долг* не допускает смены диатез: *Авторы должны представить статью в срок* → *Статья должна быть представлена в срок*; но *Долг авторов — представить статью в срок* → **Долг статьи — быть представленной в срок*.

Рассматриваемое значение лексемы *долг* (в этом значении *долг* представляет собою *singulare tantum*) следует отличать от *долг/долги*. При этом отметим, что *долг/долги* может употребляться метафорически, например в евангельских притчах. Ср. также: *Я в долгу перед дочерью капитана Миронова* (А. Пушкин); *мысль о неоплатном долге высших классов народу* (Ф. Достоевский). Возможно и диффузное употребление (в смысле [Шмелев 1973]), совмещающее оба указанных значения слова *долг*; например: *Это была прежде всего тема о долге слоя, воспользовавшегося культурой, интеллигенции перед народом... Этот долг должен быть уплачен* (Н. Бердяев); ср. другое возможное продолжение: *Этот долг должен быть исполнен*. Связь обоих значений отмечается и В. И. Далем: «*Общий долг человека* вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина, исполнением этих обязанностей он *в долгу*, они составляют *долг его*, как взятые у кого займы деньги или вещи...» В силу сказанного едва ли можно согласиться с решениями толковых словарей, рассматривающих *долг* (*singulare tantum*) и *долг/долги* как омонимы. В то же время подчеркнем, что предметом нашего рассмотрения является только первое из указанных значений.

¹⁵⁰ Поэтому слова Шингарева: *Надо отдать и хлеб, это священный долг перед родиной*, — Риттих передает так: *Я с величайшим удовлетворением... выслушал ту часть речи члена Думы Шингарева, где он так искренне говорил о призыве к народу, о гражданском долге* (А. Солженицын).

В словарях это значение обычно толкуется как 'обязанность'. В действительности различия в языковом поведении слов *долг* и *обязанность*, как кажется, могут служить свидетельством различий стоящих за ними концептов.

3. ДОЛГ VS. ОБЯЗАННОСТЬ

Прежде всего отметим, что обязанность — нечто условное, определяемое социальными конвенциями, связанное с местом в социальной структуре («Долг неволен, обязанность условна», — писал В. И. Даль). Человек становится носителем обязанности в результате специального акта *возложения* на него этой обязанности или *принятия* им обязанности. Иными словами, обязанность — это позитивная, а не моральная норма (по фон Бригту). Поэтому высказывание типа *Все сотрудники института обязаны прийти на субботник к 10 часам* может пониматься не только как констатирующее, но и как конституирующее соответствующую обязанность (т. е. как своего рода перформатив). На человека могут возлагаться различные обязанности, не случайно слово *обязанность* свободно употребляется во множественном числе.

Долг, как уже говорилось, представляет собою моральную норму, существующую независимо от воли его носителя или каких-либо посторонних лиц. Долгом нельзя кого-либо *обременить*, его нельзя *принять на себя*, как *принимают обет* или *берут обязательства*. Долг можно в какой-то момент *осознать*, можно *счесть* что-то своим *долгом*, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался. Долг просто не может отсутствовать; аномально: **У него же нет никакого долга!* (ср.: *У него же нет никаких обязанностей!*). Можно отрицать наличие конкретной обязанности: *Я не обязан делать это!*¹⁵¹; *В мои обязанности не входит делать это!* или даже *У меня нет обязанности делать это!* Но относительно *долга* можно утверждать только, что он состоит не в этом, а в чем-то другом.

Свои обязанности надо просто *знать* (естественно желание уточнить круг своих обязанностей), долг важно *осознавать* или *чувствовать* (поэтому столь важную роль играет *чувство долга*), прислушиваться к *голосу долга*, к тому, что *повелевает долг*.

Наличие у всякого человека долга, позволяющего выбрать правильную линию поведения, как бы разумеется само собою. Поэтому невоз-

¹⁵¹ Отметим, кстати, что *обязан* в отличие от *должен* не допускает переноса отрицания. Поэтому *не обязан* употребляется вместо *не должен* (последнее могло бы пониматься как 'должен не'), если желательно избежать неоднозначности, например в математических текстах (*Эти точки не обязаны совпадать* = '...могут не совпадать'). В таких случаях *обязан* имеет значение не деонтического (как обычно), а алетического долженствования (в английском языке в этой функции используется оборот *is not bound*).

можно интродуктивные экзистенциальные предложения типа *У него есть определенный долг (ср.: У него есть определенные обязанности). Экзистенциальные предложения со словом *долг* возможны, только если они сообщают о конкретном аспекте долга: *Вспомни, что у тебя есть долг перед семьей!*

Обязанности естественным образом *распределяются* между разными людьми. *Долг* уникален и неделим; нельзя сказать: **Родительский долг в их семье распределялся так: мать учила детей музыке, а отец зарабатывал деньги.* Это связано с тем, что *обязанности* могут мыслиться независимо от субъекта, на которого они лишь *возлагаются*: важно, чтобы они были выполнены, и поэтому кому-то надо поручить их исполнение; они *распределяются* и *перераспределяются*. *Долг* интимно связан с субъектом и в отвлечении от субъекта не существует; можно передать, перепоручить кому-то *обязанности*, но не *долг*. Сообщение, что *X исполняет свой долг*, всегда понимается как сообщение о том, что *X* следует велению долга, тогда как сообщение, что *X исполняет* некие *обязанности*, может пониматься и как сообщение о том, что эти *обязанности* возложены на *X*-а (но не известно, выполняет ли *X* то, что ему предписано).

По *обязанности*, как и по *необходимости*, человек может совершать предосудительные поступки; выполняя свой *долг*, субъект совершает *должное* и становится морально неуязвимым, даже если сам по себе поступок может казаться предосудительным, ср.: *Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи* (А. Пушкин). Названное свойство *долга* позволяет использовать это слово в демагогических целях, для прикрытия неблагоприятных деяний. Так, о советских войсках в Афганистане говорили, что они выполняют *интернациональный долг*, Ф. Искандер иронически называет доносы исполнением *гражданского долга*¹⁵². Сюда же относится использование слова *долг* у А. Солженицына: *Там, где Шингарева ведет партийный долг, он мельчит, а может быть и кривит.*

Долгу человек *повинуется*, но не как раб (не бывает **раб долга*, подобно *рабу страстей*), а в соответствии со своей совестью. Если мы говорим, что человек делает что-то *по обязанности*, это имплицитно 'неохотно'; ср.: *Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению* (А. Пушкин)¹⁵³. Даже когда *обязанность* не противоречит склонности (как у Пушкина: *Отец почитет за счастье и*

¹⁵² Ср. также: *Зато внушали им, что доносительство есть и патриотический долг, и лучшая помощь тому, на кого доносишь* (А. Солженицын).

¹⁵³ Обязывающие предикаты вообще часто имплицитно нежелательность, связанную с ограничением свободы выбора (ср.: Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Указ. соч.), однако эта импликация не является обязательной, ср.: *Сейчас Яконову было не только должно, но и выгодно рассказать генерал-майору об удивительном, непредвиденном успехе с шифратором; ...На столь ответственной лекции ему надлежало, да и интересно бы было присутствовать* (А. Солженицын).

вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество), из склонности она никак не вытекает. Долг может прямо вытекать из зова сердца: *Голосует сердце — я писать обязан по мандату долга* (В. Маяковский). Правда, быть объектом страсти часто более лестно, чем быть объектом долга: страсти *поддаются* (нередко после того как с нею *борются*) вопреки рассудочным соображениям, а долгу *повинуются*, иногда вопреки сердечному влечению (ср. у Цветаевой: *Я тебе не дар, а долг*), — такое происходит, когда «ум с сердцем не в ладу». Во всяком случае, для человека с *чувством долга* именно *голос долга* — высшая инстанция, которая выдает «мандат», определяющий линию поведения. Представление о долге, реконструируемое на основе поведения русского слова *долг*, как нельзя лучше соответствует замечаниям Ф. Уилрайта, сделанным по другому поводу в книге «Метафора и реальность»: «Всякий человек, обладающий нравственным чувством, постоянно ощущает себя чьим-то адресатом — не в том смысле, что он галлюцинирует, а в том смысле, что он внимает некоему тайному беззвучному голосу, воспринимаемому внутренним ухом. Это нечто, лежащее вне желаний, способное иногда подавить или возбудить желание. Так слово (Логос) имеет тенденцию стать слуховым образом, символизирующим правильность, Должное, что придает смысл суждениям морали» [Уилрайт 1990: 105—106].

ЧАСТЬ III

ПРАГМАТИКА И ИЛЛОКУТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 1

О ГРАНИЦАХ И СОДЕРЖАНИИ ПРАГМАТИКИ*

1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Хотя многие аспекты той предметной области, которую охватывает термин «прагматика», вводятся в круг лингвистических интересов отнюдь не впервые (в частности, многое из того, что сейчас мыслится как относящееся к прагматике, фигурировало под названием «риторика»¹⁵⁴ уже в греческой и римской науке¹⁵⁵), само это название лишь недавно получило права гражданства на страницах лингвистических сочинений. Говоря о «лингвистической прагматике» как о «новой области в зарубежном языкознании», авторы весьма информативного обзора, посвященного обсуждению прагматических аспектов языкового функционирования на международных научных конгрессах и конференциях 1970—1979 годов [Бахнян и др. 1981], условно относят начало интенсивного развития этой области к 1970 г. — времени проведения Международного симпозиума по прагматике естественных языков (материалы симпозиума см. в [Pragmatics... 1971]).

Можно сомневаться в том, что лингвистическая прагматика существует в настоящее время в качестве самостоятельного и целостного направления с четко очерченной и принимаемой всеми программой исследования¹⁵⁶; скорее речь может идти о нескольких различных,

* Впервые опубликовано: Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, т. 40, № 4.

¹⁵⁴ Ср. употребление выражения «новая риторика» в [Pragmatics... 1971].

¹⁵⁵ Ср. современное понятие внешней обусловленности различных языковых (в частности, стилистических) явлений экстралингвистическими факторами общественной интеракции [Kraus 1978] и понятие «соразмерности» классической риторики (лат. *arsum*, греч. *ρῆτορ*), имеющее в виду как внутриязыковое отношение между содержанием и формой речи, так и внеязыковую зависимость оратора и публики (учет социальных и психических свойств которой считался необходимым для достижения главной цели ораторского выступления — убедить слушателя: *ad persuadendum accomodate dicere*).

¹⁵⁶ Следует также учитывать возможность чисто теоретических сомнений в существовании (хотя бы в перспективе) «лингвистической прагматики». Так, с одной стороны, некоторые авторы считают, что «заниматься прагмати-

возникающих независимо друг от друга течениях (часто перекрещивающихся, иногда сливающихся, но нередко и сталкивающихся друг с другом), объединенных лишь самым общим представлением относительно необходимости учитывать в лингвистическом исследовании человеческий фактор. Несомненно, однако, что развитие науки о языке в прошедшее десятилетие было отмечено вполне определенным переключением внимания многих лингвистов с вопросов, касающихся того, «как устроен язык», на выяснение того, «как он функционирует».

Сам термин «прагматика» был создан более сорока лет тому назад Чарльзом Моррисом. Следуя программе, очерченной еще Пирсом, Моррис ввел термины «синтактика» (позднее — синтаксис), «семантика» и «прагматика» в качестве обозначений трех основных компонентов семиотики: «синтактика» изучает «формальные отношения знаков друг к другу», семантика — «отношения знаков к объектам, к которым применимы знаки», прагматика — «отношения знаков к тем, кто их интерпретирует [Morris 1938: 6]. В более поздней работе, отметив, что термины «прагматика», «семантика» и «синтактика» успели уже приобрести «двусмысленность, которая грозит скорее затемнить, чем сделать более ясными проблемы данной области, так как употребляются одними авторами для обозначения подразделов самой семиотики, а другими — для обозначения видов знаков в тех языках, с которыми имеет дело семиотика» [Morris 1971: 217], Моррис определяет семантику как исследование сигнификации, имеющее в виду «означивание» всех возможных видов («the signification of signs in all modes of signifying»), а прагматику как исследование «образования, использования и воздействия знаков» («the origin, uses, and effects of signs») [Morris 1971: 218—219].

Моррисовское трехчастное деление было воспринято (в применении к естественным языкам и логическим исчислениям) Р. Карнапом, что, несомненно, способствовало его дальнейшей популяризации в философии. Определение Карнапа ближе к ранней формулировке Морриса: «Если в исследовании делается эксплицитная ссылка на говорящего или, в более общих терминах, на человека, пользующегося язы-

кой значит просто заниматься лингвистикой и наоборот. Прагматический «аспект» не может быть ни отделен от «собственно» лингвистики, ни отложен до лучших времен, ни добавлен в качестве некоторого нового компонента. Прагматика — это далеко не аспект лингвистического исследования, это самая его сущность. Нельзя не противостоять с этих позиций тенденции «чистой» (или «теоретической») лингвистики абстрагироваться от связанных с обществом (social) факторов [Haberland, Mey 1977: 8]. С другой стороны высказывается мнение, что «речевые акты» (наиболее вероятный в настоящее время предмет лингвистической прагматики) могут адекватно исследоваться лишь в рамках общей теории, рассматривающей правила и структуру социального взаимодействия (общественной интеракции), но что задача построения такой теории лежит вне компетенции лингвистика или философа языка [Bierwisch 1980: 15]. Очевидно, что как для той, так и для другой позиции понятие «лингвистической прагматики» оказывается бессодержательным.

ком, то это относится к области прагматики... Если мы отвлекаемся от тех, кто пользуется языком, и анализируем только выражения и их десигнаты, то мы с сфере семантики. И, наконец, если мы отвлекаемся от десигнатов и исследуем только отношения между выражениями, то мы в сфере (логического) синтаксиса» (цит. по [Readings... 1974: 17]). Карнап добавил к моррисовской трихотомии еще одно разграничение, предложив различать «чистое» (или формальное) и «описательное» (или эмпирическое) исследование. «Чистое» исследование связано с построением искусственных знаковых систем, а «описательное» — с эмпирическим изучением реальных, т. е. «исторически данных (естественных) языков». Для Карнапа существовали «чистая семантика» (которую он называл просто семантикой) и «чистый синтаксис», с одной стороны, и «прагматика» — к которой он был склонен относить все эмпирические (т. е. собственно лингвистические) исследования, — с другой. Так, он говорил о прагматике и семантике как о «двух фундаментально различных формах» «анализа значений выражений»; первая форма, т. е. прагматика, относится «к эмпирическому исследованию исторически данных естественных языков», а вторая, т. е. (чистая) семантика, «к изучению языковых систем, задаваемых с помощью их правил». Что касается описательной семантики, то она, как пишет Карнап [1959: 334], «может рассматриваться как часть прагматики». Позднее было выдвинуто (принятое Карнапом) предложение распространить разграничение между «чистым» и «описательным» подходами также и на прагматику [Philosophy... 1963]. В дальнейшем в рамках формальной логики и философии (в частности — в работах Монтегю, Льюиса, Крессвелла и др. — [Montague 1970; Formal... 1979]) были предприняты попытки построения «чистой», или, как ее чаще называют, «формальной прагматики» (см. [Formal... 1979]). Специальное внимание в работах данного направления уделяется так называемым индексальным (т. е. дейктическим) выражениям («эгоцентрическим спецификаторам», по Расселу), что связано с развиваемой этим направлением концепцией семантики. Согласно этой концепции, язык представляет собой интерпретированную формальную систему, — интерпретация состоит в том, чтобы приписать денотацию каждому выражению, принадлежащему данной системе. Знание выражения определяется в терминах тех объектов, которые оно обозначает, т. е. в терминах классов соответствующих денотатов. Так, предложение *Идет дождь* обозначает (денотирует) класс ситуаций, в которых идет дождь, т. е. пропозицию, что идет дождь. Особый прагматический статус индексальных выражений (на который, кажется, впервые обратил внимание ученик Карнапа Бар-Хиллел [Bar-Hillel 1954], определяется тем, что их «значение» (в указанном выше понимании), а также и условия истинности соответствующих пропозиций не могут быть определены без обращения к конкретной ситуации общения (к контексту их употребления).

Отвлекаясь от этих специфических логико-философских аспектов интерпретации индексальных элементов, заметим, что они представляют собой весьма значительный интерес в собственно лингвистическом плане. Индексальные элементы (к которым относятся, конечно, не только местоимения и наречия типа *здесь* и *теперь*, но и многие другие пространственные и временные «эгоцентрические спецификаторы») обнаруживаются иногда в виде «скрытых категорий» — во многих, часто неожиданных участках языковой системы.

Укажем в этой связи на отмеченное Ю. Д. Апресяном [1980] смысловое различие между совершенным и несовершенным видом (в русском языке), представленное в парах типа: *кончатся* — *кончиться*, *начинаться* — *начаться*, *доходить* — *дойти*, *обрываться* — *оборваться*, *поворачивать* — *повернуть*, описывающих пространственные отношения (например: *Дорога кончалась около леса.* — *Дорога кончилась около леса;* *У верстового столба дорога поворачивает на юг.* — *У верстового столба дорога повернула на юг*). В толкование совершенного вида в данном типе употребления входит указание на фигуру наблюдателя, которая вводится говорящим в число объектов описываемой им ситуации действительности (или, добавим, с которой идентифицирует себя говорящий — ср. понятие «эмпатии»).

Это интересное наблюдение, опровергающее, между прочим, представление о недейктическом характере грамматической категории вида, отличающем вид от времени (ср. [Lyons 1977: 705]), свидетельствует о том, что адекватное описание видового противопоставления в русском языке требует обращения к прагматическим понятиям (ср. отнесение к прагматике «законов, зависящих от позиции наблюдателя» в работе Ю. С. Степанова [1971: 104]).

Вплоть до последнего времени моррисовское трехчастное членение фигурировало только в общих руководствах по семиотике и энциклопедических справочниках, а в дескриптивных описаниях конкретных знаковых систем, в частности, естественных языков, в общем почти не применялось. Были, правда, попытки пересмотреть соссоровскую концепцию знака на основе моррисовского деления — в частности, предлагалось считать знак не двусторонней, а четырехсторонней сущностью — т. е. включать в (естественно-языковой) знак его «синтактику» (сведения о нестандартной, т. е. семантически необусловленной, сочетаемости знаков) и «прагматику» (стилевые указания, смысловые и эмоциональные коннотации и т. п.) [Мельчук 1975: 16 и сл.], но это предложение (в отношении прагматического компонента) реализовано не было.

2. ПРАГМАТИКА И ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В течение длительного периода исследование индексальных элементов человеческого языка считалось основной, если не единственной, задачей прагматики. В последнее время, однако, в задачи прагма-

тики стали включать исследование общих принципов интерпретации речевых актов¹⁵⁷ (рассматриваемых как подкласс коммуникативных — не обязательно вербальных — актов, которые, в свою очередь, представляют собой частный случай межличностного взаимодействия), в частности — проблемы интерпретации намерения говорящего, обнаруживаемого за буквальным значением языковых выражений. (Вопрос о правомерности включения проблем такого рода в прагматику, предполагающего их сближение с проблемой исследования индексальных элементов, обсуждается Морганом, который приходит к выводу о наличии естественной связи между задачей установления принципов определения референтов указательных местоимений и дейктических выражений типа *здесь* и *теперь* и задачей выявления намерений, интересов и целей, преследуемых говорящим [Morgan 1978: 264].)

Теория речевых актов, связанная с именами таких философов повседневного языка, как Остин, Серль, Грайс и др., является в настоящее время наиболее популярным предметом обсуждения в прагматическом контексте (хотя сами авторы не были склонны употреблять термин «прагматика» — о причинах этого пишет Серль [Searle 1980: 11]).

Теория речевых актов исходит из того, что основной единицей коммуникации является не предложение или какое-либо другое языковое выражение, а выполнение определенного рода действия, такого, например, как утверждение, просьба, вопрос, приказание, выражение благодарности, извинение, поздравление и т. д. В типичном случае говорящий выполняет одно или одновременно несколько из этих действий путем произнесения предложения или ряда предложений. Однако само действие, сам речевой акт не следует смешивать с предложением или языковыми выражениями, произносимыми при выполнении этого акта. Различные типы речевых актов, примеры которых были только что приведены, называют обычно, вслед за Остином, иллокутивными актами, противопоставляя их актам другого рода — перлокутивным (термин, введенный Остином) и пропозициональным.

Перлокутивный акт — это то воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата. При этом имеется в виду не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые являются результатом этого понимания. Определенное утверждение, или требование, или вопрос, или угроза и т. д. могут изменить запас знаний адресата (если он поверит в истинность сообщаемого и примет к сведению полученное сообщение), могут раздражить или позабавить его, напугать, убедить его в его неправоте, заставить его совершить какой-то поступок или воздержаться от ранее намеченных действий и т. д.

¹⁵⁷ Исследователи, принимающие разграничение между «формальным» и «описательным» подходом внутри прагматики, относят изучение речевых актов к области «описательной прагматики» [Readings... 1974: 19].

Достижение всех этих результатов (не обязательно входящее в намерения говорящего) и есть примеры перлокутивных актов.

Различные иллокутивные акты, например утверждение, часто имеют своей целью достижение определенного перлокутивного эффекта (например, сообщение о чем-то или утверждение имеют в виду убедить в чем-то собеседника, тем более это справедливо для вопроса, просьбы или приказа, направленных на соответствующую вербальную или поведенческую реакцию адресата). Однако в теориях речевых актов специально подчеркивается, что иллокутивный акт, представляющий собой собственно речевой акт, следует четко отграничивать от перлокутивного акта, который может быть, но может и не быть достигнут при помощи языковых средств. Внутри иллокутивных актов различают вспомогательные пропозициональные акты, такие как указание на объект (референция к некоторому объекту) и выражение определенной пропозиции. Это различие между иллокутивным актом и пропозициональным актом основано на том, что одна и та же референция и выражение одной и той же пропозиции могут иметь место в различных иллокутивных актах. Например, в сообщении о некотором лице и в вопросе, касающемся этого же лица, совершается один и тот же акт референции, хотя иллокутивные акты как таковые различны. Подобным образом в высказываниях *Пожалуйста, напишите ему письмо; Вы напишете ему письмо и Напишите ли вы ему письмо?* выражается одна и та же пропозиция, хотя при этом выполняются различные иллокутивные акты — просьба, предсказание (или предписание) и вопрос.

Различение иллокутивного и пропозиционального актов позволяет приписать любому иллокутивному акту логическую структуру $F(p)$, где (p) обозначает пропозициональное содержание иллокутивного акта, а F — его иллокутивную силу. Иллокутивная сила не обязательно выражается эксплицитными языковыми средствами (как в вышеприведенных примерах). Так, например, высказывание *Я уйду не позже семи часов* может быть воспринято в соответствующих условиях как обещание, предупреждение, угроза, предсказание — в каждом случае это высказывание будет выражать одно и то же пропозициональное содержание в соединении с той или иной иллокутивной силой, и, следовательно, мы будем иметь дело с различными иллокутивными актами.

С другой стороны, эксплицитное выражение иллокутивной силы не ограничено грамматическими средствами (к числу которых относятся наклонение, специальная структура вопросительного предложения, интонация).

Весьма интересным классом высказываний, содержащих эксплицитные показатели иллокутивной силы, являются высказывания, которые Остин назвал перформативными, например: *Клянусь гово-*

речь правду, всю правду и только правду; Поздравляю вас с праздником; Сдаюсь; Предлагаю ничью; Предлагаю президиуму занять свои места; Обещаю вести себя хорошо; Благодарю вас за все, что вы для меня сделали; Прошу прощения; Рекомендую к печати; Настоящим доверяю Иванову получить причитающиеся мне деньги; Завещаю библиотеку моим внукам; Заявляю протест; Объявляю перерыв (выговор, благодарность); Прошу руки вашей дочери и т. п.

Перформативные высказывания представлены формально повествовательными предложениями, содержащими (перформативный) глагол в форме 1 л. наст. времени изъявительного наклонения.

В отличие от обычных повествовательных предложений, которые сообщают о чем-то, в частности (если они содержат глагол 1-го лица) описывают действие или состояние говорящего, перформативные высказывания не описывают никакого акта, они и есть сам акт: сказать «поздравляю тебя» равносильно поздравлению (акт поздравления обычно и не может быть выполнен другими, невербальными средствами), сказать «клянусь» значит тем самым поклясться, сказать «благодарю» значит тем самым поблагодарить и т. п. К высказываниям такого рода можно, таким образом, по выражению Ю. С. Степанова [1976: 440], буквально применить характеристику «слово есть дело». Отсюда вытекает интересная с логической точки зрения особенность перформативных высказываний — отсутствие у них истинностного значения: ведь истинными или ложными могут быть высказывания, но не поступки (или, в более общем плане, — пропозициональное содержание, но не иллокутивная сила высказывания). Можно сомневаться в истинности неперформативных высказываний, при помощи которых говорящий сообщает о своих действиях, чувствах, намерениях и т. п., но нельзя усомниться в истинности действия, которое само конституируется соответствующим речевым актом. Ср. несимметричную возможность комментирования высказываний типа *Я люблю вашу дочь* или *Я читаю Остина*, с одной стороны, и типа *Я прошу руки вашей дочери* или *Обещаю не опоздать* — с другой. В первом случае, при передаче слов говорящего, можно их опровергнуть: *Он сказал, что любит мою дочь, но я в этом сильно сомневаюсь*; или: *Он сказал, что читает Остина* (или: *Он сказал: «Я читаю Остина»*), но на самом деле он, по-моему, читал *Поль де Кока*. Во втором случае подобный скепсис решительно неуместен: **Он сказал, что просит руки моей дочери, но я в этом (в чем?) сильно сомневаюсь*; или: **Он сказал: «Обещаю не опоздать»* (или: *Он сказал, что обещает не опоздать*), но в действительности вовсе не обещал этого. Ср. также весьма близкие по смыслу, но все же прагматически различные перформативное и неперформативное высказывания: *Я благодарю вас за критику* и *Я благодарен вам за критику*. Первое является действием (выражением

благодарности), второе — описанием (не обязательно правдивым) чувств говорящего. Поэтому возможно: *Он сказал, что благодарен за критику, но я этому не верю*, — но невозможно: **Он сказал, что благодарит за критику (= Он поблагодарил за критику), но я этому не верю*.

(Заметим, что признак «перформативности» интересен не только в логическом, но и в чисто лингвистическом плане, хотя он и недостаточно изучен с этой точки зрения (см. об этом, например, [Апресян 1980: 28, 37]). Известно, что соответствующий признак был выделен — в качестве лингвистически существенного — Бенвенистом (о близости его идей идеям Остина см., например, [Аругюнова 1976: 52]). Однако пока, кажется, осталось незамеченным полное совпадение «перформативных» высказываний с высказываниями так называемого «коинцидентного» типа, выделенными до Остина Э. Кошмидером еще в 1934 году и с тех пор широко признаваемыми в аспектологической литературе (ср. трактовку «коинциденции» в работах, собранных в [Вопросы... 1962]). Обратим еще внимание на несомненное сходство аспектологических свойств «перформативов» со свойствами глаголов «осуществления» аристотелевской классификации — любопытный факт, также как будто ранее не отмечавшийся в литературе (см. подробнее в главе I.2.2).

В теории речевых актов проводится различие прямых и косвенных актов. В первом случае говорящий говорит именно то, что говорит (в буквальном смысле, т. е. имеет в виду то, что говорит), а во втором он хочет сказать нечто большее, чем говорит (разные смыслы глагола *говорить/сказать*). Хрестоматийный пример такого рода — формально вопросительное предложение *Вы не могли бы передать мне соль?*, обычно используемое в застольной ситуации в качестве выражения просьбы.

Многие из косвенных речевых актов находятся на пути к конвенционализации. Например, фразы типа *Можно предложить вам чашечку кофе?* чаще воспринимаются как предложение (чашечки кофе), а не как вопрос (или испрашивание разрешения), а формально вопросительные предложения (особенно — что касается русского языка — если в их состав входит отрицание) вроде *Нет ли у Вас спичек?*; *Вы не знаете, который час?*; *Вы не могли бы помочь мне с вещами?* являются стандартными выражениями просьбы (одолжить спички; сказать, который час; помочь с вещами). Тем не менее, как убедительно показано в [Morgan 1978], в подобных случаях мы имеем дело не с конвенциями языка, а скорее с конвенциями употребления, имеющими отношение к коммуникативной, но не к собственно языковой компетенции.

Поэтому в случае неадекватной реакции собеседника, основанной на буквальном толковании косвенного речевого акта, не всегда легко инкриминировать ему нарочитое нарушение принципа коммуникатив-

ного сотрудничества (ср., например, «вопрос» учителя, обращенный к ученику, занятому во время объяснений в классе посторонними делами: «Иванов, я тебе не мешаю?» — и «вежливый» ответ: «Нет-нет,нисколько, пожалуйста, продолжайте» или ответ на «вопрос»: «Можно положить тебе салата?» — «Можно, но есть я его не буду» и т. п.)¹⁵⁸.

Интересное развитие теория речевых актов получила в трудах Грайса [Grice 1975; 1978], разработавшего механизмы речевого имплицирования.

По Грайсу, информация, передаваемая в речевом акте, делится на две части. То, что действительно говорится, то, что сказано (в первом значении глагола *говорить/сказать*, не имеющем в виду такое употребление этого глагола, как в примерах вроде: *Что ты хочешь сказать этим замечанием?*; или: *Его реплика говорит о том, что он ничего не понял*), представляет собой логическое содержание высказывания. Для всей остальной части информации, которая может быть извлечена слушающим из конкретного высказывания, Грайс предложил термин «имплицатура», чтобы не смешивать соответствующее явление с импликацией в логическом смысле.

Сами имплицатуры делятся на две разновидности — конвенциональные и неконвенциональные, в частности «имплицатуры общения», или «имплицатуры дискурса» (*conversational implicatures*). Конвенциональные имплицатуры включают все те не связанные с условиями истинности аспекты информации, которые передаются высказыванием только в силу значения содержащихся в нем слов или форм. Конвенциональные имплицатуры (по-видимому, мало отличающиеся от того, что принято называть пресуппозициями) тесно связаны с тем, что говорится (в строгом смысле) в предложении.

Напротив, имплицатуры общения связаны с лингвистическим содержанием высказывания только косвенным образом. Они выводятся из содержания предложения, но обязаны своим существованием тому факту, что участники речевого акта связаны общей целью коммуникативного сотрудничества.

Из общего принципа сотрудничества вытекают некоторые более частные правила речевого общения, которые Грайс назвал коммуникативными постулатами, или «максимами общения» (*conversational maxims*) [Grice 1975: 45 и сл.]:

- 1) постулат количества («Говори так, чтобы твой вклад в беседу был достаточно информативным»; «Не делай его более информативным, чем требуется»);
- 2) постулат качества («Старайся говорить правду»; «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований»);

¹⁵⁸ Интересные примеры нарушения принципа кооперации героями Льюиса Кэрролла анализирует Е. В. Падучева [1982б].

- 3) постулат релевантности («Говори по существу дела»);
- 4) постулат способа выражения («Избегай неясности выражения»; «Избегай двусмысленности», «Будь краток»; «Избегай сумбурности»).

Данные постулаты позволяют говорящему воплотить свое коммуникативное намерение, не прибегая к вербальному выражению того, что может быть выведено («вычислено» — импликатуры общения имеют, по Грайсу, свойство «вычислимости») слушающим при помощи этих постулатов из прямого смысла высказывания. Они призваны объяснить, каким образом «значение говорящего» (т. е. то, что говорящий имеет в виду) может включать нечто большее, чем буквальное значение предложения (как в случае косвенных речевых актов), как оно может отклоняться от буквального значения (как в случае метафоры) или даже быть противоположным ему (как в случае иронии).

Те или иные «импликатуры общения» могут быть связаны с тем, что кажется на первый взгляд нарушением одного или нескольких коммуникативных постулатов, поскольку адресат, исходя из презумпции их соблюдения говорящим, толкует это видимое нарушение как целенаправленное средство «дать понять» ему нечто «без слов».

Так, если на вопрос «Хороший ли ученый X?» собеседник ответит: «X хорошо играет в шахматы», — то это, скорее всего, будет означать, что он невысокого мнения о научных способностях X-а (в противном случае был бы нарушен «постулат релевантности»).

Если на вопрос А: «Говорят, что это короткая, но содержательная статья, как вы считаете?» — Б ответит: «Это действительно короткая статья», то А сделает вывод, что Б не считает статью содержательной (в противном случае был бы нарушен «постулат количества»). Подобным образом высказывание *Она не курит при отце* имплицирует, что она курит, хотя последнее, разумеется, не является частью логического содержания высказывания. Заключение о некрасивости женщины, которое, по наблюдению А. П. Чехова, выводится из высказывания «У нее красивые глаза и волосы», также можно с полным правом отнести к тому, что Грайс считает «импликатурами общения». Понятие «импликатур общения» делает возможным считать предложение однозначным несмотря на то, что соответствующее высказывание может иметь совершенно различные ситуативные эффекты, и, наоборот, считать два предложения, передающие практически одну и ту же информацию, — логически и лингвистически неэквивалентными.

Значение теории речевых актов для лингвистики состоит, таким образом, в частности, в том, что она помогает «разгрузить» семантическое описание, элиминировав из него некоторые компоненты общекоммуникативного происхождения (это отмечается, в частности, в [Падучева 19826]).

3. ГРАНИЦА МЕЖДУ ПРАГМАТИКОЙ И ЛИНГВИСТИКОЙ?

Однако вопрос о границе между прагматикой и семантикой (или шире — грамматикой, или еще шире — лингвистикой) продолжает оставаться весьма спорным.

Исследования, проведенные в рамках теории речевых актов, показали, что значительная часть понимания связана не с языковыми правилами, приписывающими предложению определенное значение на основе значения его компонентов, но с нашей способностью делать заключения о действительном намерении говорящего, не совпадающем с тем, что буквально им «говорится». Можно согласиться с тем, что в этом случае понимание связано не с собственно языковой способностью и объяснение понимания такого рода не является задачей лингвистики [Morgan 1978: 265], оно скорее является частичным описанием тех, кто пользуется языком, и, таким образом, заслуживает названия «прагматика» [Sadock 1978: 284].

Следует, однако, обратить внимание на то, что, когда Грайс употребляет выражение «то, что говорится (сказано)» в данном речевом акте, он имеет в виду логическое содержание высказывания, т. е. тот минимум, который необходим для спецификации условий его истинности. Всю остальную информацию, которая может быть извлечена слушателем из конкретного высказывания, Грайс относит к «импликатурам».

Деление на конвенциональные и «конверсационные» импликатуры (импликатуры общения) проводится внутри одного класса, целиком противопоставленного другой части передаваемой высказыванием информации, равной его логическому содержанию. Значит ли это, что границу между прагматикой и семантикой следует проводить в соответствии с этим первичным противопоставлением?

Многие эксплицитные определения прагматики предполагают положительный ответ на этот вопрос. Так, по мнению Д. Гэздара, прагматика изучает те аспекты значения, которые нельзя объяснить непосредственно условиями истинности высказываний, т. е. прагматика понимается как значение минус условия истинности [Gazdar 1979] (то же положение лежит в основе прагматической концепции Р. Кемпсон [Kempson 1975] и многих других исследователей).

Разграничение семантического и прагматического значений, предполагаемое функционально-истинностной концепцией семантики, очевидно, требует отказа от взгляда, согласно которому изучение прагматического аспекта содержания высказывания выводится за пределы лингвистики. Существует огромное количество языковых единиц, в содержание которых наряду с «семантическими» (в указанном понимании) элементами инкорпорированы «прагматические» (не связанные

с условиями истинности) элементы, и немало таких единиц, содержание которых имеет исключительно «прагматическую» природу. Достаточно назвать лексические единицы типа русских *даже* и *-то* (ср. высказывания *Даже Иван пришел* и *Иван-то пришел*, анализируемые в [Апресян 1980]), *всего (только)* и *целый*, а также, например, *соизволить явиться* (в смысле — ‘прийти’, ‘появиться’), *вырядиться* и т. п.

Так, вклад, который вносят непосредственно противопоставленные квалификаторы *всего* и *целый* в общий смысл высказывания, очевидно, не имеет отношения к условиям истинности (функционально-истинностное значение высказываний *Иван ждал Машу всего час* и *Иван ждал Машу целый час* — один и тот же). Если адресат ставит под сомнение «правильность» употребления говорящим того или другого квалификатора, то сомнение касается лишь уместности соответствующей квалификации, но не истинности выражаемой пропозиции. Ср. следующий диалог героя рассказа Сэлинджера с маленькой девочкой: — *В жизни не видел столько тигров.* — *Их всего шесть,* — сказала Сибилла. — *Всего?* — *переспросил он.* — *По-твоему, это мало?* (Перевод Р. Райт-Ковалевой).

Едва ли, однако, смысловое различие между предложениями *Он ждал ее целых два часа* и *Он ждал ее всего два часа* кто-нибудь согласится считать лингвистически нерелевантным.

Нельзя сомневаться в существенном различии между ассертивной (связанной с условиями истинности) и презумптивной частями значения предложения. Если, однако, относить последнюю к «прагматическим пресуппозициям», необходимо признать, что описание значительной доли «прагматических пресуппозиций» (а именно конвенциональных импликатур, в отличие от неконвенциональных импликатур общения) входит в компетенцию лингвистической теории значения.

Представляется справедливым мнение Моргана [Morgan 1978] и Сейдока [Sadock 1978], что наиболее существенным для определения границ (нелингвистической) прагматики уместно считать различие между арбитрарным (конвенциональным) и естественным (неконвенциональным).

Именно эта дихотомия представляет фундаментальный интерес для грамматики в широком смысле — поскольку грамматика занимается конвенциональными аспектами языкового употребления. Все, что неконвенционально, может представлять интерес для исследователя языка, но оно не должно отражаться в описании языка (лингвистическом), поскольку язык — это конвенциональная знаковая система. Изучение различного рода неконвенциональных импликатур описывает способности людей, пользующихся языком, и может быть отнесено к (нелингвистической) прагматике. Следовательно, когда лингвист сталкивается с тем, что некоторое конкретное языковое выражение передает в некотором конкретном случае то или иное конкретное сообщение,

он должен решить, передается ли данная часть информации конвенциональным или неконвенциональным способом.

Приходится признать, что мы не располагаем пока такой (семантической или прагматической) теорией, которая позволяла бы в любом случае дать однозначный ответ на этот вопрос. Представляется, однако, что поиски критериев разграничения между семантикой и (нелингвистической) прагматикой уместно вести именно в названном направлении.

ГЛАВА 2

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА*

1. РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И ВЫРАЖАЮЩИЕ ИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В современной теории коммуникации принято выделять различные типы речевых актов: обещания, советы, просьбы и т. д. Практически все они относятся к одному из трех классов, выделяемых на основе ожидаемой реакции адресата речи, — вопросам, побуждениям или сообщениям. Если высказывание направлено на то, чтобы получить от адресата речи ответ (вербальную реакцию), оно относится к классу вопросов. Если ожидаемой реакцией является какое-то действие вне рамок диалога, мы имеем дело с побуждением. Наконец, если со стороны адресата речи не предполагается никакой иной реакции, кроме «принятия к сведению» сообщаемой информации, высказывание принадлежит к классу сообщений¹⁵⁹.

Разные типы речевых актов — это не что иное, как разновидности внутри каждого класса высказываний, различающиеся установкой говорящего. Например, внутри класса вопросов различают собственно вопросы и «учительские» вопросы. Оба типа вопросов направлены на то, чтобы получить ответ; однако задавая собственно вопрос, говорящий сам не знает правильного ответа и хочет его узнать, а задавая «учительский» вопрос, говорящий сам знает правильный ответ и хочет проверить, знает ли его адресат речи. Среди побуждений различают просьбы, советы, рекомендации, распоряжения, разрешения и т. д. Однако подразделение высказываний на вопросы, побуждения и сообщения является первичным и основным.

* Впервые опубликовано: Русский язык в школе, 1993, № 3.

¹⁵⁹ Более точно здесь было бы говорить о классе «деклараций», к которым, наряду с собственно сообщениями, относятся такие речевые акты, как, например, обещания.

В соответствии с указанным подразделением высказываний на классы и строится принятая в практике школьного преподавания классификация предложений «по цели высказывания». Вопросительные предложения предназначены в первую очередь для выражения вопросов, побудительные — для выражения побуждений, повествовательные — для выражения сообщений.

Однако это соответствие не является абсолютным. В принципе цель высказывания не предопределяет тип предложения, используемого для этой цели. Например, в повседневной речи вопросительные предложения могут использоваться не только для вопроса, но и для побуждения (*Вы не могли бы передать мне соль?*), и для сообщения (*Слышал, что Маша вышла замуж?*). Побудительные предложения способны, наряду с побуждением, выражать вопрос (ср. «учительский» вопрос: *Назови самую высокую горную вершину нашей страны*) и сообщение (*Знай, что я тебя презираю*). Наконец, повествовательные предложения могут использоваться не только для передачи сообщений, но и в функции побуждения (*Тебе следует заняться спортом*).

Фактически, классифицируя предложения «по цели высказывания», мы принимаем во внимание не коммуникативную сторону дела («цель высказывания» как таковую), а формальные синтаксические признаки. Так, в вопросительных предложениях есть либо специальные вопросительные слова (местоимения или частицы), либо особая «вопросительная» интонация. В побудительных предложениях обычно используется глагол в повелительном наклонении, реже — инфинитив или глагол в сослагательном наклонении, произнесенные с особой интонацией, иногда — специальные «побудительные» междометия.

Такой «синтаксический» подход к классификации предложений «по цели высказывания» представляется вполне оправданным. Ведь сама эта классификация изучается в разделе синтаксиса, а не в разделе «теории речевой коммуникации» (последний школьной программой вообще не предусмотрен). Важно только, чтобы учащиеся не смешивали синтаксическую классификацию предложений, условно называемую классификацией «по цели высказывания», и классификацию самих высказываний с точки зрения коммуникативных целей.

2. ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО (КАНЦЕЛЯРСКОГО) СТИЛЯ

Разграничение синтаксической классификации предложений «по цели высказывания» и классификации речевых актов оказывается полезным при изучении функциональных разновидностей русского языка. Дело в том, что даже приблизительное соответствие типа пред-

ложения и типа речевого акта, для выражения которого данный тип предложения предназначен, имеет место лишь применительно к «языку вообще». В то же время различные функциональные стили характеризуются различным соотношением коммуникативных типов высказывания и синтаксических типов предложения.

Так, в текстах официально-делового стиля могут встретиться и сообщения, и вопросы, и побуждения. Однако для выражения всех трех типов высказывания в официально-деловых текстах, как правило, используются повествовательные предложения.

Иными словами, для того чтобы выразить побуждение, в официальном стиле используются не побудительные, а повествовательные предложения. Например, приказ — типичный жанр канцелярского стиля — включает в себя такие конструкции, как *Приказываю сделать то-то и то-то* (а не *Сделайте то-то и то-то*). Заявления, в которых выражается какая-то просьба (ср. устаревшее слово *прошение*), также строятся из повествовательных предложений, и при этом то предложение, в котором излагается суть просьбы, включает слово *прошу*. *Прошу предоставить мне очередной отпуск*, а не *Предоставьте мне, пожалуйста, очередной отпуск*.

Здесь невольно вспоминается пример из давней статьи Т. Г. Винокур [1965: 56]: «Вряд ли было бы уместным..., если... доверенность на получение зарплаты мы написали бы (игнорируя обычную, точную, удобную для бухгалтерской отчетности формулу: „Я, нижеподписавшийся, доверяю получить причитающуюся мне зарплату за 1-ую половину такого-то месяца такому-то“) так: „Пусть такому-то отдадут мою зарплату. Он, как будто, человек честный и, я надеюсь, денег моих не растратит“».

Представляется, что этот пример хорошо иллюстрирует названную особенность официально-делового стиля. Повествовательное предложение со словом *доверяю* в тексте доверенности выражает не сообщение о том, что автор доверенности доверяет кому-то, а побуждение, адресованное работникам бухгалтерии, выдать деньги конкретному человеку (то, что на повседневный язык «переводится» так: *Пусть такому-то отдадут мою зарплату*).

Интересно, что это специфическое «побудительное» значение появляется у глагола *доверять* именно в канцелярском языке. При этом оно является конструктивно ограниченным (выражается только в конструкциях с инфинитивом или — реже — с отглагольным именем) и морфологически связанным (встречается, за исключением некоторых специальных случаев, только в форме первого лица). В иных разновидностях русского языка глагол *доверять* используется в значении «испытывать доверие»: фраза *Я ему доверяю* выражает примерно то же, что и фраза *Он, как будто, человек честный и денег моих не растратит*. Но в тексте доверенности (документа) глагол *доверять*

никакой идеи доверия не выражает (ср. само различие слов *доверие* — *доверенность*). Если некто Иван Иванович Иванов написал доверенность, начинающуюся словами: *Я, Иванов И. И., доверяю Петрову...*, — то неправильно было бы пытаться передать смысл этой доверенности фразой *Иван Иванович Иванов доверяет Петрову*.

Любопытно, что соотносительный глагол совершенного вида *доверить* свободно используется в соответствующем значении в повседневной речи. Вполне уместным может быть вопрос: *А кому ты доверил получить свою зарплату?* Но, разумеется, повествовательные предложения с глаголом *доверить* в повседневной речи нормально выступают в «первичной» функции — выражают сообщения, как и «положено» повествовательным предложениям, в отличие от повествовательных предложений с глаголом *доверять* в официально-деловом стиле, выступающих во «вторичной» функции и выражающих побуждение.

Вопросы в официально-деловых текстах также выражаются при помощи повествовательных предложений. Обычно при этом используется оборот *Прошу (просим) сообщить...*

Использование в официально-деловом стиле повествовательных предложений для выражения всех типов речевых актов не случайно. В вершине таких предложений, как правило, стоит перформативный глагол, точно указывающий на то, какой именно речевой акт осуществляется посредством данного высказывания. Это позволяет точно установить статус каждого высказывания, что чрезвычайно важно для официальных документов. Указанная особенность касается и предложений, выражающих сообщения. В вершине таких предложений часто используются такие обороты, как, например, *Довожу до вашего сведения, что...*

3. КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО СТИЛЯ

Рассмотренная особенность — использование для выражения вопросов и побуждений повествовательных предложений — является едва ли не самой характерной чертой официально-делового стиля. Полезно сопоставить в этом отношении официально-деловой и научный стили.

Основная цель научной речи — довести до сведения адресата определенную информацию. Поэтому научные тексты содержат сообщения и не предполагают наличия вопросов или побуждений. В то же время в научных текстах не так уж редки вопросительные и побудительные предложения.

Так, при помощи побудительных предложений *Смотри* и *Сравни* оформляются ссылки на литературу. Эти обороты встречаются в научной речи столь часто, что на письме обозначаются посредством об-

щепотных сокращений см. и ср. Но подлинного побуждения эти предложения не выражают, а лишь передают информацию о том, какими работами пользовался автор.

В научных текстах вопросительные предложения используются в функции так называемых риторических вопросов, не требующих ответа, т. е. фактически выражают не вопросы, а сообщения. Если в тексте научной статьи говорится: *Какие же причины обуславливают это явление?* — то мы понимаем, что дальше речь пойдет о причинах рассматриваемого явления. Такие «вопросы» на самом деле выступают в роли метатекстовых сообщений¹⁶⁰, информирующих читателя, о чем пойдет речь в последующем тексте.

Как видим, официально-деловой и научный стили «устроены» в рассматриваемом отношении едва ли не противоположным образом. Официально-деловой стиль при помощи одного синтаксического типа предложения — повествовательного — выражает все возможные коммуникативные типы высказываний: и сообщения, и вопросы, и побуждения. Научный стиль, наоборот, использует все синтаксические типы предложений: повествовательные, вопросительные и побудительные, — для выражения одного и того же коммуникативного типа высказывания — сообщения.

4. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При выражении просьбы в разговорной речи обычно используются вопросительные предложения с частицей *не* и формой глагола *мочь*: например, *Не могли бы вы ответить на наши вопросы?*; *Не мог бы ты мне помочь?*. Ср.:

«Но уверяю вас, что на меня производит слишком неприятное впечатление это повторение прошлых мыслей моих. Не можете ли вы перестать?» — «Если бы веровали?» — вскричал Шатов, не обратив ни малейшего внимания на *просьбу*...

(Ф. Достоевский)

Разумеется, в приведенном диалоге слова Ставрогина *Не можете ли вы перестать?* выражают именно просьбу, а не вопрос. Такой способ выражения просьбы настолько характерен для устной русской речи, что нередко он специально упоминается в разговорниках и учебниках для иностранцев (ср.: «The form *не + мог бы (могла бы, могли бы) + an infinitive of a verb in the perfective aspect* is used for polite questions which are

¹⁶⁰ О понятии метатекста см., например, [Вежицкая 1978].

frequently needed in speech» [Лекич и др. 1991]; там же приводятся такие примеры:

- (1) *Простите, Алла Александровна, вы не могли бы перенести консультацию на среду?*;
- (2) *Простите, пожалуйста, вы не могли бы закрыть окно, очень дует;*
- (3) *Петя, ты завтра свободен? Ты не мог бы помочь мне с компьютерной программой?*;
- (4) *Людмила Ивановна, у меня к вам большая просьба. Мы уезжаем на две недели. Вы не могли бы взять на это время нашего кота?*

Овладение той или иной функциональной разновидностью языка непременно предполагает овладение правилами соотношения синтаксических и коммуникативных типов, свойственными этой функциональной разновидности. В противном случае возникает ощущение чужеродности. Так, использование повествовательных предложений в побудительной функции может восприниматься как канцеляризм (*Просьба не шуметь!* вместо *Не шумите, пожалуйста!*). А побудительное предложение в официально-деловом тексте неминуемо будет исправлено любым канцелярским работником.

Сказанное позволяет заключить, что рассмотрение «вторичных» функций повествовательных, вопросительных и побудительных предложений является важным при изучении функциональной стилистики. Четко различая синтаксические типы предложения и коммуникативные типы высказывания и анализируя их соотношение в рамках каждого функционального стиля, мы можем проникнуть в самую суть функциональной дифференциации языка.

ГЛАВА 3

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДИАЛОГЕ*

1. ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

К вопросам обычно относят речевые акты, направленные на получение вербальной реакции адресата речи, содержащей требуемую информацию (ответ). Стандартным типом вопроса (собственно вопросом) является речевой акт, имеющий место в ситуации, когда говорящий не знает ответа, хочет его знать и предполагает, что адресат речи знает ответ. Среди собственно вопросов выделяется ряд разновидностей в зависимости от типа запрашиваемой информации: общие и частные вопросы, уточняющие вопросы, переспросы и т. п.

Специальным средством выражения речевого акта вопроса в русском языке, как известно, служат вопросительные (интеррогативные) предложения, т. е. предложения, содержащие особое «вопросительное слово» (вопросительное местоимение или наречие либо вопросительную частицу *ли*) или же характеризующиеся особой «вопросительной интонацией». Исследование речевых функций вопросительных предложений предполагает рассмотрение двух связанных между собою проблем:

- 1) какую еще функцию могут выполнять вопросительные предложения (помимо того, что они являются основным средством выражения вопросов)

и

- 2) каково соотношение между различными типами вопросительных предложений и выражаемыми ими типами вопросов?

Исследование этих проблем предполагает обращение к месту вопросительных предложений в строении диалога. Исключительно важная роль, которую вопросительные предложения играют в структуре

* В основу главы положены статьи: «Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений» (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1982, т. 41, № 4) и «О семантике частиц *разве* и *неужели*» (НТИ. Сер. 2, 1987, № 10).

диалога, не вызывает сомнений. По наблюдениям исследователей, вопросо-ответные реплики типа *Куда ты идешь? — Домой* являются едва ли не наиболее частыми в диалогической речи [Рестан 1972]. Впрочем, следует отметить, что диалогические функции вопросительных предложений чрезвычайно многообразны. И хотя наиболее характерное иллокутивное предназначение вопросительных предложений — быть использованными в речевом акте вопроса, однако кроме этой своей первичной функции вопросительные предложения часто (иногда одновременно) реализуют другие (косвенные) речевые акты.

Так, хорошо известно употребление вопросительных предложений для возбуждения и поддержания внимания слушателя (контакто-устанавливающая функция, нередко осложненная «метатекстовой» — указанием на важность последующего сообщения):

- (1) *Знаешь, что я тебе скажу? Он просто глуп;*
- (2) *Представляешь? Иван Иванович уходит на пенсию;*
- (3) *Впрочем, знаете что? — прибавил он, подумав, — я сомневаюсь, чтобы у Фомы был какой-нибудь расчет (Ф. Достоевский);*
- (4) *И что ты думаешь? Стоит какой-то холуй и не пускает. А? (М. Булгаков);*
- (5) *Вхожу, и что ж вижу? Человек почтенный, солидный — лежит на столе, так что я удивился (Ф. Достоевский).*

Вопросительные предложения такого рода выполняют интродуктивную функцию, не столько служа для запроса информации об осведомленности собеседника (в последнем примере такой запрос вообще отсутствует), сколько предваряя новую информацию, которую хочет сообщить говорящий. Как уже отмечалось выше (глава III.2), именно «метатекстовая» функция свойственна вопросительным предложениям в научной речи. Вопросы типа *Слышал новость?...* одновременно могут являться саморефлексией по поводу уместности подготавливаемого говорящим сообщения. Саморефлексией можно считать и вопросы с «прагматическим или» [Van Dijk 1981]:

- (6) *Рюмку коньяка? Или вы за рулем?;*
- (7) *Не одолжишь мне десятку? Или у тебя у самого сейчас трудно с деньгами?;*
- (8) *Помоги мне. Или ты устал?*

(в двух последних примерах вопрос с *или*, следующий за речевым актом, выражающим просьбу, сигнализирует, что говорящий считает оправданным возможным отказ со стороны адресата, и это имеет непосредственное отношение к стратегии достижения желаемого перлокутивного эффекта).

Другим вариантом использования вопросительных предложений в функции фатической метакоммуникации являются «контролирующие»

реплики, завершающие сообщение и представляющие собою попытку удостовериться в том, что содержание сообщения понято и усвоено адресатом речи:

- (9) Тамара. *Прошу стучать, если открываете дверь ночью, понятно?* Ильин. *В общих чертах — да;*
 (10) Ильин. *Так вот, в течение этих дней, что я провожу в вашем доме, я намерен обеспечить этой женщине счастливую жизнь. Усвоил?* Слава. *Усвоил;*
 (11) Ильин. *Я Катю имею в виду. Дошло?* (А. Володин).

Использование «контролирующих» вопросов характерно для лекторской речи.

Иногда, впрочем, вопросительные по форме реплики, завершающие сообщение, как и интродуктивные вопросы, направлены на сигнализацию о нетривиальности предваряющего вопрос сообщения: *Один раз еду в трамвае и думаю: «Вот бы ехать, ехать, никуда не приезжать». Представляете?* (А. Володин). В этом случае они не требуют ответа, т. е. не являются вопросами в собственном смысле слова.

Вопросительные предложения также часто используются как реакция на сообщение и служат для метакоммуникативной цели сигнализации о внимании к принимаемому сообщению (*Что вы говорите?; Неужели?; Вы находите?; Правда?; Вы думаете?; Так-таки Р?; Как?;* ср.: *Правда? Ой, как интересно* (А. Володин). В отличие от вопросительных по форме конструкций, являющихся не вопросом, а подчеркнуто резким возражением на предыдущую реплику собеседника (*Да кто его презирает? — возразил Базаров; «Я слышал, вы помирились с Ляховым?» — спросил ее Андрей Иванович. — «Где помирились, Господи! Не знаю, куда спрятаться от него»; Не горячись, пожалуйста. — Как это не горячись?*)¹⁶¹, «фактические» реплики вопросительной структуры помимо выражения определенного интереса адресата (в частном случае — недоумения или недоверия) к сообщению собеседника обычно не перестают быть вопросами (с уточняющей функцией), т. е. требуют определенной реакции собеседника (подтверждения или, в частности, более развернутого разъяснения):

- (12) *Да что вы? — Уверю вас* (М. Булгаков);
 (13) *Нет его у тебя, нет и у меня. — Как — нет? — Вот так. Ищи-ищи. Найдешь — привет передавай* (А. Володин);
 (14) *Завтра, как только ее не станет, я тоже умру. — Как это не станет? Что за глупость! — Неужели вы думаете, что она перенесет эту свадьбу? — Конечно. Это будет славный, великий праздник* (Е. Шварц);

¹⁶¹ На конструкции такого рода было в свое время обращено внимание в работах: [Шмелев 1959; Шведова 1956]; один из типов аналогичной диалогической реакции с *почему?* описан в работе [Арутюнова 1970].

(15) *И наконец король махнул рукой на все и стал увлекаться плохими женщинами, и только они не обманули его. — Неужели? — Да! Да! (Он же).*

Однако по крайней мере некоторые из подобных «адмиративных» вопросов следует оценивать как косвенные речевые акты, поскольку характер и объем ожидаемой в ответе информации могут не соответствовать форме вопроса. Ср. неадекватную реакцию на частный по форме вопрос в диалоге из пьесы Е. Шварца: *Эльза. Что дракон велел передать мне? Генрих. Он велел передать, чтобы ты убила Ланцелота, если это понадобится. Эльза (в ужасе). Как? Генрих. Ножом. Вот он, этот ножик. Он отравленный. Эльза. Я не хочу!* Естественный в данной ситуации (хотя далеко не вежливый и недостаточно информативный) ответ на вопрос *Как?* был бы: *А очень просто! — или: А вот так!* или под.

Особый, очевидным образом не самодовлеющий характер вопросительных предложений объясняет то обстоятельство, что при их описании лингвисты обычно учитывали их возможное окружение, в частности возможный ответ (в отличие от предложений иных типов, на неадекватность изолированного рассмотрения которых вне естественного контекста их употребления стали обращать внимание лишь в последнее время в связи с развитием теории речевых актов, лингвистики текста и лингвистической прагматики).

Наиболее общим и широко принятым делением вопросительных предложений в зависимости от требуемого их формой ответа является деление на так называемые общие и специальные (частные, частичные) вопросы. Первые предполагают подтверждение или отрицание пропозиционального содержания вопроса, т. е. ответов «да» или «нет» (или эквивалентной реплики, повторяющей тему вопроса), вторые требуют конкретной спецификации того частного элемента, который «замечает» входящий в состав вопроса прономинальный элемент, или в особых случаях (когда предложение с вопросительным местоимением соответствует полному диктальному вопросу, по Балли) — конкретных сведений обо всей интересующей спрашивающего ситуации в целом.

З а м е ч а н и е. В русской лингвистической литературе термины «общий» и «частный» (вопросы), а также «общевопросительное» и «частновопросительное» (предложения) иногда употребляются в ином (по сравнению с только что упомянутым) смысле, а именно в соответствии с индивидуальным терминопотреблением Ш. Балли. Как известно, в его классификации [Балли 1955] различаются не два, а четыре класса вопросов: частичный диктальный вопрос, полный диктальный, полный модальный и частичный модальный. При этом упомянутому выше делению на «общие» (допускающие ответ «да»/«нет»)

и «специальные» (не допускающие такого ответа) вопросы соответствует деление на «модальные» и «диктальные» вопросы в классификации Балли, тогда как термины «полные» (*totales*) и «частичные» (*partielles*) вопросы (иногда переводимые на русский язык как «общие» и «частные» вопросы) используются для другого разграничения. Предложенное Балли деление, несомненно, является более тонким по сравнению с традиционным делением на «общие» и «специальные» вопросы. Так, деление полных диктальных вопросов может быть оправдано, между прочим, тем, что, являясь формально «специальными», они не соответствуют определению, согласно которому ответ на специальный вопрос представляет собой предложение, отличающееся от вопроса лишь заменой вопросительного местоимения невопросительной именной группой (на вопросы типа *В чем дело?*; *А что у вас?*; *Что случилось?*; *Что слышно в институте?* нельзя обычно ответить предложениями вроде *Случилось получение Васей двойки на экзамене*; *У нас рождение кошкой котят, их небольшое вырастание и нежелание есть из блюда*; *В институте слышно введение нового графика посещений*). Определенными особенностями, как это будет показано ниже, в отношении прагматически допустимых ответов характеризуются и «частичные модальные вопросы», формально принадлежащие к типу «да»/«нет»-вопросов.

К широко известным случаям прагматической неадекватности буквального следования правилу, согласно которому общий вопрос требует ответа «да» или «нет», относятся коммуникативные ситуации, в которых формально общевопросительное предложение имеет иллокутивную силу просьбы. Так, утвердительный ответ на «вопрос» *Вы не могли бы передать мне соль?* — *Мог бы, конечно,* — не сопровождаемый ожидаемой передачей соли, нарушает принцип коммуникативного сотрудничества, поскольку просьба (так же как требования и приказания) предполагает ответное действие со стороны адресата, а не вербальную реакцию. Однако и отрицательный ответ на тот же вопрос (*Вы не могли бы передать мне соль?* — *Нет*) является коммуникативно-неудовлетворительным (или, во всяком случае, нарушает определенные речевые конвенции), так как отказ от выполнения просьбы в общем случае требует определенного обоснования отказа (ср. [Ыйм 1979], где предлагается исчисление возможных реакций на речевые акты, представляющие собой разновидности «директив»).

Другими случаями неадекватности ответа «да» или «нет», точнее, прагматической допустимости только одного из этих ответов яв-

ляются общевпросительные предложения, имплицитно содержащие в себе специальный вопрос.

Примером подобного рода являются так называемые фокусированные общие вопросы [Kiefer 1980] (т. е. частичные модальные вопросы, по Балли), допускающие ответ «да», но требующие дальнейшей спецификации в случае отрицательного ответа: *Сегодня пятница?; Вы приехали на такси?; Ваш друг лингвист?* Как показал Ф. Кифер (ср. также: [Bolinger 1978; Wunderlich 1981]), за такими вопросами скрываются специальные вопросы, так что они понимаются обычно (если этому не противоречит контекст) как «смешанные» вопросы типа:

- (16) *Какой сегодня день, пятница?*;
- (17) *Вы как приехали, на такси?*;
- (18) *Ваш друг кто, лингвист?*.

В случае неподтверждения выдвинутой в вопросе «гипотезы» естественно ответить на первую часть вопроса:

- (16') *Нет, сегодня суббота;*
- (17') *Нет, на метро;*
- (18') *Нет, он математик.*

Ср.: *«Это он, деверь мой». — «Писатель?» — спросил я, изучая Василия Петровича. — «Нет! Кооператор из Тетюшей...»* (М. Булгаков). Что касается возможного ответа «да», то он отвечает и на первую, и на вторую часть «смешанного» вопроса.

Напротив, экзистенциальные вопросы типа:

- (19) *Что-нибудь случилось?*;
- (20) *Есть желающие выступить?*;
- (21) *Мне кто-нибудь звонил?, —*

также представляя собой «криптоспециальные» вопросы, обычно допускают ответ «нет», но требуют более развернутого ответа в случае подтверждения:

- (19') *Да, мы поссорились;*
- (20') *Да, я хотел бы сказать несколько слов;*
- (21') *Да, Сережа.*

Такие вопросы являются типичным примером так называемых безопасных вопросов — говорящий выдвигает гипотезу, в случае подтверждения которой становится возможной просьба о конкретизации информации. Сразу спросив: *Что случилось?* — говорящий рискует получить от собеседника реприманд в связи с необоснованностью исходного допущения вопроса (относительно того, что «что-то случилось»). Ср., например: М у а р р о н. *Кто крикнул? Что случилось? Б у т о н. Ничего не случилось. Почему непременно что-нибудь должно слу-*

читься? (М. Булгаков). Впрочем, вопросы рассматриваемого типа настолько определенно воспринимаются как «криптоспециальные», что они также оказываются не вполне «безопасными». Ср.: Тамара. *У тебя что-нибудь случилось? Неприятность?* Илья и н. *Странный все-таки народ. Неужели обязательно должно что-нибудь случиться...* (А. Володин). Тем не менее вторая реплика является прагматически адекватной, так как представляет собой косвенно-отрицательный ответ на вопрос, тогда как ответы типа *Да. А у тебя как дела?* или *Случилось, а что?* должны расцениваться как коммуникативный провал спрашивающего или — в случае правильного понимания его коммуникативных намерений адресатом — как отказ от сотрудничества со стороны последнего.

Примером конвенциональной обязательности общего вопроса, эквивалентного частному, является запрет на употребление вопросов с местоименным наречием *куда*, заменяемых по правилам речевого этикета некоторых социальных диалектов русского языка вопросами с наречием *далеко* (*ли*). Ср. свидетельства В. И. Даля: «кудыкать кур, задавать вопрос *куда*, спрашивать без надобности встречных: *куда идешь?* не кудыкай, счастья не будет» (т. 2, стр. 215); «Далеко ль? — спрашивают извозчики вместо *куда?*» (т. 1, стр. 425). В литературном языке вопросы типа *Ты далеко собрался?*, так же как и аналогичные «криптоспециальные» вопросы (*Много их там?*; *Давно он приехал?*; *Дорого он заплатил?* и т. п.), обычно допускают замену вопросами с соответствующим вопросительным словом (*Ты куда собрался?*; *Сколько их там?*; *Когда он приехал?*; *Сколько заплатил?* и т. п.).

Их интерпретация слушателем и соответственно возможность/невозможность ответа «да» или «нет» определяются, по-видимому, прагматическими факторами, а именно мнением отвечающего относительно предположений спрашивающего, касающихся осведомленности отвечающего. Так, в ответе на вопрос *У вас много детей?* следует указать количество детей, а на вопрос *У вас много книг?* вполне удовлетворителен ответ *Довольно много* [Kiefer 1980: 118]; ср. указания академической грамматики относительно того, что вопросительные «предложения с такими словами, как *много, мало, далеко, близко, давно, недавно, часто, редко, долго, недолго, скоро, нескоро...* в одних конситуациях требуют ответа-подтверждения или отрицания, а в других — ответа, содержащего конкретную информацию о том, что спрашивается»¹⁶² [Русская грамматика 1980: 395].

¹⁶² Заметим, что это утверждение не вполне точно. В качестве «криптоспециальных» вопросов используются только вопросительные предложения со словами *много, далеко, давно, часто, долго, скоро*; соответствующие высказывания, как и «положено» специальным вопросам, сами по себе не выражают никакой гипотезы (исходного предположения) относительно возможного отве-

2. ОСОБЫЕ ТИПЫ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: О СЕМАНТИКЕ И ФУНКЦИЯХ ЧАСТИЦ *РАЗВЕ* И *НЕУЖЕЛИ*

В классификациях, основывающихся на позиции речевого акта в последовательности связанных «ходов», которые делаются участниками речевого общения, вопросам обычно приписывается «инициативная» роль. Действительно, вопрос обычно требует вербальной реакции (быть может, сопровождаемой другими типами интеракционных реакций). Поэтому тот факт, что функциональные классификации вопросов обычно основываются на характеристике допустимых их формой ответов, представляется вполне естественным. Поскольку, однако, многие вопросительные предложения осложнены различными модальными смыслами, они могут не только (а иногда и не столько) быть стимулом соответствующей вербальной реакции, но сами представлять собою реакцию на предшествующую реплику в диалоге. Для таких вопросительных предложений кажется полезным исследовать не только вопросоответные соответствия, но и функцию вопроса по отношению к смысловой структуре предшествующей реплики. Мы рассмотрим в этой связи русские предложения с вопросительными частицами *разве* и *неужели*.

Общим для этих частиц является то, что они маркируют вопрос-реакцию. Это значит, что вопросы с этими частицами не могут задаваться «ни с того ни с сего», просто потому, что у говорящего возникла соответствующая информационная потребность. Высказывания с частицами *разве* и *неужели* уместны лишь в тех случаях, когда в поле зрения говорящего попала ситуация, не соответствующая его ожиданиям, и посредством вопроса с одной из этих частиц говорящий реагирует на возникновение такой ситуации.

Ситуация, на которую реагирует таким образом говорящий, является для него «предметом интереса». В простом случае «предмет интереса» и, соответственно, «обсуждаемая ситуация» соответствуют предшествующей реплике собеседника. Собеседник сказал нечто, что оказалось неожиданным, так что возникла необходимость удостовериться в том, что это действительно так. При помощи вопроса с *разве* или *неужели* говорящий как бы просит подтверждения и одновременно сигнализирует, что «обсуждаемая ситуация» не соответствует тому, что бы он ожидал.

та. В то же время вопросы со словами *мало*, *близко*, *недавно*, *редко*, *недолго*, *нескоро* во всех случаях выражают некоторую гипотезу, подтвердить или опровергнуть которую призывается адресат речи (его право — дополнить утвердительный или отрицательный ответ более точной информацией об истинном положении дел).

Мы видим, что вопросы с *разве* или *неужели* имеют в чем-то сходные функции. По-видимому, именно с этим связано то, что в большинстве словарей и во многих грамматических описаниях они фактически приравниваются друг к другу. Даже в лингвистических работах, специально посвященных частицам *разве* или *неужели*, между ними часто усматривается больше сходств, нежели различий, так что они получают однотипные толкования (на неадекватность подобных толкований со всей определенностью указал Ю. Д. Апресян, см. [1980: 51—52]).

В то же время правила употребления этих частиц полностью различны. Едва ли можно найти контекст, в котором эти частицы были бы взаимозаменяемы с сохранением смысла. Либо оказывается, что в ситуации, когда употреблена одна частица, другая вообще невозможна, либо при замене одной на другую смысл коренным образом меняется.

Различная роль вопросительных предложений *Разве P?* и *Неужели P?* в построении диалога связана с различным соотношением пропозиционального содержания высказывания (P) и «обсуждаемой ситуации» (S) для этих высказываний. А именно: употребление вопросительного предложения с частицей *неужели* предполагает, что «обсуждаемая ситуация» соответствует пропозициональному содержанию P, тогда как при употреблении вопросительного предложения с частицей *разве* пропозиция P имеет вспомогательную роль: истинность этой пропозиции есть необходимое условие «обсуждаемой ситуации». Иными словами, для *неужели* имеем $P = S$, а для *разве* имеем $P \rightarrow S$. Спросить *Неужели P?* уместно в том случае, когда ситуация S, соответствующая P, представляется невероятной, маловероятной, неожиданной; когда говорящий ни за что бы не предположил, что S имеет место. Спросить *Разве P?* уместно в том случае, когда говорящий столкнулся с некоторой ситуацией S, возможной только при условии, что имеет место P; но ранее, до того как он столкнулся с этой ситуацией, говорящий считал, что P не имеет места.

Опишем несколько подробнее условия употребления частиц *разве* и *неужели*.

Итак, прототипический случай употребления вопросительного предложения с частицей *разве* следующий: до момента речи говорящий считал, что не P. В то же время истинность P — необходимое условие «обсуждаемой ситуации». Здесь возможны следующие виды отношения говорящего к истинности P.

1) Если к моменту речи существуют убедительные данные, свидетельствующие о том, что «обсуждаемая ситуация» имеет место, говорящий может просто выразить удивление, поскольку это противоречит его предшествующему мнению, что не P (например, если говорящий случайно встречает своего знакомого и удивленно говорит: «Разве ты не уехал?»). То, что S имеет место, он при этом не подвергает сомнению. Такое употребление *разве* назовем «разве удивления».

2) С другой стороны, если говорящий сохраняет уверенность, что не Р, он может использовать предложение с частицей *разве* в качестве решительного отрицания возможности (или законности) «обсуждаемой ситуации» (в этом случае вопросительное предложение с частицей *разве* имеет «полемический» характер). Сюда относятся случаи построения аргументации с помощью риторических вопросов *Разве Р?*, эквивалентных утверждению *Не Р*. Такое употребление *разве* назовем «риторическим *разве*».

3) Наконец, говорящий может быть не уверен, следует ему отвергнуть предшествующее мнение, что не Р, или данные в пользу того, что имеет место «обсуждаемая ситуация». Такое положение может быть охарактеризовано как «сомнение». Будем говорить о таком употреблении *разве* как о «*разве сомнения*».

Таким образом, при употреблении вопросительных предложений с частицей *разве* истинность пропозиционального содержания предложения (Р) имеет интерес не сама по себе, а только как необходимое условие «обсуждаемой ситуации» (S). Это объясняет тот интересный факт, что в простейших случаях, когда вопросительное предложение с частицей *разве* является реакцией на некоторое высказывание, пропозициональное содержание вопросительного предложения обычно не совпадает с пропозициональным содержанием этого высказывания, а соответствует какой-либо из его презумпций в широком смысле слова, т. е. пресуппозиций, условий успешности, импликатур, связанных с постулатами речевого общения, и т. п.:

- (22) *Это Петина жена. — Разве Петя женат?*;
 (23) *Я просто влюблен. — Разве вы можете любить?* (А. Чехов);
 (24) *Где Апель, брат твой? — Разве я сторож брату моему?*;
 (25) *Прищепкин... спросил с бодрой веселостью: «Как дела, шеф?» Кодзев не ответил ему... «Я говорю, как дела, Александр Михайлович?» — снова подал голос корреспондент... «А вас разве интересуют наши дела?»* (А. Курчаткин);
 (26) *Она не курит при отце. — А разве она вообще курит?*;
 (27) *Я предупреждал вас: говорите подробно! — Я разве откажусь?* (С. Залыгин).

Особенно часто высказывания с частицей *разве* касаются отвлеченной возможности или допустимости обсуждаемой ситуации: *Разве можно отказать в чем-нибудь тому, кого любишь?* (А. Островский); *Разве так делают добрые люди?* (Д. Григорович); *Преступник... на эшафот всходил — плакал, белый как бумага. Разве это возможно?* (Ф. Достоевский); *Я просто влюблен. — Разве вы можете любить?* Действительно, возможность ситуации — необходимое условие того, что она имеет место.

Одинокое *Разве?*, пропозициональное содержание которого повторяет пропозициональное содержание предшествующего утверждения, употребляется в силу сказанного не так часто. Оно возможно только в тех случаях, когда содержание реплики собеседника, по поводу которой задается вопрос, не представляет для спрашивающего непосредственного интереса. Так, в одном из рассказов М. Зощенко слушатели постоянно поправляют докладчика, допускающего ошибки, а он охотно соглашается с их поправками, например: *Помню, знаете, у нас в классе задали выучить одно мелкое, ерундовое стихотворение Пушкина... Что будто бы растет себе ветка, а ей поэт художественно говорит: «Скажи мне, ветка Палестины...» (Голос с места: Это из Лермонтова...)* — *Разве? А я их, знаете, обыкновенно путаю.* Докладчик не ожидал, что его в этом месте перебьют и поправят, такое возможно лишь при условии, что он допустил ошибку; но сам по себе вопрос об авторстве Пушкина или Лермонтова не является для него «предметом интереса».

Наряду с *Разве?*, выражающем готовность согласиться и произносящемся с восходящей интонацией, одинокое *Разве?* может выражать сомнение или недоверие к словам собеседника («уличающее» *разве*); тогда оно произносится с усиленным ударением и нисходящей интонацией. Но и в этом случае дело не в сомнительности или малой вероятности ситуации, соответствующей Р как таковой, а в том, что ранее говорящий располагал противоположными сведениями. Неточно было бы сказать, что Р оказалось неожиданным для него; неожиданным было утверждение, что Р. «Предмет интереса» здесь — правдивость собеседника, в которой есть основание усомниться.

Иная картина имеет место в случае употребления вопросительного предложения с частицей *неужели* (или синонимичных частиц *неужто* и *ужели*). Здесь говорящий не склонен был бы предположить, что Р, при условии что он не располагал предварительными положительными сведениями о Р или не Р. «Обсуждаемая ситуация», непосредственно соответствующая пропозиции Р, представляется ему невероятной.

Иллокутивное значение вопросительного предложения зависит от того, имеются ли к моменту речи положительные данные, свидетельствующие, что Р, и насколько они достоверны. Если эти данные убедительны для говорящего (например, он достоверно знает, что Р), высказывание *Неужели Р?* выражает удивление и имеет целью сообщить, что, если бы говорящий не знал, что Р, он никогда бы этого не предположил. При этом возможна как ситуация, когда ранее говорящий предполагал, что, вероятно, не Р, а к моменту речи получает информацию о том, что Р (например, встретив своего знакомого, он может сказать: *Неужели ты все-таки приехал?*), так и ситуация, когда говорящий ранее знал, что Р, а к моменту речи получает сведения, которые сами по себе делают Р невероятным, например: *Взглянул на мир я взо-*

ром ясным и изумился в тишине: ужели он казался мне столь величавым и прекрасным? (А. Пушкин). Если данные, свидетельствующие, что Р, достаточно весомы, но все же не обладают полной убедительностью, *Неужели Р?* может выражать сомнение, недоверие и т. п. Наконец, если Р — это всего-навсего предположение, то *Неужели Р?* в ряде случаев выражает «решительное отрицание»: *Неужели я тебя брошу в беде?*; *Неужели нет?* (= 'Да!', 'Разумеется!'); *Неужели я тебя оставлю ему?.. Моту, пьянице* (А. Островский) и т. п. Но чаще *Неужели Р?* в таком случае указывает на колебание между двумя предположениями: к моменту речи есть основания, позволяющие предположить, что Р, и есть основания, позволяющие сделать предположение, что не Р: «*Неужели он сейчас будет прощаться?*» — думала Елена (И. Тургенев); при этом в роли оснований, позволяющих сделать то или иное предположение, не обязательно выступают объективные свидетельства: к их числу могут относиться и смутные предчувствия, опасения, надежды, сознание желательности или нежелательности интересующей ситуации. В зависимости от положительных или отрицательных эмоций, испытываемых говорящим по отношению к «предмету интереса», и дифференцируются «значения» *Неужели Р?*, так что в той же конструкции возможно и предложение, выражающее «надежду» (*Редактору понравилась статья. — Неужели ее все-таки напечатают?*), и предложение, выражающее «опасение» (*Редактору понравилась твоя статья. — Неужели даже теперь не напечатают?*). В обсуждаемом примере примечательно то, что у говорящего есть субъективные основания и для того, чтобы предположить, что статью напечатают, и для того, чтобы предположить, что статью не напечатают: выбор положительного или отрицательного суждения в качестве Р в предложении с частицей *неужели* зависит в основном от оптимистического или пессимистического настроения или склада ума.

Общим для всех разновидностей вопросов с частицей *неужели* является то, что говорящий заинтересован содержанием Р, оно ему не безразлично, т. е. «обсуждаемая ситуация» соответствует именно пропозиции Р. С этим связана широкая употребительность вопросительных предложений *Неужели Р?* (часто в форме одиночного *Неужели?*) в ответ на сообщение Р. Такое предложение свидетельствует о том, что говорящему интересно сообщение собеседника и что содержание сообщения не казалось ему самоочевидным. Коммуникативная предназначенность таких высказываний (*Неужели? Что ты говоришь!* и т. п.) в известном смысле противоположна невежливому утверждениям типа *Без тебя знаю!*. Значение вопросительных предложений с частицей *неужели* в качестве реакции на сообщение до такой степени отвечает принципу вежливости, что их употребление в этой функции стало почти конвенционализированным и может не предполагать искренней заинтересованности, а только преследовать цель поддержания кон-

такта, ср.: *Блондинка снисходительно глядела на его сытое лицо и равнодушно спрашивала: «Неужели?»* (А. Чехов).

Мы видим, что высказывания с частицами *разве* и *неужели* имеют полностью различные условия употребления. Высказывание с частицей *разве* употребляется тогда, когда обсуждаемая ситуация имеет среди своих необходимых условий такое, относительно которого говорящий считал до момента речи, что оно не выполняется; высказывание с частицей *неужели* — тогда, когда говорящий склонен делать предположение, что обсуждаемая ситуация не должна бы иметь место. Это естественным образом объясняет различные диалогические функции соответствующих высказываний. Высказывание с частицей *разве* в ответ на сообщение обычно касается одной из презумпций сообщения и (поскольку нормально «обсуждаемая ситуация» соответствует содержанию сообщения) замедляет ход коммуникации (*Постой, а разве?*). Высказывание с частицей *неужели* в ответ на сообщение нормально касается именно содержания сообщения (которому обычно соответствует «обсуждаемая ситуация»), а если вопрос с частицей *неужели* оказывается направлен на какую-либо из презумпций сообщения (такое случается редко), то это несколько меняет тему диалога: именно эта презумпция становится «обсуждаемой ситуацией». Более сильное «отрицательное значение» высказываний с частицей *разве*, их большая «полемичность», на которую иногда обращают внимание исследователи, также объясняется отмеченными выше различиями в условиях употребления. Действительно, содержание предложения с частицей *разве* противоречит положительным сведениям, которыми ранее располагал говорящий, а содержание предложения с частицей *неужели* — его гипотезам, которые он склонен выдвинуть, но об истинности которых у него нет положительных данных.

Различие в диалогических функциях частиц *разве* и *неужели* особенно ярко проявляется в тех случаях, когда предшествующая реплика собеседника была прямым ответом на вопрос говорящего. В этом случае повторение пропозиционального содержания предыдущей реплики возможно при *неужели*, но невозможно при *разве*, ср.:

- (28) *Куда вы идете? — К обедне. — Неужели? или Неужели к обедне?* (но неправильно: **Разве?* или **Разве к обедне?*);
 (29) *Так кто ж она? — Жена моя. — Неужели (это твоя жена)?* (но не: **Разве это твоя жена?*);
 (30) *Как тебя зовут? — Генриетта. — Неужели? А меня Генрих* (но не: **Разве?*).

Об уместности *неужели* в такой конситуации уже говорилось — соответствующее высказывание подтверждает интерес и новизну полученной говорящим информации. Напротив, неестественность частицы *разве* определяется тем, что условия уместности высказывания с час-

тицей *разве* противоречат едва ли не всем условиям успешности предыдущего вопроса, заданного говорящим. *Разве?* предполагает, что «предмет интереса» не совпадает с содержанием ответа собеседника (противоречит условию «говорящий хочет знать ответ»); что говорящий ранее имел определенное мнение на этот счет, противоречащее полученному ответу (это противоречит условию «говорящий не знает ответа»); наконец, что говорящий ставит под вопрос истинность полученного ответа (противоречит условию «говорящий считает, что адресат речи знает ответ и захочет его дать»). Правда, особо недоверчивый говорящий может выразить сомнение в истинности полученного ответа и потребовать подтверждения. Но и этом случае условия уместности частицы *разве* не выполняются и она не может быть употреблена, а вопрос можно построить с помощью слова *действительно* (ср.: *Кто же она? — Жена моя. — Действительно?*). Иное дело, если высказывание с частицей *разве* относится не к содержанию, а к презумпции полученного ответа, ср.:

- (28') *Куда вы идете? — К обедне. — Разве вы ходите к обедне?* (И. Тургенев);
 (29') *Кто же она? — Жена моя. — Разве ты женат?*
 (30') *Как тебя зовут? — Мишель. — Разве это женское имя?*

Попутно обратим внимание на то, что слово *действительно*, используемое в высказываниях, подвергающих сомнению содержание предыдущей реплики, к презумпциям относиться как раз не может.

Различием в условиях употребления можно объяснить и более частные особенности использования предложений с вопросительными частицами. Так, рассмотрим следующие два диалога (в обоих случаях собеседники находятся в одной комнате):

- (31) *Я замерз. — Неужели? (*Разве?);*
 (32) *Здесь очень холодно. — Разве? (*Неужели?).*

В (31) говорящий посредством вопроса с *неужели* дает понять, что никогда бы не предположил, что его собеседник замерз, так как, согласно его собственным ощущениям, в комнате не холодно. Вызывание *Разве?* здесь неуместно, так как в тех случаях, когда собеседник сообщает о своем внутреннем состоянии, не может «обсуждаемой ситуацией» стать истинность его сообщения, а мотивом сомнения — предшествующее мнение говорящего: в этом случае говорящий претендовал бы на то, что может судить о внутреннем состоянии собеседника лучше, чем он сам. В то же время подчеркнем, что речь идет не просто о невозможности сомневаться в истинности сообщения о чьем-либо внутреннем состоянии, что объяснялось бы правилами вежливости (невежливо сомневаться в том, что тебе сообщают, если сам не можешь об этом судить); ср. допустимость диалога: *Я замерз. — Дей-*

ствительно? (А ты не сочиняешь?). Дело именно в невозможности мотивировать недоверие своим предшествующим мнением.

С другой стороны, высказывание *Здесь очень холодно* в рассматриваемой коммуникативной ситуации прагматически эквивалентно высказыванию *Я замерз* (обычно нет смысла сообщать о том, тепло ли в комнате, в которой находятся оба собеседника); другими словами, хотя формальное пропозициональное содержание высказывания связано с «объективной» температурой воздуха, «обсуждаемая ситуация» — субъективное состояние. Поэтому высказывание *Разве?* вполне уместно: его пропозициональное содержание (совпадающее с пропозициональным содержанием предшествующего сообщения) является условием «обсуждаемой ситуации» — субъективного состояния собеседника. *Неужели?* неуместно в силу того, что «объективная» температура в данном случае не может стать «предметом интереса», на который должно быть направлено высказывание с *неужели*; ср. правильность диалога: *Здесь холодно. — Неужели ты замерз?*

По-разному интерпретируются высказывания с частицами *разве* и *неужели* в тех случаях, когда *Р* выражает общее суждение: *разве* предполагает интенциональную, а *неужели* — экстенциональную интерпретацию. Так, сделанное при получении сведений о чьем-либо непорядочном поступке высказывание *Разве джентльмены так поступают?* указывает на несовместимость джентльменства и подобных поступков, на отказ считать того, кто совершил данный поступок, джентльменом, а высказывание *Неужели джентльмены так поступают?* выражает удивление по поводу того, что нашелся джентльмен, который так поступил. В первом случае слово *джентльмен* скорее указывает на этическую характеристику, во втором — на социальную принадлежность. Разумеется, такое распределение значений не случайно. Интенциональное суждение о логической совместимости свойств близко к алетическим и не может носить вероятностного, предположительного характера, поэтому интенциональная интерпретация неуместна для высказываний с частицей *неужели*. С другой стороны, именно логическая совместимость свойств является необходимым условием возможности «обсуждаемой ситуации» — обсуждаемого частного поступка — и потому естественным образом предполагает высказывание с частицей *разве*. Сделанное при виде плачущего мальчика высказывание *Разве мальчики плачут?* означает поэтому «Какой же ты мальчик, если плачешь?», а высказывание *Неужели мальчики плачут?* — «Странно, что нашелся мальчик, который плачет» (впрочем, прагматическое различие между этими высказываниями не столь велико, так как налицо стремление к достижению одного и того же перлокутивного эффекта: «Перестань плакать!»).

Точно так же, если *Р* — суждение о возможности, в *Разве Р?* оно предполагает общее правило, а в *Неужели Р?* — частную возмож-

ность: *Разве Р?* выражает отрицание частного случая вследствие общей невозможности, а *Неужели Р?* — удивление по поводу того, что в частном случае оказалось возможным то, что вообще представлялось маловероятным. *Разве можно не ходить на работу?* может выражать упрек прогульщику, а *Неужели можно не пойти на работу?* — намерение самому прогулять (и радостное удивление по поводу исполнимости такого намерения).

Склонность пропозиций в контексте частицы *разве* к интенциональной интерпретации приводит к тому, что таксономические предикаты в контексте *разве* часто приобретают оценочный смысл: *Разве это дети?*; *Да разве это актер?* *Актер это разве?* *Босяк он, а не актер!* (М. Булгаков).

Укажем теперь на различие в диалогических функциях высказываний *Разве нет?* и *Неужели нет?*. Оба высказывания имеют значение согласия, подтверждения (= 'Да'), но употребляются в различных ситуациях. Вопрос *Разве нет?* обычно используется в монологическом режиме. Он свидетельствует о неуверенности говорящего, который как бы ищет подтверждения у собеседника. Вопрос *Неужели нет?* используется в диалогическом режиме, в качестве реакции на общий вопрос или неуверенное предположение собеседника. Он решительно отмечает всякие сомнения относительно утвердительного ответа.

Это различие также отвечает различиям в условиях употребления рассматриваемых частиц. *Разве нет?* употребляется тогда, когда «предмет интереса» — возможное несогласие собеседника с только что сделанным утверждением. Необходимое условие этого — чтобы, с точки зрения собеседника, истинным было противоречащее суждение. *Неужели нет?* употребляется в ответ на вопрос или предположение, т. е. когда «предмет интереса» в точности соответствует пропозициональному содержанию высказывания. Говорящий как бы дает понять, что истинность противоречащего суждения крайне маловероятна. Аналогичную функцию имеют такие высказывания с частицей *неужели*, пропозициональное содержание которых сводится к альтернативе предположению собеседника, выглядящей заведомо нелепой, например: *Кто же зарывает клады — разбойники?* — *Неужели начальники воскресных училищ?* (= 'Конечно, разбойники!'); *И право, есть над чем посмеяться. — Только посмеяться? — Ну, да неужели же плакать?* (Ф. Достоевский).

В связи с последним примером заметим, что сочетания с инфинитивом отчасти опровергают распространенное мнение, что вне зависимости от конкретной конситуации частица *разве* всегда выражает более решительное отрицание, чем частица *неужели*. Действительно, *неужели* в сочетании с инфинитивом употребляется тогда, когда, по мнению говорящего, делать то, что обозначено инфинитивом, очевид-

ным образом не следует; ср. также: *Неужели при такой погоде грызть орехи, на печи сидеть?* (П. Васильев). С другой стороны, *разве* в сочетании с инфинитивом дает понять, что говорящий склоняется к тому, чтобы совершить действие, обозначенное инфинитивом, но пребывает в некоторой нерешительности, колебаниях; ср. толкования В. И. Даля: «Разве сходить к ней? не сходить ли. Уж разве уступить ему? не лучше ли уступить».

Интересным является несовпадение наборов иллокутивных «значений» частиц *разве* и *неужели*, заключающееся в том, что вопросительные предложения с *неужели* могут иметь значение гипотезы, «неуверенного предположения», а у предложений с *разве* это значение обычно не отмечается. Механизмы появления значения «неуверенного предположения» (и более частных «значений» опасения, надежды и т. п.) у высказываний с *неужели* рассматривались выше. Приведем еще примеры таких высказываний:

(33) *Ужель (*Разве) та самая Татьяна?*;

(34) (Звонит телефон.) *Неужели (*Разве) это она?*

Ясно, что при выдвижении некоторого предположения «обсуждаемая ситуация» нормально соответствует выдвигаемой гипотезе. Это объясняет относительную неупотребительность высказываний с *разве* в значении предположения.

С неупотребительностью частицы *разве?* в «гипотетических» высказываниях связан и тот факт, что *разве* обычно не сочетается с будущим временем. Действительно, к моменту речи говорящий не может располагать положительными сведениями о будущих событиях, и поэтому в значение будущего времени входит предположительность. Исключением являются случаи, когда речь идет о запланированных, контролируемых событиях, ср.: *Надо искать няню. — А разве твоя мама не будет сидеть с детьми?* Кроме того, *разве* может сочетаться с будущим временем, когда предложение имплицитно содержит общее суждение о возможности «интересующей ситуации»: *Разве такой поедет?*; *Разве в такой обстановке много работаешь?*; ср. также: *Какие деньги у бедной семьи? Разве их на разврат хватит?* (А. Островский).

Напротив, *неужели* свободно сочетается с будущим временем, причем именно в высказываниях, выражающих предсказания о конкретных событиях: *Неужели он не придет?*; *Неужели мою статью напечатают?*; *Неужели Раиса Павловна откажет тебе?* (А. Островский); *Неужели он сейчас будет прощаться?*; *Неужели все исчезнет?* (И. Тургенев); *Неужели Ты, создавший эту ночь, это небо, захочешь наказать нас за то, что мы любили?* (Он же); *Но из бочки кто их вынет? Бог неужто их покинет?* (А. Пушкин).

Интересный материал представляют высказывания с частицей *неужели*, содержащие «самоанализ», т. е. такие, в которых р касается

ся внутреннего — психического или ментального — состояния самого говорящего. Уже говорилось, что высказывания с частицей *неужели*, относящиеся к прошлому опыту говорящего (типа *Ужели мир казался мне столь величавым и прекрасным?*), вполне обычны и, как правило, свидетельствуют о том, что прошлое мироощущение, состояние, пристрастия, оценки, мнения говорящего представлялись бы ему, если бы не были достоверно известны, маловероятными с точки зрения его настоящего мировоззрения, состояния и т. п. Относящиеся к будущему высказывания, связанные с внутренним миром говорящего, обычно указывают на то, что предполагаемое внутреннее состояние представляется говорящему маловероятным с точки зрения его теперешнего состояния, но есть какие-то основания полагать, что оно все-таки возникнет в будущем: *Неужели я когда-нибудь влюблюсь в эту жеманную девицу?* (предположим, говорящему это нагадала цыганка или предсказали экстрасенсы); *Неужели у нас с тобой тоже любовь перейдет в лучшем случае в привычку?* (из авторитетных источников говорящему известно, что любовь может длиться ровно семь лет и не более); *Неужели я когда-нибудь забуду эту встречу, как забывал многие другие подобные встречи?* и т. п.

Особенный интерес представляют «самоаналитические» высказывания, относящиеся к настоящему моменту. Здесь обнаруживается аномальность высказываний с *неужели*, обращенных говорящим к самому себе, если эти высказывания касаются его ментального состояния: такие высказывания, как *Неужели я полагаю, что семантика и синтаксис неразделимы?*; *Неужели я уверен в ее искренности?*; *Неужто я считаю эту работу слабой?*, допустимы только при прочтении со смещенной эмпатией (= 'Неужели ты полагаешь, что я считаю...' или 'Неужели кто-то полагает, что я считаю...'), но в таком случае эти высказывания уже не являются самоаналитическими. Дело в том, что о своих ментальных состояниях говорящий судит непосредственно — вероятностные суждения, гипотезы тут неуместны. Иное дело эмоциональное состояние, о котором зачастую могут свидетельствовать какие-то трудноуловимые симптомы; поэтому возможно ... *Мыслит он: «Неужто вправду я влюблен?»* (А. Пушкин)¹⁶³. В силу сказанного глаголы, выражающие психическое состояние, которые могут пониматься в значении как эмоционального, так и ментального состояния, в самоаналитических высказываниях указывают именно на эмоции, ср.: *Неужели я боюсь его прихода?* — если это самоанализ, то *боюсь* указывает на страх, испытываемый говорящим. При

¹⁶³ Возможность предположительного суждения о собственном эмоциональном состоянии проявляется в возможности сказать: *Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем*, хотя едва ли естественно: *Я считал морфологию служанкой синтаксиса, и, быть может, это мнение у меня сохранилось*.

смещенной эмпатии (= 'Неужели ты считаешь, что я боюсь его прихода?') возможны оба значения *боюсь*: как указывающее на безотчетный страх, так и указывающее на ментальное состояние (= 'боюсь, что он придет'); обе интерпретации возможны и в высказывании *Неужели ты боишься его прихода?*

В отличие от высказываний с *неужели* высказывания с *разве* вообще не употребляются при авторефлексии (поскольку авторефлексия, самоанализ — это по существу предположительное суждение о «предмете интереса» — о собственном внутреннем состоянии). Поэтому *разве* в сочетании с глаголом, выражающим психическое состояние, в 1-м лице всегда предполагает смещенную эмпатию или полемику: *И вы совершенно уверены в любви моей? — ...Разве я не вижу по глазам вашим?* (А. Островский).

И наконец, заключительное замечание. Сформулированные нами условия употребления частиц *разве* и *неужели* имеют между собой мало общего. Поэтому мы считаем необходимым вновь подчеркнуть весьма нетривиальный общий компонент предложенных нами описаний *разве* и *неужели*: и та и другая частица используется в «ответных» репликах, в предложениях, представляющих собой реакцию на некоторое событие (чаще всего — на предыдущее высказывание собеседника). Таким образом, предложения с *разве* и *неужели* объединяет необычная для вопросительных предложений диалогическая функция: если обычно вопросительное предложение в диалоге является «выпадом», предполагающим ответную реакцию, т. е. играет «инициативную», а не «реактивную» роль, то высказывания с *разве* и *неужели* представляют собой своего рода «вопрос-реакцию» (при этом отличаясь от простейших разновидностей вопросов-реакций типа переспросов). Именно поэтому при изучении семантики предложений с *разве* и *неужели* недостаточно ограничиваться анализом вопросо-ответной пары, как для других, «обычных» типов вопросительных предложений; необходимо учитывать не только возможный ответ на рассматриваемое высказывание, но и предыдущую реплику, т. е. с вниманием отнестись к тому, реакцией на что явилось данное высказывание.

ГЛАВА 4

КОСВЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОБУЖДЕНИЯ: ОБЩЕКОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ ИЛИ ВНЕЯЗЫКОВЫЕ КОНВЕНЦИИ?*

1. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Косвенный речевой акт в поле побудительности имеет место как в том случае, когда в значении побуждения используется вопросительное или повествовательное предложение, так и при использовании побудительного предложения с иллокутивной силой вопроса или сообщения. Однако круг косвенных речевых актов в поле побудительности оказывается еще шире. Дело в том, что общее значение побуждения объединяет самые разные речевые акты: такие, как приказ, совет, просьба, разрешение и т. п. Для некоторых разновидностей побуждения в языке может быть выработан свой, особый, «стандартный» способ выражения. Использование языковых средств, предназначенных для выражения одной разновидности побуждения, в функции побуждения какого-либо другого типа также может считаться косвенным речевым актом.

Можно заметить, что переосмысление иллокутивной функции высказывания чаще всего связано с прагматическими факторами. И здесь, как и в других подобных случаях, возникает вопрос: должны ли правила такого переосмысления включаться в лингвистическое описание? Или более конкретно: в каких случаях возможное расхождение между использованием специальных грамматических показателей императивности и побудительной предназначенностью высказывания должно учитываться при описании конкретной языковой системы?

С одной стороны, не учитывая случаи такого расхождения, мы не поймем многого в реальном речевом поведении. Например, как объяснить тот факт, что реплика председателя *Ваше время истекло*, обращенная к докладчику, будет однозначно воспринята и докладчиком, и аудиторией как выражающая побуждение 'Заканчивайте доклад'?

* Впервые опубликовано: Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2: Семантика и прагматика повелительных предложений. М., 1990.

Кажется, что объяснение того, что высказывание *Вы не могли бы передать мне соль?* является стандартной формой просьбы передать говорящему соль, является прямой задачей лингвистического описания способов выражения просьбы в русском языке.

С другой стороны, для естественного языка едва ли подходит используемое при описании диалога с искусственными интеллектуальными системами определение побуждений: «Побуждения — это высказывания, ожидаемым эффектом которых должно явиться действие вне непосредственных рамок диалога» [Вишняков 1985]. Ведь почти ничто не говорится «просто так», едва ли не большая часть всех высказываний в естественном языке бывает направлена на достижение того или иного перлокутивного эффекта¹⁶⁴. Исчислить все возможные реакции, к которым в различных ситуациях может побуждать то или иное высказывание, или, наоборот, все возможные речевые средства достижения желаемой реакции едва ли возможно и, как мы это интуитивно ощущаем, скорее всего, и не входит в компетенцию лингвиста.

Именно при описании способов выражения побуждения наиболее ярко проявляется различие между двумя крайними подходами к непрямому использованию языка (*arch use of language*). При узкоформальном подходе рассматривается лишь синтаксическое строение предложения, и случаи расхождения между формальным строением предложения и его иллокутивной функцией вообще не принимаются во внимание, считаются неинтересными для лингвиста и не относящимися к ведению лингвистики. Противоположный подход состоит в том, чтобы попытаться учесть все случаи речевых хитросплетений (такая задача иногда ставилась в рамках разработки автоматических систем, понимающих текст на естественном языке). При первом подходе лингвистическое описание оказывается заведомо неполным, второй, по видимому, нереализуем в принципе.

В связи с этим иногда предпринимаются попытки как-то ограничить группу «иллокутивно-нестандартных» высказываний, подлежащих лингвистическому рассмотрению. Однако нередко такое ограничение выглядит достаточно искусственным. Так, например, предлагалось считать лингвистически интересным косвенным выражением побуждения лишь те высказывания, в которых эксплицитно выражена пропозиция, соответствующая каузируемому действию [Lappin 1982]. В соответствии с таким решением лингвист должен учитывать в качестве непрямого побуждения такие высказывания, как *Вы не могли бы передать мне соль?* (= 'Передайте мне соль'); *Хотелось бы, чтобы*

¹⁶⁴ Ср. вопрос, часто задаваемый адресатом в ситуации, когда он не может или не хочет понять, к какому перлокутивному эффекту стремился говорящий, осуществивший, казалось бы, чисто «констативное» высказывание: *А к чему ты это говоришь?* Иногда встречающийся ответ на такой вопрос: *Ни к чему, я просто констатирую факт,* — обычно бывает не вполне искренним.

вы постарались уложиться в отведенное вам время (= 'Постарайтесь уложиться в отведенное вам время') и т. п., поскольку в них пропозициональное содержание высказывания, соответствующего прямому побуждению, выражено эксплицитно (мы выделили соответствующий компонент). Напротив того, механизм возникновения «побудительного эффекта» в таких высказываниях, как *Не найдется ли у вас спичек?* (= 'Дайте, пожалуйста, спички'); *Ваше время истекло* (= 'Заканчивайте доклад'), предполагается выходящим за рамки собственно лингвистического описания.

Мотивы такого подхода, в общем, ясны. Понимание высказывания предполагает понимание двух вещей: его иллокутивной силы и пропозиционального содержания. Кажется, что, зафиксировав иллокутивную силу высказывания, мы можем исчислить возможные способы порождения побудительной иллокутивной силы. Однако оказывается, что указанное решение сочетает слабые стороны двух крайних решений: вообще игнорировать не прямое выражение побуждения или пытаться учесть все возможные способы речевого воздействия на поведение адресата речи. С одной стороны, при таком подходе мы исключим из рассмотрения многие стандартные для данного языка способы выражения побуждения. Так, в русском языке просьба дать нечто, чем, возможно, располагает собеседник, вполне стандартно выражается вопросительным предложением *Нет ли у вас...* или *Не найдется ли у вас...*, не включающим пропозицию 'дайте мне...' и потому не учитываемым рассматриваемым подходом. С другой стороны, возможности непрямого выражения побуждения, использования разного рода намеков остаются безграничными и в рамках такого ограничения. Более того, в ряде случаев высказывание, не удовлетворяющее предложенному критерию, оказывается более прямым выражением побуждения, нежели аналогичное высказывание, полностью удовлетворяющее данному критерию. Например, просьба или требование дать нечто может в определенных условиях имплицироваться констатацией желания это иметь. При этом высказывание *Хочу пить*, произнесенное больным, представляется более непосредственно выражающим просьбу принести попить, нежели высказывание *Хотелось бы, чтобы обо мне вспомнили и принесли мне попить*, хотя первое высказывание не содержит пропозиции 'принесите попить', а второе содержит.

В последние годы широкую популярность приобрел подход, при котором косвенные речевые акты не учитываются при описании конкретного языкового кода, а их косвенные иллокутивные функции исчисляются на основе универсальных коммуникативных постулатов, сформулированных в 1975 г. в известной статье Г. П. Грайса [1985]. Такой подход иногда называют радикально-прагматическим [Levinson 1983], поскольку он предполагает, что правила извлечения информации о косвенных иллокутивных функциях не относятся к семантике

конкретного языка, а описываются общими прагматическими законами речевого общения.

При радикально прагматическом подходе мы не игнорируем возможное разнообразие иллокутивных функций в различных коммуникативных ситуациях, но и не ставим перед собою безнадежную задачу учесть все это разнообразие в описании конкретной языковой системы. Такое решение выглядит весьма заманчивым. Его можно было бы считать вполне оправданным, если бы на основе общекоммуникативных постулатов мы могли бы не только объяснить, почему то или иное высказывание приобретает косвенные иллокутивные функции, но и предсказать конкретные разновидности косвенных речевых актов (как в плане содержания, так и в плане выражения). Однако оказывается, что в различных языках использование не прямых средств выражения иллокутивной предназначенности высказывания неодинаково, конкретные разновидности косвенных речевых актов характеризуются своей спецификой в каждом отдельном языке

Поясним сказанное, рассмотрев в этой связи «канонический» пример косвенного речевого акта — вопрос в значении побуждения. Соответствующие предложения в английском языке не включают отрицания (ср.: *Could you give me a match? Have you got a match?*), тогда как в русском языке вопрос понимается как побуждение лишь при наличии поверхностного отрицания¹⁶⁵. Ср.:

- (1) а. У вас нет спичек?
б. У вас есть спички?
- (2) а. Вы не могли бы прийти к нам в субботу?
б. Вы могли бы прийти к нам с субботы?
- (3) а. Ты не мог бы одолжить мне сто рублей на месяц?
б. Ты мог бы одолжить мне сто рублей на месяц?

¹⁶⁵ Ср. замечания О. Есперсена о различном восприятии «вопросов» такого рода в разных языках. Говоря о том, что в некоторых случаях «несущественно, как формулируется вопрос — положительно или отрицательно», он отмечает: «То, что здесь было сказано о вопросах, касается только неэмоциональных вопросов; особая интонация удивления превратит эти вопросы в две противоположности: *Will you (really) have a glass of beer?* будет означать: «Я удивлен, что вы хотите стакан пива», а *Won't you have a glass of beer?* — обратное. В то время как в английском языке *Won't you pass me the salt?* «Не передадите вы мне соль?» звучало бы грубо, так как предполагало бы нежелание со стороны того, к кому это предложение обращено, в датском языке *Vil De række mig saltet?* обычно представляет собой приказание, а *Vil De ikke række mig saltet?* будет вежливой просьбой (*Would you mind passing the salt?*). Одна голландка рассказала мне, как она была сначала удивлена, услышав в пансионе в Копенгагене подобные отрицательные вопросы, которые она поняла как просьбу не передавать соль. Очень часто та или иная форма вопроса подбирается для того, чтобы подсказать ответ...» [Есперсен 1958: 374—375].

- (4) а. *А вы ноктюрн сыграть могли бы.?*
 б. *Не могли бы вы сыграть ноктюрн.?*

Здесь (1а) воспринимается как просьба одолжить спички, а (1б) — скорее как вопрос, заданный с целью предложить спички (в случае их отсутствия); ср.: ...*Она была любезной хозяйкой, заботившейся об удобствах гостей. «Кури́те, кури́те, спички у вас есть?»* (Н. Ильина). (2а) — приглашение; (2б) — говорящий спрашивает всех, кого хочет пригласить, чтобы выбрать удобное для всех время. (3а) воспринимается как просьба, тогда как вопрос (3б) может быть естественным образом продолжен: *Я не уверен, что мне это понадобится, но спрашиваю на всякий случай*, т. е. представляет собой именно вопрос. Аналогично, (4а) — вопрос, (4б) — просьба.

Характерен диалог двух сестер, приведенный в одной из работ Е. А. Земской [1988: 39]: *Я вчера купила масло, рыбу, кефир. Будешь готовить рыбу? — Мне некогда, мне заниматься надо. — Как хочешь. Не готовь. А рыба неплохая. Морской окунь без головы. — Я же тебе говорю: у меня все время уходит зря. — А я тебя и не прошу готовить. Я только спросила: «Будешь готовить рыбу?» Ты различаешь вопрос и просьбу? Действительно, вопросительное предложение без отрицания (*Будешь готовить рыбу?*) выражает именно вопрос. А вот если бы старшая сестра сказала: *Не приготовишь ли ты рыбу?*, — это закономерно воспринималось бы как просьба, а не вопрос.*

Использование конструкции *Нет ли у вас X?* настолько конвенционализировано в русском языке как способ выражения просьбы, что невозможным оказывается употребление таких предложений в функции вопроса. Аномальными выглядели бы, например, вопросы анкеты: *Нет ли у вас детей.?*; *Нет ли у вас правительственных наград?* и т. п.

Примечательно, что употребление отрицания в вопросительных предложениях, используемых в качестве просьбы, обязательно, независимо от того, соответствует ли пропозициональное содержание высказывания ситуации возможного отказа (как в предложениях: *У вас нет спичек.?*; *Вы не можете передать соль.?*) или согласия выполнить просьбу (ср.: *Вам не трудно передать мне спички.?*; *Вы не откажетесь прочитать мою работу.?*).

Таким образом, употребление вопросительных предложений в качестве просьбы в русском языке связано с лингвоспецифичными конвенциями и не может быть выведено за рамки лингвистического описания, хотя интерпретация этих предложений как актов просьбы в значительной мере обусловлена общекоммуникативными постулатами.

Иногда употребление отрицательной формы объясняют правилами вежливости — например, тем, что говорящий допускает возможность отказа, мотивированного неспособностью адресата речи выполнить просьбу (т. е. тем, что у адресата речи «нет спичек», что он «не может пере-

дать соль», и т. д.). Возможно, с точки зрения происхождения таких формул данное объяснение справедливо. Однако, по крайней мере, в русском языке такое употребление настолько конвенционализировалось, что отрицание оказывается обязательным не только когда оно объясняет отказ, но и когда соответствует согласию выполнить просьбу, ср.: *Вам не трудно передать спички?* (но не [?]*Вам трудно передать спички?*); *Вы не откажетесь прочитать мою работу?* (но не [?]*Вы откажетесь прочитать мою работу?*) и т. п.

Кажущимся контрпримером является высказывание *Вы позволите...?*, которое эквивалентно побудительному *Позвольте...*, несмотря на то, что не включает отрицания. Дело в том, что это высказывание (как и «побудительное» *Позвольте...*) не ориентировано ни на какой перлокутивный эффект, кроме чисто вербальной реакции (*Да, конечно* или что-то в этом роде). Поэтому, с точки зрения общей классификации речевых актов, оно должно рассматриваться именно как вопрос. Напомним, что вопрос может быть выражен не только вопросительным, но и эквивалентным ему побудительным предложением (ср.: *Который час?* (*Скажите, пожалуйста, который час*). Точно так же и здесь мы имеем не вопросительное предложение *Вы позволите...?* в значении побуждения, а побудительное *Позвольте...* в значении вопроса.

Итак, в русском языке отрицание является конвенциональным знаком того, что вопросительное предложение употреблено с иллокутивной силой побуждения, а именно просьбы. При отсутствии отрицания вопросительное предложение выражает побуждение (но не просьбу!) лишь в особых прагматических условиях — говорящий считает, что адресат речи давно уже должен совершить соответствующее действие: *Да бросите ли вы в конце концов вашу музыку?* (К. Федин)¹⁶⁶; *Пойдешь ли ты наконец за хлебом?*; *Доешь ты когда-нибудь свой суп?* (недаром в таких высказываниях часто используются слова *наконец, в конце концов, когда-нибудь* и т. п.). Интересно, что английские вопросительные предложения, выполняющие аналогичные иллокутивные функции, часто как раз включают отрицание.

Таким образом, употребление вопросительных предложений в качестве просьбы в русском языке связано с лингвоспецифичным конвенциями и не может быть выведено за рамки лингвистического описания, хотя «побудительная» интерпретация этих предложений

¹⁶⁶ Русская грамматика [1980: 396] едва ли точно трактует этот тип как «вопрос, побуждающий к прекращению действия»: ведь «действие» здесь — «бросить», так что здесь, как и «положено», имеет место побуждение к «совершению действия» («бросьте!»). Но, действительно, «побуждение к прекращению» здесь в каком-то смысле ощущается. Можно было бы сказать, что прагматические особенности этих высказываний предполагают призыв не просто к «совершению действия», но, скорее, к прекращению «невыполнения действия».

вполне согласуется и с общекоммуникативными постулатами. Однако общекоммуникативные постулаты позволяют лишь объяснить возможность или генезис таких употреблений, но не дают возможности предсказать их языковые особенности.

2. ВИДЫ ПОБУЖДЕНИЙ И ИХ НЕПРЯМОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Актуальной задачей представляются выявление и регистрация случаев, так или иначе маркирующих тот или иной речевой акт в рамках общего значения побуждения. В ряде случаев выбор языковых средств определяется «естественной», не зависящей от конкретного языка логикой коммуникативного взаимодействия. Так, правилами «вежливости» можно объяснить то, что вопросительные предложения (связанные с выражением значения «дубитативности») часто используются в функции просьбы, но не употребляются, скажем, в ситуации «угощения»: хозяйка не скажет гостю: *Вы не могли бы взять кусочек торта?*, но скорее употребит категоричную форму деонтической модальности: *Вы должны взять кусочек торта* (ср., например: [Lakoff 1972]), хотя здесь и возникает опасность «демянковой ухи»¹⁶⁷. Не зависит от лингвоспецифичных конвенций и то, что «констатация нужды» используется в императивном значении («Дайте»; «Принесите»), как правило, в разговоре с подчиненным [Ervin-Tripp 1976: 29], ср.: *Мне нужны подробности по делу Иешуа. — Слушаю, прокуратор* (М. Булгаков).

«Естественным» отражением логико-семантической структуры речевого акта угрозы (сообщение о нежелательных для адресата будущих событий с целью оказать влияние на его поведение, т. е. вызвать или предотвратить какое-либо его действие [Wierzbicka 1987a]), является употребление в этой функции последовательности предложений, включающих в свой состав форму императива и форму будущего времени глагола, указывающего на возможные последствия неподчинения побуждению. Ср., например: *Убирайтесь из школы! А то сына сделаем калекой* (Огонек, 1988, № 47). Однако идиоматичным является распространенное в разговорном русском языке употребле-

¹⁶⁷ Разумеется, употребление тех или иных формул вежливости в определенной ситуации зависит еще и от идиоэтических правил этикета, т. е. не собственно языковых конвенций, а конвенций употребления [Morgan 1975]. Например, в ситуации «угощения» соответствующие побуждения в одной и в другой среде могут различаться по степени настоятельности. Так, по свидетельству Т. Ю. Строгановой (устное сообщение), в одних диалектных регионах русского языка от хозяев требуются многократные побуждения гостей «угощаться» («много просу»), тогда как в других специальные «побуждения» считаются неуместными («хлеб-соль на столе, а руки свое»).

ние императива с выражениями *у меня, мне*, однозначно маркирующими акт угрозы¹⁶⁸ (в «Русской грамматике» [1980: т. 1, 623—624] соответствующие конструкции не вполне, на наш взгляд, удачно квалифицируются как «побуждение к запрещаемому»): *Поговори мне еще!*; *Ты у меня пикни только!* (А. Островский) и т. п. В подобных случаях угрозу предполагается реализовать не в случае невыполнения того действия, на которое указывает императив, а, как раз наоборот, в случае выполнения.

Во многих случаях мы сталкиваемся с лингвоспецифичными конвенциями использования, казалось бы, семантически тождественных языковых средств. Так, выражения *Потрудитесь...; Возьмите на себя труд...* в сочетании с инфинитивом полностью конвенционализированы в современном русском языке и используются только по отношению к лицам более низкого по сравнению с говорящим социального статуса; при этом *Потрудитесь* выражает еще и некоторое недружелюбие. В отличие от этого *Вам не трудно...* (а также, может быть, *Вы не могли бы взять на себя труд...*) в сочетании с инфинитивом может использоваться для выражения самой вежливой просьбы (*Вам не трудно закрыть дверь?*). Если, однако, ни о какой «трудности» не может быть речи, то эта же конструкция выражает недружелюбную иронию: *Вам не трудно немного помолчать?*

Прошу... в сочетании с инфинитивом используется в самых разных типах побудительных речевых актов: заявлениях (*Прошу командировать меня в Ленинград для участия в конференции*), требованиях (*Прошу покинуть зал*), но парадоксальным образом как раз в просьбах эта форма нормально не употребляется. В отличие от *Прошу...*, близкая по значению форма *Умоляю...* маркирует именно настоятельную просьбу. Что же касается номинализации *Просьба...*, то она в сочетании с инфинитивом звучит достаточно официально и часто понимается как требование (*Просьба освободить вагоны*).

Конвенционализированным в русском языке является использование форм совершенного и несовершенного вида в императиве. Это непосредственно связано со своеобразием русской видовой системы. Общие правила выбора видовых форм при отсутствии отрицания описаны Д. Н. Шмелевым [1959]. Можно сказать, используя формулировку И. А. Шаронова [1991], что в ситуации «видовой конкуренции» императив совершенного вида выражает побуждение к действию, а императив несовершенного вида — сигнал приступить к осуществлению действия. При наличии отрицания выбор видовой формы в повелительном наклонении зависит от признака контролируемости (см. главы I.1.1 и I.1.2). В то же время лексическое значение глагола, взаи-

¹⁶⁸ См. [Шмелев 1958]; там же описаны и некоторые другие конвенционализированные в русском языке способы выражения речевого акта угрозы.

модействуя с семантикой глагольного вида в императиве, нередко конвенциональным образом модифицируется. В частности, это касается ментальных предикатов, употребление которых в повелительном наклонении мы уже рассмотрели в главе I.2.2.

Конвенционализированным в русском языке следует считать также использование императива в сложносочиненных предложениях типа *Пей, да дело разумей; Ври, да знай меру; Говори, да не заговаривайся* (может быть, сюда же относится *На Бога надейся, а сам не плошай*). Здесь первый императив выражает не побуждение к желаемому для говорящего (или хотя бы к безразличному для него, как при разрешении) действию, а допущение действия, скорее, неодобряемого, если только оно не сопровождается каким-либо ограничивающим условием, тогда как второй императив как раз и задает такое ограничивающее условие.

Определенным своеобразием характеризуется и (вообще говоря, «естественное») употребление показателей деонтической модальности в прямых и косвенных директивных актах. Глагол *мочь* во 2-м лице употребляется в составе речевого акта разрешения (даваемого говорящим) в отличие от речевого акта констатации разрешенности, в составе которого этот глагол может употребляться во всех личных формах (включая и 2-е лицо). Соответственно *Можно...?* (реже: *Могу я...?*), употребляясь в общевпросительном предложении, играет роль прямого показателя речевого акта испрашивания разрешения. Ср.: *Можно идти?* и, соответственно, *Можете идти; «Вы можете еще играть»*, — сказала она, как будто Илья только и рвался к пианино; *«Можно мне потренироваться еще?»* — *«Хорошо, репетируй»*, — разрешил Бедуля (А. Безуглов).

Напротив, модальные показатели долженствования обычно употребляются лишь в повествовательных предложениях, констатирующих долженствование (при этом они могут, конечно, использоваться в качестве косвенных директивных актов): *Вы должны меня оставить; Спички трогать нельзя*. Исключение составляют, быть может, примеры типа: *Не надо сердиться!*

Отметим в заключение, что между развиваемым здесь подходом (ср. также идеи радикально-семантического подхода в статье [Wierzbicka 1987b]) и радикально-прагматическим подходом нет противоречия в принципе. Различие, скорее, в акцентах: если сторонники радикально-прагматического подхода фактически стремятся удалить из лингвистического описания все неконвенциональные явления (относя туда, в частности, косвенные речевые акты), то мы настаиваем на необходимости включать в лингвистическое описание все конвенциональные явления, и, в частности, конвенционализированные употребления высказываний с косвенной иллокутивной силой.

ГЛАВА 5

ГИПОТЕЗЫ И КВАЗИАССЕРЦИИ*

1. ГИПОТЕЗЫ И ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Естественно-языковые высказывания, связанные с модальными понятиями, как известно, характеризуются чрезвычайным разнообразием. Как мы уже отмечали (см. главу II.2), лишь часть из них может быть адекватно представлена при помощи аппарата модальной логики. В целом ряде случаев описание условий употребления модальных показателей предполагает апелляцию к прагматическим факторам.

В данной главе обсуждаются преимущественно прагматические аспекты функционирования некоторых модально-вводных слов русского языка и высказываний, выражающих значение «возможности».

Напомним (см. главу II.2), что среди высказываний, связанных с понятием «возможности», следует различать категорические суждения о ситуациях, в которых имеет место та или иная возможность, и гадательные предположения о том, имеет ли место некоторая ситуация.

Различие между указанными типами высказываний возможности мы иллюстрировали на примере двух разных пониманий фразы *Петька мог и соврать*. В высказывании *Петька мог и соврать, но решил сказать правду* говорится о возможности, которая имела место в прошлом, но не реализовалась. Однако независимо от того, реализовалась ли возможность, тот факт, что она имела место, подается как объективно установленный. Такую возможность мы назвали онтологической возможностью, или потенциальностью.

Высказывание *Если ли основания верить Петьке? Петька мог и соврать*, скорее всего, будет понято так, что говорящий не знает, соврал Петя или нет, и высказывает гипотезу, что, возможно, и соврал. Допустимость такого высказывания непосредственно связана с эпистемическим состоянием говорящего. Он высказывает мысль о том, что рассматриваемая ситуация, возможно, имела место в реальности (не зная, насколько верно его предположение), а не утверждает, что реально была ситуация, когда имела место

* В основу главы положены статьи «Гипотеза как мыслительный и речевой акт» (Логический анализ языка: Ментальные действия, М., 1993) и «Коммуникативная модальность: констатация возможности, гипотезы и квази-сообщения» (Slavistische Beiträge, Band 305, München, 1993).

рассматриваемая возможность. То же, или, по крайней мере, близкое значение однозначно выражается в высказывании *Петька, возможно, и соврал*. Такую возможность мы назвали эпистемической возможностью, или проблематичностью.

В русском языке глагол *мочь* используется для выражения обоих типов возможности (хотя, вероятно, значение потенциальности является его непосредственным речевым значением, а значение проблематичности — речевой импликацией некоторых высказываний с этим глаголом). В то же время есть целый ряд показателей, служащих для выражения только онтологической или только эпистемической возможности. Так, слово *можно* (*В такую погоду можно промочить ноги; Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей*), оборот *иметь возможность* и др. всегда указывают на потенциальность, а вводные слова со значением возможности (*возможно, быть может, вероятно* и т. п.) — на проблематичность.

Показатели онтологической и эпистемической возможности характеризуются совершенно различным статусом в языке. Присоединяясь к той или иной пропозиции, показатели онтологической возможности превращают ее в новую, модализованную пропозицию, которая, так же как и исходная, остается, так сказать, «полуфабрикатом», требующим соединения с той или иной иллокутивной силой, чтобы обрести способность участвовать в соответствующем речевом акте.

Показатели эпистемической возможности, присоединяясь к пропозиции, дают в результате не новую пропозицию, а уже «готовый к употреблению» продукт, т. е. единицу другого ранга, которую, на наш взгляд, уместно считать особым иллокутивным типом, предназначенным для выражения специального речевого акта гипотезы. Вводные слова типа *возможно, может быть, вероятно, должно быть, наверно, несомненно* и т. д. могут соответственно рассматриваться как показатели иллокутивной силы гипотетичности¹⁶⁹.

Поскольку указанные слова представляют собою иллокутивные операторы, они несовместимы с показателями иных иллокутивных типов, например вопросительности или побудительности. Аномальные высказывания: **Есть ли у вас, может быть англо-русский словарь?; *Вероятно, сходи за хлебом; *Кто, несомненно, разбил окно?* и т. п.

Приводя пример из Ленина *Доверился ли ему автор более случайно, может быть?*, — П. Рестан [1972: 176] замечает: «По законам русского языка вводное сочетание слов *может быть* и вопросительная частица *ли* несовместимы. Приведенный пример можно объяснить тем, что он написан на скорую руку».

¹⁶⁹ Русский язык располагает, кроме того, двумя в высшей степени лингвоспецифичными показателями гипотетичности — словами *авось* и *небось*, подробно рассматриваемыми в [Шмелев 1996б].

Условие успешности речевого акта гипотезы — «говорящий не знает, каково действительное положение дел», а его назначение — предложить адресату речи рассмотреть возможность, соответствующую высказанной гипотезе. Перлокутивный эффект такого речевого акта может быть различным. Если адресат речи не знает, как в действительности обстоит дело, он просто принимает во внимание эту возможность и учитывает ее в дальнейшем. Если же он знает, каково действительное положение вещей, то по законам речевой кооперации он должен сообщить это говорящему, не оставляя его в неведении. Ср.: [*«Он пропал куда-то, вот мы боимся, не случилось ли чего-нибудь».* «А что же может случиться?» — спросила она.] «*Может, заболел?*» — предположил я. «*Ах, может, заболел!* — воскликнула она. — *Нет, не заболел. Сегодня Михаил Степанович встретил его в городе»* (Ю. Домбровский).

В подобных случаях ожидаемый перлокутивный эффект у гипотезы оказывается таким же, как у вопроса. Говорящий может прямо рассчитывать на такой эффект, так что можно даже говорить о косвенном речевом акте — гипотетичном предложении, употребленном в значении вопроса. Не случайно в конце соответствующих предложений в письменных текстах ставится вопросительный знак, ср.: *Может быть, ты хочешь отдохнуть?*; *Вы, должно быть, устали?*; *Ты, наверное, читал Бродского?* Однако такие предложения нельзя считать подлинно вопросительными. Об этом свидетельствует, в частности, интонация, в общем случае отличающаяся от интонации (обще)вопросительных предложений [Žaža 1981]¹⁷⁰. Показательна невозможность использовать в таких предложениях общевопросительную частицу *ли*: **Хочешь ли ты, может быть, отдохнуть?*; **Устали ли вы, должно быть?*; **Читал ли ты, наверное, Бродского?* Ср. также аномальность предложений **Есть ли у вас, вероятно, англо-русский словарь?*;

¹⁷⁰ Однако существенно, что и независимо от указанного несовпадения рассматриваемые предложения нельзя было бы считать подлинно вопросительными. Упомянутая выше несовместимость показателей гипотетичности с вопросительными словами является достаточным основанием для того, чтобы отличать — на уровне предложения — иллокутивный тип гипотезы от интеррогатива. Так называемая «вопросительная интонация» (вступающая в игру только на уровне высказывания) гораздо более многозначна. Она маркирует разные типы «дубитативности», отсутствие «безапелляционности», в частности — отличает просьбу от требования. Ср., например, необходимое интонационное отличие высказывания *Оторвите билетик* (в автобусе при обращении к соседу с просьбой) от требования *Предъявите билет*. Просьба *Свет погаси* интонационно не отличается от вопроса *Свет погасил?*. При спорадическом совпадении формы индикатива 2 л. мн. ч. и формы императива (как в случае *позвоните*) высказывания, реализующие вопрос и просьбу, могут звучать совершенно одинаково: *Позвоните мне завтра (?)* = (1) 'Я спрашиваю, позвоните ли вы мне завтра' и (2) 'Я прошу вас, чтобы вы мне позвонили завтра'.

**Знаете, ли вы, должно быть, английский язык? при правильности У вас, вероятно, есть англо-русский словарь?; Вы, должно быть, знаете английский язык?* Во всех указанных случаях мы имеем дело не с вопросительными предложениями, а с гипотетическими предложениями в функции вопроса, т. е. с косвенными речевыми актами.

В том случае, когда истинность соответствующей пропозиции зависит от адресата речи, речевой акт гипотезы может использоваться как просьба, совет или предложение: *Может быть, ты сходишь за хлебом?; А может быть, тебе стоит уйти на пенсию?; Может, не будем обсуждать этот вопрос?* Вопросительный знак, который обычно ставится в конце таких предложений, не должен вводить в заблуждение: мы не имеем здесь дело с «вопросительным предложением в значении побуждения». Напомним, что в русском языке употребление вопросительных предложений в значении побуждения конвенционализировано; они, как было отмечено в главе III.4, включают отрицание: *Ты не сходишь за хлебом?; Ты не мог бы сходить за хлебом?; Не уйти ли тебе на пенсию?; Почему бы тебе не подать заявление об уходе?; Не отказаться ли нам от обсуждения этого вопроса?* Отсутствие отрицания в рассмотренных ранее примерах как раз и объясняется тем, что здесь в качестве просьбы употреблены не вопросительные, а гипотетические предложения.

Общим во всех случаях использования гипотетических предложений является отсутствие у говорящего сведений об истинности пропозиционального содержания гипотезы. Это неперемное условие употребления показателей гипотетичности, и тем самым соответствующий смысл может рассматриваться как конвенциональная (а не речевая) импликатура соответствующего высказывания. Как и всякая конвенциональная импликатура, она не может погашаться: невозможна конструкция **не только может быть, но и точно* или тем более **может быть и точно*. Если кто-то хочет сказать, что не следовало ограничиваться гипотезой, а можно было высказать категоричное утверждение, он может выразить эту мысль при помощи конструкции с другим союзом: *не может быть, а точно*. Иными словами, гипотеза не является более слабым высказыванием, чем категорическое утверждение, — просто это два разных речевых акта, имеющих разные условия успешности. С этим же связана и способность показателей гипотетичности «навешиваться» на любую пропозицию (в том числе модализованную).

Как косвенный речевой акт, следует, вероятно, рассматривать и рассмотренное выше использование повествовательного предложения с глаголом *мочь* в функции гипотезы. Соответствующие высказывания могут интерпретироваться как сообщения о возможности, которые в заданных коммуникативных условиях оказываются функционально

близкими выдвигению гипотез о действительности¹⁷¹. Тем самым прагматически неоднозначные высказывания типа *Петька мог и соврать* не являются семантически неоднозначными: глагол *мочь* в них во всех случаях имеет значение онтологической возможности.

Такие средства выражения онтологической возможности выступают не в качестве иллокутивного показателя, а как модальный оператор. Соответствующая модализованная пропозиция может использоваться в различных речевых актах и, в частности, быть содержанием гипотезы: *Он мог пойти в кино* (сообщение); *Мог ли он пойти в кино?* (вопрос); *Хоть бы я мог разочек сходить в кино* (пожелание); *Вероятно, он мог пойти в кино* (гипотеза). При этом комбинация иллокутивного показателя гипотетичности с показателем иллокутивной модальности вовсе не обязана быть «гармоничной» — ср. отрывок из судебного очерка: *Старший лейтенант начал с соседки Курганского — Татьяны Петрожицкой. Она целыми днями сидела дома и наверняка могла сообщить что-нибудь о событиях минувшей недели* (аномально было бы **Она наверняка, может быть, сообщит что-нибудь о событиях минувшей недели*). Повествовательное предложение *Он мог пойти в кино* говорит о возможности, которая имела место в прошлом, причем говорящий может прекрасно знать, реализовалась она или нет (ср.: *Он мог пойти в кино, но предпочел пойти в театр*), — как объективно установленный факт подается то, что она имела место. Но в ситуации, когда говорящий ничего не знает о реальном положении дел, сообщение о возможности оказывается функционально эквивалентным гипотезе: [*Нет оснований беспокоиться, где он.*] *Он мог пойти в кино* ≈ *Он, возможно, пошел в кино*. Ср. также: *Эти... заявления... как раз соответствуют истине. Конечно, Агранов мог им не поверить... Однако запрет на заграничную поездку мог быть и не связан ни с каким недоверием. Возможно, это было просто лишение милостей, перевод в более низкий... ряд* (Ю. Карабчиевский).

Обратим в то же время внимание на то, что пропозициональное содержание у сообщений о возможности и у гипотез различно. В констатациях возможности утверждается истинность пропозиции M_p (M_p является модализованной пропозицией, полученной из исходной пропозиции P присоединением оператора возможности), а в гипотезах высказывается предположение об истинности пропозиции P .

Возможная прагматическая эквивалентность сообщений о возможности P и гипотез о реальности P не отменяет необходимости теоретического различения соответствующих типов высказываний. Высказывания с языковыми аналогами модальных операторов, произведенные в ситуации незнания, хотя внешне похожи на гипотезу, дале-

¹⁷¹ Как уже отмечалось выше (глава II.2), выдвигение гипотезы оправданно, только если соответствующее положение дел *в о з м о ж н о*.

ко не всегда могут быть заменены на подлинно гипотетические высказывания. Ср.: *Дождь может пойти в любой момент* ≠ **Дождь, может быть, пойдет в любой момент*; *Он мог выдумать что угодно* ≠ **Он, возможно, выдумал что угодно*. Несмотря на то, что высказывания типа *Он мог выдумать что угодно* делаются в ситуации незнания, они не столько представляют собою близкие гипотезе речевые акты, сколько соответствуют отказу от выдвижения какой-либо гипотезы.

Итак, среди слов, традиционно относимых к «показателям достоверности/недостоверности», можно выделить показатели гипотетичности (*несомненно, вероятно, должно быть, наверно, возможно, может быть* и т. д.), которые используются в гипотетических предложениях, предназначенных для выражения особого речевого акта — гипотезы. Условие успешности речевого акта гипотезы — говорящий не знает действительного положения дел. Поэтому показатели гипотетичности не могут быть употреблены в тех случаях, когда говорящий располагает непосредственной информацией о положении дел — чувственной или основанной на сообщении, полученном от других лиц. В нормальных условиях нельзя сказать: *Должно быть, здесь жарко* или *Наверно, здесь пахнет газом* (хотя вполне возможно, находясь в Москве, высказать гипотезу: *В Крыму сейчас, должно быть, жарко*, — ср. у Чехова: *А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело!*). Если звонит телефон, можно, еще не сняв трубки, высказать предположение: *Наверно, это Ваня*, — но, сняв трубку и услышав голос, если не вполне уверен, что правильно узнал звонящего, нельзя сказать: *Наверно, тебя к телефону Ваня*.

2. ГИПОТЕТИЧНОСТЬ И КВАЗИАССЕРТИВНОСТЬ

От показателей гипотетичности следует отличать квазиасертивы (*кажется, как будто, вроде*)¹⁷². Хотя показатели гипотетичности и квазиасертивы часто недифференцированно рассматривают в рамках традиционно выделяемой группы «показателей достоверности/недостоверности», они, как правило, оказываются невзаимозаменяемы, а замена одного на другой приводит к изменению смысла высказывания. Ср.: *Его мать, наверно, была красавицей* (умозаключение) и *Его мать, кажется, была красавицей* (по слухам). Только показатели гипотетичности могут использоваться в условных конструкциях (*Если у меня будет время, я, вероятно [*кажется], к вам зайду*), в предположениях о будущем (*Вам, несомненно [*кажется], понравится фильм*) и т. п.

¹⁷² На глубокие отличия квазиасертивов от показателей гипотетичности обратила внимание Е. С. Яковлева [1984; 1988 и др.] (соответствующее разграничение описывалось в ее работах как различие показателей «характерной» и «нехарактерной» информации).

С другой стороны, если речь идет об информации, полученной в результате чувственного восприятия, припоминания или исходящей от других лиц, могут быть использованы только квазиассертивы, но не показатели гипотетичности. Это связано с тем, что условия употребления гипотез и высказываний с квазиассертивами полностью различны. Если гипотезы употребляются в ситуации, когда у говорящего нет непосредственной информации об истинности соответствующей пропозиции и он высказывает предположение, основываясь на логическом выводе или интуитивной догадке, то квазиассертивные высказывания могут быть использованы только тогда, когда говорящий располагает непосредственной информацией об интересующем его положении дел, хотя не вполне убежден в ее достоверности.

Квазиассертивы можно подразделить на «импрессивы», «квотативы» и «операторы неуверенной оценки».

Высказывания с «импрессивами» используются в тех случаях, когда говорящий располагает непосредственной перцептуальной информацией о действительном положении дел, но по каким-то причинам не вполне доверяет этой информации: *Кажется, пахнет газом.* Именно поэтому если звонит телефон, то, еще не сняв трубки, можно высказать гипотезу: *Наверно (*Кажется), это звонит редактор;* но, сняв трубку, в ситуации узнавания по голосу можно использовать только квазиассертив: *Кажется (*Наверно), это звонит редактор.*

Только квазиассертивы уместны в высказываниях, которые делаются в ситуации припоминания (*точно не помню, кажется, ...*); ср.: *Между ними была ссора. Не помню из-за чего. Кажется, из-за какой-то комиссии, которую прислали из штаба фронта* (Ю. Трифонов). Однако в ситуации, когда говорящий начисто забыл что-то (и тем самым уже не имеет непосредственной информации об интересующем его положении дел) уместным оказывается, напротив, употребления показателя гипотетичности. Ср., с одной стороны: *Как же ее звали, не помню... Кажется (*Наверно), Наташа,* — и с другой: *Как же ее звали? Начисто забыл. Может, Наташа, а может, Катя...*

Другой тип квазиассертивов, которому, как кажется, ранее не уделялось должного внимания, составляют «квотативы», используемые в тех случаях, когда говорящий опирается на информацию, полученную от других лиц (особенно если он не вполне уверен в ее достоверности). Наряду с *кажется, вроде, как будто* к «квотативам» относятся также такие выражения, как «вводное» *говорят*. Если нам сказали, что Иван уехал в Киев, то, передавая эту информацию третьему лицу, мы можем сказать: *Кажется, Иван уехал в Киев; Иван как будто уехал в Киев; Иван вроде уехал в Киев* или, наконец, *Иван, говорят, уехал в Киев*. Разумеется, в подобном случае неуместно было бы высказывать гипотезу: *Может быть, Иван уехал в Киев; Иван наверняка уехал в Киев*. Ср. использование «квотатива» (*вроде как*) при цитиро-

вании в газетном тексте («Известия», 1992, 25 июня): *Представители... блока «Новая Россия»... утверждают, что Б. на вокзале был абсолютно трезв. А нападение на него не что иное, как политическая месть. Б. работал в комиссии по расследованию деятельности ГКЧП, вроде как передал в Прокуратуру документы о нелегальном вывозе... золота за рубеж и стоял на пути мафии, блокирующей строительство важного народнохозяйственного объекта в Москве.*

Наконец, такие обороты, как *мне кажется* или *по-моему*, никогда не используются при ссылке на информацию, полученную «из вторых рук», а употребляются чаще всего при выражении неуверенной оценки: *Фильм, по-моему, хороший* или *Мне кажется, фильм хороший* (говорящий посмотрел фильм, но не претендует на общеобязательность его положительного мнения об этом фильме). Эти же выражения могут использоваться и в качестве «импрессивов» (но, как указывалось выше, не «квотативов»). Таким образом все виды квазиассертивов служат для выражения разных видов неуверенности — говорящий не доверяет собственной оценке (*мне кажется* или *по-моему*), собственным впечатлениям («импрессивы») или информации, полученной от других («квотативы»).

Использование «квотативов» в некоторых случаях является для русского языка обязательным; например, встретив своего коллегу, я не могу просто сказать ему: *Ты собираешься в Стокгольм*; я должен использовать «квотатив»: *Кажется, ты собираешься в Стокгольм* или *Говорят, ты собираешься в Стокгольм*. Здесь говорящий рассчитывает на то, что адресат речи подтвердит или опровергнет сообщение, так что можно считать, что мы имеем дело с косвенным речевым актом (квази-ассертивным сообщением в функции вопроса). Простое сообщение *Ты собираешься поехать в Стокгольм* было бы прагматически неуместно.

Точно так же, если я не видел фильма, а лишь слышал отзывы о нем моих знакомых, я могу сказать: *Кажется, фильм хороший*; *Говорят, фильм хороший* или *Фильм как будто хороший*, — но не: *Фильм хороший* или *Мне кажется, фильм хороший*. Последние два высказывания уместны лишь в ситуации, когда говорящий сам видел фильм; при этом в первом случае он более уверенно высказывает оценку, нежели во втором. Напротив того, говоря о фильме, который я посмотрел, я не могу использовать такие квазиассертивы, как *кажется*, *как будто* или *вроде*. Вводить оценку, основанную на моих собственных впечатлениях, такие выражения могут лишь в том случае, когда я полагаю эти впечатления поверхностными, еще недостаточными для более уверенной оценки — например, когда я только начал смотреть фильм, я могу сказать о нем: *Кажется, неплохо*. В подобных случаях я допускаю, что более внимательное знакомство с оцениваемым объектом приведет к тому, что я откажусь от первоначальной оценки. Если я только начал читать диссертацию, которую должен рецензировать, то

на вопрос: *Как тебе его работа?* — я могу ответить: *Вроде (бы) интересная*, или: *Как будто на уровне*, или: *Кажется, ничего*.

Итак, различаются: *Фильм хороший* (говорящий видел фильм, категорическая оценка); *Фильм, мне кажется, хороший*; *Фильм, по моему, хороший* (то же, но оценка не категорична); *Фильм, кажется, хороший*; *Фильм вроде/как будто хороший* (говорящий не видел фильма, оценка с чужих слов); *Фильм, наверно/должно быть/вероятно, хороший* (говорящий не располагает информацией о достоинствах фильма и высказывает предположение на основе каких-то собственных соображений: актерский состав, репутация режиссера и т. п.).

Отметим также, что, в отличие от *кажется*, вводные обороты *мне кажется* и *по моему* в определенных случаях могут быть употреблены и при отсутствии непосредственной информации о положении дел; в этом случае они сближаются с показателями гипотетичности (такими, как *должно быть* или *наверно*), ср.: *А слухи ходили самые разные. Мне кажется, их нарочно распространяли враги Сергея Кирилловича*. Высказывание с оборотом *мне кажется* здесь фактически выражает предположение, и сам оборот эквивалентен оборотам *я думаю, должно быть* и т. п. Замена его на *кажется* изменила бы смысл высказывания: в таком случае оно предполагало бы наличие у говорящего определенной информации об источнике слухов. В то же время в определенных контекстах употребление *мне кажется* вместо *должно быть* оказывается невозможным. Например, предположение о реакции некоторого знакомого на неожиданное сообщение может быть выражено так: *Должно быть, он прямо подпрыгнул от удивления, услышав эту новость*; заменить *должно быть* на *мне кажется* здесь нельзя.

От оборотов *кажется* и *мне кажется* как показателей актуальной неуверенности говорящего следует отличать неактуальные употребления глагола *казаться/показаться*; ср.: *Погода становилась хуже — Казалось, снег идти хотел* (А. Пушкин); *Мне показалось, звонит телефон*. В подобных случаях глагол *казаться/показаться* употребляется в обычном значении — для указания на ощущение наблюдателя в рассматриваемый момент. Здесь нет почти ничего специфического для вводных конструкций. Возникающая здесь имплицативная неоднозначность (в одних случаях есть имплицатура контрфактичности, в других — нет) вообще присуща глаголу *казаться/показаться*, ср. диалог, приводимый Анной А. Зализняк [1988: 117]: *Мне показалось, что ты чем-то расстроен. — Тебе это показалось* (ср. также аналогичный диалог из рассказа Макса Бременера: «*А мне показалось...*», — начал отец. «*Тебе постоянно что-нибудь кажется*», — перебила его мать).

Специфично для вводных конструкций (и, по-видимому, конвенционализировано) лишь использование ирреального наклонения в обороте *казалось бы*: ирреальность здесь относится не к факту наличия

ощущения, а к предмету ощущения, *казалось бы* означает нечто вроде 'может ошибочно показаться, что...'

Можно заметить, что использование таких показателей неуверенности, как *мне кажется* или *по-моему*, очевидным образом коррелирует с общей неуверенностью в себе, свойственной говорящему, проявляется ли эта неуверенность в неуверенности в собственных оценках или в точности собственного восприятия мира [Шмелев 19966]. Разумеется, не всегда речь идет о подлинной неуверенности: иногда использование показателей неуверенности оказывается лишь «фигурой скромности», отказом от безапелляционности в суждениях¹⁷³.

В качестве показателя неуверенности могут функционировать и обычные «импрессивы». Это особенно заметно, когда неуверенность относится не столько к передаваемому сообщению, сколько к его импликациям (*Ты будешь обедать? — Да вроде я недавно поел*), или когда они функционируют в качестве «фигуры скромности» (*Вы говорите по-английски? — Да вроде*). Особенно широко используется таким образом сочетание *да вроде*, которое в речи некоторых носителей языка (очевидно, сжившихся с соответствующей установкой) сопровождает едва ли не каждое утверждение (иными словами, такие носители языка избегают безапелляционных суждений). В частности, указанное языковое поведение отличало героя одного из стихотворений Агнии Барто: *Спросите у Володи: «Ты пионер?» — «Да вроде». — «Работал в огороде?» — А он в ответ: «Да вроде».*

В отличие от квазиассертивов, употребление показателей гипотетичности могло бы свидетельствовать, скорее, о том, что говорящий излишне уверен в себе. Если квазиассертивы используются, когда говорящий воздерживается от уверенного суждения, несмотря на то что располагает непосредственной информацией о действительном положении дел, то показатели гипотетичности употребляются в ситуации, когда говорящий готов высказать гипотезу, несмотря на то что ничего не знает (не располагает никакой непосредственной информацией) о том, как обстоят дела в действительности. При этом различные показатели гипотетичности предполагают различную степень уверенности в себе у говорящего. Она тем больше, чем в большей степени говорящий «закладывается», ругаясь за истинность высказываемой гипотезы. Иными словами, она максимальна при использовании таких слов, как *несомненно*, *без всякого сомнения*. Значительно меньше самоуверенность говорящего при использовании таких показателей, как *должно быть*, *вероятно*, *наверно*. А такие слова, как *возможно* или *может быть*, не предполагают особой уверенности в себе у говорящего — ведь, используя их, говорящий ни в коей мере не «закладывается», никак не

¹⁷³ В то же время, если произнести эти обороты с акцентным выделением, они могут использоваться для активного и, возможно, самоуверенного противопоставления своего мнения мнению других.

утверждает, что высказываемая им гипотеза кажется ему более правдоподобной, нежели любая другая. Он лишь предлагает рассмотреть одну из возможных гипотез, которая, по его мнению, могла пройти мимо внимания адресата речи.

Особый класс показателей гипотетичности составляют такие слова, как *видимо* и *по-видимому*. Е. Р. Иоанесян [1993] показала, что при помощи этих слов может вводиться не всякая гипотеза, а лишь такая, которая служит для объяснения чего-то непосредственно известного говорящему. Можно «ни с того ни с сего», лишь на основе общих знаний о климатических условиях Крыма сказать: *А в Крыму сейчас, должно быть, жарко*, но фраза *В Крыму сейчас, видимо, жарко* может быть уместна в ситуации, когда говорящий видит на экране людей, гуляющих по Крыму в майках с короткими рукавами и в шортах. Иными словами, гипотеза, вводимая посредством *видимо* и *по-видимому* служит для объяснения непосредственных данных (evidence), эти слова оказываются близки по значению обороту *судя по всему*. Пролежав из-за болезни месяц в постели, можно сказать: *Наверно, я очень изменился за это время*, — только на основании общих представлений о том, что внешность человека, который так долго пролежал в постели, может сильно измениться; высказывание *Видимо, я очень изменился за это время* может быть естественным образом продолжено: *... меня никто не узнаёт*; а высказывание *Кажется, я очень изменился за это время* могло бы быть уместно в устах человека, впервые после долгого перерыва посмотревшего в зеркало.

Таким образом, установка, выражаемая словами *видимо* и *по-видимому*, — это установка на объяснение наблюдаемых фактов. Естественно ожидать, что данная установка характерна для тех, кто занимается исследовательской работой. И действительно, слова *видимо* и *по-видимому* чрезвычайно часто встречаются в научных текстах, вводя, как и в рассмотренных ранее случаях, «гипотезы-объяснения». Кроме того, нередко в научной или квазинаучной речи эти слова указывают на ограниченность имеющихся в распоряжении автора данных и означают что-то вроде «насколько мне известно», ср.: *По-видимому, это единственный случай одушевленного *singulare tantum* в русском языке*.

Итак, для русского языка ключевым оказывается противопоставление двух типов «слов со значением недостоверности»: показателей гипотетичности и квазиассертивов. Весьма интересным фактом является несомненное сходство данного противопоставления с противопоставлением двух типов неприятия на себя говорящим «эпистемического речательства», а именно «суждения» (основанного на умозаключениях) и «эвиденциальности». Под различными значениями эвиденциальности (представляющей собою в некоторых языках грамматическую категорию модального типа) понимают обычно ссылку на тот или иной ис-

точник информации, быть может, недостоверный (например, на сообщение, полученное «из вторых рук», или на перцептивно доступные данные, возможно, обманчивых чувств и т. п.). В русском языке с категорией эвиденциальности обычно сопоставляют только весьма ограниченное и специфическое употребление частиц *мол, де, дескать*, используемых для маркировки квазипрямой речи (ср., в частности, [Якобсон 1972]), а также так называемое значение «авторизации», когда делается указание на источник информации посредством таких лексических средств, как выражения *по сообщению (авторитетных источников), как мне сказали (в дирекции)* и т. п. Однако, на наш взгляд, грамматическая категория эвиденциальности, по крайней мере в некоторых языках, обнаруживает значительно больше сходства с рассмотренными выше словами типа *кажется, вроде, (как) будто (бы) и, конечно, вводным говорят*.

Типологически интересным фактом является, в частности, само функциональное объединение слов, прямо указывающих на сведения, полученные из вторых рук (типа *говорят*, а также слов, этимологически связанных с аудитивным восприятием, типа просторечных *слышно, слышать*), со словами, указывающими на непосредственное, хотя, возможно, и ошибочное чувственное восприятие определенных данных, которые могут косвенным образом (но без привлечения логического вывода) свидетельствовать о прямо не наблюдавшихся говорящим событиях. Существенной представляется и значительная десемантизация слов типа *вроде, кажется, как будто*, а также отмеченная нами выше обязательность употребления показателей этого типа в определенных контекстах. Все эти факты указывают на определенную степень грамматикализации значения эвиденциальности в русском языке.

ГЛАВА 6

ВОЗРАЖЕНИЕ ПОД ВИДОМ СОГЛАСИЯ*

Я всегда поражался его манере возражать: он как бы соглашается с собеседником, говорит «да-да», а потом, добавив что-нибудь вроде «знаете, только вот что...», начинает говорить нечто совсем противоположное.

*Дмитрий Шмелев, «Трактат
о вреде пьянства»*

1. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА «ВОЗРАЖЕНИЯ ПОД ВИДОМ СОГЛАСИЯ»

В данной главе речь пойдет о манере спорить, которую можно условно обозначить при помощи этикетки «да, но...». Говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли. Такая манера спора представляется более учтивой, нежели простое возражение: говорящий дает понять, что хотя бы частично готов согласиться с оппонентом или, по крайней мере, принимает во внимание его аргументы. Возражение при этом подается как простое уточнение в общем-то верной мысли. Нам приходилось наблюдать, как в дискуссии на научной конференции каждая реплика спорящих так и начиналась словами *Да. Но...*

Выбор такой тактики спора может быть обусловлен не только правилами вежливости. В некоторых случаях она определяется самой сущностью предмета спора. Так, Н. Д. Арутюнова отметила, что спор о ценностях и вкусах часто предполагает согласие в частных оценках и фактических утверждениях, так что разговор ведется по принципу «то, что вы говорите, верно, но важнее другое», и в результате предметом несогласия оказывается не столько истинность утверждений, сколько иерархия ценностей [1992: 54]. Но и во всех случаях, в чем бы ни видеть цель спора: в том, чтобы убедить оппонента в своей правоте, чтобы установить истину, чтобы выработать compro-

* В основу главы положена статья, предназначенная для сборника памяти Д. Н. Шмелева.

миссию точку зрения, — спор оказывается более эффективным, если четко очертить «область согласия», т. е. круг вопросов, по которым собеседники согласны друг с другом, а затем обсуждать лишь то, что относится к «сфере несогласия».

Простое *Да. Но...* позволяет сделать это не в полной мере. *Да* предполагает согласие со всем, что сказано собеседником, и возражение тогда может сводиться лишь к предостережению от слишком поспешных выводов из сказанного. В случае же, когда речь идет лишь о частичном согласии и когда «область согласия» относительно невелика, *Да. Но...* действительно может представлять собою не более чем «фигуру вежливости». Правила речевого поведения предписывают сопровождать возражения выражением хотя бы частичного согласия с мнением собеседника. Ср. пародийный ответ армянского радио на вопрос: *Правда ли, что Карапетян выиграл в лотерее «мерседес»? — Да, правда, но только не в лотерее, а на скачках, и не Карапетян, а Тевосян, и не «мерседес», а три рубля, и не выиграл, а проиграл.*

Интерес представляют специальные языковые средства, которые регулярно используются для того, чтобы выразить «частичное согласие». Сюда относится, например, слово *действительно*. Основная функция выражения *действительно* состоит в том, чтобы подтвердить, что обсуждаемая ситуация¹⁷⁴ имеет место в действительности. Именно в этом смысле можно говорить, как это часто делается, что *действительно* «выражает согласие».

Однако необходимость «выразить согласие» не возникает сама по себе. В ответ на сообщение надо не «выражать согласие», а просто принять сообщаемую информацию к сведению. Если обсуждается некоторое утверждение S, то, с прагматической точки зрения, выражение согласия с S, вообще говоря, бывает оправданно в двух случаях: чтобы снять возможные сомнения в истинности S или чтобы, согласившись с S, сделать какие-то ограничивающие оговорки¹⁷⁵.

В первом из указанных случаев говорящий сначала сомневался в истинности поступившей информации, а затем удостоверился в ней (*Ему говорят: «Не работает». Он попробовал: «Да, действительно, не работает»*). Употребления, связанные со снятием сомнений, рассматриваются в описании единицы *действительно*, приведенном в [Ба-

¹⁷⁴ Ср. используемые в главе III.3 понятия «рассматриваемая ситуация» и «предмет интереса». В ситуации диалога обсуждаемая ситуация, как правило, соответствует содержанию предшествующей реплики.

¹⁷⁵ Кроме того, можно упомянуть некоторые специальные случаи: согласие с только что сделанным предложением (*А действительно, почему бы нам не пойти в кино? А действительно, стоит попытаться*), случаи, когда рассматриваемая ситуация представляет собою условие или следствие сделанного вопроса (тогда выражается солидарность со спрашивающим: *Через пять-восемь лет на поля района придет днепровская вода. Кто ее будет встречать? — Действительно, кто?*).

ранов и др. 1993]. Этим употреблением соответствуют две выделяемые там «модификации»: «Пожалуй... да!» (когда говорящий просто повторяет S) и «Аргументы и факты» (когда говорящий обосновывает S при помощи некоторого другого высказывания)¹⁷⁶.

В то же время чаще слово *действительно* используется для выражения «согласия с оговорками». Иногда, когда «область согласия» достаточно велика, эта оговорка носит характер простого уточнения (например, *Так бывает не всегда, но, действительно, чаще всего*). Но более характерно для *действительно* его использование в полемике «да, но...», когда выражается готовность согласиться с общей мыслью оппонента, с тем чтобы сразу же сделать оговорку, сводящую на нет возможные выводы из этой мысли:

- (1) *Вывод Скворцова о том, что загруженность судей гораздо выше, чем у адвокатов, мягко говоря, некорректен. Адвокатов, действительно, несколько больше, но ведь они не только выступают в суде. В какой-то мере они заняты на предварительном следствии. Плюс юридические советы населению, оказание юридической помощи народному хозяйству и многое другое;*
- (2) *Проблема эта действительно существует, однако зачастую не там, куда указывают оппоненты;*
- (3) *Если верить газете «Глоб энд мейл», Екатерина Гордеева и Сергей Гриньков выиграли золотые медали в парном катании легко и с блеском. Что ж победа действительно блестящая и безоговорочная, но только сами спортсмены и близкие люди знают, каких трудов она стоила.*

Таким образом, *действительно*, казалось бы, предназначенное для выражения согласия, в реальных текстах чаще всего используется для полемики, когда, соглашаясь с какою-то частностью, говорящий возражает против существа мысли оппонента. Характерен пример, в котором непосредственно в тексте противопоставляются *действительно* и *на самом деле*¹⁷⁷: *На первый взгляд и процессы истече-*

¹⁷⁶ Кроме того, там выделяется и третья «модификация» — «Подлинное и мнимое», иллюстрируемая примерами типа *Только человек создающий является действительно личностью*. Представляется, однако, что указанные случаи представляют собою употребления не «дискурсивного слова» *действительно*, а другой единицы — маркера оппозиции «истинность — ложность» некоторой характеристики (об этой оппозиции и ее маркерах см., в частности, [Крейдлин 1993]), т. е. «в значении параметра Ver (истинная номинация)» [Кодзасов 1993: 193]. Соответствующий тип употреблений подробно описан в книге [Яковлева 1994].

¹⁷⁷ Использование выражения *на самом деле* для «опровержения» отмечается в целом ряде работ (ср., например, формулировку из [Баранов и др.

ния сыпучих тел и жидкостей через отверстия похожи друг на друга. Действительно, со времени игр в песочнице каждый знает, что песок течет сквозь пальцы, «как вода». Но на самом деле аналогия с водой оказывается далеко не такой полной.

Текстовая конструкция *действительно...* но является настолько типичной, что включение в ответную реплику слова *действительно* часто может восприниматься как симптом того, что за этим последует возражение или оговорка. Если в ответ на некоторое утверждение сказать: «Действительно, явление, о котором вы говорите, в каких-то случаях может иметь место», — то с большой долей вероятности можно полагать, что далее последует *Но...* Таким образом, использование слова *действительно* в качестве текстового маркера полемики по принципу «да, но...» близко к конвенциональному¹⁷⁸.

Два типа употребления можно выделить у выражения *(я) согласен*. При самостоятельном употреблении эта формула выражает именно согласие, тогда как парентетическое *согласен* лишь вводит «область согласия» и предполагает последующее возражение; ср.: *По-вашему, лучше французов и людей нет. Ученый, умный народ! Цивилизация! Согласен, французы все ученые, манерные... Француз никогда не позволит себе невежества: вовремя даме стул подаст, раков не станет есть вилкой, не плюнет на пол, но... нет того духу! Духу того в нем нет!* (А. Чехов). В этом смысле можно сказать, что парентетическое *согласен* представляет собою знак «несогласия».

Интересно, что в русском языке есть практически полностью конвенционализованные средства, маркирующие рассматриваемую тактику полемики. Так, например, функционирует клишированное выражение *спору нет*. Толкования, которые это выражение получает в словарях («бесспорно, несомненно» или «конечно, безусловно»), могут ввести в заблуждение, поскольку используемые в толкованиях слова имеют совсем иной режим употребления и обычно не могут быть заменены на *спору нет*. Последнее выражение уместно лишь в тех случаях, когда говорящий, безоговорочно соглашаясь с некоторой мыслью, одновременно спорит с более сильным утверждением, делает определенную уступку, с тем чтобы на этом остановиться и не уступить в главном. Когда зеркальце в сказке Пушкина на вопрос: «Я ль, ска-

1993: 101]: «действительно и в самом деле используются в контекстах подтверждения некоторого высказывания, тогда как в действительности и на самом деле могут выступать в контекстах опровержения»).

¹⁷⁸ Отметим, что «снятие сомнений» и «согласие с оговорками» различаются интонационно. При «снятии сомнений» имеет место акцентное выделение слова *действительно*, тогда как описание «области согласия» безударно. И это естественно: ведь в рассматриваемом случае «область согласия» соответствует «обсуждаемой ситуации». В то же время при выражении «согласия с оговорками» описание «области согласия» оказывается акцентно выделенным, поскольку именно оно составляет существо сообщения.

жи мне, всех милее, всех румяней и белее?» — отвечает: «Ты прекрасна, спору нет», — то мы уже предвидим, что за этим последует *Но...*: «Но царевна всех милее, всех румяней и белее». Согласие, выраженное в словах *спору нет*, скрывает за собою отрицательный ответ на заданный вопрос. Впрочем, в этой же сказке встречается и устаревшее употребление, когда *спору нет* используется в составе утвердительного ответа: «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» — «Ты, царица, спору нет», — однако и здесь ощущается некоторая скрытая полемика, зеркальце соглашается как бы нехотя. В современном языке скрытое возражение в значении выражения *спору нет* можно считать полностью конвенционализированным.

Сходным образом функционирует и выражение *не спорю*. Его «полемичность» нашла отражение в толковании, которое дал Ю. Д. Апресян [1986: 3]: «*Я не спорю, что P* = 'Я согласен с вами, что P; я имею в виду не P, а другие факты (возможно, связанные с P), которые я оцениваю иначе, чем вы'. Ср. *Я не спорю — в этих проектах много романтики. Но осуществите ее — и она превратится в реальность* (К. Паустовский). В рассмотренных здесь случаях семантические модификации значений перформативных глаголов, возникающие в отрицательном контексте, меняются от глагола к глаголу и должны быть описаны индивидуально для каждого из них».

Вообще говоря, эта формулировка отражает не столько конвенциональное значение выражения *Я не спорю*, функционирующего как свободное сочетание, сколько его речевые импликатуры в некотором типе употреблений. В других типах употреблений могли бы подойти несколько иные формулировки — например, «Ты меня не понял: я совсем не спорю, что P, я, напротив хотел тебя поддержать» или же что-то вроде «Я знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал, что Q; я могу сказать только P (сделать более слабое утверждение, чем Q); я говорю это, чтобы ты видел мою лояльность».

Но для парентетического *не спорю* мысль о «других фактах», по видимому, конвенционализировалась и перестала быть речевой импликатурой. В этом отношении *не спорю* ведет себя сходно с *согласен* и другими подобными выражениями и представляет собою формулу «спора», т. е. является «самофальсифицируемым».

2. «УСТУПИТЕЛЬНО-ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОСХЕМЫ» КАК КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ «ВОЗРАЖЕНИЯ ПОД ВИДОМ СОГЛАСИЯ»

В рассмотренных случаях речь шла о постепенной конвенционализации речевой импликатуры единиц, выражающих согласие. Необходимость указать, в чем именно мы согласны с собеседником, как

правило, возникает в тех случаях, когда это согласие является неполным. Тем самым выражение частичного согласия имплицитно несогласие. Если такое употребление конвенционализуется, соответствующая информация должна учитываться при лингвистическом описании выражений, передающих эту информацию.

Однако, наряду с этим, русский язык располагает средствами, «изначально» предназначенными для того, чтобы передать «возражение под видом согласия». Речь идет о конструкциях, охарактеризованных Д. Н. Шмелевым [1960] как «уступительно-противительные фразеосхемы».

Своеобразие указанных конструкций состоит, в частности, в том, что в отличие от построений, организующим центром которых «является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения» [Шведова 1958: 94] (например, форма *чем* в конструкции *Чем не жених?*), к «синтаксическим фразеологизмам» рассматриваемого типа относятся такие конструкции, которые организуются не определенным, индивидуальным словом (в той или иной форме), а определенными грамматическими формами, «отрывающимися» именно в грамматическом плане от соответствующей парадигмы и детерминирующими структуру предложения (например, *Всем молодцам молодец; Без тебя и праздник не в праздник*). Типичным для «уступительно-противительных фразеосхем» является лексический повтор компонентов. Иными словами, фразеосхема допускает почти свободное лексическое наполнение¹⁷⁹, но при этом для заполнения двух синтаксических позиций в схеме предложения должна быть выбрана одна и та же лексическая единица. Так, в схеме $N_{\text{nom}} + (= \text{то}) + N_{\text{instr}}$ в качестве N может быть выбрано едва ли не любое существительное (наряду с клишированным *Дружба дружбой, а служба службой* или *Дружба дружбой, а табачок врозь*, встречаем и такие высказывания, как *Комары комарами, а на пруду по ночам девице одной неудобно* [А. Н. Толстой]; *Риск риском, а благодарность все-таки благодарностью* [А. Куприн]¹⁸⁰ или *Почка почкой, а боли мне не совсем ясны* [Ю. Крелин]¹⁸¹), однако важно, что в данной схеме в именительном и в творительном падеже не могут быть разные существительные.

Характерным для «уступительно-противительных фразеосхем» является построение, при котором повторяющиеся компоненты, первый

¹⁷⁹ Впрочем, не случайно, что, как отметила Н. Д. Арутюнова [1990: 177], в такого рода конструкциях особенно часто используются слова со значением подтверждения (*правда-то оно правда, верно-то верно, так-то оно так, правильно-то правильно*, ср.: *Разве это не правда? — Правда-то правда, да не вся*).

¹⁸⁰ Примеры из работы [Шмелев 1960: 53].

¹⁸¹ Пример из работы [Николина 1993б: 169].

из которых представляет собою начальную форму соответствующей лексической единицы, задают «область согласия» и одновременно имплицитно предполагают наличие «несогласия». Нельзя согласиться с тем, что «высказывания, построенные по фразеосхеме *знаменательное слово + (= то) + знаменательное слово*, выражают уверенное подтверждение, в составе же двухчастного построения выражается обычно неполное согласие или делается оговорка» ([Николина 1993б: 171] со ссылкой на книгу Н. Ю. Шведовой [1960]). На самом деле «неполное согласие» или «оговорка» присутствует в семантике соответствующего высказывания даже в тех случаях, когда это не выражено посредством двухчастной конструкции. Именно постольку, поскольку «уступительно-противительные» конструкции предполагают последующее возражение, ограничивающее или сводящее на нет непосредственно выраженное в них «согласие», они дают возможность высказать возражение в неявном виде, даже не давая понять, в чем, собственно, оно состоит, что открывает дорогу различным речевым манипуляциям. Характерен пример из повести А. Н. Толстого «Детство Никиты», приводимый в этой связи Д. Н. Шмелевым [1960: 51] и иллюстрирующий восприятие подобной фразеосхемы маленьким героем повести: «„А как вы спали, Аркадий Иванович?“ — „Спать-то я спал хорошо“, — ответил он, улыбаясь непонятно чему в рыжие усы, сел к столу... и подмигнул Никите через очки. Аркадий Иванович был невыносимый человек: всегда веселился, всегда подмигивал, никогда не говорил прямо, а так, что сердце екало. Например, кажется ясно спросила мама: „Как вы спали“. Он ответил: „Спать-то я спал хорошо“, — значит это нужно понимать: „А вот Никита хотел на речку удрать от чая и занятий; а вот Никита вчера вместо немецкого перевода просидел два часа на верстаке у Пахома“». Этим схема $V_{inf}+(to)+V_{fin}$ отличается от внешне схожей схемы $V_{inf}+ne+V_{fin}$, не обязательно предполагающей «оговорку». Ср. примеры, приводимые в упоминавшейся статье Д. Н. Шмелева [1960: 51]: *Что к родным писать? Помочь — они мне не помогут; умру — узнают* (И. Тургенев); *Она чувствовала, что муж ценит ее молчание и признает за это в ней ум. Бить он ее никогда не бивал, разве только один раз, да и то слегка* (Ф. Достоевский)¹⁸².

«Уступительно-противительные фразеосхемы» характеризуются не только сходными прагматическими свойствами, но и целым рядом общих формальных характеристик. К такого рода общим формальным характеристикам относится, например, отмеченная в цитированной работе Д. Н. Шмелева [1960] невозможность присоединения от-

¹⁸² Ср. также похожий пример из Некрасова: *А, слышь, бить — так почти не бивал, разве только под пьяную руку*. Конечно, в этом примере, как и в примере из Достоевского, в каком-то смысле делается «оговорка» (*разве только...*), однако это не полемическая оговорка, а простое уточнение мысли, которое к тому же не является конструктивно и прагматически обязательным.

рицания к первому из повторяющихся компонентов; ср.: *Промолчать он промолчал, но всем своим видом выразил недовольство*, — при странности, казалось бы, семантически тождественного ²*Не ответить он не ответил, но всем своим видом выразил недовольство*. Характерна реплика Солженицына, направленная против мнения о моральном превосходстве лагерных «придурков» перед «работягами», поскольку «придурки» в отличие от этих последних, «добывавших хлеб свой в поте лица» и тем самым делавших то, что хотело гулаговское начальство, «добывали хлеб не в поте лица»: *В поте-то не в поте, но веления гулаговского начальства исполняли старательно (а то на общие!) и изошренно, с применением специальных знаний (вместо, на первый взгляд, более «логичного» ²Не в поте-то не в поте, но...)*.

Сходство в строении различных «уступительно-противительных фразеосхем» не исключает специфических особенностей каждой из них. Указанные особенности могут относиться как к формальным свойствам фразеосхемы, так и к ее семантическим и прагматическим характеристикам. Поэтому, наряду с общим описанием рассматриваемых конструкций, необходимо тщательное и детальное «портретирование» (выражение А. К. Жолковского и Ю. Д. Апресяна) каждой из них.

При выделении различных типов «уступительно-противительных фразеосхем» необходимо прежде всего учитывать, используется ли данная схема для указания на «область согласия» или для того, чтобы сформулировать возражение. Так, среди «конструкций с инфинитивным эхом» (термин из работы [Paillard, Плулган 1993]) конструкции вида $V_{inf}(= to)+V_{fin}$ задают «область согласия», тогда как конструкции с отрицанием (вида $V_{inf}+ne+V_{fin}$) указывают на «несогласие»¹⁸³. Каждая из этих конструкций может находиться как в правой, так и в левой части фразеосхемы. В соответствии с этим мы имеем следующие разновидности «уступительно-противительных фразеосхем»: (1) $V_{inf}(= to)+V_{fin}$, *a/но/да...*; (2)..., *но* $V_{inf}+V_{fin}$; (3) $V_{inf}+ne+V_{fin}$, *a/но/да...*; (4)..., *a/но* $V_{inf}+ne+V_{fin}$.

Схема (1) в наибольшей степени соответствует тактике *Да, но...* В левой части задается «область согласия» — говорящий указывает на то, что ситуация, обозначаемая посредством V , не является предметом спора, а в правой части делается оговорка, сводящая на нет возможные выводы из первой части и одновременно уточняющая «область согласия», как в известном анекдоте, в котором на недоуменный вопрос: *Неужели он вправду столько съедает?* — следует ответ: *Съест-то он съест, да кто ж ему даст*, — первая часть указывает на то, что способность слона съесть такое количество пищи не подвергается говорящим сомнению, тогда как вторая уточняет, что речь идет лишь о возможности, но не о ее реализации. Ср. также

¹⁸³ Напомним, что конструкции вида $V_{inf}+ne+V_{fin}$ могут употребляться и вне «уступительно-противительных фразеосхем».

такие примеры, как *Нашуметь* нашумели, а дела не сделали; *Знать-то он знает, да не говорит*; *Понимать я понимаю, а вот объяснить дельно не сумею* (М. Шолохов)¹⁸⁴; *Пить-то пьет..., а ум не пропивает* (Ю. Домбровский) и т. п. Как отмечено, в частности, в работе [Шмелев 1960], ту же функцию имеют фразеосхемы, построенные по типу $A + = \text{то} + A$, но/только... с повтором имени, наречия и т. д.: *Мал-то мал, да удал*; *А мне можно будет с вами идти? — Можно-то можно, да мой совет лучше не ходить* (Л. Толстой); *Красив-то красив, только слишком развязен* (А. Н. Толстой); *Хорошо-то хорошо, но не выразительно* (М. Козаков) и т. д.

При инверсии первой и второй части мы имеем дело с типом (2). Если функция схемы (1) — выразить несогласие, несмотря на наличие «области согласия», то схема (2) выражает общее согласие, несмотря на сделанную оговорку. Типичный пример: *Ничего не обещаю, но попытаться попытаюсь*; ср.: *Хоть и не надеюсь, а попробовать для тебя попробую* (Г. Лесков).

Схема (3) выражает несогласие с слишком сильным утверждением V ; в то же время говорящий выражает готовность согласиться с более слабым утверждением, выраженным во второй части: *Успокоить не успокоила, а все-таки развлекла, развеселила немного* (А. Островский). Иногда эта схема соединяется со схемой (2) в единое целое: *Читать ее статью я не читал, а посмотреть посмотрел*. Тогда назначение схемы состоит в том, чтобы указать, что несогласие с более сильным утверждением представляет собою не более чем оговорку к более слабому утверждению, составляющему «область согласия».

Схема (4) представляет собою инверсию схемы (3). Ее значение — то, о чем говорится в первой части, могло бы имплицировать наличие ситуации, обозначаемой посредством V ; однако, подтверждая истинность первой части, говорящий отвергает истинность V , ср.: *Иной раз замахнется палкой, но бить не бьет* (А. Чехов)¹⁸⁵. Возможно соединение схемы (4) со схемой (1): *Посмотреть я ее статью посмотрел, а читать не читал*; *Нарожать нарожала, а научить не научила*; *Терять — терял, а находить — не находил* (А. Островский); *Взять венок от вас возьму, но надеть на голову — не надену* (Н. Гоголь).

Фразеосхема вида $N_{\text{nom}} + (= \text{то}) + N_{\text{instr}}$, а/но/да... выражает несколько иной вид «уступительно-противительного» значения. Назначение схемы — указать на то, что ситуация, обозначаемая посредством N , не релевантна для обсуждения того, о чем говорится во второй части. Характерные примеры: *Настроение настроением, а мне нужно ехать к месту службы* (А. Н. Толстой); *Связи связями, но надо и совесть иметь* (Е. Шварц). Часто соответствующие высказывания имеют «сим-

¹⁸⁴ Пример из работы [Шмелев 1960: 51].

¹⁸⁵ Пример из работы [Шмелев 1960: 52].

метричное» строение — $N1_{\text{ном}} + (= \text{то}) + N1_{\text{instr}}$, а/но/да $N2_{\text{ном}} + (= \text{то}) + N2_{\text{instr}}$ (см. [Шмелев 1960: 53]), и тогда высказывание как бы призывает не смешивать соображения, относящиеся к $N1$ и $N2$: *Дружба дружбой, а служба службой; Лес лесом, а бес бесом; Геройство геройством, а танки танками* (В. Некрасов) и т. д. Как правило, в высказываниях такого рода вторая часть подается как тимиологически более значимая. Ср., впрочем: *Правда правдой остается, а молва себе — молвой* (А. Твардовский) — пример препозиции тимиологически более значимого фрагмента с опорой на лексику. Возможно, более адекватным выражением соответствующего смысла было бы что-то вроде: *Молва молвой, а правда остается (останется) правдой*. И, наконец, возможны случаи, когда «не устанавливается иерархия сопоставляемых ситуаций» [Николина 1993б: 179], например: *Конечно — песня песней, а веревка веревкой. Одно другому не мешает* (А. Пушкин).

Внутренняя форма рассмотренных и других «уступительно-противительных фразеосхем» оказывается мотивированной. Так, инфинитив как нельзя более подходит на роль «введения в рассмотрение» именно в силу своей непредикативности. Ср., например: *Любить? Но кого же? На время не стоит труда, а вечно любить невозможно*. Аналогичную роль могут выполнять и именные (номинативные) формы. Например, инфинитив *любить* в цитированном тексте коррелирует с именительным падежом существительного *желанья* (*Желанья? Что пользы напрасно и вечно желать...*). Роль частицы *то* была («гениально», по выражению Н. А. Николиной) подмечена еще К. С. Аксаковым и с тех пор не раз привлекала внимание исследователей. Упомянем также толкование, которое А. Н. Гвоздев [1955: 284] дал конструкциям с «инфинитивным эхом», — значение конструкции последовательно выводилось из значения составляющих компонентов. Можно, кажется, сказать, что «уступительно-противительные фразеосхемы» представляют собой почти точный «аналитический аналог» прагматико-смысловой структуре английского речеактового глагола *concede* — ср. толкование этого глагола, предложенное А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987a: 315—317]. В этом смысле подтверждается мысль о том, что национальная специфичность языковых категорий не исключает семантической (или даже онтологической) мотивированности последних.

В то же время, как и в случае лексических фразеологизмов, семантическая мотивированность фразеологического значения не ставит фразеосхемы в один ряд со свободными синтаксическими конструкциями. В отличие от свободных конструкций, значение фразеосхемы может быть объяснено на основе значения входящих в конструкцию форм, но едва ли может быть предсказано. Отметим также, что конституирующим свойством фразеосхем является не столько застывшее синтаксическое строение, сколько идиоматичная интерпрета-

ция и «связанная» сочетаемость. В частности, «уступительно-противительные» конструкции, которые предполагают последующее возражение, ограничивающее или сводящее на нет непосредственно выраженное в них «согласие», должны быть отнесены к «связанным» синтаксическим конструкциям — наряду с «парадигматической» связанностью, подробно описанной в статье Д. Н. Шмелева [1960], у них имеют место «синтагматическая» и «деривационная» связанность. Напомним, что в соответствии с концепцией фразеологии, развитой в работах Д. Н. Шмелева [1964: 212—40; 1973: 259—73], для описания фразеологических значений существенны именно «парадигматическая», «синтагматическая» и «деривационная» связанность, причем «деривационная» связанность считается решающим признаком.

ЧАСТЬ IV

ЛИЦО И ВРЕМЯ В НАИВНО-ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ МИРА

ГЛАВА 1

ГРАММАТИКА ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ*

1. СКОЛЬКО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ?

Внимательное рассмотрение системы русских личных местоимений показывает, что некоторые аспекты ее функционирования оказываются сложнее, чем это могло бы показаться на первый взгляд¹⁸⁶. Прежде всего необходимо остановиться на вопросе о составе этой системы. Иными словами, следует ответить на вопрос: сколько в русском языке личных местоимений и какие это местоимения?

Даже в традиционных описаниях русской системы личных местоимений нет единства взглядов по этому вопросу. В частности, дискуссионным является вопрос о сущности категорий рода и числа у русских личных местоимений, об употреблении личных местоимений в «несобственном» значении, а также вопрос о существовании нулевых личных местоимений в русском языке.

Прежде всего отметим, что функция элементов, связанных с лицом, не зависит от того, в каком конкретном месте высказывания этот элемент локализован, т. е. является ли он автономным словом или же словоизменяемым аффиксом. Так, функция глагольных флексий в языках типа русского (и тем более в таких языках, как латынь, где местоимения употребляются лишь в целях эмфазы), несомненно, также, как и функция личных местоимений, относится к персональному

* В данной главе (в основу которой положен доклад, прочитанный на семинаре в Институте проблем передачи информации АН СССР в 1993 г.) использованы материалы раздела «Персональный дейксис. Общие замечания» книги «Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис» (М.: Наука, 1992).

¹⁸⁶ Отчасти это связано с тем, что в элементах, связанных с персональным дейксисом, может кодироваться разнообразная информация, способствующая идентификации говорящего и адресата, в том числе пол референта, его социальный статус, личные и социальные отношения между референтами (в первую очередь между говорящим и адресатом, реже — между говорящим и третьим лицом, о котором говорящий нечто сообщает). К языковым элементам, выражающим эту информацию, относятся прежде всего местоимения 1-го и 2-го лица (независимо от функции, которую они выполняют в предложении), в том числе и possessивные местоимения.

дейксису. И если при материально выраженном субъекте выбор личной формы глагольного предиката определяется согласованием, то при отсутствии материально выраженного субъекта выбор личной формы глагола, вообще говоря, можно описывать одним из следующих трех способов. Во-первых, можно постулировать эллипсис подлежащего, с которым согласуется глагол. Во-вторых, можно постулировать нулевое подлежащее, обладающее определенной синтактикой, которая и обуславливает выбор согласующихся личных форм. Наконец, можно принять точку зрения, в соответствии с которой референция к субъекту в предложениях без материального подлежащего осуществляется при помощи личного окончания глагола.

В русской грамматической традиции в отношении предложений с единственным главным членом, выраженным глаголом в первом или втором лице (так называемых «определенно-личных» предложений типа *Люблю грозу в начале мая*), фактически принимается именно эта точка зрения, хотя термин «референция» при этом, конечно, не используется. Отмечается, что эти предложения «понятны вне контекста» и подлежащее в них не является конструктивно необходимым — следовательно, постулировать эллипсис подлежащего или нулевое подлежащее нет оснований. Аналогичное решение принимается в отношении «неопределенно-личных» предложений (типа *В дверь стучат; У нас не курят; Ее там обидели* и т. п.) и «безличных» предложений (типа *В голове стучит; Здесь холодно; Ее знобило* и т. п.). Эллипсис усматривается в предложениях с глаголом в третьем лице, «непонятных вне контекста или ситуации» (так называемых «неполных предложениях»). Что же касается «нулевых подлежащих», то они русской грамматической традицией не предусмотрены.

В то же время в современных лингвистических исследованиях все большее распространение получает использование так называемых «синтаксических нулей», и, в частности, активно эксплуатируется представление о «нулевом подлежащем»¹⁸⁷. Наряду с чисто синтаксическими соображениями можно привести и референциальные аргументы в пользу постулирования синтаксических нулевых элементов, заполняющих синтаксическую позицию имени в определенных конструкциях. Так, для интерпретации целого ряда высказываний существенно, являются ли ИГ, заполняющие определенные синтаксические позиции, кореферентными. Существенно, в частности, что в предложении *Ивану приятно, когда его хвалят* выделенные ИГ кореферентны, в предложении *Ему приятно, когда Ивана хвалят* — нет, а в предложении *Всякому приятно, когда его хвалят* имеет ме-

¹⁸⁷ Краткий обзор работ, в которых используется или обсуждается понятие «нулевого подлежащего», содержится в работе [Бирюлин 1994: 61—63]. Из них отметим статью И. А. Мельчука о синтаксическом нуле [1974] и фундаментальное исследование М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 1984].

сто особый тип кореферентности — коассигнация. Содержательно кореферентность означает, что человек, которого хвалят, и человек, испытывающий при этом удовольствие, — одно лицо. Такое совпадение имеет место и при интерпретации предложения *Приятно, когда тебя хвалят*, и удобным способом отразить это в лингвистическом описании может быть постулирование в синтаксической структуре первой части нулевого синтаксического элемента (имеющего местоименную природу) в дательном падеже, кореферентного местоимению *тебя* (\emptyset_{dat} приятно, когда тебя хвалят). Ср. также пример, в котором нулевой элемент поочередно соотносится то с одним, то с другим участником ситуации (обозначим это посредством индексов i и j): *Из рубки \emptyset_i свистнули в машину, и когда из машины \emptyset_j ответили, \emptyset_i крикнули туда, чтоб не \emptyset_j отходили от реверса. «Да я уже два часа у реверса стою!» — \emptyset_j ответили из машины* (Ю. Казаков). Во всех приведенных примерах имеет место референция к тем или иным лицам, и удобно считать, что эта референция осуществляется при помощи нулевых элементов. Но, если в примере из Ю. Казакова в качестве референтных выражений еще можно было бы рассматривать личные окончания глаголов¹⁸⁸, то для примеров, в которых референты соответствуют синтаксическим позициям, нормально заполняемым именами в косвенном падеже, такой возможности нет. Здесь трудно приписать референциальную функцию чему-либо иному.

Таким образом, в соответствии с указанным подходом представляется разумным считать, что в качестве подлежащего «определенно-личных» предложений выступают нулевые варианты местоимений 1-го и 2-го лица; в качестве подлежащего «неопределенно-личных» предложений — нулевое местоимение с согласовательными свойствами 3-го лица множественного числа. Не случайно переводы предложений указанных типов на многие (в частности, европейские) языки часто содержат личные местоимения в качестве подлежащих: местоимения первого и второго лица для определенно-личных предложений, местоимения третьего лица (например, *they* в английском, *on* — во французском, *man* — в немецком) — для неопределенно-личных.

Дискуссионным представляется вопрос о наличии «нулевого подлежащего» в структуре «безличных» предложений. Референциальных оснований для включения нулевых подлежащих в структуру безличных предложений нет. Лишь в некоторых разновидностях таких предложений можно говорить о каком-то «производителе действия», обозначенного глаголом-сказуемым, в виде неких «стихий». В целом «нулевое подлежащее» (например, предложенный И. А. Мельчуком $\emptyset_{стихий}$) включают в структуру таких предложений в первую очередь из системных соображений, для объяснения выбора формы сказуемо-

¹⁸⁸ Ср. [Буслаев 1959: 272—273].

го (третье лицо или средний род, единственное число). Правда, во многих языках переводами русских безличных предложений служат предложения с местоимениями в роли подлежащих (английское *it*, немецкое *es*, французское *il* или *ce*), но эти употребления местоимений обычно признаются «пустыми», т. е. имеющими лишь план выражения, но не содержания (иными словами, лишенными референта). Постулируемое подлежащее безличных предложений парадоксальным образом оказывается одновременно «нулевым» и «пустым», т. е. фиктивным, вводимым лишь из соображений технического удобства (на это со всей определенностью указывает Л. А. Бирюлин [1994], один из сторонников такого решения)¹⁸⁹. Таким образом, решение вопроса о нулевом подлежащем безличных предложений непосредственным образом зависит от признания или непризнания существования фиктивных знаков.

В то же время, признав наличие нулевых местоимений в структуре предложений определенных типов, мы, вообще говоря, не обязаны включать эти местоимения в систему личных местоимений русского языка. Так, мы можем сформулировать правило, согласно которому при сказуемом, выраженном глаголом в настоящем или будущем времени, местоимения 1-го или 2-го лица (в определенных стилях речи) могут выступать в нулевом варианте. При таком решении не происходит неоправданного умножения сущностей. Вопрос о том, не следует ли все же включить в систему русских местоимений какие-то дополнительные (возможно, нулевые) элементы, будет рассмотрен ниже.

Следует отметить, что технические удобства, связанные с постулированием синтаксических нулей, заставляют многих лингвистов использовать их еще шире. В частности, во многих случаях «неполные» предложения рассматриваются как примеры использования «нулевых анафорических местоимений». При таком подходе отвергается восходящая к традиции точка зрения, согласно которой «нуль и эллипсис в языке резко противопоставлены» [Мельчук 1974: 357]. Так, С. А. Крылов [1983: 161], со ссылкой на Е. В. Падучеву [1974: 173; 1977: 88—93], Ю. С. Мартемьянова [1981] и др., говорит, что нет никаких оснований противопоставлять эти два явления, поскольку «эллипсис» — это всего лишь «частный случай употребления нулевых лексем (а именно нулевых анафорических местоимений)». А. А. Кибрик [1992: 229] полагает, что говорить об эллипсисе правомерно лишь в рамках трансформационного подхода, когда в исходной (или глубинной) структуре предло-

¹⁸⁹ В частности, признав нулевое подлежащее в безличных предложениях, мы сохраним возможность формулировать общее правило о совпадении производителя действия, выраженного деепричастием, с референтом подлежащего. При этом предложения типа *Лило, не переставая* не будут исключениями из правила.

жения невыраженному элементу соответствует некоторая ненулевая единица. «Более целесообразным» он считает «процедурный подход», согласно которому говорящий выбирает нулевое анафорическое средство, кодируя референт в примерах типа *Два дня Иван не находил себе места. Ø пробовал напиться, но еще хуже стало — противно. Ø бросил. На третий день Ø сел писать письмо в районную газету* (В. Шукшин). Такой подход ведет к признанию целого ряда «анафорических нулей», входящих в местоименную систему русского языка (см. [Кибрик 1992]).

Представляется, однако, что такой подход не устраняет синтаксического различия между конструктивно полными (односоставными) и конструктивно неполными (так называемыми «двусоставными неполными») предложениями. Он сводится лишь к тому, что в обоих случаях предлагается говорить о нулевых местоимениях, не отражая указанного различия в выборе референциального средства для описания материального отсутствия конструктивно необходимого члена. Не обсуждая вопрос о целесообразности использования нулей для представления синтаксической структуры «неполных» предложений, отметим лишь, что с точки зрения референциальных характеристик отсутствующего элемента эти предложения не представляют особого интереса, поскольку референциальные характеристики таких «анафорических нулей» совпадают с референциальными характеристиками личных местоимений: они всегда характеризуются прагматической определенностью. Разумеется, это верно и для примеров, когда такой элемент занимает позицию дополнения, например: *Петя не видел мою ручку? — Видел* (← *Он видел ее*).

Предложения типа *Маша купила красную рубашку, а я купил синюю; Миша выпил чаю, и я тоже выпил* лишь отчасти похожи на только что разобранные. Здесь имеет место так называемая «неопределенная анафора», и речь могла бы идти об эллипсисе не местоимения, а существительного: *купил синюю (рубашку); выпил (чаю)*. Материально невыраженные дополнения здесь должны были бы иметь неопределенную референцию и соответствовать английским «местоимениям лени» *one* и *some* (ср. [Channon 1983]). Невозможным здесь было бы использование местоимения 3-го лица: так, *выпил его* служит заменой для *выпил чай* (с признаком [+определенность]), а не *выпил чаю*¹⁹⁰.

Заметим также, что едва ли следует усматривать какое-либо «значимое отсутствие», описываемое посредством эллипсиса или нуля, в случае абсолютного употребления глагола (*Он сидит и чита-*

¹⁹⁰ Именно примеры данного типа служат иллюстрацией нецелесообразности включения в парадигму личного местоимения трех омонимичных словоформ: *ego_{acc.}*, *ego_{gen.}* и *ego_{part.}* — последняя представляет собою просто фикцию (см. [Булыгина 1977: 200—201]).

ет) или нереализации факультативной валентности (*Он получил письмо — не говорится от кого*)¹⁹¹. Примеры такого рода отличаются от рассмотренных выше тем, что отсутствующий элемент в них не является ни семантически, ни конструктивно необходимым: они не вводят в рассмотрение соответствующих референтов и не являются контекстно-зависимыми.

Таким образом, при обсуждении вопроса о наличии нулевых элементов в системе русских местоимений мы в основном ограничимся нулевыми элементами, выступающими в роли подлежащих в обобщенно-личных и неопределенно-личных предложениях, но способными «употребляться» и в косвенных падежах.

В отношении категории рода личных местоимений существенна ее связь с родом подразумеваемого субститута (в частном случае — с полом обозначаемого лица). Как известно, в русском языке род субститута маркируется непосредственно в местоимении 3-го лица единственного числа (*он, она* или *оно*), а в местоимениях 1-го лица и 2-го лица, а также в личных местоимениях множественного числа проявляется при выборе форм согласующегося слова (*я, ты — пришел* или *пришла; мы, вы, они — оба* или *обе* и т. д.). Для объяснения соответствующих фактов можно было бы постулировать наличие в русском языке трех различных (омонимичных, но различающихся по согласовательным свойствам) местоимений *я* (мужского, женского и среднего рода), трех различных местоимений *ты*, а также трех различных местоимений *он, она* и *оно*, считая, таким образом, категорию рода для личных местоимений не словоизменительной, а словоклассифицирующей (именно такое решение принимается А. А. Зализняком [1967]). При таком решении три рода приходится различать и у личных местоимений множественного числа — ср. *один/одна/одно из нас, из вас, из них*. Однако в большинстве традиционных описаний принимается несколько иное решение. Категория рода считается словоизменительной категорией для местоимения третьего лица; что же касается местоимений первого и второго лица, то им не приписывается никакого значения категории рода, а выбор родовых форм согласующихся слов описывается при помощи такого понятия, как «семантическое согласование», т. е. ставится в зависимость от пола участников коммуникации.

Здесь следует отметить, что более точно было бы говорить не о семантической, а о прагматической предопределенности выбора родовой формы связанного с местоимением слова, т. е. о зависимости рода не от пола участников коммуникации, а от того, «какой пол приписывается им или приписывается ими самим себе в данной ситуации» [Lyons

¹⁹¹ Ср. понятие «неопределенного эллипсиса» у Т. Шопена [Shopen 1973], а также постулирование в структуре подобных предложений нулевых экзистенциальных местоимений в работах Е. В. Падучевой [1977: 84—107] и Ю. С. Мартемьянова [1981: 109—158].

1977: 577]. В качестве любопытной иллюстрации к только что приведенной формулировке Дж. Лайонза можно указать на различные способы родового «согласования» местоимения я с адъективными и глагольными формами в автобиографической повести Н. А. Дуровой «Год жизни в Петербурге», с одной стороны, и в ее письмах, а также в цитируемых ею диалогах — с другой¹⁹²: в первом случае выбираются формы женского рода (*Я написала Александру Сергеевичу коротенькую записочку, в которой уведомляла его... и т. д.*), во втором — формы мужского рода (*Когда покажете царю мои «Записки», скажите ему просто, что я продаю их вам, но что меня самого здесь нет; «Что вы не остановились у меня?.. — спрашивал меня Пушкин, приехав ко мне на третий день. — Вам здесь не так покойно; не угодно ли занять мою квартиру в городе?.. Я теперь живу на даче». «Много обязан вам, Александр Сергеевич, и очень охотно принимаю ваше предложение»... Он уехал, оставив меня очарованною обязательностью его поступков и тою честью, что буду жить у него, то есть буду избранным гостем славного писателя*), хотя пол автора в обоих случаях один и тот же.

Ср. также метаязыковые комментарии самой Н. А. Дуровой по этому поводу (в описании визита к ней Пушкина):

Я не буду повторять тех похвал, какими вежливый писатель и поэт осыпал слог моих записок, полагая, что в этом случае он говорил тем языком, каким обыкновенно люди образованные говорят с дамами... Впрочем, любезный гость мой приходил в замешательство всякий раз, когда я, рассказывая что-нибудь относящееся ко мне, говорила: «был!... пришел!... пошел!... увидел!...» Долговременная привычка употреблять «ъ» вместо «а» делала для меня эту перемену очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, несколько не затрудняясь своею ролею, обратившеюся мне уже в природу. Наконец Пушкин поспешил кончить посещение и разговор, начавший делаться для него до крайности трудным. Он взял мою рукопись... и, оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку! Я поспешно выхватила ее, покраснела и уже вовсе не знаю для чего сказала: «Ах, Боже мой! Я так давно отвык от этого!» На лице Александра Сергеевича не показалось и тени усмешки, но полагаю, что дома он не принуждал себя и, рассказывая домашним обстоятельства первого свидания со мною, верно, смеялся от души над этим последним восклицанием (разрядка наша. — Т. Б., А. Ш.).

Особые правила согласования действуют при персонификации, когда в роли «говорящего или «адресата» выступают неодушевленные (и, следовательно, «асексуальные») партиципранты. В этом случае местоимение 1-го или 2-го лица «наследует» грамматический род субститута, т. е. кореферентного номинативного термина. Ср.:

¹⁹² См. отрывки из указанной повести, а также письма в кн.: Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. М., 1988. С. 190—199.

- (1) а. *«Братец мой, — отвечает месяц ясный: — Не видал я девы красной»;*
 б. *Красно солнце отвечало: «Я царевны не видало»;*
- (2) а. *Ветер, ветер! Ты могуч, Ты гоняешь стаи туч...;*
 б. *Свет наш солнышко! Ты ходишь круглый год по небу... Не видало ль где на свете ты царевны молодой?;*
- (3) *Послушай, крутолобо! Чем так без дела заходить, ко мне на чай зашло бы;*
- (4) *Последняя туча рассеянной бури! Одна ты несешься по ясной лазури, Одна ты наводишь унылую тень, Одна ты печалишь ликующий день.*

За пределами подобной (безусловной, периферийной) ситуации описанное дистантно-формальное «согласование» не встречается. Внешне похожие случаи нарушения «семантического согласования», встречающиеся в некоторых жанрах общения (вроде *Ты не замерз, малыш?* — при обращении к маленькой дочери или, скажем, к возлюбленной), очевидно, более уместно объяснять в духе упоминавшейся выше ситуативной трактовки Лайонза. В самом деле, выбор родовых форм выполняет в случаях подобного рода специальную экспрессивную функцию, а не является вынужденным результатом формального приспособления к родовой характеристике обращения¹⁹³, выбор которого, противореча полу адресата, в свою очередь, несет соответствующую прагматическую нагрузку.

В отношении категории числа русских личных местоимений также существен вопрос, является ли эта категория словоизменительной или словообразовательной, иными словами — являются ли местоимения *я* и *мы*, *ты* и *вы*, *он* и *они* формами одного местоимения или различными местоимениями. Наиболее принятым является решение, в соответствии с которым *я*, *мы*, *ты* и *вы* признаются самостоятельными местоимениями, тогда как *они* считается формой множественного числа местоимения *он*. Это решение мотивируют, в частности, семантическими соображениями: указывают, что *мы* ≠ 'я+я...', *вы* ≠ 'ты+ты...'

¹⁹³ Показательно, в частности, что, когда позицию обращения занимает существительное среднего рода, кореферентное местоимение, относящееся к одушевленному адресату, никогда не «перенимает» его согласовательных свойств; альтернативный выбор всецело определяется в таком случае правилами «семантического согласования»: *Шел/Шла бы ты спать, солнышко; Ты что же, один/одна дома, дитя мое?* (но не: **Шло бы ты спать, солнышко; *Ты одно, дитя мое?*). Тем более, разумеется, немыслимо, чтобы формы среднего рода вступали в синтагматическую связь с местоимением 1-го лица под воздействием грамматического рода существительного, которое называет говорящего в том же контексте. Ср. отличие примера из повести Н. А. Дуровой («*Нет, — отвечало дитя, — (я) не раздумала*») от приводившегося выше, казалось бы однотипного, примера из «Мертвой царевны» (*Красно солнце отвечало: «Я царевны не видало»*).

Таким образом, в русскую систему личных местоимений включают местоимения 1-го лица *я* (единственное число) и *мы* (множественное число), местоимения 2-го лица *ты* (единственное число) и *вы* (множественное число), а также одно местоимение третьего лица, изменяющееся по родам и числам.

Не обсуждая вопрос о том, насколько обоснованна именно такая трактовка рода и числа личных местоимений, отметим, что вопрос об их составе в русском языке этим еще не решается. Следует обратить внимание на особый тип информации, инкорпорированной в значение личных местоимений, — информацию о социальном статусе референтов. Такая информация включена прежде всего в значение местоимений, указывающее на непосредственных участников общения, в первую очередь в значение местоимений 2-го лица, которые в русском, как и во многих других языках, оказываются наиболее дифференцированными по соответствующей категории (традиционно не вполне точно называемой «категорией вежливости»). В связи с этим закономерен вопрос, не следует ли включать в систему личных местоимений особое «вежливое» *вы*, лишь материально совпадающее с местоимением 2-го лица множественного числа. Аналогичный вопрос можно задать и о различных прагматических разновидностях других личных местоимений, например о «скромном» *мы*, «авторском» *мы*, «солидарном» *мы* (не вполне традиционно называемом в статье [Апресян 1988: 35] «*мы* инклюзивным» и т. д.

Кроме того, помимо дейктической функции местоимения 1-го и особенно 2-го лица могут выполнять в высказывании и недейктическую роль. Так, например, в предложении *Когда стоишь на горе, так тебя и тянет взлететь* местоимение 2-го лица «недейктично» — в том смысле, что для его интерпретации не требуется обращения к каким-либо чертам внеязыковой ситуации высказывания. В данном типе употребления местоимение 2-го лица функционально сходно с такими элементами, как, например, французское *он* или немецкое *man*. Вместе с тем 2-е лицо в русском языке и в таком употреблении не перестает быть «эгоцентричным» и по данному признаку отчетливо противопоставлено другому «обобщенно-» или «неопределенно-личному» элементу, функционирующему в качестве «нулевого подлежащего» при глаголе 3-го лица множественного числа. Ниже (в главе IV.2) функционирование соответствующих типов предложений в русском языке будет рассмотрено подробнее. Обратим внимание также на возникающую в связи с таким употреблением проблему, касающуюся возможного включения в систему русских личных местоимений «обобщенного» *ты*, омонимичного «обычному» местоимению второго лица, подобно тому как в систему, скажем, французских личных местоимений обычно включается *он*. Аналогичный вопрос можно задать и об «обобщенных» вариантах других личных местоимений — *я* (ср.:

... отрицание существования, наличия объекта вовсе не предполагает наличия ... чего-то другого! Так, если у меня нет велосипеда, это не значит, что я имею что-то другое, например «жигули» или «мерседес» [И. Шатуновский]), мы (ср. *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим*) и др.

Отметим, что, обсуждая вопрос о включении в систему русских личных местоимений нулевых элементов, мы должны, в случае положительного ответа, уметь ответить и на вопрос о грамматическом роде и числе этих элементов (соответствующая проблематика обсуждается в главах IV.2 и IV.4).

2. ТРАНСПОЗИЦИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Давно замечено, что во многих языках, в частности «во всех европейских литературных языках с развитой стилистической дифференциацией», местоимения (и личные формы глаголов) могут употребляться не в «собственном смысле» [Исаченко 1960: 416]. В подобных случаях часто говорят о транспозиции личных форм.

К транспозиции при обозначении личных форм принято относить:

1) использование форм 1-го и 2-го лица не в соответствии с прямым назначением

и

2) указание на участников коммуникации не при помощи прямых обозначений (т. е. местоимений 1-го и 2-го лица).

Внимательное исследование обычно относимых сюда фактов (не всегда достаточно дифференцируемых) представляет значительный интерес.

Так, например, осуществляя референцию к самому себе или к адресату, говорящий в общем случае не обязан пользоваться местоимением 1-го или 2-го лица; более того, в определенных социально-культурных условиях, в частности в некоторых ритуализованных актах, это может быть вообще запрещено (ср.: *Суд удаляется на совещание* ≠ *Мы удаляемся на совещание*).

Типологически частой особенностью является употребление существительного (типа *господин* или более специальных, указывающих на социальный статус, вроде *профессор*, *доктор*, *учитель*) для референции к адресату в определенной социолингвистической ситуации. Нередко подобные способы полностью конвенционализуются и соответствующие «урожденные» существительные превращаются в «вежливые формы» местоимения 2-го лица.

Заслуживают внимания «промежуточные» случаи прономинализации, когда дескрипции, не превращаясь в «вежливую форму местоимения», обладают тем не менее синтагматическими свойствами местоимения 2-го лица, т. е. выступают в позиции подлежащего (а не

обращения!) и сочетаются с личной формой 2-го лица глагольного сказуемого: *По всей вероятности, ваше высочество интересуетесь некоторыми подробностями прискорбного события...; ...ваше императорское высочество соблаговолите оказать мне вдвойне снисхождение и за изложение, и за переписку набело* (из письма П. А. Вяземского великому князю Михаилу Павловичу).

Следует также отметить, что способы референции к участникам коммуникации варьируются в различных ситуациях и жанрах общения. Например, общение с детьми характеризуется не только различными просодическими, фонологическими, синтаксическими, лексическими особенностями, но и специфическими средствами референции к лицам. Так, в работе [Wills 1977] отмечается 11 категорий особого прономинального употребления, из которых наиболее обычны (в частности, и в русском языке) следующие четыре:

- 1) говорящий (взрослый) говорит о себе в 3-м лице:
Мама сейчас занята, малыш;
- 2) говорящий говорит о себе «во множественном числе»;
Сейчас мы сварим тебе кашку;
- 3) говорящий говорит об адресате в 3-м лице:
Аленька хочет яблочко?;
- 4) говорящий, говоря об адресате, использует формы 1-го лица множественного числа:
Сейчас мы искупаемся и пойдем баньки.

Авторское *мы* характерно для научной речи, я в «обобщенном» смысле — для логико-философских рассуждений: *Интенциональное состояние включает в себя убеждение. Например, если я прошу прощения за то, что наступил на вашу кошку, я выражаю сожаление о том, что сделал это (Серль); Мысль держится мною не как личностью, а как мыслью мысли. Она держится хотя и во мне, но во мне как в пустом пространстве думанья, откуда она тут же уйдет, как только я перестану быть для нее этим пространством... Когда я (слово «я» в этой заметке употребляется вместо «я, ты, вы» и «тот, кто...») отождествляю мысль с материалом ее выполнения... то ее там, в моем «пространстве», уже нет (А. Пятигорский)*. Здесь заслуживают внимания собственные метаязыковые комментарии философа о значении слова *я*¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Заметим, что сходным образом (т. е. с референцией к «любому» лицу, точнее — к «тому или иному», но отличному от «меня») может употребляться и имя собственное, ср. текст, в котором две роли обобщенной ситуации приказа — говорящий и адресат речи — обозначаются соответственно как *я* и *Сэм*: *Как мое приказание Сэму выйти из комнаты относится к Сэму и репрезентирует определенное действие с его стороны, точно так же мое желание, чтобы Сэм вышел из комнаты, относится к Сэму и репрезентирует определенное действие с его стороны.*

Существенно отметить, что транспозиция не меняет языковых характеристик соответствующих личных форм (синтаксического поведения, референциальных свойств и т. п.). Поэтому возможность транспозиции личных форм, вообще говоря, не влияет на наше представление о системе личных местоимений. Именно это позволяет отличать транспозицию от случаев конвенционализованного (хотя этимологически также восходящего к транспозиции) употребления личных форм, описываемого при помощи постулирования особых местоимений, характеризующихся специфическими свойствами. В русском языке, по данным Д. Н. Шмелева [1961], сюда относятся:

- 1) использование местоимения *вы* (и соответствующих глагольных форм) как «формы вежливости» по отношению к одному лицу;
- 2) использование форм 2-го лица единственного числа в так называемых обобщенно-личных предложениях;
- 3) использование форм 3-го лица множественного числа в неопределенно-личных предложениях.

Следует отметить, что в существующих описаниях подобные случаи часто не отграничиваются от транспозиции.

Между тем согласование с местоимением *мы* в лице и числе показывает, что оно трактуется языком как местоимение 1-го лица множественного числа, даже когда используется (в нелитературной речи) «вместо» *я* (*Мы псковские*, но не **Мы псковской*) или (в литературной речи), «вместо» *ты* (*Как мы себя чувствуем?*, но не *чувствуешь* или *чувствуете*). При этом множественное число используется как в глагольных, так и в подчиненных именных формах: существительных (ср.: *А... вы — замужняя? — Нет еще... девицы мы* [М. Горький]), кратких и полных прилагательных (*Мы псковские*; ср.: *Она вытягивает губы, блаженно улыбается: «Агусеньки, маленькая, какие же мы симпатичные. Только мамка у нас, видать, еще неопытная, не заботится, чтобы нам было удобно»* [В. Добровольский]), определительных местоимений (ср. авторское *мы* у Ю. Карабчиевского: *И то, что нам уже и самим надоело вскрывать и разоблачать...*). Тем самым вводить для описания таких случаев в систему русских местоимений какое-то особое *мы*, очевидно, нет оснований.

Напротив, как известно, «вежливое» *вы* требует множественного числа глаголов и кратких прилагательных, но единственного числа существительных и полных прилагательных. Можно добавить, что оно требует также множественного числа местоимения *сам* в именительном падеже, но единственного числа местоимения *сам* в косвенных падежах (на этот факт мы обратили внимание в работе [Булыгина, Шмелев 1992а: 201]).

Ср., с одной стороны:

- (5) *Вы должны меня оставить;*

- (6) *Вы были правы предо мной;*
- (7) *И говорю ей: как вы милы;*
- (8) *Я все детство о вас слышал — но вы были невидимы;*
- (9) *Вы сами знаете давно, Что вас любить немудрено;*
- (10) *Полагая, что вы рассудите сами потребовать меня, до сих пор я вас не беспокоил, —*

и с другой:

- (11) *А вы: ... владимирская;*
- (12) *Я всегда знал, что вы родная. Вы — дочь профессора Цветаева, а я — сын профессора Бугаева;*
- (13) *Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам Бог любимой быть другим;*
- (14) *То верно б кроме вас одной Невесты не искал иной;*
- (15) *Я верно б вас одну избрал В подруги дней моих печальных;*
- (16) *Трудов напрасных не губя, Любите самого себя;*
- (17) *Вам самому это было бы обидно*

и т. п.¹⁹⁵

Из сказанного ясно, что нецелесообразно рассматривать «вежливое» *вы* как транспозицию «обычного» местоимения 2-го лица мн. числа, а выбор согласующихся форм объяснять «семантическим согласованием». Во-первых, это нарушает общее правило о том, что транспозиция не меняет правил «поверхностного согласования»; во-вторых, предполагаемые правила выбора «семантического согласования» окажутся достаточно сложными: почему, в самом деле, *сам* в именительном падеже подчиняется «поверхностному согласованию», а в косвенных падежах — «семантическому»? Почему в конструкциях *вам самому* и *вам самим* выбор формы определяется «семантическим согласованием» (зависит от реальной единичности/множественности референта), а в конструкции *нам самим* — «поверхностным согласованием» (выбирается множественное число даже при реальной единичности референта, как в случае «авторского *мы*», ср. приведенный выше пример из Ю. Карабчиевского)? Разумнее считать, что здесь действуют специальные правила выбора форм, согласующихся с «вежливым» *вы*, тем самым вводя особое местоимение — «вежливое» *вы* — в местоименную систему русского языка. Это местоимение характеризуется особым

¹⁹⁵ Любопытно, что в английском языке аналогичная дифференциация проводится и в отношении местоимения первого лица множественного числа, способного употребляться с референцией к (одному) говорящему («авторское *мы*»). Так С. Левинсон (со ссылкой на Филлмора) отмечает, что реальная единичность референта местоимения *we*, используемого, например, редактором газеты "New Yorker" для автореференции, проявляется в таких сочетаниях, как *as for ourself* (букв. нечто вроде «что касается нас самого»; впрочем, этимологически оправдан и более приемлем для русского уха был бы перевод «что касается нашей персоны» vs. *as for ourselves* «что касается наших персон») [Levinson 1983].

языковым поведением, в частности — особыми синтаксическими свойствами, отличными от «обычного», «множественного» *вы*. Поэтому его нельзя рассматривать просто как результат транспозиции «обычного» *вы*.

Впрочем, следует отметить, что транспозиция местоимения 2-го лица множественного числа возможна — в той же степени и с тем же эффектом, что и, скажем, транспозиция местоимения *они* (т. е. в не слишком литературной речи как форма почтительности); ср.: *Оттого вы и оскорбляете маменьку-с: они к этому не привыкли-с. Они генеральши-с, а вы еще только полковницы-с* (Ф. Достоевский, см.: [Шмелев, 1961]). Ср. также диалог из «Одного дня Ивана Денисовича», в котором транспозиция *вы* в реплике Алеши (подтверждаемая формой множественного числа *самых*) отзывается транспозицией *мы* в ответной мысленной реплике Ивана Денисовича: «*На, Алешка!*» — *и печенье одно ему отдал. Улыбится Алешка. «Спасибо! У вас у самих нет». — «Ешь!» У нас нет, так мы всегда заработаем.*

Причины и эффект транспозиции личных форм могут быть различны. Иногда это бывает связано с необходимостью избавиться от действительских элементов, чтобы свести к минимуму возможность непонимания (например, в разговоре с детьми [Langacker 1985: 127—128], в официальных документах и т. п.), ср.: *Алешенька хочет баньки?* Сюда же относится обозначение себя при представлении в разговоре по телефону: *Говорит Петя; Говорят из деканата; Крылов у аппарата* и т. п. Примечательно, что в телефонной коммуникации идентификация собеседников осуществляется при помощи местоимения *это*: *Это Петя* («вместо» *Я Петя*); *Это Петр Иванович?* или даже (в расчете на узнавание по голосу) *Это я*. При непосредственном контакте участников коммуникации уместнее использовать личные местоимения 1-го и 2-го лица: *Я Дубровский; Вы Петр Иванович?* (при идентификации незнакомого адресата речи) — или хотя бы не вполне логичное *Петр Иванович, это вы?* (при идентификации знакомого)¹⁹⁶.

В ряде случаев референция к себе самому при помощи дескрипции вызывается этикетными соображениями (например, *Автор полагает...* «вместо» *Я полагаю...* представляет собой своего рода фигуру скромности)¹⁹⁷. С этикетными соображениями обычно связано и использование множественного числа вместо единственного.

Стремление устранить возможность непонимания может совмещаться с требованиями этикета, ср. типичную для официальных документов формулу: *Французский посол выражает свое почтение господину председателю и просит его...*

Использование местоимения *мы* «вместо» *я* или *ты* представляет ситуацию в виде такой, в которой в равной мере участвуют говоря-

¹⁹⁶ Подробнее см. главу VII.2.

¹⁹⁷ Это соответствует общей тенденции камуфлировать свою личность, отодвигать ее на второй план. Как писал Ф. Брюно: «*Le moi est haïssable*» («Я однозно») [Brunot 1922: 276].

ций и адресат. То, о чем говорится, представлено как общая проблема; выражается значение солидарности, равноправия (милиционер: *Граждане, давайте разойдемся; Давайте не будем шуметь, граждане*; мать — ребенку: *Сейчас мы сварим кашку — мы «вместо» я; Сейчас мы пойдем спать — мы «вместо» ты*; то же в разговоре врача с пациентом, парикмахера с клиентом и т. д.).

Иногда выражение эмоционального расположения и солидарности совмещается со стремлением уменьшить возможность непонимания, например [мать — ребенку]: *Посидим с мамой*.

И, наконец, упомянем о «непрозрачных» контекстах, в которых «транспозиция» нередко бывает вызвана необходимостью использовать дескрипцию, смысл которой включен в содержание соответствующей пропозиции. Отец, говорящий сыну: *Возмутительно, как ты разговариваешь с отцом!*, — эксплицирует причину возмущения иначе, чем если бы он сказал: *Возмутительно, как ты разговариваешь со мной!* В некоторых случаях, когда референция устанавливается в переменном денотативном пространстве, «транспозиция» приводит к изменению условий истинности, ср.: *Ты единственный человек, кто позволяет себе говорить со мной таким тоном* и (в той же коммуникативной ситуации) *Ты единственный человек, кто позволяет себе говорить с отцом таким тоном*. Из сказанного ясно, что в подобных случаях «транспозиция» оказывается мнимой; речь не идет о «лейбницевской» подстановке, сохраняющей условия истинности.

В заключение отметим, что в русскую систему личных местоимений, по-видимому, следует также включить еще два местоимения: местоимение с синтаксическими свойствами 2-го лица единственного числа ($\emptyset/ты$)¹⁹⁸ и нулевое местоимение с синтаксическими свойствами 3-го лица множественного числа ($\emptyset_{3\text{мн}}$). Эти местоимения, характеризующиеся своеобразными референциальными и прагматическими свойствами, которые мы и рассмотрим в следующей главе, также способны к транспозиции.

¹⁹⁸ Данное местоимение имеет два варианта каждой из падежных форм: нулевой и ненулевой, причем ненулевые варианты омонимичны соответствующим формам местоимения 2-го лица единственного числа *ты*. Правила выбора нулевого и ненулевого варианта достаточно сложны, и мы не будем на них останавливаться. Заметим только, что нулевой вариант выбирается не в соответствии с правилами эллипсиса личных местоимений. Поэтому нецелесообразно считать данное местоимение полностью омонимичным местоимению 2-го лица единственного числа, а наличие нулевых вариантов объяснить эллипсисом. Ведь тогда пришлось бы дополнять правила эллипсиса правилами, специально сформулированными для рассматриваемого местоимения и релевантными только для него. Доказательством того, что $\emptyset/ты$ не является транспонированным вариантом местоимения 2-го лица *ты*, служит возможность некорректного употребления соответствующих форм в одной синтаксической конструкции (*Тебе не дозволишься*). Ср. местоимения *я* и *мы*, которые не могут не быть кореферентны в пределах одного высказывания даже при транспозиции: аномально **Ну, а теперь высунем язык и покажем нам горлышко* (следует: ... и покажем доктору горлышко).

ГЛАВА 2

Я, ТЫ И ДРУГИЕ В РУССКОМ СИНТАКСИСЕ (НУЛЕВЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ: РЕФЕРЕНЦИЯ И ПРАГМАТИКА)*

1. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МЕСТОИМЕННИЯ *О/ТЫ*

Референт местоимения *О/ты* — это результат абстракции отождествления ряда однотипных ситуаций. Речь идет об обобщении конкретных случаев. Предполагается, что в каждом из таких случаев выделяется протагонист, лицо, находящееся в фокусе эмпатии, и что высказывание касается не одного конкретного случая, а целого класса однотипных ситуаций. При этом может обобщаться личный опыт говорящего: *В поездках со мной постоянно бывает — то ничего, и все как-то мимо, и дорога отвратительная, и люди попадают все неинтересные, и чувствуешь, как то, из-за чего проехал все эти тысячи километров, — не дается, уходит, и, кажется уже, что и вообще-то ничего нет, зря ехал. А то вдруг все является, все складывается как нельзя лучше, без всяких твоих усилий и именно так, как ты хочешь* (Ю. Казаков); может «индуктивно» обобщаться какая-то одна ситуация: *Тише едешь — дальше будешь* и т. п. Таким образом, элемент обобщения присутствует всегда, что и оправдывает традиционное название для предложений с подлежащим *О/ты* (в нулевом варианте) — «обобщенно-личные».

Отнесенность подлежащего обобщенно-личного предложения к прошлому личному опыту самого говорящего находит формальное подтверждение в том, что «семантическое согласование» с *О/ты* определяется полом говорящего, когда авторами-женщинами в соответ-

* В данной главе использованы материалы работ «Референциальные характеристики синтаксических нулевых элементов» (Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности, М., 1985), «Синтаксические нули и их референциальные свойства» (Типология и грамматика, М., 1990), «Я, ты и другие в русской грамматике» (Res philologica, М.—Л., 1990), «Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности» (Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, М., 1991).

ствующей синтаксической позиции выбираются формы женского рода слов, изменяющихся по роду (глаголов в форме прошедшего времени, именной части сказуемого и т. п.): *Быстро забываешь себя, ту, какой была когда то* (Н. Ильина); *В ранней молодости чувствуешь себя всесильной и в своей гордой самонадеянности не хочешь ничьих советов и указаний, хочешь все решить самостоятельно* (Т. Сухотина-Толстая). То же самое может иметь место при передаче слов женских персонажей: *Запоздаешь, бывало, на прогулке, отстанешь от других, идешь одна, спешишь, — жутко! Сама дрожишь как лист... Утром встанешь свежа, как цветочек* (Ф. Достоевский); *А до чего у вас теплый номер! Сидишь вся голая, и все тепло* (И. Бунин); *В будни ничего — работа у меня интересная, ответственная, все время чувствуешь себя нужной людям. А в праздник плохо. Все парами, парами, только ты одна* (А. Володин); *«Ощущаешь какую-то ответственность, — сказала старушка, — точно виновата в чем-то»* (Л. Авилова). Однако в подобных случаях возможен и выбор форм мужского рода — тогда мы имеем дело не с «семантическим», а с «формально-синтаксическим согласованием». Характерен следующий пример из Н. Ильиной: *Глядя на другого, понимаешь, до чего ж изменился и сам, и сразу начинаешь утешительную работу* («Да не так уж... Я б вас сразу узнала»). То, что писательница говорила в первую очередь о себе, подчеркивается женским родом в прямой речи; однако с *О/ты* согласование ведется по мужскому роду, т. е. имеет место «формально-синтаксическое согласование».

При обобщенном понимании *О/ты*, т. е. когда говорящий не имеет в виду исключительно себя и свой личный опыт, а говорит о человеке вообще, для русского языка обычно «формально-синтаксическое» согласование по мужскому роду (даже если говорящий — женщина, которая в своем суждении основывается в значительной степени на собственном опыте): *Есть книги настолько живые, что все боишься, что пока не читал, она уже изменилась, как река сменилась, пока жил...* (М. Цветаева). Ср. также «мужское» согласование с обобщенно мыслимым субъектом, выраженным местоимением *О/ты*, из повести И. Грековой, где повествование ведется от лица женщины: *Покинутый мною мир казался странным, как дом, в котором жил когда то, давным давно, и уже успел забыть, с какой стороны дверь твоего подъезда.*

Приведенные факты соответствуют представлениям А. А. Шахматова, который, как известно, выделял две разновидности предложений рассматриваемого типа (по его терминологии — «неопределенно-личных бесподлежащих предложений с главным членом, выраженным формой 2-го лица ед. числа»):

- 1) «разновидность, где 2-е лицо заменяет 1-е»,

- 2) «собственно-неопределенно-личную разновидность», в которой глагольная форма «вызывает представление о человеке или о людях вообще» [Шахматов 1941: 72, 73].

На недоразумение, связанное со смешением двух указанных пониманий обобщенно-личных предложений (пусть в не совсем точных с точки зрения грамматики терминах), обратил внимание Ю. И. Айхенвальд, отвечавший в книге «Спор о Белинском» своему критику (А. Дерману):

Моя фраза «То представление, какое получаешь о Белинском из чужих прославляющих уст, в значительной степени рушится, когдаходишь к его книгам непосредственно», — эта фраза истолковывается моим рецензентом так, что, по-моему-де, либо никто до меня не подходил к книгам Белинского, либо, «подойдя к ним и разрушив легенду в сердце своем, не нашел в себе мужества открыто об этом заявить»... Я должен напомнить г. Дерману, что есть *pluralis majestatis* и есть *pluralis modestiae*. То множественное число, которое заключается в моих обобщающих безличных выражениях «получаешь» и «подходишь», — это, конечно, *pluralis* второй категории. По существу я говорю о себе, только о себе, о своем субъективном впечатлении; но чтобы свою личность не выдвигать, я и употребил форму безличную.

В то же время следует подчеркнуть, что с чисто референциальной точки зрения указанные две разновидности не различаются. Нельзя было бы сказать, что в первом случае мы имеем дело с индивидуальной референцией, а во втором — с общеродовой. Характерной особенностью *Ø/ты* во всех типах употреблений является двойственность референциальных характеристик, свойственная наглядно-примерным описаниям. Речь в предложениях с *Ø/ты* всегда идет о повторяющейся ситуации: в пределах одной, отдельно взятой ситуации *Ø/ты* соотносится с конкретным инстантом, но поскольку ситуация повторяется, эта соотнесенность понимается обобщенно. Равно невозможно использование *Ø/ты* в высказываниях, повествующих об отдельной локализованной во времени ситуации (ср. невозможность **Идешь вчера по Кузнецкому...* при допустимости *Идешь, бывало, по Кузнецкому...*), и в высказываниях, сообщающих об общем законе, существующем независимо от конкретных ситуаций (аномально **У нас не куришь* — следует: *У нас не курят*). Высказывания с *Ø/ты* не могут иметь места без точки отсчета, но требуют, чтобы эта точка отсчета была переменной. Не случайно обобщенно-личные формы 2-го лица легко сочетаются с совершенным видом, который, по А. В. Бондарко [1971: 22 и сл.], является основным средством выражения «наглядно-примерного» значения, ср.: *Едешь по Моховой, взглянешь на здание, и сердце каждый раз дрогнет* (А. Турков). По той же причине в предложениях с *Ø/ты* вполне возможны эпизодические, локализованные во времени предикаты, которые, как мы знаем (см. главы I.2 и I.3), не

встречаются в подлинно гномических высказываниях: *У меня сегодня распустились чайные розы, хлебные розы и винные розы. Посмотришь на них — и ты сыт и пьян* (Е. Шварц).

Представляется, что М. В. Панов прав, утверждая, что глагольные обобщенно-личные формы находятся вне категории числа [1966: 82]. Действительно, примеры, подобные хрестоматийному отрывку из Тургенева (*...вы входите в рошу... отыскиваете себе место* и т. д.), демонстрируют обращение к собеседнику, хотя и воображаемому, которого автор призывает представить себя непосредственным участником ситуации. Это значение отличается от описанного выше значения конструкций с *Я/ты*. Ср. пример из Достоевского, в котором формы 2-го лица единственного числа имеют референцию к самому говорящему, обобщая его личный опыт (взгляд «изнутри»), а формы 2-го лица множественного числа указывают на некоторого другого возможного наблюдателя (воображаемого адресата), поскольку соответствующее действие предполагает взгляд со стороны:

Острог наш стоял на краю крепости, у самого крепостного вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свет Божий: не увидишь ли хоть что-нибудь? — и только и увидишь, что краешек неба да высокий земляной вал...; и тут же подумаешь, что пройдут целые годы, а ты точно так же пойдешь смотреть сквозь щели забора и увидишь все тот же вал... Тут был свой особый мир... Вот этот-то особенный уголок я и принимаюсь описывать.

Как входите в ограду — видите внутри ее несколько зданий...

В данном случае переход от 2-го лица единственного числа ко 2-му лицу множественного числа в пределах одного текста семантически обусловлен. Впрочем, у Достоевского встречается и, по-видимому, незначимое чередование форм единственного и множественного числа — вероятно, результат контаминации. Ср., например:

В остроге было иногда так, что знаешь человека несколько лет и думаешь про него, что это зверь, а не человек, презираешь его. И вдруг приходит случайная минута, в которую душа его... открывается наружу, и вы видите в ней такое богатство..., что у вас как бы глаза открываются, и в первую минуту даже не верится тому, что вы сами увидели и услышали.

В известных строчках Пастернака *Ах, когда б вы знали, как тоскуется, Когда вас раз сто в течение дня На ходу на сходствах ловит улица* также, на наш взгляд, представлен результат контаминации, хотя и несколько иного рода. В первом случае местоимение 2-го лица употреблено адресатно, в своем прямом значении, исключая говорящего (который, конечно, «знает, как тоскуется», так что использование ирреального наклонения для характеристики его ментального состояния было бы неуместно), тогда как во втором случае

форма винительного падежа местоимения 2-го лица множественного числа употреблена «обобщенно-лично», т. е. в значении, включающем говорящего, и могла бы быть заменена специализированной для данного типа употребления формой местоимения *Ø/ты (тебя)*.

Как отмечалось в главе IV.1 (в сноске), доказательством того, что *Ø/ты* не является просто результатом транспозиции адресатного *ты*, может служить факт их одновременного некорреферентного употребления в составе одной синтаксической конструкции. Приведем примеры такого употребления из произведений Ю. Казакова: *Вот ты все мчишься на своей автомашине и не знаешь даже, что куда лучше ехать на телеге или в санях по лесной или полевой дороге — смотришь по сторонам, думаешь о чем-то, и хорошо тебе, потому что чувствуешь всей душой, что все, что вокруг тебя, все это и есть твоя родина!* — субъектом глаголов *мчишься* и *не знаешь* является непосредственный адресат речи (в данном случае — сын повествователя), остальные глагольные и местоименные формы 2-го лица единственного числа употреблены с референцией к субъекту воображаемой ситуации, находящемуся в фокусе эмпатии, так что в них имеет место *Ø/ты* (это же местоимение в дативе можно усмотреть в конструкции *лучше ехать на телеге... — кому?*); *Счастливым ты человек, Алеша, что есть у тебя дом! Это, малыш, понимаешь, хорошо, когда есть у тебя дом, в котором ты вырос,* — в противопоставлении «адресатного» и «обобщенно-личного» значений играет роль разное оформление придаточных: *что есть у тебя дом*, относящееся к конкретному факту, и *когда есть у тебя дом*, относящееся к классу однотипных ситуаций; *Я помертвел, вообразив, как ты в этой черноте, занятым своим автомобильчиком, все дальше уходил в лес. И ведь мертвые дачи во всей округе, даже днем души не увидишь нигде!* и т. д.

Обратим внимание на то, что одновременное присутствие в одной синтаксической конструкции двух некорреферентных местоимений 2-го лица единственного числа — адресатного и неадресатного — возможно не только при максимально обобщенном характере последнего, но и когда говорящий имеет в виду в первую очередь себя, как в следующем примере: *Тут за день так накувыркаешься, придешь домой — там ты сидишь* (В. Высоцкий). Выраженное нулевым вариантом местоимения *Ø/ты* подлежащее при глаголах *накувыркаешься*, *придешь* относится к говорящему, а выраженное «обычным» *ты* подлежащее при *сидишь* — к непосредственному адресату речи. Некоторый комический эффект приведенного высказывания возникает из-за того, что говорящий указывает как на причину своих отрицательных эмоций на факт встречи с адресатом, рассчитывая в то же время на его сочувствие, но грамматически данное предложение вполне нормально.

При «наглядно-примерном» значении формы 2-го лица единственного числа и соприсутствии адресатного и неадресатного место-

имений (последнее чаще бывает представлено нулевым вариантом) обычно наблюдается более или менее отчетливо ощущаемое противопоставление двух участников ситуации, как в только что приведенном примере. Поэтому распространенное представление, согласно которому обобщенно-личное значение 2-го лица единственного числа — это именно обобщенно мыслимое лицо с доминирующим адресатным значением («ты, так же как и я и любой на моем месте» [Золотова 1982: 110]), нуждается в некотором уточнении.

Следует, впрочем, отметить, что есть определенные ограничения на совместное появление обобщенно-личного *Ø/ты* и адресатного *ты*. Это последнее должно занимать по отношению к *Ø/ты* подчиненную позицию, что возможно в двух случаях: 1) адресатное *ты* стоит в косвенном падеже при глаголе, подлежащим которого является местоимение *Ø/ты* в нулевом варианте; 2) адресатное *ты* занимает позицию подлежащего в несамостоятельном предложении, семантически подчиненном предложению с *Ø/ты*-подлежащим (как в приведенном выше примере из Высоцкого). В предложениях с адресатным *ты* в роли подлежащего обобщенно-личный объект не может выражаться косвенным падежом ненулевого варианта местоимения *Ø/ты* — в случае необходимости здесь используются другие средства выражения обобщенно-личного значения, например косвенный падеж лексемы *человек*, как в следующем примере: *Ты — женщина замедленного действия. Ты не сразу начинаешь действовать на человека в полную силу. ...У тебя очень удачно поставлены глаза, они могут, не отвлекаясь, заниматься своей основной специальностью: поражать человека* (А. Володин). Ср. аномальные предложения, получающиеся в результате замены словоформы *человек* ненулевым вариантом обобщенно-личного местоимения: *Ты — женщина замедленного действия. *Ты не сразу начинаешь действовать на тебя в полную силу. ... *У тебя очень удачно поставлены глаза, они могут... поражать тебя* (А. Володин). Обратим внимание на то, что если бы в пьесе А. Володина шла речь о свойствах не адресата, а некоторого «третьего» лица (т. е. если бы в высказывании отсутствовало бы адресатное *ты* в позиции подлежащего), употребление косвенного падежа обобщенно-личного *Ø/ты* было бы вполне возможно: *Она — женщина замедленного действия. Она не сразу начинает действовать на тебя в полную силу. ... У нее очень удачно поставлены глаза, они могут заниматься своей основной специальностью: поражать тебя.*

Те же ограничения на встречаемость адресатного и обобщенно-личного местоимений 2-го лица отражены в следующем отрывке из письма Льва Толстого дочери, приводимого в книге Т. Л. Сухотиной-Толстой: *Мне иногда без вас, двух дочерей, грустно, ...хоть и не говоришь, а знаешь, что тебя понимают и любят то, что ты не то, что любишь, а чем живешь.* Здесь обобщенно-личное местоимение в

нулевым (подлежащее при *говоришь, знаешь, живешь*) и ненулевым (*тебя, ты*) вариантах реально соотносится с самим пишущим (обозначенном в самом начале отрывка местоимением 1-го лица *мне*), а нулевое подлежащее при глаголах *понимают, любят* — с адресатом (обозначенном в начале отрывка местоимением 2-го лица *вас*). Эта же, в сущности, мысль могла бы быть выражена в несколько более «персональном» ключе, с использованием других местоимений и других личных глагольных форм, более непосредственно указывающих на реальных партиципантов описываемой ситуации: *...хоть и не говорю, а знаю, что вы меня понимаете и любите то, что я не то, что люблю, а чем живу*. Однако указание на «объект понимания» при помощи винительного падежа обобщенно-личного местоимения (*тебя*) автоматически влечет за собою соответствующий сдвиг в выражении «субъекта понимания», поскольку присутствие в одной предикации косвенного падежа обобщенно-личного местоимения и именительного падежа адресатного местоимения 2-го лица, как говорилось выше, исключается: невозможно **...хоть и не говоришь, а знаешь, что вы тебя понимаете и любите*.

2. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НУЛЕВОГО МЕСТОИМЕНИЯ $\mathcal{O}_{3МН}$

Местоимение $\mathcal{O}_{3МН}$ обладает совсем иными референциальными свойствами. Оно всегда бывает подлежащим и может характеризоваться различными типами референции: при наличии рестриктивного определения — определенным (*В институте его очень ценят*), при отсутствии такового — неопределенным, если предикат имеет конкретную временную локализацию (*Стучат, откройте*), и генерализованным, если предикат не локализован во времени (*Скоро бегут, дальних не ждут*). Возможность неопределенной референции, нехарактерной для личных местоимений, оправдывает традиционное название для соответствующих предложений — «неопределенно-личные». Во всех случаях референция производится к «посторонним», к лицам, из числа которых исключается протагонист. Поэтому нормально $\mathcal{O}_{3МН}$ не может относиться к говорящему (поскольку, если говорящий участвует в ситуации, нормально именно он находится в фокусе эмпатии). Исключением являются высказывания со смещенной эмпатией типа *Говорят тебе...; Тебе про Фому говорят, а ты про Ерему; Да тебе же добра желают, пойми!*

Коснемся вопроса о том, может ли $\mathcal{O}_{3МН}$ быть кореферентно с другими обозначениями лиц. Рассмотрим отдельно случаи, когда $\mathcal{O}_{3МН}$ относится к референту, ранее упомянутому в тексте, и случаи, когда $\mathcal{O}_{3МН}$ служит или могло бы служить антецедентом анафорической отсылки.

В случаях, когда использованию $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ предшествует обозначение того же референта посредством ИГ с признаком «определенность» (собственного имени, личного местоимения, определенной дескрипции), $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ оказывается близким личному местоимению 3-го лица: *Она навстречу, как сурова! Его не видят, с ним ни слова* (А. Пушкин); *Варя задумалась. Я торжествовал. Меня, значит, уважали, коли задумались* (А. Чехов); *Вскоре в обращении Дуси со мной я ощутила снисходительность... говорили со мной свысока* (Н. Ильина); *В глубине души я завидовала тем, кто подходил к Корнею Ивановичу и кого он дружески обнимал, рсточая улыбки и добрые слова. Среди подходивших были люди, казавшиеся мне ничтожными, даже дурными. Но и их обнимали, и им говорили что-то ласковое* (Н. Ильина). В то же время использование $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ позволяет представить ситуацию более обобщенно, так что замена $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ на какое-либо обозначение, кореферентное антецеденту, несколько меняет смысл. Особенно показателен следующий пример: *Прощаясь, Ипполитов поцеловал ей руку. Впервые в жизни ей целовали руку* (Д. Гранин). Здесь налицо фактическое совпадение субъектов первого и второго предложения, однако, по-видимому, подлинной кореферентности нет (а, скорее, имеет место «частичная равносильность» в смысле работы [Падучева 1974]). Замена $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ на он (или Ипполитов) привела бы к изменению условий истинности: предложение *Впервые в жизни Ипполитов/он целовал ей руку*, в отличие от исходного предложения, могло бы быть истинно, даже если бы другие целовали «ей» руку и раньше.

В только что рассмотренных примерах использованию $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ предшествовало обозначение того же лица посредством ИГ с признаком «определенность». Возможно и использование $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ при неопределенном антецеденте: *Мамочка, ...его кто-то лупит по шее... а теперь его гонят в три шеи* (Е. Шварц); *В феврале мне кто-то передал, чтобы я ... непременно явилась в школу. Мне сообщили, что на этот раз школьный спектакль обещала поставить профессиональная актриса* (Н. Ильина). Лишь в такой последовательности кто-то и $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ могут пониматься как относящиеся к одному и тому же референту. При обратной последовательности (*В феврале мне передали... Кто-то сообщил мне или Его лупят по шее... А теперь его кто-то гонит в три шеи*) местоимение кто-то воспринималось бы как вводящее новое лицо, отличное от субъекта предшествующего предложения.

Итак, $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ способно выступать при повторной номинации лица. С другой стороны, оно никогда не выступает в интродуктивной функции. Оно не вводит референта в поле зрения адресата речи и потому обычно не может быть антецедентом личного местоимения. Так, последовательности *В дверь позвонили. Я *ему/*им открыл* или *Если тебя обидели, прости *ему/*им* аномальны (следует использовать де-

скрипцию: *В дверь позвонили. Я открыл звонившему; Если тебя обидели, прости обидчику*). Ср. использование дескриптивного обозначения лица, названного ранее посредством $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$: «*Что ж это, товарищ Березкин, а мне про вас говорили как о человеке храбром, спокойном*». *Березкин молчал, вздохнул, должно быть, говорившие [они/*он] ошиблись в нем* (В. Гроссман); *На Садовую, конечно, съездили и в квартире № 50 побывали. Но никакого Коровьева там не нашли... С тем и уехали с Садовой, причем с уехавшими [*с ними] отбыл секретарь домоуправления Пролежнев* (М. Булгаков). В следующем диалоге использование местоимения *они* в соответствии с антецедентом, выраженным $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$, производит впечатление некоторой шероховатости: *А что, говорят, я хорошо сохранилась. — Не верьте, они преувеличивают* (А. Володин). Ср. также приводимый в статье [Шмелев 1961] пример, который характеризуется там как каламбурное переосмысление формы 3-го лица множественного числа: *Об этом не говорят так... — Они не говорят, я — говорю* (М. Горький).

Лишь в случае определенности местоимения $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ в контексте рестриктивного локализатора анафорическая отсылка к нему оказывается приемлемой (разумеется, такое употребление $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ не является интродуктивным): *Дома отнеслись к моему плану отрицательно. Уж лучше бы я им ничего не говорил; На кафедре диссертацию, конечно, одобрили — они всегда снисходительны к своим аспирантам; Мне звонили из Академии. — И что они тебе сказали?*

Мы видели, что в целом референциальные возможности $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ весьма разнообразны. В то же время в предложениях некоторых типов референциальный потенциал $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ оказывается значительно более ограниченным. Так, в сочетании с предикатами свойства или состояния референт $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ должен, как правило, быть ограничен посредством локального или темпорального локализатора и характеризоваться определенностью: *На Руси того времени хорошо понимали, что чума — это эпидемия, болезнь; В Средние веки еще более преданы были этому суеверию* (А. Погорельский). Еще более жесткие ограничения касаются часто проходящего мимо внимания исследователей употребления пассивных конструкций с $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ -подлежащим (ср. [Князев 1978: 128]): *В редколлегии были заблаговременно подготовлены к этому повороту (из журнала); В верхней одежде не обслуживаются (объявление в буфете); В театре были совершенно очарованы ею (но едва ли естественно: *На балу были совершенно очарованы ею, поскольку локализатор на балу указывает не на постоянное место, а на эпизодическое пребывание и поэтому не способен индивидуализировать референт нулевого местоимения).*

Впрочем, все референциальные ограничения, связанные с употреблением $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ имеют семантическую мотивацию. Дело в том, что, в отличие от $\mathcal{O}/ты$, местоимение $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ никогда не соотносится с лицом,

находящимся в фокусе эмпатии. Референт $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ — это всегда «другие», использование $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ выражает своего рода «отчуждение». При использовании таких конструкций говорящий как бы смотрит на субъекта действия «со стороны». Взгляд «со стороны», «объективация» имеет место, когда речь идет об объективном законе, существующем независимо от воли отдельных лиц: *Цыплят по осени считают; Снявши голову, по волосам не плачут; У нас не курят; Лежачего не бьют; Ночью в гости не ходят* (А. Вампилов). В таких предложениях мы имеем гномический предикат и генерализованное прочтение субъекта, выраженного посредством $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$.

Если же описывается действие, локализованное во времени, значение «отчуждения» предполагает наличие некоторой точки отсчета, в роли которой может выступать другой партиципant (протагонист) рассматриваемой ситуации или «наблюдатель». В случаях, когда наблюдатель и другие партиципantы отсутствуют, неопределенно-личные конструкции аномальны. Так, например, предложение *Когда влюблены, то часто приходится говорить не прямо о любви* (В. Шкловский) с неопределенно-личным придаточным представляется отклоняющимся от нормы¹⁹⁹. Ср. грамматически корректное неопределенно-личное предложение с тем же именным сказуемым: *Женщина всегда чувствует, когда в нее влюблены, даже если ей не говорят о любви*, — где точка отсчета — объект влюбленности. Что же касается примера из Шкловского, то более адекватным выражением подразумеваемого смысла было бы, очевидно, предложение *Когда человек влюблен, то ему часто приходится...* или же обобщенно-личное предложение с $\mathcal{O}/\text{ты}$, обозначающим протагониста, — *Когда ($\mathcal{O}/\text{ты}$) влюблен, то ($\mathcal{O}/\text{тебе}_{\text{дат}}$) часто приходится...* Подобным же образом аномальное **В пансионате сыты* может быть сопоставлено с правильными *В пансионате хорошо кормят* (где точка отсчета — тот или те, кого кормят) или *В пансионате ты, по крайней мере, сыт*.

Высказывание *Дома в ужасе* может быть ответом на вопрос *Как на это реагировали дома?* (точка отсчета — «это»), но аномально в ответ на вопрос *Что творится дома?* Из правила о необходимости точки отсчета в неопределенно-личных предложениях следует, в частности, что эпизодические одноактантные предикаты могут быть употреблены в них лишь при наличии наблюдателя: *Вижу: бегут по улице, кричат; За стеною храпят; Вот опять окно, где опять не спят* (М. Цветаева); *А вокруг меня женятся и выходят замуж* (Н. Иванова-Романова).

Даже при отсутствии эксплицитного указания на наблюдателя в неопределенно-личном предложении с эпизодическим предикатом са-

¹⁹⁹ Аномальность этого предложения связана и с тем, что нулевой субъект придаточного предложения должен быть кореферентен дативу при *приходится* — а употребление в косвенных падежах для $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ нехарактерно.

ма конструкция указывает на то, что ситуация описывается с «точки зрения» кого-то отличного от субъекта данного предложения. Так, в следующем примере использование неопределенно-личного предложения при описании визита французских дам к А. А. Реформатскому подчеркивает, что описание ситуации ведется с точки зрения дам: *Дамы пришли. Им помогли снять пальто, поцеловали ручки, сказали какие-то вежливые фразы и удалились* (Н. Ильина). Точно так же в приводившемся выше примере *Как сурова! Его не видят, с ним ни слова* выбор средств указания на участников описываемой сцены (Онегин является референтом местоимений *его, с ним*, а Татьяна — референтом $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$) является одним из формальных показателей того, что вся ситуация в данной части романа описывается с точки зрения Онегина (об этом свидетельствуют и другие используемые здесь средства: восклицание *Как сурова!*, предполагающее внешнего наблюдателя, употребление несобственно-прямой речи, принадлежащей Онегину).

Рассматриваемая особенность объясняет исключение говорящего из числа возможных референтов нулевого подлежащего, характерное, как отмечают исследователи, для неопределенно-личных предложений²⁰⁰. Можно утверждать, что в обычных условиях, когда ситуация описывается с точки зрения говорящего, референция к нему не может производиться при помощи $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$. В этом одно из отличий рассматриваемого здесь значения «отчуждения» от родственного явления «рецессии» субъекта (термин Ж. Веренка [1985: 290]), возникающего при трансформации пассивизации. Так, высказывание *Работу закончили в пять часов* неуместно, если речь идет о работе, выполненной говорящим, в отличие от высказывания *Работа была закончена в пять часов*, где такого запрета нет. Ср. фразу из дневника Сухова-Кобылина: *В 1854 году... была окончена и комедия «Свадьба Кречинского»* (неназванный агенс — сам автор высказывания). Упомянем также часто используемые в текстах научных работ обороты *как уже отмечали ранее* и *как уже отмечалось ранее*: в первом случае автор ссылается на других исследователей, а во втором — это, скорее всего, метатекстовая отсылка к собственному тексту. То же самое относится и к выражениям из устных докладов *как здесь уже говорили* (ссылка на выступления других участников конференции) и *как здесь уже говорилось* (невыраженный агенс, скорее всего, указывает на самого автора доклада). Ср. также различие между предваряющим вопрос безличным пассивом *Спрашивается:...?* (риторический вопрос, исходящий от самого автора) и неопределенно-личным *Спрашивают:...?*, где $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ указывает на других лиц. Именно тот факт, что невыраженный агенс в пассивной кон-

²⁰⁰ См., например, [Guiraud-Weber 1984: 67]; М. Гиро-Вебер упоминает далее высказывания типа *Вам русским языком говорят*, справедливо оценивая их как стилистически маркированные, периферийные и «несущественные с точки зрения грамматики» [Guiraud-Weber 1984: 81].

струкции может относиться и к говорящему, и к адресату речи, и к третьему лицу, демагогически использует в пьесе Е. Шварца «Дракон» Бургомистр, не желающий уточнить, кто победил дракона — он, Ланцелот или кто-то третий: *...После того, как я... после того, как мы... Ну, словом, после того, как дракон был убит. Если бы он сказал: ...после того, как дракона убили, — его демагогическая цель не была бы достигнута, потому что было бы ясно, что он признает: победителем дракона не является он сам. Таким образом, несмотря на отмечаемое в литературе (см., в частности, [Виноградов 1947: 461; Храковский 1970]) некоторое сходство неопределенно-личных и пассивных предложений, значения, передаваемые этими предложениями, не вполне тождественны²⁰¹.*

С другой стороны, в принципе возможны высказывания, в которых $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$ реально соотносится с говорящим; но показательно, что именно в таких высказываниях эффект «отчуждения» становится особенно явным и отчетливо ощущается, что говорящий становится на точку зрения другого лица. Так, именно этот эффект возникает, когда Н. Ильина следующим образом комментирует запись из дневника А. А. Реформатского («Вчера Н. И. вернулась поздно и ругала фильм. Я радовался сему»): *Радовался. О с т а в и л и его одного, п о б е ж а л и развлекаться, а н не получилось. Ср. аналогичный пример:*

Однажды мне захотелось сказать ей, что в присутствии своей матери и ее знакомых я всегда помню, что они взрослые... и веду себя с ними соответственно, а ее, Катерину Ивановну, хотя она и близка к ним по возрасту, ее я воспринимаю иначе, мне с ней легко, как со сверстницей... *Слушали меня холодно, глядели отчужденно... Позже я догадалась, в чем дело. Она привыкла ходить в молодых... ей не нравилось, что ее запикивают во*

²⁰¹ Другое отличие пассивных конструкций от неопределенно-личных состоит в том, что они не передают значения «личности» [Мельчук 1974]: предложение *Он был исцарапан* ничего не говорит о том, кем или чем он был исцарапан (людьми, или животными, или стихиями), но предложение *Его исцарапали* сообщает, что субъектом действия были люди. Можно добавить, что использование $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$ с референцией к животному приводит к комическому эффекту, как в примере из работы [Шмелев 1961: 56]: *Княжна же во все время визита неукротимого бульдога кричала, как будто ее уж съели* (Ф. Достоевский). Ср. эффект персонификации при соотносительности $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$ со «стихиями»: *Я понимаю, что трудно не обижаться, когда вас бьют по лицу, суют за ворот снег, толкают в сугроб, но ведь буря это делает без всякой злобы, нечаянно* (Е. Шварц). Заметим, что в художественных произведениях, в которых героями являются животные, соответствующий запрет может сниматься. Ср. примеры из рассказа Чехова «Белолобый»: *Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки. и когда она не так давно пробегала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву бляели; Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал... подходить к волчатам.*

«взрослые»... ей не нравилось, что ее *громоздят* на одну ступеньку с моей матерью, — та была на семь лет старше Катерины Ивановны.

(Н. Ильина).

В предложении *Слушали меня холодно, глядели отчужденно* субъект, выраженный нулевым местоимением, кореферентен используемым в этом же тексте именованным группам *Катерина Ивановна, она, ей, ее* и противопоставлен говорящему (выраженному местоимением первого лица). Но в последнем предложении отрывка автор переходит на «ее» точку зрения (*ей не нравилось*), поэтому в категорию «других», противопоставленных лицу, находящемуся в фокусе эмпатии, теперь уже попадает автор, и это дает возможность относить к нему глагольные формы *запихивают, громоздят*.

3. МЕСТОИМЕНΙΑ В ОБОБЩЕННОМ ЗНАЧЕНИИ: РАЗНЫЕ ТИПЫ ОБОБЩЕННОСТИ

Из всего сказанного вытекает семантическая противопоставленность $\emptyset/ты$ и $\emptyset_{ЗМН}$ даже в тех случаях, когда $\emptyset_{ЗМН}$ употребляется обобщенно, т. е. с генерализованной референцией. Семантическое различие этих местоимений обусловлено двумя факторами.

Во-первых, $\emptyset/ты$ указывает на протагониста, а $\emptyset_{ЗМН}$ — на «посторонних». Это различие особенно очевидно в оценочных предложениях типа:

- (1) *Обидно, когда ничего не слышишь;*
- (2) *Обидно, когда тебя не слышат.*

Ясно, что дейктический центр, протагонист — это субъект оценки. В (1) этот субъект соответствует подлежащему, «выраженному» нулевым местоимением 2-го лица единственного числа, в (2) — объекту глагола (т. е. косвенному падежу того же местоимения $\emptyset/ты$); субъект же, на которого указывает $\emptyset_{ЗМН}$, — это «другие», отличные от протагониста люди, что совершенно ясно доказывается инфинитивной трансформацией:

- (1') *Обидно ничего не слышать;*
- (2') *Обидно быть неслышанным.*

Точно так же *Тоскливо, когда (ты) никого не любишь* понимается как «Человеку тоскливо, когда он никого не любит»; *Тоскливо, когда тебя не любят* — как «Человеку тоскливо, когда его не любят другие», а *Тоскливо, когда никого не любят* аномально, так как непонятна причина тоски (субъект оценки никак не участвует в ситуа-

ции, описываемой придаточным предложением). То же соотношение имеет место в парах: *Неприятно, когда тебя обманывают.* — *Неприятно, когда обманываешь того, кто верит каждому твоему слову* (А. Вампилов); *Счастье — это когда тебя любят.* — *Счастье — это когда любишь* и т. п. Семантическое противопоставление $\emptyset/ты$ и генерализованного $\emptyset_{ЗМН}$ отчетливо видно в примере из Цветаевой: *В каждом играющем детстве... четыре рояля. Во-первых, — тот, за которым сидишь. Во-вторых, за которым сидят...* (т. е. один, за которым сидит протагонист, «я», и другой, за которым сидят «другие»).

Второй фактор, обуславливающий смысловое различие $\emptyset/ты$ и генерализованного $\emptyset_{ЗМН}$, — это различие в типе обобщения. Использование $\emptyset/ты$ всегда предполагает обобщение единичных однотипных ситуаций, генерализованное $\emptyset_{ЗМН}$ может выступать в роли субъекта общего суждения²⁰². С этим связано и различие модальных интерпретаций соответствующих высказываний: высказывания с $\emptyset/ты$ в роли субъекта понимаются алетически, высказывания с субъектом $\emptyset_{ЗМН}$ — деонтически. Это ясно видно в пословицах, ср.: *Тише едешь — дальше будешь*, — алетическое условие (если ехать медленно, удастся проехать больше); *Скоро бегут — дальних не ждут*, — деонтическое условие (если быстро бежать, разрешается или даже следует не ждать отстающих).

Не случайным является и противопоставление по виду, ср.: *С начальством не поспоришь* (алетическая невозможность), но *С начальством не спорят* (деонтическое правило)²⁰³. Предложение *С начальством не споришь* возможно только в контексте эксплицитного или скрытого дезактуализатора (*В такой ситуации с начальством не споришь, а делаешь, как приказано*). Вообще, как уже говорилось, «обобщенно-личные предикаты» (с субъектом $\emptyset/ты$) возможны только в том случае, когда в содержании предложения одновременно представлены и конкретные обобщаемые ситуации, и само обобщение. С этим связано то, что они охотно используются в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и условия, с дезактуализаторами типа *бывало* и т. п. Обстоятельства места в сочетании с такими предикатами также понимаются как указание на время или условие: *В этом доме куришь не переставая.* = 'Когда бываешь в этом доме, куришь не переставая'. = 'Человек, попадая в этот дом, курит не переставая'. Ср.: *В этом доме курят не переставая*, — речь идет не о

²⁰² Этот фактор связан с первым — ведь протагонист, наличие которого необходимо для корректного употребления $\emptyset/ты$, возникает лишь в конкретной единичной ситуации, которая может подвергаться обобщению.

²⁰³ Сходную функцию выполняет видовое противопоставление и в инфинитиве, ср.: *С начальством не поспоришь* (невозможность). — *С начальством не спорить!* (запрет); *Петю не узнать* ('невозможно узнать'). — *Петю не узнавать* (предписание 'не узнавать', т. е. очевидно, делать вид, что не узнаешь).

наблюдателе, попадающем в дом, а о людях, живущих или находящихся в доме.

Особенно наглядно видна разница в референциальных свойствах $\emptyset/ты$ и $\emptyset_{3\text{МН}}$ при их столкновении в составе одного текста: *Там, в городе, ни мебели, ни прислуги... все на дачу увезли... питаешься черт знает чем* (А. Чехов); *Все кажется печальным, но уютным, как в детстве, когда накажут ни за что ни про что, а потом жалеют, утешают, сказку рассказывают* (Е. Шварц). В последнем примере $\emptyset/ты$ (в нулевом варианте) является объектом глаголов, имеющих в качестве субъекта $\emptyset_{3\text{МН}}$: *накажут, жалеют, утешают* (и косвенным объектом глагола *рассказывают*); возможно было бы и использование ненулевого варианта: *...когда тебя накажут... а потом... тебе сказку рассказывают*.

Иногда факторы, определяющие употребление местоимений $\emptyset/ты$ и $\emptyset_{3\text{МН}}$, вступают в противоречие, так что возникает «неразрешимая» коллизия. Так, не вполне безупречно соединение в одном сложноподчиненном предложении двух простых, в первом из которых подлежащее выражено $\emptyset/ты$, а во втором — $\emptyset_{3\text{МН}}$: *А зачем он себя застрелил? — Он был очень влюблен, а когда очень влюблен, всегда стреляют себя* (фраза, сказанная персонажем И. Бунина). Действительно, субъекты обеих частей сложноподчиненной конструкции здесь предполагаются кореферентными; однако $\emptyset/ты$ и $\emptyset_{3\text{МН}}$ не могут быть кореферентны, поскольку $\emptyset/ты$ всегда относится к протагонисту, а $\emptyset_{3\text{МН}}$ — к «другим». С другой стороны, не вполне ясно, как можно было бы «исправить» это предложение. «Отчуждение» референта, удаление его из фокуса эмпатии, которое имело бы место при использовании в обоих случаях $\emptyset_{3\text{МН}}$, не соответствует предполагаемой установке на объяснение внутреннего состояния влюбленного изнутри (ср. рассмотренный выше пример из Шкловского). С другой стороны, замена $\emptyset_{3\text{МН}}$ на $\emptyset/ты$ произвела бы комический эффект: *?Когда очень влюблен, всегда стреляешься*. Дело в том, что эмпатия предполагала бы какую-то апелляцию к личному опыту коммуникантов, явно неуместную в случае такого действия, как *стреляться*.

4. $\emptyset/ТЫ$ И $\emptyset_{3\text{МН}}$ В СИСТЕМЕ РУССКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Таким образом, система русских личных местоимений должна включать, по меньшей мере, следующие компоненты:

- 1) местоимения единственного числа — *я*; «адресатное» *ты*; «обобщенно-личное» $\emptyset/ты$;
- 2) местоимения множественного числа — *мы*; «множественное» *вы*, используемое при обращении к нескольким ли-

цам; «формальное» *вы*, используемое при обращении к одному лицу; «неопределенно-личное» $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$;

- 3) местоимение третьего лица, изменяемое по родам и числам. Род местоимений 1-ой и 2-ой группы определяется «семантическим согласованием» (с учетом сказанного выше)²⁰⁴.

Упомянем также следующий пример из Т. Толстой: *А говорит бессмысленно, как когда уезжаешь, а тот, другой, провожает, и ты стоишь в вагоне... а тот, другой, на перроне... и вы оба напряженно улыбаетесь*. В этом примере *вы* так же относится к $\mathcal{O}/\text{ты}$, как «обычное» адресатное *вы* (2-го лица множественного числа) к адресатному *ты*: адресатное *вы* может обозначать ‘ты и еще кто-то’, ‘ты и другой’, а *вы* в данном примере — ‘протагонист и другой’. Последовательное проведение формального взгляда на персональный дейксис потребовало бы включения в местоименную систему русского языка еще одной единицы — «третьего» *вы* (наряду с двумя адресатными — «множественным» и «формальным»), используемого в подобных случаях.

От случаев такого рода следует отличать употребление форм местоимения *вы* (в косвенных падежах) для обозначения протагониста вместо форм $\mathcal{O}/\text{ты}$. Например, в уже приведенных строках: ... *когда б вы знали, как тоскуется, Когда вас раз сто в течение дня на ходу на сходствах ловит улица*, — форма *вас* (в отличие от адресатного *вы* в *когда б вы знали*) обозначает протагониста, того, кому «тоскуется»; можно было бы сказать: *когда тебя на сходствах ловит улица*. Аналогичным образом употреблена форма *вам* у М. Булгакова: *Так и ждешь, что он финский нож вам в спину всадит (вам кореферентно с $\mathcal{O}/\text{ты}$)*.

Подытоживая рассмотрение нулевых местоимений $\mathcal{O}/\text{ты}$ и $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$, на первый взгляд на имеющих отношения к дейксису (ср. традиционные представления об «обобщенно-личных» и «неопределенно-личных» предложениях), можно констатировать, что в их значении наблюдается ярко выраженный дейктический компонент. Значение этих местоимений не может быть адекватно описано без апелляции к противопоставлению «я» — «другие».

Любопытно, что $\mathcal{O}/\text{ты}$ и $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ также могут подвергаться транспозиции (еще раз подчеркнем, что транспозиция не приводит к появлению в системе новых местоимений). Так, $\mathcal{O}/\text{ты}$ имеет референцию к лицу, находящемуся в фокусе эмпатии, т. е. к «я»; но при смещенной эмпатии это «я» не совпадает с говорящим, ср.: *Меня не проведешь (меня обозначает говорящего, а $\mathcal{O}/\text{ты}$ — протагониста, т. е. как бы «я»); Со мной на лингвистические темы не побеседуешь...* (Н. Ильи-

²⁰⁴ Правила выбора родовых форм при согласовании с местоимением, относящимся к референту, не специфицированному по полу, в том числе с нулевыми местоимениями, рассматриваются в главе IV.4.

на)²⁰⁵. Референт $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ («другие») нормально исключает говорящего, но, как уже говорилось, при смещенной эмпатии $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ может относиться именно к говорящему. Интересны случаи, когда транспозиции подвергаются сразу несколько местоимений. Так, в примере Е. В. Красильниковой *Ей по-человечески говорят, а она не понимает* [Красильникова 1990: 87] местоимение 3-го лица употребляется «вместо» 2-го, а $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ — «вместо» 1-го.

Нередко транспозиция бывает связана со смещением эмпатии, когда ситуация описывается «с точки зрения» адресата речи или третьего лица. При этом достигается тот или иной прагматический эффект, ср.: *Тебе про Фому говорят, а ты про Ерему* ($\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ «вместо» я), — говорящий описывает ситуацию «с точки зрения адресата» речи, как бы подчеркивая, что оценке подлежат именно действия адресата, а не говорящего (адресат призывается критически оценить собственное поведение); *Ему про Фому говорят, а он про Ерему* ($\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ «вместо» я и он «вместо» ты), — говорящий как бы исключает из общения адресата речи и обращает высказывание к воображаемому другому лицу, которое и должно осудить поведение реального адресата.

«Транспозиция» в «непрозрачных» контекстах также может вмещаться со сменой эмпатии, ср.: *Ох, как бы я хотела, — зашептала она, — чтобы Иван Васильевич видел, как артистку истязают перед репетицией!* (М. Булгаков), — артистка употреблено «вместо» я, $\mathcal{O}_{\text{ЗМН}}$ — «вместо» вы, и имеют место одновременно смена эмпатии, соответствующая взгляду «со стороны» (с точки зрения Ивана Васильевича), и сдвиг, вызванный референциальной «непрозрачностью» и влекущий, как мы отмечали в главе IV.1, пропозициональную «прозрачность».

Интерес представляют также случаи, когда один и тот же референт обозначается в пределах одного текста посредством разных личных местоимений (как в приведенных выше примерах кореферентности \mathcal{O} /ты и вы из Б. Пастернака и М. Булгакова). Важно, чтобы при этом сохранялась согласованность по типу референции и по эмпатии. Приведем еще несколько примеров (соответствующие единицы подчеркнуты): *Что скрывать, не всегда прогулка по магазинам доставляет нам большую покупательскую радость. Того и гляди, столкнешься с... таким сакраментальным явлением, как очередь... Особен-*

²⁰⁵ Здесь возможен только совершенный вид глагола, ср.: *Меня не узнаешь*, но нельзя: **Меня не узнаешь* (редкость употребления местоимения \mathcal{O} /ты с референцией к лицу, отличному от говорящего, отмечает М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 1990], связана, в частности, именно с этим ограничением). В первом случае говорящий как бы глядит на себя «со стороны» и делает «прогноз». Во втором — он претендовал бы на индуктивное обобщение личного опыта, но как он может обобщать опыт «смотрения на него самого»? Ср.: *Меня теперь не узнают* (прогноз) и *Меня теперь не узнают*, — здесь в роли субъекта выступают «другие» и никакого сдвига эмпатии не происходит.

но если стоите *вы* в этой очереди последним («Крокодил», 1987, № 1, пример из работы [Булыгина, Шмелев 1991: 59]); *Проживешь свое пока, много всяких грязных ракушек налипает нам на бока* (В. Маяковский); *Я ее уважаю, как уважают и почитают существо, к которому вся ваша жизнь привязана* (письмо Дантеса Геккерну, приводимое в переводе с французского современным биографом Пушкина)²⁰⁶. На грани нормы находится пример, в котором *О/ты* связано посредством коассигнации с общеродовой именной группой: *Каждый, войдя, ищет место, куда ноги поставить, чтобы не особо налегать на соседа и чтобы на тебя не сильно налегали* (Н. Ильина), где *тебя* — форма *О/ты*, используемая здесь вместо более обычного в подобных ситуациях местоимения третьего лица (ср. *Каждый хочет, чтобы его уважали*). Случаи подобного рода, как и случаи транспозиции, не должны менять нашего представления о системе личных местоимений.

²⁰⁶ Здесь имеет место некоторая «эмпатическая рассогласованность», поскольку *О_{вам}* оказывается кореферентно с possessором, на который указывает форма *ваша*. Впрочем, можно предположить, что это просто буквальный перевод с французского, в котором, по свидетельству Э. Бенвениста [1974: 266], «вы» (vous) «функционирует как анафорическое соответствие неопределенно-личному местоимению (on), например *on ne peut se promener sans que quelqu'un vous aborde* „невозможно выйти на прогулку, без того, чтобы кто-нибудь к вам не подошел“».

ГЛАВА 3

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ: СТРУКТУРА ПАРАДИГМ*

1. ПРИНЦИП ЕДИНООБРАЗИЯ ПАРАДИГМ

При описании морфологических парадигм лингвисты нередко сталкиваются с тем, что часть слов, принадлежащих к определенному классу, различает большее число форм, чем другая часть. Одним из возможных подходов к описанию данной ситуации является «дифференцирующий» подход, допускающий признание разного устройства парадигм для разных подклассов рассматриваемого класса. Однако чаще лингвисты исходят из принципа унификации, который, впрочем, предполагает два прямо противоположных решения.

При первом варианте «унифицирующего описания», отражающего тенденцию к установлению возможно более общей системы морфологических категорий, за эталон принимается более детализированная парадигма, иначе говоря, менее дифференцированной в рассматриваемом отношении части класса приписываются все те категории, которые находят формальное выражение в другой, более дифференцированной части класса. Понятно, что в этом случае речь идет о постулировании различных омонимичных форм.

Второй вариант «унифицирующего описания» может состоять в признании избыточного («незначимого») характера некоторых формальных различий в той части класса, которая обнаруживает добавочную (по сравнению с другой частью) дифференциацию соответствующих форм. Очевидно, что в этом случае речь идет об установлении нескольких комбинаторных или же факультативных вариантов одной и той же морфологической формы для части словоформ (подробнее см. [Булыгина 1977: 153—204]).

Так, лишь немногие из русских существительных различают собственно родительный и партитивный падежи (*чая* и *чаю*), предложный и местный падежи (*о саде* и *в саду*). Унификация именных парадигм «в первом варианте» приводит к тому, что соответствующие пары падежей выделяются у всех существительных; таким образом, слову *вода*

* Впервые: *Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à Paul Garde*. Paris 1992.

приписываются омонимичные формы собственно родительного и партиципального падежа *воды* (подобно тому, как омонимичны формы дательного и предложного падежа *воде*), слову *стол* — омонимичные формы предложного и местного падежа *столе* и т. д. «Унифицирующий подход в первом варианте» последовательно проводится в описании русского именного словоизменения, принадлежащем А. А. Зализняку [1967].

Унификация «во втором варианте» представлена в большинстве грамматических описаний русского языка. Соответствующее решение предполагает признание форм *чая* и *чаю* вариантами одного (родительного) падежа, форм *саде* и *саду* также вариантами одного (предложного) падежа — подобно тому, как формы *водой* и *водою* являются формами одного (творительного) падежа.

Недостатки «унифицирующего решения во втором варианте» очевидны. Ведь при таком подходе несущественными объявляются различия между формами, отнюдь не находящимися в отношении свободного варьирования. При этом правила выбора между «вариантными формами» родительного и предложного падежа носят в общем тот же характер, который вообще присущ правилам выбора падежных форм. Кроме того, следует отметить, что «унификация во втором варианте» не может быть проведена последовательно. Ни одно из русских существительных ни в единственном, ни во множественном числе не имеет парадигмы, состоящей из шести материально различных форм. Более того, существуют так называемые «несклоняемые» существительные (типа *пальто*), вообще не различающие падежных форм. Последовательное проведение «унификации во втором варианте» привело бы к полному отказу от выделения падежей у русских существительных.

«Дифференцирующий» подход к описанию падежных парадигм русских существительных представлен «Грамматикой» П. Гарда [Garde 1980]. В соответствии с этим подходом большинство существительных имеет шестипадежную парадигму; однако в парадигму некоторых существительных включаются дополнительные падежи (второй родительный и второй предложный), и, таким образом, эти существительные могут иметь до восьми падежей. Такой подход безупречен с формальной точки зрения. Его некоторый недостаток заключается в том, что выделение подкласса слов, в парадигму которых включаются дополнительные падежи, не имеет независимого лингвистического основания. Этот подкласс должен задаваться списком (ср.: [Garde 1980: 162—166]).

2. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕСТОИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

Последовательное проведение «унификации в первом варианте», по-видимому, можно считать оптимальным способом описания парадигм русских существительных. Однако последовательное примене-

ние этого подхода к местоимениям, т. е. включение в местоименные парадигмы партитивного (второго родительного) и местного (второго предложного) падежей, вызывает серьезные возражения. Так, из двух семантически различных предложений:

(1) Он выпил коньяк и лег спать

и

(2) Он выпил коньяку и лег спать.

только первое имеет прономинализованный вариант: предложение *Он выпил его и лег спать* допускает лишь прочтение, соотносимое со смыслом (1). По-видимому, смысл местоимений несовместим с неопределенно-вещественным значением, характерным для партитивного падежа, вследствие чего включение партитива в местоименную парадигму привело бы к созданию фиктивной сущности: в парадигме фигурировала бы форма, которая ни при каких условиях не может быть употреблена в речи.

Включение в парадигму местоимений особого местного падежа, омонимичного предложному, приведет к тому, что грамматика будет порождать в качестве приемлемого текст вроде *Хозяин сейчас в саду. *В нем вы найдете и его сына* вместо правильного *Там вы найдете и его сына* [Булыгина 1977: 201—202]; ср. аналогичный пример в [Гард 1985: 220] — **В чем он работает? Он работает в Москве* вместо правильного *Где он работает? Он работает в Москве*. При прономинализации местный падеж существительного скорее коррелирует с формами *здесь* или *там* [Булыгина 1977: 201], хотя полного функционального тождества между субстантивными и местоименными формами в данном случае нет. Указанные соображения оправдывают дифференцирующий подход к местоименным парадигмам, последовательное применение которого позволило П. Гарду [1985: 220—221] включить в местоименную парадигму дополнительные (по сравнению с субстантивной парадигмой) падежи: инессив (*где, там, здесь, везде*), иллатив (*куда, туда, сюда*), элатив (*откуда, оттуда, отсюда, отовсюду*), темпоралис (*когда, тогда, всегда*). Наличие в местоименной парадигме дополнительных падежей, большая сложность окончаний и меньшая сложность основ у местоимений не представляет ничего необычного с типологической точки зрения.

3. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЛЕКСЕМЫ

Принятие «дифференцирующего» подхода к местоимениям, приводящее к включению в местоименную парадигму дополнительных падежей, позволяет заново поставить вопрос о парадигматических границах лексемы. Действительно, при таком решении формы, традиционно

считающиеся наречиями (*где, куда* и т. д.), оказываются падежными формами местоимений. Такой подход позволяет также отнести к инессиву и иллативу лексемы *дом* формы *дóма* и *домой*, традиционно трактуемые как наречия (данные, свидетельствующие, что носители языка воспринимают *дóма* и *домой* как формы лексемы *дом*, приведены в [Булыгина 1977: 154—155]). С другой стороны, при указанном решении прежде единая лексема *дом* распадается на две лексемы: субстантивную лексему *дом* 'здание', имеющую обычную двучисловую шести-падежную или — при принятии унифицирующего подхода в духе А. А. Зализняка — восьмипадежную парадигму, и местоименную лексему *дом* «место обитания лица, о котором идет речь», не изменяемую по числам и имеющую девятипадежную парадигму, включающую инессив, иллатив и элатив *из дому* (правомерность такого решения аргументируется Гардом [1985: 221] со ссылкой на А. В. Исаченко [1965: 119]).

Отметим, что при описании системы русских местоимений — вопрос о парадигматических границах лексемы встает не раз.

Так, русские формы *его, её, их*, употребленные в притяжательном значении, в большинстве грамматических описаний считаются формами родительного падежа местоимений *он, оно, они* (следует этой традиции и П. Гард [1980: 256]). Однако можно привести целый ряд аргументов против такой трактовки. Так, известно, что формы *его, её, их* в притяжательном значении обычно используются в препозиции к определяемому слову; эта позиция не характерна для форм родительного падежа. Вообще формы *его, её, их*, выступая в атрибутивной позиции, ведут себя сходно со склоняемыми притяжательными местоимениями *мой, твой, наш, ваш, чей-то* и т. п., адъективная природа которых и, тем самым, лексематическая самостоятельность (независимость от коррелятивных местоимений-существительных *я, ты, вы, кто-то* и т. п.) сомнений не вызывает. Поясним сказанное.

Притяжательные прилагательные отличаются от падежных форм существительного, среди прочего, тем, что (будучи прилагательными) они не могут иметь при себе зависимых (согласуемых по каким-либо категориям) слов-атрибутов.

Так, например, предложение (3) с предложно-падежной группой, выражающей значение принадлежности, может быть трансформировано в равнозначное предложение (3а) с притяжательным прилагательным:

(3) *Волосы (у) Пети были совсем светлыми* → (3а) *Петины волосы были совсем светлыми.*

Однако предложно-падежная группа в предложении (4) не может быть механически заменена притяжательным прилагательным:

(4) *Волосы (у) Пети маленького были совсем светлыми* →
(4а) **Петины маленького волосы были совсем светлыми.*

Устранение падежной формы существительного, естественно, требует одновременного устранения согласованного с ней слова-атрибута. Замена предложно-падежной группы притяжательным прилагательным вынуждает прибегать к другим средствам выражения соответствующего смысла. Предложение (4) могло бы быть трансформировано, например, в квазисинонимичное предложение (4б):

(4б) *В детстве Петины волосы были совсем светлыми.*

Те же особенности отличают местоименные притяжательные прилагательные от падежных форм местоимений-существительных. Ср. близкие по смыслу предложения (5) и (5а):

(5) *Это не твои слова, это слова кого-то другого* ≈ (5а) *Это не твои слова, это чьи-то чужие слова.*

Правда, предметно-личные местоимения-существительные сами характеризуются довольно ограниченной способностью подчинять себе согласуемые слова-атрибуты. Соответствующий запрет не является, однако, абсолютным; предметно-личные местоимения-существительные свободно сочетаются с согласуемыми с ними в числе, роде и падеже атрибутами (апозитами?) *сам, один, весь* и нек. др., ср.: *я сам, меня самого, мне самому; одна ты, одной тебя, одной тебе; все мы, всех нас, всем нам* и т. п. Смысл, выражаемый названными выше словами-атрибутами, согласованными с падежными формами местоимений-существительных, в высказываниях, содержащих притяжательные местоимения-прилагательные, выражается иными средствами. Ср. следующие квазисинонимичные пары предложений (помеченные литерами «а» и «б»):

(6) *Что мне (тебе) учить других воспитывать детей,*
 (а) *когда у меня самого (у тебя самого) сын не ангел*
 → (*мой самого/ *твой самого сын не ангел) →
 (б) *когда мой собственный (твой собственный) сын не ангел.*

И точно так же:

(7) *Что ему (ей, им) учить других воспитывать детей,*
 (а) *когда у него самого (у неё самой, у них самих) сын не ангел*
 → (*его самого, *её самой, *их самих сын не ангел) →
 (б) *когда его (ее, их) собственный сын не ангел.*

Ср. еще:

(8) *Конференция была скучной,*
 (а) *у тебя одного (у него одного, у неё одной) в докладе были интересные мысли*

—/→ (*в твоём одного докладе, *в его одного, *в её одной докладе) →

(б) только в твоём (только в его, только в её) докладе...

(9) (а) Тебе одному могла прийти в голову такая мысль
(Ему одному..., Ей одной...) →

(б) Только в твою (в его, её) голову могла прийти такая мысль (*В твою одного/ *В его одного/ *В её одной голову).

Приведенные примеры показывают, что, несмотря на формальное и генетическое тождество, формы *его*, *её*, *их* в разных типах употребления характеризуются разными синтаксическими свойствами (этот момент, насколько нам известно, ускользал от внимания исследователей). Поэтому для расщепления каждой из этих форм на два омонима (т. е. для признания форм *его*₁, *её*₁, *их*₁ формами родительного падежа, отличными от самостоятельных лексем *его*₂, *её*₂, *их*₂, представляющих собою притяжательные местоимения-прилагательные) есть объективные основания. Незначительное усложнение морфологического описания позволяет существенно упростить формулировку синтаксических правил: поведение форм *его*₁, *её*₁, *их*₁ оказывается полностью аналогичным поведению форм родительного падежа *меня*, *тебя*, *нас*, *вас*, *кого* и т. д., а поведение несклоняемых притяжательных местоимений *его*₂, *её*₂, *их*₂ — подобно поведению местоимений *мой*, *твой*, *наш*, *ваш*, *чей* и т. д.

Вопрос о парадигматической границе местоимений встает и в ряде других случаев. Так, *весь* и *все* традиционно считаются формами единственного и множественного числа одной лексемы. Однако в работах, посвященных логическому анализу языка, они часто трактуются как самостоятельные лексемы; при этом *весь* рассматривается на фоне лексемы *целый*, а *все* — на фоне *всякий*, *каждый*, *любой*. Однако использование аппарата, предложенного Г. Бантом, позволяет сохранить единое логическое представление для *весь* и *все*²⁰⁷ (более подробная аргументация в пользу традиционного подхода к лексеме *весь/все* содержится в [Булыгина, Шмелев 1988а;б] — см. главу II.1).

Местоимения *сколько*, *столько*, *несколько* в большинстве грамматических описаний рассматриваются недифференцированно. Так, А. Б. Шапиро [1953: 180] указывает, что «*несколько*, *сколько* и *столько* обнаруживают полную аналогию с числительными». При этом он замечает, что «неопределенно-количественные числительные, за исключением *несколько*, могут сочетаться не только с названиями предметов, поддающихся счету, но и с существительными вещественными и отвлеченными, например: *сколько муки*, *сколько сахару*, *сколько ра-*

²⁰⁷ Возможно, к этой же лексеме следует отнести и *оба* — в качестве формы «двойственного числа».

дости». Однако он, похоже, не учитывает тот факт, что подобные сочетания возможны только в именительном и винительном падежах. На это обращает внимание П. Гард [Garde 1980: 241]; однако он делает общее утверждение о способности неопределенно-количественных существительных в именительном и винительном падежах сочетаться с обозначениями неисчисляемых существительных (в родительном падеже единственного числа), никак не различая *сколько* и *столько*, способные к такому употреблению, и *несколько*, сочетающиеся только с обозначениями дискретных множеств.

Устройство парадигм и синтаксические свойства местоимений *сколько* и *столько* могут быть описаны в свете приведенных фактов различным образом. Одно из возможных решений состоит в следующем. Каждое из указанных местоимений распадается на две лексемы: «дискретные» *сколько*₁ и *столько*₁, обладающие полной парадигмой и полностью аналогичные лексеме *несколько*, и «недискретные» *сколько*₂ и *столько*₂, имеющие только именительный и винительный падеж. Увеличение омонимии компенсируется здесь упрощением в формулировке необходимых грамматических ограничений.

4. ИСТОЧНИКИ ДЕФЕКТНОСТИ ПАРАДИГМ: ЛЕКСЕМА ОДИН ЗА ДРУГИМ²⁰⁸.

В случае, если по каким-то соображениям нам кажется желательным признать парадигму той или иной лексемы дефектной, т. е. включающей не все формы, конституирующие парадигмы лексем данного класса, мы должны постараться установить причины такой дефектности. Указанные причины могут быть семантическими или же связанными с формальными моментами.

Семантико-синтаксическая обусловленность дефектности парадигмы может быть проиллюстрирована на примере притяжательного местоимения *свой*.

Русское *свой* в своем основном употреблении — это притяжательное местоимение, указывающее на принадлежность лицу (объекту), обозначенному подлежащим. Кроме того, *свой* имеет неосновные значения («собственный», «свой особый», «особый», «надлежащий» и др.). Употребление в именительном падеже по понятным причинам возможно лишь для неосновных значений местоимения *свой* [Падучева 1983б:

²⁰⁸ Не следует смешивать лексему *один за другим* 'поочередно' (ср. *Они входили один за другим*) с предложно-падежной формой лексемы *один другого* 'друг друга' (ср. *Они стояли один за другим*). При склонении лексемы *один за другим* изменяется первая часть (*одного за другим, одному за другим* и т. д.), при склонении лексемы *один другого* — вторая (*один другому, один с другим* и т. п.).

78—80], которое тем самым может быть разделено на две лексемы: собственно притяжательное *свой*₁ и «переносное» *свой*₂, при этом *свой*₁ характеризуется дефектной парадигмой — отсутствием именительного падежа.

Для иллюстрации формальных причин дефектности парадигмы рассмотрим лексему *один за другим*. Несмотря на синтаксическое и морфологическое своеобразие этой лексемы, она, как кажется, еще не привлекла внимания исследователей. Во всяком случае, она не рассматривается в известных нам грамматических описаниях и отсутствует в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка [1977].

Прежде всего обращает на себя внимание кажущаяся странность синтаксического поведения этой лексемы. В некоторых случаях она «согласуется» по падежу с существительным, к которому относится: *Он открывал двери одну за другой*. В других — происходит только согласование в роде; лексема *один за другим* стоит в именительном падеже, хотя существительное, к которому она относится, употреблено в одном из косвенных падежей: *Он смотрел на открывающиеся одна за другой двери*.

Впрочем, загадка здесь имеет место только на первый взгляд. Дело в том, что падеж местоимения *один за другим* определяется не согласованием с существительным, к которому оно относится, а моделью управления подчиняющего предиката. Происходит как бы расщепление соответствующей валентности. При этом в стандартном случае, заполняя ту же валентность, что и существительное, с которым *один за другим* согласуется в роде, это местоимение стоит в том же падеже, что и указанное существительное (сходным образом ведет себя и местоимение *сам*). В более редком случае, когда подчиняющий предикат употребляется в качестве причастия, согласующегося с соответствующим существительным, падеж местоимения *один за другим* продолжает определяться моделью управления подчиняющего предиката — главного предиката предложения. Тогда и возникает расхождение падежных форм существительного и местоимения.

Исходя из сказанного, можно было бы ожидать, что лексема *один за другим* должна обладать обычной шестипадежной парадигмой. На самом деле оказывается, что творительный и предложный падежи этой лексемы неупотребительны. Что же касается прочих косвенных падежей, то их употребительность неодинакова для форм разных родов. Так, родительный и дательный падежи свободно употребляются в мужском и среднем роде, но едва ли могут быть употреблены в женском; ср.: *Он лишился всех своих преимуществ одного за другим*, — но сомнительно: *Он лишился всех своих привилегий одной за другой*; *Он рассказал об этом друзьям одному за другим*, — и сомнительно: *Он рассказал об этом подругам одной за другой*.

По-видимому, все особенности морфологического устройства парадигмы лексемы *один за другим* могут быть объяснены на основе

следующих двух принципов: во-первых, нежелательно материальное совпадение флексий в обеих частях лексемы (в частности, поэтому неупотребителен творительный падеж во всех трех родах, а дательный и родительный — в женском роде); во-вторых, нежелательно припредложное употребление данной лексемы (отсюда неупотребительность предложного падежа), особенно когда она следует за соответствующим существительным (*Он обращался к одному за другим ко всем своим друзьям лучше, чем Он обращался ко всем своим друзьям к одному за другим*).

Можно упомянуть и более сложные загадки, связанные с функционированием местоименных парадигм, с неупотребительностью тех или иных форм в какой-то ситуации. Так, не вполне ясно, чем объясняется аномальность процитированного Набоковым примера **Долго они мяли бока одному из себя* (соответствующий смысл, по-видимому, не может быть без более или менее серьезных модификаций грамматически правильно выражен по-русски, так как невозможна здесь и конструкция *одному из них*).

Поль Гард в 1977 г. заметил, что грамматику языка можно рассматривать «как единство, состоящее из грамматики не-местоимений и грамматики местоимений» [1985: 225]. При этом вторая часть, с точки зрения Гарда, во многих отношениях оказывается более сложной, более увлекательной и более поучительной, чем первая. Приведенные здесь наблюдения можно рассматривать как попытку проиллюстрировать названную мысль П. Гарда. Представляется, что чем далее мы будем углубляться в грамматику местоимений, тем более неоспоримым мы должны будем признать указанный тезис.

ГЛАВА 4

НЕСПЕЦИФИЦИРОВАННЫЙ ПОЛ И СОГЛАСОВАНИЕ ПРИ АНАФОРЕ*

1. ДВЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ВЫБОРЕ РОДА АНАФОРИЧЕСКОГО РЕФЕРЕНТА

При выборе рода анафорического выражения в случае референции к лицу возможны две стратегии: род может определяться родом антецедента (выбор «по форме») или полом референта (выбор «по содержанию») ²⁰⁹, ср.: *Можно упрекнуть диссертанта за то, что он не включил в работу указатель проанализированных лексем* (выбирается местоимение *он*, несмотря на то, что диссертант — женщина) vs. *Я был у врача, и она мне сказала, что...* (выбор местоимения *она* обусловлен полом врача). Ср. также, с одной стороны: «К о н д р а - ш и в. А чаем вас поили?... Нина! Нина, ты поила... эту гражданку чаем? (Из чулана спокойно отвечает Нина: «Еще нет».) Ну и свинство! Приехал человек из Москвы, по делу, в такую метель, а ему даже чашки чаю никто не предложит!» (А. Галич) — согласование «по форме» (выбирается местоимение мужского рода в соответствии с родом антецедента, несмотря на то что референт — женщина), — и с другой: *Знаменитый критик, которая только что написала книгу воспоминаний о танцовщице...* (В. Игнатов о Виттории Оттоленги, заметка из «Русской мысли») — согласование «по содержанию» (выбирается форма женского рода в соответствии с полом референта, хотя синтаксически подчиняющий антецедент — существительное мужского рода).

Притом для языков типа английского, в которых в качестве стандартного средства референции к лицу используются существительные «общего рода» (*I had a conversation with the secretary, and she advised me that...* или *he advised me that...* — в зависимости от пола секретаря), нормальным является согласование «по содержанию». В то же время в русском языке в некоторых случаях единственно возможным оказывается согласование «по форме», хотя говорящий может испыты-

* Впервые опубликовано в сокращенном виде в «Московском лингвистическом журнале», 1996, № 2.

²⁰⁹ О согласовании «по форме» и «по содержанию» ср., в частности: [Падучева 1985: 99].

вать определенный дискомфорт при использовании анафорического выражения. Показательны затруднения Виктора Некрасова при повторной референции к Анне Самойловне (Асе) Берзер, которую он попытался защитить от нападок В. Лакшина, обвинившего ее в нелояльности к Твардовскому: *Я похолодел, прочитав такое. Ведь сказано это о человеке, для которого... Твардовский <был> кумиром, несмотря на все его слабости и незаслуженно прохладное отношение к нему, т. е. к Асе.* В некоторых случаях выбор «согласования по форме» оказывается предпочтительным, даже несмотря на то, что приводит к непривычным сочетаниям типа *родился актрисой*, — ср.: *Мы видим в Ольге Александровне Аросевой замечательного художника, который родился актрисой* (В. Вульф, выступление по телевидению 21 декабря 1995 г.)²¹⁰.

Особую проблему представляет выбор анафорического выражения в тех случаях, когда пол референта не специфицирован, т. е. при атрибутивной определенной (в смысле К. Доннеллана), общеродовой, нефиксированной неопределенной или даже фиксированной неопределенной референции (ср. *Кто-то постучал в дверь. Я открыл стучавшему <стучавшей?>*). Здесь согласование «по содержанию», как правило, вообще оказывается невозможным. Согласование же «по форме» связано с некоторыми проблемами, внимание к которым было вновь привлечено в связи с феминистическим движением.

В большинстве европейских языков традиционным немаркированным способом оформления анафорического выражения при неспецифицированном поле референта (в частности при коассигнации²¹¹) является выбор мужского рода, ср., например: *God has no pleasure in the death of a sinner, but rather that he should turn from his wickedness and live; If you feel your intellectual superiority to anyone with whom you are conversing, do not seek to bear him down; Каждый человек хочет, чтобы его уважали.* В английском языке при общеродовом antecedente иногда используется местоимение *they*, но такое употребление считается ненормативным. Ср. рекомендацию одного из пособий по культуре речи: «Let each esteem others as good as themselves», should be, «Let each esteem others as good as himself».

Но представители феминистского движения (феминисты? феминистки?) возражают против использования форм мужского рода в по-

²¹⁰ В связи с последним примером уместно вспомнить давнюю мысль М. В. Панова о разных разрядах существительных в отношении родовой (resp. половой) маркированности. Дело в том, что существительное мужского рода *художник* (в общем смысле) является, так сказать, словом «общего пола», а *актер* — всегда указывает на мужской пол (для обозначения лица женского пола следует использовать существительное женского рода *актриса*; сказать про женщину *актер* нельзя, даже в предикатном употреблении).

²¹¹ Термин «коассигнация» был введен в русский лингвистический обиход Е. В. Падучевой со ссылкой на [Evans 1977] (см. [Падучева 1979]).

добных случаях, видя в этом проявление сексизма и мужского шовинизма. Всевозможные «Guidelines for non-sexist usage» рекомендуют при референции к лицу, пол которого не специфицирован, использовать форму *he or she* (на письме иногда *s/he*), а наиболее «экстремистски» настроенные феминистки для компенсации «вековой несправедливости» выбирают форму *she*. Так, именно местоимение *she* последовательно используется в книге Миры Ариел «Accessing to noun phrases antecedents» при анафоре к таким существительным, как *speaker* или *linguist* в родовом употреблении (например, *The answer to the question of why a speaker uses a proposition when she does not 'really' mean it, is that she does mean it*); если же она цитирует работу, в которой для анафоры к таким словам используется традиционный способ, т. е. местоимение *he*, то делает вид, что интерпретирует соответствующее утверждение как относящееся только к мужчинам, используя уточнение в скобках: например, *the [male] speaker* и т. п. Впрочем, такое употребление все же является довольно экзотическим. Однако использование анафорического выражения *s/he* является почти общепринятым, так что мы можем констатировать, что феминистам удалось «обогатить» систему анафорических местоимений английского языка, введя в нее дополнительный элемент. Лишь немногие в настоящее время решаются использовать более традиционный способ анафоры, нередко испытывая при этом колебания: ср. замечания А. Вежбицкой, которая в книге [1987а: 30] нередко использует местоимение *he* при анафоре к общеродовому *speaker*:

To begin with a matter of phrasing, I regret that it wasn't possible to avoid the frequent use of the generic pronoun *he* to refer to an unspecified person. I would have preferred to use the neutral form *they*, and other similar solutions. Given the nature of the present work, however, where the unspecified speaker and the unspecified addressee have to be referred to all the time, and where the language of the explications has to be unconventional and hard to process anyway, I saw the use of *he* in the generic sense as preferable to its consistent replacement with more clumsy substitutes.

Впрочем, в этой же книге она прибегает и к использованию выражения *he or she*. В других ее работах встречаем и прочие возможные способы анафорической отсылки к неспецифицированному по полу антецеденту: «феминистский» («The Japanese child learns "in context" that mizu is cold <опечатка?>, but when she tries to use it with respect to boiling water she will be corrected») и «неправильный», т. е. критикуемый пособиями по культуре речи («An adult person may mistake a wolf, or a dingo for a dog, and this doesn't show that they don't know what dog means») ²¹².

²¹² Та же «непоследовательность» имеет место и в новой книге А. Вежбицкой [Wierzbicka 1996]. Ср.: *...what the speaker wishes to express here is what he/she thinks, not what he or she knows; ...if someone can do things of a certain kind very well not because he/she did something to be able to do them well*. Наряду с этим она использует в этой книге и более традиционный способ анафоры: *...the speaker knew of his singing because he did it, not because he could hear himself do it*.

Таким образом, мы видим, что для английского языка возможны, по меньшей мере, три способа анафорической референции при антецеденте, не специфицированном в отношении пола (мы отвлекаемся от «неправильных» отсылок): «традиционный» (использование местоимения мужского рода *he*), «политически корректный», или «несексистский» (использование нейтрального местоимения *he or she* или *s/he*) и «феминистский» (использование местоимения женского рода *she*). Иногда один и тот же автор прибегает к нескольким разным стратегиям при анафорической отсылке такого рода. Мы уже сталкивались с «непоследовательностью» А. Вежбицкой в выборе анафорической стратегии при неспецифицированном поле. А в статье «On Some Thought Experiments about Mind and Meaning» (опубликованной в книге «Propositional attitudes. The Role of Content in Logic, Language, and Mind» [ed. by C. A. Anderson and J. Owens] и посвященной совсем другому вопросу, а именно вопросу о соотношении «действительной» и «контрфактической» ситуации) Дж. Уоллес и Г. Э. Мейсен используют все три указанных выше способа выбора анафорического местоимения при генерической референции (а именно, при анафоре к местоимению *someone*, а также к существительным *person*, *counterpart*, *individual* и под.). Иногда они даже варьируют стратегию в пределах одного отрывка, используя попеременно *he* и *he or she*. Приведем несколько характерных примеров:

Where aluminum took on the characteristics of molybdenum and molybdenum those of aluminum, Burge argues, *a person's* belief that *his...* canoe was made of aluminum would... come to have an altered content;

A given person has a large number of attitudes... attributed with content clauses containing «arthritis» in oblique occurrences. For example, *he* thinks (correctly) that *he* has had arthritis for years, that *his* arthritis in *his* wrists and fingers is more painful than *his* arthritis in *his* ankles...;

We are to conceive of a [counterfactual] situation in which *the patient* proceeds... through the same physical events that *he* actually does...;

If correct description of *the protagonist's* beliefs shifts in this way from the actual to counterfactual situation, then *his* beliefs in the actual situation are different from *his* beliefs in the counterfactual situation.

If the social usage of the word «arthritis» had been different..., then the belief that would normally be expressed by *a member of the society* saying «I have arthritis in my thigh» would be a belief that *the person* has arthritis in *his or her* thigh;

A natural picture of the learning of general terms is that the *learner* makes a projection from the cases on which *he or she* learned the term to applications in new cases;

And what differences would it make to the glosses we would use in describing the beliefs of *the protagonist* and *his or her* counterpart?

...shifts in the *protagonist's* belief contents imply that *he* has different beliefs. Once it is recognized that description of a person's beliefs may in general require a gloss, it is obvious that the question whether two persons, or *a person* and *his or her* counterfactual counterpart, believe the same thing becomes more complicated.

Более экзотично (по-видимому, не только с точки зрения носителя русского языка, но и с точки зрения традиционного и не терроризированного феминистками носителя английского языка) встречающееся в той же статье использование для референции к неспецифицированному по полу антецеденту (или к смешанной группе, включающей лиц обоего пола) анафорических местоимений женского рода:

If this difference had in no way impinged on the experience of *the protagonist*, then the correct description of *the protagonist* would shift from 'She believes that *her* canoe is made of aluminum' (the correct description in the actual situation) to 'She believes that *her* canoe is made of molybdenum' (the correct description in the counterfactual situation);

In setting out these aluminum examples Burge is careful to emphasize the limits of *the protagonist's* knowledge of aluminum, that *she* is «ignorant of aluminum's chemical structure...»

Митчел Грин в статье «Quality, volubility, and some varieties of discourse» (*Linguistics & Philosophy*, v. 18, № 1, 1995) использует те же вариации, чаще всего прибегая к «феминистской стратегии»:

Grice's Quantity maxims have been widely misinterpreted as enjoining a speaker to make the strongest claim that she can, while respecting the other conversational maxims...;

...when a speaker makes a weaker claim than she might have, where there is some stronger claim that would have been desirable as a contribution to the conversation taking place, that speaker may be taken as conveying that the evidence available to her does not justify her in making that stronger claim.

...one who asserts that A undertakes a commitment to giving reasons for A if challenged, and thereby stands a chance of having her credibility tarnished...

Наряду с этим типом анафоры в той же статье встречается и более традиционный способ анафорической референции к генерическому лицу, например:

...when a cooperative speaker utters Nigel has fourteen children, that speaker implicates... at least that he does not know that Nigel has more than fourteen children.

Для русского языка характерна иная ситуация, делающая невозможным последовательное использование «нейтрального» анафорического обозначения лица, неспецифицированного в отношении пола. Дело в том, что основное средство референции к лицу, неспецифицированному по полу, в русском языке — это не слова общего рода, а существительные мужского рода, нейтральные в отношении признака 'пол', такие, как *человек, говорящий, лингвист* и т. д. Поскольку для русского языка характерно «согласование по форме», нейтральный способ обозначения часто оказывается невозможным не только в силу «неуклюжести», но и просто в соответствии с требованиями грамматической правильности: ср.: *Каждый человек хочет, чтобы его уважали, но не *Каждый человек хочет, чтобы его или ее уважали. Ср. также: Каждый человек имеет право на счастье. И если он будет счастлив, женившись (или выйдя замуж), никто не вправе ему ме-*

шать (из телепередачи, 11 апреля 1995 г.)²¹³. По-видимому, можно согласиться с Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [1993: 94], заметившими по аналогичному поводу, что «подобные факты... не свидетельствуют о неравноправном положении женщин и не ведут к их дискриминации».

С другой стороны, вновь пробудившийся интерес к указанной проблематике привлекает внимание к собственно языковым явлениям, к некоторым особенностям согласования в русском языке, ранее остававшимся вне поля зрения исследователей и, как кажется, представляющим независимый лингвистический интерес.

2. АНАФОРИЧЕСКАЯ ОТСЫЛКА К НУЛЕВОМУ АНТЕЦЕДЕНТУ

В частности, к недостаточно исследованным вопросам согласования в русском языке относится вопрос о согласовательных свойствах (грамматическом роде) синтаксических нулей. К числу синтаксических нулевых элементов, входящих в местоименную систему русского языка, относится, в частности, местоимение *О/ты* (см. главу IV.2). Это местоимение имеет как нулевой, так и ненулевой вариант, омонимичный местоимению 2-го лица единственного числа *ты*, и при согласовании оно требует тех же личных глагольных форм, что и *ты*²¹⁴. Это местоимение обозначает находящегося в фокусе эмпатии протагониста некоторой переменной ситуации, причем пол референта может быть как неспецифицирован, так и специфицирован (последнее — когда речь идет об обобщении личного опыта некоторого индивида, как правило — говорящего).

Интерес представляют особенности этого местоимения с точки зрения согласования с ним по роду. В главе IV.2 мы отметили, что

²¹³ Более того, иногда «мужское» согласование выбирается, вопреки литературной норме, и в тех случаях, когда для этого нет ни формально-грамматических, ни семантических оснований. Ср. высказывание из телеинтервью со Святославом Федоровым (3 октября 1996 г.): *Нет я не оказывал на них давления — каждый из моих дочерей выбирал свою дорогу сам*. Здесь, по-видимому, сказывается то, что местоимение *каждый* чаще всего (но не в данном примере!) предполагает неспецифицированность по полу (ср. *каждый из моих детей*, когда среди «детей» могут быть как девочки, так и мальчики). Совсем невозможно было бы: **один из моих дочерей*.

²¹⁴ Тем не менее его нельзя рассматривать как особый тип употребления местоимения *ты* (аргументы в пользу включения местоимения *О/ты* в систему личных местоимений русского языка в качестве особой единицы см. в главе IV.2). Не является нейтральным в отношении рода и другой синтаксический нулевой элемент, входящий в систему русских личных местоимений, а именно — *О_{змн.}*. Ср. видоизмененные примеры из главы I.1.1: *В таких ситуациях о себе самож уже не думают* и *В таких ситуациях о себе самой уже не думают*.

при неспецифицированном поле или специфицированном мужском поле референта выбирается мужской род, а когда обобщается личный опыт лица женского пола, возможно согласование как в мужском, так и женском роде. Поскольку чаще всего в случаях обобщения личного опыта одного лица речь идет о личном опыте говорящего, имеет место следующая закономерность: в текстах, написанных мужчинами или от лица мужчин, *Я/ты* используется с согласовательной характеристикой «мужской род», тогда как в текстах, написанных женщинами (или от лица женщин), при согласовании с *Я/ты* возможны формы как мужского, так и женского рода. Характерно использование соответствующих форм, когда в одном и том же произведении («Бедные люди») при анафоре к *Я/ты* в письмах Макара Девушкина фигурируют формы мужского рода (*Прячешься иногда, прячешься, скрываешься иногда в том, чем не взял, потому, что пересуда трепещешь или ...а это читаешь — словно сам написал*), а в письмах Варвары Доброселовой, в которых она предается воспоминаниям, — женского (например, *Бывало с раннего утра убегу или на пруд, или в рощу, или на сенокос, или к жнецам — и нужды нет, что солнце печет, что забежишь сама не знаешь куда от селения, исцарапаешься о кусты, разорвешь свое платье или Иной раз, особенно в сумерки, сидишь себе одна-одинешенька или запоздаешь, бывало, на прогулке, отстанешь от других, идешь одна, спешешь, — жутко! Сама дрожишь, как лист... Утром встанешь, свежа, как цветочек*).

Отметим, впрочем, что в целом даже в случае, когда обобщается личный опыт лица женского пола, мужской род встречается чаще, хотя иногда такое согласование приводит к непривычным сочетаниям типа *родился девочкой* или *вышел замуж* (точно так же, как в одном из приведенных выше примеров согласование «по форме» приводило к появлению сочетания *родился актрисой*). Ср.: *Каков окликнуть безымянность способ? Не выговорю и не говорю... Как слово звать у словаря не спросишь, покуда сам не скажешь словарю* (Б. Ахмадулина — вполне от своего лица); *Глядя на другого, ясно понимаешь, до чего же изменился сам, и сразу с ходу начинаешь утешительную работу («Да не так уж... Я б вас сразу узнала!»)* (Н. Ильина) [женский род в *Я б вас сразу узнала!* ясно показывает, что в фокусе эмпатии — женщина, очевидно, сам автор; несмотря на это *Я/ты* требует мужского рода местоимения *сам*]; *Родился девочкой — терпи подножки и пинки* (Г. Остер); *И было в тот момент в них обоих такое сиротство, что тоскливо сжалось сердце. Впрочем, не первый уже раз. Казалось, что и твоя вина была в чем-то: что-то ты упустил и не сделал, что-то, что было нужно сделать сейчас, немедленно, не размышляя, не откладывая на потом...* (автор — женщина, а именно — Мария Белкина; ясно, что местоимения 2-го л. и субъект описываемого эмоционального и ментального состояния указывают на одно и то же лицо, а именно — на говорящего, но несмотря на это, мы на-

блюдаем рассогласованность между семантическим полом референта местоимения и родом связанных с последним глагольных форм)²¹⁵. Представляется, что примеры такого рода удобнее всего описывать, приписав местоимению *О/ты* мужской род, а относительно более редкие случаи выбора форм женского рода, как в упомянутых выше письмах Вареньки Доброселовой из «Бедных людей» (ср. также *Быстро забываешь себя, ту, какую была когда-то* [Н. Ильина]), объяснять семантическим согласованием.

Труднее найти (или хотя бы сконструировать) контекст, который бы иллюстрировал синтаксическую релевантность родовой (согласовательной) характеристики другого нулевого элемента, входящего в систему русских личных местоимений, а именно — *Оз_{мн.}* Примеры вроде: *Эгоизм — это когда любят одного себя, а о других не заботятся; Известно, что когда курят во время беременности, наносят вред не только самой себе, но и будущему ребенку*, — выглядят (как и примеры, приведенные в сноске 214), возможно, не совсем естественно (особенно второй) и в любом случае чрезвычайно редки. Ср. в то же время реальный пример местоименной анафоры из «рассказа-поучения» семидесятилетней жительницы Петербурга, как будто сознательно следующей рекомендациям феминисток: *Язык наш — вот враг. Лучше не с соседями «бала-бала», а молиться. А если кто обидит — не ругать! Ругать его или ее никак нельзя! А надо помолиться и сказать: «Прости ей, Господи, ибо не знает, что делает». И тебе будет хорошо, а ее Бог накажет*²¹⁶. Хотя говорящая явно предполагает в качестве потенциального обидчика какую-нибудь женщину (ср. *Прости ей, Господи, ибо не знает, что делает; И тебе будет хорошо, а ее Бог накажет*), в качестве анафорической отсылки к неспецифицированному по полу референту (субъекту конструкции *если кто обидит*) используется «универсальное местоимение» *он или она*. Ясно, что так же мог бы строиться текст и в случае, если бы антецедент был выражен посредством *Оз_{мн.}*: *Язык наш — вот враг. Лучше не с соседями «бала-бала», а молиться. А если тебя обидят — не ругать! Ругать — его или ее никак нельзя! А надо помолиться и сказать: «Прости ей, Господи, ибо не знает, что делает». И тебе будет хорошо, а ее Бог накажет*.

Представляется, что приведенные наблюдения позволяют присоединиться к следующим замечаниям Л. Л. Иомдина [1990: 5]:

²¹⁵ Ср. также пример Е. В. Красильниковой: «Но все равно/ бывают моменты такие/ когда хочется побыть одному // [женщина о себе]» [1990: 94].

²¹⁶ Текст записан со стенографической точностью В. Н. Топоровым в 1982 году от одной из почитательниц Блаженной Ксении на Смоленском кладбище в Петербурге. Жанровая характеристика текста: «рассказ-поучение, рассказ-быль», «не без элемента импровизированной проповеди»; речевой портрет говорящей включает в себя характеристики «из простых», «северный говор, хотя и не очень ярко выраженный» [Топоров 1995: 373].

«Согласование как свойство естественного языка представляется нам необыкновенно интересным само по себе, совершенно независимо от задачи формального описания [которую ставил перед собой автор]. Оно тесно связано с целым рядом других свойств, характеризующих не только синтаксический уровень языка, но и его морфологический, семантический, а частично и прагматический уровни, а тот факт, что, с виду такое обыденное и простое, это свойство таит в себе массу нерешенных проблем, в полном смысле слова бросает вызов исследователю».

ГЛАВА 5

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ (ПАРАДОКСЫ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ)*

1. ЗАГАДОЧНОЕ ВРЕМЯ

Время — загадочный феномен, близко касающийся человека, интуитивно, как будто бы, ясный, но и противоречивый и не поддающийся экспликации. Всем известно и постоянно цитируется высказывание блаж. Августина: «Что же такое время? Если меня не спрашивают, я знаю, но, если спрашивают, не знаю». Неожиданным образом сходную мысль, хотя совсем иными словами, высказывает один из персонажей «Школы для дураков»: «Мне представляется, что у нас с ним, со временем, какая-то неразбериха, путаница, все не столь хорошо, как могло бы быть». Тем не менее мыслителей всех времен, философов и поэтов, деятелей и созерцателей продолжает волновать это таинственное нечто, желанное и необходимое всем (ср. *Если б у меня было время!*), целительное (ср. *Время — лучший лекарь*), но в то же время безжалостное; все постоянно задумываются, «как нам быть с тем ужасом, который был бегом времени когда-то наречен» (А. Ахматова).

Изложение различных философских и мифопоэтических концепций времени могло бы занять много томов. Здесь будут приведены лишь отдельные (фрагментарные) замечания о наивно-языковой концептуализации некоторых связанных с временем явлений и о том, как особенности этой концептуализации приводят к кажущимся парадоксам в естественно-языковом употреблении. Поэтому иллюстрации из поэтических и тем более философских текстов эпизодичны и приводятся лишь в тех случаях, когда позволяют наглядно представить те или иные особенности наивно-языковой картины времени.

Речь далее пойдет о том, какое представление о времени можно реконструировать на материале русского языка. Приведем несколько языковых примеров, которые при поверхностном рассмотрении могут показаться парадоксальными.

* В основу главы положена статья, написанная по материалам двух докладов, прочитанных на чтениях памяти А. А. Реформатского в 1990 и 1991 гг., и подготовленная для публикации в очередном выпуске сборника «Логический анализ языка».

Известно, что темпоральная ориентация может описываться при помощи показателей пространственной ориентации, так что событийная упорядоченность представлена в языке по аналогии с пространственными отношениями (ср. *перед домом* и *перед Новым годом*).

Однако мы сталкиваемся с тем, что русский язык дает нам два противоположных способа установления аналогии между временем и пространством. При одном из них прошлое, более раннее, находится сзади, а будущее, позднее, — впереди (ср. наречие *впередь* 'в будущем', а также такие выражения, как *Самое страшное уже позади* или *Впереди нас ждут приключения*). Но прозрачная этимология предлогов *перед* и *за* (*перед* этим значит 'ранее') или слова *прежде* как будто свидетельствует о противоположной ориентации. Используемое в разговорном языке во временном значении наречие *вперед* оказывается энантиосемичным: с одной стороны, оно означает, по данным СУ, 'на будущее время, в будущем; впередь' (*вперед не сердь меня; это мне вперед наука*), а с другой — 'прежде, раньше, сперва; заранее' (*вперед спроси, потом сделай; вперед подумай, потом отвечай*). Подобная энантиосемичность отмечается и другими толковыми словарями (по В. И. Далю [1978], *вперед* может означать как 'прежде', так и 'после'); правда, в словаре СО нормативным признается только употребление в значении будущего (*вперед будьте осторожнее*), но указывается, что «иногда *вперед* употр. неправильно вм. *раньше*». Интересно, что высказывание *Выборы решено было перенести на две недели вперед* различные носители языка понимали различным и притом противоположным образом: одни делали вывод, что решено было провести выборы на две недели раньше, а другие — что на две недели позже.

Другой «парадокс» также связан с использованием показателей пространственной ориентации при обозначении времени. Для указания на различную удаленность во времени от точки отсчета используются слова *близкий*, *недалекий*, *далекий*. В словарях темпоральные значения этих слов обычно толкуются однотипно — ср., например, в словаре СО: *близкий* — 'отделенный небольшим промежутком времени', *далекий* — 'отделенный большим промежутком времени'. При этом упускается из виду тот факт, что *близкий*, в отличие от *далекий*, употребляется только по отношению к будущему, но не к прошлому: мы можем говорить о *близком (ближайшем) будущем*, но не о **близком прошлом* (хотя можно говорить о *недалеком* или *далеком прошлом*). Если говорят о близких выборах, то ясно, что выборы еще предстоят, а не только что прошли (ср. у Пушкина: *Иду в гостиную; там слышу разговор о близких выборах*). Используя в пятницу выражение *ближайший четверг*, говорящий имеет в виду не только что прошедший («ближайший» в буквальном смысле) четверг, а четверг следующей недели. Напротив, слова *далекий* и *недалекий* чаще отно-

сятся к прошлому, чем к будущему: мы сразу понимаем, что в строке Пастернака *Мне далекое время мерещится* речь идет о прошлом, хотя мерещиться, вообще говоря, может и будущее.

Для указания на прошедшие времена используются такие слова, как *старый, прежний, бывший, былой*, и их употребление также может выглядеть до некоторой степени «парадоксальным». Татьяна, попросившая: «Расскажи мне, няня, про ваши *старые* года», — могла бы просить няню рассказать про ее *молодые* года — ясно, что в обоих случаях речь идет о прошлом.

Слова *прежний* и *бывший* часто воспринимаются как весьма близкие по значению. И действительно, в ряде случаев они выглядят почти эквивалентными. Если некто X развелся с женой и женился второй раз, то по отношению к его первой жене можно употребить и выражение *бывшая жена X-а*, и выражение *прежняя жена X-а*. В ряде работ М. А. Кронгауза и Е. С. Яковлевой были предприняты попытки выявить семантические различия между прилагательными *прежний* и *бывший*; мы далее коснемся тех сторон семантики этих слов (а также слов *старый, былой*), которым, как кажется, было уделено недостаточное внимание. Пока приведем диалог, свидетельствующий о том, что различия между *прежний* и *бывший* не сводятся к «оттенкам значения»: *Я видел там твою бывшую жену. — Какую «бывшую»? У меня прежняя жена.*

2. «ДВИГАТЕЛЬНЫЕ» МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ

Часть «парадоксов», связанных с временем, объясняется, если принять во внимание возможность двоякого подхода к событийной упорядоченности. При «архаичном» подходе мир представляется стабильным, неподвижным, а время — движущимся («идушим», «текущим») мимо него в направлении от будущего (позднего) к прошлому (раннему). Это представление отражено в таких выражениях, как *время идет, течет; пришло время; предыдущий день; следующее воскресенье; прошедший год*. При таком представлении то, что было раньше, воспринимается как идущее впереди, *предшествующее*, а то, что должно произойти позже, — как идущее следом, *следующее*. Именно это представление лежит в основе темпорального употребления многих первоначально пространственно-двигательных наречий и предлогов: *прежде, перед тем, вслед за тем, затем, после, напоследок* и т. п. Однако более современное представление о времени предполагает совсем иную картину: время постоянно и неподвижно, а «лицо» движется «мимо» него в направлении от прошлого к будущему. Такой подход в большей степени укладывается в научную картину мира; ср. стишок, опубликованный когда-то в научно-популярном журнале:

Вы говорите «время идет»...
 Ах, к сожалению, нет!
 Время стоит, мы же идем
 Через пространство лет.

С указанным «современным» представлением связаны темпоральные употребления наречий *вперед* и *позади*, представление о будущем как о предстоящем, выражения типа *по достижении намеченного срока*. Это представление отражено в многочисленных пословицах, приводимых, например, В. И. Далем [1978]: *Ешь пироги, а хлеб вперед береги* (=‘на будущее’); *Всякий человек вперед смотрит* (т. е. «думает о будущем», — поясняет В. И. Даль); *Дней у Бога впереди много*; *Валяй, не гляди, что будет впереди* и т. п.

Такую двойственность наивных представлений о времени отмечал Д. С. Лихачев [1979: 254]: «Сейчас мы представляем будущее впереди себя, прошлое позади себя, настоящее где-то рядом с собой, как бы окружающим нас. Летописцы говорили о «передних» князьях — о князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносим с воспринимающим его субъектом. «Задние» события были событиями настоящего или будущего». И в другом месте: «Для древней Руси так оно и было: „переднее“ (начало) и „заднее“ (самое последнее во временном ряду). Мы *позади* в „обозе“ совершавшихся и совершающихся событий» [Лихачев 1989: 397—398].

Наличие двух альтернативных, едва ли не противоположных представлений о «пространственной» ориентации временной оси приводит к тому, что многие выражения, этимологически основанные на представлении о «текущем» времени, переосмысливаются в соответствии с «современным» представлением [Григорян 1988]. Например, *задним числом* в толковых словарях толкуется как «более ранним, прошедшим числом»; такое понимание соответствует выражению *поставить документ задним числом*. Но в СУ дается и второе, «противоположное» значение — «позднее, спустя некоторое время»; ср. *утвердить документ задним числом*; *Задним числом Трегубов сообразил, что крыса появилась в классе неспроста* (К. Паустовский).

Другой пример выражения, допускающего двойное осмысление — в зависимости от выбранного представления об ориентации временной оси, — фразеологизм *задним умом крепок*. В этом выражении *задним* может пониматься и как ‘поздним’ (так говорят о том, кто спохватывается слишком поздно), и как ‘ранним’ (так говорят о том, кто способен правильно судить лишь в отношении прошлого, т. е. того, что было раньше). В первом случае *задним* интерпретируется как характеристика ума, во втором — того, о чем он судит.

С этим же различием «традиционного» и «современного» подходов связана энантиосемичность ряда русских приставок, имеющих

как значение 'раньше', так и значение «позже». Например, приставка *до* в слове *досветки* ('время перед рассветом, т. е. раньше рассвета') означает 'раньше', а в сходном по морфемному строению слове *дозимки* ('время сразу после зимы, т. е. позже зимы') — 'позже'.

В силу той же двойственности временной ориентации возможно двойное понимание выражений *область преданий* и *область гаданий*. При одном понимании *область преданий* — это прошлое (предания бывают о прошлом), а *область гаданий* — это будущее (о будущем мы можем только гадать). Но Цветаева, написавшая: «Когда мы войдем в область предания, ибо нас уже не будет, мы — пройдем», — интерпретировала эти высказывания иначе: *область преданий* (о нас или о нашем времени) — это будущее, *область гаданий* (о нас или о нашем времени) — прошлое. Впрочем, она сама отметила возможность двойного, противоположного понимания этих выражений; ср. ее замечание: «Будущее есть область преданий о нас, точно так же как прошлое — есть область гаданий о нас (хотя и кажется наоборот)». Таким образом, и здесь различная, даже противоположная временная интерпретация языковых выражений связана с тем, понимается ли выражение как относящееся к наблюдателю или к наблюдаемому, т. е. с той же двойственностью пространственной метафоры времени.

Этим же обусловлен кажущийся парадокс, связанный с употреблением слова *старый*: *старое время*, *старые года* — это то, что было в прошлом, а человек, молодой в настоящем, становится *старым* в будущем. Мир «на заре» своего существования, когда мы его описываем с нашей точки зрения, — это *древний*, или *старый*, мир; но, говоря о только что сотворенном мире, мы можем использовать также выражение *молодой* мир, который постепенно становится *старым*. Действительно, *старый* — это как бы прошедший большой путь; если считать, что движется время, большой путь соответствует более раннему периоду; если движемся мы — более позднему. Можно сказать, что с течением времени *старое* сменяется *новым*, а *молодое* становится *старым* — тем самым понятие 'старое' может относиться как к более *раннему*, так и к более *позднему*. В результате оказываются возможными две противоположные схемы временного соотношения *старого* и *молодого*:

1) старое → молодое (*старое* сменяется *молодым*)

и

2) молодое → старое (*молодое* становится *старым*).

Противопоставление двух типов «двигательной» метафоры времени: движения времени (движется время) и движения во времени (движемся мы), — следует отличать от противопоставления «активного» и «созерцательного» подхода к времени. Активный подход нередко соответствует «современному» пониманию времени: раз мы движемся во времени, то, чтобы попасть в будущее, надо прилагать уси-

лия, надо торопиться... (Вспоминается высказывание старого беса из книги К. С. Льюиса: «Мы научили их думать о будущем как об обетованной земле... а не как о месте, куда каждый из них движется со скоростью шестидесяти минут в час, что бы он ни делал и где бы он ни был».) Но активный подход возможен и при «традиционном» представлении о времени: время идет мимо нас, убегает, его надо *не упустить* (или даже догнать, ср.: *в погоне за убегающим временем*). С другой стороны, созерцательный подход, вообще говоря, хорошо согласуется с позицией наблюдателя за движущимся временем, т. е. с «традиционным» пониманием. Однако совместим он и с «современным» пониманием времени, предполагая в этом случае, что мы движемся из прошлого в будущее без усилий, как бы на поезде. При таком подходе отчасти снимается противоположность между «современными» и «традиционными» представлениями. Действительно, он предполагает, что мы движемся во времени как бы на поезде, мы называем станцию, которую мы проехали раньше, *предыдущей станцией*, как если бы она «шла впереди» данной, двигаясь мимо нас, — хотя на самом деле станции неподвижны, а движемся мы.

Аналогию с движением на поезде можно провести и в отношении употребления слов *близкий*, *ближайший*. Когда мы говорим, что такая-то станция *близко*, речь может идти только о станции, до которой еще предстоит доехать (а не о той, которую уже проехали). *Ближайшая* станция — это всегда следующая, а не предыдущая станция, даже если от предыдущей станции нас отделяет меньшее расстояние. Это полностью соответствует тому, что слова *близкий*, *ближайший* используются лишь по отношению к будущему, но не прошлому.

Заметим также, что иногда (особенно в поэзии) используется еще одна «двигательная» метафора времени, не соответствующая ни «традиционному», ни «современному» подходу. Это представление, согласно которому время движется из прошлого в будущее и мы движемся вместе с ним, иллюстрируется, например, стихотворением Пушкина «Телега жизни»:

...Ямщик лихой, седое время;
Везет, не слезет с облучка.
С утра садимся мы в телегу,

...

И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

Сходная идея выражена и в стихотворении С. Я. Маршака:

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.
А теперь неторопливо еду...

Это же представление отражено в таких устойчивых выражениях, как *идти в ногу со временем; опередил свое время*. Впрочем, надо отметить, что в языке оно представлено значительно меньше, чем рассмотренные выше «традиционный» и «современный» подход.

3. В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОТСЧЕТА

Неоднозначность пространственной метафоры заставляет, во избежание двусмысленности, опираться на заданное на временных моментах отношение порядка и говорить о более *ранних* и более *поздних* моментах. Понятия *раннего* и *позднего* лишены двусмысленности, но являются относительными. Чтобы обозначить время точно и недвусмысленно, приходится выбирать точку отсчета, относительно которой и обозначаются временные моменты. Об этом хорошо знают составители календарей, использующих так называемые универсальные точки отсчета. При обозначении времени нередко прибегают и к частным точкам отсчета, связанным с моментом речи или с моментом, о котором идет речь, и, таким образом, содержащим индексальный компонент. При этом индексальный компонент обнаруживается не только в таких обозначениях, как *сегодня, вчера, завтра, через три дня* (связь с моментом речи) и *тогда, накануне, на следующий день, три дня спустя* (связь с моментом, о котором идет речь), но и в выражениях типа *до революции, перед войной* и т. п. При такого рода обозначениях времени имя, соответствующее точке отсчета, должно непременно характеризоваться определенностью, обычно обусловленной коммуникативной ситуацией (так, *перед войной* обычно означает 'перед последней войной' или 'перед войной, релевантной для собеседников'). В случаях, когда точке отсчета соответствует морфема в составе производного слова, эта морфема также должна иметь определенную референцию: прилагательные типа *дореволюционный, послевоенный* используются, когда участникам коммуникации понятно, о какой революции или войне идет речь.

Некоторое исключение из общего правила об обязательной определенности точки отсчета составляют обобщенные употребления, такие, как *После драки кулаками не машут* (здесь *драка* имеет общеродовую референцию). Впрочем, и в подобных контекстах возможна определенная референция (дистрибутивная определенность в смысле [Шмелев 1984]); ср.: *Перед смертью не надышишься*.

Временная точка отсчета нужна не только для обозначения времени. Если в качестве имени объекта используется нежесткий десигнатор, т. е. обозначение, соответствующее меняющимся во времени свойствам, необходимо, чтобы выбранная номинация отвечала свойствам объекта в релевантном временном срезе (проблемы нахождения релевантной точки отсчета и построения соответствующего времен-

ного среза рассматриваются, в частности, в [Шмелев 1984; Кронгауз 1989; 1990]). Несоответствие между выбранной номинацией и свойствами объекта в релевантном временном срезе (в том случае, если объект обладал указанными свойствами ранее или будет обладать позднее) маркируется специальными показателями — такими словами, как *бывший, прежний, будущий*.

При этом тот факт, что свойства объектов могут меняться с течением времени, может концептуализоваться различным образом. Язык располагает специальными показателями «сдвига» денотативного пространства — средствами, маркирующими несоответствие между выбранной номинацией и свойствами объекта в релевантном денотативном пространстве. Так, использование в составе дескрипции слов *бывший, прежний, будущий* показывает, что базой для дескрипции служит не точка отсчета, а какой-то предшествующий (для *бывший* и *прежний*) или последующий (для *будущий*) момент (см. [Шмелев 1995]). Иными словами, сочетания *бывший X* и *прежний X* используются для референции к объекту, который обладал свойством, позволяющим ему именоваться *X* в какой-то момент, предшествующий точке отсчета. В то же время указанные сочетания не синонимичны.

Сочетание *бывший X* указывает на референт, который раньше обладал свойством «*X*», а теперь (в момент, соответствующий точке отсчета) не обладает. Поэтому *бывший* не сочетается с обозначениями свойств, полученных объектом «навечно»: с именами естественных классов (**бывшая курица*), с так называемыми «перфектными» именами (**бывший автор*) и т. д. При этом безразлично, имеется ли «теперь» какой-либо объект, обладающий свойством «*X*». Если мы говорим *бывшая жена Y-a*, то ясно, что «теперь» референт этого выражения женою *Y-a* не является, но ничего не говорится о том, женат ли «теперь» *Y*.

Сочетание *прежний X* указывает на референт, который обладал свойством «*X*», при этом существенно, что в настоящее время существует или хотя бы может существовать объект, обладающий этим свойством. В частном случае это даже может быть тот же самый объект: *Все остаются на прежних местах; У него новая жена? — Нет, у него прежняя жена*. Использование сочетания *прежняя жена Y-a* нормально возможно лишь при условии, что *Y* женат в момент, соответствующий точке отсчета.

Таким образом, *бывший X* вызывает представление о референте, который меняет свои свойства (был *X*-ом, теперь перестал быть таковым), а *прежний X* — о свойствах, попеременно присущих разным объектам (или, точнее, роли, попеременно исполняемой разными объектами). Ср.: *А наш прежний дом разрушили* (теперь говорящий живет в другом доме, а референт дескрипции *наш прежний дом* вообще не существует) vs. *Мы видели бывший дом генерал-губернатора* (теперь никакого дома генерал-губернатора, как и самого генерал-губернато-

ра, нет, но само здание — референт дескрипции *бывший дом генерал-губернатора* — сохранилось).

Не случайна и различная интерпретация слов *бывший* и *прежний* с собственными именами: *бывшая Татьяна* — это женщина, которую раньше звали Татьяна (очевидно, она сменила имя; ср.: *бывший Исаак* в рассказе Чехова «Перекасти-поле»); *прежняя Татьяна* — Татьяна, какой она была когда-то (очевидно, она изменилась; ср.: *Но и следов Татьяны прежней не мог Онегин обрести*).

Впрочем, необходимо подчеркнуть, что существование в рассматриваемый момент объекта, обладающего соответствующим свойством, не является необходимым условием корректности присоединения к именной группе эпитета *прежний*. Важно лишь, чтобы в поле зрения коммуникантов была возможность существования такого объекта. Характерен следующий пример: *Прежняя причина отпала, а придумывать новую... Пушкин не захотел*. Эксплицитно сказано, что никакой новой причины, противопоставленной *прежней*, нет, — но существенно, что возможность ее обсуждается.

Не случайно просодическое различие между *бывший* и *прежний*: слово *прежний* обычно ударно, а в сочетаниях со словом *бывший* ударно имя, к которому *бывший* присоединяется. Правда, для *прежний* существует и иной режим употребления, при котором оно безударно. Такая безударность имеет место, когда *прежний* не просто присоединяется к обозначению роли, попеременно исполняемой различными объектами, но относится к обозначению присущих прежде качеств. Ср. примеры из «Братьев Карамазовых»: *Она сильно изменилась в лице, похудела и пожелтела... Сказывался некоторый переворот духовный... Прежней, например, ветрености не осталось и следа* [ударение на *ветрености*]; *Грушенька все-таки не потеряла прежней своей молодой веселости* [ударение на *молодой веселости*]. Но и здесь имеет место роль, попеременно исполняемая разными «актерами»: например, роль «выражение лица» может исполняться такими «актерами», как ветренность, веселость и т. д.

Мы видим, что едва ли не любое явление, связанное с временем, может концептуализоваться двояким образом. Мы можем представлять себе движение времени и движение во времени, старение того, что прежде было молодым, и молодое, приходящее на смену старому, настоящее как единственную реальность и как существующую лишь в воображении границу между прошлым и будущим и т. д. Язык сохраняет и отражает эту двойственность. Впрочем, можно сказать и по-другому. Естественный язык предоставляет нам достаточные средства, чтобы отразить различные метафоры времени. Конечно, наши представления в значительной мере заданы языком — возможно, в большей, нежели может показаться на первый взгляд. Но в то же время язык позволяет нам сохранять и немалую степень свободы в наших рассуждениях об этом таинственном времени.

ЧАСТЬ V

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТИ

ГЛАВА 1

ВОПРОС О КОСВЕННЫХ ВОПРОСАХ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УСТАНОВЛЕННЫМ ФАКТОМ ИХ СВЯЗЬ С ФАКТИВНОСТЬЮ?*

Исследование предикатов пропозиционального отношения предполагает установление закономерностей их совместной встречаемости с тем или иным типом подчиненной предикации. Для логического (концептуального) анализа наиболее важны связи, определяемые семантикой, а для полного лингвистического описания предложений с пропозициональными предикатами интересны любые сочетаемостные особенности, чем бы они ни определялись. В любом случае естественно стремиться к выявлению наиболее общих закономерностей, т. е. к описанию, имеющему максимальную объяснительную силу.

В качестве одного из критериев классификации пропозициональных предикатов предлагалось использовать их способность/неспособность подчинять «косвенный вопрос» [Вендлер 1987].

Следует, однако, иметь в виду, что термин «косвенный вопрос» (и синонимичные ему термины — такие, как придаточное, вводимое «вопросительно-относительным местоимением» или — в англоязычной лингвистике — так называемыми *wh*-словами) нередко употребляется в литературе без должной дифференциации. Между тем соответствующие предложения существенно неоднородны.

1. ОТГРАНИЧЕНИЕ КОСВЕННО-ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОТ ВНЕШНЕ СХОДНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ИНЫХ ТИПОВ

Прежде всего следует определить, что́ здесь понимается под косвенно-вопросительными предложениями, отграничить их от внешне сходных придаточных предложений иных типов.

От косвенно-вопросительных предложений следует, в частности, отличать «косвенно-восклицательные». Различие между ними лингвистически существенно, хотя иногда они могут формально совпадать.

* Впервые: Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988.

Так, предложение (1а), включающее в свой состав «косвенно-восклицательное» придаточное, отличается по ряду признаков как от предложения (1б), так и от предложения (1в):

- (1) а. *Поразительно, как долго продолжалась голодовка доктора Хайдера;*
 б. *Корреспондента спросили, как долго продолжалась голодовка доктора Хайдера;*
 в. *Медицине известно, как долго может продолжаться голодовка без ущерба для здоровья.*

Семантическое различие состоит, в частности, в том, что в предложении (1а) слово *долго* обозначает длительный отрезок времени, существенно превышающий норму (иначе было бы неуместно «поражаться» и «восклицать»), тогда как в (1б) и в (1в) оно является просто названием соответствующего параметра («продолжительность»). С этим связано то, что в «косвенно-восклицательное» придаточное может быть введен интенсификатор, а в косвенно-вопросительное его ввести нельзя. Так, предложение (2а) вполне возможно, тогда как предложение (2б) аномально:

- (2) а. *Поразительно, как невероятно долго продолжалась голодовка доктора Хайдера;*
 б. **Корреспондента спросили, как невероятно долго продолжалась голодовка доктора Хайдера.*

Другое различие состоит в том, что «косвенные восклицания» не совместимы с состоянием незнания субъектом пропозициональной установки относительно положения дел, описываемого соответствующей пропозицией, тогда как для одного из двух других упомянутых типов предложений, а именно — для (1б) такое состояние, наоборот, естественно.

Еще более очевидна необходимость вывести из круга предложений с косвенным вопросом внешне иногда неотличимые от них эллиптические предложения с изъяснительным (или, может быть, определительным) придаточным, как, например, (3):

- (3) *О, если б ведала она, что уж узнала вся Украина!*
 (А. Пушкин).

В наиболее естественном прочтении предложение (3) говорит о том возможном мире, альтернативном действительному, в котором Мария владеет теми сведениями, которыми владеет «вся Украина». Гораздо менее вероятно (хотя и не исключено) то прочтение, которое допускает, что содержание знаний Марии (в действительном мире) тождественно содержанию знаний «всей Украины», но что она не знает, что именно известно «всей Украине» (это может быть важно по тем или иным причинам).

Следует отметить, что в русском языке смысл первого типа обычно выражается с помощью местоименного коррелята, занимающего соответствующую синтаксическую позицию в главном предложении, как в примере (4), а смысл второго типа — при помощи одиночного вопросительно-относительного местоимения (или наречия), как в примерах (5) или (6):

- (4) *Да откуда же вы, что не знаете того, что уже знают все кучера в городе?* (Л. Толстой);
 (5) *Я заранее знал, что он будет говорить в свое оправдание;*
 (6) *Мне было известно, где он был.*

Однако это правило не строгое и может нарушаться «в обе стороны». Примером нарушения первого типа служит приведенное выше предложение (3): оно (в том значении, которое имел в виду Пушкин) не содержит косвенного вопроса, хотя в главном предложении и нет местоименного коррелята (именно потому оно и может считаться эллиптическим). Обратное нарушение демонстрирует пример (7), в котором придаточное, скорее всего, должно прочитываться как косвенно-вопросительное, а не изъяснительное, несмотря на наличие в главном предложении местоименного коррелята *все*:

- (7) *О, Сердцевед, Ты видишь все пути И знаешь все, что я скажу, заране* (Н. Бараташвили, пер. Б. Пастернака).

Двусмысленность, таким образом, возникает редко, но в принципе она возможна. Ср., например, предложение (9):

- (8) *Вчера Штирлиц обнаружил, что Мюллер обнаружил неделю назад.*

В зависимости от просодического контура, порядка слов, частиц это предложение может значить либо то, что (а) Штирлиц обнаружил, каковы те сведения, которыми неделю назад стал обладать Мюллер (при этом сам Штирлиц мог располагать ими и раньше), либо то, что (б) Штирлиц обнаружил вчера те (ранее неизвестные ему) факты, которые Мюллер обнаружил неделю назад. В первом случае Штирлиц и Мюллер обнаружили разные вещи, во втором — они обнаружили одно и то же.

Указанная неоднозначность обычно разрешается средствами контекста. Ср., например, предложение (9а), сопоставимое с пониманием (а) приведенного выше примера (8), и предложение (9б), сопоставимое с пониманием (б):

- (9) а. *Штирлиц знал теперь, что (именно) знал об этом деле Мюллер, и отвечал на его вопросы соответственно;*
 б. *Штирлиц знал теперь об этом деле, что знал Мюллер, но хотел знать больше.*

Легко видеть, что предложения типа только что приведенного примера (9б) или приводившегося выше *Как же вы не знаете того, что уже знают все кучера в городе?* (а также (3) в естественном прочтении) соответствуют по структуре предложениям, в состав которых входит придаточное с относительным *что*, таким, как, например, *Как же вы не купили того, что купили все?*; *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим*, отличаясь от этих последних только интенциональностью объекта. Они, таким образом, не имеют отношения к косвенным вопросам и в дальнейшем не рассматриваются.

Что касается косвенных предложений типа *Штирлиц знал теперь, что именно знал об этом деле Мюллер* и т. п., то они, скорее, сходны с предложениями вроде

(10) *Штирлиц спрашивал себя, что мог знать об этом деле Мюллер*

или

(11) *Мне было интересно, куда он поехал,*

с которыми они обычно и объединяются в один класс «косвенно-вопросительных». Следуя этой традиции, будем называть косвенно-вопросительными и предложения типа (11), и предложения типа

(12) *Мне было известно, куда он поехал.*

Тем не менее между этими двумя типами имеются значительные различия (обычно не отмечаемые), которым мы и посвятим следующий раздел.

2. ДВА ТИПА КОСВЕННО-ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Различие между значением предложений типа (11) *Мне было интересно, куда он поехал* и (12) *Мне было известно, куда он поехал* состоит, в частности, в следующем.

В предложении (11) объектом установки (содержанием ментального состояния переживающего субъекта, в данном случае — говорящего) является именно вопрос; иными словами, косвенно-вопросительное придаточное соответствует вопросу в сознании субъекта установки.

В то же время в предложении (12) объект установки — это суждение, служащее ответом на данный вопрос, поэтому можно говорить, что косвенный вопрос скрывает здесь за собой положительное суждение (знание) субъекта. Таким образом, объект установки полностью эксплицирован в (11) *Мне интересно, куда он поехал*, тогда как в (12) *Мне известно, куда он поехал* объект установки (здесь — предмет знания) эксплицитно не сформулирован, заменен на вопрос, на

который, по мнению говорящего, отвечает положительное суждение. Предикаты, подчиняющие косвенный вопрос с собственно вопросительным значением (типа *интересно*), свидетельствуют о незнании субъектом ответа на вопрос. Поэтому их можно назвать «игноративными» предикатами. Предикаты, которые подчиняют косвенно-вопросительное придаточное, скрывающее за собой не эксплицированное положительное суждение субъекта установки, назовем «позитивными» предикатами, или предикатами положительного суждения.

Примеры «позитивных» предикатов: *знать, понимать/понять, сообразить, догадаться, выяснить, решить, сообщить, сказать, договориться, известно, понятно, легко видеть* и мн. др. Примеры «игноративных» предикатов: *интересоваться, размышлять, думать* (в значении мыслительной деятельности, а не состояния), *спрашивать/спросить, (по)любопытствовать, решать* (в значении процесса), *вспоминать (мучительно вспоминать — в отличие от вспомнить), недоумевать* и т. п. К числу особенностей позитивных предикатов, отличающих их от игноративных, относится их способность подчинять изъяснительные придаточные, вводимые союзом (не местоимением!) *что*.

Позитивные предикаты в контексте модального оператора (отрицания, вопросительности, ирреального наклонения, будущего времени, императивности и т. п.) могут функционировать сходно с игноративными предикатами — таким образом, предикаты типа *не знать* относятся к игноративным. Ср. также: *Они решили* (позитивный предикат), *кто пойдет за хлебом. — Надо решить* (игноративный предикат), *кто пойдет за хлебом*. Таким образом, названные выше условия предусматривают переход «исконных» позитивных предикатов в игноративные. Обратное неверно — предикат, имеющий словарную характеристику «игноративность», не может функционировать как позитивный.

Знание и незнание принципиально различны с философской, с житейской и с лингвистической точки зрения [Арутюнова 1988: 125]. О лингвистической сущности этого различия — во всяком случае, что касается русского языка — свидетельствует и целый ряд особенностей языкового оформления косвенных вопросов в контексте предикатов положительного суждения, с одной стороны, и игноративных предикатов — с другой.

Так, игноративные предикаты могут подчинять не только частные, как в (13а), но и общие косвенные вопросы с частицей *ли*, как в (13б) и (14):

- (13) а. *Кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда прыгнуть* (А. Пушкин);
 б. *Она спросила, Давно ль он здесь, откуда он И не из их ли уж сторон?* (Он же).

Нередко в общем косвенном вопросе используется частица *не*:

- (14) а. *Он все гадал, не это ли магазин, где он будет служить* (В. Набоков);
 б. *Все чаще думаю, не поставить ли лучше точку пули в моем конце* (В. Маяковский);
 в. *Ну что ты все чиновник, чиновник, а не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи* (Н. Гоголь).

Напротив, в предложениях с позитивными предикатами общий косвенный вопрос обычно звучит неестественно: *?Он сообщил ей, давно ль он здесь; ?Он догадался, тот ли это магазин, где он будет служить*. Совсем невозможно при позитивных предикатах употребление общего вопроса в отрицательной форме: **Он сообщил ей, не из их ли он сторон; *Он знал, не это ли магазин, где он будет служить*. Вместо общего косвенного вопроса при позитивных предикатах используется частный (*Он сообщил ей, из каких он сторон*) или — в случае необходимости (нередко в полемическом контексте) — косвенный альтернативный вопрос: *Я сам знаю, идти мне или нет*.

Лишь в контексте игноративных предикатов могут использоваться и другие показатели, специфичные для вопросов: частицы *же*, *это* (*кто же; где это*), редупликации типа *какой-такой*:

- (15) а. *Интересно, где это (где же) они были;*
 б. *Любопытно, зачем это он явился;*
 в. *Не пойму, куда же я дела очки;*
 г. *Ну-с, посмотрим какие-такие ваши секреты, барышня;*
 д. *Он хотел разобраться, почему же он ей пришелся по вкусу* (В. Набоков).

Это едва ли возможно для позитивных предикатов:

- (16) а. **Я знаю, где это (где же) они были;*
 б. **Очевидно, зачем это он явился;*
 в. **Он вспомнил, куда же он дел очки;*
 г. *?Я прекрасно вижу, какие-такие ваши секреты, барышня;*
 д. **Он хорошо представлял себе, почему же он ей пришелся по вкусу.*

В косвенных вопросах, подчиненных игноративным предикатам, нередко употребляются модальные показатели, отнесенные к реальной ситуации. Так, (17а) приблизительно синонимично предложению (17б), тогда как смысловое различие между предложениями (18а) и (18б) с предикатом положительного суждения существенно больше:

- (17) а. *Интересно, куда бы он мог уйти;*
 б. *Интересно, куда он ушел,*

но

- (18) а. *Я представляю себе, куда он мог пойти;*
 б. *Я представляю себе, куда он пошел.*

Ср. еще возможность употребления ирреального наклонения в косвенном вопросе, подчиненном игноративному предикату, в (19а) и аномальность предложения (19б) с предикатом положительного суждения:

- (19) а. *А кто бы это такое был, позвольте-ка узнать;*
 б. **Мы узнали, кто бы это такое был.*

Для игноративных, но не для позитивных предикатов характерен аффективный способ выражения: *Хотелось бы знать, зачем ему понадобилось уходить; Ума не приложу, куда он запропастился; Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву* (А. Пушкин), — ср. сомнительное [?]*Мне известно, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву.*

Еще одно различие между рассматриваемыми типами предикатов состоит в разных возможностях продолжения соответствующих текстов: многочленный (минимум — двучленный), а иногда и открытый ряд для игноративов и только что-нибудь одно для предикатов положительного суждения: *Непонятно, что ей подарить: книгу, колготки, пластинку, шампунь...* — и, с другой стороны: *Я придумал, что ей подарить: пластинку.* Ср. также пример, в котором предикат *знать*, подпадающий под воздействие двух ирреальных операторов *как будто* и *не* («двойное отрицание»), сохраняет свое значение предиката положительного суждения: *Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки начальника отделения* (Н. Гоголь).

Все эти особенности можно связать с различием в ментальном состоянии переживающих субъектов — в частности, аффективность, модализованность, характерную для косвенно-вопросительных придаточных в контексте игноративных предикатов, — с интеллектуальным дискомфортом, который вызывается присутствием в уме неразрешенного вопроса. Косвенно-вопросительное придаточное при игноративном предикате передает именно вопросительность. Иначе говоря, оно отражает установку, которую имел субъект соответствующего ментального состояния, т. е. субъект вопроса, и сохраняет языковые показатели этого состояния. При позитивном предикате никакой вопросительности косвенно-вопросительное придаточное не выражает — оно соответствует положительному суждению и не может иметь никаких показателей, характерных для вопросов.

Таким образом, мы видим, что разграничение игноративных и позитивных предикатов лингвистически весьма существенно. При косвенно-вопросительной отсылке (референции) к чужой речи или чужому мнению отнесение предиката к тому или другому классу определяет

возможное строение подчиненного ему косвенно-вопросительного придаточного. Поэтому сведения, позволяющие причислить предикат к классу игноративных или позитивных, должны сообщаться в словаре в явном виде.

В то же время возникает ряд проблем, связанных со словарной фиксацией рассматриваемого противопоставления. Так, в [Булыгина, Шмелев 1989б] (главе I.2.2) отмечалось, что для многих видовых пар с ментальным значением, относящихся к «предикатам постепенного осуществления» (таким, как *решить/решать, вспомнить/вспоминать, узнать/узнавать [у кого-либо]*), имеет место следующая ситуация. Перфективный член пары относится к позитивным предикатам (ср. его способность подчинять придаточное, вводимое союзом *что*: *Мы решили, что летом поедem в Крым*), что означает, что он может употребляться и как позитивный, и как игноративный предикат (последнее в контексте модального оператора). Ср.: *Мы решили [позитивный предикат], куда поехать летом. — Надо решить [игноративный предикат], куда поехать летом,* — в первом случае косвенно-вопросительное придаточное соответствует какому-то принятому положительному решению (например, «Летом мы поедem в Крым»), во втором — обсуждаемому вопросу («Куда поехать летом?»). В то же время имперфективный член является позитивным в «тривиальных», т. е. событийных значениях, но только игноративным — в процессных значениях. Ср.: *Мы уже столько раз решали, куда поедem летом* (речь может идти о множестве конкретных принятых решений) и *Мы долго решали, куда поедem летом* (косвенно-вопросительное придаточное соответствует нерешенному вопросу). Ср. также правильность *Мы уже столько раз решали, что летом поедem в Крым* и аномальность **Мы долго решали, что летом поедem в Крым*.

Указанные закономерности не могут быть выведены из существующих словарей и грамматик, и, как представляется, это связано с тем, что противопоставлению позитивность — игноративность в них не уделяется никакого внимания.

В то же время оформление косвенных вопросов в разных контекстах обладает конкретно-языковой спецификой, которая должна, разумеется, учитываться в лингвистическом описании.

Рассмотрим теперь вопрос о связи между способностью присоединять косвенный вопрос и фактивностью подчиняющего предиката.

3. КОСВЕННЫЙ ВОПРОС И ФАКТИВНОСТЬ ПОДЧИНЯЮЩЕГО ПРЕДИКАТА

З. Вендлером [1987: 303] было высказано мнение (основанное на сопоставлении фактивных и нефактивных английских глаголов типа

know 'знать', *tell* 'сообщить' и *believe* 'полагать, верить'), что «возможность совстречаемости с косвенными вопросами является наиболее надежным грамматическим показателем фактивности». Можно придать этому утверждению следующий смысл: 'если косвенно-вопросительное придаточное скрывает за собою положительное суждение, то говорящий считает это суждение истинным', или, что то же самое, 'позитивный предикат, подчиняющий косвенно-вопросительное придаточное, всегда является фактивным'.

Наблюдения Вендлера, лежащие в основе этого утверждения, в общих чертах подтверждаются и соответствующим русским материалом. Действительно, можно сказать: *Я знаю (или: Мне сообщили), когда он пришел, куда он уехал, кто автор анонимки*, но нельзя: **Я считаю, кто автор анонимки; *Я полагаю, куда он уехал* и т. п.

Если считать указанную корреляцию установленной, возникает задача как-то ее объяснить: логическая связь между фактивностью/нефактивностью и способностью подчинять косвенный вопрос не является самоочевидной. На роль объяснения могли бы претендовать следующие соображения (высказанные нами в [Булыгина, Шмелев 1987б]). Глаголы типа *знать* (обладающие свойством фактивности, т. е. предполагающие истинность вводимой ими пропозиции, в том числе и суждения, скрывающегося за косвенным вопросом) потому могут сочетаться с косвенно-вопросительными придаточными, что сообщение о том, что субъекту известно действительное положение дел, не является бессмысленным, даже если мы и не конкретизируем (как это бывает в случае косвенных вопросов), в чем именно состоит это положение дел. Напротив, глаголы *думать, считать, полагать* не подчиняют косвенных вопросов потому, что указание на наличие у субъекта некоторого мнения, не сопровождаемое экспликацией, в чем это мнение состоит, лишено смысла — во всяком случае, на первый взгляд (в дальнейшем будут сделаны необходимые уточнения).

Однако рассматриваемая зависимость не безусловна. Оказывается, что (1) далеко не все фактивные глаголы способны подчинять косвенный вопрос; что (2) те предикаты, которые, сочетаясь с придаточными-изъяснительными типа *что Р*, в одних типах употребления связаны с пресуппозицией истинности *Р*, а в других — нет (Вендлер называет их поэтому «полуфактивами» — *half-factives*), сохраняют ту же двойственность и в сочетании с косвенными вопросами (к иным выводам на материале английского языка приходит Вендлер, что и служит для него основанием говорить о косвенных вопросах как о критерии фактивности); и что, наконец, (3) косвенные вопросы в некоторых случаях являются не менее, а более толерантными в отношении нефактивности подчиняющего предиката, чем придаточные вида *что Р*.

Иллюстрацией первого утверждения является несочетаемость с косвенными вопросами наиболее характерных фактивных предикатов типа *раскаивается, сожалеет, удивлен, странно, обидно*²¹⁷ и т. п., — заслуживает внимания, что их английские корреляты *resent, regret* и т. д. Л. Карттунен называет (независимо от способности подчинять косвенные вопросы — это свойство он не рассматривает) «подлинными фактивами» или просто «фактивами» (*true factives* или *factives*), противопоставляя их «семифактивам» (*semifactives* — не следует путать их с «полуфактивами» З. Вендлера), к которым он относит *know, realize, find out* [Karttunen 1977].

Так, невозможны предложения вроде **Он раскаивается, на ком он женился; *Он жалеет, куда они поехали в отпуск; *Странно, когда он явился; *Удивительно, кто выглянул в окно*, хотя предметом раскаяния, сожаления, удивления и т. п. может быть не глобальный факт целиком, а, так сказать, определенный аспект этого факта (см. об этом, например, [Арутюнова 1982]).

С другой стороны, как уже было отмечено, и «косвенная вопросительность» не всегда предполагает фактивность (т. е. обязательную истинность суждения, скрывающегося за косвенным вопросом). Неустойчивость компонента «фактивность» (о понятии «неустойчивость признака» см. [Зализняк 1987]) свойственна, например, русскому глаголу *сказать*, соответствующему двум английским глаголам — полуфактивному (по Вендлеру) *tell* и нефактивному *say*. Двойственность употребления этого глагола иллюстрируют следующие примеры: *Я сказал своему соавтору, что заседание начинается в 9.30*, — здесь представлен нефактивный смысл глагола *сказать*, т. е. не предполагается ни истинность, ни ложность Р (и даже скорее есть импликатура ложности Р — в соответствии с «постулатом количества» по Грайсу). Однако в примере с другим просодическим контуром: *А ему сказал кто-нибудь, что конференция переносится?* — наиболее естественно понять подчиненную предикацию как истинную с точки зрения говорящего. Та же двойственность сохраняется, на наш взгляд, и в сочетаниях с косвенными вопросами. Косвенный вопрос чаще предполагает фактивное значение: *Он сказал, где он живет* действительно понимается как сообщение истины. Однако употребление косвенно-вопросительного придаточного само по себе не гарантирует фактивности. Следующие примеры, как представляется, не нарушают литературной нормы: *Так что,*

²¹⁷ В содержание названных эмотивных предикатов, очевидно, входит компонент «знание»: предполагается осознанность причины соответствующей эмоции — в отличие от беспричинных (беспредметных) эмоций, например безотчетного страха, тоски, хандры (ср.: *Хандра без причины и ни от чего. Хандра ниоткуда, Но та и хандра, Когда не от худа И не от добра* [П. Верлен, перевод Б. Пастернака]). Таким образом, компонент «знание» сам по себе не обеспечивает способности сочетаться с косвенными вопросами.

ты узнал что-нибудь новое? — Ну, он сказал мне, кого назначают директором, но я не очень-то доверяю его сведениям; Ты все выяснил? — Ну, она сказала мне, сколько денег получает, но, по-моему, она тут прихвастнула (ср. невозможность снятия пресуппозиции истинности *R* в сочетании с фактивным предикатом: *Он знает, кого назначают директором, но я не верю его сведениям). Несмотря на относительную редкость употребления высказываний, подобных вышеприведенным, нельзя отрицать, что использование предикатов типа *сказать* с косвенным вопросом не обязательно предполагает истинность соответствующего положительного суждения. А это означает, что истинность суждения, скрывающегося за косвенно-вопросительным придаточным при глаголах типа *сказать*, представляет собою всего-навсего речевую импликацию соответствующих высказываний, которая, как и всякая речевая импликация, может погашаться.

Не во всех типах употребления является фактивным и глагол *догадываться* (в отличие от *догадаться*), хотя он как раз преимущественно сочетается с косвенными вопросами. Употребляясь по отношению к адресату и к 3-му лицу, а также к 1-му лицу в его прошлой «инстанции», этот глагол фактивен — и с косвенным вопросом и, тем более, с придаточным, вводимым союзом *что*. Но его употребление в форме 1 л. настоящего времени очевидным образом уже не обязывает считать соответствующую пропозицию безоговорочно истинной. Ср.: *Я догадываюсь, кто автор анонимки, но не хочу говорить, пока я не вполне уверен. То же справедливо и в отношении модализованного сочетания Я, кажется, догадываюсь. Заслуживает внимания то обстоятельство, что и модализация глагола знать (в 1 л. настоящего времени) в значительной степени освобождает говорящего от обязанности считать суждение, скрывающееся за косвенным вопросом, безусловно истинным: Я, кажется, знаю, в кого он влюблен; Я думаю, что знаю, с кем у нее роман; Я приблизительно знаю, когда приходит поезд из Таллина.*

Заметим, что одно из объяснений возможности одновременного присутствия в высказывании разных ментальных модусов (полагания и знания) состоит в том, что эти модусы занимают здесь разные синтаксические позиции, так как «фокус сообщения в этом случае сосредоточен не на модусе полагания и не на пропозиции, а на глаголе *знать*» [Арутюнова 1988]. Это, несомненно, справедливое соображение недостаточно, однако, для объяснения весьма существенной для нашей темы особенности, которая состоит в том, что сочетания типа *Мне кажется, я знаю...* или *Я думаю, что я знаю...* не способны сочетаться с придаточными вида *что R*, хотя и здесь фокус сообщения по-прежнему сосредоточен на глаголе *знать*. Высказывания типа **Я думаю (или Мне кажется), что я знаю, что у него роман с Машей* оказываются аномальными — по тем же причинам, по которым не-

правильно высказывание **Я не знаю, что заседание начинается в десять часов*. Презумпция истинности (с точки зрения говорящего) подчиненной пропозиции, обусловленная фактивностью глагола *знать* в сочетании с придаточным вида *что Р*, приходит в противоречие с утверждением об отсутствии достоверного знания, которое эксплицитно выражено модальным компонентом предиката пропозиционального отношения. Знание о том, что *Р*, не может быть не только «отрицательным», но и предположительным или приблизительным, тогда как сообщение о близости к истине сведений, касающихся суждения, скрытого за косвенным вопросом, оказывается возможным. Ср. разную степень приемлемости предложений **Я приблизительно знаю, что он живет в районе Арбата* и *Я приблизительно знаю, где он живет (где-то в районе Арбата)* или предложения **Я приблизительно знаю, что поезд из Таллина приходит в десять часов* и приведенного выше правильного предложения с косвенным вопросом.

Мы видим, таким образом, что косвенные вопросы не только совместимы с нефактивностью подчиняющего предиката, но что в контексте некоторых предикатов они в меньшей степени связаны с фактивностью, чем эксплицитно сформулированные пропозиции, выражаемые придаточным с союзом *что*.

Чем же тогда можно объяснить несочетаемость с косвенными вопросами глаголов типа *считать, полагать, верить*? Представляется, что естественнее всего связывать данное ограничение с коммуникативной структурой соответствующих высказываний. Русские глаголы *полагать, думать, считать* никогда не бывают в коммуникативном фокусе, т. е. в центре внимания находится не само наличие мнения в сознании субъекта, а содержание мнения. Поэтому естественно полностью эксплицитировать это содержание, что можно сделать только при помощи придаточного с союзом *что*. Глаголы типа *знать*, напротив, могут быть в коммуникативном фокусе и потому свободно сочетаются с косвенным вопросом. Понятно, что коммуникативные возможности пропозиционального предиката существенно коррелируют с его фактивностью/нефактивностью. Именно с этим связано то, что объяснения функционирования косвенных вопросов в духе Вендлера оказываются удовлетворительными для ряда случаев. На первый взгляд, оба упомянутые объяснения несочетаемости с косвенными вопросами — в терминах нефактивности либо обязательной неассертивности — эквивалентны и в отношении модусов полагания. Тем не менее связь между фактивностью и неассертивностью все же не является логически необходимой. Вполне мыслима такая ситуация, когда существенно сообщение о самом факте наличия в сознании субъекта того или иного мнения об обсуждаемом вопросе, и при этом может быть достаточной формулировка этого вопроса без указания на содержание мнения по этому вопросу.

В этом случае русский язык прибегает к экзистенциональным предложениям, использующим полную номинализацию ментального глагола, — типа *У меня есть одно предположение насчет того, куда он делся; У меня есть некоторые соображения о том, кто автор анонимки; У меня есть определенное мнение о том, как это было бы лучше описывать* и т. п.

Предикат, описывающий когнитивное состояние субъекта, по-прежнему нефактивен (и, кстати, по-прежнему не включает компонент «знание»), но содержание мнения уже не находится в коммуникативном фокусе и поэтому становится возможным оформление придаточного в виде косвенного вопроса.

Эти факты, наряду с приведенными выше, приводят к мысли о необходимости уточнить некоторые представления (или, быть может, формулировки) о закономерности функционирования косвенных вопросов и, тем самым, об особенностях пропозициональных предикатов, способных или неспособных с ними сочетаться.

ГЛАВА 2

«ХОТЬ ЗНАЮ, ДА НЕ ВЕРЮ»

1. МОЖНО ЛИ ЗНАТЬ И НЕ ВЕРИТЬ?

Вынесенные в заглавие слова персонажа комедии Я. Княжнина «Хвастун» Пушкин в своем «Опровержении на критики» цитирует как пример очевидной нелепости, когда отвергают реальные факты на основе априорных представлений о том, что «этого не может быть». Впрочем, опровергая умозаключения подобного рода, Пушкин не ограничивается указанием на то, что так оно и было в исторической действительности, но старается обосновать психологическую достоверность описываемых событий, приводя исторические и литературные аналогии:

...Во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что, следственно, любовь Марии к старому гетману (NB: исторически доказанная) не могла существовать.

Ну что ж, что ты Честон? Хотя знаю, да не верю.

Я не могу довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своевольная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?..

...Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой, — опять *хоть знаю, да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, — Мазепа мог долго помнить обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытный, жесткий, постоянный. Дернуть лаха или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпленные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус неприятеля (см. Летопись Кониского).

Вообще говоря, достаточно было бы и простой апелляции к фактам: возможность выводилась бы сама собою, поскольку *ab esse ad posse valet consequentia*, или, как писал Солженицын, «мы заключаем „могла, мог быть“ из того, что так оно и бывало». Поэтому-то Горнфельд, возражая критикам, усомнившимся в правдоподобии некоторых эпизодов «Русских женщин», ограничился указанием на подлинные воспоминания княгини М. Н. Волконской, известные Некрасову. Рассуждения людей, которые, основываясь на своих априорных представлениях о невозможности соответствующей ситуации, подобно персонажу Княжнина, отвергают очевидные факты, по общему мнению, не отвечают здравому смыслу [Булыгина, Шмелев 1989] (см. главу II.2).

В то же время высказывания, имеющие вид *X знает, что P, но не верит, что P*, не так уж редки в естественных языках, и далеко не всегда они выглядят столь же абсурдными, как приведенное высказывание из пьесы «Хвастун». Так, например, Н. Я. Мандельштам писала в «Воспоминаниях»: «Можно ли поверить, что человека забирают из дома и просто уничтожают... Этому поверить нельзя, хотя это можно знать умом. Мы это знали, но поверить в это не могли». Характерно также рассуждение героя повести Замятина «Мы»:

Верите ли вы в то, что вы у м р е т е? Да, человек смертен, я — человек, следовательно... Нет, не то: я знаю, что вы это знаете. А я спрашиваю: случилось ли вам п о в е р и т ь в это, поверить окончательно, поверить не умом, а т е л о м, почувствовать, что однажды пальцы, которые держат вот эту самую страницу, — будут желтые, ледяные...

Нет, конечно, не верите — и оттого до сих пор не прыгнули с десятого этажа на мостовую, оттого до сих пор едите, переворачиваете страницу, бреетесь, улыбаетесь, пишете...

(Разрядка автора).

Сходные построения встречаются и в текстах на других языках, ср.: *Il peut-être qu'on le sait mais on n'arrive pas à y croire* (фраза из французского перевода Стивена Кинга) или *I knew (in the way one knows things one does not quite believe) that I was considered pretty by some...* (последний пример указан Анной А. Зализняк).

Общим для всех высказываний такого типа является то, что описываемая ими ситуация воспринимается как несколько отклоняющаяся от стандартных ожиданий (это, в частности, объясняет использование уступительных и противительных союзов *хоть, но* и т. д.); в то же время высказывания эти допускают вполне естественное осмысление и ни в коей мере не могут рассматриваться как семантически аномальные. При этом степень отклонения от стандарта варьируется от языка к языку, а внутри одного языка — от высказывания к высказыванию и зависит от самых разных факторов. Особенности русского материа-

ла, служащего предметом рассмотрения в настоящей статье, обусловлены, с одной стороны, тем, что глагол *знать* объединяет значения *cognoscere* и *sapere* (фр. *connaître* и *savoir*, ср.: [Franckel, Paillard 1991; Lebaud 1990]), а с другой — спецификой глагола *верить*, отличающей его от таких аналогов, как *croire* или *believe*, и позволяющей отвлечься от сложной и неоднократно обсуждавшейся проблемы соотношения знания и мнения (knowledge and belief).

2. ЗНАНИЕ И ВЕРА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Глагол *верить* в последнее время подвергался рассмотрению в ряде работ ([Селезнев 1988; Шатуновский 1988; Шмелев 1988], ср. также главу I.2.2); обсуждались как конструкции с объяснительным придаточным (*верить, что Р*), так и конструкции *верить в кого, что; верить кому, чему*. Материал этих исследований свидетельствует, что глагол *верить* обозначает установку, возникающую в результате свободного волеизъявления. Посредством соответствующего акта (обозначаемого глаголом *поверить*) субъект признает истинным «содержание веры», на которое говорящий может указывать непосредственно (при помощи изъяснительного придаточного) или косвенным образом. Косвенное обозначение содержания веры может состоять в указании на источник соответствующей информации (тогда используется дательный падеж — *верить кому-либо; верить чьим-либо словам*) или на объект веры (тогда используется предлог *в* с винительным падежом — *верить в приметы, в леших, в успех*). Если указывается источник, содержанием веры является информация, исходящая от этого источника; если указывается объект, содержанием веры может быть соответствие объекта идеальному представлению о нем (*верить в народ*), настоящее или будущее существование объекта (*верить в леших*), то, что соответствующая ситуация имела, имеет или будет иметь место (*верить в торжество справедливости*), достоверность интенционального объекта (*верить в приметы, в теорию*). В целом при указании объекта конкретное содержание веры зависит от ряда факторов и не всегда устанавливается однозначно: *верю в судьбу* ('верю, что существует судьба [потусторонняя сила, определяющая нашу жизнь]'; *верю в твою судьбу* ('верю, что в твоей судьбе (жизни) все будет хорошо [т. е. твоя судьба будет соответствовать идеальному представлению о ней]'; *верил в побег* (1) 'верил, что побег удался'; (2) 'верил, что побег имел место' (именно второе понимание иллюстрирует приведенный И. Б. Шатуновским [1988: 265] пример *О побеге не говорил — не верил в побег, = 'не верил, что [Соловейчик] действительно бежал'*).

Поскольку установка, обозначаемая глаголом *верить*, обусловлена актом свободной воли, то отношение говорящего к содержанию

веры может оказаться различным — в зависимости от того, совпадает ли говорящий с субъектом установки. В случае несовпадения, т. е. за исключением употреблений в первом лице в настоящем времени, *верить* может нести на себе отпечаток «снисходительного пренебрежения к чужому заблуждению» [Селезнев 1988]; используя глагол *верить*, говорящий как бы подчеркивает произвольность и немотивированность установки, которую сам, вероятно, не разделяет. Если же глагол употреблен в настоящем времени в первом лице (т. е. когда субъектом установки является сам говорящий), он часто несет на себе печать космического оптимизма [Там же]. Действительно, декларируя свободное принятие содержания веры, говорящий, если это не простое следование внешнему авторитету, как бы приоткрывает свою волю: *верю* фактически означает ‘хочу верить’ [Булыгина, Шмелев 1989] (см. главу I.2.2).

Рассматривая глагол *знать*, можно обратить внимание на то, что содержание знания может указываться непосредственно (чаще всего при помощи изъяснительного придаточного) или скрываться за указанием на «область знания», например при помощи косвенного вопроса (о том, что косвенный вопрос при глаголах знания скрывает за собою «положительное суждение», см. в [Булыгина, Шмелев 1988] и главе V.1), конструкций с прямым или косвенным объектом и др. Употребление обозначения области знания вместо описания его содержания может объясняться отсутствием у говорящего сведений по данному предмету или желанием скрыть эти сведения (*Он знает, кто разбил окно*), а также тем, что содержание знания не может быть кратко и исчерпывающе описано эксплицитным образом (*знать французский язык, знать вкус кофе*) [Шатуновский 1988: 260]. Именно разграничение области и содержания знания позволяет объяснить следующий «парадокс»: фраза *Я знаю испанский язык* предполагает, что говорящий по меньшей мере понимает и способен объясниться по-испански; но, ответив на вопрос: *Какие романские языки ты знаешь? — Французский, испанский, итальянский, румынский...* — говорящий никак не претендует на владение этими языками — он просто сообщает, что знает о существовании этих языков и о том, что они относятся к романским. Дело в том, что в первом случае *испанский язык* обозначает лишь область знания, а содержание знания — приблизительно говоря, испанские словарь и грамматика; во втором случае эксплицитно указывается содержание знания, а имя «области знания» — романские языки.

Установку, описываемую глаголом *знать*, можно метафорически представить себе следующим образом: в сознание субъекта в какой-то момент было введено содержание знания, которое хранится в участке его памяти, соответствующем «области знания» в виде своего рода «мысленного досье». Таким образом, область знания — это адрес та-

кого «мысленного досье», а содержание знания может пониматься как содержание этого «досье».

Мы видим, что субъект знания полностью пассивен, он не волен знать или не знать что-либо. Как только он поставлен в известность о чем-либо, он уже *знает*. Именно поэтому в высказываниях *Знай, что Р* глагол *знать* выступает как квазиперформатив [Булыгина, Шмелев 1989] (см. главу I.2.2), а высказывания **Не знай, что Р* оказываются самофальсифицируемыми.

Таким образом, *знать* и *верить* различным образом относятся к воле субъекта. Субъект знания пассивен, знание не зависит от воли, субъект веры активен, вера является результатом свободного выбора (ср. замечание З. Вендлера [1987] о том, что *believe* обозначает действие, а *know* никогда не может рассматриваться как действие. Не случайно можно сказать *мне (не) верится*, но нельзя **мне (не) знается* (о возможности употребления предиката в подобных конструкциях как показателе контролируемости см. главу I.1.2).

Приведенные соображения помогают объяснить, как можно одновременно *знать* и *не верить*.

Прежде всего отметим, что парадокс возникает лишь в том случае, когда совпадают именно содержание знания и содержание (несостоявшейся) веры. Если же совпадение объектов при глаголах *знать* и *верить* сводится к тому, что имя области знания совпадает с именем объекта веры или с именем источника информации, никакого парадокса нет, ср.: *Я знаю Ивана и именно поэтому не верю ему; Я знаю эту теорию, но не верю в нее*.

Конструкции же *X знает, что Р, но не верит, что Р* интерпретируются следующим образом: *X «знает»* в том смысле, что независимо от своей воли поставлен в известность, что *Р*, но по своей воле принять *Р* он не желает²¹⁸. Ситуация вполне вероятная; некоторое ощущение отклонения от стандарта возникает лишь потому, что верить поступающей информации естественнее, чем не верить: язык в этом смысле вообще относит веру к норме, а неверие — к аномалии (см. [Шмелев 1988]); ср.: *Что-то я не верю, но не *Что-то я верю* (о возможности присоединения *что-то* как показателе того, что ситуация отклоняется от нормы, см. [Арутюнова 1987]).

Несколько иная картина возникает при совпадении субъекта с говорящим, т. е. в высказываниях вида *Я знаю, что Р, но не верю, что Р* (в настоящем времени) (ср. цитированное высказывание из пьесы Княжнина). Употребляя глагол *знать*, говорящий дает понять, что он считает *Р* истинным, а это противоречит утверждению *не верю*. Таким образом, высказывания такого рода действительно абсурдны (в отличие от высказываний *Он знает, но не верит* или *Я знал, но не верил*).

²¹⁸ При этом в отличие от *X-а* говорящий, разумеется, считает *Р* истинным (*верит, что Р*); это дает ему основание употребить фактивный глагол *знать*.

Подобное различие интересующих нас высказываний при совпадении и несовпадении субъекта с говорящим обнаруживается и в других языках. Характерен диалог из произведения Джозефины Тей, приводимый (по несколько другому поводу) З. Вендлером:

«Well, well,» said Barker indulgently, «let us say, how do we know you did it?» «How do you know?» she repeated, «What do you mean? You didn't know till now, but now I've told you and you know.» «But you know, just because you say you've done it is no reason that we should believe you have.» Barker said.

Оба участника диалога правы — каждый со своей точки зрения. Героиня права, говоря: *Вы знаете это*; она имеет в виду: 'я поставила вас в известность'. Именно так мы употребляем глагол *знать*, говоря о других лицах. Спрашивая: *А Иван знает, что семинар отменяется?* — мы интересуемся, сообщили ли об отмене семинара Ивану, а не тем, поверил ли Иван этому сообщению. Но и Баркер прав; ведь он мог сказать: *Мы знаем*, — только если он сообщению поверил.

Неоднократно отмечалось, что в первом лице настоящего времени глаголы *знать* и *верить* ведут себя не так, как в прочих формах. Материал, рассмотренный в этой статье, добавляя нечто к уже накопленным наблюдениям, подтверждает этот вывод. Но еще более существенным представляется разобранное различие между *знать* и *верить*: состояние, обозначаемое глаголом *знать*, пассивно и обуславливается информацией, поступившей к субъекту; состояние, обозначаемое глаголом *верить*, обуславливается свободным выбором субъекта и вытекающими из этого выбора ментальными актами. Поэтому, интересуясь, что субъект *знает*, мы интересуемся тем, какое образование он получил, чему его научили; интересуясь, во что он *верит*, мы узнаем о нем самом, о его желаниях, о его душе.

ГЛАВА 3

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ*

1. РЕПОРТАЖ (DE RE) VS. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (DE DICTO)

Описывая осуществленный другим лицом речевой акт (РА), говорящий далеко не всегда может претендовать на роль беспристрастного репортера; часто он вносит в свое описание ту или иную интерпретацию скрытых намерений субъекта РА, дает оценку уместности данного речевого действия или его содержания. То, как РА видится и описывается «со стороны», может совсем не совпадать с тем, как субъект РА видит (или хочет представить) его «изнутри».

Как правило, о п и с а н и е речевых действий ведется именно «со стороны». Субъект РА не описывает этот РА, он его п р о и з в о д и т (разумеется, впоследствии он может дать описание РА, но такое описание уже не будет производиться более или менее «со стороны» — парадоксально и самоубийственно сказать: *Я лгу*, но вполне возможно задним числом признаться: *Я [тогда] солгал*). Толкования языковых средств описания РА, в первую очередь глаголов речи, должны предусматривать интерпретативный компонент. В этом смысле толкования глаголов речи от лица субъекта РА (в духе известной книги А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987a]), сколь бы они ни были пронизательны, часто оказываются недостаточными. В некоторых случаях сама А. Вежбицкая признает это, допуская введение в толкование некоторых глаголов речи другого «я» — интерпретатора, отличного от субъекта РА (ср. ее комментарии по поводу глагола *nag* [Wierzbicka 1987a: 145]). Попытка сохранить единое «1-е лицо», совпадающее с субъектом РА, введя в иллокутивную структуру таких, например, глаголов, как *inform on*, *nag* или *lecture₂*, «самокритичные компоненты» типа ‘Я знаю, что люди подумают нечто плохое о человеке, который говорит такие вещи’ или ‘Я допускаю, что говорить подобные вещи в такой манере — это плохо’, не всегда приводит к интуитивно удовлетворительным результатам, иногда вступая в противоречие с другими компонентами толкований. Так, в *inform on* компонент ‘Я полагаю, что мне с л е д у е т сообщить

* Впервые опубликовано: Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.

вам об этом' вызывает представление о д о л ж н о м и не вполне вяжется с характерным для «доносителя» стремлением избежать огласки, основанным на осознании того, что по крайней мере в глазах других людей (а иногда, как следует из комментариев А. Вежбицкой, и в глазах самого субъекта) такая деятельность является достаточно неблагоприятной.

Существенно при этом именно то, что идея «неблаговидности» относится к и н т е р п р е т а ц и и речевого действия «со стороны».. Компонент типа 'Я допускаю, что я поступаю плохо', вообще говоря, может быть необходимым элементом толкования некоторых выражений, описывающих собственный РА (в частности, оценочный). Таков, например, русский глагол *грешить* (на) в 1-м лице единственного числа. Второе значение этого глагола толкуется в СЯП как «без основания дурно думать о ком-нибудь, возводить напраслину на кого-нибудь». Для употреблений в форме 1-го лица единственного числа, вероятно, более точно было бы: 'без достаточных оснований думать... сознавая, что это плохо', или, в духе Вежбицкой: *Я грешу на X-а* = 'Я не знаю, кто совершил плохой поступок, о котором идет речь; я думаю, я могу сказать: это сделал — X; я сознаю, что я поступаю плохо'. Понятно, что высказывания типа *Я грешу на Ваню* должны описываться принципиально иначе, чем высказывания, содержащие глаголы типа *донести на...*, *выдать* или *настучать* (в толковании СОШ: 'сделать донос'), которые, вообще говоря, могут описывать ровно ту же речевую деятельность (только извне), какую описывают (изнутри) глаголы типа *изобличить*, *разоблачить*, *сигнализировать*, *дать материал на...*, *сообщить куда следует* и т. п. (сами же оригинальные РА могли бы использовать перформативы типа *Довожу до Вашего сведения...*; *Считаю своим долгом информировать Вас...* и т. п.)²¹⁹.

Ограничения возможности выбора внутренней перспективы при толковании РА, в частности, и возможности перформативного упот-

²¹⁹ Небезынтересны слова, которые находит лояльная дочь Русанова (персонажа повести А. Солженицына «Раковый корпус»), чтобы утешить его в связи с опасением, что начавшийся «чуть ли не массовый пересмотр судебных дел» может привести к ответственности «за... ну, неправильные показания» (эвфемизм вместо «ложные показания»): «*Да вообще как можно ворошить этот ад, не подумав о людях, кто тогда работал... И тебя здесь ничто не должно смутить!.. Вот хочешь, я скажу тебе, как понимаю: тот, кто идет и сигнализирует — это передовой, сознательный человек! Он движим лучшими чувствами к своему обществу, и народ это ценит и понимает. В отдельных случаях такой человек может и ошибиться. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Обычно же он руководствуется своим классовым чутьем — а оно никогда не подведет*». Здесь релевантны следующие соображения А. Вежбицкой: «Нередко трудно разграничить моральные суждения, широко принятые в данном обществе, но (еще) не нашедшие отражения в языке, и те суждения, которые уже вошли в значения слов; требуются дальнейшие исследования, чтобы были выработаны подходящие критерии для решения соответствующих проблем» [Wierzbicka 1987a: 385].

ребления глаголов связаны не только с пейоративным характером соответствующих предикатов. Употребление выражения *свалить (вину) на...*, уместное при описании чужого поступка (*Володя разбил в гостях чашку, а свалил это на другого мальчика*), в перформативном употреблении (**Я сваливаю вину за это на...*) — пример иллокутивного самоубийства. Но точно таким же иллокутивным самоубийством было бы, скажем, перформативное употребление выражения *выгораживать (кого-либо), беря вину на себя*, относящегося, так сказать, к благородным поступкам.

В различных описаниях РА удельный вес интерпретации может быть различным. Описывая некоторое высказывание как *похвалу*, мы в меньшей степени вводим в описание собственную интерпретацию, чем когда мы описываем это же высказывание как, скажем, *расхваливание*. Именно наличие сильного интерпретативного компонента препятствует перформативному употреблению многих глагольных выражений. При этом неспособными к перформативному употреблению оказываются не только подрывающие иллокутивную цель РА «самоубийственные» выражения, описанные З. Вендлером [1985], но и те выражения, интерпретативный компонент которых, казалось бы, только подкрепляет иллокутивные намерения. Нельзя сказать не только **I insinuate*; **I allege that...*; **Я ошибочно утверждаю, что...*; **Я неискренне извиняюсь*, но и **Справедливо замечу, что...* Поэтому аномальным является предложение, по иронии судьбы встретившееся в сборнике переводов, посвященном как раз теории речевых актов: *По поводу этого высказывания мы склонны прежде всего, и притом справедливо, заметить, что...*

Менее всего интерпретативный компонент проявляется в тех случаях, когда говорящий, описывая РА другого лица, избирает стратегию «беспристрастного репортажа», своего рода репортажа *de dicto*, стремясь буквально передать все, «как было сказано». Собственную интерпретацию он вводит в описание в той мере, в какой избирает стратегию репортажа *de re*, претендуя на раскрытие того, что субъект РА имел в виду «на самом деле». Можно сказать, что сами названия *de dicto* и *de re* оказываются как бы вводными в заблуждение: выбирая стратегию *de dicto*, говорящий стремится передать то, что в действительности сказано другим лицом; при стратегии *de re* он передает свое видение чужого РА.

2. DE RE И DE DICTO ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ОЦЕНКИ

Особенно существенно отличать «беспристрастный репортаж» *de dicto* от пристрастной интерпретации *de re* в тех случаях, когда в описании РА содержится оценка. Чтобы правильно понять такое описание, необходимо установить, кому принадлежит оценка: говорящему-интерпретатору или субъекту РА. Далее мы рассмотрим ряд русских

предикатов, используемых для описания РА и дающих оценку других лиц или их действий.

Одна из наиболее интересных для нашей темы групп — глаголы *обвинять*, *осуждать*, *винить*, *упрекать*, *попрекать*. Эти глаголы получают в словарях, по существу, тождественное толкование. Однако, несмотря на их несомненную близость, это явно не синонимы.

Начнем с наиболее ясного (во всяком случае, на первый взгляд) различия между предикатами *обвинить/обвинять* и *осудить/осуждать*. И тот и другой предикат связан с идеей ответственности лица за некоторый предосудительный поступок (поведение, свойство). Но иллокутивные цели соответствующих РА различны. В случае *обвинения* в намерения говорящего входит сообщение о том, что некто совершил некий поступок, а предосудительность этого поступка подается как нечто само собой разумеющееся. В случае *осуждения* данным, известным полагается определенное деяние, а сообщается о том (входит в утверждение то), что деяние является, с точки зрения иллокутивного агента, предосудительным. Иными словами, различие между *обвинить/обвинять* и *осудить/осуждать* состоит, в частности, в различном распределении ассерции и пресуппозиции (ср. проведенный Ч. Филмором анализ глаголов *accuse* и *criticize* [Fillmore 1971]). С этим связан ряд более или менее специфичных для данной пары глаголов особенностей. К тривиальным следствиям названного различия относится их различное поведение в отрицательных и вопросительных предложениях, ср.: *Я не обвинял Ивана во лжи* (предосудительность лжи не отрицается; отрицается лишь тот факт, что говорящий делал соответствующее утверждение) и *Я не осуждаю Ивана за ложь* (тот факт, что Иван солгал, не отрицается, а говорящий отрицает, что считает это предосудительным, скажем, исходя из того, что это была ложь во спасение).

С обсуждаемыми особенностями коммуникативной структуры глаголов *осуждать* и *обвинять* связано и представление об определенных моральных полномочиях осуждающего. Действительно, *обвиняющий* берет на себя ответственность за сведения, касающиеся фактического положения дел (а знать факты имеет право каждый); что же касается не входящей в ассерцию оценки, то здесь субъект лишь исходит из общепринятых представлений. Напротив, *осуждающий*, исходя из некоторого всем известного положения дел, берет на себя смелость выносить вердикт о его предосудительности. Именно этим можно объяснить различную интерпретацию модальных глаголов в сочетании с *обвинить/обвинять* и с *осудить/осуждать*: *Ты не можешь обвинить меня в трусости* — объективная, алетическая модальность; *Ты не можешь осуждать его за трусость* — деонтическая модальность (= 'не имеешь права'). Ср. также большую естественность *Мы не должны осуждать его за этот поступок* по сравнению с *Мы не должны обвинять его в трусости* (здесь уместнее: *Его нельзя обвинить в трусости*).

Более внимательное рассмотрение предиката *обвинить/обвинять* позволяет выделить два типа его употребления: *обвинить Y-a в Z-e* может означать утверждение, что Y совершил действие Z (считается заранее известным, что Z плохо), или утверждение, что действие V (про которое заранее известно, что Y совершил V) явилось проявлением свойства Z (считается, что Z плохо). В первом случае обвинение чисто фактическое и верифицируемое, во втором — касается трактовки субъектом некоторой заданной ситуации. Назовем первый тип употребления *обвинить₁*, а второй — *обвинить₂*. Иногда сочетания с предикатом *обвинить* понимаются однозначно (ср.: *Обвинил Ивана в том, что он взял книгу и не отдает*, — понимание *обвинить₁*); иногда оказываются двусмысленными (*Обвинил Ивана в трусости* — то ли приписал Ивану поступок, который всеми обычно расценивается как трусливый, то ли поступок, заведомо совершенный Иваном, охарактеризовал как проявление трусости). *Обвинения₁* могут быть *ложными и бездоказательными*, *обвинения₂* — *незаслуженными или несправедливыми*.

Характерно также различие интерпретации сочетаний глаголов *обвинять* и *осуждать* с наречиями *напрасно* и *зря*: если *напрасно обвинять₁* значит 'возводить напраслину' (ср.: *Ты напрасно обвиняешь его в том, что он замешан в этом деле, он тут совершенно ни при чем, это доказано; Ты напрасно обвиняешь ее в плагиате: когда вышла эта статья, ее книга уже была в издательстве*), то в сочетаниях *напрасно* с *осуждать* (как и с *обвинять₂*) наречие означает что-то вроде 'ты не прав, ты не знаешь всех обстоятельств дела' или просто 'Я считаю иначе' (при этом пресуппозиция фактивности осуждаемого поступка сохраняется).

Когда соответствующий РА описывается «со стороны», при описании *de dicto* указанные пресуппозиции принадлежат субъекту РА и могут не разделяться говорящим (т. е. они не являются пресуппозициями в собственном смысле слова). Ср. у Л. Карсавина: *Всякую метафизику обвиняют в «оптимизме», в том, что она недооценивает «трагизма» жизни. — Наивные обвинения и смешные слова: «оптимизм», «пессимизм»! Нет, лучше, достойнее — «быть пессимистом» в самой жизни, в метафизике же — «быть оптимистом». К тому же здесь и нельзя им не быть*. В соответствии с описанной выше семантической структурой глагола *осуждать* отрицательная оценка «оптимизма» должна являться пресуппозицией. Но эта оценка принадлежит лишь неопределенно-личному субъекту РА, обозначенного здесь глаголом *обвиняют* (т. е. «обвинителям»). Из текста ясно, что Карсавин не разделяет отрицательной оценки оптимизма в метафизике, и тем самым ее нельзя считать подлинной пресуппозицией.

Напротив, при интерпретации *de se* говорящий «навязывает» пресуппозицию, которую, возможно, никак не разделял субъект РА. Ср.

при отрицании: [Депутаты] не осуждают ни нарушения законов и прав граждан со стороны съезда и Верховного Совета, ни наглые провокации национал-коммунистов, ни хамство собственных лидеров (газета «Известия»). В соответствии с описанной выше семантической структурой глагола *осуждать* данное предложение должно было бы означать, что, не подвергая сомнению пресуппозицию, т. е. то, что имеют место «нарушения законов и прав», «наглые провокации», «хамство», депутаты отказываются признать, что это плохо. Сами депутаты, скорее всего, не согласились бы с такой трактовкой. Естественно ожидать, что они отрицательно относятся к нарушению законов и хамству, но не согласны с тем, что все это имеет место в действительности. Пресуппозиция принадлежит здесь интерпретатору (автору газетного текста), а не субъекту описываемого РА (депутатам).

Тем не менее, как уже говорилось, характеристика РА как *осуждения* в большей степени связана с представлением о моральных полномочиях субъекта, чем интерпретация его как *обвинения*. Ведь *обвиняющий* квалифицирует конкретный поступок в соответствии с принятой шкалой оценок, тогда как *осуждающий*, вынося вердикт о предосудительности поступка, претендует на установление самой шкалы оценок (ср. [Аругюнова 1988]).

Перейдем к глаголу *винить*, который в словарях обычно подается как абсолютный синоним глагола *обвинять* — иногда эксплицитно [Мельчук, Жолковский 1984], а иногда это можно установить, проанализировав словарные дефиниции (ср. СОШ). *Винить* и *обвинять* действительно довольно близки, но в большинстве контекстов не взаимозаменяемы. Так, можно *обвинять в убийстве*, но нельзя *обвинять в самоубийстве*. Напротив, можно *винить X-а в самоубийстве Y-а* (например, Агранова или НКВД в самоубийстве Маяковского), но *винить в убийстве* (^c*X винит Y-а в убийстве Z-а*) звучит несколько странно. Естественно *обвинять кого-то в поджоге* (например, коммунистов в поджоге рейхстага), но *винить кого-то или что-то* (например, небрежность сторожа) *в пожаре* (а не наоборот) и т. д.

Содержанием *обвинения* (как и *осуждения*) может быть только действие или поведение, за которое обвиняемое (или осуждаемое) лицо может нести ответственность. Употребление глагола *винить* таких ограничений не знает (с этим связано и то, что *винить* в чем-то можно не только лицо, но и обстоятельство).

Обвиняя кого-либо в неблагоприятных действиях, мы утверждаем, что этот человек совершил рассматриваемые действия. *Винить* же в тех или иных неблагоприятных обстоятельствах можно любого человека, которого мы считаем лишь косвенным виновником этих обстоятельств. *Обвиняют* в чем-то *предосудительном*, *винят* в чем-то *неблагоприятном*. Поэтому можно *обвинять во всех грехах*, но *винить во всех несчастьях*.

Отрицательная оценка ситуации, в которой кого-то или что-то *винят*, является пресуппозицией высказываний, содержащих этот глагол, что объединяет его с глаголом *обвинять*. Но в отличие от последнего *винить* предполагает и наличие самой этой ситуации, что роднит его с глаголом *осуждать*. Иными словами, если *обвинить X-а в Z-е* — значит приписать X-у поступок или свойство, причем это может быть проверено и оспорено (Z вообще может не иметь места), то *винить X-а в P* — значит найти причину (виновника) заведомо имеющей место ситуации P.

Данный смысл может выражаться в русском языке перифрастически: *возложить/возлагать вину за P на X-а*. Это выражение отличается от *винить* характером коммуникативной ситуации, в которой могут быть произведены РА, способные описываться соответствующими дескриптивными глаголами. *Возложить/возлагать вину на...* способно употребляться перформативно и является официальной формулой для совершения акта возложения вины. Близки к перформативному употреблению и такие формулы, как *Вина за эти события ложится на...* и под. Если субъект РА употребил такое (или подобное) выражение в своем высказывании, то при его описании естественно использовать прямую (неинтерпретирующую, таксономическую) номинацию соответствующего акта.

Наряду с рассмотренным значением глагола *винить* (назовем его *винить₁*) можно выделить специальный тип употребления (в дальнейшем — *винить₂*). Соотношение между ними соответствует соотношению между только что упомянутым выражением *возложить вину за P на Y-а* (отвечающим на вопрос, кто является виновником рассматриваемой ситуации P) и другим аналитическим выражением — *поставить Y-у P в вину* (отвечающим на вопрос, как расценивать действия лица, причастность которого к данной ситуации P уже не обсуждается).

Винить₂, соответствующее последнему выражению, всегда занимает позицию синтаксической ударности и описывает оценочное суждение «изнутри». Поэтому он часто употребляется в форме 1-го лица (но не перформативно). Объект *винить₂* — всегда лицо; типичная ситуация употребления: когда X имеет основание *винить₁* Y-а в нежелательной (более того, чаще всего причинившей X-у горе) ситуации P, он может великодушно найти оправдывающие Y-а обстоятельства, и это описывается словами *X не винит₂ Y-а* (поэтому *винить₂* обычно употребляется с отрицанием). Характерные примеры: *...А нынче — Боже! — стынет кровь, Как только вспомню взгляд холодный И эту проповедь... Но вас Я не виню: в тот страшный час Вы поступили благородно...* (А. Пушкин); *Я думала, что все вы только послушны дракону... А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники. Я не виню вас, вы сами этого не замечаете* (Е. Шварц).

Сопоставляя акты, обозначаемые соответственно как *осудить/осуждать*, *обвинить/обвинять_{1,2}* и *винить*, можно видеть, что *обвиняют*

людей, *осуждают* поступки, *винят* обстоятельства. Иными словами, как уже говорилось, *обвинить*₁ *Y-a в Z-e* — значит просто утверждать «Y сделал Z» (известно, что Z дурно); *обвинять*₂ *Y-a в Z-e* — значит утверждать, что Y обладает (заведомо дурным) свойством Z (которое и явилось причиной поступка V); но *осудить Y-a за Z* или, что то же, *осудить Z* (где Z — поступок или свойство Y-a) — значит сказать «Z плохо»; а *винить Y-a в P* или, более эксплицитно, *винить Z* (где Z — свойство Y-a) в P — значит сказать: «Причиной (неблагоприятной ситуации) P явилось Z». Таким образом, если *обвинять*₂ — значит на основе предположений о каузальных связях приписывать «обвиняемому» некоторую дурную характеристику, то *винить*₁ — значит на основе знаний о ситуации устанавливать каузальные связи.

Отметим также, что *обвинить/обвинять* всегда описывает именно РА, тогда как *осуждать* и *винить*, так же как и *грешить на...*, могут описывать внутреннее состояние субъекта, которое он не воплощал в слова²²⁰. Это, конечно, не случайно. *Осуждая* или *виня*, мы формируем суждение, *греша на кого-то* — делаем предположение. Соответствующее суждение или предположение можно и не высказывать, держать при себе. *Обвиняя* кого-либо, мы сообщаем другим то, в чем сами и так убеждены (или делаем вид, что убеждены); иными словами, речь идет о передаче информации, которой мы уже располагаем, и вне РА (акта передачи информации) *обвинение* вообще не может иметь места.

Предикаты, связанные с *упреками* и *попреками*, также всегда предполагают внешнюю выраженность соответствующих пропозициональных установок (причем — в случае *упреков* — необязательно с помощью сегментных вербальных средств) и в отличие от глаголов *винить*, *осуждать* и др. никогда не описывают неэкстериоризованное внутреннее состояние субъекта. Эти предикаты практически никогда не употребляются в 1 л. настоящего времени без отрицания²²¹. Это связано с наличием сильного интерпретативного компонента в их семантике²²².

Упрекнуть/упрекать имеет в современном языке две основные модели управления: *кого-либо за что-либо* и *в чем-либо*. В первом слу-

²²⁰ Мы отвлекаемся от особого употребления *обвинять*, когда этот глагол используется для самообвинений: *Он обвинял себя во многом: В первых, он уже был не прав, Что над любовью робкой, нежной Так подшутил ввечор небрежно* (А. Пушкин).

²²¹ Исключением, как и в случае самообвинений, являются «самоупреки», ср.: *...Право, всякий день упрекал я себя в неизвинительной лени, всякий день собирался к вам писать и все не собрался* (А. Пушкин) — пример бы остался грамматически правильным и при использовании формы настоящего времени.

²²² Здесь кратко указываются основные черты языкового представления о речевых действиях *упрек* и *попрек*. Более подробный анализ соответствующих языковых единиц содержится в следующей главе.

чае предикат сближается с *осудить/осуждать*, во втором — с *обвинить/обвинять*. Но полной синонимии нет ни в том, ни в другом случае.

Упрекая за что-то, субъект основывается на presupпозиции, что соответствующая ситуация имеет место, как и в тех случаях, когда он *осуждает*; но в отличие от *осуждения* он не утверждает, что это плохо, а скорее напоминает это или косвенным образом указывает на это. Аналогично, *упрекая в чем-то*, субъект исходит из presupпозиции, что это плохо (как и в случае *обвинения*), но то, что соответствующая ситуация имеет место, является не ассерцией, а содержанием напоминания или косвенного указания. Именно эта «косвенность» «квазиассертивного компонента» отличает *упрекать* от *обвинять* или *осуждать*. *Упреки* часто могут выражаться тоном, взглядом, мимикой или даже молчанием. *Упрекнуть* — не столько *высказать упрек*, сколько *сказать нечто с упреком*. Директор не может **упрекнуть подчиненного в нарушении трудовой дисциплины*, точнее — прямое замечание директора не может быть описано как *упрек*. Типичная ситуация, когда высказываются *упреки*, — семейные сцены, выяснения отношений между близкими людьми; чаще всего они высказываются непосредственно тому, кого *упрекают*, и имеют целью побудить адресата задуматься о своем поведении, пробудить угрызения совести. Непосредственная направленность на адресата — характерологическая, но необязательная черта *упреков* (в отличие от *попреков*), ср.: *Его капризы, раздражительность, вечные упреки по адресу «общества потребления» иной раз смешат, а иной — сердят* (Н. Ильина).

Однако элемент косвенности присутствует всегда, и именно он является подрывающим фактором, препятствующим перформативному употреблению глагола *упрекать*. Напротив, с отрицанием этот глагол естественным образом употребляется в 1 л. настоящего времени: *Я не упрекаю вас, но...*

Попреки обычно трактуются в словарях как разновидность *упреков*, ср.: «*Попрек* — незаслуженное, необоснованное обвинение, высказанное обычно в резкой, придирчивой форме, *попрекать* указывает преимущ. на придирчивость, необоснованность упреков, обычно высказываемых неоднократно» (ССРЯ под ред. А. П. Евгеньевой). Разумеется, далеко не всякое необоснованное обвинение, в сколь бы резкой форме оно ни было высказано, далеко не всякий придирчивый упрек можно назвать *попреком*. Если говорить об иллокутивной цели, которую субъект хочет представить как мотив совершения данного РА, то он ближе всего к упреку в неблагодарности. Как и в случае *упреков*, *попрекающий* не утверждает ничего нового (в отличие от *обвинения*), он лишь напоминает о благодеяниях, которые оказывал или оказывает адресату речи, о проявленной некогда снисходительности, недостаточно оцениваемой адресатом: *Я тебя в люди вывел, а ты...* Однако если

«упрекаемый» может в дальнейшем «исправиться», то «попрекаемый» лишен этой возможности, поскольку ситуация, которой *попрекают* адресата, никак им не контролируется; чаще всего она относится к тем аспектам прошлого, которые навсегда остаются в досье «попрекаемого», ср.: *Вернись, а ты опять попрекать начнешь: «мы тебя приютили, мы тебя накормили, мы тебя напоили»* (С. Михалков); *Новая родня ей колет глаз попреком, что она мещанкой родилась* (И. Крылов). Подлинная цель *попрека* — «поставить адресата на место», напомнить о его зависимом от субъекта РА положении, вызвать у него обиду или досаду, причем не для того, чтобы он исправился в будущем, а чтобы «чувствовал». *Попрекать* кого-либо, по общепринятому мнению, дурно, и поэтому говорящий не употребляет этот глагол не только в 1 л. настоящего времени (это, как и для *упрекать*, объясняется косвенностью «квазиассертивного компонента»), но и при описании уже имевших место РА: *Сын начал курить, и я сочла необходимым попрекнуть его тем, что он еще не зарабатывает денег*. Впрочем, для описания РА, совершенного прошлой «инстанцией» говорящего, который в момент совершения актуального РА раскаивается в прошлом РА и оценивает его как бы «со стороны», употребление глагола *попрекать* возможно: *Бывало, вернусь ночью домой из клуба пьяный, злой и давай твою покойную мать попрекать за расходы* (А. Чехов).

Обычно *попрекают* того, кто уже и так находится в униженном или зависимом положении, *попреки* делаются как бы «сверху вниз». Таким образом, семантика *попрека* вызывает представление об иерархическом статусе коммуникантов.

Статусные отношения в смысле работы [Крысин 1989] существенны и для предикатов *ругать* и *хвалять*, и для их производных. В случае, когда соответствующие речевые акты адресуются объекту оценки, они не могут осуществляться «снизу вверх». Как отмечала Е. М. Вольф [1985: 172], мать может сказать о ребенке (или начальник о подчиненном) *Он меня похвалил* разве что в шутку (наоборот, *льстить* не употребляется «сверху вниз»). Такие РА обычно преследуют цель воздействовать на адресата, поощрить его или доставить ему удовольствие (когда *хвалят*) или «воспитать» его, содействовать исправлению им своих недостатков. Неодушевленный объект при предикатах *хвалять* и *ругать* в таком понимании возможен лишь в том случае, когда этот объект создан в результате усилий адресата речи: *похвалить статью* (комплимент автору), *похвалить пирог* (комплимент хозяйке), но и в этом случае ограничения на иерархический статус коммуникантов остаются в силе. Сходные ограничения имеют место, когда речь идет о том, что кого-то *хвалят* (или *ругают*) в печати. В следующем примере из С. Довлатова комический эффект возникает именно из-за несоблюдения «статусных» ограничений РА, обозначаемого глаголом *похвалить*: *В заметке Лемкуса говорилось: «Как замечательно выразился*

Иисус Христос...» Далее следовала цитата из Нагорной проповеди. Так Лемкус похвалил способного автора.

Другой тип употребления предикатов *хвалить* и *ругать* и их производных относится к заочным отзывам ('хорошо/плохо отзываться о ком/чем-либо'). В этом случае нет ни ограничений на иерархический статус, ни требования одушевленности объекта. Можно *хвалить/ругать нового начальника, закон о налогах, климат в Бразилии* и т. п. Разумеется, соответствующие РА не могут преследовать «воспитательной» или «порицательной» цели, их иллокутивная цель — просто сообщение оценочной информации адресату речи (ср. [Иомдин 1991]). Ср.: *Напрасно я расхваливал его статью — настроение у него так и не улучшилось* (адресат речи — автор статьи) и *Напрасно я расхваливал его статью — перечитав, я обнаружил в ней много неточностей* (речь может идти и о заочном отзыве), где различное понимание слова *напрасно* соответствует двум типам «расхваливания».

Описания оценочных РА во многом сходны с описанием мысленных оценок; часто один и тот же предикат может использоваться как в той, так и в другой функции. Но описание внутренних состояний не может вестись иначе как «изнутри», и, даже передавая их в 3-м лице, говорящий как бы становится на точку зрения субъекта состояния. В то же время, описывая тот или иной РА, говорящий может избрать одну из двух стратегий:

- 1) беспристрастно описать то, что было сказано или выражено в РА, максимально адекватно передать оценки субъекта РА, выбранные им номинации, непосредственно выраженную иллокутивную цель и т. д. (стратегия *de dicto*);
- 2) внести в описание собственную интерпретацию РА: добавить свои оценки, использовать свои номинации, обозначить непосредственно не выраженную в РА, но предполагаемую цель субъекта и т. д. (стратегия *de re*). При стратегии *de dicto* мы описываем РА как бы «изнутри», при стратегии *de re* — с искажающим влиянием интерпретации.

Проведенные разграничения частично коррелируют с классификацией предикатов, обозначающих оценочные акты. Часть из них приспособлена для обозначения мысленной оценки (*винить, грешить на...*); часть описывает РА *de dicto*, но способна выражать и мысленную оценку (*осуждать*); часть — всегда относится к РА, описываемым *de re* (*упрекать, попрекать, поливать грязью, лстыть*).

Представляется, что предикаты, предназначенные для обозначения мысленных оценок и описания РА *de dicto*, целесообразно толковать в 1-м лице.

Действительно, никто не может описать РА *de dicto* лучше, нежели сам субъект РА (в еще большей мере это относится к мысленным оцен-

кам). Репортажи «со стороны» адекватны лишь в меру проникновения репортера в речевые намерения субъекта. В этом отношении аргументы в пользу толкования предикатов речи «от 1-го лица» [Wierzbicka 1987a] вполне убедительны. Но предикаты, описывающие РА *de se*, должны, по-видимому, толковаться от лица интерпретатора — ведь они описывают РА так, как он может видеться другим. Трудности, с которыми сталкивается А. Вежбицкая, пытаясь сохранить для глаголов *say* и *inform on* унифицированную форму толкования «от 1-го лица», чрезвычайно показательны. Для семантики таких предикатов ключевую роль играет различие позиции субъекта РА и говорящего, осуществляющего описание этого РА.

ГЛАВА 4

ОЦЕНКА ПРИ ВТОРИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

1. УПРЕК: ДВА ВИДА ОЦЕНКИ ПРИ ВТОРИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.*

Б. Пастернак

Языковые средства, используемые при так называемой «вторичной коммуникации» [Винокур 1993: 99], с некоторых пор привлекают специальное внимание исследователей (см., в частности [Китайгородская 1993]). Но, наряду с «ксенопоказателями», непосредственно маркирующими чужую речь (особое синтаксическое оформление чужой речи, частицы, модальные слова, вставные синтагмы, особые способы номинации, наклонение, интонация и т. п.), интерес представляют глаголы, исключительно или преимущественно указывающие на речевые акты, произведенные другим лицом.

Среди речевых актов, имеющих в русском языке специальное обозначение, особое место занимают глаголы *упрекнуть/упрекать* и *попрекнуть/попрекать* (а также их производные *упрек* и *попрек*). На основе данных словарей русского языка можно было бы сделать вывод, что эти слова представляют собою близкие синонимы: они получают сходные толкования в толковых словарях (например, в МАС: *попрек* 'упрек, укор', *попрекать* 'делать упреки, попреки, ставить что-либо в укор кому-либо; упрекать'), почти тождественные переводы в двуязычных словарях, включаются в словари синонимов. Но такое впечатление обманчиво. *Упреки* и *попреки* действительно имеют общие свойства, но в целом сущность соответствующих РА полностью различна.

Среди общих свойств *упреков* и *попреков*, по-видимому, и создающих общее впечатление семантической близости, прежде всего следует отметить их исключительную предназначенность для целей

* Впервые опубликовано: Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокура. М.: Наука, 1996.

вторичной коммуникации. Соответствующие глаголы не могут употребляться перформативно, их использование в форме первого лица называется «иллокутивно самоубийственным» (в смысле [Вендлер 1985]). В то же время источники такого запрета различны для *упреков* и *попреков*, хотя в обоих случаях они связаны с местом оценочного компонента в семантической структуре соответствующего глагола.

Обратимся к анализу языковых обозначений рассматриваемых РА²²³.

Упрекнуть/упрекать имеет в современном языке две основные модели управления: *кого-либо за что-либо* и *в чем-либо*. Иными словами, рассматриваемый предикат может иметь модель управления, сходную с предикатом *осудить/осуждать* или с предикатом *обвинить/обвинять*. Это дает повод вкратце коснуться особенностей семантики указанных предикатов.

Семантические различия между предикатами *обвинить/обвинять* и *осудить/осуждать* подробно рассматривались в [Булыгина, Шмелев 1994] (см. главу V.3). Следуя подходу, предложенному Ч. Филлмором [Fillmore 1971] при анализе английских глаголов *accuse* и *criticize*, мы описали эти различия следующим образом. И тот и другой предикат связан с идеей ответственности лица за некоторый предосудительный поступок (поведение, свойство). Но иллокутивные цели соответствующих РА различны. В случае *обвинения* в намерения говорящего входит сообщение о том, что некто совершил некий поступок, а предосудительность этого поступка подается как нечто само собой разумеющееся. В случае *осуждения* данным, известным полагается определенное деяние, а асерция состоит в том, что деяние является, с точки зрения субъекта иллокуции, предосудительным. Иными словами, различие между *обвинить/обвинять* и *осудить/осуждать* состоит, в частности, в различном распределении асерции и пресуппозиции. С этим связан ряд более или менее специфичных для данной пары глаголов особенностей. Так, к тривиальным следствиям названного различия относится их различное поведение в отрицательных и вопросительных предложениях, ср.: *Я не обвинял Ивана во лжи* (предосудительность лжи не отрицается; отрицается лишь тот факт, что говорящий делал соответствующее утверждение) и *Я не осуждаю Ивана за ложь* (тот факт, что Иван солгал, не отрицается, а говорящий отрицает, что считает это предосудительным, скажем, исходя из того, что это была ложь во спасение).

В какой-то степени предикат *упрекнуть/упрекать* может сближаться с *обвинением* и *осуждением* в зависимости от модели управления: ср. различную интерпретацию выражений *его не упрекнешь в*

²²³ Мы используем некоторые результаты анализа глаголов *упрекнуть/упрекать* и *попрекнуть/попрекать*, приведенного в работе [Булыгина, Шмелев 1994] (см. главу V.3). Независимо от нас (и раньше) ряд замечаний, касающихся семантики глагола *упрекать*, сделала М. Я. Гловинская [1993: 198].

трусости (он ничего не боится) и его не упрекнешь за трусость (в такой ситуации всякий бы испугался). Но в целом описание, сводящееся к особенностям распределения пресуппозиции и ассерции, не удастся применить к указанным двум разновидностям предиката *упрекнуть/упрекать*. Упрекая за что-то, субъект основывается на пресуппозиции, что соответствующая ситуация имеет место, как и в тех случаях, когда он *осуждает*; но в отличие от *осуждения* он не утверждает, что это плохо, а скорее напоминает об этом или косвенным образом указывает на это. Аналогично, *упрекая* в чем-то, субъект исходит из пресуппозиции, что это плохо (как и в случае *обвинения*), но то, что соответствующая ситуация имеет место, является не ассерцией, а содержанием напоминания или косвенного указания. Именно эта «косвенность» «квазиассертивного компонента» отличает *упрекать* от *обвинять* или *осуждать*. Упреки часто могут выражаться тоном (ср. *сказать с упреком*), взглядом (ср. *посмотреть с упреком*), мимикой или даже молчанием (ср. эпиграф к данному разделу). *Упрекнуть* значит не столько ‘высказать упрек’, сколько ‘сказать нечто с упреком’. Директор не может **упрекнуть подчиненного в нарушении трудовой дисциплины*, точнее — прямое замечание директора не может быть описано как *упрек*. Типичная ситуация, когда высказываются *упреки*, — выяснение отношений между близкими людьми, чаще всего они высказываются непосредственно тому, кого *упрекают*, и имеют целью побудить адресата задуматься о своем поведении, пробудить угрызения совести. Непосредственная направленность на адресата — характерологическая, но не обязательная черта *упреков*, ср.: *Его капризы, раздражительность, вечные упреки по адресу «общества потребления» иной раз смешат, а иной — сердят* (Н. Ильина).

Однако элемент «косвенности» присутствует всегда, и именно он является подрывающим фактором, препятствующим перформативному употреблению глагола *упрекать*. Мы не можем прямо сказать *Я упрекаю...*, потому что содержащаяся в семантике глагола косвенность противоречит прямому утверждению. В результате мы и получаем иллокутивное самоубийство. Напротив, с отрицанием этот глагол может употребляться в 1 л. наст. вр.: *Я не упрекаю Вас, но...*²²⁴.

Важная черта *упрека* (определенным образом связанная с его косвенностью) — нежелание говорящего придавать поводу для упрека слишком большое значение. То, в чем или за что *упрекает* говорящий, существует как бы на фоне его общего хорошего отношения к упрекаемому²²⁵. Можно *упрекнуть* диссертанта за отсутствие списка проанализированных слов, но нельзя **упрекнуть в плагиате* (или за

²²⁴ Посредством такой формулы обычно высказывается именно упрек. Тем самым приведенное высказывание может рассматриваться как пример самофальсификации в смысле [Шмелев 1990] (см. главу VI.2).

²²⁵ В частности, можно *упрекать* самого себя.

плагиат). Упреки по адресу «общества потребления» никак не противоречат тому, что упрекающий продолжает жить в этом обществе и пользоваться всеми его благами. Со стороны постороннего мы скорее услышали бы и н в е к т и в ы или обличения.

Именно с этим связана часто имеющая место некоторая «интимность», «семейность» упреков. М. Я. Гловинская даже включает в толкование глагола *упрекать* компонент, указывающий на включенность упрекаемого в личную сферу говорящего [1993: 198]. По-видимому, указанный компонент все же не обязательно присутствует во всех случаях *упреков* — поэтому и возможны *упреки по адресу диссертанта* или *общества потребления*. М. Я. Гловинская отмечает, что нельзя *упрекать* незнакомого человека за то, что он наступил тебе на ногу в троллейбусе. Это, несомненно, справедливое замечание, однако мы едва ли станем *упрекать* за это и члена семьи. Обычно *упрекают* в таких вещах, как холодность, недостаточная внимательность, — а такие упреки естественно обращать именно близким людям. *Упрекать* можно и в чем-то серьезном (тогда имеют место *горькие упреки*), но *упрек* уместен только в контексте общего хорошего отношения говорящего к упрекаемому.

Основная цель упрека — указать, что упрекаемый обманул наши ожидания (ср. один из шести компонентов, выделяемых М. Я. Гловинской в толковании глагола *упрекать*: ‘X мог ожидать другого Р от Y-а’ [1993: 198]). Сам повод для упрека, как отмечалось выше, предполагается известным упрекаемому. *Упрекая*, мы не сообщаем упрекаемому новой информации. Не случайно вербальное выражение упреков часто включает частицу *же*: типичные формулы упреков — *Что же ты не пришел (не сделал, не сказал и т. д.)?* [Гловинская 1993] или даже просто *Что же ты?* (поскольку повод для упрека предполагается известным, нет необходимости в его вербальной экспликации). По этой же причине упрек может быть выражен невербально, поскольку нет необходимости эксплицитно указывать на повод для упрека.

Мы видим, что семантика *упрека* парадоксальна. Особенности данного РА в значительной степени связаны с внутренними установками говорящего. Лишь сам упрекающий может знать, что именно он хотел сказать своим молчанием, изменилось ли его хорошее отношение к упрекаемому и т. д. Иными словами, уверенно судить, имеем ли мы дело с *упреком*, может лишь упрекающий. С другой стороны, описать РА как *упрек* можно лишь «извне» в силу его косвенности. Мы и н т е р п р е т и р у е м РА как *упрек* на основе наших предположений о внутреннем состоянии упрекающего, и этот элемент интерпретации оказывается решающим для семантики *упрека*. Иными словами, *упрек* и *упрекнуть/упрекать* — это не собственное имя РА, а одна из возможных интерпретаций.

Таким образом, в *упреках* мы сталкиваемся с двумя видами оценки²²⁶. «Упрекающий» оценивает какое-либо явление как обманывающее его ожидание и дает это понять адресату речи; наблюдатель (интерпретатор) оценивает соответствующее поведение «упрекающего» как *упрек*.

2. ПОПРЕК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ

Совсем иными свойствами характеризуются выражения *попрекнуть/попрекать* и *попрек*. Семантика *попрека* вызывает представление об иерархическом статусе коммуникантов. Обычно *попрекают* того, кто уже и так находится в униженном или зависимом положении, *попреки* делаются как бы «сверху вниз». Осуществление *попрека* плохо вяжется с расположением к «попрекаемому». Сочетание *'отеческий попрек* (К. Федин) звучит странно.

Если говорить об иллокутивной цели, которую субъект хочет представить как мотив совершения данного РА, то чаще всего *попрек* близок к упреку в неблагодарности. Как и в случае *упреков*, *попрекающий* не утверждает ничего нового (в отличие от обвинения), он лишь напоминает — чаще всего о благодеяниях, которые оказывал или оказывает адресату речи, о проявленной некогда снисходительности, недостаточно оцениваемой адресатом: *Я тебя в люди вывел, а ты....* Однако если упрекаемый может в дальнейшем «исправиться», то «попрекаемый» лишен этой возможности, поскольку ситуация, которой *попрекают* адресата, никак им не контролируется; она относится к тем аспектам прошлого, которые навсегда остаются в досье «попрекаемого», ср.: *Вернись, а ты опять попрекать начнешь: «мы тебя приютили, мы тебя накормили, мы тебя напоили»* (С. Михалков); *Новая родня ей колет глаз попреком, что она мещанкой родилась* (И. Крылов). Не вполне права М. Я. Гловинская, включившая *попрекать* в список глаголов, обозначающих РА, которые «предпринимаются, так сказать для исправления Y-а» [1993: 197]. Подлинная цель *попрека* — «поставить адресата на место», напомнить о его зависимом от субъекта РА положении, вызвать у него обиду или досаду, причем не для того, чтобы он исправился в будущем, а чтобы «чувствовал». *Попрекать* кого-либо, по общепринятому мнению, дурно²²⁷, и поэтому говорящий не употребляет этот глагол в 1 лице не только в настоящем времени, но и при описании уже имевших место

²²⁶ Ср. замечание Т. Г. Винокур о двух видах адресанта при вторичной коммуникации [1993: 99].

²²⁷ Ср. приводимые В. И. Далем пословицы: *Своим хлебом-солью попрекать грешно; Лучше не давай, но не попрекай: Сделав добро, не попрекай* и т. д.

РА: аномально [?]Сын начал курить, и я сочла необходимым *попрекнуть его тем, что он еще не зарабатывает денег*. Идея попрека не вяжется с представлением о должном. Нельзя сказать: [?]Чтобы пробудить в молодом поколении чувство благодарности, мы должны постоянно попрекать его жертвами, которые принесло наше поколение. Ср. в то же время при наличии отрицания: *С этим поколением надо говорить, не попрекая его жертвами и незажившими ранами нашего поколения* (К. Симонов). «Попрекающий» не может быть объектом эмпатии. Не случайно нельзя сказать *Его не попрекнешь (ср. правильное *Его не упрекнешь*²²⁸). Лишь для описания РА, совершенно прошлой «инстанцией» говорящего, который в момент совершения актуального РА раскаивается в прошлом РА и оценивает его как бы «со стороны» (т. е. когда эмпатии нет), употребление глагола *попрекать* возможно: *Бывало, вернусь ночью домой из клуба пьяный, злой и давай твою покойную мать попрекать за расходы* (А. Чехов).

В то же время, когда наблюдатель оценивает со стороны какой-то РА как *попрек*, удельный вес интерпретации не так велик. «Самоубийственность» выражения *я попрекаю* связана не с наличием интерпретативного компонента, но с семантическим компонентом 'несправедливо'. Такие РА, как *Мы тебя кормим, а сам ты еще денег не зарабатываешь*, едва ли могут быть описаны иначе как *попреки*, и в этом смысле выражения *попрекнуть/попрекать* и *попрек* как бы представляют собою «имя собственное» соответствующего РА. В этом отношении они отчасти подобны глаголу *выгнать/выгонять*, используемому как обозначение РА. Действие, реализуемое высказыванием *Подите вон!*, едва ли можно описать иначе как *выгонять*. Для соответствующей квалификации РА достаточны и менее энергичные средства выражения. Ср. пример из В. Набокова: *«Уходи к себе» — сказал он, мельком взглянув на сына. Лужин, которого в первый раз в жизни выгоняли из комнаты, остался от удивления, как был, на коленях*. И здесь номинация РА представляется вполне адекватной и тоже, пожалуй, наиболее естественной, если не единственно возможной. В то же время невозможно перформативное **Я выгоняю вас*. Но, в отличие от *попрекнуть/попрекать*, предикат *выгнать/выгонять* обозначает не столь предосудительное действие, и потому его субъект может быть объектом эмпатии; ср.: *Скажи Кирилу Петровичу, чтобы он убирался, пока я не велел его выгнать со двора* (А. Пушкин). Последний пример замечателен некоторой парадоксальностью. Ведь сказав: *Скажи Кирилу Петровичу, чтобы он убирался*, Дубровский тем самым уже «велел его выгнать со двора», поскольку сказать *Убирайтесь!* и значит *выгнать*.

Основанием для попрека могут быть не только благодеяния, которые «попрекающий», оказывал «попрекаемому». Можно попрекать

²²⁸ О том, что субъект таких конструкций всегда находится в фокусе эмпатии, см. главу IV.2.

низким происхождением (как в приведенном выше примере из Крылова) или какими-то прошлыми прегрешениями «попрекаемого», в которых он давно раскаялся. Возможны даже попреки, связанные с тем, что другие умеют что-то делать лучше, — так, Цветаева пишет, что когда ей было пять лет, мать, огорченная недостаточной музыкальностью дочери, *постоянно попрекала [ее] трехлетним Моцартом, четырехлетней собой, а позже — Мусей Потаповой*. Примеры такого рода наводят на мысль, что и *попреки* (в разных типах употребления) связаны, как и *упреки*, с какой-то формой «обманутых ожиданий».

Но во всех случаях существенно, что с точки зрения говорящего наблюдателя *попрек* является неблагоприятным и в лучшем случае бесполезным, если не злонамеренным актом. Именно на неблагоприятность *попреков* прошлым указывает пословица *Кто старое помянет, того черт на расправу потянет*.

При этом важное свойство *попреков* состоит в том, что, как и в случае *упреков*, субъект соответствующего РА не сообщает ничего нового, а, скорее, *н а п о м и н а е т*. Близкие синонимы к *попрекать* — это *колоть глаза* (ср. примеры употребления выражения *колоть глаза* из [Мельчук, Жолковский 1984] — например, *Они колют ему глаза тем, что вывели его в люди*) или даже *ставить всякое лыко в строку*. Именно в случае *попреков* мы сталкиваемся с довольно своеобразным соотношением оценок, даваемых «двумя говорящими». С одной стороны, субъект РА («попрекающий») демонстрирует свое плохое отношение к «попрекаемому», а наблюдатель-интерпретатор, в свою очередь, отрицательно оценивает соответствующий РА. Но с другой стороны, если субъект РА поймет, что его слова могут быть описаны как *попрек*, роли коммуникантов могут перемениться, так что еще недавно униженный объект *попреков* может оказаться на высоте положения (ср. следующий диалог из повести И. Грековой: *Молод ты еще курить. Сам заработай, тогда и кури. — А, ты меня своим хлебом попрекаешь? Ладно же! Хватит! Не буду у тебя есть! — Прости меня, Вадик. Виновата. И кури, пожалуйста, только не вредничай*).

Наличие специального языкового обозначения для *попреков* в высокой степени лингвоспецифично, поэтому *попрекнуть/попрекать* и *попрек* трудно перевести на западноевропейские языки. Допустимо предположить, что это связано с тем, что представление об одиозности *попреков* чрезвычайно характерно для русской культуры поведения — не только когда *попрекают* мнимыми благодеяниями (о которых говорит пословица: *Прежде поднеси, а там и попрекай*), но и в случае, когда как бы «есть чем попрекать». Об этом свидетельствуют, в частности, и многочисленные пословицы — ср., в дополнение к приведенным выше: *Лучше не дари, да после не кори!*; *Чем корить, так лучше не кормить*; *Ложкой кормит, а стеблом глаз колет* [о попрекающем]; словом — *Кто старое помянет, тому глаз вон*.

ГЛАВА 5

ИМЕНОВАНИЕ И АВТОНИМНОСТЬ ИМЕНИ

1. УСЛОВИЯ АВТОНИМНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Еще в средневековой логике (в частности, Вильямом Оккамом) было принято различать случаи, когда языковое выражение действительно обозначает внеязыковой объект и когда оно имеет референцию к самому себе. В первом случае референция языкового выражения (в средневековой логике использовался термин «суппозиция» — *suppositio*) определяется его значением, которое понималось не как понятие, а как множество объектов, т. е. фактически как экстенционал выражения. Во втором случае референция («суппозиция») не зависит от значения (такое употребление сейчас принято называть *автономным* употреблением языкового знака). Случаи «независимого от значения» (автономного) употребления языкового выражения Оккам подразделял на случаи, когда выражение имеет в качестве референта стоящее за ним понятие (такие случаи было принято называть «простой суппозицией» — *suppositio simplex*), и случаи, когда референтом является устная или письменная форма данного выражения (такие случаи назывались «материальной суппозицией» — *suppositio materialis*). Примеры автономного употребления: *Молодость* — понятие относительное («простая суппозиция»); *Хлеб* — имя существительное («материальная суппозиция»).

Сходны с автономными имена в высказываниях, выражающих дефиницию, номинативное тождество или используемых для представления незнакомого человека: *Декарт и Картезиус — одно лицо*; *Морфея — это минимальная значимая единица языка*; *Знакомьтесь, это Коля*. Эти высказывания могут быть рефразированы как *Декарт и Картезиус — имена одного и того же лица*; *Морфеей называется минимальная значимая единица языка*; *Этого человека зовут Коля*, т. е. при помощи предложений, в которых указанные имена имеют автономный статус. Такие имена, не являющиеся автономными, но соответствующие автономным именам в близких по смыслу высказываниях можно назвать *квавтономными*²²⁹.

²²⁹ Этот термин предложен в работе [Шмелев 1984].

Следует подчеркнуть, что к автономному употреблению способны не только имена существительные. Любое языковое выражение может обозначать само себя, функционируя при этом «в значении существительного», т. е. занимая синтаксическую позицию имени. Так, в следующих высказываниях автономным статусом характеризуются языковые выражения, стоящие в кавычках: «*Любить*» — это глагол; Суффикс «-тель» является одним из наиболее употребительных в данном словообразовательном типе; В предложении «*И волчью вашу я давно натуру знаю*» нестандартный порядок слов и т. д.²³⁰.

В то же время далеко не всегда автономное употребление специально маркируется в письменном тексте (при помощи кавычек или иным образом), а в устной речи автономные употребления внешне вообще никак не выделены. В силу этого возможно замаскированное автономное употребление языковых знаков, которое может служить источником многочисленных загадок, парадоксов, языковой игры. Так, загадка *Чем кончаются и ночь, и день?* основана на том, что человек, впервые услышавший эту загадку, скорее всего, будет интерпретировать употребление слов *ночь* и *день* как «обычное», неавтономное, и ему не придет в голову правильный ответ — «мягким знаком». Сходный прием используется и в загадке *Чего в январе, феврале, марте, апреле, мае, июне, июле, августе не найдешь, зато найдешь в сентябре, октябре, ноябре и декабре, что у Бога есть, а у царя нет, в небе есть, а в земле нет, у бабы две, а у девки ни одной, у Бориса спереди, а у Глеба сзади?* — Буква «б».

Дело в том, что при интерпретации текста автономный статус нормально приписывается лишь именам в особых «автономных» контекстах. В рассмотренных выше загадках словоформы *ночь, день, январе, феврале, марте, апреле, мае, июне, июле, августе, сентябре, октябре, ноябре, декабре, Бога, царя, небе, земле, бабы, девки, Бориса, Глеба* употреблены в «неавтономных» контекстах, поэтому при интерпретации текста загадки автономное понимание неискушенным адресатом не предполагается.

Таким образом, для правильного понимания текста необходимо уметь отличать «автономные» контексты от «неавтономных». Обычно автономная или неавтономная интерпретация однозначно задается

²³⁰ Кавычки имеют и множество других функций, помимо указания на автономность; а с другой стороны, это не единственный способ указания на автономный статус ИГ. В лингвистических текстах, для которых автономное использование языковых единиц неизбежно и необходимо, фактически различаются разные виды автономности, и если для «материальной суппозиции» (референции к внешней стороне языкового выражения) обычно используется курсив, то для «простой суппозиции» (референции к понятийной стороне) — так называемые «марровские кавычки». Однако речь идет лишь о не вполне устоявшейся практике, которая может варьироваться от одного автора к другому.

предикатом, относящимся к рассматриваемому имени. Так, ясно, что в предложении *Скажи «Метро», в метро поедем к дяде* (А. Барто) первое употребление слова *метро* является автономным, а второе — нет. Такая интерпретация определяется свойствами подчиняющих предикатов *сказать* и *поехать* (действительно, *сказать* предполагает языковой объект, а *поехать* — неязыковой). Точно так же в высказывании *Амстердам — название столицы Голландии* подлежащее имеет автономный статус, а в близком по значению высказывании *Амстердам — столица Голландии* — неавтономный (а именно — квазиавтономный). Известная шутка *Скажи пароль! — Пароль* основана на том, что слово *пароль* обозначает языковой объект (предполагаемый подчиняющим предикатом *сказать*) как в автономном, так и в неавтономном употреблении, а рассмотренные выше загадки — на том, что предикаты типа *заканчиваться*, *иметься* и т. п. могут относиться как к языковым, так и к неязыковым объектам. При этом в случае потенциальной неоднозначности именно неавтономное понимание является «основным», прежде всего приходящим в голову, а возможность автономной интерпретации оказывается неожиданной. На этом и основана референциальная игра в указанных примерах.

Отметим также, что в позиции несогласованного приложения (*газета «П р а в д а»*) имя всегда имеет автономный статус. Поэтому, для того чтобы обеспечить автономное понимание имени, его часто ставят в позицию несогласованного приложения при родовом обозначении: слово «*день*», существительное «*стол*», имя «*Таня*» и т. д.²³¹ «Правильная» формулировка рассмотренных выше загадок (при которой они, впрочем, потеряли бы смысл) должна была бы звучать так: «*Чем кончаются и слово *ночь*, и слово *день*?*»; «*Чего в словах *январь*, *февраль*, *март*, *апрель*, *май*, *июнь*, *июль*, *август* не найдешь, зато найдешь в словах *сентябрь*, *октябрь*, *ноябрь* и *декабрь*...*, в слове *небо* есть, а в слове *земля* нет...?», а ответ «*Пароль*» был бы уместен в ответ на просьбу «*Скажи слово *пароль**».

Однако есть контексты, в которых выбор автономной или неавтономной интерпретации не может быть описан посредством достаточно простых правил. Сюда относится квалификация имени в составе сказуемого при глаголе именованя: *именовать(ся)*, *(на)зваться*, *называть(ся)* и т. п. В некоторых случаях такая ИГ является автономной: *Это животное называют м у р а в ь е д о м*; *...после болезни, называемой ч е р н о й н е м о ч ь ю...* (Пушкин) и т. п. Но часто она скрывает за собою предикатную ИГ: *Не зови меня с ч а с т л и в ц е м* [В. Жуковский] (\approx «не считай меня счастливым»); ср. у Пушкина: *...на то, что некоторые философы называют* (\approx «считают») *е с т е с т в е н н ы м с о с т о я н и е м ч е л о в е к а*; *...Никто... не*

²³¹ Некоторые другие контексты, для которых характерна автономная интерпретация, описаны в работе [Шмелев 1984].

называл его п е д а н т о м и т. п. В подобных случаях глагол именования фактически выступает в функции глагола пропозициональной установки: *назвать Петра мерзавцем (сказать, что Петр — мерзавец*. Используя такую конструкцию, говорящий указывает на то, что данная предикация принадлежит не ему, а субъекту установки. В случае же совпадения или «солидарности» говорящего с субъектом установки предикация воспринимается как более категоричная; ср.: *Вот что чудом-то зовут* [(‘Вот это настоящее чудо!’) (А. Пушкин)]; *Это я называю б л а г о р о д с т в о м* [(‘Это, по-моему, истинное благородство’) (Э. Кестнер, пер. с нем. К. Богатырева)²³².

2. ГЛАГОЛЫ НАЗЫВАНИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕНИ

Таким образом, конструкции с глаголами «именования» заслуживают более подробного рассмотрения с референциальной точки зрения. Они могут представлять собою сообщения:

- 1) о наречении имени;
- 2) об акте присвоения объекту нового статуса;
- 3) о том, что имя закреплено за объектом;
- 4) об актах использования имени для обращения или для референции к объекту;
- 5) о характеристике, которая была дана объекту;
- 6) о произведенной идентификации (обычно намеренно ложной, когда один объект выдается за другой), —

ср.:

- (1) *назвать сына Александром*;
- (2) *назвать своей женой*;
- (3) *Эти птички называются мухоловками*;
- (4) *Звала Полиною Прасковью* (А. Пушкин);
- (5) *Назвал фельдшерлицу свиньей* (М. Булгаков);
- (6) *Я назвался ревизором из треста*.

Использование неопределенно-личной конструкции часто синкретически выражает (3) и (4): «Меланхоличой» звали какую-то бабу в городской слободе (И. Гончаров) — сообщается, что «Меланхолика» было прозвище бабы из городской слободы и что это прозвище реально использовалось по отношению к ней (ср. также столкновение этих значений в диалоге: *Как его зовут? — Как крестили, так и зовут* [Ф. Достоевский], — спрашивающий интересуется именем лица,

²³² Использование в перифразах слов *истинный, настоящий* и т. п. не случайно. «Категоричность» предикации в рассматриваемых конструкциях заключается в том, что они позволяют не просто предиктировать объекту то или иное свойство, но выразить суждение, что объект является своего рода э т а л о н о м соответствующей характеристики.

о котором идет речь, а ответ оказывается неинформативным, поскольку ограничивается констатацией того, что реально по отношению к данному лицу используется его собственное имя, данное ему при крещении). Отметим, что имя при глаголе именованя имеет автономную интерпретацию при понимании (1), (3) и (4) и предикатную интерпретацию при понимании (2) и (5)²³³; при понимании (6) статус имени может быть различным. Возможны также случаи, когда синкретично выражаются значения (3) и (5), и тогда имени можно приписать смешанный предикатно-автономный статус: ср. *Писаки русские толпой Меня зовут аристократом* (А. Пушкин), — то ли 'считают меня аристократом', то ли 'говорят обо мне «аристократ, аристократ»'; *Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они по э з и е й* (Он же), — '... что они считают поэзией' и 'по отношению к чему употребляют выражение поэзия'; *Этот стон у нас песней зовется* (Н. Некрасов) значит одновременно и то, что 'этот «стон» «у нас» принимают за песню', и то, что 'по отношению к этому «стону» «у нас» используется слово *песня*'. Синкретичную интерпретацию следует отличать от неоднозначности, имеющей место в таких примерах, как *Там в краю далеком назови меня женой* — то ли 'возьми меня в жены' (интерпретация 2), то ли 'сделай вид, что я твоя жена' (интерпретация 6).

Большинство глаголов именованя имеет неполный набор значений: так, глагол *прозвать* используется лишь в значении (1), *наречь* — в (1) и реже (2), *называться* — в (3) и (5). Однако обычно такие глаголы все же многозначны, и при этом названные значения недостаточно четко разграничиваются в толковых словарях. В целом выбор автономной или неавтономной интерпретации имени не предопределен однозначно лексическими свойствами глагола именованя. Способ понимания конструкции с глаголом называния зависит от целого ряда факторов (помимо индивидуальных лексических свойств глагола): вида глагола, возвратности, типа имени при глаголе²³⁴. В то же время построение правил интерпретации соответствующих конструкций в первую очередь предполагает уточнение индивидуальных лексических свойств каждого из глаголов именованя.

Приведем краткое описание некоторых глаголов именованя. В скобках после порядкового номера каждого значения мы приводим порядковый номер интерпретации, которой это значение соответствует (согласно предложенной выше классификации).

звать (*звать X-а Y-ом*) — 1(4). *Обращаться к X-у, используя имя Y, или употреблять имя Y, говоря об X-е*

²³³ За исключением случаев использования дескрипций, денотатом которых является языковое выражение, ср.: *Ребенка назвали именем прадеда* (понимание 1); *Он называл меня разными нехорошими словами* (понимание 5); ср. клишированный оборот *называть вещи своими именами*.

²³⁴ Соответствующие закономерности описаны в работе [Шмелев 1988б].

[нормально при одушевленном X-е]: Повара своего Власа он звал отныне Блэз (Ю. Тынянов); Зовите меня просто: Ильич (из анекдота); ср. при неодушевленном X-е: Вот она березовая роща, ее в Крутых Луках зовут дубравой. (С. Залыгин); 2(3). [В неопределенно-личной или инфинитивной конструкции] X носит имя Y [нормально при одушевленном X-е]: Как вас зовут?; Как тебя звать?; Жил был доктор. Он был добрый. Звали его Айболит (К. Чуковский); Жил-был столяр. Звали его Кушаков (Д. Хармс); ср. при неодушевленном X-е: Пароход зовут «Орленок» (название пьесы); 3(5). Характеризовать X-а как Y-а: Вот что чудом-то зовут (А. Пушкин).

зваться (X зовется Y-ом) — 1(3). X носит имя, наименование Y [чаще при одушевленном X-е]: Параша (так звалась красотка наша) (А. Пушкин); 2(4). По отношению к X-у используется имя, название Y: Прозвище это, как и многие другие лицейские, первым пустил Миша Яковлев. Сам Миша Яковлев звался Паяцем (Ю. Тынянов); 3(5). X может быть охарактеризован как Y: Это уже зовется наглостью.

именовать (именовать X-а Y-ом) — 1(4). Говоря об X-е, употребляют имя, наименование Y: Не без гордости русская пресса Именует себя иногда Путеводной звездой прогресса (Н. Некрасов); 2(3). X носит имя, наименование Y: Пресловутая ересь вздорная, именуемая душа (М. Цветаева).

именоваться (X именуется Y-ом) — 1(3). X носит наименование Y [нормально при неодушевленном X-е и нарицательном Y-е]: ... Всего того, что в сфере нравственного именуется злом (А. Чехов); 2(4). По отношению к X-у используется имя, название Y [нормально при неодушевленном X-е и нарицательном Y-е]: Логическое деление, случается, смешивают с другой операцией, которая тоже иногда именуется «делением» (А. А. Ивин).

назвать (назвать X-а Y-ом) — 1(1). Присвоить X-у имя, наименование Y: Ребенка назвали Иваном; Назовем языком множество цепочек конечной длины в конечном алфавите; 2(2). Присвоить X-у статус Y-а: Назвал его своим преемником; Назову ее московскою царицей (А. Пушкин); 3(4). Говоря об X-е, употребить имя, наименование Y: Он назвал Наталью «тетя Наташа»;

Да и стулья не всякий решился бы назвать стульями (А. Чехов); Раз во сне назвал он Надежду Осиповну каким-то посторонним женским именем (Ю. Тынянов); 4(5). Охарактеризовать X-а как Y-а: Нельзя назвать его умницей (В. Даль); Татьяну Ивановну не всякий назвал бы красавицей (А. Чехов); Назвал фельдшеру свиньей (М. Булгаков); 5(6). Сказать, что X является Y-ом: Назвал ее своей племянницей.

назваться (X назвался Y-ом) — 1(4). X сказал, что его имя — Y: К вам приходил какой-то человек, назвавшийся Ивановым; 2(6). X сказал, что он — Y: К вам приходил какой-то Иванов, назвавшийся инженером из треста; Назвался груздем — полезай в кузов; ... Я... Димитрием назвался и поляков безмозглых обманул (А. Пушкин).

*называть (называть X-а Y-ом) — 1. несов. к назвать: (1). При-
сваивать X-у имя, наименование Y: Родители часто называют детей именами прославленных соотечественников; (4). Говоря об X-е, употреблять наименование Y: называемая в народе; Медведя называют Мишкой (В. Даль); Меня все называют превосходительством (А. Чехов); Я желаю знать, любите ли вы его тем сильным, страстным чувством, которое мы привыкли называть любовью? (И. Тургенев); Иakov, не ты ли меня целовал И черной голубкой своей называл? (А. Ахматова); Все друзья вкуса ополчились против Шаховского.... Его иначе не называли как Шутовским... (Ю. Тынянов); (5). Характеризовать X-а как Y-а: Таких людей называют мироедами (В. Даль); Отца моего осыпали хвалой, бессмертным его называя (Н. Некрасов); Прибежала мама и стала называть папу неудачником, бухгалтером (так оно и было), идеалистом, отцом двух отпетых хулиганов, и если верить ее словам, то женитьба на ней была единственной папиной удачей (Ю. Воицев, А. Иванов); Это я называю благородством; 2(3). [Обычно в форме страдательного причастия] X носит наименование Y [нормально при неодушевленном X-е и нарицательном Y-е]: Николай взял двести граммов свинной, называемой почему-то домашней, колбасы (В. Некрасов).*

называться (X называется Y-ом) — 1. несов. к назваться: Чтобы обмануть полицию, он в разных городах назывался разными именами; 2(3). X носит наименование Y [нормально при неодушевленном X-е]: Городок на-

звался Таммерфорс; Сосуд, имеющий форму ведра с надписью «пож. вед.» и предназначенный для тушения пожаров, называется пожарным ведром (Руководство по пожарному делу)²³⁵; 3(4). По отношению к X-у используется наименование Y [нормально при неодушевленном X-е]: *День Евдокии в народе называется подмочи-порог* (В. Даль); ср. при одушевленном X-е: *В метрическом свидетельстве она называлась Красновскою* (А. Чехов); 4(5). X может быть охарактеризован как Y: *Это, по-нашему, называется плутовством.*

3. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ИЛИ ТВОРИТЕЛЬНЫЙ?

Можно обратить внимание на то, что предикатные имена при глаголе именования практически всегда стоят в творительном падеже (именительный падеж возможен лишь при смешанном предикатно-автонимном статусе), тогда как автонимные имена могут быть как в творительном, так и в именительном падеже: возможно и *Его зовут Петей*, и *Его зовут Петя*. При этом выяснение правил выбора творительного или именительного падежа имени при глаголе именования составляет отдельную проблему. Почему, в самом деле, представляя героиню романа «Евгений Онегин», Пушкин пишет: «Ее сестра звалась Татьяна», — а через некоторое время резюмирует: «Итак, она звалась Татьяной»? Грамматические описания общего характера не дают ответа на поставленный вопрос²³⁶. И хотя указанная проблема затрагивалась в специальных исследованиях, в том числе в работах таких авторитетных авторов, как Р. О. Якобсон [1985: 155] и Анна Вежбицка [Wierzbicka 1980a], мы не находим исчерпывающего ответа и в этих работах.

Представляется, что ответ следует искать не столько в семантических особенностях именительного и творительного падежей, сколько в референциальных особенностях акта именования. Осуществляя референцию к этому акту, говорящий может выбирать одну из следующих двух стратегий. Он может использовать соответствующее имя как часть «словаря», общего у него с адресатом речи, или же отчужденно цитировать используемое кем-то обозначение. Будем говорить в первом случае об «использовании», а во втором — о «цитировании» имени. Следует подчеркнуть, что противопоставление «цитирования» и «использования», вообще говоря, не совпадает с противопоставлением авто-

²³⁵ Пример из книги [Ивин 1986].

²³⁶ Так, [Русская грамматика 1980] ограничивается указанием, что «форма тв. п. стилистически нейтральна; форма им. п. ... может иметь оттенок устарелости» (т. 2, § 2235).

нимных и неавтонимных употреблений имени: как при автонимном, так и при неавтонимном употреблении возможно (хотя не обязательно равновероятно) и цитирование, и использование. Впрочем, «цитирование» всегда предполагает автонимный статус хотя бы в качестве одной из синкретично выражаемых интерпретаций.

Исследованный материал свидетельствует, что в случае «использования» имени при глаголе именованья используется творительный падеж, а в случае «цитирования» — именительный. Из этого вытекает, что, когда мы имеем дело с нарицательным именем и на первый план выходит его семантическое содержание, выбирается творительный падеж. Поэтому только творительный падеж может быть употреблен в сообщениях о присвоении нового статуса (типа *назвать кого-либо своим преемником*) или о произведенной идентификации (типа *назваться инженером из треста*). В сообщениях о характеристике, данной объекту (типа *назвал фельдшеруцу свинойей*), также выбирается творительный падеж; именительный падеж возможен лишь в случае, если синкретично выражается сообщение о том, какое именно выражение было использовано, когда давалась характеристика, и при этом основное внимание уделено именно форме выражения, а не содержанию характеристики: *Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленным майором... А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипач* (А. Чехов). В последнем случае употребление имени близко цитированию при прямой речи. Тот же самый эффект имеет место, когда именительный падеж имени нарицательного используется в сообщениях об актах обращения или референции к объекту: *...постоянно называл его «отец ректор»* (А. Герцен).

Поскольку именительный падеж указывает на «цитирование» и свидетельствует о внимании к внешней стороне выражения, он употребляется наряду с творительным (и, возможно, даже чаще) при сообщениях о том, что за объектом закреплено то или иное имя, а также об актах наречения имени, обращения или референции к объекту при помощи имени собственного. При этом творительный падеж выбирается в тех случаях, когда говорящий исходит из того, что данное имя является общеупотребительным, как бы входящим в ментальный «словарь употребительных имен». Выбирая творительный падеж, говорящий ИСПОЛЬЗУЕТ это имя (в автонимном режиме). Именительный падеж свидетельствует о том, что говорящий рассматривает имя как «уникальное», необычное или даже экзотическое, он не готов его просто использовать (возможно, потому, что не уверен, известно ли оно адресату речи) и прибегает к «цитированию». Ср., с одной стороны: *... Я загадала — если у вашей жены родится дочь, я выздоровлю: назовите ее Татьяной* (Т. Кузьминская); *Анна Николаевна, которую тетушка Анна Львовна называла по старой памяти Анкой...* (Ю. Тынянов); — и с другой: *Императрица Екатерина играла име-*

нами. В одной пьесе она назвала авантюриста Калифалкжерстон (Ю. Тынянов); Звали его... Чинчар (А. Грин); Его звали Роберт (название кинофильма).

Отсюда понятно, почему, вводя имя *Татьяна*, Пушкин пишет: *Ее сестра звалась Татьяна*, — имя *Татьяна* подается как необычное для героинь романов (*впервые именов таким...*). Но далее, уже после того как имя введено в рассмотрение, можно использовать творительный падеж: *Итак, она звалась Татьяной*.

Таким образом, мы видим, что интерпретация автонимных употреблений имен не исчерпывается умением их обнаруживать и отличать от «обычных», неавтонимных. Когда речь идет об именовании, автонимное употребление может представлять собою как «цитирование», так и «использование» имени, и последнее противопоставление имеет специальное средство выражения в русском языке, эксплуатирующее возможность чередования именительного и творительного падежей в составе сказуемого. При всем многообразии конструкций с глаголами именовании общее правило, определяющее выбор именительного или творительного падежа, в этих конструкциях остается одним и тем же.

ЧАСТЬ VI

АНОМАЛИИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА 1

«АНОМАЛЬНЫЕ» ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

1. «АНОМАЛИИ» В РЕАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аномальными называют явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности. Тем самым явление оказывается аномальным не само по себе, а относительно тех или иных законов. В науке аномальными нередко считают явления, противоречащие описанию, которое предложил исследователь, т. е. сформулированной им системе правил.

Для естествоиспытателя задача состоит в том, чтобы на основе наблюдений над реально происшедшими событиями построить общую теорию, призванную объяснить эти события и предсказать новые. Столкнувшись с событием, отклоняющимся от предсказаний теории, естествоиспытатель стремится привести в соответствие теорию и наблюдаемые явления. Сделать это он может двояким образом.

Прежде всего он проверяет, действительно ли выполняются все условия, в соответствии с которыми, согласно теории, должно было наступить предсказанное событие: могли иметь место какие-то неучтенные влияния или ошибка эксперимента. Как заметил Э. Даль, «если мой градусник показывает, что у меня температура 43°C , то я заключаю отсюда не то, что прежние теории относительно возможных колебаний температуры человеческого тела не верны, а то, что мне следует купить новый градусник» [Dahl 1980: 153]. Обнаружение неучтенных влияний может оказаться более интересным и повести к научным открытиям (ср. открытие планеты Нептун). Однако во всех этих случаях нет необходимости подвергать теорию пересмотру.

Если же привести таким образом в соответствие теорию и опытные данные не удастся, естествоиспытателю приходится модифицировать старую теорию или пытаться построить новую. Так, опыт

* Впервые опубликовано: *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*, Białystok, 1990.

Майкельсона-Морли, результаты которого очевидным образом противоречили предсказаниям классической механики, послужил одним из стимулов создания теории относительности.

В обоих случаях обнаружение фактов, противоречащих предсказаниям теории, играет особую роль в развитии научного знания. Именно факты, не укладывающиеся в существующие теории, и служат основным стимулом развития естественных наук. В науке нередко «открытие начинается с осознания аномалии» [Кун 1977: 80].

Лингвистам тоже не чуждо стремление к тому, чтобы научное описание соответствовало наблюдаемым фактам. Реакция лингвиста на высказывание, противоречащее сформулированным им правилам, может быть сходна с реакцией естествоиспытателя. Постоянные нарушения правил в речи информанта могут быть связаны с тем, что информант — иностранец, недостаточно владеющий описываемым языком; или — при целенаправленном анкетировании — что он не понимает, чего от него хотят, или же намеренно стремится ввести исследователя в заблуждение. Во всех подобных случаях результаты наблюдений или данные эксперимента просто не должны приниматься во внимание. «Если информант, ориентирующийся на научную лексику, объявит, что „для него“ тигры являются разновидностью „кошек“ (cats), моя реакция будет состоять в том, чтобы дезавуировать его как информанта (поскольку он не способен отличить разговорного английского языка от научной терминологии), а не в том, чтобы торжественно записать, что в его „идиолекте“ тигры — это разновидность кошек (cats)», — пишет А. Вежбицка ([Wierzbicka 1985: 42]; ср. также [Булыгина 1980а; Василевич 1987: 14]).

Еще более типичной является ситуация, когда наличие в корпусе текстов контрпримеров ведет к уточнению формулировки правила или даже к его полному пересмотру. Именно эта ситуация представляет собою типичный случай, когда можно говорить об «эмпирической проверке» лингвистических правил²³⁷.

З а м е ч а н и е. Следует, впрочем, подчеркнуть, что понятия «эмпирической проверки», «эксперимента» имеют в лингвистике существенно иное содержание, нежели в естественных науках. Естествоиспытатель производит эксперимент, чтобы обнаружить заранее не известные ему закономерности или проверить гипотезы относи-

²³⁷ Иной тип «экспериментальной проверки» лингвистического правила имеет место в том случае, когда то или иное высказывание, удовлетворяющее сформулированным правилам, противоречит языковой интуиции (т. е. аномально относительно интуиции носителя языка). Такие высказывания нередко конструируются лингвистами в качестве «отрицательного языкового материала» [Щерба 1974: 33] как свидетельство неадекватности предложенного описания.

тельно таких закономерностей. Задача синхронно-описательной лингвистики скорее в том, чтобы эксплицировать правила, по существу достоверно известные носителям языка (и самому лингвисту, поскольку он владеет описываемым языком). Лингвист должен перевести туманный, интуитивный концепт в рациональные формы; он описывает не множество эмпирически доступных высказываний, а, скорее, языковую интуицию, определяющую правильность или неправильность всех мыслимых высказываний вообще [Булыгина 1980а; Bulygina & Shmelev 1987]. Именно поэтому А. Вежбицка, полемизируя со сторонниками механического перенесения в лингвистику естественнонаучной методологии, отмечала, что для полного и точного описания языка «необходимо выявить внутреннюю логику понятия; а это лучше всего сделать не при помощи интервью, лабораторных экспериментов, сообщений о случайных, поверхностных впечатлениях... информантов или самого исследователя, но посредством методичного самонаблюдения и размышления» [Wierzbicka 1985: 19]. Таким образом, даже в том случае, когда реакция лингвиста на отклонение от предполагаемого теорией хода событий внешне сходна с реакцией естествоиспытателя, различный статус лингвистических правил и естественно-научных законов все равно должен учитываться.

Но есть и другая особенность синхронно-описательной лингвистики, отличающая ее от естественных наук. Она связана с тем, что, в отличие от законов природы, языковые правила в некотором смысле сами предусматривают возможность их нарушения — по недосмотру или с какими-то специальными целями. Это объединяет их с любыми правилами, регулирующими человеческую деятельность. Правила футбольной игры предусматривают санкции в случае их нарушения — без этого правила были бы неполными. Законы логики описывают не то, как люди рассуждают, а то, как следует рассуждать. При этом во многих учебниках логики даже приводится перечень наиболее распространенных логических ошибок. Так и лингвист не всегда обязан приводить в соответствие законы языка и реально наблюдаемые высказывания. Возможность отклонений от языковых правил в речевой практике как бы предусмотрена самими правилами; поэтому встретившееся в корпусе текстов высказывание, нарушающее сформулированные лингвистом правила, может интерпретироваться как такое отклонение и не вести к пересмотру правил.

Ведь отмеченная выше особенность эмпирической проверки в лингвистике в том и состоит, что так называемые контрпримеры — это обычно не какие-то новые для исследователя факты, а факты, которые он при формулировке правила просто упустил из виду. Поэтому в лингвистике часто встречается ситуация, когда свидетельством неадекватности лингвистического описания являются не высказывания, противоречащие описанию, а, наоборот, реально встретившиеся высказывания, совместимые с правилом в предложенной лингвистом формулировке, но аномальные с точки зрения интуиции носителей языка.

Поясним это на примере текста, состоящего почти сплошь из неправильных предложений, многие из которых, однако, допускаются имеющимися описаниями, если их понимать буквально. Это письмо читателя Ю. Миронова из Баку («Известия», 1989, 15 апреля), из которого приведем лишь отрывок: *Сталин был чист перед советским народом, он расстреливал тех людей, которые ему и всему советскому народу мешали правильной и честной жизни. Народ жил хорошо, все было вдоволь.* В большинстве грамматических описаний указывается, что *мешать* управляет дательным падежом, причем возможны конструкции *мешать кому* (ср. правильное *мешали народу честно жить*) и *мешать чему* (ср. правильное *мешали честной жизни народа*). Аномальность первого предложения приведенного отрывка заставляет добавить к описанию указание на несовместимость этих конструкций.

В реальных текстах на естественном языке отклонения (не от правил, сформулированных лингвистом, а от интуитивно ощущаемых носителями языка норм) встречаются не так уж редко. Поэтому без умения распознавать их и тем или иным образом интерпретировать понимание подлинного естественно-языкового текста обычно оказывается невозможным. При этом эффект нарушения правил (и, соответственно, интерпретация этого нарушения лингвистом) может быть различным. Различным образом должна реагировать на такое нарушение и интеллектуальная система, понимающая естественный язык.

2. НЕНАМЕРЕННЫЕ АНОМАЛИИ

Прежде всего, нарушение правил может рассматриваться как погрешность, ляпсус, речевая небрежность. Наличие в корпусе материала аномальных высказываний такого рода несколько не препятствует лингвистам формулировать соответствующее правило; при этом они не обязаны дезавуировать информанта, произведшего рассматриваемое высказывание. Примеры ляпсусов из произведений «хороших писателей» приводил еще Л. В. Щерба [1974: 37]. Характерен комментарий Е. В. Падучевой [1977: 88] к предложению, встретившему

ся в произведениях В. Г. Белинского: «Ср. предложение (7), неправильность которого состоит в том, что подчиняющий предикат требует употребления предикатного имени в редуцированной диатезе, а оно употреблено в нередуцированной:

- (7) *Мало осталось в ней сходства между простенькой деревенской девочкой и петербургской дамой (Белинский)».

Ю. Д. Апресян [1971: 32] приводит целый ряд примеров выражений, встретившихся в периодической печати (*оценивают их работоспособность хорошей; угнали несколько государственных и собственных машин* и т. д.), которые он склонен оценивать как «журналистские недосмотры и ошибки».

Ошибки такого рода, вообще говоря, случайны; они могут встретиться в текстах, которые в остальном исправны в языковом отношении. Эти ошибки могут быть связаны с нарушением правил любого уровня языковой системы: от фонетических и орфоэпических норм (разного рода *lapsus linguae*) до тонких семантических закономерностей. Все они являются ненамеренными; выявив такую ошибку, интеллектуальная система должна попытаться исправить ее и интерпретировать текст уже в исправленном виде.

Наиболее трудным оказывается моделирование способности исправлять семантические ошибки, когда высказывание выражает не тот смысл, который хотел вложить в него говорящий. Не всегда ясно, как мы устанавливаем, что говорящий имеет в виду совсем не то, что непосредственно выражено в его высказывании. Иногда выявлению семантических намерений говорящего способствует представление о связности текста, о правилах построения аргументации. Так, в следующем примере обращает на себя внимание некорректность употребления слова *редко* вместо более уместного *изредка* (или *иногда*): [Шкловский рассказывает о своем посещении больного Юрия Тынянова.] *Я просил, — сказал Юрий, — чтобы мне дали вино, которое мне давали в детстве, когда я болел. — «Сант-Рафаэль»? — спросил я. Мы были почти однолетками и мне когда-то редко давали это сладкое желтое вино.* Дело в том, что слово *редко* (как и слово *мало* — см. главу II.1) всегда соответствует главной ассерции предложения. Однако из контекста ясно: Шкловский хочет сообщить, что ему в детстве тоже иногда (хотя и нечасто) давали «Сант-Рафаэль», а не то, что «Сант-Рафаэль» давали редко. Иногда семантическая ошибка устанавливается на основе представления, что значение, непосредственно извлекаемое из высказывания, соответствует аномальной, нелепой ситуации: так, о высказывании *Преступники угнали несколько государственных и собственных машин* Ю. Д. Апресян [1974: 11] пишет, что оно «либо неправильно (надо было сказать *частных*, а не *собственных*), либо правильно, но нелепо (преступники обокрали себя, угнав

свои собственные машины)». В любом случае выявление семантических ошибок возможно лишь в том случае, если система, понимающая текст, умеет установить аномальность непосредственного осмысления и при этом располагает средствами исправить ошибку так, чтобы в результате получить осмысление, естественное в данной коммуникативной ситуации.

3. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАМЕРЕННЫХ АНОМАЛИЙ

Речевые ошибки — это ненамеренные аномалии. Кроме них, в речевой практике встречаются сознательные нарушения языковых правил, которые можно классифицировать, исходя из интенций говорящего²³⁸.

С этой точки зрения отчетливо различаются два типа семантически аномальных высказываний (ср. [Арутюнова 1987]): высказывания, которые должны получить семантически стандартную интерпретацию (пусть с потерей образности и силы) в результате переосмысления, и высказывания, которые не могут быть сведены к стандартной семантике и привлекают внимание к самому нарушаемому правилу.

В случае аномалий, порождающих новый смысл, правило нарушается намеренно, но при этом часто бессознательно. Результатом нарушения оказывается появление в высказывании дополнительного смысла или полное переосмысление каких-либо его компонентов. Так, нарушение фонетических норм может создавать эффект экспрессивности высказывания [Реформатский 1966]. Но, разумеется, чаще всего источником новых смыслов служат семантические аномалии: нарушения семантических сочетаемостных ограничений²³⁹, тавтологичные и логически противоречивые высказывания — иными словами, высказывания, буквальное осмысление которых аномально в том или ином отношении, но которые могут получить семантически стандартную интерпретацию.

Возможность переосмысления семантических аномалий, сведения их к семантическому стандарту (пусть с потерей образности и си-

²³⁸ Разумеется, это не единственный способ классификации языковых аномалий. В основу такой классификации может быть положен, например, тип нарушаемых правил (можно говорить о фонетических, морфологических, синтаксических аномалиях, о неправильной аргументации и т. д.; именно глубокое различие в типе нарушаемых правил часто позволяет отличить собственно языковую аномалию от логического противоречия [Апресян 1978]). Однако способ интерпретации намеренно аномального высказывания и реакция на него со стороны интеллектуальной системы зависит в первую очередь от того, насколько удалось выявить интенцию говорящего.

²³⁹ Ср. соображение Ю. Д. Апресяна [1974: 64], что нарушение семантически немотивированных сочетаемостных ограничений приводит «к разного рода юмористическим эффектам» (т. е. относится к своего рода «языковой игре»), а семантически мотивированных правил сочетаемости — к переосмыслению.

лы) обусловлена существованием особых правил переосмысления, которые говорящий может эксплуатировать. Тем самым семантически аномальное высказывание перестает быть аномальным; точнее, оно аномально относительно «базовых» правил, но вполне закономерно относительно правил переосмысления.

Трактовка таких высказываний лингвистом зависит от того, как проводится граница между «базовыми» правилами и правилами переосмысления. Так, фраза из «Фауста» *Grau ist alle Theorie, doch grün des Lebens goldner Baum*, которая при буквальном понимании аномальна как с точки зрения семантических сочетаемостных правил (цветовое прилагательное *grau* не может сочетаться с абстрактным существительным *Theorie*), так и с точки зрения формальной логики (одному объекту присваиваются несовместимые признаки 'золотое' и 'зеленое' [Фосслер 1910: 157—158]), может рассматриваться как семантически правильная, если прилагательным *grau*, *grün*, *golden* и сочетанию *Baum des Lebens* будут приписаны переносные метафорические значения в словаре или же в число семантических правил будут включены правила метафоризации.

Переосмысление семантических аномалий осуществляется на основе «постулатов речевого общения» [Грайс 1985: 10]. Противоречивость или очевидная ложность прямого смысла высказывания (т. е. нарушение постулата качества) или же его неинформативность, тавтологичность (т. е. нарушение постулата количества) заставляют адресата речи искать в высказывании скрытый смысл. Выявление постулатов речевого общения дало лингвистам надежду «разгрузить» семантическое описание предложения и текста, устранив из него все, что восстанавливается из контекста и общекоммуникативных постулатов. Ирония, метафора, литота, гипербола и т. п. стали рассматриваться как приемы для порождения ситуации, когда очевидная ложность прямого смысла высказывания заставляет адресата попытаться найти иное осмысление.

На основе коммуникативных постулатов можно интерпретировать и высказывания типа *Закон есть закон*: прямой их смысл тавтологичен, и тем самым они в любом коммуникативном контексте, будучи абсолютно неинформативными, нарушают первый постулат количества. Это заставляет адресата речи полагать, что подлинное информационное содержание этих высказываний не составляется из элементов понятийного значения, а непосредственно зависит от ситуативно обусловленных ассоциаций.

Такая прагматизация анализа предложений рассматриваемого типа вызвала возражения ряда лингвистов. Действительно, те, кто, «разгружая» семантическое описание, интерпретирует подобные высказывания на основе универсальных прагматических принципов, молчаливо исходят из того, что употребление конструкций такого рода является неконвенциональным, т. е. не зависит от особенностей

конкретного языка. В то же время для различных языков существуют специфические способы интерпретации подобных выражений.

Здесь прежде всего следует упомянуть статью А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987b], в которой содержится тонкий анализ английских «тавтологических» высказываний и выявлены основные способы их интерпретации. А. Вежбицка показывает, что употребление таких высказываний конвенционализировано в английском языке. Однако ее попутные замечания относительно аналогичных русских высказываний необходимо уточнить.

Так, А. Вежбицка утверждает, что по-русски «не говорят *Война есть война*, но можно сказать, как в известной песне Окуджавы, *Работа есть работа*» [Wierzbicka 1987b: 97]. На самом деле предложение *Война есть война* — одно из наиболее часто встречающихся в русских текстах «тавтологических» предложений. Оно используется в «Балладе о времени» Высоцкого, во многих литературных произведениях, в газетных текстах. Значение соответствующего высказывания может быть различно (нередко оно эксплицируется в контексте): необходимость трезвого отношения к войне, готовность переносить неизбежно связанные с ней невзгоды, обязанность выполнять свой долг, невозможность во время войны жить по законам мирного времени и т. п.

Способы осмысления русских биноминативных тавтологий зависят от целого ряда параметров: тип имени (имя собственное, дескрипция или местоимение), его референциальный статус, наличие связки, наклонение и время, порядок слов, наличие распространителей. Так, высказывания вида *X есть X* (где *X* — личное имя собственное) чаще всего выражают терпимость, понимание, что ничего лучшего от данного лица ждать не приходится, а высказывания вида *X — это X* скорее указывают на высокую оценку носителя имени, на то, что по мнению говорящего он не чета другим (как в одном из произведений Ф. Искандера, где говорится: *Великий Питон — это все-таки Великий Питон*). Высказывание *Фишер есть Фишер* естественно произнести в ситуации, когда приходит известие об очередном требовании американского гроссмейстера, доставляющем много неудобств организаторам соревнований, а высказывание *Фишер — это Фишер* звучит естественно, например, в ситуации, когда, получив известие о новой победе американского гроссмейстера, говорящий подчеркивает, что этого и следовало ожидать.

Конструкция вида *X — это X* используется, чтобы указать на индивидуализированность, «особость» объекта. Поэтому, наряду с примерами типа *Фишер — это Фишер*, такие высказывания могут иметь значение идентификации: логической или эмпирической.

Конвенционализированность интерпретации «тавтологий» можно проиллюстрировать на примере формально тождественных польского и русского выражений. Польское *Co było, to było*, по свидетельству

А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987b: 102], означает, что не следует сосредотачиваться на прошедших событиях; А. Вежбицка приводит эквивалентную по смыслу поговорку *Co było, a nie jest, nie pisze się w rejestr* 'Что было, а не есть, не пишется в реестр'. Таким образом, польское выражение, приводимое А. Вежбицкой, соответствует по смыслу русским: *Что было, то сплыло; Что было, то прошло; Что было, то былшем поросло*. Мы можем добавить, что у этого выражения есть и буквальный аналог в русском языке — *Что было, то было*, который, однако, имеет совсем другое (почти противоположное) значение: 'То, что это действительно было, нельзя отрицать'. Иными словами, русское *Что было, то было* входит в ряд *Что есть, то есть; Что правда, то правда*, но употребляется только когда речь идет о прошедших событиях (ср. также формулы с отрицанием: *Чего не было, того не было; Чего нет, того нет*).

Таким образом, можно сказать, что необходимость переосмысления «тавтологии» определяется универсальными постулатами речевого общения, но способы переосмысления задаются семантическими правилами конкретного языка. Тем самым соответствующие высказывания не являются подлинными языковыми аномалиями.

Аналогичным образом могут анализироваться высказывания, буквальный смысл которых содержит противоречие: *Люблю и ненавижу; Я не я, и лошадь не моя; Анна красива и безобразна одновременно; И ужин прощальный — не ужин* (А. Галич); *Счастье обособленное не есть счастье, так что утка и спирт, которые кажутся единственными в городе, даже совсем не спирт и не утка* (Б. Пастернак). Сюда же относятся различные оксюмороны типа: *женатый холостяк; убогая роскошь; живой труп; правда лжи* (М. Цветаева); ср. слова Ромео (перевод Б. Пастернака):

Нестройное собранье стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна...
Раздумье необдуманности ради.

Необходимость переосмысления таких высказываний, конечно, определяется коммуникативными постулатами; но способы переосмысления в значительной степени конвенционализированы; ср. трудно переводимые клишированные обороты: *Так, да не так!; Один другого* (т. е. букв 'друг друга') *лучше* и т. п.

При этом здесь важно, чтобы адресат речи понимал, что произнесение семантически противоречивого предложения входило в намерение говорящего. Именно тогда он пытается понять, почему говорящий произносит бессмысленное предложение, исходя из того, что говорящий, поступая так, должен что-то иметь в виду [Кифер 1985: 337]. С этим отчасти связана отмеченная Ю. Д. Апресяном закономерность:

к подлинной языковой аномалии, не допускающей осмысления, ведут противоречия, связанные с модальными рамками высказывания, грамматическими значениями, тема-рематическим членением. Действительно, такое противоречие вряд ли может быть допущено намеренно. Грамматические значения чаще всего выражаются помимо воли говорящего, т. е. ненамеренно. Модальная рамка и тема-рематическое членение непосредственно описывают коммуникативные намерения говорящего — едва ли можно намеренно иметь противоречивые намерения.

Многие правила, позволяющие выявить скрытый смысл высказывания, предполагающего переосмысление, предусмотрены в системе «интерпретативной семантики» Ф. Растье [Rasthier 1987]. Иногда правила такого рода позволяют достаточно точно установить «смысл» высказывания. Это происходит, когда высказывание однозначно понимается даже в отрыве от контекста, например: *Жена булочника — настоящая старая дева; Счастье обособленное не есть счастье* (Б. Пастернак); *Все это чистая стихия страха, без которой сказка не сказка и услада не услада* (М. Цветаева). В других случаях правила «переинтерпретации» задают лишь общее направление осмысления, а подробности нуждаются в экспликации. Так, точный смысл конфуцианского изречения *Твой сын — это не твой сын...* становится понятен, если продолжить его: *...а сын своего времени*. Столкнувшись с утверждением *Они похожи и не похожи*, естественно спросить: «Что ты имеешь в виду (т. е. в чем похожи и в чем непохожи)?» Когда в романе А. Дюма «Три мушкетера» д'Артаньян спросил у Портоса: «*Qui fournit le vin? C'est votre hôte?*» («Кто поставляет вино? Ваш хозяин?») — и получил на свой вопрос внешне противоречивый ответ: «*C'est à dire, oui et non*» («Так сказать, и да и нет»), он справедливо потребовал разъяснений: «*Comment, oui et non?*» («Как это — да и нет?») — и удовлетворился лишь после того, как Мушкетон выразился более эксплицитно: «*Il le fournit, il est vrai, mais il ignore qu'il a cet honneur*» («Он, правда, поставляет его, но не знает, что имеет эту честь»). Чаще всего необходимые разъяснения даются тут же, ср.: *Конец работы — это вовсе не конец работы. После гудка надо еще собрать инструмент, отнести его в кладовую, сдать, постриться...* (В. Шаламов).

Из сказанного не вытекает недостаточность правил «интерпретативной семантики». Неполнота осмыслений, получаемых при помощи этих правил, соответствует реальной неопределенности интерпретируемых высказываний. Так, высказывание, гласящее, что в некоторой ситуации *X (вовсе) не X*, означает, что в данной ситуации положительные ожидания, обычно связываемые с *X*-ом, не оправдываются: *Утка и спирт, которые кажутся единственными в городе, даже совсем не спирт и не утка* (Б. Пастернак); *Без детей человек — не человек* (И. Бунин). Если из семантики именной группы не ясно, ка-

кие положительные ожидания имеются в виду и какие обстоятельства препятствуют их реализации, то высказывание оказывается семантически неопределенным и, возможно, требует дополнительной конкретизации, и правила «интерпретативной семантики» лишь отражают этот факт.

4. НЕПЕРЕОСМЫСЛЯЕМЫЕ АНОМАЛИИ

Наряду с высказываниями, аномальными при буквальной интерпретации, но сводимыми к стандартной семантике при переосмыслении, выделяется другая группа семантических аномалий, цель которых совсем иная — привлечь внимание к нарушаемому правилу, достигая этим комического или иного эффекта.

Простейший случай нарушения языковых правил такого рода — это языковая игра. Она может не преследовать никаких целей, кроме чисто развлекательных: усиление непринужденности общения, необычный способ выражения, балагурство. Иногда языковая игра служит для имитации речи человека, не вполне владеющего литературной нормой (прием речевой маски).

Языковая игра может охватывать все уровни языковой системы. Различные приемы языковой игры, используемые в разговорной речи (переименование слов, построение неправильных грамматических форм, макароническая манера речи, имитация просторечия и т. п.) описаны Е. А. Земской и др. [1983]. Приведем пример языковой игры, в которой обыгрываются законы построения логически связного текста: *Я рассказываю только о том, что видел своими глазами. Или слышал своими ушами. Или мне рассказывал кто-то, кому я очень доверяю. Или доверяю не очень. Или очень не доверяю. Во всяком случае, то, что я пишу, всегда на чем-то основано. Иногда даже основано совсем ни на чем. Но каждый, кто хотя бы поверхностно знаком с теорией относительности, знает, что ничто есть разновидность нечто, а нечто это тоже что-то, из чего можно извлечь кое-что* (Войнович). Скорее всего, здесь мы имеем дело с типичным случаем балагурства.

В некоторых случаях языковая игра преследует задачи, выходящие за рамки чистого балагурства. Сюда относятся, например, случаи так называемого острословия [Земская и др. 1983], служащего для более образной и правильной передачи содержания, для более тонкого выражения мысли. В целом различные приемы острословия (каламбуры, междусловные наложения, построение конструкций контаминационного характера, словообразовательная игра и т. п.) достаточно близко примыкают к обыкновенному балагурству, так что между ними не всегда можно провести четкую границу [Земская и др. 1983: 186].

От языковой игры следует отличать «наивный» языковой эксперимент, который имеет место в том случае, когда говорящий сознательно производит аномальное высказывание с целью (вероятно, не всегда четко осознаваемой) привлечь внимание к нарушаемому правилу. Говорящий в таком случае как бы выступает в роли исследователя, стремящегося получить «отрицательный языковый материал».

Такого рода эксперимент может затрагивать различные типы правил. Говорящий, использующий произношение [хóйт] (*ходит*) в замедленной речи, не только стремится к созданию комического эффекта, но и экспериментально устанавливает тот факт, что выпадение интервокального [д'] в заударном положении, свойственное беглой речи, нарушает фонетические нормы более медленного произношения.

Некоторые синтаксические эксперименты Л. Кэрролла рассмотрены Е. В. Падучевой [1982: 89]. Замаскированная синтаксическая неправильность высказывания Герцогини (сохраняющаяся и в русском переводе): *Будь такой, как кажешься. Или, если хочешь, я сформулирую это проще: никогда не думай, что ты не являешься иной, чем окружающим может показаться, что то, чем бы ты была или могла бы быть, было то, чем ты могла бы показаться им чем-то иным*, — обнаруживает тот факт, что альтернативные модели управления глагола *appear* и его русского аналога *показаться* (*X показался Y-у Z-ом и X-у показалось, что...*) несовместимы. Отметим, что данное высказывание аномально и в силу противоречия между «метатекстовой» частью (*я сформулирую это проще*) и последующей громоздкой фразой.

«Отрицательный языковой материал», появляющийся в результате такого наивного эксперимента, иногда наглядно свидетельствует о нетривиальных свойствах той или иной лексемы. Так, многие фразы из «Повести о Фоме и Ереме» (*Ерему сыскали, а Фому нашли; Ерему били, а Фоме не спустили* и т. п.) выявляют важное свойство союза *а* (это же свойство обыгрывается в поговорке *В одном кармане пусто, а в другом нет ничего*); поговорка *Наша Дунька не брезгунька, жрет и мед* иллюстрирует пресуппозиции в семантике частицы *и*; шутка *Один ничего не делает, а другой ему помогает* может способствовать обнаружению семантических различий глаголов *помогать* и *способствовать*: *нельзя помогать X-у ничего не делать, но можно способствовать тому, что X ничего не делает* — ср. предложенные Ю. Д. Апресяном [1974: 101] примерные толкования глаголов *помогать* и *способствовать*.

Ряд эпизодов из сказок Льюиса Кэрролла можно рассматривать как блестящие эксперименты, иллюстрирующие несводимость значения слов естественного языка к их логическим аналогам. Следующий диалог свидетельствует о том, что значение слова *more* и его русского аналога *больше* — это не просто указание на отношение «больше»:

Почему ты не пьешь больше чаю? — Я вообще ничего тут не пила! — Тем более! Выпить больше, чем ничего, — легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего, — это был бы фокус (пер. Б. Заходера). Интересную особенность слова *равный* (предложенного Е. В. Падучевой [1982: 113] переводного эквивалента кэрролловского *like*) демонстрирует диалог: *Когда тебе дурно, всегда ешь сено. В таких случаях нет ничего равного сему. — А я думала, брызнуть холодной водой или понюхать нашатырю будет лучше. — Я сказал, нет ничего равного.* Слово *равный* в контексте отрицаемого существования значит не просто 'равный', но 'равный или больший'.

Герой Даниила Хармса, задумавший рассказ о чудотворце, который за всю жизнь не сотворил ни одного чуда, обыграл отличие названий лиц по свойству (к которым относится и слово *чудотворец*) от функциональных имен типа *спасатель* (который может за всю жизнь никого не спасти), *слушатель* (*слушателями курсов* называются и нерадивые студенты, которые совсем не слушают лекций) и т. п. [Шмелева 1984].

Семантическая аномальность многих поговорок связана с тем, что синонимическое варьирование прикрывает семантическое тождество. Такие поговорки могут рассматриваться как одно из средств исследования системы синонимического перефразирования: *Не бей по голове, а колоти по башке; Не он умер, а смерть его пришла; Сначала я на тебе поеду, потом ты меня повези* и т. п. [Левин 1980].

Наиболее интересны «наивные эксперименты», связанные с тем, как происходит речевая коммуникация. Именно случаи нарушения законов нормального речевого общения привлекают внимание к важности этих законов. Постулаты речевого общения, ставшие после известной статьи Г. П. Грайса [Grice 1975] неотъемлемой частью теории речевых актов, были, по-видимому, впервые выделены О. Г. Ревзиной и И. И. Ревзиным в 1966 г. при анализе отклонений от принципов нормального общения в пьесах Ионеско [Ревзина, Ревзин 1971]. Сказки Кэрролла представляют собою непрерывное экспериментирование с нормами ведения диалога. Они изобилуют эпизодами, регистрирующими разнообразные виды коммуникативных неудач [Падучева 1982]. Поговорки, в которых тавтологии и трюизмы окружаются «эпистемологическим ореолом удивления» (*Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора — вором назовут; Украл топор, а говорят, что вор; Пришел ввечеру, а ушел поутру — скажут, что ночевал; Умный был бы, кабы не дурак; Коли б жил покойничек, так бы и не умер*²⁴⁰; *Недавно помер, а уж не живой; Как помер, так и часу и не жил*), рассмотренные Ю. И. Левиным [1980], также представляют собой эксперимент с правилами коммуникации.

²⁴⁰ Ср. сходное высказывание в «Степи» Чехова: *До своей смерти она была жива...*

Граница между «языковой игрой» и «наивным» экспериментом не всегда может быть легко проведена. Высказывания, построенные в ходе «наивного» эксперимента, часто носят пародийный характер и, как правило, могут быть охарактеризованы как «острословие». Можно думать, что интерпретация таких высказываний как «игровых» вполне допустима. Интеллектуальная система должна во всех этих случаях установить факт сознательного нарушения правил и констатировать возникающий при этом комический эффект.

От семантических аномалий обоих типов следует отличать внешне сходные (например, противоречивые) высказывания, направленные на передачу аномального, с точки зрения бытовой логики, содержания. Говорящий может прибегать к таким высказываниям для изображения раздвоенного, внутренне противоречивого сознания или для высказывания глубокой, но антиномичной истины. Такие высказывания не являются лингвистически аномальными, поскольку их содержание, хотя и являющееся в той или иной степени парадоксальным или даже абсурдным, вычисляется посредством стандартных правил интерпретации.

Так, предметом сообщения может явиться внутренне противоречивое сознание — например, при сомнении в самоидентификации: *Мы в адском круге, а может, это и не мы* (А. Ахматова); *Может быть, я — это тоже не я* (Л. Квитко, пер. Е. Благиной).

Еще более интересны случаи, когда говорящий стремится высказать столь глубокую мысль, что язык не дает возможности выразить ее непротиворечивым образом. Здесь мы сталкиваемся с абсурдом, источником которого является сама жизнь и который с древнейших времен интересовал философов, логиков, теологов, математиков. Здесь бессмыслица выступает как прием познания жизни, парадоксальное высказывание претендует на выражение глубочайшей истины. Такое высказывание не требует переосмысливания, этим оно отличается от рассмотренных ранее семантических аномалий, допускающих фигуральное осмысление. Ср.: *Он сам... признал, что стал другим человеком. На самом же деле он стал самим собой* (Б. Сарнов), — высказывание вполне понятно, может быть сведено к стандартной семантике; *Именно не обозначая то, что оно обозначает, оно обозначает именно то, что оно обозначает* (Я. Друскин) — парадоксальное высказывание, и именно как таковое оно должно интерпретироваться. Высказывание *Во вселенной стынет пустое пространство* (Ньютон) — метафора; высказывания Нильса Бора — парадоксы.

Переосмысливаемые высказывания и парадоксы не всегда легко разграничить. Иногда то, что формулировалось как парадокс, в диалектике начинает допускать переосмысление [Мухелишвили, Сергеев 1983]. В поэтической речи четкой границы между этими двумя видами противоречий, по-видимому, вообще нет.

Из сказанного ясно, что эмпирическая адекватность лингвистического описания не может пониматься как соответствие корпусу реально

произведенных высказываний: ведь в этом корпусе может оказаться немало высказываний, которые в той или иной степени аномальны. Задача лингвиста при анализе корпуса материала — (а) выявить в корпусе все высказывания, в какой-то степени отклоняющиеся от нормы, (б) сформулировать правила, которые лежат в основе всех высказываний, не содержащих отклонений, и (в) установить эффект аномалий, содержащихся в корпусе. Описание, в котором аномальные высказывания подлежат ведению тех же правил, что и высказывания без отклонений, имеет меньшую объяснительную силу, нежели описание, в котором предусмотрена возможность нарушения правил и учтен потенциальный эффект таких нарушений.

И уж во всяком случае умение анализировать аномальные высказывания необходимо для интеллектуальной системы, понимающей естественный язык. Разумеется, создание системы, умеющей выявлять аномалии и интерпретировать их, — задача, по трудности значительно превосходящая трудноразрешимую задачу создания системы, понимающей текст, который не содержит аномалий. Даже носители языка иногда интерпретируют аномальные высказывания неправильно (например, принимают намеренную девиацию за речевую погрешность²⁴¹). Но, не умея анализировать аномалии, интеллектуальная система не сможет проанализировать большинство текстов на естественном языке.

²⁴¹ Ср. оценку М. Горьким как «обмолвки» фразы Достоевского *Вошли две дамы, обе девицы* [Шмелев 1977: 121], оценку И. Щегловым как «стилистического пятнышка» упомянутой выше фразы Чехова *До своей смерти она была жива...*

ГЛАВА 2

ПАРАДОКС САМОФАЛЬСИФИКАЦИИ*

1. ВОЗМОЖНА ЛИ АВТОРЕФЕРЕНТНОСТЬ?

- (1) а. *Данное утверждение ложно.*
б. *Все утверждения ложны.*
- (2) *Не делай, пожалуйста, того, о чем я прошу.*
- (3) *Обещаю не выполнить данного обещания.*
- (4) *Предсказываю, что данное предсказание не сбудется.*
- (5) *Не слушай ничьих советов.*
- (6) *Сделай это без всякой подсказки с моей стороны.*
- (7) *Ты должен сделать это не по обязанности, а по доброй воле.*
- (8) *Я не могу сказать ни слова по-русски.*

Высказывания (1—8) парадоксальны по одной и той же причине: речевой акт с самого начала оказывается неполноценным, причем его неполноценность обуславливается самим данным высказыванием. Мы имеем здесь дело с чем-то близким «иллокутивному самоубийству», описанному З. Вендлером²⁴². Примеры типа (1а, б), известные под названием «парадокс лжеца», издавна привлекали внимание логиков и философов. Их парадоксальность справедливо связывается с автореферентностью, т. е. с тем, что в них осуществляется отсылка к ним самим. Известно решение, восходящее к Расселлу и состоящее в том, чтобы признать автореферентность недопустимой. При таком решении высказывания типа (1а) признаются не имеющими смысла, а высказывания типа (1б) интерпретируются, как говорили средневековые логики, «рестриктивно» («Все утверждения, кроме данного...»).

Однако принцип, в соответствии с которым автореферентность недопустима, противоречит повседневной речевой практике. В частности, текст многих документов (справок и т. д.) автореферентен по определению: ср. типичные канцелярские обороты *Сим удостоверяется...; Дано в том, что...; Предъявитель сего* и т. п.

* Данная глава представляет собою переработанный вариант статьи, опубликованной в сборнике «Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста» (М.: Наука, 1990).

²⁴² См.: [Вендлер 1985].

Представляется, что более реалистичное (точнее — более соответствующее речевой практике) описание «парадокса лжеца» может быть получено при рассмотрении его в более широком контексте «самофальсификации».

Примеры (2—6) как раз и представляют собою самофальсифицируемые высказывания — аналоги «парадокса лжеца» для других типов речевых актов (просьбы, обещания, предсказания, совета, подделки). В подобных случаях речевой акт подрывается непосредственным содержанием высказывания. Иногда решающую роль играет не иллокутивная сила высказывания, а сам факт его произнесения (как в примере *Я молчу и не произношу ни слова*), или используемый языковой код (как в примере (8)), или, например, интонация (фраза *Простите меня*, произнесенная без тени раскаяния и даже агрессивно, «фальсифицирует» речевой акт «попросить прощения»).

Правдоподобным представляется решение, в известном смысле противоположное подходу Б. Расселла. Можно считать, что всякое высказывание является автореферентным — в том смысле, что содержит имплицитное или эксплицитное указание на свою иллокутивную силу, на условия успешности речевого акта (например, нечто вроде «говорящий сожалеет» для речевого акта «попросить прощения»), на самый факт произнесения (нечто вроде компонента «произнося это...»). Парадоксальность высказываний типа (8) показывает, что, по-видимому, всякое высказывание включает референцию к используемому в нем языковому коду. Аномалия, или парадокс, возникает, когда разные компоненты в составе высказывания противоречат друг другу. В этом смысле самофальсифицируемые высказывания примыкают к просто противоречивым высказываниям типа *Ты должен сделать это не по обязанности, а по доброй воле; Принято решение обязать родителей добровольно отдавать детей в языковые школы; Мы согласны на мирные переговоры при условии, что они будут проводиться без всяких предварительных условий* (высказывание израильского премьер-министра) и т. д.

Не касаясь вопроса о том, представляет ли собою подобного рода противоречие языковую аномалию или логическое противоречие, отметим, что осмысление высказываний подобного рода подчиняется общим закономерностям осмысления аномальных высказываний — противоречие приводит к комическому эффекту или к необходимости переосмысления высказывания (см. главу VI.1). Один из распространенных, но не единственный способ переосмысления самофальсифицируемого высказывания состоит в упомянутой выше «рестрикции»: *Все высказывания ложны.* = «Все высказывания ложны, кроме этого»; *Не слушай ничьих советов.* = «Не слушай ничьих советов, кроме этого моего совета».

2. САМОФАЛЬСИФИКАЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ

Часто полагают, что исследование «парадокса лжеца» и его аналогов имеет скорее теоретический интерес: оно может помочь нам проникнуть в секреты семантики естественного языка²⁴³, но такого рода самофальсификация едва ли может встретиться в естественно-языковой коммуникации. А если такого рода высказывания и встретятся, то интерпретироваться они всегда должны «рестриктивно». Однако на самом деле говорящий — сознательно или бессознательно — включает в свою речь самофальсифицируемые высказывания значительно чаще, чем это может показаться на первый взгляд. При этом интерпретируются эти высказывания различным образом — в зависимости от того, как мы поняли речевые интенции говорящего.

Так, высказывания, содержащие «парадокс лжеца» в почти чистом виде, можно встретить не только у последователей школы скептицизма, но и в знаменитой строке Тютчева *Мысль изреченная есть ложь*. Существенно, что «ложность» здесь понимается не просто как несоответствие действительности: для скептиков *ложно*, по-видимому, должно интерпретироваться как «недостовечно»; для Тютчева «ложность» высказывания, скорее, означала неспособность адекватно выразить соответствующую мысль.

Когда человек, поторопившись, дал неправильный ответ на вопрос, он может исправиться, сказав: «Ой, что это я, вру, вру!» Интерпретация такого высказывания связана с особым пониманием настоящего времени, относящегося к только что сделанному утверждению, а не к тому, которое делается в данный момент. Иная интерпретация предполагается высказыванием Разумихина из «Преступления и наказания»: *Все мы врем, потому что и я тоже вру, но доверься же, наконец, и до правды...*

По существу, с «парадоксом лжеца» мы сталкиваемся и в заключительной фразе известного анекдота, опубликованного в журнале "National Enquirer" (1993, 23 февраля): «Game warden: *Catch any fish?* — Fisherman: *Did I! I took out 40 this morning.* — Game warden: *That's illegal. Know who I am? I'm the game warden.* — Fisherman: *Know who I am? I'm the biggest liar in the world.* «Разумеется, принять к сведению высказывание *Я величайший лжец на свете* можно, лишь поверив данному утверждению, так что здесь также должна иметь место некоторая разновидность рестриктивной интерпретации. Однако это высказывание едва ли озна-

²⁴³ Поэтому в целом ряде работ «парадокс лжеца» и смежные явления исследуются с лингвистической точки зрения. Упомянем хотя бы фундаментальное исследование Godart-Wendling 1990 и указанную там литературу, а также статью Vanderveken 1980.

чает 'Все мои утверждения ложны, кроме данного'; скорее, его смысл примерно следующий: 'Я так часто лгу, что вы не никогда не должны доверять тому, что я говорю'.

Скрытую самофальсификацию можно увидеть и в заголовке автобиографии одного актера — "Profession menteur". По-видимому, замысел автора предполагал рестриктивную интерпретацию, относясь к актерской («лицедейской») профессии, но не к содержанию книги. Однако рецензент (François Périer, Elle, 1991, 15.01) интерпретировал заголовок как пример «парадокса лжеца»: *Ne craignant pas de faire mentir le titre, "Profession menteur", il y parle avec une sincérité telle qu'elle en est parfois choquante*. Мы видим, что рецензент «перевернул» рестриктивную интерпретацию: по его мнению, во всей книге «лжет» только заголовок.

Особый тип осмысления представлен высказыванием из популярной песни 50-х годов, в которой на нерешительную просьбу *Я бы вас поцеловал, если только это можно* разрешение было дано в следующих выражениях: *Да уж ладно, говорю, поцелуй без разрешенья*. Говорящая дает разрешение, но не хочет это выразить достаточно определенно.

Некоторые типы самофальсифицируемых высказываний встречаются так часто, что уже превратились в своего рода речевые клише. Так, очень широко распространены фразы типа *Я не буду даже упомянуть о...; Я ни слова не скажу о...* Даже научные доклады нередко включают в себя пространные изложения того, о чем докладчик не будет говорить (*В своем докладе я не буду говорить о том, что...*). Стали фразеологизмами такие обороты, как *не говоря уже...* или *Я (уж) не говорю...*; используя их, говорящие даже не замечают того, что они представляют собою яркие примеры самофальсификации. В то же время слушающие иногда обращают внимание на формальную незаконность этого речевого приема. Так, М. Цветаева рассказывает о пятилетнем Максимилиане Волошине:

Мать при пятилетнем Максе читает длинное стихотворение, кажется, Майкова от лица девушки, перечисляющей все, что не скажет любимому: «я не скажу тебе, как я тебя люблю, я не скажу тебе, как тогда светили звезды, освещая мои слезы. Я не скажу тебе, как обмирало мое сердце при звуке шагов — каждый раз не твоих. Я не скажу тебе, как потом взошла заря» и т. д. и т. д. Наконец — конец. И пятилетний, с глубоким вздохом: «Ах, какая! Обещала ничего не сказать, а сама все взяла да рассказала».

Особенно заметна самофальсификация, когда говорящий специально объясняет, почему он «ни словом не упоминает» то или иное явление. Например, Игорь Золотусский, будто бы «не упоминая» две публикации «Размышлений о божественной литургии» Гоголя, умудряется

в то же время привести их библиографические данные и попутно охарактеризовать их как текстологические недостоверные (см. «Новый мир», 1991, № 9): *Я сознательно не упоминаю две другие публикации «Размышлений о божественной литургии» — в издательстве «Современник» (1990) и в журнале «Наше наследие» (1990, 5), — где обнародован текст работы Гоголя, искаженный правкой духовной цензуры. А Наум Коржавин в «Искусстве кино» (1990, 11) заявил: Кстати, многие из этих стихов сейчас просто стыдно публиковать, они написаны несвободным человеком. Например, у меня есть поэма в полторы тысячи строк, где о тридцать седьмом годе сказано: «И суть была не в том, что били, а в том, что били по своим». Да я умру раньше, чем такое опубликую, хотя там есть вещи, которые мне очень дороги (т. е. опубликовал две строки из поэмы, сопроводив их утверждением: Да я умру раньше, чем такое опубликую).* Характерна также фраза, сказанная (в присутствии детей) одной знакомой лингвисткой (не буду сообщать, что это была Маша Полинская): *Я не буду говорить при детях, что эти скульптуры напоминают фаллические символы.*

Если же говорящий специально не останавливается на причинах «умолчания» (точнее, псевдоумолчания), то самофальсификация становится менее заметной, как, например, при использовании уже упоминавшихся речевых клише. Но все равно фразу Н. А. Струве *Мы не будем здесь говорить о попытках Рима — извечных, начиная с крестоносцев XIII в. и кончая орденом иезуитов в XX-м, — распространять свое влияние, а если можно и власть на Россию Ж. и Ж. Жоанне справедливо характеризуют как слова о происках Рима и кознях иезуитов («Вестник РХД», 161).* Действительно, утверждая, что эти слова не будут сказаны, Н. А. Струве как раз сказал их.

К самофальсифицируемым могут быть отнесены и высказывания, обыгрывающие знаменитый парадокс Мура (*Идет дождь, но я так не считаю*), например: *Мария Поклен была состоятельной женщиной... Молясь, Мария перебирала перламутровые четки. Она читала Библию и даже, чему я мало верю, греческого автора Плу-тарха в сокращенном переводе (М. Булгаков).* В приведенном отрывке вводное замечание «от автора» *чему я мало верю* подчеркивает тот факт, что все остальные сообщения опираются на различные, возможно, не вполне достоверные источники; оно в каком-то смысле аналогично словам *якобы, будто бы*. В подобных случаях осмысление возможно, если можно интерпретировать сообщение как не связанное с субъективным мнением говорящего. Скажем, высказывание **Вероятно, он придет, — но я думаю, что он не придет* аномально и едва ли допускает осмысленную интерпретацию, поскольку необходимое условие гипотетического высказывания *Вероятно, он придет* — чтобы говорящий склонялся к истинности высказанной гипотезы.

В противоположность этому вполне правильно (и даже не парадоксально) высказывания *Возможно, он придет, но я думаю, что он не придет* (в первой части говорящий указывает на его приход как на одну из возможностей, но ничего не говорит о том, сколь вероятной он считает эту возможность) и *Есть вероятность, что он придет, но я думаю, что он не придет* (первая часть указывает на наличие объективной вероятности, вторая — на субъективное мнение говорящего).

Таким образом, высказывания подобного типа могут быть осмыслены, если в них удастся выделить два уровня: скажем, собственное мнение говорящего и сведения, почерпнутые из каких-либо источников или мнение, опирающееся на авторитет, и личное мнение. Такова фраза из газетного интервью *Я считаю, что мое мнение ложно*, — чистый пример самофальсификации, допускающий осмысление, но воспринимаемый как случайное или осознанное отклонение от нормы. Два уровня можно выделить и в монологах героя Чехова, который, рассказывая нечто своему сыну, то и дело перебивал свой рассказ репликами: *Ты мне не верь, Боренька... Ни одному моему слову не верь*.

Отдельного упоминания заслуживают парадоксы, связанные со знанием. Самофальсифицируемыми и потому аномальными являются фразы вида *Я не знаю, что P*²⁴⁴. Сообщение может естественным образом предваряться квазиперформативом *Знай, что...*, но аномально **Не знай, что...* Самофальсифицируемы при буквальном понимании (и, по-видимому, должны интерпретироваться рестриктивно) высказывания типа *Так никто и не знает, что...* (ср. фразу из лингвистического доклада *Об этом до сих пор не знает ни один лингвист*).

Встречаются и случаи, когда самофальсификация обусловлена противоречием между содержанием высказывания и его внешними особенностями: интонацией, акцентом, орфографией. Именно в таком противоречии упрекают доктора Гавела — персонажа Милана Кундеры:

Vous vous êtes dépeint sous les traits d'un personnage de comédie, de la grisaille, et de l'ennuie, comme un zéro! Malheureusement, la façon dont vous vous êtes exprimé était un peu trop noble. C'est vôtre maudit raffinement: vous vous traitez de mendiant, mais vous choisissez pour cela des mots princiers pour être quand même plus prince que mendiant. Vous êtes un vieux imposteur, Havel. Vaniteux jusque dans les moments où vous vous roulez dans la boue.

Наличие написания *disparaît* делает самофальсифицируемым подзаголовок из газеты "Le Figaro" (об орфографической реформе): *L'accent*

²⁴⁴ Впрочем, они возможны в ситуациях, когда говорящий и его собеседник договариваются солгать третьему лицу. Здесь высказывание как бы находится в сфере действия оператора 'Давай договоримся делать вид, будто...'. Обратим внимание на то, что высказывания вида *Договоримся, будто я не знаю, что p* вполне правильны.

circonflexe disparaît sur les "i" et les "u" et de nombreux mots composés seront soudés. Наконец, ходовой ответ на требование Молчи! — Да я и так молчу, — оказывается самофальсифицируемым в силу самого факта «говорения» (ср. у Е. Попова: «*Вася, молчи! Ты слышал, что тебе сказал товарищ?*» — говорит Коля Васе. «*Ништяк, Колян! — отвечает Вася Коле. — Я уже молчу, Колян! Да только я могу и еще кой-кому хавальник завесить*»; сходный эффект имеет место в эпизоде из пьесы Шварца, в котором нищий просит подаяния словами *Подайте бедному немому!*). Равным образом надпись на доске объявлений в «Диснейленде», гласящая, что «на этой доске ничего не написано», оказывается самофальсифицируемой ipso facto.

Приведем также (без комментариев) строчки из французского стихотворения *...Daignez m'accorder... ce que je n'ose demander*; изощренную игру в похвальбу во 2-м Послании к Коринфянам (12: 5—6) апостола Павла²⁴⁵ (*...Собою же не похваляюсь... Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь...*); ответ упомянутого выше персонажа рассказа Милана Кундеры на вопрос *Pourquoi...?* — *Justement parce qu'il n'y a pas de raison.*

Особый тип самофальсификации представлен высказываниями, нарушающими предписания, которые говорящий делает другим: *Нельзя ничего запрещать; Никогда не говори «никогда»*; ср. также многократно цитировавшуюся фразу *Не смей командовать!* (Ленин). Самофальсификация имеет место, если говорящий претендует на универсальность своего требования, используя генерализованное 2-е лицо; при этом часто возникает комический эффект. В одном из стихотворений Маршака рассказывается, как в отсутствие учителя школьники громко кричали, призывая друг друга к тишине; но тут явился Угомон, «оглядел он всех сурово и сказал ученикам: *Не учи молчать другого, а молчи побольше сам*». Ясно, что сам Угомон никак не следовал своим правоучительным словам. Дружный смех в зале вызвали две фразы из одного выступления на Съезде народных депутатов СССР (25 мая 1989 г.): *...Не надо подхваливать Михаила Сергеевича. Мне кажется, это унижает этого человека, этого крупнейшего политического и государственного лидера...* Высказывания такого рода обыгрываются в разного рода шутках (как в анекдоте о бельгийском пособии по культуре речи, в котором говорится: *Ne disez pas "disez", disez "dites"!*), они часто служат мишенью для сатириков, ср.: *1.08 сего года в 8 часов 15 минут приказываю административ-*

²⁴⁵ Это подводит нас к парадоксам, связанным с похвальбой и скромностью. Утверждения типа *Я чрезвычайно скромный человек* неизбежно оказываются самофальсифицируемыми (на это обращал внимание Ю. Айхенвальд: *Если я... стану доказывать свою скромность, я тем самым ее потеряю*).

Кстати, апостол Павел и прямо проявлял интерес к «парадоксу лжеца», цитируя высказывание Эпименида «Критяне всегда лжецы» в Тит. 1, 12.

ные методы руководства заменить экономическими. Об исполнении доложить! («Литературная газета», 1989, 24 мая). Упомянем также карикатуру в «Огоньке», на которой был изображен город, увешанный транспарантами с надписями «Не надо лозунгов!», «Обойдемся без лозунгов!» и т. п. Именно эта последняя разновидность самофальсификации имеет место в тех случаях, когда говорящий, упрекая за что-то адресата речи, в своем высказывании допускает именно то, за что он упрекает другого: например, когда, как это часто бывает, фраза *Как вы смеете кричать на меня!* произносится повышенным тоном.

Даже приведенных примеров, как представляется, достаточно для того, чтобы продемонстрировать, что самофальсифицируемые высказывания не так уж редки в повседневной речевой практике. Признав автореферентность необходимым свойством любого высказывания, мы получаем возможность анализировать эти высказывания как один из видов семантических аномалий, в определенных случаях допускающий переосмысление.

ГЛАВА 3

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ДЕМАГОГИИ. АПЕЛЛЯЦИЯ К РЕАЛЬНОСТИ КАК ДЕМАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ*

Под языковой демагогией понимаются приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами. Поскольку сущность «языковой демагогии» состоит в том, что речевое воздействие на адресата осуществляется не прямо «в лоб», а замаскированно, для «языковой демагогии» особенно пригодны высказывания, когда мнение, которое говорящий хочет внушить адресату речи, относится к неассертивному компоненту смысла, представляет собою пресуппозицию или речевую имплицатуру данного высказывания. Языковая демагогия использовалась и в советское время (см., например, работу М. Ю. Федосюка [1992] о демагогических приемах, использовавшихся в речах Хрущева), однако инвентарь демагогических приемов был относительно небогат: прежде всего это было использование двух разных рядов лексических единиц в зависимости от того, идет ли речь о «своем» или о «чужом». Так, М. Эпштейн заметил как-то, что в рамках советского идеоязыка высказывание *Матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитских шаек* передавало совсем иную идею, нежели высказывание *Опытный политик заключил соглашение с руководителями партизанских отрядов*, — хотя факт мог быть один и тот же, адресату навязывалась определенная оценка этого факта. Ср. также аналогичное замечание о номинациях, используемых в советской пропаганде, в «Архипелаге ГУЛАГ»: *...по тому усвоенному нами правилу, что все в мире, кто убивает за нас, — «партизаны», а все, кто убивает нас, — «бандиты», начиная с тамбовских крестьян 1921 года.* Подлинный расцвет языковой демагогии имеет место сейчас, когда в условиях относительной свободы и невозможности административного воздей-

* В основу данной главы положены доклад «Приемы языковой демагогии» (конференция «Язык власти и власть языка», Хельсинки, сентябрь 1995) и статья «Апелляция к реальности как демагогический прием» («Московский лингвистический журнал», 1996, № 2).

ствия на несогласных, для того чтобы властвовать умами, приходится прибегать к разного рода речевым хитросплетениям (arch use of language). В современной («постперестроечной») прессе особенно активно используются следующие демагогические приемы.

1. АССЕРЦИЯ, МАСКИРУЮЩАЯСЯ ПОД ПРЕСУППОЗИЦИЮ

Данный прием эксплуатирует свойство большинства высказываний на естественном языке, состоящее в том, что наряду с ассертивным они включают так называемый презумптивный компонент, или пресуппозицию, т. е. суждение, которое должно признаваться истинным как автором высказывания, так и его адресатом, для того чтобы высказывание вообще имело смысл (так, высказывание *Дождь кончился* осмысленно, только если признается истинным, что шел дождь). Как известно, важное свойство пресуппозиций состоит в том, что они, в отличие от ассерций, не подвержены действию отрицания. Отрицательное предложение *Дождь не кончился* имеет ту же пресуппозицию, что и положительное *Дождь кончился*, а именно: 'шел дождь'. Именно это свойство делает пресуппозиции удобным инструментом языковой демагогии.

На случаи, когда в демагогических целях ассерция маскируется под пресуппозицию, обратила внимание Т. М. Николаева [1988]. Этот прием широко используется не только в бытовой коммуникации, рассмотренной в указанной статье Т. М. Николаевой; к нему активно прибегают журналисты и политические деятели в целях манипулирования общественным сознанием.

Рассматриваемый прием заключается в том, что идея, которую надо внушить публике, подается под видом пресуппозиции. Это позволяет использовать в качестве инструмента пропаганды самые «невинные» газетные жанры, например социологические опросы. Журналист, проводящий опрос, вообще не делает никаких утверждений — он лишь задает вопросы; и может остаться незамеченным, что эти вопросы содержат пресуппозицию, которая a priori может быть вовсе не очевидна для опрашиваемых и которую и надо внушить публике. Так, задавая вопрос: *В чем, по-вашему, причины снижения жизненного уровня в стране?* — репортер заставляет респондентов, как бы они на этот вопрос ни ответили, признать истинность пресуппозиции 'жизненный уровень снизился'. Анализ опросов, проводившихся в России за последние годы, показывает, что очень часто они преследуют не столько познавательные, сколько демагогические цели, служат не столько изучению общественного мнения, сколько воздействию на него посредством пресуппозиций.

Чрезвычайно показательным является использование рассматриваемого лингводемагогического приема в анкете, распространяемой так называемым Фондом социальных исследований «Славянский союз» (организацией, финансируемой концерном «Гермес»). Анкета включает, среди прочего, следующие вопросы, к которым предлагается перечень возможных ответов:

«1. Какой способ компенсации Ваших вкладов, имевшихся у Вас в государственном сберегательном банке в 1991 году, но обесцененных реформаторами, Вы считаете правильным и готовы поддерживать?»

- а) в денежной форме с учетом инфляции;
- б) предоставлением квартиры, благоустроенного дома в сельской местности, улучшением жилищных условий в соответствии с величиной Вашего вклада;
- в) передачей Вам в собственность государственного имущества, земельного участка;
- г) комбинированным способом по Вашему выбору;
- д) иным способом;
- е) затрудняюсь ответить

[пресуппозиции: 'У респондента в 1991 г. имелся в сберегательном банке вклад', 'Этот вклад был обесценен в результате «реформаторской» деятельности', 'Респондент считает, что эта утрата должна быть компенсирована'];

...4. К какому сроку, по Вашему мнению, после избрания главы народного концерна «Гермес» В. И. Неверова президентом России развитие жилищного строительства, обустройство сел, деревень и городов существенно изменят к лучшему условия жизни для Вас и Вашей семьи?

- а) к 1999 году;
- б) к 2003 году;
- в) после 2003 года;
- г) затрудняюсь ответить

[пресуппозиции: 'В. И. Неверов будет избран президентом России', 'это приведет к обустройству сел, деревень и городов', 'в результате жизнь респондента и его семьи существенно улучшится']».

2. ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРИ ПОМОЩИ РЕЧЕВЫХ ИМПЛИКАТУР

Под речевыми импликатурами понимаются идеи, непосредственно не высказываемые в тексте, но выводимые из него на основе общих законов речевого общения. Другой прием речевой демагогии состоит в том, что внушаемое утверждение прямо не содержится в тек-

сте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура. Это дает возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицуемого утверждения, подобно персонажу одного из романов Лурье, который в ответ на просьбу никому не рассказывать о некотором только что происшедшем событии заверил: *A gentleman never tells*, — а затем, когда выяснилось, что он все же рассказал, заявил: *I never said I was a gentleman*²⁴⁶.

Практика «воздействия на умы» посредством импликатур использовалась еще в советское время в подцензурной печати в связи с необходимостью пользоваться эзоповым языком, когда «крамольная» мысль не высказывалась прямо, а предлагалась читателю как импликатура того, что сказано. Она широко распространилась в годы перестройки. Например, говоря: *Вот вы защищаете евреев и не думаете о том, что в стране назревает экологическая катастрофа*, — автор высказывания подводил читателя к мысли 'в экологической катастрофе виноваты евреи'. Однако прямо такая мысль не высказана, и при необходимости автор мог от нее легко «отпереться» (анализ речевых импликатур, использовавшихся в националистической печати конца 80-х гг., см. в статье [Шмелев 1991]). Однако особенно популярна она стала в последнее время, отчасти в связи с распространившейся практикой подавать в суд на журналистов за клевету или диффамацию. Подавая клеветнические или недоказанные утверждения в виде речевых импликатур, журналист легко избегает возможного судебного преследования.

3. ВОЗРАЖЕНИЕ ПОД ВИДОМ СОГЛАСИЯ

Речь идет о манере спорить, когда говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит возражение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли. Описание данного приема (этот прием с некоторой степенью подробности был также рассмотрен в главе III.6) мы предварим анализом оборота *действительно*, отличающегося по семантике и текстовым функциям от внешне сходных выражений *в действительности*, *в самом деле* и *на самом деле*.

Хотя выражения *действительно*, *в действительности*, *в самом деле* и *на самом деле* содержат одну и ту же идею апелляции к реальности, их риторические функции во многом различны или даже противоположны. Можно было бы сказать, что «*действительно* и *в самом деле* используются в контекстах подтверждения некоторого вы-

²⁴⁶ Указанный пример приводится в одной из статей Е. В. Падучевой [1982: 312].

сказывания, тогда как *в действительности и на самом деле* могут выступать в контекстах опровержения» ([Баранов и др. 1993]; см. также [Буглак 1994]).

Существенным общим свойством всех рассматриваемых выражений при их использовании в качестве «риторических операторов» является «реактивность»: каждое из них может быть употреблено лишь в том случае, когда речь идет о реальности некоторой «обсуждаемой ситуации»²⁴⁷. Иными словами, корректное использование какого-либо из этих выражений предполагает, что «в поле зрения» участников коммуникации имеется какая-то ситуация и обсуждается соответствие данной ситуации действительности. В самом простом случае «обсуждаемая ситуация» соответствует содержанию предшествующего утверждения; она может также представлять собою условие уместности предшествующего вопроса и т. п. Обозначим пропозицию, соответствующую «обсуждаемой ситуации», как S, а пропозициональное содержание высказывания, вводимого посредством какого-либо из указанных выражений, — P. Тогда можно сказать, что, используя выражение *действительно*, говорящий подтверждает, что S истинно. Очевидно, именно в этом смысле и говорят, что *действительно* «выражает согласие».

Однако необходимость «выразить согласие» не возникает сама по себе. Если обсуждается утверждение S, то прагматически выражение согласия с S, вообще говоря, бывает оправданно, если необходимо снять возможные сомнения в истинности S, или для того, чтобы, согласившись с S, сделать какие-то ограничивающие оговорки.

При использовании для «снятия сомнений» *действительно* оказывается взаимозаменяемо с *в самом деле* («снятие сомнений» и является основной функцией выражения *в самом деле*). В монологическом режиме «снятие сомнений» предполагает построение аргументации, когда P используется как аргумент, свидетельствующий об истинности S; тогда высказывание, в котором *действительно/в самом деле* занимает начальную позицию, открывает цепочку аргументов, призванных доказать истинность S. Иными словами, посредством P говорящий «снимает сомнения» в истинности S, которые могут быть у его «оппонента», в стандартном случае — адресата речи:

(1) а. *Одноразовая ракета не всегда самый удобный и экономный вид транспорта. В самом деле, сколько труда, материалов идет на изготовление ракеты, ее двигателей, сложнейших бортовых систем. И все ради единого пуска;*

б. *Исследование рецепторов требует недоступного прежде мастерства и тонкости техники. В самом*

²⁴⁷ Ср. используемые в [Булыгина, Шмелев 1987] (см. главу III.3) понятия «рассматриваемая ситуация» и «предмет интереса».

деле, как, не трогая, не разрушая мембрану, получить точное и конкретное представление о топографии и структуре рецептора, когда толщина мембранной стенки ничтожна — всего 2—3 молекулы, а поверхность мембраны громадна?

В «диалогическом» режиме мнение S как раз высказывается оппонентом, а сомнения могли быть у самого говорящего (или у лица, с точки зрения которого ведется повествование); использование *действительно/в самом деле* указывает на то, что говорящий убедился в истинности S. В этом случае P обычно совпадает с S:

- (2) а. *«Это коньяк, — сказал он. — Коньяк великолепный». Коньяк в самом деле оказался очень хорошим (А. Чехов);*
 б. *Ему говорят: «Не работает!» Он попробовал: «Да, действительно, не работает»;*
 в. *«Яблоко кислое». Полковник тоже поднял яблоко, куснул и тут же выплюнул: «Фу! В самом деле глаз воротит».*

Еще чаще *действительно* используется для выражения «согласия с оговорками». Иногда эта оговорка носит характер простого уточнения (например, *Так бывает не всегда, но, действительно, чаще всего*), но наиболее характерно для *действительно* его использование в полемике, когда выражается готовность согласиться с общей мыслью оппонента, но с тем, чтобы сразу же сделать оговорку, часто сводящую на нет возможные выводы из этой мысли:

- (3) а. Вывод о том, что загруженность судей гораздо выше, чем у адвокатов, мягко говоря, некорректен. Адвокатов, *действительно*, несколько больше, но ведь они не только выступают в суде. В какой-то мере они заняты на предварительном следствии. Плюс юридические советы населению, оказание юридической помощи народному хозяйству и многое другое;
 б. Обвинение признает, что он *действительно* отнял у потерпевшего вещи, но утверждает, что это была заранее условленная инсценировка, шутка;
 в. Проблема эта *действительно* существует, однако зачастую не там, куда указывают оппоненты.

Таким образом, *действительно*, казалось бы, предназначенное для «выражения согласия», в реальных текстах чаще всего используется для полемики, когда, соглашаясь с какой-то частностью, говорящий возражает против существа мысли оппонента.

Целый ряд «формул согласия» русского языка используется именно таким образом. Кроме слова *действительно*, можно назвать такие выражения, как *согласен, не спорю, спору нет* (ср.: *По-вашему, лучше французов и людей нет. Ученый, умный народ! Цивилизация! Согласен, французы все ученые, манерные... Француз никогда не позволит себе невежества: вовремя даме стул подаст, раков не станет есть вилкой, не плюнет на пол, но... нет того духу! Духу того в нем нет!*). Поскольку использование указанных выражений часто предполагает последующее возражение, ограничивающее или сводящее на нет непосредственно выраженное в них «согласие», они дают возможность высказать возражение в неявном виде, даже не давая понять, в чем, собственно, оно состоит, что и открывает дорогу различным речевым манипуляциям.

4. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ВИДИМОЙ» И «ПОДЛИННОЙ» РЕАЛЬНОСТИ

Здравый смысл и правила логики говорят нам, что, если наблюдаемые факты противоречат априорно принимаемым посылкам, нам не остается ничего иного, как отвергнуть или видоизменить исходные посылки. В то же время в практической жизни люди нередко цепляются за свои представления и не спешат расстаться с ними под напором фактов. Тогда им приходится тем или иным образом менять квалификацию факта, чтобы, не отвергая его полностью, все же сохранить возможность не считаться с ним. Например, факты объявляют исключительными (ср. ходовое изречение *Нет правил без исключений*), а приобретая статус исключения, факт теряет способность свидетельствовать о «высшей правде». Так, в советской литературной критике издавна противопоставлялись «правда факта» и «правда истории», причем за «правдой факта» признавалось низшее значение.

Кроме того, существенную роль играет способ констатации факта. Именно поэтому *Мятеж не может кончиться удачей: В противном случае его зовут иначе*. А популярный в перестроечной и постперестроечной печати призыв *Давайте называть вещи своими именами* используется, как отметил Г. Е. Крейдлин, в качестве способа непрерывно менять имена объекта в соответствии со своими целями.

Рассмотрим еще один из приемов «языковой демагогии», состоящий в том, что говорящий противопоставляет «видимости», «кажущейся реальности» (т. е. непосредственно наблюдаемым фактам) — реальность «подлинную». Такое противопоставление может делаться почти открыто (русский язык располагает для этого специальными средствами — в частности, выражениями *в действительности* и *на самом деле*) или скрытым образом (чаще всего при передаче чужих высказываний).

Даже когда апелляция к реальности осуществляется открыто, мы имеем дело со своего рода «языковой демагогией», поскольку в основе такой апелляции лежит имплицитное представление о «мнимой», «кажущейся» реальности, скрывающей за собою «подлинную», «настоящую» реальность (при этом говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность)²⁴⁸. В случае же неявной апелляции к реальности эффективность приема усиливается тем, что подмена фактов («кажущейся» реальности) их интерпретацией («подлинной» реальностью) осуществляется почти незаметно для тех, кому адресован этот прием.

Используемые при эксплицитном противопоставлении «видимости» и «подлинной реальности» выражения *в действительности* и *на самом деле* характеризуются совсем иными свойствами по сравнению с рассмотренными выше *действительно* и *в самом деле*. Характерны примеры, в которых *действительно* и *на самом деле* или *в самом деле* и *на самом деле* непосредственно противопоставляются в тексте:

- (4) а. На первый взгляд и процессы истечения сыпучих тел и жидкостей через отверстия похожи друг на друга. *Действительно*, со времени игр в песочнице каждый знает, что песок течет сквозь пальцы, «как вода». Но *на самом деле* аналогия с водою оказывается далеко не такой полной;
- б. Он держался невозмутимо, как будто ему и *в самом деле* неведом был страх. А *на самом деле* у него душа в пятки ушла.

Использование единиц *в действительности* и *на самом деле* связано, как уже говорилось, с противопоставлением мнимой и действительной реальности. Отсюда эффект «полемичности», отмечаемый исследователями в высказываниях, содержащих эти выражения. Приведенный выше отрывок (4а), в котором использовано как *действительно*, так и *на самом деле*, вместе с тем лишний раз показывает, что *действительно* далеко не всегда выражает «подтверждение». В этом тексте *действительно* выражает готовность согласиться с тем, что мнение оппонента имеет некоторые основания, но вовсе не с тем, что оно соответствует «реальной» действительности.оборот же *на самом деле* в явном виде противопоставляет кажущейся, мнимой реальности реальную действительность.

Функция высказывания, содержащего выражение *в действительности/на самом деле*, может быть описана следующим образом:

²⁴⁸ В работе [Николаева 1988: 164] также мимоходом отмечается, что указание на максимальную приближенность к жизни, к реальной структуре мира чаще всего является лингвODEMAGOGИЧЕСКИМ приемом.

говорящий заявляет, что S соответствует м н и м о й реальности, а ре а л ь н о й действительности соответствует не S, а P; ср.: *В жаркий день лужу воды, колеблющуюся в знойном мареве, можно увидеть в большом городе на совершенно сухом асфальте. В действительности это всего лишь отражение неба в нижнем атмосферном зеркале.* Не случайно риторическое *в действительности* часто выступает в сочетаниях с союзами *а* и *но*, с частицей *же* и не встречается в сочетании с союзом *и* (**и в действительности*).

Функции выражения *на самом деле* во многом подобны функциям *в действительности*: оно также используется при «полюемике», когда кажущейся реальности S противопоставляется действительная реальность P: *Полярная звезда кажется совершенно неподвижной. На самом деле она движется.* Ср. лишь некоторые из многочисленных примеров, в которых выражение *на самом деле* используется для «развенчания видимости», для дискредитации высказанного или невысказанного мнения оппонента:

- (5) а. У нее был такой *вид*, словно она очень тревожится, отпуская Ольгу одну в путешествие. *На самом деле* она радовалась, что Ольга уезжает;
- б. Она *говорила*, что больна, а *на самом деле* рыдала оттого, что жизнь кончилась;
- в. Она *полагала*, что заботится о дочери, а *на самом деле* заботилась о себе;
- г. Одна была его ровесница, *мнившая* себя высокой интеллектуалкой, а *на самом деле* распутная тварь, мечтавшая женить его на себе любым способом.

Однако, в отличие от *в действительности*, выражение *на самом деле* может использоваться и «для подтверждения»: *Он сделал вид, что спит, и через полчаса на самом деле уснул.* При таком употреблении оказывается даже возможной замена *на самом деле* на *в самом деле*.

В то же время следует отметить, что возможность такого употребления никак не противоречит содержащейся в семантике *на самом деле* идее противопоставления кажущейся и действительной реальности. Общая установка говорящего, использующего выражение *на самом деле*, может быть приблизительно описана следующим образом: «На основе информации S оппонент, не располагающий сведениями об истинном положении дел, мог бы сделать вывод S₁; истинному положению дел соответствует не S₁, а P'. Лишь в частном случае S₁ совпадает с S; вообще говоря, S₁ может представлять собою любой возможный вывод из S, в частности речевую импликацию высказывания S. Поэтому высказывание *Он делал вид, что спит* может быть продолжено и при помощи ...а *на самом деле* просто *закрывал*

глаза, и при помощи ...и вскоре и на самом деле засыпал, — в первом случае опровергается «кажущаяся реальность» 'он спал', во втором случае — «кажущаяся реальность» 'он не спал' (речевая импликатура выказывания *Он делал вид, что спал*).

Рассматриваемое свойство выражения *на самом деле* и позволяет использовать его в качестве орудия речевой демагогии. Одним из способов устранить неприятный факт путем изменения способа его констатации является противопоставление видимости и подлинной реальности. Говорящий, использующий этот прием, как бы заявляет: «Все факты, которые можно использовать для того, чтобы мне возразить, это лишь видимость, за которыми скрывается подлинная, скрытая от вас реальность». Говоря: «Вам только *кажется*, что у вас есть высшие цели. *На самом деле* все ваши высшие цели — это только ловко замаскированный интерес класса, к которому вы принадлежите», — марксист лишал потенциального оппонента возможности возражать (ср. цитированные нами в статье [Булыгина, Шмелев 1995] замечания о «волшебном сочетании слов *на самом деле*», сделанные в 1976 г. В. Ф. Турчиным). Можно упомянуть также наблюдение, сделанное Максимом Кустовым в газете «Московский комсомолец» (1996, 11 июля): «Мне довелось недавно беседовать с руководителем Союза кинематографистов Элемом Климовым. Я ему сказал: нам в искусстве нужна правда, но полная правда, а не полуправда. Надо показывать деревню такой, какой она есть на самом деле, а не такой, какой они иногда встречаются еще в средней полосе России. (*Это, пожалуй, самая потрясающая фраза, которую Михаил Сергеевич подарил человечеству. «Такая, как на самом деле, а не такая, какая еще иногда встречается». Весь принцип социалистического реализма сформулирован в одном предложении. — Авт.*)».

Вариации на указанную тему в современной прессе бесконечно разнообразны. Например, «Вам только *кажется*, что вы свободны в своих действиях. *На самом деле* вы игрушка в руках руководителей всемирного заговора». При использовании выражения *на самом деле* подобным образом говорящий становится неуязвимым, а любой возможный контраргумент — заранее опровергнутым. (Подробнее о влиянии способа вербализации факта на оценку его истинности см. [Булыгина, Шмелев 1995].)

5. ИГРА НА РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

Ввиду того что в русском языке отсутствуют артикли, часто лишь при обращении к более широкому контексту может быть выяснено, соотносится ли языковое выражение с конкретным объектом или же с целым классом объектов (впрочем, референциальная неод-

нозначность возникает и в артиклевых языках). Иногда это может привести к забавным недоразумениям, как в случае, рассказанном в газете «Неделя» в 1983 г. Некоторая женщина пришла в редакцию с просьбой: «Помогите мне найти мужа». «У нас же не брачная газета», — возразили ей. «Вы не поняли меня, у меня пропал муж», — объяснила женщина. Именно такая возможность формального неразграничения фиксированности/нефиксированности в контексте «миропорождающих» глаголов служит источником многочисленных анекдотов, из которых приведем один: *Мы ищем бухгалтера. — Как? Вы же взяли на работу бухгалтера неделю назад. — Да, а теперь мы его ищем.*

Иной тип референциальной неоднозначности обыгрывается в известном анекдоте о чукче, который приезжал в Москву на съезд. Вся Москва была увешана лозунгами «Всё на благо человека!» «И чукча видел этого человека», — гордо говорит чукча. Здесь источником референциальной неоднозначности является формальное неразличение генерализованных и индивидуальных ИГ (напомним, что для генерализованной референции могут быть использованы имена в единственном числе).

Те же самые источники референциальной неоднозначности могут служить и в качестве средства речевой демагогии. Т. М. Николаева в одной рецензии, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (1995, №1), приводит такие примеры: *Мы, конечно, за реформы (эти? вообще?); Президент нужен (этот? какой-нибудь?).*

Сходный тип речевой демагогии основан на манипулировании риторическим приемом генерализации. Указанный прием состоит в том, что для выражения того или иного мнения по поводу конкретной ситуации говорящий использует общую сентенцию²⁴⁹. Тем самым может использоваться генерализованная референция в тех случаях, когда фактически имеется в виду единичный объект. Ср. примеры диалогов: *Откройте! — Я негодяям принципиально не открываю [≈ 'Вы негодяй, и я вам не открою из принципа']* (М. Булгаков); *Эй, ты, поручик, очисти вагон! — Я не отвечаю на красный жаргон*²⁵⁰. (П. Васильев). Эксплуатируя постулаты речевого общения, говорящий как бы навязывает подведение конкретного явления под заданную общую категорию. В то же время у адресата речи есть возможность игнорировать указанный прием и понимать высказывание буквально, и в этом случае речевая демагогия оказывается неуспешной: *«Не всякий даст себя провести. Умного человека не одурачат». — «А тебя одурачат», — отрезал он, не желая понять, кого подразумевал я под умным человеком* (Я. Перельман).

²⁴⁹ Этот прием отмечен, в частности, в рецензии на фильм «С Новым годом, Москва!», опубликованной в журнале «Искусство кино» [Шмелев 1993: 18—19]. Там же приведены и примеры.

²⁵⁰ Заметим, кстати, что такой ответ представляет собою образец «самофальсификации», рассмотренной в [Шмелев 1990] (см. главу VI.2).

6. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧУЖИХ ВОЗЗРЕНИЙ ИЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СООТВЕТСТВИИ СО СВОИМИ ИСХОДНЫМИ ПОСЫЛКАМИ

Наиболее действенной оказывается комбинация рассмотренных выше приемов. Это имеет место при интерпретации чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками. Тот же самый демагогический прием апелляции к реальности, но апелляции замаскированной, имеет место, когда, излагая мнение оппонента, говорящий следует так называемой стратегии *de re*²⁵¹. В подобном случае передача оказывается не вполне адекватной и часто бывает связана с «речевой демагогией». Дело в том, что, описывая осуществленный оппонентом речевой акт, говорящий далеко не всегда может претендовать на роль беспристрастного репортера; часто он вносит в свое описание ту или иную интерпретацию скрытых намерений оппонента, дает оценку уместности данного речевого действия или его содержания. Передавая содержание чужого мнения или высказывания, можно придерживаться стратегии беспристрастного репортера или же давать свою интерпретацию, видоизменяя то, что было или могло быть сказано, «в соответствии с фактическим положением дел». То, как речевой акт видится и описывается «со стороны», может совсем не совпадать с тем, как субъект мнения видит (или хочет представить) его «изнутри». Именно в случае такого несовпадения и можно сказать, что говорящий выбирает стратегию *de re*.

Стратегия *de dicto* направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия *de re* всегда маркирована и выбирается со специальной целью²⁵². Так, в начальном предложении детективного романа С. Беккера «*A Covenant with Death*» использование стратегии *de re* при передаче решения героини (выбор выражения *the last afternoon of her life*), повидимому, направлено на то, чтобы заинтриговать читателя:

Louise Talbot chose to spend the last afternoon of her life lounging in the shade of a leafy sycamore at the split-rail fence before her home. She was surpassingly alive and exuberantly feminine, and did not know that she was to die.

²⁵¹ При стратегии *de dicto* говорящий использует номинации, которые считал бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации *de re* говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности.

²⁵² Впрочем, подлинно немаркированной стратегией является выбор номинации, с которой согласны как говорящий, так и субъект передаваемого мнения. Если же выбирается стратегия *de dicto*, способствующая отстранению говорящего от авторства номинации, то используются специальные показатели: выражение *так называемый*, кавычки в письменной речи и т. п. (ср. [Падучева 1983в: 26]).

Бывает также, что интерпретация *de se* используется для достижения комического эффекта, как в следующем примере: *Явившись на избирательный участок, лидер КПРФ успокоил собравшихся там людей, страдаемых тревогой за исход выборов: «У меня хорошие предчувствия». Вскоре стало ясно, что предчувствия не обманули Зюганова — сводки ЦИК стали сообщать о решительной победе Ельцина (М. Соколов). Журналист переинтерпретировал оценку, данную Зюгановым, в соответствии со своими представлениями о том, что хорошо и что плохо, и, несмотря на то, что Зюганов едва ли счел результат выборов (победу Ельцина и, соответственно, свое поражение) хорошим, заявил, что хорошие предчувствия Зюганова оправдались. Скорее всего, рассматриваемый прием здесь использован с чисто развлекательными целями.*

Но еще чаще стратегия *de se* выбирается с демагогическими целями.

Дело в том, что при интерпретации *de se* говорящий нередко «навязывает» пресуппозицию, которую, возможно, никак не разделял субъект речевого акта. Ср. уже приводившийся в [Булыгина, Шмелев 1994] (см. главу V.3) пример: *<Депутаты> не осуждают ни нарушения законов и прав граждан со стороны съезда и Верховного Совета, ни наглые провокации национал-коммунистов, ни хамство собственных лидеров* (газета «Известия»). В соответствии с семантической структурой глагола *осуждать* данное предложение должно было бы означать, что, не подвергая сомнению пресуппозицию, т. е. то, что имеют место «нарушения законов и прав», «наглые провокации», «хамство», депутаты отказываются признать, что это плохо. Сами депутаты, скорее всего, не согласились бы с такой трактовкой. Естественно полагать, что они отрицательно относились к нарушению законов и хамству, но не были согласны с тем, что все это имеет место в действительности. Пресуппозиция здесь принадлежит говорящему-интерпретатору, а не субъекту описываемого речевого акта. Именно такое употребление позволяет навязать свою оценку под видом общепринятой (ассерция, маскируемая под пресуппозицию), одновременно продемонстрировав непоследовательность позиции оппонента (эта позиция действительно должна выглядеть непоследовательной, если предположить, что оппонент также разделяет указанную оценку). Таким образом, рассматриваемый прием позволяет объединить два приема, рассмотренных выше: различие мнения оппонента и мнения, которого придерживается говорящий, подается как различие видимой и действительной реальности, и одновременно данное противопоставление маскируется под общепринятое, входящее в пресуппозитивный компонент.

На «демагогичность» стратегии *de se* при передаче мнения оппонента обращала внимание Е. В. Падучева, отметившая [1983в], что

если Филипп сказал: *Тегусигальпа находится в Никарагуа*, — то передавая это высказывание как *Филипп считает, что столица Гондураса находится в Никарагуа*, мы демагогически отказываем Филиппу не только в знании географии, но и в здравом смысле. Именно поэтому интерпретация широко используется в газетной и журнальной полемике. Использование указанной стратегии обеими полемизирующими сторонами часто ведет к взаимному непониманию и создает впечатление, что стороны говорят «на разных языках».

Так, в одной из статей в журнале «Наш современник» Н. Лебедева заявила, что *Валентин Распутин объявлен шовинистом, антисемитом и чуть ли не фашистом лишь за то, что выступил против шельмования русских*. Едва ли тот, кто объявил Валентина Распутина шовинистом и антисемитом, сказал: *Я объявляю Валентина Распутина шовинистом и антисемитом лишь за то, он выступает против шельмования русских*. Скорее всего, было сказано примерно следующее: *Я считаю Валентина Распутина шовинистом и антисемитом, поскольку он допустил шовинистические и антисемитские высказывания*. Таким образом, мы видим, что высказывание Н. Лебедевой представляет собою яркий пример интерпретации. Но если мы рассмотрим реконструированное нами высказывание, послужившее причиной полемики, то мы увидим, что оно также носит интерпретирующий характер. Едва ли сам Валентин Распутин готов был характеризовать свои высказывания как *шовинистические и антисемитские*. Скорее, он счел бы адекватной трактовку Н. Лебедевой и сказал бы, что *выступил в защиту русских и русского патриотизма*.

Итак, мы видим, как одна интерпретация накладывается на другую. Валентин Распутин «выступает в защиту русских и русского патриотизма». Кто-то интерпретирует его слова как *шовинистические и антисемитские высказывания* и на основании этих высказываний обвиняет Валентина Распутина в шовинизме и антисемитизме. Н. Лебедева в свою очередь производит интерпретацию чужого высказывания и сообщает, что в глазах его автора защита русских является достаточным основанием для обвинения в антисемитизме и шовинизме. Именно по такой схеме по большей части и строится современная журнальная полемика в России.

Отметим, что в некоторых случаях использование стратегии *de re* является как бы вынужденной, обусловленной правилами принятого в данной идеологической среде речевого этикета. В целом ряде случаев выбор номинации предопределяется идеологическими установками автора высказывания, так что при передаче чужой речи он вынужден заменять чужие номинации (соответствующие «чуждым» идеологическим установкам) на более приемлемые с точки зрения собственной идеологии, даже если автор передаваемого высказывания не согла-

сился бы считать такую замену адекватной. Приведем примеры высказываний такого рода, заимствованных из пособия по лингвостилистике [Клюев 1989]:

Президент США Рональд Рейган в своих выступлениях в штатах Айдахо и Висконсин продолжал подогревать *псевдопатриотические* настроения американцев в связи с *пиратскими* действиями американских ВВС — перехватом египетского пассажирского самолета.

Правительство Маргарет Тэтчер намерено продолжать свою *антинародную* внутреннюю политику в интересах богачей, *в ущерб широким массам англичан*.

Пакистан обратился к Соединенным Штатам с предложением заключить двустороннюю военно-экономическую *делку* на 1987—1993 г.

Комментируя первое из приведенных высказываний, Е. В. Клюев пишет: «Р. Рейган, будучи, как известно, американцем, вряд ли станет навязывать американцам „псевдопатриотические“ настроения — по-видимому, в соответствии с собственной системой представлений, он, скорее, определит их как патриотические... Не вполне понятно, для чего Р. Рейгану нужно компрометировать себя, санкционируя действия, которые сам он считает пиратскими». Точно так же, едва ли М. Тэтчер была готова формулировать свои намерения как желание действовать «в ущерб широким массам англичан», а в предложении Пакистана военно-экономический союз между двумя странами оценивался как *делка*. Но дело в том, что идеологические конвенции, принятые в советской журналистике, не допускали в подобных случаях, при передаче установок идеологических противников, стратегии *de dicto*, т. е. использования нейтральных или положительно окрашенных обозначений, и, таким образом, демагогия оказывалась в какой-то степени вынужденной. В этом отношении современная журналистика отчасти просто наследует традиции советского времени. Но если для советских журналистов, как уже говорилось, использование различных обозначений для «своего» и «чужого» и связанная с этим демагогия были почти вынужденными, то в современной журнальной полемике вынужденность часто лишь имитируется.

7. «МАГИЯ СЛОВ»

Можно упомянуть и еще один прием речевой демагогии, который можно условно охарактеризовать как использование «*магии слов*». Прием состоит в употреблении выражений, эмоционально воздействующих на адресата речи, хотя несложный анализ демонстрирует их

полную логическую несостоятельность. Однако действенным оказывается сам факт использования слов, несущих положительный или отрицательный заряд. Расчет, осознанный или неосознанный, делается на то, что поддавшийся «магии слов» адресат речи не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится.

Так, развертывая перед слушателями радужные перспективы интеграции новых государств — бывших республик Советского Союза, президент Белоруссии Лукашенко соблазнял их следующей картиной: «Вы не будете носить импортные западные шмотки, а будете одеваться в нормальную одежду из узбекского хлопка, пошитую в Белоруссии». Здесь используется противопоставление сниженного (и нормально не предназначенного для использования в публичной речи) *шмотки* и положительно окрашенного *нормальная одежда*. В то же время, если отвлечься от навязываемой этим противопоставлением оценки, остается неясным, почему указанная перспектива должна казаться привлекательной. Ср. комментарий Максима Соколова («Коммерсантъ-Daily», 1996, 2 марта): «Очевидно, Лукашенко полагает, что произведенные на Западе предметы одежды вызывают у россиян и особенно у россиянков нескрываемое отвращение, а истинным образцом *haute couture* они почитают продукцию белорусского швейпрома. Противоречащее всей бытовой истории СССР заблуждение президента РБ тем более удивительно, что как раз отношение к западной и, соответственно, отечественной мануфактуре — это тот редчайший случай, когда самые истинно русские люди и полностью просионенные русофобы пребывают в трогательном единомыслии. К сожалению, суетная любовь к заморским тряпкам — это та прискорбная человеческая слабость, которую не в состоянии одолеть даже подкупающее обаяние Лукашенко».

На «магии слов» был основан и предвыборный призыв газеты «Завтра»: «Люди добрые, берите на руки младенцев, под локти — стариков, иконы над головой, книжку Есенина — под мышку и летом — к избирательным урнам: голосовать за президента Зюганова!» Здесь призывная интонация не оставляет времени задуматься над тем, что в основе призыва, стилистически построенного почти как мольба о помощи (ср.: *Люди добрые, помогите!*), лежит несколько странный образ. Опять-таки приведем комментарий Максима Соколова: «При попытке войти в положение приверженного президенту Зюганову доброго человека выясняется, что кроме патриотических убеждений для реализации данного призыва надо обладать и весьма большим количеством рук. Две руки — для несения младенцев, две — для ведения стариков, две для несения икон, одна — для зажимания под мышкой книги Есенина и еще хотя бы одна для заполнения бюллетеня и опускания его в урну. Тем самым идеальный избиратель-патриот приобретает явные черты сходства с многоруким индийским идолом навроде бога смерти Шивы. Но это создает существенные трудности. По слову псалмопевца, «бози язык суть бесове», и трудно вообразить себе, как

бес Шива управится с несением святой иконы, ибо одним из свойств священных изображений является способность к отпугиванию бесов». К тому же «заморские бесы... не обладают избирательными правами, и совершенно непонятно, кто же им даст проголосовать за президента Зюганова».

Мы видим, что «магия слов» рассыпается при первой же попытке проанализировать, что, собственно, имеется в виду. В то же время это нисколько не вредит ее популярности в качестве демагогического приема. Дело в том, что языковая демагогия как таковая предполагает некритическое восприятие со стороны адресата. А навязываемые ему мнения подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо. Именно этот механизм и лежит в основе всего разнообразия приемов языковой демагогии.

ЧАСТЬ VII

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ГЛАВА 1

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ «РУССКОЙ ДУШИ»*

Этнопсихологи, иностранные путешественники, русские авторы, размышляющие о характере и судьбах своего народа, в согласии друг с другом отмечают такие черты русского национального характера, как тенденция к крайностям (все или ничего), эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней, тенденция к «морализаторству», «практический идеализм» (предпочтение «неба» «земле»), тенденция к пассивности или даже к фатализму, ощущение неподконтрольности жизни человеческим усилиям. Мы знаем, что ярким отражением характера и мировоззрения народа является язык и, в частности, его лексический состав. Анализ русской лексики позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира, частично подтверждающие и одновременно дополняющие и уточняющие указанные выводы, и подвести под рассуждения о «русской ментальности» объективную базу, без которой такие рассуждения часто выглядят поверхностными спекуляциями.

Разумеется, не все лексические единицы в равной мере несут информацию о русском характере и мировоззрении. Наиболее показательными, с этой точки зрения, оказываются следующие лексические сферы.

1. СЛОВА, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫМ АСПЕКТАМ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПТОВ

В русском языке таким концептам часто отвечают «лексические пары»: *правда* и *истина*; *долг* и *обязанность*; *свобода* и *воля*; *добро* и *благо* и т. д.

Так, слова *правда* и *истина* обозначают две стороны одного и того же общефилософского концепта: *правда* указывает на практический аспект этого понятия, а *истина* — на теоретический аспект. В каком-то смысле *истину* знает только Бог, а люди знают *правду*. Нередко говорят, что *у каждого своя правда* (мы не говорим **У каждого своя ис-*

* Впервые в сокращенном виде: Русский язык в школе, 1996, № 3.

тина). Ученый стремится к познанию истины (а не правды), но рассерженная мать хочет узнать правду (а не истину), кто разбил ее любимую чашку. Мы можем просить или требовать: Скажи мне правду (но не истину); лишь Христос в Евангелии мог говорить: Скажу вам истину. Истину никто из людей не знает, а лишь стремится познать. Если же истину poznали, она скоро делается всеобщим достоянием и превращается в избитую истину (но не бывает *избитых правд). Правду люди знают и стремятся донести до других людей (или даже навязать другим людям свою правду). Подходящее название для газеты — «Правда» (а не «Истина»), но мы можем вообразить себе религиозный журнал «Слово истины». Истина бывает отвлеченной, абстрактной; в слове правда отчетливо выражено представление о норме и моральное измерение, мы говорим: поступать по правде (в древнерусском правда и значило, в первую очередь, 'закон'). Как отмечала Н. Д. Арутюнова, в суде свидетели клянутся говорить правду, суд стремится выяснить истину, чтобы затем судить по правде. Такое распределение не случайно. Свидетели могут говорить только правду, а не истину, ведь истина — это то, чего никто из людей не знает, это то, что и должен установить суд. Но судить следует именно по правде, поскольку именно правда связана с представлением о законе, о норме. Утверждение Трое говорят истину: дураки, дети и пьяные (в этом переводе В. Г. Гак [1995: 27] цитировал одну немецкую поговорку) говорит о пьяных, детях и дураках как о людях, которым только и доступно познание высшей истины (другие люди обычно делают ложные утверждения)²⁵³; утверждение Правду говорят только пьяные, дети и дураки (более вероятный перевод указанной немецкой поговорки)²⁵⁴ указывает на то, что пьяные, дети и дураки не могут скрыть правды (другие люди не говорят правды, даже если знают ее).

Впрочем, данные, приведенные в недавно опубликованной книге Б. А. Успенского [1994], свидетельствуют, что в языке древнерусских памятников соотношение понятий правда и истина было едва ли не противоположным: правда воспринималась как принадлежность Божественного мира (Божья правда), а истина относилась к человеческому миру. Как же могло получиться, что соотношение правды и истины оказалось инвертированным?

Более внимательный анализ показывает, что имела место не инверсия, а лишь некоторый сдвиг в указанном противопоставлении. Дело в том, что правда и истина противопоставлены не по одному, а по двум признакам: кроме принадлежности к Божественному или человеческому миру (носитель истины), существенно также, связывается ли истинность с соответствием действительности или с соответствием правилам, правильностью (источник истины).

²⁵³ Ср. изречение Устами младенца глаголет истина.

²⁵⁴ Ср. толкование поговорки *Kinder und Narren sagen die Wahrheit*, которое дается в словаре «Wahrig Deutsches Wörterbuch»: «Kinder sind zu unschuldig und Narren zu dumm, als daß sie lügen könnten».

О. Павел Флоренский, анализируя слова со значением 'истина' в различных языках, пришел к выводу, что греческое *aletheia* и стоящее за ним понятие предполагают «нескрытость», т. е. явленность человеку, и может пониматься как соответствие воспринимаемой человеком действительности. Латинское слово *veritas*, будучи юридическим по происхождению термином, предполагает соответствие законной процедуре выявления истины, относясь тем самым, как и греческое понятие, к человеческому миру, но отличаясь от него тем, что существенным оказывается не соответствие действительности, а законность, правильность. Еврейское понятие, как и латинское, основано на соответствии закону, но речь здесь должна идти не о человеческом законе, а о Законе Божиим. Наконец, современное русское понятие *истина* предполагает соответствие действительности, не зависящей от ее явленности человеку, действительности, которую может знать только Бог. Действительность (а не закон) как источник истины сближает современное русское понимание *истины* с греческим, а Бог (а не человек) как носитель истины — с еврейским. Можно видеть также, что русское *правда* оказывается сходно с латинским *veritas*, относясь к человеческому миру и предполагая соответствие норме, справедливости, идеалу (недаром *правда*, как и *veritas*, является по происхождению юридическим термином).

По-видимому, в языке древнерусских памятников дело обстоит несколько иначе. Отчасти упрощая картину, можно сказать, что *истина*, как и в современном языке, предполагала соответствие действительности, но целиком принадлежала человеческому миру (не случайно именно это слово, как указывает Б. А. Успенский, служит в памятниках переводом греческого *aletheia*). *Правда*, как и в современном языке, была ориентирована на соответствие идеалу, но идеалу, имеющему Божественное происхождение. Таким образом, в современных словах *правда* и *истина* сохранилось свойственное языку древних памятников противопоставление источников истины; изменилось лишь представление о носителе истины для каждого из этих слов.

Сказанное можно было бы обобщить в виде следующей таблицы:

носитель истины	источник истины	
	действительность	правила, закон
человек	греческое, <i>истина</i> (древние памятники)	латинское, <i>правда</i> (современное русское)
Бог	<i>истина</i> (современное русское)	еврейское, <i>правда</i> (древние памятники)

Что важнее для русского языкового сознания: *правда* или *истина*? На этот вопрос однозначного ответа нет. С одной стороны, *истина*

важнее, поскольку она принадлежит Богу, или «горнему» миру. *Правда*, с этой точки зрения, оказывается «приземленной», относящейся к «дольнему» миру. Это различие отчетливо видно из семантики сочетаний *познать истину* (без указания источника) и *узнать* (у кого-либо или от кого-либо) *правду*. С другой стороны, *правда* близко связана с человеческой жизнью, а *истина* является отвлеченной и холодной. Тургенев писал: «Истина не может доставить блаженства... Вот Правда может. Это человеческое, наше земное дело... Правда и Справедливость! За Правду и умереть согласен». *Истина* выше, но *правда* ближе человеку. Таким образом, каждая из них оказывается в каком-то смысле «важнее».

Несколько иначе обстоит дело со словами (и понятиями) *добро* и *благо* [Левонтина 1995]²⁵⁵. Единое общефилософское понятие отражено в слове *добро* в этическом, а в слове *благо* — в утилитарном аспекте. *Добро* находится внутри нас, мы судим о *добре*, исходя из намерений. Для того чтобы судить о *благости*, необходимо знать результат действия. Можно *делать* людям *добро* (но не *благо*), поскольку это непосредственная оценка действия, безотносительно к результату. Но *стремиться* можно к общему *благу*. Люди могут работать *на благо родины, на благо будущих поколений*. Во всех этих случаях речь идет о более или менее отдаленном результате наших действий. Достоверно судить о том, что было *благим*, можно лишь *post factum*. Если *добро* выражает абсолютную оценку, то *благо* — относительную. Можно сказать: *В такой ситуации развод для нее — благо* (хотя вообще в разводе ничего хорошего нет).

В этом смысле, будучи свободным от утилитарного измерения, *добро* оказывается во всех отношениях важнее, чем *благо*. Оно одновременно и выше, и ближе человеку. Недаром именно слово *добро* используется в триаде *Истина, Добро, Красота*.

Итак, анализ пар *правда — истина* и *добро — благо* показывает, что для взгляда на мир, отраженного в русском языке, чрезвычайно существенными оказываются два противопоставления: во-первых, противопоставление «возвышенного» и «приземленного» и, во-вторых, противопоставление «внешнего» и «внутреннего». Важным является, с одной стороны, «возвышенное», а с другой — близкое человеческой жизни, связанное с внутренним миром человека.

Этим же определяется и соотношение понятий *долга* и *обязанности*, регулирующих этические представления носителей русского языка. Можно сказать, что *долг* метафоризируется как изначально существующий внутренний голос (или, быть может, голос свыше), указывающий человеку, как ему следует поступить, тогда как *обязанность* метафоризируется как груз, который необходимо перенести с

²⁵⁵ Мы отвлекаемся от «материальных» значений слов *добро* и *благо* (ср.: *накопить добро; все блага цивилизации*).

места на место. Мы можем возложить на кого-либо *обязанность*, как возлагают груз, но нельзя **возложить долг*. Мы говорим: *У него нет никаких обязанностей*, — но нельзя сказать: **У него нет никакого долга*. Ведь *долг* существует изначально, независимо от чьей-либо воли. Для человека важно иметь *чувство долга*, прислушиваться к *голосу долга*, к тому, что *повелевает долг*. Во всех этих контекстах слово *обязанность* не употребляется. *Обязанности* не надо чувствовать, их надо просто *знать* (естественно поэтому желание *уточнить круг своих обязанностей*). *Обязанности* могут *распределяться* и *перераспределяться*, как можно распределять груз между людьми, которые должны его нести (ср. *нести обязанности*). Но нельзя *распределять долг*. Свою *обязанность* можно переложить на кого-то другого; *долг* нельзя перепоручить другому человеку²⁵⁶.

Все сказанное свидетельствует о том, что для этических представлений носителей русского языка чрезвычайно существенно именно понятие *долга*, которое определенным образом соотносится с другим важным моральным концептом — понятием *совести*. *Долг* — это внутренний голос, который напоминает нам о высшем; если же мы не следуем велению долга, этот же внутренний голос предстает как *совесть*, которая укоряет нас. *Обязанность* же представляет собою нечто внешнее и утилитарное, и уже поэтому она не играет столь же существенной роли для русской языковой ментальности, как *долг*.

Свойственное русскому языку представление о взаимоотношениях человека и общества, о месте человека в мире в целом и, в частности, в социальной сфере нашло отражение в синонимической паре *свобода* — *воля*. Эти слова часто воспринимаются как близкие синонимы. На самом деле между ними имеются глубокие концептуальные различия, существенные для нашей темы. Если слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, то в слове *воля* выражен специфически русский концепт. С исторической точки зрения, слово *воля* следовало бы сопоставлять не с синонимом *свобода*, а со словом *мир*, с которым оно находилось в почти антонимических отношениях (сопоставление *мира* и *воли* в историческом аспекте проведено недавно В. Н. Топоровым [1989]).

В современном русском языке звуковой комплекс [м'ир] соответствует целому ряду значений ('отсутствие войны', 'вселенная', 'сельская община' и т. д.), и в словарях ему принято ставить в соответствие по меньшей мере два омонима. Однако все указанное многообразие значений исторически можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как 'гармония; обустройство; порядок'. Вселенная может рассматриваться как «миропорядок», противопоставленный хаосу (отсюда же грече-

²⁵⁶ Подробнее об особенностях семантики русских слов *долг* и *обязанность* см. главу II.3.

ское космос, родственное, в частности, слову *косметика*). Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, или «лада», если пользоваться словом, ставшим популярным после публикации известной книги Василия Белова, могла считаться сельская община, которая так и называлась — *мир*. Общинная жизнь строго регламентирована («налажена»), и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается болезненно, как «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на волю». *Воля* издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами, «где гуляем лишь ветер... да я»²⁵⁷.

В отличие от *воли*, *свобода* предполагает как раз порядок, но порядок не столь жестко регламентированный. Если *мир* концептуализуется как жесткая упорядоченность сельской общинной жизни, то *свобода* ассоциируется, скорее, с жизнью в городе. Недаром название городского поселения *слобода* этимологически тождественно слову *свобода*. Если сопоставление *свободы* и *мира* предполагает акцент на том, что *свобода* означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении *свободы* и *воли* мы делаем акцент на том, что *свобода* связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», — писал В. А. Жуковский). *Свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; *воля* вообще никак не связана с понятием права. *Свобода* соответствует нормативному для данного общества или индивида представлению о дозволенном и недозволенном [Кошелев 1991], а *воля* предполагает отсутствие каких бы то ни было ограничений со стороны общества. Недаром о человеке, который пробыл в заключении и законно освобожден, мы говорим, что он *вышел на свободу*; но если он совершил побег до конца срока, мы, скорее, скажем, что он *бежал на волю*.

Характерны в этой связи замечания Д. Орешкина, который писал в статье «География духа и пространство России»:

«В свое время спичрайтеры подвели президента Рейгана, который, развенчивая «империю зла», между делом обмолвился, что в скудном русском языке нет даже слова «свобода». На самом деле есть, и даже два: свобода и воля. Но между ними лежит все та же призрачная грань, которую способно уловить

²⁵⁷ На связь понятия *воля* с «русскими просторами» указывает Д. С. Лихачев: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» («Заметки о русском»).

только русское ухо. Свобода (слобода) — от самоуправляемых ремесленных поселений в пригородах, где не было крепостной зависимости. Свобода означает свод цеховых правил и признание того, что твой сосед имеет не меньше прав, чем ты. «Моя свобода размахивать руками кончается в пяти сантиметрах от вашего носа», — сформулировал один из западных парламентариев. Очень европейский взгляд. Русская «слобода» допускает несколько более вольное обращение с чужим носом. Но все равно главное в том, что десять или сто персональных свобод вполне уживались в ограниченном пространстве ремесленной улочки. «Свобода» — слово городское.

Иное дело воля. Она знать не желает границ. Грудь в крестах или голова в кустах; две вольные воли, сойдясь в степи, бьются, пока одна не одолеет. Тоже очень по-русски. Не говорите воле о чужих правах — она не поймет. Божья воля, царская воля, казацкая воля... Подставьте «казацкая свобода» — получится чепуха. Слово степное, западному менталитету глубоко чуждое. Может, это и имели в виду составители речей американского президента».

Н. А. Николина обратила внимание (устно) на сходные замечания о различиях в ассоциациях слов *свобода* и *воля*, сделанные Н. Тэффи.

Таким образом, специфика противопоставления *мира* и *воли* в русском языковом сознании особенно наглядно видна на фоне понятия *свободы*, вполне соответствующего общеевропейским представлениям. Можно было бы сделать вывод, что указанное противопоставление отражает пресловутые «крайности» «русской души» — «все или ничего», или полная регламентированность, или беспредельная анархия. Однако такое заключение выведет нас за рамки собственно языкового анализа и останется умозрительным и спорным. Отметим только, что в современном речевом употреблении слово *воля* в рассматриваемом значении практически не используется (за исключением поэтических стилизаций). Сейчас слово *воля*, как правило, используется в другом значении (этимологически даже первичном) — по отношению к одной из сторон внутренней жизни человека, связанной с его желаниями и их осуществлением (ср.: *У него сильная воля*), а использование этого слова в качестве неточного синонима *свободы* возможно в речи, стилизованной под народную или поэтическую.

2. ПОНЯТИЯ, СПЕЦИАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ ВЫДЕЛЕННЫЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Существенную роль в русской языковой картине мира играют также слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и

русского сознания. Сюда относятся такие слова, как *судьба*, *душа*, *жалость* и некоторые другие.

Так, слово *душа* широко используется не только в религиозных контекстах — *душа* понимается как средоточие внутренней жизни человека, как самая важная часть человеческого существа. Скажем, употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение *per capita* (буквально 'на (одну) голову') переводится на русский язык как *на душу населения*. Говоря о настроении человека, мы используем предложно-падежную форму *на душе* (например, *На душе и покойно, и весело; На душе у него скребли кошки*); при изложении чьих-то тайных мыслей употребляется форма *в душе* (например, *Она говорила: «Как хорошо, что вы зашли», — а в душе думала: «Как это сейчас некстати»*). Если бы мы говорили по-английски, упоминание *души* в указанных случаях было бы неуместно. Не случайно мы иногда используем выражение *русская душа* (например, заглавие настоящей статьи на идиоматическом русском могло бы звучать как «Русская душа в свете лексических данных»), но никогда не говорим об «английской душе» или «французской душе». Пушкин писал: *Татьяна (русская душою, сама не зная, почему)...*, — но странно звучали бы сочетания *француженка душою* или *англичанка душою*. Сказанное не означает, что носители русского языка отказывают англичанам или французам в обладании душой (хотя, впрочем, иногда к западному миру применяется эпитет *безддушный*)²⁵⁸.

Существительное *судьба* имеет в русском языке два значения: 'события чьей-либо жизни' (*В его судьбе было много печального*) и 'таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни' (*Так решила судьба*). В соответствии с этими двумя значениями слово *судьба* возглавляет два различных синонимических ряда:

- 1) *рок, фатум, фортуна*
- и
- 2) *доля, участь, удел, жребий*.

Однако в обоих случаях за употреблением этого слова стоит представление о том, что из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (*решается судьба*). После того как судьба решена, дальнейший ход событий уже как бы предопределен, и это отражено во многих русских пословицах, концептуализующих судьбу как некое существо, подстерегающее человека или гонящееся за ним (ср.: *Судьбы не миновать; От судьбы не уйдешь*).

Важная роль, которую данное представление играет в русской картине мира, обуславливает высокую частоту употребления слова

²⁵⁸ Подробнее о роли *души* в русской языковой картине мира см. главу VII.4, а также статьи [Wierzbicka 1990] и [Урысон 1995].

судьба в русской речи и русских текстах, значительно превышающую частоту употребления аналогов этого слова в западноевропейских языках. Исходя из частотности упоминаний *судьбы* в русской речи, некоторые исследователи делают вывод о склонности русских к мистике, о фатализме «русской души», о пассивности русского характера (ср., например, Wierzbicka 1992: 65—75, 397 и сл.). Такой вывод представляется несколько поверхностным. В большинстве употреблений слова *судьба* в современной живой речи нельзя усмотреть ни мистики, ни фатализма, ни пассивности — ср. такие высказывания, как *Наша судьба в наших руках; Судьбу матча решил гол, забитый на 23-й минуте Ледяховым; Народ должен сам решить свою судьбу; Меня беспокоит судьба документов, которые я отослала в ВАК уже два месяца тому назад — и до сих пор не получила открытки с уведомлением о вручении*. Приведем также отрывок из выступления Солженицына в Ростовском университете в сентябре 1994 г., ярко отражающий идею выбора в ситуации, когда «решается судьба», но не содержащий ни мистики, ни фатализма: *Не внешние обстоятельства направляют человеческую жизнь, а направляет ее характер человека. Ибо человек сам — иногда замечая, иногда не замечая — делает выбор и выборы, то мелкие, то крупные... И от выборов тех и других — решается ваша судьба*²⁵⁹.

3. УНИКАЛЬНЫЕ РУССКИЕ КОНЦЕПТЫ

Еще один важный класс слов, ярко отражающих специфику «русской ментальности», — это слова, соответствующие уникальным русским понятиям, такие, как *тоска* или *удаль*. Переход от «сердечной тоски» к «разгулю удалому» — постоянная тема русского фольклора и русской литературы, и это тоже можно поставить в соответствие с «крайностями русской души». Желая «сплеснуть тоску с души», человек как бы думает: «Пропади все пропадом», — и это воспринимается как специфически «русское» поведение, ср.: *Истинно по-русски пренебрег Павел Николаевич и недавними страхами, и запретами, и зарокami, и только хотелось ему тоску с души сплеснуть да чувствовать теплоту* (А. Солженицын). Ср. также замечание о том, «что в мировом переполохе, в метаниях от буйности к тоске — сознание свихнувшейся эпохи безумствует на русском языке» (И. Губерман).

Склонность русских к *тоске* и *удали* неоднократно отмечалась иностранными наблюдателями и стала общим местом, хотя сами эти слова едва ли можно адекватно перевести на какой-либо иностранный язык. Характерно замечание Никиты Алексева, сделанное им в статье

²⁵⁹ Подробнее об особенностях семантики русского слова *судьба* см. [Шмелев 1994].

«Что русскому здорово, то немцу — смерть» («Иностранец», 1996, № 17): «По отношению к русским все европейцы сконструировали достаточно двойственную мифологию, состоящую, с одной стороны, из историй о русских князьях, борзых, икре-водке, русской рулетке, неизмеримо широкой русской душе, *меланхолии и безудержной отваге* [выделено мною. — А. Ш.]; с другой же — из ГУЛАГа, жуткого мороза, лени, полной безответственности, рабства и воровства». Выражение *меланхолия и безудержная отвага*, конечно же, заменяет знакомые нам *тоску и удаля*; автор сознательно «остраивает» эти понятия, передавая тем самым их чуждость иностранцам и непереводаемость на иностранные языки.

На непереводаемость русского слова *тоска* и национальную специфичность обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык (и в их числе великий австрийский поэт Р.-М. Рильке). Трудно даже объяснить человеку, незнакомому с тоскою, что это такое. Словарные определения («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние», «душевная тревога, соединенная с грустью; уныние») описывают душевные состояния, родственные *тоске*, но не тождественные ей. Пожалуй, лучше всего для описания тоски подходят развернутые описания: *тоска* — это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях; ср.: *тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости*. В каком-то смысле всякая тоска может быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю. В склонности к тоске можно усматривать «практический идеализм» русского народа. С другой стороны, возможно, чувству тоски способствуют бескрайние русские пространства; именно при мысли об этих пространствах часто возникает *тоска*, и это нашло отражение в русской поэзии (ср. у Есенина: «тоска бесконечных равнин» или в стихотворении Л. Ю. Максимова: «Что мне делать, насквозь горожанину, с этой тоской пространства?»). Нередко чувство тоски обостряется во время длительного путешествия по необозримым просторам России (ср. понятие «дорожной тоски»); как сказано в уже цитированном стихотворении Максимова, «каждый поезд дальнего следования будит тоску просторов». На связь тоски с «русскими просторами» указывали многие авторы, в частности Н. А. Бердяев в эссе, которое так и озаглавлено — «О власти пространств над русской душой».

Вообще, роль «русских пространств» в формировании «русского видения мира» отмечали многие. Ряд высказываний такого рода собран в хрестоматии [Замятин, Замятин 1994]. Русские слова *воля* и *тоска* — яркие, но далеко не единичные примеры этого влияния.

4. «МЕЛКИЕ» СЛОВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Особую роль для характеристики «русской ментальности» играют так называемые «мелкие» слова (по выражению Л. В. Щербы), т. е. модальные слова, частицы, междометия. Сюда относится, например, знаменитое «русское *авось*». Это слово обычно переводится на западно-европейские языки при помощи слов со значением 'может быть, возможно'. Однако *авось* значит вовсе не то же, что просто «возможно» или «может быть». Если слова *может быть*, *возможно* и подобные могут выражать гипотезы относительно прошлого, настоящего или будущего, то *авось* всегда проспективно, устремлено в будущее и выражает надежду на благоприятный для говорящего исход дела (А. Вежбицкая, Н. А. Николина²⁶⁰). Впрочем, чаще всего *авось* используется как своего рода оправдание беспечности, когда речь идет о надежде не столько на то, что случится некоторое благоприятное событие, сколько на то, что удастся избежать какого-то крайне нежелательного последствия. О человеке, который покупает лотерейный билет, не скажут, что он действует *на авось*. Так, скорее, можно сказать о человеке, который строит атомную электростанцию без надлежащих мер защиты или экономит деньги, не покупая медицинской страховки, и надеется, что ничего плохого не случится. Да и купец Остолоп из сказки Пушкина, который «понадеялся на русский *авось*», тоже надеялся на то, что ему удастся избежать неотвратимой расплаты — щелчков от Балды. Поэтому надежда *на авось* — не просто надежда на удачу. Если символ фортуны — рулетка, то надежду *на авось* может символизировать «русская рулетка».

Типичные контексты для *авось* — это *Авось обойдется*; *Авось ничего*; *Авось рассосется*; *Авось пронесет*; ср. также: *Ну да ничего авось. Бог не выдаст, свинья не съест* (И. Грекова). Кроме того, существенно, что установка на *авось* обычно призвана обосновать пассивность субъекта установки, его нежелание предпринять какие-либо решительные действия (например, меры предосторожности). Так, в одной университетской газете недавно было опубликовано интервью со студенткой, которая объясняла, что не готовится к экзаменам, потому что «надеется на *авось*». Не случайно в песне Булата Окуджавы, в которой речь идет о том, как король «веселых солдат интендантами сразу назначил, а грустных оставил в солдатах — *авось ничего*», *авось*-установка оправдывает не действие (*интендантами сразу назначил*), а отсутствие действия (*оставил в солдатах*). Именно такая беспечность и отказ от принятия мер предосторожности и отражается в «русском *авось*»²⁶¹.

²⁶⁰ См., в частности, работы [Wierzbicka 1992: 433—435; Николина 1993].

²⁶¹ О семантике «русского *авось*» см. также [Шмелев 19966].

Важная идея, также отраженная в *авось*, — это представление о непредсказуемости будущего: «всего все равно не предусмотреть, поэтому бесполезно пытаться застраховаться от возможных неприятностей». По-другому эта же идея непредсказуемости преломляется в другом русском выражении — *а вдруг*. Высказывание *Авось Р* предполагает, что *Р* — нечто желательное для говорящего; *А вдруг Р* может быть употреблено и при желательном, и при нежелательном *Р*. В некоторых контекстах *авось* и *а вдруг...* выражают почти противоположные идеи: *авось* — знак беспечности, *а вдруг...* указывает на желание перестраховаться (*Мало ли что? А вдруг...*). В других контекстах они, напротив, сближаются. Про шахматиста, без особых шансов в трудном положении решившегося на рискованную и не до конца рассчитанную комбинацию, можно сказать, что он действовал *на авось*: «Авось в сложной борьбе удастся переиграть соперника». Но он мог также руководствоваться установкой «а вдруг»: «А вдруг в сложной борьбе удастся переиграть соперника». Тем не менее и в таких контекстах между *авось* и *а вдруг* наблюдается различие, пренебрежение которым может привести к семантической ошибке. Так, один трехлетний мальчик, еще не вполне овладевший семантикой рассматриваемых слов, имел обыкновение на предостережения вроде *Не лезь туда!* — *Почему?* — *А вдруг упадешь?* — отвечать: *А вдруг не упаду!* Смысл, который он явно имел в виду, правильнее было бы выразить словами *Авось не упаду!* Дело в том, что и *авось*, и *а вдруг* исходят из непредсказуемости будущего, из невозможности все предусмотреть, однако выводы из этого делаются почти противоположные. Общая идея *авось* — «может произойти все что угодно, поэтому предусмотреть все возможные неприятности и застраховаться от них все равно невозможно; надо просто надеяться на благоприятный исход». Общая идея *а вдруг...* — «может произойти все что угодно, поэтому надо пытаться предусмотреть все возможные неприятности и каким-то образом застраховаться от них».

Целый ряд слов отражает пресловутую «задушевность» русского человека. «Задушевная» фамильярность имеет и другую сторону, описываемую ходовым выражением *лезут в душу* (опять мы сталкиваемся с *душой* как самой главной частью человека). Как «задушевность», так и ее оборотную сторону отражает, в частности, слово *небось*, не менее специфичное для русского языка, нежели *авось*. *Небось* выражает общую установку на фамильярность (противоположную западноевропейскому представлению о неприкосновенности личной сферы), которая, как это часто бывает, соответствует разным видам отношения к объекту фамильярности: от «интимной фамильярности» до «недружелюбной фамильярности».

Используя «интимное» *небось*, говорящий демонстрирует свое знакомство с ситуациями подобного рода («я знаю, как в таких слу-

чаях бывает'). Иногда это бывает, когда говорящий высказывает предположение о чем-то близко знакомом ему в прошлом, хотя сейчас и недоступном его непосредственному наблюдению, — он одновременно предается воспоминаниям и делает предположение: *От деревни той небось уж ничего не осталось, а я все во сне хожу к теткинскому дому...; А в Крыму теплынь, в море сельди и миндаль, небось, подоспел* (А. Галич).

Воспоминания такого рода носят самый интимный характер и высказываются, как правило, в форме внутренней речи. Но говорящий может использовать «интимное» *небось* и «вслух», как бы вторгаясь (часто навязчиво) в личную сферу адресата речи или третьего лица и говоря: «Признавайся!» — или: «От меня не скроешь», — ср.: *Ложись спать, устал небось; Небось проголодался; Что это с вами? Небось опять перебрали? <...> Небось голова болит* (Ю. Домбровский); *Когда ты чесался-то? Дай-ка я тебя причешу, — вынула она из кармана гребешок, — небось с того раза, как я причесала, и не притронулся?* (Ф. Достоевский).

При помощи этого же средства строятся фамильярные (иногда шутливые) упреки: *Небось не спросил обо мне: что, дескать, жива ли тетка?* (И. Тургенев).

Отметим, что не всегда интимная фамильярность приятна адресату речи. Она может восприниматься им и как незаконное вторжение в его личную сферу, обсуждение того, чего он, может быть, не хотел бы обсуждать, — как в репликах Порфирия Петровича, обращенных к Раскольникову, ср.: *Я и за дворником-то едва распорядился послать. (Дворников-то, небось, заметили, проходя.)* (Ф. Достоевский).

Отсюда всего один шаг до недружелюбной фамильярности. Ср.: *Пусть поработает. Небось не развалится.* И, наконец, всякий элемент «интимной» фамильярности может совсем исчезать, и тогда остается одна враждебность: *Ты в лицо гляди, когда с тобой говорят, контра проклятая! Что глаза-то прячешь? Когда родную Советскую власть японцам продавал, тогда небось не прятал? Тогда прямо смотрел!* (Ю. Домбровский).

Враждебность или обида заметна и в случаях, когда под видом предположения говорящий при помощи слова *небось* вводит достоверно известную информацию, на фоне которой поведение адресата речи или третьего лица выглядит непоследовательным или лицемерным; ср.: *...он материл таких литературных шулеров, таких лицедеев. «Ходят в сауну, но воспевают баню по-черному, с кваском, воспевают старух — носительниц трудолюбия и нравственности, а сами небось на уборочную не едут»* (Д. Гранин); *Мать не плакала, не дралась, но совсем перестала его замечать. Обед на стол поставит и не посмотрит — ел ли? И все молчит. Гарусов обижался и тоже молчал. С тетей Шурой оправдомшей она небось не молчала,*

очень даже разговаривала. По вечерам, когда они думали, что Гарусов спит. А он не спал, все слышал (И. Грекова)²⁶².

Особенности «русской души» отражаются и в других «мелких словах»: видно, -ка, ну и др. В частности, в качестве яркой национально специфичной установки можно упомянуть дискурсное слово *заодно*, используемое в таких высказываниях, как *Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба*. Оно скрывает за собою сразу две установки, характерных для русского менталитета: во-первых, представление о том, что самое трудное в любом деле — это *собраться* его сделать (ср.: *Все никак не соберусь*), а во-вторых, тягу к крайностям (все или ничего) — если уж человек *собрался* что-то сделать, то может *заодно* сделать многое другое²⁶³.

«Мелкие слова» такого рода обычно оказываются трудно переводимыми на другие языки. Это не означает, что никакой носитель иного языка никогда не может руководствоваться выраженными в этих словах внутренними установками. Но отсутствие простого и идиоматичного средства выражения установки, безусловно, бывает связано с тем, что она не входит в число культурно значимых стереотипов. Так, конечно, носитель, скажем, английского языка может «действовать *на авось*», но важно, что язык в целом «не счел нужным» иметь для обозначения этой установки специального модального слова.

5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Этим не исчерпываются лексические группы, наиболее ярко отражающие особенности русского видения мира. Например, чрезвычайно интересны слова, отражающие специфику русского представления о пространстве и времени (в частности, пространственные и временные наречия и предлоги)²⁶⁴. Так, наличие в русском языке близких по значению слов *миг, мгновение, момент, минута* (ср. выражение *в такие мгновения/моменты/минуты*) отвечает существенному для русской языковой картины мира различию эмоционального, исторического и бытового времени (наблюдение Е. С. Яковлевой), а функционирование слов, входящих в синонимический ряд *утром, поутру, с утра, под утро, наутро, к утру, утречком, с утречка*, подтверждает расхожее мнение, что русские более вольно обращаются с временем, нежели жители Западной Европы.

Важно предостеречь от прямолинейности выводов о национальном характере на основе анализа одной-двух лексических единиц. Мы уже

²⁶² О семантике *небось* см. также [Шмелев 1996].

²⁶³ Жизненная установка, скрывающаяся за русским *заодно*, подробно проанализирована в статье [Левонтина, Шмелев 1996].

²⁶⁴ См. главу IV.5, а также [Булыгина, Шмелев 1992; Яковлева 1994: 16–195].

видели, что поспешными оказались выводы об особом фатализме или мистицизме русских, сделанные на основе наблюдений над употребительностью слова *судьба* в русской речи. Говоря о «русском авось», можно заметить, что *авось*-установка обычно оценивается носителями русского языка отрицательно. Так, в «Раковом корпусе», возражая Деме, который выразил надежду «на авось» (что у него нога «сама пройдет»), Вадим Зацырko замечает: «Нет, Дема, на авось мостов не строят... Рассчитывать на такую удачу в рамках разумного нельзя». Говоря о том, что слово *русский* в описываемое в романе «Жизнь и судьба» время «связывалось большей частью с отрицательными определениями», Вас. Гроссман приводит примеры «российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русского авось». Многочисленные пословицы также свидетельствуют об отрицательном отношении к *авось*-установке: *От авося добра не жди; Авось плут, обманет; Держись за авось, поколь не сорвалось; Авосьевы города не горожены, авоськины дети не рожены; Кто авосьничает, тот и постыничает; Держался авоська за небоську, да оба под мат угодили*. В случае же, когда *авось* используется для характеристики собственной установки, обычно бывает очевидна самоирония. Не случайно в современной русской речи слово *авось* чаще используется не в «прямом режиме», в функции модального слова, а в качестве краткого и яркого обозначения соответствующей установки, т. е. как существительное или в составе наречного выражения *на авось* (см. приведенные выше примеры). Вероятно, склонность «действовать на авось» действительно свойственна русским, но одного факта наличия в русском языке слова *авось* явно недостаточно для такого вывода.

Точно так же наличие в русском языке чрезвычайно характерного и труднопереводимого глагола *попрекнуть/попрекать* (и соответствующего существительного *попрек*), рассмотренного выше, в главе V.4, не должно быть истолковано как свидетельство особенной склонности русских к попрекам. Как раз наоборот, оно свидетельствует о том, что, с точки зрения отраженных в русском языке этических представлений, человек должен великодушно избегать высказываний, которые могут выглядеть как попреки, и, сделав кому-то добро, не напоминать ему об этом. О том же говорят и многочисленные пословицы: *Лучше не дари, да после не кори; Своим хлебом-солью попрекать грешно* и т. д. Именно поэтому русский человек болезненно реагирует, когда ему кажется, что его попрекают, и русский язык даже располагает специальными средствами для обозначения этой этически неприемлемой ситуации.

В то же время, если избегать поспешных и прямолинейных выводов, то можно полагать, что сопоставление «русской картины мира», вырисовывающейся в результате семантического анализа русских лексем, с данными этнопсихологии может помочь уточнить выводы, сделанные в рамках как той, так и другой науки.

ГЛАВА 2 ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ*

1. СУЩНОСТЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ

а. Вступительные замечания.

Высказывание, не приписывающее объекту какое-либо свойство, а сообщающее о тождестве объекта А объекту В, является само по себе парадоксальным. Это хорошо известно философам (о. Павел Флоренский, С. Л. Франк). Ср. часто цитируемые замечания Л. Витгенштейна [1958]: «Сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождественен самому себе, — значит ничего не сказать». Более того, с точки зрения модальной логики парадоксальными являются не только высказывания вида *А есть В*, но и высказывания вида *А был бы В* или *А был бы не А*, поскольку, как показал С. Крипке, любое истинное суждение тождества является необходимым, а любое ложное — невозможным (см. например, [1982].)

В то же время в текстах на естественном языке (в частности, на русском) встречаются все указанные виды «парадоксальных» высказываний: «тавтология» *А есть А*; «противоречие» *А есть В* (где А и В — имена разных объектов); «собственно идентификация» *А есть В* (где А и В — разные имена одного объекта); «контрфактические» высказывания тождества *А был бы не А*; *А был бы В* и т. п. Здесь будет рассмотрен каждый из названных типов.

б. Два типа идентификации.

Напомним, что с точки зрения «неокаузального» подхода к референции для адресата речи установить референцию именно группы — значит локализовать впервые вводимый в его поле зрения объект в релевантном денотативном пространстве или идентифицировать объект с ранее известным ему объектом, сведения о котором хранятся в «мысленном досье» в соответствующем участке памяти.

Тем самым неспособность адресата речи установить референцию именной группы бывает, как уже говорилось, двух типов.

Во-первых, ранее неизвестный ему объект может быть обозначен посредством именной группы, не несущей информации, которая по-

* Впервые опубликовано: Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М.: Наука, 1990.

зволяла бы локализовать референт в релевантном денотативном пространстве, например, при помощи имени собственного. Во-вторых, адресат речи может расценить референцию к известному объекту как интродуктивную и заново локализовать объект в релевантном денотативном пространстве, вместо того чтобы извлечь из соответствующего участка памяти «мысленное досье» данного объекта.

В первом случае неспособность установить референцию не может не сознаваться адресатом речи, и он тем или иным способом разрешает возникающие затруднения — например, при помощи вопросов: *Кто это такой (такая)?; Кто такой (такая) X?; Что это такое?; Что такое X?*. Во втором случае адресат речи может не сознавать своей неспособности установить референцию и, заново локализуя объект в релевантном денотативном пространстве, завести на него второе «мысленное досье». В последнем случае неспособность установить референцию оказывается как бы «продленной»; один и тот же объект характеризуется в памяти адресата разными «мысленными досье», соответствующими разным ипостасям объекта, однако без знания некоторого тождества такая локализация оказывается недостаточно точной. В рассматриваемых высказываниях сообщается соответствующее тождество.

Во всех случаях, для того чтобы устранить или предупредить неспособность адресата речи установить референцию, используются высказывания идентификации. Первый компонент высказывания идентификации — именная группа, референт которой используется как средство локализации в релевантном денотативном пространстве референта первого компонента²⁶⁵.

В соответствии со сказанным выше высказывания идентификации, как уже говорилось, подразделяются на два типа.

Первый тип мы условно назвали «поясняющей» идентификацией. Она имеет место в тех случаях, когда первый компонент не информативен для адресата речи (например, представляет собою ранее неизвестное ему имя собственное): *Степкин — не кто иной, как бывший сторож на кроличьем острове; Кто такой Жак? — Жак, это — моя собака* (М. Булгаков). «Поясняющая» идентификация может использоваться для представления персонажа читателям; ср.: *Чарский был один из коренных жителей Петербурга* (начальная фраза повести Пушкина «Египетские ночи»). В результате «поясняющей» идентификации у адресата речи формируется соответствующее «мысленное досье», содержание которого извлекается из второго компонента высказывания. К «поясняющей» идентификации примыкают также определения терминов

²⁶⁵ Обозначение компонентов высказывания идентификации как первого и второго обычно соответствует порядку их следования в предложении. Однако в специальных случаях (в просодически маркированных предложениях, при наличии частицы и т. п.) второй компонент может предшествовать первому [Падучева, Успенский 1979].

(*Корень уравнения — это значение переменной, при котором уравнение обращается в верное равенство*). Правда, здесь идентификация носит в значительной степени метаязыковой характер, поскольку у адресата речи формируется «мысленное досье» не конкретного объекта, а понятия, обозначаемого термином, однако именно понятие является референтом определяемого термина (т. е. имеет место «простая» суппозиция по Оккаму).

При идентификации второго типа первый компонент сам по себе несет достаточную информацию, позволяющую адресату речи локализовать его референт в релевантном денотативном пространстве, однако без знания некоторого тождества такая локализация оказывается недостаточно точной. В рассматриваемых высказываниях идентификации (ее мы назвали «уточняющей» идентификацией) и сообщается соответствующее тождество. Первый компонент высказываний «уточняющей» идентификации обозначает актуализованную ипостась, которая обычно бывает дана в непосредственном наблюдении или знании, а второму соответствует актуализуемая ипостась, обычно известная адресату речи из прошлого опыта [Арутюнова 1976: 317; Вайс 1985: 455]: *То была Наина; Старый сей монах Не что иное был, как Дук переодетый* (А. Пушкин); *Гость был не другой кто, как наш почтенный Павел Иванович Чичиков* (Н. Гоголь). Однако обязательным условием является лишь актуализованность первого и неактуальность второго компонента. Приведем пример «уточняющей» идентификации, когда второму компоненту соответствует ипостась, данная в непосредственном наблюдении (присутствующая в ситуации речевого акта), а первому — ипостась, известная из прошлого опыта: *«И вижу — дверь открыта, а в дверях какая-то женщина. Я смотрю на нее в упор. Она стоит... Я видел хорошо ее лицо. Это была вот кто»* (Показывает на *Елизавету Бам*) (Д. Хармс). Известность ипостаси, соответствующей второму компоненту, также не является, вопреки Д. Вайсу [1985], обязательной; ср. примеры, в которых необходимость дать описание носителю имени свидетельствует как раз о его неизвестности адресату речи: *Узнай, Руслан: твой оскорбитель Волшебник страшный Черномор, Красавиц давний похититель, Полночных обладатель гор; ...Неизвестный собиратель был не кто иной, как Мери́ме, острый и оригинальный писатель, автор «Театра Клары Газюль», «Хроники времен Карла IX», «Двойной ошибки» и других произведений* (А. Пушкин); *Что это за гусь такой? — Это наш знаменитый хижик Ефросимов* (М. Булгаков). К «уточняющей» идентификации относится и таксономическая идентификация, когда второй компонент высказывания заведомо характеризуется неопределенной референцией (в отличие от первого, определенного). Парадокс (известное определяется через неизвестное) здесь имеет место только на первый взгляд; ведь «даже если предмет, о котором идет речь, присутствует в ситуации общения, но его принадлежность к классу не устанавливается ад-

ресатом или ему совсем неизвестна, смысл сообщения не может быть им усвоен в полном объеме» [Арутюнова 1980б: 49]. Для такого объекта «установить принадлежность к тому или иному классу и значит его идентифицировать» [Арутюнова 1980б: 182]: *Стала Мура рисовать... «Это елочка мохнатая. Это козочка рогатая...»* (К. Чуковский); *Это, изволите ли видеть, телефон* (М. Булгаков). Спор героев Булгакова: *«Гуллер, это не фотографический аппарат!»* — *«Ну, что ты мне рассказываешь!.. Это заграничный фотографический аппарат»*, — свидетельствует не о расхождениях в том, какой признак приписать известному объекту, а именно о затруднениях в идентификации.

Высказывание «уточняющей» идентификации может быть сделано как в ответ на естественную коммуникативную потребность адресата речи (в ситуации, когда все недоумевают, кто же тот лондонский убийца, которого условно называют *Джек Потрошитель*, уместно сообщение: *Джек Потрошитель — это лорд Карфакс*; сюда же относятся все случаи, когда первый компонент выражает значение атрибутивной определенности, как во фразе чеховского персонажа: *Самое важное в жизни человеческой — это каланча*), так и в том случае, когда адресат речи и не подозревает, что ему неизвестно важное тождество: *Я Дубровский* (А. Пушкин); *Прометей — это Сатана* (А. Ф. Лосев).

в. Предикация или идентификация?

Высказывания идентификации могут быть омонимичны высказываниям с предикатной именной группой в роли именной части составного сказуемого. Высказывание *Иван — мой друг* может быть понято и как характеристика Ивана, и как ответ на вопрос *Кто такой Иван?* (т. е. «поясняющая» идентификация). В первом случае *мой друг* имеет предикатный статус, во втором — представляет собою референтную именную группу. Специальные языковые показатели позволяют разрешить омонимию: *Иван мне друг* однозначно понимается как предикация, а *Иван — это мой друг* — как идентификация. К числу показателей идентификации относятся местоимение *это*, используемое в качестве первого компонента или наряду с ним [Падучева 1981], а также, разумеется, референциальные показатели (*этот, один* и т. п.) в составе второго компонента; о том, что высказывание выражает характеристику, может свидетельствовать личное местоимение в функции первого компонента (подлежащего), а также специальные средства, подчеркивающие предикативный характер второго компонента (именной части сказуемого). Эти показатели должны быть согласованы друг с другом: ср. *Это один мой друг; Он мой друг* и аномальное **Это мне друг*²⁶⁶ [Падучева 1981: 85]; **Это по профессии инженер; *Он один мой друг*.

²⁶⁶ Высказывание персонажа Зощенко *Жена это мне* (с одновременным употреблением *это* и «дательного possessивного») выходит за рамки литературной нормы.

Здесь, впрочем, необходимо сделать ряд оговорок.

Прежде всего отметим, что неупотребительность личных местоимений в качестве первого компонента высказываний идентификации является мотивированной. Так, местоимение третьего лица используется в ситуации, когда участники коммуникативного акта способны идентифицировать референт этого местоимения. Использование этого местоимения в качестве первого компонента высказывания идентификации (предполагающего неспособность правильно идентифицировать объект, обозначаемый первым компонентом) приводит к противоречию в «модальной рамке» и тем самым — к аномалии [Апресян 1978].

Аналогичным образом объясняется и неупотребительность в указанной функции местоимения второго лица. Ведь сообщение **Ты — это...* предполагало бы, что адресат речи не в состоянии идентифицировать сам себя. По сходной причине малоупотребительны и логически корректные вопросы типа *Ты Петя?* Ведь, прежде чем употребить по отношению к адресату речи местоимение второго лица, надо знать, к кому обращаешься. Вместо этого в ситуации, когда говорящий не уверен, что правильно узнал собеседника (например, по телефону), он может использовать прагматически более уместный вопрос *Это Петя?* или даже логически уязвимый *Петя, это ты?* («нелогичность» распространенного вопроса *Это ты?* обыгрывается в диалоге из «Литературной газеты», 3 апреля 1985 г.: «*Это ты?*» — спросил старик. «*Вроде я. Кому же еще быть мною?*»).

С местоимением первого лица дело обстоит несколько сложнее. Говорящий вполне может исходить из того, что адресат речи не в состоянии его идентифицировать. Обычно при отсутствии зрительного контакта между участниками коммуникации говорящий, представляясь, использует в качестве первого компонента местоимение *это*: *Это Петя*, — или даже, в расчете на узнавание по голосу [Арутюнова 1976: 297], *Это я*²⁶⁷. Если же говорящий находится в пределах видимости, уместно только местоимение *я*: *Я Дубровский*; «*Откуда же мне тебя знать?* — спросил растерянно профессор. «*Но ведь я же твой Максик*», — рыдал мальчик (Э. Кестнер, пер. К. Богатырева). Использование местоимения *я* возможно и при отсутствии зрительного контакта (ср. диалог: *Кто там?* — *Я монтер из «Мосэнерго»*), хотя в подобных случаях все же предпочтительнее использование местоимения *это* (*Это монтер*).

Таким образом, местоимение 1-го лица (в отличие от местоимений 2-го и 3-го лица) может в специальных условиях использоваться как первый компонент высказывания идентификации. И, если вне контекста высказывание *Я один коллежский ассессор* звучит странно (ср. *Я коллежский ассессор*, выражающее характеристику), то при

²⁶⁷ На нелогичность такого высказывания Винни-Пуха и обратил внимание Кролик: *Что значит «Я»? «Я» бывают разные.*

наличии более широкого контекста, указывающего на необходимость идентификации говорящего, оно становится уместным: *Если вы... вздумаете спросить меня: кто же я таков именно? — то я вам отвечу: я один коллежский ассессор* (Ф. Достоевский).

Еще одна оговорка касается употребления местоимения *это* в сочетании со словами оценочного или квалифицирующего значения. Такое употребление означает, что объект (чаще всего — лицо) рассматривается как «персонификация» указанного качества [Падучева 1981: 83]; ср. у Чехова: *Это необыкновенный ребенок; Это странный, наивный человек; Это талант; Это молодчина*. По существу здесь характеристика маскируется под идентификацию. На то, что эти высказывания подаются именно как высказывания идентификации, указывает не только такой формальный признак, как употребление *это*, но и восприятие этих высказываний говорящими; ср. восприятие таких высказываний как «ярлыков», претендующих на то, чтобы выразить самую сущность определяемого объекта: *Нюют, ненавистничают, болезненно клеветают, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: «О, это психопат!» или «Это фразер!» А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: «Это странный человек, странный!»* (А. Чехов). Делая такое высказывание, говорящий как бы делает вид, что, как и в случае таксономической идентификации, незнание соответствующего свойства объекта не позволяет локализовать его в денотативном пространстве. Действительно, говоря: *Этих двух нужно убить как бешеных собак. Это негодяи. Гнусные погромщики и грабители* (М. Булгаков), — доктор Бакалейников имел в виду не бранить Куренного и полковника, а разоблачить (идентифицировать) их в глазах матросов²⁶⁸. Поэтому говоря: *Пирог — прелесть*, — говорящий хвалит конкретный пирог (тем самым слово *пирог* имеет референцию к конкретному объекту). Но если кто-то глубокомысленно скажет: *Пирог — это прелесть*, — такое высказывание будет понято как выражающее отношение к пирогу вообще (к его, так сказать, сущности); оно может быть использовано, например, в ответ на предложение испечь или купить пирог.

Поскольку местоимение *это* используется (если речь идет о конкретных объектах) только в высказываниях идентификации, оно в обычных условиях не может быть употреблено в предложениях, выражающих мнение говорящего о себе самом (так как себя-то говорящий способен идентифицировать и без того), в частности, как отмети-

²⁶⁸ В подобных случаях субъективная оценка выдается за объективное определение, как в одной статье в «Русском вестнике» (1894), где говорится: «Вступить с ним в брань? К чему?... Достаточно понять, определить, самое большее — выговорить вслух определенное», — и автор дает своему оппоненту такие «определения» (а вовсе не «бранит» его): *танцор из кордебалета; тапер на разбитых клавишах; слепец, ушедший в букву страницы; блудница; палка, бросаема из рук в руки*.

ла Е. В. Падучева [1981: 82], — когда предложение самомнения подчинено предикату пропозициональной установки. Исключение, впрочем, составляют ситуации, когда говорящий затрудняется идентифицировать самого себя, например при разглядывании старых фотографий или своего отражения в зеркале: *Неужели вон тот — это я?* (В. Ходасевич); *Максик подбежал поближе к зеркалу и вытянул вперед руки, словно пытаюсь обнять собственное отражение. «Это я», — кричал Максик* (Э. Кестнер, пер. К. Богатырева). Возможны и случаи, когда происходит потеря способности к самоидентификации: ср.: *Может быть, я — это тоже не я?* (Л. Квитко, пер. Ел. Благиной); *Мы в адском круге, а может, это и не мы* (А. Ахматова). В подобных случаях это возможно в предложении самомнения и в контексте глагола пропозициональной установки (например, *Лирическая героиня Ахматовой чувствовала, что они в адском круге, и допускала даже, что это и не они*).

Наконец, следует отметить, что сообщения об имени объекта могут использовать те же средства, что и высказывания идентификации: *Знакомьтесь, это Коля; Вот это стол — за ним сидят* (С. Маршак). Часто такие сообщения делаются одновременно с идентификацией: *Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах. А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса* (А. Чехов).

В целом высказывания идентификации достаточно разнообразны с точки зрения референциальной характеристики компонентов [Падучева 1987]. В то же время все они преследуют в общем одну и ту же цель — дать возможность адресату речи точно локализовать референт первого компонента. Это обеспечивает единство всего класса высказываний идентификации и объясняет то, что в них используются одни и те же языковые средства.

2. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТОЖДЕСТВА

а. Псевдоидентификация.

Высказывания вида *A есть B*, когда *A* и *B* — имена двух разных объектов, полностью аномальны с точки зрения логики и здравого смысла. Поэтому они всегда переосмысляются. Обычно переосмысление состоит в том, что *B* понимается метафорически (в широком смысле) и обозначает уже не объект *B*, отличный от объекта *A*, а свойство объекта *A* быть в определенном отношении похожим на *B*. Тем самым *B* приобретает предикатный статус, и никакой загадки не остается.

Так, героиня Чехова, заявляющая: *Мой муж — Отелло*, — конечно, совсем не хотела утверждать, что она замужем за персонажем пьесы Шекспира; она лишь сообщала о свойстве своего мужа, которое сближало его, на ее взгляд, с указанным персонажем.

Интерес может представлять лишь описание условий употребления подобных конструкций. Так, переносное употребление собственных имен в функции предиката, как правило, требует специальных показателей: например, определений, несовместимых с «прямым» пониманием имени, неопределенных местоимений и т. п.

Употребление нарицательных предметных существительных в рассматриваемой функции также связано с некоторыми ограничениями. Затруднено употребление в форме предложений тождества без специальных показателей сравнений, производимых в пределах одного класса; это согласуется с наблюдениями Н. Д. Арутюновой [1983: 9]. Не вполне естественно выглядит предложение *Вино — вода*; ср. при наличии специальных показателей: *Это не вино, а вода* (ср. у Артема Веселого: *Это же не вода, а какая-то моча дамская*); *В сравнении с джином вино — вода* (О. Мандельштам), *Вино — сущая (совершенная) вода* и т. п. Достаточным оказывается и параллелизм конструкций: ср. *Вином упиться? Позвать врача? Но врач — убийца! Вино — моча* (А. Галич).

б. «Тавтологии».

В своем буквальном значении высказывания вида *X есть X*; *X — это X*; *X всегда X* и т. п. абсолютно неинформативны и поэтому «бесполезны и неупотребительны» (Кант); они могут быть лишь объектом насмешек, подобных описанию речи председателя суда в «Воскресении»: *Прежде изложения дела он очень долго объяснял присяжным, с приятной домашней интонацией, то, что грабеж есть грабеж, а воровство есть воровство, и что похищение из запертого места есть похищение из запертого места, а похищение из незапертого места есть похищение из незапертого места*. Обычно, интерпретируя «тавтологичное» высказывание, адресат речи как бы переосмысляет его, и высказывание, неинформативное на уровне того, что буквально сказано, становится информативным «на уровне того, что имплицитруется» [Грайс 1985: 229]. Необходимость такого переосмысления в последнее время принято связывать с общекоммуникативными постулатами Г. П. Грайса [Кифер 1985: 335—336; Падучева 1982б: 84; 1985: 42; Апресян 1988: 40]. Действительно, необходимость искать небуквальную интерпретацию высказывания естественно объяснить коммуникативной недостаточностью буквального осмысления. В то же время создается впечатление, что во многих работах указанного направления предполагается, что и способы переосмысления «тавтологичных» высказываний также выводимы на основе универсальных постулатов речевого общения. В таком случае не было бы нужды строить для «тавтологичных» высказываний особое семантическое представление, соответствующее небуквальному пониманию, оно получалось бы по общим (в частности, не связанным с особенностями конкретного языка) пра-

вилам из буквального. Это дало бы возможность «разгрузить» семантическое описание [Падучева 1982: 85; 1985: 43].

Однако если необходимость переосмысления «тавтологий» сама по себе не зависит от конкретного языка, то способы их осмысления, равно как и форма наиболее часто встречающихся «тавтологичных» высказываний, нередко оказываются лингвоспецифичными. Лингвоспецифичность «тавтологичных» высказываний фактически вытекала уже из гипотезы Е. В. Падучевой, предположившей [1985] (см. также [Апресян 1988]), что интерпретация такого высказывания определяется коннотациями используемого в нем имени. Ведь коннотации являются фактом словаря и заведомо лингвоспецифичны. В то же время заметим, что одного знания коннотаций соответствующего имени (по крайней мере, в традиционном понимании термина «коннотация») недостаточно для точной интерпретации смысла высказывания. Отметим, в частности, что в «тавтологичных» высказываниях могут использоваться собственные имена, в том числе не общеизвестные и потому не имеющие словарных коннотаций в общепринятом понимании термина: например, *Сереза есть Сереза* (об общем знакомом). Скорее, можно говорить об ассоциациях, которые связываются с референтом у участников коммуникации, или о «мысленном досье» референта, которым они располагают.

Впрочем, связью со словарными коннотациями не исчерпывается специфика «тавтологичных» конструкций в конкретном языке. Интерпретация такого высказывания может зависеть от целого ряда языковых особенностей «тавтологичного» высказывания. Относительно английских «тавтологических» конструкций типа *Boys will be boys; War is war* и т. п. это было показано в статье А. Вежбицкой [1987b]. Демонстрируя отличия английских «тавтологий» от аналогичных конструкций других языков, А. Вежбицкая время от времени привлекает для сопоставления французские, русские и польские примеры. Примечательно, что, упоминая русский материал, А. Вежбицкая допускает ряд неточностей²⁶⁹; но именно эти неточности только подтверждают общий вывод А. Вежбицкой — специфику «тавтологичных» конструкций в каждом отдельном языке, вследствие чего для каждого языка их необходимо подвергать специальному анализу.

Лингвоспецифичность «тавтологичных» высказываний связана и с разнообразием факторов, которые определяют их интерпретацию в

²⁶⁹ Так, А. Вежбицкая считает, что «по-русски не говорят *Война есть война*» [Wierzbicka 1987b: 97]. На самом деле *Война есть война* — одно из самых часто встречающихся в русских текстах «тавтологичных» предложений. В статье Н. А. Николиной [1984] приводятся примеры предложений типа *X есть X* из реальных текстов: из сорока трех примеров шесть — это именно употребления предложения *Война есть война* (на втором месте предложение *Жизнь есть жизнь* — три примера; предложение *Ложь есть ложь* встретилось дважды).

каждом языке. Так, в английском языке способы интерпретации таких высказываний весьма разнообразны и зависят от наличия/отсутствия артикля, времени глагола, семантического типа существительного и др. Соответствующие правила переосмысления конвенционализированы и должны быть включены в полное описание английского языка. Они не носят универсального характера; это ясно хотя бы из того, что они не могут быть применены, например, к безартиклевому языку.

Способы осмысления русских биноминативных «тавтологий» не менее разнообразны и также зависят от целого ряда параметров. Специфичным для русского языка является противопоставление двух рядов «тавтологических» конструкций: *X (u) есть X; X всегда/везде X*, и т. п., с одной стороны, и *X — это X* — с другой.

Значение конструкций первого ряда: все манифестации X-а, т. е. члены класса X или «инстанты» индивида X (см. главу II), в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого. Предложения данного типа чаще всего представляют собой «формулу примирения с действительностью» [Николина 1984: 45].

Варианты такого примирения могут быть различны.

С одной стороны, это может быть понимание неизбежности негативных аспектов явления, т. е. того, что недостатки данной манифестации X-а (члена класса или «инстанции» индивида), — это не его особенность, они присущи X-у вообще, поэтому с ними надо смириться: *Дети есть дети; Реклама есть реклама; Для Троцкого, как и для Сталина, коллективизация и террор голодом были войной — войной коммунистического режима с крестьянством. За жестокость он Сталина не упрекал: война есть война* (М. Хейфец); *Таня есть Таня, обижаться на нее невозможно* (В. Астафьев) и т. п. — словом, *Обижаться тут не приходится, жизнь есть жизнь* (Н. Катерли)²⁷⁰.

Чаще всего первый вариант «примирения с действительностью» состоит в выявлении того, что все манифестации X-а имеют как позитивные, так и негативные стороны, так что и данная манифестация не исключение: *Люди есть люди. У каждого есть плюсы и минусы. Достоинства и недостатки* (пример из работы Н. А. Николиной [1984: 43]); *Человек есть человек, Бог и Черт в нем всегда рядом* (Р. Вебер).

С другой стороны, «примирение с действительностью» («ничего не поделаешь») может состоять в осознании необходимости выполнять свой долг по отношению к X-у, каким бы этот X ни был: *Закон есть закон; Приказ есть приказ; Отец есть отец; Обещание есть обещание* и т. п.

При обоих вариантах «примирения с действительностью» подразумевается значение уступки, однако эта уступка носит почти проти-

²⁷⁰ Ср. пример, приводимый в [Николина 1984: 45]: *Жизнь есть жизнь, и ничего с ней не поделаешь* (К. Симонов).

воположный характер. В первом варианте предполагается, что, несмотря на возможные достоинства данной манифестации X-а или связываемые с ней надежды, она по существу не лучше прочих манифестаций — ср.: *Женщина всегда женщина, даже если она и наделена от Бога ясным и насмешливым умом* (Вас. Гроссман). Во втором варианте речь идет о том, что, несмотря на все недостатки данной манифестации X-а, они не отменяют исполнения долга по отношению к ней как к X-у: *Отец есть отец. Какой бы он ни был, но — отец* (пример из работы Н. А. Николиной [1984: 42]). Высказывание *Закон есть закон* указывает на необходимость исполнения закона, несмотря на его суровость; *Приказ есть приказ* означает, что приказ надо выполнять, хотя бы он был жестоким, трудновыполнимым или сопряженным с риском для исполнителя: *Я удивился такому приказу. Уж кто-кто, а Сымч должен был знать, что распинать на кресте — дело не христианское. Но приказ есть приказ* (В. Войнович); *Приказ есть приказ. Но все собравшиеся офицеры понимали, что по раскинутой Выборгской стороне, набитой десятками мятежных рабочих, выполнять его почти нечем* (А. Солженицын); *А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ о «смертном бое»*. *Приказ есть приказ, партийная дисциплина — дисциплина* (Э. Генри).

Заметим, что «примирение с действительностью» чрезвычайно характерно для русской языковой картины мира в целом. Мы уже видели, что именно эту идею можно усмотреть в вводном *видно*. Эта же идея, как мы увидим ниже (глава VII.3) просматривается и в некоторых типах употребления глагола *плюнуть/плевать*.

«Примирение с действительностью» — характерный, но не единственный способ интерпретации рассматриваемых конструкций. Выбор интерпретации зависит от типа существительного или же проясняется в контексте. Так, предложение *Жена есть жена* могло бы указывать на готовность примириться с недостатками жены (свойственным, по мнению говорящего, всем женам), на необходимость заботиться о жене, на то, что говорящий считает состояние женатого человека вообще лучшим, чем состояние холостяка (какова бы ни была жена) и т. п. Лишь контекст позволяет уточнить понимание этого предложения в словах Андрея из «Трех сестер» Чехова: *Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакое шершавого животного. Во всяком случае, она не человек*. В некоторых случаях интерпретация так и остается неясной; ср. пример, приводимый в работе [Николина 1984: 44]: *«Мечта есть мечта», — сказала Ада Ефимовна неизвестно в каком смысле* (И. Грекова).

Общее значение конструкций второго ряда (*X — это X*) совсем иное: индивид (или класс) X отличается от не-X-ов, т. е. прочих индивидов (или классов). Именно эти конструкции могут выражать значение тождества предмета самому себе; соответствующее сообще-

ние, строго говоря, не слишком информативно, но может в определенных ситуациях оказываться уместным: *Если я — это я, меня не укусит собака моя* (С. Маршак); *Ложка — это ложка, ложкой суп едят. Кошка — это кошка, у кошки семь котят. Тряпка — это тряпка, тряпкой вытру пол. Шапка — это шапка, оделся — и пошел* (И. Токмакова); *Мы с Букашевым, как слепые, ощупывали друг друга, чтобы убедиться, что мы — это мы* (В. Войнович).

Обычно же высказывания вида *X — это X* переосмысляются как указывающие на «особость» индивида или класса *X*, на то, что он самым своим существом не походит на другие индивиды или классы («не чета другим»). Отсюда ясно, что если высказывания вида *X есть X* чаще связаны с отрицательной оценкой *X*-а (пониманием, что лучшего от *X*-а ждать не приходится), то высказывания вида *X — это X*, напротив, часто бывают связаны с чрезвычайно высокой оценкой *X*-а: *«Спартак» — это «Спартак»! Мы восстановимся и будем претендовать только на первое место* (слова тренера женской гандбольной команды «Спартак» И. Турчина — «Советский спорт», 21 января 1990 г.). Характерен эпизод из воспоминаний М. Шульмана «Петроградская гастроль кантора Шульмана»: Шаляпин захотел познакомиться с кантором Борухом Шульманом и велел своему администратору Исаяю Дворищину привезти Шульмана в тот же вечер. Дворищину стал уговаривать Шульмана в таких выражениях: *Ты же знаешь Федю! Типичный гой! Еще какой! Если ему что захотелось, вынь да положь*. Растерявшись, Шульман сказал, что, если Шаляпин желает с ним познакомиться, может хоть сейчас прийти к нему в гостиницу. На это Дворищину, ставший вдруг грустным и тихим, отвечал: *Ты, Береле, замечательный кантор. Может быть, один из трех или четырех лучших в мире. По мне, так самый лучший. Но Шаляпин — это Шаляпин. Он приглашает тебя в гости, а ты подумай, что ты говоришь, это Бог знает что!*

Именно в силу сказанного, как мы отмечали в главе VI.1, высказывание *Фишер есть Фишер* естественно было произнести в ситуации, когда приходило известие об очередном требовании американского гроссмейстера, доставляющем много забот организаторам соревнований; а высказывание *Фишер — это Фишер* звучало естественно, например, в ситуации, когда, получив известие о новой победе американского гроссмейстера, говорящий подчеркивал, что этого и следовало ожидать (ср. пример из журнала «Шахматы в СССР», 1988, № 1: *Бобби Фишер заявил однажды, что может дать коня вперед тогдашней чемпионке мира Ноне Гаприндашвили, на что Михаил Таль сказал: «Фишер — это Фишер, но конь — это конь»*).

Впрочем, указанные оценочные компоненты вовсе не являются обязательными. Они появляются лишь как следствие общего значения каждого из рядов биноминативных «тавтологий». Для *X есть X*;

X всегда X это констатация общего свойства всех манифестаций индивида или класса *X*; отличия и сходства *X*-а и других индивидов или классов находятся вне поля зрения. Для *X* — это *X* общее значение состоит в выделении *X*-а среди прочих индивидов или классов, констатация его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание. Иными словами, *X есть X* значит, прежде всего, ‘Все *X*-ы одинаковы’, а *X — это X* означает нечто вроде ‘*X — это не Y*’. Данное различие между двумя рядами русских «тавтологических» высказываний может стираться, но никогда не исчезает полностью, и оно, несомненно, лингвоспецифично. Именно оно является источником оценочных элементов в семантике рассмотренных конструкций, часть из которых оказались культурно значимы.

в. Контрфактическое тождество.

Поскольку, с точки зрения современной модальной логики, любое возможное суждение тождества является необходимым, а любое тождество, не имеющее места в реальном мире, невозможным, невозможны контрфактические суждения тождества. Действительно, соответствующее суждение оказалось бы либо тавтологичным (*A был бы A*), либо противоречивым (*A был бы не A*; *A был бы B*). Поэтому ирреальные биноминативные предложения возможны лишь в том случае, когда один из компонентов (обычно второй) имеет предикатный статус: *Если б я был султан...; Кабы я была царица...* (ср. английский перевод: *Were our tsar to marry me*).

Если оба компонента ирреального биноминативного предложения представляют собою жесткие десигнаторы (т. е., как мы помним, слова, соотносящиеся с одним и тем же объектом, о каком бы из возможных миров ни шла речь, т. е. имена собственные или названия естественных классов), ирреальное биноминативное предложение возможно, лишь если один из компонентов понимается нежестко, в переносном значении: *Если бы Хазанов был Сальери...* (Э. Рязанов). = ‘Если бы Хазанов был завистлив’.

Основной способ нежесткого понимания в русском языке — метафорическая интерпретация (*Если бы А был В...* = ‘Если бы А был похож на В’). Слова Пьера: *Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире...* — также могут пониматься метафорически: ‘Если бы я не был таков, как я есть...’. Реже встречается функциональная интерпретация (*Если бы А был В...* = ‘Если бы А был на месте В’), иллюстрируемая примером *Когда б во власть твою мой брат был облечен, а ты был Клавдио, ты мог бы пасть, как он...* (= ‘...а ты был на месте Клавдио’). Этот тип переносной интерпретации жесткого десигнатора характерен для многих европейских языков (*If I were you* = ‘На твоём месте...’); по-русски соответствующий смысл более идиоматично выражается при помощи оборота *на месте X-а*; ср.,

впрочем, у Достоевского одновременное использование обоих средств выражения данного смысла: *Если бы я был Горшков, так я уж не знаю, что бы я на его месте сделал!*

Возможно каламбурное столкновение указанных интерпретаций, как в диалоге: *Когда Александр отверг условия Дария, то Парменион сказал: «Если бы я был Александр, я бы принял условия мира». Александр ему ответил: «И я бы принял их, если бы я был Парменион».* В высказывании Пармениона предполагается функциональная интерпретация ('на месте Александра...'), а в высказывании Александра Македонского — метафорическая ('если бы я был такой (робкий), как Парменион...').

В ряде случаев граница между указанными пониманиями оказывается не вполне ясной, как в распространенном (особенно в переводах с западноевропейских языков) обороте *Если бы я был Бог...: Если бы я был Бог, я дарил бы вечное блаженство тому, кто не кается до последнего* (Й.-П. Якобсон, пер. Е. Суриц); *Будь я Богом, я бы вовсе не хотел, чтобы меня любили сентиментальной любовью* (Дж. Сэлинджер, пер. С. Таска). Во многих подобных случаях уместным представляется ответ И. А. Крылова на аналогичный оборот из стихотворения В. Гюго в переводе М. Д. Деларю (*И если б Богом был — селеньями святыми Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй И сонмы ангелов с их песнями живыми, Гармонию миров и власть мою над ними За твой единый поцелуй!*): *Мой друг! когда бы был ты Бог, то глупости такой сказать бы ты не мог.*

По-видимому, оба значения (метафорическое и функциональное) синкретически выражены в остроумном ответе Б. Пастернака на критическую статью некоего Джека Линдси, направленную против «Доктора Живаго» и опубликованную в просоветском журнале *Anglo-soviet Journal*. По свидетельству Пастернака, статья Линдси написана «важным, поучительным тоном» и начинается таким признанием: *Я был расположен к «Доктору Живаго» до того, как начал его читать, и приготовился восхищаться романом, о котором столько говорят.* Пастернак замечает: *В этом месте, если бы был господином Линдси, я бы продолжил так: «Но после того, как я понял характер журнала, для которого я пишу, доброе предрасположение к книге, которой я собирался насладиться, внезапно переменилось. Теперь «Доктор Живаго» разочаровал меня».* Условие *Если бы я был господином Линдси* означает одновременно 'на месте г. Линдси' и 'если бы я был таков, как г. Линдси (т. е. составлял мнение о книге до ее прочтения и был готов писать статьи для продажных изданий)'.

Таксономические предикаты в придаточных условных могут и не переосмысляться. В этом случае все предложение чаще всего интерпретируется как сообщение о причинной связи: *Если бы Дрейфус не был еврей, его бы не осудили; Была бы Шурка парнем, ей эти слова даром бы не прошли* (С. Залыгин) (осудили, потому что еврей;

спустил Шурке, потому что она не парень). Ср. также: *Если б я был евреем, вовеки не назвался бы словом другим* (А. Петров-Агатов); *Если бы я был молоденькой девушкой, — чего, по счастью для молоденьких девушек, не случилось, — я бы тоже, наверное, смущался* (Э. Кестнер, пер. К. Богатырева), — с несколько иной интерпретацией.

Обратим внимание на то, что свойства, приобретенные объектом А в рассматриваемой контрфактической ситуации, не изменяют языкового поведения единиц, обозначающих А: *Была бы Шурка парнем, ей (а не *ему) эти слова даром бы не прошли; Если бы я был девушкой, я бы тоже смущался (а не *смущалась)*. Некоторую трудность составляют случаи, когда в рассматриваемом контрфактическом мире А сталкивается со своим аналогом (counterpart). Предположим, молоденькие девушки смущаются, увидев Кестнера. Мысль, что Кестнер на их месте тоже смущался бы, трудно выразить при помощи той же конструкции: *Если бы Кестнер был молоденькой девушкой, он бы тоже смущался, увидев... (*себя?; *Кестнера?)*. Известный пример Дж. Лакоффа *I dreamed that I was Brigitte Bardot and that I kissed me* трудно перевести на русский язык: *Мне снилось, что я — Бриджит Бардо и что я поцеловал... (*себя; *меня; *Лакоффа)*.

По-видимому, если А — говорящий, то единственная возможность для него — обозначать свой аналог «отчужденно», в третьем лице (например, при помощи имени собственного), как в известном отрывке Пушкина: *«Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина. (...) Александр Пушкин поклонился бы с некоторым скромным замешательством. (...) Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь»*. Именно такое «отчужденное» обозначение аналога говорящего подчеркивает тот факт, что *царь* здесь понимается как жесткий десигнатор в функциональном переосмыслении, — в отличие от чисто предикатных *султан, царица* в примерах *Если б я был султан, я б имел трех жен; Кабы я была царица...*

Примеры типа *Если бы вы были птицей, то летали бы в поднебесье* представляют собою усложненную метафору: *Из птиц вы больше всего похожи на тех, что летают в поднебесье*.

Высказывания вида *Если бы... то А не был бы А* обычно означают, что, по мнению говорящего, ирреальное условие, содержащееся в придаточном, противоречит самой сущности А; ср.: *Леонов не был бы Леоновым, если бы, сознавая и вину, и беду своих героев... по-человечески не сочувствовал им* (Изв. ОЛЯ, т. 39); *Не думайте que je tombe en religion — я была бы не я (из писем Марины Цветаевой Ариадне Берг); Мог бы я быть добродетельным, почтенным, заслуженным и даже на всю жизнь? Мог. Но тогда я не был бы самим собою (слова А. А. Реформатского, приводимые Н. Ильиной); Если б я стал писателем в русле официальной советской литературы, я бы, конечно, не был бы*

собой (А. Солженицын); *А если б мог решить проблемы эти — Я б был не Бог, Я б был не Я* (В. Долина).

Распространены обороты типа *Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес, а здесь он офицер гусарский* (А. Пушкин); здесь утверждается сходство Чаадаева с Брутом и Периклом, а отличия связываются с отличиями условий, в которых действовали эти лица.

Поскольку при метафорическом понимании жесткий десигнатор утрачивает связь с объектом, может наблюдаться референциальная несогласованность подлежащего и сказуемого; ср. следующий пример, где подлежащее имеет родовой статус, а сказуемое выражено именем собственным: *Чтобы многомиллионный читатель увидел то, о чем говорил Георгий Дмитриевич, ему нужно быть Георгием Дмитриевичем, т. е. разработать в себе... аппарат извлечения знаков и символов, воплощенных в каждом человеческом слове* (В. Кожин).

Как мы видим, ирреальные высказывания тождества почти всегда сводимы к стандартной семантике. Однако некоторая парадоксальность их все же продолжает ощущаться. Недаром они могут служить удобным материалом для языковой игры. На английском материале такая игра часто используется в творчестве А. Милна: ср. стихотворения *Furry Bear (If I were a bear, And a big bear too, I shouldn't mush care If it froze or snow...)* и *A Thought (If I were John and John were Me, Then he'd be six and I'd be three. If John were Me and I were John, I shouldn't have these trousers on)*, а также известное стихотворение из «Винни-Пуха»: *It's a very funny thought that, if Bears were Bees, They'd build their nests at the bottom of trees And that being so (if the Bees were Bears), We shouldn't have to climb up all these stairs* (ср. перевод Б. Заходера: *Если б мишки были пчелами, то они бы ничем, никогда и не подумали так высоко строить дом; и тогда (конечно, если бы пчелы — это были мишки!) нам бы, мишкам, было незачем лазить на такие вышки!*).

С более изощренным языковым экспериментом мы сталкиваемся в творчестве Д. Пригова. Приведем примеры экспериментирования на тему «Он в Риме был бы Брут...»:

- (1) *Скажем, я вот — Геродот Ну, понятно, скажут, Геродот, мол, да не тот И неверно скажут Потому что Геродот В наше время был бы Геродот, да уж не тот А он Пригов был бы То есть — я;*
- (2) *В Японии я б был Катулл А в Риме — чистым Хокусаем А вот в России я тот самый Что вот в Японии — Катулл А в Риме — чистым Хокусаем Был бы.*

В примере (1) обыгрывается необратимость сравнений; аномальное высказывание *Геродот был бы в наше время Пригов* получается обращением сравнения героя с Геродотом (скажем, *Я б в Древней Греции был Геродот*). Пример (2) построен так, чтобы невозможной ста-

ла стандартная интерпретация: различия между сравниваемыми лицами обусловлены разными условиями, в которых они действуют. В самом деле, особые свойства Катуллы никак не могут быть объяснены специфическими японскими условиями (а Хокусая — римскими). Наконец, выясняется, что в российских условиях герой вообще не обладает индивидуальными свойствами и может быть идентифицирован только через сравнение с Катуллом и Хокусаем (своего рода «перекрестная» идентификация).

Таким образом, мы видим, что логические парадоксы, связанные с идентификацией, находят разрешение в естественном языке. Но естественный язык дает материал для конструирования новых парадоксов, экспериментирования, языковой игры.

ГЛАВА 3

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ*

1. ВИДЫ «ПЛЕВКОВ» ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

«Я не знаю, плевков — обида или нет?» — спрашивал когда-то Маяковский. И, надо признать, у него были основания для недоумения. Отвечая на заданный им вопрос, мы можем сказать: все зависит от того, о каком «плевке» идет речь. «Плевки», как и многое другое, бывают разные.

Вообще-то использование плевков в качестве символического акта свойственно многим, если не всем культурам. Чарльз Дарвин даже писал когда-то, что плевки — это «почти универсальный знак презрения или отвращения». Но едва ли в каком-либо другом языке мы обнаружим такое разнообразие «плевков», как в русском.

В русской речи постоянно используются такие глаголы, как *плюнуть*, *сплюнуть*, *плевать*, *наплевать*, *расплеваться*, *отплеываться* и т. п. При этом вовсе не во всех случаях употребления таких глаголов речь идет о действительно имевшем место «материальном» акте плевка. Ясно, что, когда люди *расплеваются* или когда кто-то кому-то *наплевал в душу*, о плевках говорят не в буквальном, а в метафорическом смысле. Самые разные поступки и явления человеческой жизни рассматриваются языком как разновидность «плевка». Вместо «презойти» мы можем сказать *переплюнуть*, о человеке, который ничего не делает, говорим, что он *плюет в потолок*, а небрежно-презрительное отношение к своим обязанностям именуем *наплевательским*. Мы можем сообщить: «Он подождал, подождал, *плюнул* и уехал», — или передать свое впечатление от выставки: «Я ходил и только *плевался*». Хотя плевков в собственном смысле слова здесь нет, мы воспринимаем все эти ситуации как своего рода «плевки».

Таким образом, первое разграничение, которое следует иметь в виду, — это разграничение между «осуществленными» и «метафорическими» плевками. «Метафорические» плевки имеют место, если

* В основу данной главы положена статья, подготовленная для публикации в очередном выпуске сборника «Логический анализ языка», посвященном образу человека в языке.

осуществляется действие, смысл которого сходен со смыслом плевка, осуществленного в аналогичной ситуации в качестве семиотического акта.

В то же время реальные, «осуществленные» плевки далеко не всегда являются семиотическими актами. Нет (или, по крайней мере, может не быть) ничего семиотически значимого в том, чтобы *выплюнуть шелуху семечка* или *отплеиваться*, когда вода попала в рот во время купания. Поэтому, поскольку мы имеем дело с «осуществленными» плевками, необходимо различать «значимые» и «незначимые» плевки.

Наконец, «значимые» плевки могут осуществляться различным образом. Не всегда это должен быть подлинный плевок; так, чтобы выразить досаду, не обязательно *сплюнуть* в буквальном смысле, достаточно сделать символический «плевок», т. е. произнести *тьфу!* или *тьфу ты!* Таким образом, мы можем различать «подлинные» и «символические» плевки. К «символическим» плевкам близко и «квазиперформативное» употребление глагола *плевать* (*Плевать...!* или *Плевать я хотел...!*).

Таким образом, мы можем различить «осуществленные» незначимые плевки (собственно плевки), «осуществленные» «значимые» плевки (когда, например, кто-то *сплюнет с досады*), «символические» плевки (произнесение междометия *тьфу*), «квазиперформативные» плевки (использование выражений типа *(на)плевать...!*) и, наконец, «метафорические» плевки (совершение действия, воспринимаемого как выражение пренебрежения, оскорбления и т. п. и мысленно приравняемого к плевку).

Значение плевков также достаточно разнообразно. При этом как способ осуществления плевка, так и его возможное языковое обозначение нередко зависят от того, что именно хочет выразить посредством плевка его «автор».

Так, для незначимых плевков важно направление плевка, а также, ввиду отсутствия семиотической цели, существенным может оказаться, с какой целью они осуществляются, и в зависимости от этого иногда и выбирается языковое обозначение плевка. Скажем, выражение *выплюнуть/выплеивать (нечто)* предполагает удаление посредством плевка чего-то находящегося во рту; глагол *отплеиваться* акцентирует внимание на том, что изо рта удаляется нечто постороннее, попавшее или грозящее попасть в рот, *сплюнуть/сплеивать* можно под ноги, *плюнуть* — в горизонтальном направлении, а *поплевать* — на руки.

Впрочем, часто плевки такого рода оказываются семиотически нагруженными. Лишь плевки, обозначаемые переходными глаголами *выплюнуть/выплеивать* или более редким *отплюнуть/отплеивать*, всегда незначимы и направлены просто на удаление объекта изо рта; в прочих же случаях, когда объект не указывается, часто бывает

можно предполагать, что плевком что-то выражает. Так, *сплюнуть под ноги* можно с досады, *плюнуть (кому-то) в лицо* — для выражения презрения, *поплевать на руки* — чтобы продемонстрировать готовность и намерение приступить к работе, а *отплеваются* — когда видят или слышат вокруг нечто отвратительное (при этом глагол часто используется метафорически, когда реальные плевки не осуществляются; ср.: *Мне такое наговорили, что я только слушал и отплеывался*).

Как уже говорилось, во многих случаях значимые плевки осуществляются символически. *Сплюнуть с досады* можно, плюнув в буквальном смысле, а можно — произнеся *Тьфу!* Произнесение междометия *тьфу* как «символический» плевком может иметь разные функции. Часто это выражение досады (тогда междометие может получить пространитель *ты*), к выражению досады близко и «метатекстовое» *тьфу!*, используемое, когда человек по ошибке сказал что-то не то. Иногда *тьфу* используется для выражения презрения или раздражения (*Тьфу, надоел!*). К «презрительному» *тьфу* примыкает использование *тьфу* в ритуалах, когда человек как бы плюет на нечистую силу, показывая, что не желает иметь с нею ничего общего. В частности, при совершении таинства крещения (в чине оглашения, в обряде отречения от дьявола) священник говорит крещаемому: «Дуни и плюни на него [на дьявола]», — и крещаемый дует и произносит *Тьфу*. Иногда исходное значение выражения презрения к нечистой силе стирается, и остается лишь «ритуальный» смысл, как, например, в выражении *Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить*. В большинстве случаев символическая реализация является предпочтительным или единственно возможным способом осуществления значимого плевка. При описании такого рода символических плевков используется предикат *плюнуть/плевать*.

Совсем иные функции у просторечного «квазиперформативного» (*на*)*плевать...!*, посредством которого говорящий демонстрирует нежелание считаться со своими обязанностями, с имеющими место или возможными неприятностями, с угрозами, своим униженным положением и т. п.²⁷¹ Те же функции имеют выражения *А я плевал...!* или *А я плюю...!*. Используя указанный квазиперформатив, говорящий дает понять, что то, о чем идет речь, его совершенно не волнует. Когда речь идет о том, что кто-то *плюет* на свои обязанности, подобного рода отношение называется *наплевательским*. При описании «плевков», выраженных при помощи «квазиперформатива», используются глаголы *плюнуть* или *наплевать* (несовершенный вид в обоих случаях *плевать*).

²⁷¹ Этот тип употреблений назван «квазиперформативным», поскольку сказать *Плевать!* в каком-то смысле и значит *плюнуть*. Следует, однако, иметь в виду его отличие от собственно перформативных употреблений; в частности, возможны высказывания типа *Он сказал: «А мне плевать!»* — но я ему не очень-то верю.

Можно выделить два режима употребления «квазиперформативного» *(На)плевать!* С одной стороны, это описание конкретного решения, которое имеет место, когда субъект в течение какого-то времени волнуется по некоторому поводу, а затем решает *плюнуть* (он может сказать при этом: *(На)плевать!*), например: *Она долго пыталась собрать все необходимые документы, чтобы подать заявку на стипендию, но наконец решила плюнуть*. С другой стороны, это более или менее постоянное отношение безразличия к чему-либо (здесь опять-таки субъект может выразить свое отношение посредством высказывания *А мне (на)плевать!*, впрочем, произнесенного с несколько иной интонацией). В первом случае мы говорим, что субъект *плюнул* на что-то, а во втором — что он *плюет* на это.

Отметим, что «символическое» *тьфу!* и «квазиперформативное» *(на)плевать* практически невзаимозаменяемы; иначе говоря, их функции почти не пересекаются. «С досады» или в раздражении человек не скажет *Плевать!*. Не используется это выражение и в ритуалах. С другой стороны, междометие *тьфу* обычно не используется как средство выражения «наплевательского» отношения. Однако обнаруживается небольшая «область пересечения» функций *тьфу!* и *(на)плевать...!*, связанная с той отмеченной А. Б. Пеньковским [1995] особенностью тимиологических оценок, что значение пренебрежения выступает как бы в двух ипостасях: ‘пренебрегать’ — это и считать неважным, и относиться с презрением (здесь уместно выражение А. Вежбидкой [Wierzbicka 1995: 311] «презрительное безразличие»). *А мне это тьфу — плюнуть да растереть!* значит практически то же самое, что и *А мне на это наплевать — плюнуть да растереть!*

Во многих случаях глаголы, обозначающие «плевки», пригодны для обозначения не только реальных, но и метафорических «плевков», т. е. способны использоваться в тех случаях, когда было проявлено отношение, которое может быть выражено посредством плевка. *Плюнуть с досады* можно буквально или символически, но при прочих проявлениях досады (когда не было ни буквального, ни символического плевка) глагол *плюнуть* неупотребим. *Плюнуть от отвращения* также можно буквально или символически, но этот глагол можно употребить и для обозначения таких проявлений отвращения, когда не было ни буквального, ни символического плевка — так, остается неясным, хочет ли сказать городничий в сцене из «Ревизора», что он действительно плевал при виде игральные карты, что он с отвращением говорил *Тьфу!* или же просто испытывал чувство отвращения (да это и не так существенно): *Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Даже не знаю, как играть в эти карты, смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь*. Наконец, когда говорят: *Он подождал, подождал, плюнул и уехал*, — скорее всего, не

имеют в виду, что имел место хотя бы символический плевок. Скорее всего, не предполагаются ни реальные, ни даже символические плевки, когда говорят: *Я ходил по выставке и только плевался; Он лежит и плюет в потолок; Плюнь ты на урок, раз такое дело; Он на меня или неистово молится, или неистово плюет на меня* (В. Маяковский о Безыменском); *Министерство требует развития преподавания русского языка — а студенты плюют на то, что говорит министерство* и т. п. Только о метафорических «плевках» может идти речь в случае использования выражений *расплев(ыв)аться, (на)плевать в душу* и т. д.

Сказанное можно обобщить в виде следующей таблицы:

значение «плева»	языковое обозначение плева	«буквальный»	символический (тьфу)	тип «плева»	«квазиперформатив»:	«метафорический»
—	плюнуть/плевать; сплюнуть/сплевывать; вы- плюнуть/выплевывать и т. д.	+	—	—	плевал я...! (на)плевать...!	—
досада	плюнуть/плевать; сплю- нуть/сплевывать	+	+	—	—	—
метакст, раздраже- ние, презрение, риту- ал	плюнуть/плевать	—	+	—	—	—
«наплевательство»	плюнуть/плевать; каплевать/плевать	—	+	—	+	+
«отвращение»	плеватьсь, отплевываться	?	—	—	—	+
«незаслуженное ос- корбление»	оплев(ыв)ать	—	—	—	—	+
‘презвойти’	переплюнуть	—	—	—	—	+
«разрыв отношений»	расплеваться	—	—	—	—	+
идиомы	(на)плевать в глаза/в душу, плевать в потолок	—	—	—	—	+

2. «НАПЛЕВАТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Мы уже говорили, что хотя использование плевков в качестве семиотического акта свойственно многим, если не всем культурам, но именно в русском языке мы обнаруживаем поразительное разнообразие «плевков» с точки зрения их функций и языковых обозначений. Мы можем говорить даже о «плевах», произведенных неодушевленным субъектом, как в одном из газетных интервью («Аргументы и факты», 1996, № 42): *Биологии ведь на мораль плевать. — Естественно, природе на эстетику, мораль, этику плевать, когда идет процесс отбора.*

При этом приверженность к некоторым типам «плевков» хорошо вписывается в неоднократно отмечавшиеся особенности «национального характера». В частности, это касается установки на «презрительное безразличие», получившей специальное наименование — *наплевать* или даже «наплевизм», и выражаемой при помощи высказываний *Плевать...!*; *Наплевать...!*; *А я плевал...!*; *Плевать я хотел...!*; *А я плюю...!* и т. д. Буквальный «перевод», скажем, на английский язык — *I spit at it!* или *I spit (up) on this!* — выражает, по-видимому, иную идею: по данным словарей, *spit upon* указывает скорее на презрение, чем на безразличие. «Наплевательское» отношение могло бы быть выражено по-английски при помощи высказывания *I don't care!*, без апелляции к «плевам».

При этом русские выражения типа *Плевать...!* отличаются от английского *I don't care* не только образностью; они указывают на то, что говорящий не просто не хочет думать о том, на что он «плюет», но, главное, не хочет в связи с этим ничего предпринимать. Иными словами, сквозь русское *Плевать...!*, наряду с безразличием, просвечивает идея ничегонеделания, «плевания в потолок». *Да плюнь ты...!* — один из самых часто встречающихся советов, который дают человеку, если он кажется чрезмерно озабоченным какими-то трудностями. Этот совет отчасти близок английскому *Take it easy!*; однако наглядно видно и различие. Совет *Take it easy!* означает пожелание избавиться от отрицательных эмоций, но не предполагает совета предаваться бездействию. *Да плюнь ты...!* — это совет избавиться от излишних и ни к чему не приводящих (или приводящих только к расстройству) усилий. «Философское» отношение к жизни в «англосаксонской картине мира» может быть выражено максимой: «Не стоит расстраиваться по поводу того, что от тебя не зависит»; в «русской картине мира» оно могло бы быть выражено максимой: «Не стоит тратить усилия: все равно от тебя ничего не зависит». И примечательно, что в русском языке такое философское отношение к жизни концептуализуется как «плевание».

Пожалуй, именно приверженность к «плевкам», выражающим безразличие, получившая специальное наименование — «наплевательство» или даже «наплевизм», — хорошо вписывается в распространенные представления об особенностях «русского национального характера». Иногда кажется, что такое «наплевательское» отношение даже является предметом особой гордости. Гордости полны известные строки Маяковского: *Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слизь* и т. д. Своего рода «униженная гордость» свойственна и героям Галича, заявляющим: *Под столом нарежем сальца, и плевать на всех — на тутошних! или А что мадам его крутит мордою, так мне плевать на то, я не гордая.*

Мы не только гордимся собственным «наплевательством», но и нередко рекомендуем его другим, как достойное философа отношение к жизни. «Да плюнь ты...!» — один из самых часто встречающихся советов, который дают человеку, если он кажется чрезмерно озабоченным какими-то трудностями, и мы готовы видеть в таком совете проявление житейской мудрости. Недаром нечто похожее советовал нравственно мнительным людям старец Варсонофий из «Трех разговоров» Владимира Соловьева: «А вот тебе мой совет: как начнет он тебя этим самым раскаянием смущать, ты *плюнь да разотри* — вот, мол, и все грехи мои тяжкие — так они для меня необнаковенно важны!»

Посредством «плевка» легче всего выразить незаинтересованность в «житейской суете». Василий Розанов почти с восхищением передавал историю о том, как Победоносцев продемонстрировал свое презрение к «суждениям света». *Как мне нравится Победоносцев, — писал Розанов, — который на слова: «Это вызовет дурные толки в обществе» — остановился и не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растер и, ничего не сказав, пошел дальше.* Такие «плевки» вызывают одобрение не только у философов. За наплевательским отношением к «суетному» и «низменному» все мы охотно видим любовь к «возвышенному». Непрерывно плюясь, можно прослыть человеком высших интересов.

В других языках тоже есть выражения, указывающие на безразличие, там тоже даются советы не расстраиваться по пустякам или отказаться от бесплодных усилий изменить ход дела. Но именно в русском языке все эти идеи сконцентрированы в одном глаголе *плевать*. Мы используем этот глагол и для выражения собственной установки, и описывая чье-либо безразличное отношение, и давая совет.

И лишь на поверхностный взгляд, человек, после ряда тщетных попыток решивший наконец *плюнуть*, потерпел фиаско. С точки зрения жизненной позиции, выраженной в русском *Плевать...!*, он, наоборот, сумел, отринув «житейскую суету», подняться до подлинно философского отношения к действительности.

ГЛАВА 4

ДУХ, ДУША И ТЕЛО В СВЕТЕ ДАННЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА*

1. ТЕЛЕСНОЕ СТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ГЛАВНАЯ ЧЕРТА, ОТЛИЧАЮЩАЯ ЕГО ОТ ЖИВОТНОГО МИРА

Утверждение, которое может показаться парадоксальным, состоит в том, что уникальность человека, отличающую его от животного мира, язык видит не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей, в частности в строении тела²⁷². Даже само слово *тело* нормально употребляется лишь по отношению к человеку. Предложение *В овраге обнаружили мертвое тело* не может быть употреблено, если речь идет о трупe животного. Впрочем, сочувствуя замерзшему животному, особенно маленькому или беззащитному, мы можем сказать о нем *Дрожит всем телом*; однако уже куда менее вероятно сказать о животном что-нибудь вроде *По телу пробежала дрожь*. Строки Пушкина *И ветхие кости ослицы встанут И телом оделись и рев издают* воспринимаются как поэтическое отклонение от стандарта.

Мы можем частично персонифицировать животное, особенно домашнее, приписывая ему те или иные «душевные» качества; но если такие эпитеты, как *умный, хитрый, добрый, ласковый, верный* и т. д. применимы не только к человеку, но и, скажем, к собаке, то мы не скажем о собаке, что у нее *чуткая душа, доброе сердце, стынет кровь* или что *гости сидят у нее в печенках*, не предложим ей *пораскинуть мозгами*. Собака может что-то *забыть*, но не может *выкинуть из головы*, мы не скажем, что у нее нечто *из головы вылетело*. Животным может приписываться *ум* (ср. [Урысон 1995б: 520]), они даже бывают способны думать (в повести Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» герой говорит «ученой» собаке Лобзику: *Подумай хорошенько, ⊥* и

* В основу данной главы положена статья, подготовленная для публикации в очередном выпуске сборника «Логический анализ языка», посвященном образу человека в языке.

²⁷² Ср.: «Тело человека — вот что первое всего называем мы человеком» (о. Павел Флоренский).

продолжает, обращаясь к зрителям: *Подождите, ребята, сейчас он подумает и решит правильно*); но странно было бы о собаке сказать: *Сейчас она пошевелит мозгами*.

Сказанное не означает, что, пользуясь языком, мы отказываем животным в наличии органов, аналогичных соответствующим человеческим органам. Мы знаем, что у многих животных есть *голова, сердце, кровь, печень, мозги*; но мы не готовы связать с этими органами «душевную» жизнь животного. Собака может быть доброй, а кроме того, мы знаем, что у нее есть сердце; однако эти два факта существуют в сознании носителей языка независимо друг от друга. Мы не назовем животное *бессердечным*; оно может быть *глупым*, но не *безмозглым*; правда, мы говорим *безмозглая курица*, но это выражение используется только по отношению к человеку, его нельзя употребить по отношению к курице или какому бы то ни было другому животному.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Все сказанное касается языкового стандарта, который может нарушаться со специальными целями. В бытовом языке такое нарушение может выступать как форма языковой игры; в художественном тексте оно возможно как свидетельство «образной» персонификации, когда животному не просто приписываются душевные качества, свойственные человеку, но о нем намеренно говорится в тех выражениях, в каких принято говорить о человеке. Так, в сказке Ф. Зальтена «Бемби» (переск. с нем. Ю. Нагибина) об олененке говорится так:

Незнакомое щемящее, жалкое чувство проникло к нему в сердце; любопытство, страх, ожидание чего-то необычайного боролись в его душе; чудесная, властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце; глядел во все глаза; язык словно прилип к гортани; что-то тяжелое навалилось на душу; одна отчетливая мысль билась в мозгу: вперед!; молодая сила разлилась по телу; уже раз испытанная тоска... пела в его крови; затем он вырос, был ранен охотником, после чего выздоровел телом, но еще долго не мог вернуть себе свою прежнюю, несмятенную душу. Мотылек в этой сказке жеманно изгибает свое хилое тельце, про зайца говорится, что лицо у него симпатичное, сорока сообщает, что у нее голова идет кругом, старая олениха говорит, что она детьми... сыта по горло, а у нее теперь на шею сразу двое; она же советует молодому оленю не вешать нос; олени сбивались в кучу, потому что волна невыносимого запаха... дурманила голову, ужасом холодила сердце.

Представляется, что именно использование выражений, включающих обозначение «частей тела» и внутренних органов, служит одним из средств, создающих впечатление, что животные в этой сказке, как пишет Ю. Нагин, «наделены человеческой душой»; душевная жизнь животных описывается в ней как бы изнутри.

2. НАИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРОЕНИИ ЧЕЛОВЕКА: ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ

Итак, уникальность человека, как она представлена языком, в значительной степени определяется тем, что его интеллектуальные и «душевные» качества неразрывно связываются с порождающими их органами. Поэтому описание естественно-языковых представлений о строении человека должно в первую очередь анализировать высказывания, на основе которых можно сделать заключение о функциях того или иного органа. Высказывание *Электрокардиограмма не показывала никаких отклонений, сердце билось ровно* меньше говорит нам о естественно-языковом представлении относительно роли сердца в жизни человека, нежели высказывание *Пустое сердце бьется ровно* (М. Лермонтов). При этом наивно-языковые представления о внутренней жизни человека отражаются рядом ключевых оппозиций, таких, как *дух — плоть, душа — тело, сердце — ум/разум/голова*. Рассматривая указанные оппозиции, мы должны будем коснуться сходств и различий *души* и *сердца, духа* и *души* и т. д., а также роли *крови, костей, мозга* и др.

Прежде чем перейти к анализу соответствующих слов русского языка, сделаем еще два замечания. Основное внимание будет уделяться наименее осознанному, коренящемуся в глубинах языка представлению о том, как устроен человек. В связи с этим мы почти не будем касаться естественнонаучных, философских и религиозных представлений о строении человека и функциях его органов. В частности, можно упомянуть, что в христианской антропологии человек мыслится состоящим из *духа, души* и *тела*. Это представление отражено во многих богословских и философских текстах, и употребление русских слов *дух, душа* и *тело* в таких текстах может как соответствовать наивно-языковым представлениям, так и противоречить им. В последнем случае мы имеем дело со «сдвинутым», терминологическим использованием слов естественного языка, и основывать на подобных употреблениях выводы о том, как строение человека представляется в свете языковых данных, было бы так же неправильно, как делать утверждения о семантике русских слов *сила* или *работа*, основываясь на использовании терминов *сила* и *работа* в учебнике физики. Но поскольку реально говорящие, как правило, находятся под влиянием тех или иных воззрений, то в своих высказываниях, непосредственно касающихся строения человека, они нередко соответствующим образом модифицируют наивно-языковые представления. Поэтому мы должны с осторожностью относиться ко всем высказываниям, в которых представления о строении человека оказываются в центре внимания (хотя такие высказывания представляют несомненный научный интерес и могли бы составить основу для изу-

чения, скажем, «медицинской мифологии» или «наивной антропологии» в рамках исследований феномена, который получил название Popular Science).

Опора на «неосознанное» приводит к тому, что преимущественное внимание уделяется максимально идиоматичным выражениям, в которых представления о строении человека находятся на заднем плане и принимаются за само собою разумеющиеся, так что у говорящего не возникает соблазна их «исправить» в соответствии со своими осознанными воззрениями. Но здесь возникает другая сложность. Чем более идиоматично выражение, тем более «стертым», трудно вычленяемым оказывается в нем значение отдельного слова. Любой носитель языка легко поймет, что слово *дух*, наряду с интересующим нас значением, относящимся к психическим свойствам или состоянию, к тому, что «одухотворяет» человека, имеет значения 'дыхание' (ср.: *перевести дух*) и 'запах' (ср.: *В комнате стоял тяжелый дух*); однако ему может понадобиться специальное размышление, чтобы осознать, что выражение *одним духом* 'очень быстро' связано со значением 'дыхание', а выражение *ни слуху ни духу* 'никаких известий' — со значением 'запах'. Иногда даже и размышление не дает желаемого ответа. Как определить, соотносится ли выражение *испустить дух* с дыханием (ср.: *испустить последний вздох*) или с психической сущностью человека (ср.: *отдать Богу душу*)? По-видимому, наиболее реалистичный подход состоит в том, чтобы, не придавая такого рода выражениям слишком большого значения, все же учитывать их, исходя из того, что они могут оказать определенное влияние на формирование языкового образа человека у носителя языка.

3. ДУХ И ДУША

Теперь можно заметить, что если для христианской антропологии человек имеет тройственное строение (*дух — душа — тело*), то для наивно-языкового сознания указанную триаду, скорее, заменяют две оппозиции: *дух — плоть* и *душа — тело*. Первые члены этих оппозиций (*дух* и *душа*) связаны с нематериальным началом в человеке, тогда как вторые члены (*плоть* и *тело*) указывают на материальное начало. В то же время различия между *духом* и *душою*, так же как между *плотью* и *телом*, весьма существенны. Можно утверждать, что практически нет контекстов, в которых *дух* и *душа* были бы взаимозаменяемы, в тех же конструкциях, в которых можно употребить как то, так и другое слово, смысл кардинальным образом меняется. Можно *упасть духом* (но не **душою*), но *тяжело* (*легко, весело*) может быть только *на душе* (не **на духе*). Выражение *в душе* указывает на «тайные» мысли человека (ср.: *Она говорила: «Как я рада, что вы зашли», — а в душе думала: «Как это неуместно!»*), а

выражение *в духе* (чаще с отрицанием: *не в духе*) — на хорошее настроение человека.

Это связано с тем, что *душа* в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека (ср.: [Урысон 1995а]). Каждый человек обладает уникальной, неповторимой душой — сколько людей, столько душ, и поэтому людей удобно считать *по душам*. Именно такой способ счета и был принят в России, и, как уже отмечалось в главе VII.1, до сих пор употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение *per capita* (буквально ‘на (одну) голову’) переводится на русский язык как *на душу населения*.

При этом *душа* воспринимается как некоторое вместилище внутренних состояний. Те состояния, которые имеют внешние проявления или, по крайней мере, не противоречат таковым, находятся на поверхности этого вместилища (*на душе*); скрытые от посторонних мысли и чувства находятся где-то в глубине (*в душе* или *в глубине души*). Поведать другому свои даже самые сокровенные мысли или чувства — значит *раскрыть душу*, а нежелательное вмешательство в частную жизнь человека, приставания с целью выведать те мысли и чувства, которые он прячет от посторонних, описывается выражением *лезть в душу*. Если же неосторожным словом или поступком мы оскорбляем что-то, что человек бережно хранит *в тайниках своей души*, то мы *плюем ему в душу*. Именно тот факт, что *душа* концептуализуется как вместилище, дал Пастернаку возможность сказать о своей душе, что она стала *усыпальницей замученных живьем* и теперь стоит *могильной урной, вмещающей их прах*.

Во многих отношениях, поскольку речь идет о роли соответствующего органа во внутренней жизни человека, нематериальная *душа* подобна такому материальному органу, как *сердце* (ср. [Урысон 1995а]), и, напротив, имеет мало общего с человеческим *духом*. *Дух* вовсе не концептуализуется как орган. Скорее, это некоторая нематериальная субстанция, окружающая душу человека, как своего рода ореол (как сказано у Байрона по несколько другому поводу, *a glory circling round the soul*). Эта субстанция может проникать туда, где человек отсутствует физически, и оставаться там, откуда человек уже ушел, в виде своего рода воспоминания о нем. *Чтоб духу твоего здесь не было!* — говорят тому, кого не желают видеть в данном месте, и это означает гиперболический запрет не только физического присутствия, но и малейших нематериальных следов человека, желание уничтожить само воспоминание о нем.

Поскольку дух является невесомой, летучей субстанцией, то человек может подниматься на большую высоту (в метафорическом смысле) именно при помощи духа (*воспарять духом*). Но человек

может и *упасть духом*, и это означает, что он пришел в уныние, при котором достичь *высот человеческого духа* уже невозможно. Слово *душа* в стандартном употреблении не используется в контекстах подобного рода. Мы не можем ни *воспарять душой*, ни *падать душой*. Правда, о сильно испугавшемся человеке говорят, что у него *душа в пятки ушла*. Здесь речь идет о том, что *душа*, охваченная страхом, переместилась не просто вниз, но, что важнее, из места своей постоянной локализации (из груди) в новое, неподходящее место. *Дух* не имеет постоянной локализации в теле человека, поэтому не имеют образной мотивации и не используются такие выражения, как **дух в пятки* (или куда-либо еще) *ушел*. Точно так же о сильно встревоженном человеке говорят, что у него *душа не на месте*, *дух* же, не имея постоянной локализации, не может быть *не на месте*. Для *души* существенно не только местонахождение, но и положение: говоря о симпатиях и антипатиях человека, используют выражение *душа лежит к кому-либо* или *чему-либо*. Для *духа* расположение также важно, недаром говорят о *хорошем* или *дурном расположении духа*, но само выражение показывает, что речь идет как бы о некоей субстанции, окружающей человека, который может *пребывать в том или ином расположении духа*.

Дух представляет собою именно субстанцию, он плохо поддается счету. Если выражение *ни души* означает просто 'никого' (поскольку, как уже говорилось, людей обычно считают «по душам»), то *ни духу* используется в устойчивых выражениях *ни слуху ни духу*, или, в варианте, приводимом В. И. Далем, *ни ху́ху, ни дүху*, и означает отсутствие малейших вестей и даже воспоминания о человеке (ср. приводимое там же выражение *ни слуху, ни помину*). *Ду́ши* означает просто 'люди', например в ситуации счета (*сколько душ* и т. п.), и тогда *душа* выступает заместителем всего человека, включая тело; *духи* означает 'призраки', 'привидения', поскольку *дух* подчеркивает нематериальность, «бесплотность». *Душа* человека автономна и индивидуальна, человеческий *дух* существует, прежде всего, как часть некоторой межличностной субстанции, «осколочек Мирового Духа» (выражение из «Ракового корпуса»). При этом приобщенность к данной межличностной субстанции позволяет человеку черпать из нее: часто, для того чтобы предпринять какое-либо решительное действие, бывает необходимо *набраться духу*. Если же человек не сумел этого сделать, то можно сказать, что ему *не хватает духу*. Не говорят **набраться души*; **не хватает души*.

Если *душа* человека формирует его личность, будучи вместилищем его сокровенных мыслей и чувств, то *дух* составляет его внутренний стержень. Поэтому в ситуации борьбы часто бывает важно *сломить дух* противника, после чего он утрачивает волю к победе или даже впадает в отчаяние. Не случайно боевая подготовка издавна — «от Саргона и Ассурбанипала до Вильгельма II», как говорил один пер-

сонаж из «Трех разговоров» Владимира Соловьева, — состояла в том, чтобы, опять пользуясь словами этого персонажа, «поддерживать и укреплять в своих войсках... боевой дух». Если *дух угасает*, это еще не свидетельствует об отчаянии, но все же о некоторой потере энтузиазма. Таким образом, для человека важно *горение духа*. Обратим внимание на то, что «горение души» (выражение *душа горит*) свидетельствует лишь об особом рода энтузиазме — о желании выпить²⁷³.

В критических ситуациях человеку необходимо *присутствие духа* (невозможно — **присутствие души*: ведь *душа* у человека есть всегда, и притом как единое целое), и, прежде чем что-то предпринять, он часто должен *собраться с духом* (ср. также упоминавшиеся выражения *набраться духа*, *не хватает духа*). Роль *души* в человеческой деятельности иная. Существенно не наличие *души* у человека, а ее участие в конкретном действии: человек может *вкладывать душу* в какое-либо дело, делать его *с душой* (или *без души*).

4. МАТЕРИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕЛО, ПЛОТЬ И КРОВЬ, КОСТИ

Как уже говорилось, в основе наивно-языковых представлений о *душе* и *духе* лежат оппозиции *дух — плоть* и *душа — тело*. Можно было бы ожидать определенного параллелизма указанных оппозиций, того, что *плоть* относится к *телу* так же, как *дух* к *душе*. Действительно, некоторый параллелизм здесь имеется. *Тело*, как и *душа*, составляет принадлежность данного человека²⁷⁴; *плоть*, как и *дух*, представляет собою несчитаемую субстанцию. Более того, указанное различие выражено в словах *тело* и *плоть* еще ярче, нежели в словах *душа* и *дух*. Если мы еще можем говорить, хотя бы в поэтической или философской речи, о «мировой душе», то странно было бы использовать сочетание *мировое тело*. С другой стороны, если для слова *дух* возможно употребление во множественном числе, хотя и с несколько сдвинутым значением («призрак»), то *плоть* представляет собою вещественное существительное, всегда соотносящееся с субстанцией и потому не употребительное во множественном числе. В каком-то смысле *тело* как форма состоит из *плоти* как субстанции²⁷⁵.

²⁷³ О том, что слово *душа* (добавим — в отличие от слова *дух*) может употребляться, когда речь идет о физиологических желаниях или потребностях, см.: [Урысон 1995а: 194].

²⁷⁴ «Тело — ...нечто индивидуальное, нечто особое... Индивидуальность пронизывает собою каждый орган тела... — везде тут за безличным веществом глядит на нас единая личность» (о. Павел Флоренский).

²⁷⁵ «...Что же такое тело? Не вещество человеческого организма... а форму его... — это-то и зовем мы телом» (о. Павел Флоренский).

Но оппозиции *дух* — *плоть* и *душа* — *тело* все же не полностью параллельны. Для *души* и *тела* важно то, что они образуют неразрывное единство, вместе составляя целостного человека²⁷⁶; для *духа* и *плоти* значительно важнее то, что они противопоставляются друг другу, и часто это противопоставление понимается как модель более общего противопоставления идеального и материального. *Тело* может восприниматься как вместилище *души*; *плоть* имеет коннотации чего-то лишенного одухотворенности. Именно в силу своей противопоставленности *духу* *плоть* может получать отрицательную этическую оценку. Характерно следующее рассуждение В. А. Жуковского: «...Зависимость души как от тела, так и от внешнего телесного мира... есть то, что мы называем плотию... Мы должны произвольно охранять духовность души своей и отдалять от нее все плотское». Ср. выражение *плоть одолела*, которое В. И. Даль толкует: «скотские побуждения». В целом, «дух тянет горé, плоть дулу».

Наряду с *плотью* материальная составляющая человека включает также *кровь*, которая также противостоит *духу* в некоторых контекстах (иногда, говоря о материальном начале в человеке, используют выражение *плоть и кровь*; это же выражение используется метафорически, как относящееся к материальному воплощению вообще — ср.: *облечь(ся) в плоть и кровь*). Но если *плоть* относится к низшему в человеке и может иметь лишь отрицательное воздействие на его внутреннюю жизнь, то роль *крови* более разнообразна.

Прежде всего, *кровь* служит носителем генетической информации. Говорят о *кровных родственниках*, *кровном родстве*; по отношению к родственникам используется метонимическое обозначение *родная кровь*; ср.: *Где ж вы, братья, братцы, моя родная кровь?* (А. Твардовский); *брат по крови* может противопоставляться *брату по духу*; ср. также: *Его связывает с детьми не столько кровь, сколько дух* (В. Белинский). Говоря об этническом происхождении, используют такие характерные конструкции, как *В его жилах течет цыганская кровь*. *Кровь заговорила*, — говорят о проснувшихся родственных или национальных чувствах (ср.: *голос крови*). Метафорическое выражение *Это у него в крови* указывает на то, что нечто так свойственно ему, как если бы было заложено в него генетически.

С другой стороны, *кровь* является носителем самых сильных эмоций: страсти, гнева, ярости, — ср. такие выражения, как *кровь бросилась в голову*, *кровь кипит*. Раздражая человека, мы *портим* ему

²⁷⁶ Родство *души* и *тела* проявляется в возможности синонимии таких выражений, как, скажем, *телогрейка* и *душегрейка*. О том, что *душа* воспринимается почти как часть тела, как некий внутренний орган, свидетельствует и то, что, с точки зрения языка, она имеет «волоконистое» строение, состоит из *фибр* (ср. устойчивое выражение *всеми фибрами души*). Поэтому *душа* может болеть за кого-то (невозможно **дух болит*).

кровь. Свойственное молодости безотчетное томление, склоняющее человека к удалым поступкам или любовным приключениям, описывается при помощи выражения *кровь играет*. Человек с *холодной кровью* не подвержен действию страстей, при всех обстоятельствах он сохраняет *хладнокровие*, но он не способен и к любви; ср.: *Кровь моя холодна... Я не люблю людей* (И. Бродский). Впрочем, у всякого человека *кровь стынет* от ужаса и некоторых других сильных чувств (*И нынче — Боже! — стынет кровь, Как только вспомню взгляд холодный...* — говорила пушкинская Татьяна), и иногда застывшая кровь не противоречит чувству любви; ср.: *Емкими словами выразить не в силах Всю любовь и нежность — кровь застыла в жилах... Умопомрачительно я тебя люблю* (из одного акростиха). *Кровь* также является носителем того, что человек *принимает близко к сердцу*, чувств, которые сильнее всего (*кровно*) его затрагивают. Именно в этом смысле говорят о *кровных интересах* (ср.: *Он кровно в этом заинтересован*).

То, что *сердце* человека является одновременно органом чувств и органом кровообращения, не является парадоксальным совмещением двух разнородных функций: в этом проявляется роль *крови* как носителя сильных эмоций. Поэтому не обязательно видеть в выражениях типа *сердце кровью обливается* контаминацию двух разных аспектов *сердца*. Показательно, что в словарной статье Л. Н. Иорданской [Мельчук, Жолковский 1984], в которой строго разграничиваются *сердце* (сердце 1а) как орган кровообращения и *сердце* как орган чувств и орган восприятия неявных фактов (сердце 3), не всегда ясны критерии отнесения иллюстративного материала к тому или другому значению. Почему, собственно, примеры *Пришла домой, а детей нет! У меня сердце так и оборвалось!*; *Смотреть на него не могу — сердце кровью обливается!* или *Но поздно; время ехать. Сжалось В нем сердце, полное тоской; Прощаясь с девою молодой, Оно как будто разрывалось* (А. Пушкин) приводятся как иллюстрации употребления лексемы *сердце 1а*, а пример *И вот это горячее сердце остановилось*, — как пример на *сердце 3* (впрочем, по поводу последнего примера Л. Н. Иорданская сама справедливо отмечает, что *сердце* как «фиктивный орган чувств... отождествляется с реальным органом кровообращения» [Мельчук, Жолковский 1984: 744])? В наивно-языковой модели человека противоречия между понятиями 'орган кровообращения' и 'орган чувств' нет, поскольку *кровь* и является носителем сильных чувств.

Кровь участвует и в оппозиции *голова — сердце*, посредством которой в языковой модели человека выражается противопоставление рационального и эмоционального. Можно согласиться с Е. В. Урысон [1995а], отмечающей, что, вообще говоря, *разум* призван контролировать *сердце* («можно сказать *Его сердце послушно разуму*»), хотя в целом «жизнь *сердца* неподвластна законам логики, ср.: *Сердцу не*

прикажешь». Но язык располагает средствами и для обозначения ситуации, когда не только *разум* не контролирует чувства, но, напротив того, чувства берут верх над *разумом*, так что человек действует как бы в состоянии аффекта. Тогда говорят: *кровь бросилась в голову*, — *кровь* выступает в роли средства, позволяющего *сердцу* одержать победу над *разумом*²⁷⁷.

Кровь — это также то, что человек *проливает* в ситуации насильственной смерти (слово *кровапролитие* обычно обозначает массовое убийство людей). Отсюда само слово *кровь* метонимически используется для обозначения кровапролития, насильственного лишения жизни (ср.: *Только не надо крови; Он так рвется к власти, что не остановится и перед кровью* и т. п.). Впрочем, не всегда «пролитие крови» свидетельствует о насильственной смерти; человек может говорить: *Я за вас кровь проливал*, — при этом ни разу не будучи даже ранен. Занятый тяжелым трудом человек *проливает пот и кровь* (ср.: *добыто потом и кровью*), так что, по данным словарей, *кровный* в сочетаниях типа *кровный заработок* означает 'добытый тяжелым трудом' (ср. также пример, сообщенный И. Б. Левонтиной, — название книги Метченко «*Кровное, завоеванное*»). Преодоление препятствий может сопровождаться и кровотечением из носа — отсюда выражение *кровь из носу* 'несмотря ни на какие трудности'. *Проливая кровь*, человек хотя бы частично расстается с самым ценным, без чего невозможна жизнь. Поэтому о безжалостных эксплуататорах, заставляющих людей *проливать пот и кровь*, говорят, что они *пьют* (или *сосут*) *чужую кровь* (ср.: *Довольно нашей кровушки попили!*), называют их *кровопийцами* или *кровососами*²⁷⁸.

Указанные представления о функциях *крови* определенным образом коррелируют друг с другом. Так, в выражениях *кровная связь*, *кровно связаны* отражена как идея чего-то подобного близости кровных родственников, так и идея эмоциональной близости (а сквозь эти значения может просвечивать и идея проливаемой крови, ср. сле-

²⁷⁷ Впрочем, не только в состоянии аффекта человек может позволить *сердцу* одержать верх над *головой* в ситуации, когда «ум с сердцем не в ладу». Иногда к такому результату приводит сознательный нравственный выбор, как в сцене из романа «В круге первом», когда Нержин решал, принять ли ему предложение Яконова заняться криптографией: *Все доводы разума — да, я согласен, гражданин начальник! Все доводы сердца — отойди от меня, сатана!* Мы помним, что Нержин последовал «доводам сердца».

²⁷⁸ Толковые словари приравнивают значения этих слов, указывая, например: «КРОВОСОС... Прост. То же, что к р о в о п и й ц а». Но представляется, что значение слова *кровопийца* несколько шире, оно может применяться по отношению к человеку, склонному к *кровапролитию* и даже находящему в нем удовольствие, ср., например: *Старик и сегодня настаивал на том, что... надобно тебя пытать и повесить, но я не согласился... Ты видишь, что я не такой еще кровопийца* (А. Пушкин), а *кровосос* используется преимущественно по отношению к жестоким эксплуататорам.

дующее рассуждение В. Н. Топорова: *Жизненная судьба отца Александра Меня и его конец снова возвращают нас к тому узлу, который так кровно (кровью сердца) и так кроваво (пролитая кровь) связывает русских с евреями*). Различные аспекты наивно-языкового представления о крови проявляются в понятии *кровных денежек*, которые жалко тратить (чаще всего используется субстантивированная форма *чьи-либо кровные*, особенно при противопоставлении — ср.: *Одно дело, когда университет оплачивает командировку, а другое — ехать на свои кровные*). *Кровные* здесь — это и полученные *потом и кровью*, и те, в которых человек *кровно* заинтересован, и те, с которыми человеку так же жалко расставаться, как *проливать кровь*.

В юности у человека бывает *горячая кровь*, она *кипит, играет, горит*, вследствие чего человек ощущает в себе избыток энергии, жизненных сил, жажду активной деятельности, любовных приключений; ср.: *Девка она молодая, кровь играет, жить хочется* (А. Чехов); *О милый сын, тыходишь в те лета, Когда нам кровь волнует женский лик* (А. Пушкин). Говорят и просто: *молодая кровь*. С возрастом кровь остывает (она *чуть теплится*), ее становится меньше (*скудеет в жилах кровь*)²⁷⁹, и она течет медленнее, в связи с чем энергия, жажда любви и деятельности покидают человека; ср.: *Здравствуй, мое старение! Крови медленное струение...* (И. Бродский); *Поэтому, когда разница в тридцать лет и в одном кровь молодая играет, а в другом едва теплится — какое тут может быть согласие?* (В. Распутин; Правда, бывает, что хотя *скудеет в жилах кровь, но в сердце не скудеет нежность* (Ф. Тютчев). Но в целом именно *кровь* остается носителем жизненных сил, страстей и т. п., и мы не говорим о *старой крови*. Сочетание *старая кровь* если и возможно, то будет понято, скорее всего, как относящееся к донорской крови, срок хранения которой истек, так что *старая кровь* оказывается противопоставлена не *молодой*, а *новой*; ср. диалог из «Ракового корпуса»: *Хо-хо! Двадцать восьмое февраля! Старая кровь. Нельзя переливать. — Что за рассуждения? Старая, новая, что вы понимаете в консервации? Кровь может сохраняться больше месяца!*

В отличие от *крови*, про *кости* как раз говорят *старые*, но не [?]*молодые кости*. Роль *крови* и *костей* в материальном составе человека вообще полностью различна. *Кровь* — символ молодости, это самое горячее, что есть в человеке, источник тепла, согревающий все *тело* и, в частности, *кости*. Даже к старости, когда *кровь* уже не столь горяча, она сохраняет эти функции и остается самым теплым в человеке (ср. в стихотворении Бродского о старении: *Если что-то во мне и теплится, это не разум, а кровь всего лишь*), хотя выполняет эти функции уже не столь успешно; ср.: *Уже стар, кровь не греет*.

²⁷⁹ Ср.: *...И года не те. И уже седина стыдно молвить — где. Больше длинных жил, чем для них кровей* (И. Бродский).

Кости же — то, что более всего нуждается в тепле (говорят, что *пар костей не ломит*). Сильнее всего мерзнет человек, когда он *промерзает до костей*. Когда *кровь уже не греет*, *кости* нуждаются в согревании из внешнего источника. Поэтому и говорят: *старые кости тепло любят*. Вообще *кости* — символ старости, при описании старых людей часто упоминаются именно мерзнувшие *кости*; ср. при олицетворении: *Когда уж Лев стал хил и стар, то жесткая ему постеля надоела; в ней больно и костям; она ж его не грела* (И. Крылов).

Впрочем, роль *костей* в материальном строении человека не вполне ясна. Было бы натяжкой говорить, что *кости* определяют словесную принадлежность человека (ср.: *белая кость* и *черная кость*) или его увлечения (ср.: *В нем есть охотничья косточка*; вариант — *охотничья жилка*); что они более всего нуждаются в гимнастических упражнениях; ср.: *размять, расправить кости*. Во всяком случае, ясно, что *кости* образуют основу материального состава человека (*костяк*), тогда как *мясо*, покрывающее *кости*, — дело наживное (ср. такие изречения: *Без костей мясо не живет; Живая кость мясом обрастет; Кость тело наживает* и т. д.). *Кости* — та часть материального состава человека, которая остается после смерти, в связи с чем форма *кости* может употребляться в значении 'останки, тело умершего', например: *И завещал он, умирая, чтобы на юг перенесли Его тоскующие кости* (А. Пушкин); *Пришла пора, и ее косточки тоже улеглись в сырой земле* (И. Тургенев); ср. поговорку: *Упокой, Господи, душеньку, прими, земля, косточки!*

Среди других материальных составляющих человека можно упомянуть *печень* (*печенку, печенки*) и выделяемую ею *желчь*, которые выступают в роли носителей раздражения, недовольства другими людьми (ср.: *сидеть в печенках; желчный характер; в нем много желчи; желчь поднялась в нем*). *Всеми печенками* ('очень сильно', согласно словарным толкованиям) можно *ненавидеть, презирать* и т. п., но не *любить* — *любить* можно *всей душой*²⁸⁰ или *всем сердцем*. При этом *сердце*, которое вообще «специализируется» на эмоциях, является органом любви к человеку противоположного пола [Урысон 1995а: 192]: ср. такие выражения, как *Его сердце принадлежит любимой; отдать сердце; предложить руку и сердце; дама сердца* (как известно, сердце рыцаря должно принадлежать Даме, а душа — Богу); *покоритель сердец* и т. д. *Проходите, гражданин, в сердце вы моем один, граждане, мест свободных нет*, — говорит в советской песне кондукторша трамвая, влюбившаяся в одного из пассажиров.

Не случайно в поэме Маяковского «Люблю» именно *сердце* упоминается постоянно одновременно в качестве органа и в качестве метонимического показателя любви:

²⁸⁰ Впрочем, *всеми фибрами души* также можно *ненавидеть, презирать*, но едва ли *любить*.

Любовь любому рожденному дадена, —
но...
со дня на день
очерствевает *сердечная* почва.
На *сердце* тело надето,
на тело — рубаха.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже —
с *сердечком...*».
В *сердца*,
в чашишки любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц *сердцебиение* дикое
ловил я,
Страстную площадью лежа.
Враспашку —
сердце почти что снаружи —
себя открываю и солнцу и луже.
<...>
Отныне я *сердцем* править не властен.
У прочих знаю *сердца* дом я.
Оно в груди — любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное *сердце* —
гудит повсеместно.
...комочек *сердечный* разросся громадой:
громада любовь,
громада ненависть.
...тащусь *сердечным* придатком...
Взяла,
отобрала *сердце*
и просто пошла играть —
как девочка мячиком.
Один не смогу —
не снесу рояля
(тем более —
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это *сердце*,
любуюсь моим я.

Роль *груди* как метонимического заместителя *сердца* при выражении эмоций более скромная. Можно сказать: *По груди пробежал холодок; В его груди шевельнулось странное чувство; Предчувствия теснили грудь* (А. Пушкин); *Рассказать тебе не могу, что делается в моей груди* (А. Островский), но не говорят: *Его грудь принадлежит любимой* и т. п.

5. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА: ГОЛОВА И МОЗГ

В качестве средоточия эмоциональной жизни человека *сердце* и *кровь* противопоставляются *голове* и *мозгу* (*мозгам*), в которых локализуется интеллектуальная жизнь человека и его *память*. Медицинское представление, согласно которому для функционирования *мозга* необходимо его нормальное кровоснабжение, чуждо языковой модели человека. В наивно-языковом представлении *голова* и *мозг* функционируют независимо от *сердца* и *крови*. Ситуации, когда *кровь бросается в голову*, имеют место, если человек полностью утрачивает контроль над своими чувствами, попадает во власть эмоций; это совсем не то же, что *кровоизлияние в мозг* в медицине (последнее как раз и бывает чаще всего причиной нарушения нормального кровообращения мозга). *Голова* позволяет человеку здраво рассуждать; про человека, наделенного такой способностью, говорят: *ясная (светлая) голова*, — а о том, кто лишен такой способности, — что он *без царя в голове*, что у него *ветер в голове, каша в голове*²⁸¹ или что он *вовсе без головы на плечах*. Правда, и у человека с *головой* может *голова пойти кругом* (например, если ему кто-то *вскружит голову*); он может даже совсем *потерять голову*, особенно часто это происходит с влюбленными, у которых главным управляющим органом становится *сердце*, а не *голова*.

Наряду со способностью к здравым рассуждениям, интеллектуальные способности человека включают также способность решать встающие перед ним задачи. Здесь опять-таки решающая роль принадлежит *голове* как месту локализации мыслей (ср.: *пришло в голову*), а также *мозгу* (*мозгам*). При этом *мозг* (в единственном числе) рассматривается как своего рода механизм, который работает тем лучше, чем более сложно его устройство (ср.: *У него в мозгу всего одна извилина*), а для *мозгов* (во множественном числе) существенно количество,

²⁸¹ Интересно, что по-немецки *hat Grütze im Kopf* (буквально — ‘имеет кашу в голове’) значит ‘хорошо соображает’; иными словами, это выражение аналогично не выражению *каша в голове*, а, скорее, выражению *голова (котелок) варит*.

общая масса (ср.: *У него на это мозгов не хватает*). Второе представление является более примитивным, и не случайно использование формы *мозги* для обозначения органа мышления принадлежит просторечию.

Если некоторая проблема является для человека жизненно важной и при этом трудноразрешимой, это описывается при помощи выражения *голова болит* о чем-то. Примечательно, что *голова* не может *болеть* о ком-то или *за* кого-то — для описания переживаний человека, волнующегося о ком-то из близких, используются выражения *сердце болит* (*щемит, ноет, сжалось*) или *душа болит* за кого-то.

Наконец, *голова* является и органом памяти (ср. такие выражения, как *держат в голове, вылетело из головы выкинуть из головы* и т. п.). В этом отношении русская языковая модель человека отличается от архаичной западноевропейской модели, в которой органом памяти было, скорее, сердце (следы этого сохранились в таких выражениях, как английское *learn by heart* или французское *savoir par coeur*), и сближается с немецкой моделью (ср.: *aus dem Kopf*). Правда, и в русском возможна *память сердца*, но это говорят только об эмоциональной, но не интеллектуальной памяти. Если *выкинуть (выбросить) из головы* значит 'забыть' или 'перестать думать' о ком-либо или о чем-либо, то *вырвать из сердца* (кого-либо) не значит 'забыть', а значит 'разлюбить' (или 'сделать попытку разлюбить'); ср. поговорку *С глаз долой — из сердца вон*.

Итак, мы видим, что русская языковая модель человека определяется противопоставлением идеального и материального, а также интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление *духа* и *плоти*, второе — как противопоставление *сердца* (*груди*) и *крови*, с одной стороны, и *головы* и *мозга* (*мозгов*) — с другой. Центральное положение *души* в этой модели определяется тем, что она соединяет в себе свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального. Именно это позволяет ей выступать в качестве представителя человека в целом.

Разные стороны внутренней жизни человека могут выступать несогласованно: бывает, что *ум с сердцем не в ладу*; ср.: *Умом я это понимаю, а сердцем принять не могу; Вы одной головой хотите писать!.. Вы думаете, что для мысли не надо сердца?* (И. Гончаров). Примеры, в которых *сердце, кровь* или *грудь* противопоставляются *душе*, подтверждают тот факт, что роль *души* не сводится к функционированию в качестве вместилища чувств: *И царствует в душе какой-то холод тайный, Когда огонь кипит в крови* (М. Лермонтов); *Пускай страдальческую грудь Волнуют страсти роковые — Душа готова, как Мария, К ногам Христа навек прильнуть* (Ф. Тютчев).

6. КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАИВНО-ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА

До какой степени реальны наивно-языковые представления о строении человека? Иными словами, насколько языковая модель человека соответствует представлениям носителей языка, проявляющимся в их «наивно-анатомических» и «наивно-медицинских» взглядах и часто служащим неявной основой для философских концепций человека?

Этот вопрос далеко не праздный. В частности, его решение должно повлиять на практику переводов Священного Писания и, возможно, на библейское богословие в том, что касается устройства человека. Следует понять, связана ли центральная роль в организации внутренней жизни человека, которую Писание отводит *сердцу*, с особенностями образной системы древнееврейского и отчасти греческого языка или же это соответствует свойственному Слову Божию особому взгляду на роль *сердца*.

В первом случае все отрывки из Писания, в которых мыслительная, эмоциональная или духовная жизнь связывается с *сердцем*, при переводах на языки с иной языковой моделью человека следует переводить на «язык» соответствующих моделей: так, для языка ифалук, в котором, по сведениям А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992], внутренняя жизнь связывается с *кишками*, вместо *сердца* в указанных отрывках следует использовать лексему со значением ‘кишки’, а для языка догон, в котором подобную же роль играет *печень* [Плунгян 1991], — лексему со значением ‘печень’. Если же полагать, что выбор Священным Писанием *сердца* в качестве главного органа, ответственного за чувства, воспоминания, мысли, намерения и принятие решений, определяется не просто свойствами еврейского языка, но отражает особую роль сердца в библейской мистике, тогда, конечно, указание на *сердце* должно быть сохранено при переводах.

На протяжении веков переводчики Писания и богословы склонялись ко второму решению. Как следствие, в христианской мистике издавна существовало особое отношение к сердцу, что привело даже к возникновению в католичестве особого культа *Sacré Coeur*. Но и в православии вопрос о роли сердца в духовной жизни человека обычно ставился и решался на основе соответствующих текстов Священного Писания, так что древнееврейской языковой модели человека, очевидно, придавалось более чем чисто лингвистическое значение (можно упомянуть статью Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия», соответствующий раздел в книге «Столп и утверждение истины» о. Павла Флоренского, известную статью Б. Вышеславцева «Сердце в христианской и индийской мистике» и др.). Указывается, что Бог дал людям *сердце, чтобы мыслить* (Сир. 17, 6), *широта сердца* (3 Цар. 4, 29) означает широту

знания, *говорить в сердце* означает на библейском языке 'думать', *ожесточенное сердце* говорит о тупом уме, «жестоковейные» иудеи характеризуются как люди с *необрезанным сердцем* и т. д.

С другой стороны, некоторые богословы указывают, что выбор на эту роль из внутренних органов именно *сердца* до известной степени условен; он обусловлен как образной системой древнееврейского языка, так и тем, что сердце хорошо отражает необходимый круг представлений: оно находится в самом центре (*в сердцевине*) тела, происходящие в нем процессы невидимы для посторонних и даже для самого человека и т. д. Возможно, что для других языков и культур эта же роль могла бы столь же успешно выполняться и другими внутренними органами, и никакого искажения смысла Слова Божия не произойдет. Однако если справедливо, что христианская мистика является мистикой сердца в противоположность мистике головы и мистике чрева (о. Павел Флоренский), то замена сердца на кишки или печень окажется неадекватной.

По-видимому, чисто лингвистического анализа недостаточно для решения вопросов такого рода. Здесь свое слово должны сказать мистики и богословы. Но лингвистический анализ может оказаться *в руках* богословов полезным подсобным орудием.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари (принятые сокращения):

- БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. М—Л.: Наука, Ленингр. отд., 1948—1966.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. М.: Русский язык, 1978—1980.
- МАС1 — Словарь русского языка: В 4-х т. / М.: ГИС, 1967—1980.
- МАС2 — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под. ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык. 1981—1984.
- СО — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1981.
- СОШ — Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., «АЗЪ», 1992.
- ССРЯ — Словарь синонимов русского языка в 2-х т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1971.
- СУ — Толковый словарь русского языка в 4-х т. Под ред. Ушакова Д. Н. М.: ГИС, 1935—1940.
- СЯП — Словарь языка Пушкина в 4-х т. / Редкол.: Виноградов В. В. (отв. ред.) и др. М.: ГИС, 1956—1961.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- Апресян Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений // Проблемы структурной лингвистики. 1971а. М., 1972. с. 439—458.
- Апресян Ю. Д. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики // Вопросы языкознания. 1971б. № 1.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Tekst. Język. Poetyka. Wrocław: Ossolineum, 1978, с. 129—151.
- Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «смысл↔текст» // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 1, 1980.

- Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1986, № 3.
- Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988, с. 7—44.
- Аристотель. Метафизика. Соч., т. 1, М., 1976.
- Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // Филол. науки. 1970. № 3.
- Арутюнова Н. Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (К проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980а, т. 49, № 4, с. 347—359.
- Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980б, с. 150—249.
- Арутюнова Н. Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983, с. 3—22.
- Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // ВЯ, 1987, № 3.
- Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики, или О пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Арутюнова Н. Д. Коммуникация (главы 1—3) // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Баранов А. Н., Плулунган В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
- Бахнян К. В., Герасимов В. И., Ромашко С. А. Философские проблемы языкознания на международных научных конгрессах и конференциях (1970—1979 гг.). Научно-аналитический обзор. М., 1981.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Бирюлин Л. А. Семантика и синтаксис русского имперсонала: *verba meteorologica* и их диатезы. München: Verlag Otto Sagner, 1994. (Specimina philologiae slavicae; Bd. 102).
- Болотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука. 1982.
- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Буглак С. И. В самом деле или на самом деле? // Русская речь, 1994, № 2.
- Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.

- Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977.
- Булыгина Т. В. Синхронное описание и внеэмпирические критерии его оценки // Гипотеза в современной лингвистике. М.: 1980а, с. 118—142.
- Булыгина Т. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980а, с. 320—355.
- Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 7—85.
- Булыгина Т. В. К проблеме моделирования способности говорящих к контекстному разрешению неоднозначности // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1983а, с. 182—184.
- Булыгина Т. В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983б, с. 20—39.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. О семантике частиц *разве* и *неужели* // НТИ, сер. 2, 1987а, № 10.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Транзитивность знания как семантическая проблема // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987б.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988, с. 46—63.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Несколько замечаний о словах типа *несколько* // Язык: система и функционирование. М., 1988б.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. М., 1989а, № 3.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989б, с. 31—54.
- Булыгина Т. В. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования. Сборник, посвященный памяти академика Г. В. Степанова. М.—Л., 1990.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Аномальные» высказывания: проблемы интерпретации // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990а, s. 159—170.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. М., 1990б, с. 135—167.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990, с. 109—117.

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991, с. 14—21.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Персональный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992а, с. 194—207.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Темпоральный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992б, с. 236—242.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993а, с. 78—82.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Коммуникативная модальность: констатация возможности, гипотезы и квазисообщения // Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация. München: Verlag Otto Sagner, 1993б, [=Slavistische Beiträge; Bd. 305], с. 55—65.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994, с. 49—59.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Правда факта» и «правда больших обобщений». Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Вайс Д. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985, с. 434—463.
- Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. М., 1987.
- Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. М., 1978.
- Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 13. М., 1982, с. 237—262.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16. М., 1985, с. 238—250.
- Вендлер З. Факты в языке // Философия, логика, язык. М., 1987, с. 293—317.
- Веренк Ж. Диатеза и конструкции с глаголами на -ся // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV. М., 1985.
- Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л.: Учпедгиз, 1947.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Винокур Т. Г. Когда «канцеляризм» и «штампы» становятся опасной болезнью? // Наша речь. М., 1965.
- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958.
- Вишняков Ю. С. О лингвистической структуре диалога «человек — ЭВМ» // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985.
- Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вопросы глагольного вида: Сборник / Сост., ред., вступит. статья и примеч. проф. Маслова Ю. С. М., 1962.
- Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986.
- Гаврилова В. И. К вопросу о выраженности диатезы «объектный квази-пассив» в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972. с. 367—395.
- Гак В. Г. Истина и люди // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Гард Поль. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике, вып 15. М., 1985.
- Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Учпедгиз, 1955.
- Герман Э. Вид объективный и вид субъективный // Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 44—58.
- Гловинская М. Я. О некоторых трудностях в изучении семантики видов. // Болгарска русистика, 1977, № 3.
- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993, с. 158—218.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16. М., 1985, с. 217—237.
- Грамматика русского языка. Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1954.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Григорян А. Г. *Передний и задний* во временном аспекте // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Т. 2. М., 1988.
- Гэррей Г. Б. Глагольный вид во французском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. СПб., М.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880—1882.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
- Демьянков В. З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Изв. АН СССР. Сер. Лит. И яз., 1980, т. 39, № 4.

- Ермакова О. П. О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительного. // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971.
- Ермакова О. П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке. // Синтаксис и норма. М., 1974, с. 223—225.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974, вып. 4, с. 30—35.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.
- Зализняк Анна А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, № 1.
- Зализняк Анна А. О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
- Зализняк Анна А. О понятии имплицативного типа // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка // Russian linguistics (в печати).
- Замятин Д. Н., Замятин А. Н. Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России. М.: МИРОС, 1994.
- Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988. с. 5—44.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса, М.: Наука, 1982, с. 368.
- Иванова И. П. Структура слова и морфологические признаки. Вопросы языкознания, 1976, № 1.
- Ивин А. А. Искусство правильно мыслить. М.: Просвещение, 1986.
- Иоанесян Е. Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989, с. 116—133.
- Иоанесян Е. Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

- Иомдин Л. Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М.: Наука, 1990.
- Иомдин Б. Л. Словарная статья слова РУГАТЬ // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Иорданская Л. Н. Сердце // Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена, 1984.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 1, 2. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, т. 1. Морфология. Братислава, 1965 (2-е изд.).
- Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.
- Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л.: Наука, 1965.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кибрик А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, № 4.
- Кибрик А. А. Местоимения как дейктическое средство // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.
- Кифер Ф. О. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16. М., 1985, с. 333—348.
- Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993, с. 65—89.
- Клюев Е. В. Критерии лингвостилистического анализа текста. М., 1989.
- Кнорина Л. В. Семантическая классификация и виды глагола // Семиотика и информатика, вып. 7. М., 1976.
- Князев Ю. П. Нейтрализация противопоставления по лицу и залогу // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991, с. 169—175.
- Кодзасов С. В. Интонация предложений с дискурсными словами // Баранов и др. 1993.
- Кошелев А. Д. К эксплицитному описанию концепта СВОБОДА // Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы. Логический анализ языка. М., 1990.
- Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи: функциональный аспект. М.: Наука, 1990.
- Крейдлин Г. Е. Таксономия и аксиология в языке и тексте // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Кронгауз М. А. Время как семантическая характеристика имени // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.

- Кронгауз М. А. Структура времени и значение слов // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Крылов С. А. Морфосинтаксические механизмы выражения категории детерминации в русском языке // Разработка и применение лингвистических процессоров. Новосибирск, 1983.
- Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: Теоретические проблемы // Семиотика и информатика, 1984, вып. 23, с. 124—154.
- Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- Левин Ю. И. Семиотический эксперимент в фольклоре // Семиотика и информатика, вып. 16. М., 1980.
- Левонтина И. Б. «Звездное небо над головой» // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995, с. 32—35.
- Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Русское «заодно» как выражение жизненной позиции // Русская речь, 1996, № 2.
- Лекич М., Ефремова Е., Рассудова О. Русский язык. Этап третий (обучение общению). Dubuque, 1991.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Лихачев Д. С. Литература ~ Реальность ~ Литература. Л., 1981.
- Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989.
- Мартемьянов Ю. С. Об исчислении словарных входов. II. // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 19. М., 1981.
- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948, т. 7, № 4 (см. также в кн.: Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984).
- Маслов Ю. С. Примечания редактора // Вопросы глагольного вида. Составление сборника, редакция, вступит. статья и примечания проф. Ю. С. Маслова. М., 1962.
- Маслов Ю. С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках) // Славянская филология. Л., 1964.
- Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена, 1984.
- Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Наука, 1974.

- Мусхелишвили Н. Л., Сергеев В. М. Контекстная семантика понятия и зарождение логических парадигм (логика византийских мыслителей и идеи квантовой физики) // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988, с. 154—165.
- Николина Н. А. Семантика и функции слова «АВОСЬ» в современном русском языке // Многоаспектность синтаксических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1993а, с. 157—168.
- Николина Н. А. Сложные предложения фразеологизированной структуры с повтором компонентов в первой части // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: Прометей, 1993б.
- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1960.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.
- Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
- Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.
- Падучева Е. В. О производных диатезах от предикатных имен // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977, с. 84—107.
- Падучева Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении // НТИ/ВИНИТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1979, № 9, с. 25—31.
- Падучева Е. В. Местоимение ЭТО с предметным антецедентом. // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981, с. 72—88.
- Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38. № 4., с. 349—360.
- Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982а, т. 41, № 4.
- Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика, вып. 18. М., 1982б, с. 76—119.
- Падучева Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1983а, с. 229—232.
- Падучева Е. В. Местоимение «свой» и его непритяжательные значения // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. М., 1983б.
- Падучева Е. В. К теории референции: имена и дескрипции в неакстенсиональных контекстах // НТИ/ВИНИТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. М., 1983в, № 1, с. 24—29.

- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Падучева Е. В. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория. М., 1987.
- Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР, т. 1. Индоевропейские языки, М.: Наука, 1966.
- Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
- Пеньковский А. Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Плунгян В. А. К описанию африканской наивной картины мира (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Рвачев Л. А. Математика и семантика. Номинализм как интерпретация математики К.: Изд-во АН УССР, 1966.
- Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Семиотический эксперимент на сцене // Труды по знаковым системам, вып. 5. Тарту, 1971.
- Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения: Общий вопрос. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.
- Реформатский А. А. [уус'] // Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966. Русская грамматика. М.: Наука. 1980.
- Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. // Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 86—157.
- Серебренников Б. А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.
- Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984.
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
- Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971.
- Степанов Ю. С. Комментарий // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1976.
- Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 4, с. 335—348.
- Степанов Ю. С. К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, № 4.

- Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре, III. Мир и воля // Славянский и балтийский фольклор. М., 1989.
- Топоров В. Н. Петербургские тексты и петербургские мифы // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс Культура, 1995.
- Туровский В. В. Словарная статья слова *напоминать* // Семиотика и информатика, вып. 32. М., 1991.
- Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990, с. 82—109.
- Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Урысон Е. В. Душа 1, сердце 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М.: Русские словари, 1995а.
- Урысон Е. В. Ум 1, разум, рассудок, интеллект // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М.: Русские словари, 1995б.
- Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Федосюк М. Ю. Выявление приемов «демагогической риторики» как компонент полемического искусства // Риторика в развитии человека и общества. Тез. научн. конф. Пермь, 1992.
- Фосслер К. Грамматика и история языка // М.: Logos, 1910.
- Фреге Г. Понятие и вещь. // Семиотика и информатика, вып. 10. М., 1978.
- Храковский В. С. Конструкции пассивного залога (Определение и исчисление) // Категория залога: Материалы конференции. Л., 1970.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М.: Прогресс, 1964.
- Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
- Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Шапиро А. Б. Имя числительное // Грамматика русского языка, т. 1. М., 1953.
- Шаронов И. А. Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте. Автореферат... канд. филол. наук. М., 1991.
- Шатуновский И. Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1925.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

- Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке // Учен. зап. МГУ, 1952, № 150.
- Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи: Реплики-повторы // Вопр. языкознания. 1956, № 2.
- Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизованных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания, 1958, № 2.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Шведова Н. Ю. Построение раздела «Синтаксис словосочетания и простого предложения» // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966.
- Шмелев Д. Н. Экспрессивно ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания 1958, № 6, с. 63—75.
- Шмелев А. Д. Определенность — неопределенность в названиях лиц в русском языке. Канд. дисс. М., 1984а.
- Шмелев А. Д. Определенность — неопределенность в названиях лиц в русском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1984б.
- Шмелев А. Д. Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988а, с. 64—81.
- Шмелев А. Д. Конструкции с глаголами названия // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1988б, с. 393—394.
- Шмелев А. Д. Вера и неверие сквозь призму языка (revisited) // Ин-т востоковедения АН СССР. Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Языкознание. М., 1988в.
- Шмелев А. Д. Модальные слова в математическом тексте // Новейшие направления лингвистики. М., 1989б, с. 211—212.
- Шмелев А. Д. Видовые пары в базовом толковом словаре // Русский язык в условиях двуязычия и многоязычия: проблемы функционирования и исследования. Минск, 1990
- Шмелев А. Д. Парадоксы русского национализма // Revue russe, 1991, № 1.
- Шмелев А. Д. Речевая травестия в Новый год // Искусство кино, 1993, № 10.
- Шмелев А. Д. Метафора судьбы: предопределение или свобода? // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994, с. 227—231.
- Шмелев А. Д. Референциальная семантика русского языка. АДД. М., 1995.
- Шмелев А. Д. Аппелляция к реальности как демагогический прием. // Московский лингвистический журнал, 1996а, № 2.

- Шмелев А. Д. Жизненные установки и дискурсные слова // *Aspekta*. Тампере, 19966.
- Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении // *Русский язык в школе*, 1959, № 4.
- Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // *Вопросы языкознания*, 1960, № 5.
- Шмелев Д. Н. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // *Вопросы культуры речи*, вып. 3, 1961.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
- Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
- Шмелева Е. Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1984.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- Ыйм Х. Проблемы понимания связного текста // *Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения*. Новосибирск, 1979.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М., 1972.
- Якобсон Р. О. К общему учению о падеже: Общее значение русского падежа // *Избранные работы*. М., 1985.
- Яковлева Е. С. О семантике модальных слов — показателей достоверности в современном русском языке // *Zbornik radova instituta za strane jezike i knjizevnosti*. Sveska 6. Novi Sad, 1984.
- Яковлева Е. С. Согласование модусных характеристик в высказывании // *Прагматика и проблемы интенциональности*., 1988.
- Яковлева Е. С. Построение классификации показателей достоверности (на материале вводно-модальных слов) // *Научно-техническая информация*. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1989, № 9.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
- Яковлева Е. С. О семантике экспрессивных модификаторов утверждения // *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке*. М., 1995.
- Ackermann R. Explanation of human actions // *Dialogue*, 1967. № 9.
- Anscombe G. E. M. *Intention*. Oxford, 1957.
- Bach E. *Algebra of events* // *Linguistics and Philosophy*, 1986, vol. 9, № 1.
- Bar-Hillel J. *Indexical Expressions* // *Mind*. 1954, v. LXIII.

- Bierwisch M. Semantic Structure and Illocutionary Force. // *Speech Act Theory and Pragmatics.* / Ed. by Searle J. R., Kiefer F. and Bierwisch M. Dordrecht, 1980.
- Boguslawski A. On describing accomplished facts with imperfective verbs // *The Slavic verb: An anthology presented to Hans Christian Sørensen.* Copenhagen, 1981.
- Bolinger D. Yes—no questions are not alternative questions // *Questions.* Dordrecht, 1978.
- Brunot F. *La pensée et la langue.* P., 1922.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. Non-empirical criteria for the evaluation of linguistic description // *Тезисы докладов VIII Международного конгресса по логике, методологии и философии.* Т. 1 (науки. Секции 1—5, 7, 12). М., 1987, с. 445—446.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. Quantifiers in the dictionary // *EURALEX' 90. Proceedings of the IV International Congress.* Malaga, 1990.
- Bunt H. C. *Mass terms and model-theoretic semantics.* Cambridge etc. 1985.
- Carlson G. N. A unified analysis of the English bare plural // *Linguistics and Philosophy,* 1979, v. 1, № 3.
- Channon R. A comparative sketch of certain anaphoric processes in Russian and English // *American contributions to the 9th International Congress of slavists.* 1983.
- Chvany C. V. On the role of presuppositions in Russian existential sentences // *Papers from the Ninth Regional Meeting.* Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973.
- Comrie B. *Aspect.* London — New York — Melbourne, 1976.
- Comrie B. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // *Language Typology and Syntactic Description.* Cambridge et al., 1985.
- Cruse D. A. Some thoughts on Agentivity // *Journal of Linguistics,* 1973, v. 9, № 1.
- Dahl Ö. *First Rebuttal // Evidence and Argumentation in Linguistics.* Berlin — New York, 1980.
- Daneš F. Pokus o strukturální analýzu slovesných významů. // *Slovo a slovesnost,* 1971, № 3.
- Declerck R. The progressive and the imperfective paradox // *Linguistics and Philosophy,* 1979, vol. 3, № 2.
- Dik S. *Functional grammar.* Amsterdam N. Y. — Oxford, 1979.
- Dowty D. Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and Montague's PTQ. Dordrecht, 1979.
- Ervin-Tripp S. Is Sybil there? The structure of some American English directives // *Language in Society,* 1976, vol. 5, N 1.
- Evans G. Pronouns, quantifiers and relative clauses // *Canadian J. of Philos.,* 1977, vol. 3, № 3.
- Fillmore Ch. J. Verbs of judging: An exercise in semantic description // *Studies in linguistic semantics.* N. Y. etc., 1971.
- Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages* / Ed. by Guenther F., Schmidt S. J. Dordrecht; Boston; London, 1979.
- Franckel J. -J., Paillard D. *Discret — Dense — CompaA: Vers une typologie opératoire // Travaux de linguistique et de philologie.* XXIX. Strasbourg; Nancy, 1991.
- Freed A. F. *The semantics of English aspectual complementation.* Dordrecht, 1979.

- Garde Paul. Grammaire russe. Paris, 1980, t. 1.
- Gazdar G. Pragmatics. Implicature, Presupposition and Logical Form. N. Y., 1979.
- Givón T. Negation in language: pragmatics, function, ontology // Working Papers on Language Universals, 1971.
- Godart-Wendling B. Lavérité et le menteur: les paradoxes sui-falsificateurs et la sémantique des langues naturelles. Paris, 1990.
- Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. N. Y. etc., 1975, vol. 3.
- Grice H. Paul. Further Notes on Logic and Conversation // Syntax and Semantics, 1978, vol. 9.
- Guiraud-Weber M. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Guiraud-Weber M. La structure de la personne indéterminée: le sujet zéro en russe et le pronom *on* en français // Revue des Etudes Slaves, t. 62, 1990.
- Haberland H., Mey J. Editorial: Linguistics and Pragmatics // Journal of Pragmatics, 1977, № 1.
- Jakobson R. Boas view of grammatical meaning // American Anthropologist, 1959, vol. 61, pt 2.
- Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
- Karttunen E. Syntax and semantics of questions // Linguistics and Philosophy, 1977, N 1.
- Kempson R. Presupposition and the Delimitation of Semantics. London, 1975.
- Kenny A. Action, Emotion and Will. N. Y., 1963.
- Kiefer F. Yes—no questions as wh—questions // Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht, 1980.
- Kraus J. Стиль и общественная интеракция // Prague Studies in Mathematical Linguistics, 6, Praha, 1978.
- Lakoff G. On the Nature of Syntactic irregularity. Indiana University diss., 1966.
- Lakoff R. Latin Syntax. 1968.
- Lakoff G. Linguistics and natural logic // Semantics of Natural Language. Dordrecht, 1972.
- Langaker R. Observations and speculations on subjectivity // Iconicity in syntax. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Lappin S. On the pragmatics of mood // Linguistics and Philosophy, 1982, vol. 4, № 4.
- Larsson J. Teilmenge und Gesamtmenge im russischen System der Quantificatoren // Slavica lundensia, 1973, vol. 1.
- Lebaud D. Savoir et connaître (1ère partie) // Le gré des langues. Paris, 1990. № 1.
- Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge, 1983.
- Lyons J. Semantics. Cambridge, etc. Cambridge univ. Press. 1977, vol. 2.
- Mel'čuk J. A. Toward a Universal Calculus on Inflectional Categories: On Roman Jakobson's Trail // New Vistas in Grammar: Invariance and Variation / Ed. By Waugh L. R. And Rudy St. 1991.
- Miller J. Stative verbs in Russian // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy, 1970, v. 6, № 4.
- Montague R. Pragmatics and Intensional Logic // Synthese. 1970, v. XXII.
- Morgan J. L. Some interaction of syntax and pragmatics // Syntax and Semantics. 1975, vol. 3.
- Morgan Y. Two Types of Convention in Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. 1978, vol. 9.

- Morris C. W. *Foundations of the Theory of Signs*, N. Y., 1938.
- Morris C. W. *Signs, Language and Behaviour* // Morris C. W. *Writings on the General Theory of Signs*. The Hague, 1971.
- Mourelatos A. P. D. *Events, processes, and states* // *Linguistics and Philosophy*, 1978, v. 2, № 3.
- Paillard D., Плунгян В. А. *Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке* // *Russian linguistics*, 1993, vol. 17.
- Pragmatics of natural languages*. Dordrecht — Boston, 1971.
- Procházka O., Sgall P. *Semantic structure of sentence and predicate logic* // *Prague Studies in Mathematical Linguistics*. Praha, 1976.
- Rasthler F. *Sémantique interprétative*. Paris, 1987.
- Readings in Semantics* / Ed. by Zabeeh F., Klemke E. D. and Jacobson A. Chicago — London, 1974.
- Sadock J. M. *On Testing for Conversational Implicature* // *Syntax and Semantics*, 1978, vol. 9.
- Searle J. *The background of meaning* // *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht, 1980.
- Shopen T. *Ellipsis as grammatical Indeterminacy* // *Foundations of Language*. 1973, v. 10, № 1.
- Taylor B. *Tense and continuity* // *Linguistics and Philosophy*, 1977, vol. 1, № 2.
- The Philosophy of Rudolph Carnap*. La Salle, 1963.
- Vanderveken D. *Illocutionary logic and self-defeating speech acts* // *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht, 1980.
- Van Dijk T. *Pragmatic connections* // Van Dijk T. *Studies in pragmatics of discourse*. The Hague, 1981.
- Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca. — N. Y., 1967.
- Vendler Z. *Telling the facts* // *Contemporary perspectives in the philosophy of language*. Indianapolis, 1979 (русский перевод: Вендлер З. *Факты в языке* // *Философия, логика, язык*. М., 1987).
- Vendler Z. *Telling the facts* // *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht etc., 1980.
- White A. R. *Modal thinking*. Oxford, Blackwell, 1975.
- Wierzbicka *Semantics. Primes and universals*. Oxford: Oxford univ. press, 1996.
- Wierzbicka A. *On the semantics of the verbal aspect in Polish*. // *To honor Roman Jakobson*. The Hague; Paris, 1967.
- Wierzbicka A. *Dociekania semantyczne*. Wrocław: Zacl. narodowy im. Ossolińskich, 1969.
- Wierzbicka A. *The case for surface case*. Ann Arbor: Karoma publ. inc., 1980a.
- Wierzbicka A. *Lingua mentalis: The semantics of natural language*. Sydney — New York: Academic press, 1980.
- Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma publishers inc., 1985.
- Wierzbicka A. *English speech act verbs: a semantic dictionary*. Sydney; N. Y.: Acad. press, 1987a.
- Wierzbicka A. *Boys will be boys: 'radical semantics' vs. 'radical pragmatics'* // *Language*. 1987b, vol. 63. № 1, P. 95—114.
- Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.

- Wierzbicka A. *Duša* (\approx soul), *toska* (\approx yearning), *sud'ba* (\approx fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
- Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: de Gruyter, 1991.
- Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations*. N. Y. Oxford University Press, 1992.
- Wills D. D. *Participant deixis in English and baby-talk // Talking to children: Language input and acquisition*. Cambridge, 1977.
- Wunderlich D. *Questions about questions // Crossing the boundaries of linguistics*. Dordrecht, 1981.
- Žaža S. K diferenciací tzv. postojových komentátorů propozičního obsahu. *Československá rusistika*, XXVI, 1981, № 1.

УКАЗАТЕЛИ

ЛЕКСЕМНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель вошли лексические единицы, которые так или иначе обсуждаются в книге. При каждой единице указываются разделы, в которых эта единица рассматривается. При этом первая (римская) цифра указывает на раздел книги, следующие цифры (арабские) перед знаком тире — на главу, а цифра (арабская) после знака тире — на раздел (параграф) внутри главы. Например, I.2.3—2 указывает на главу 2.3 («Идентификация событий») I части, раздел 2.

- а* VI.1—3, VI.3—4
авось VII.1—4, VII.1—5
актерствовать I.1.2—2
актриса IV.4—1
бандит VI.3—0
бандитский VI.3—0
без всякого сомнения III.5—2
без души VII.4—3
без памяти I.1.2—3
без ума I.1.1—3
без царя в голове VII.4—5
бездействовать I.1.2—5
бездоказательный V.3—2
бездушный VII.1—2
безмозглая курица VII.4—1
безмозглый VII.4—1
безмолвный I.1.2—2, I.1.3—2
безмолвствовать I.1.2—5, I.1.3—2
белеть I.1.1—3, I.2.1—2
белеть(ся) I.1.2—2, I.1.2—4, I.2.3—2
белый I.1.2—2
бессердечный VII.4—1
благо VII.1—1
благодарить III.1—2
благодарен I.1.2—3, III.1—2
близкий IV.5—1
близко III.3—1, IV.5—2
болен, больной I.1.1—3, I.1.2—3, I.1.2—5, I.1.3—2
больше VI.1—4
большинство I.1.1—3
бороться II.3—3
бояться I.1.2—5, I.1.3—1, I.2.1—4, I.2.4—4, III.3—2
братъ вину на себя V.3—1
бриться I.1.1—2, I.1.2—4
бросать (курить) I.1.1—3
будить I.1.2—5, I.2.1—4, I.2.4—1, I.2.4—3, I.2.4—4
будто бы VI.2—2
будущее IV.5—1
будущий IV.5—3
буквально I.2.1—4
бывало IV.2—1, IV.2—3
бывать I.1.2—3, I.1.3—2, I.1.3—3, I.2.1—2
бывший IV.5—1, IV.5—3
былой IV.5—1
быстро I.1.2—3
в глубине души VII.4—3
в действительности VI.3—3, VI.3—4
в дефиците I.1.2—2, I.1.3—2
в духе VII.4—3
в душе VII.1—2, VII.4—3
в конце концов III.4—1
в моде I.1.2—2, I.1.3—2
в отпуску I.1.1—3
в отъезде I.1.1—3
в продаже I.1.3—2
в раздражении I.1.2—4
в самом деле VI.3—3, VI.3—4
в состоянии II.2—3
варить I.2.4—1
ваш IV.3—3
вдруг I.1.2—2.1, I.1.2—3, VII.1—4
вежлив I.1.2—2.2, I.1.2—5
езде IV.3—2
велено II.2—3, II.3—2
велик, великий I.1.2—3
верить (, что...) I.1.2—4
верить I.2.1—2, I.2.2—1, I.2.2—2, V.1—3, V.2—1, V.2—2, VI.2—2

- верный VII.4—1
 вероятно II.1—3, III.5—1, III.5—2,
 III.5—2, VI.2—2
 вероятность VI.2—2
 весело I.1.2—3
 веселый, весел I.1.2—2
 вести I.1.2—4, I.1.3—2
 весь I.1—1, II.1—2, II.1—4, IV.3—3
 ветер в голове VII.4—5
 ветрено I.1.2—3
 вечно I.1.2—4
 вечный I.1.2—4
 вешать нос VII.4—1
 видеть I.2.1—4, V.1—2
 видно III.5—2
 виднеться I.1.1—3, I.1.2—2
 видно VII.1—4, VII.2—2
 вина V.3—2
 винить V.3—2
 виноватый I.1.2—3, I.1.3—2
 вкладывать душу VII.4—3
 владеть I.1.2—4, I.2.1—2
 влюбленный I.1.2—3
 внезапно I.1.2—2.1, I.1.2—3
 внимателен I.1.2—2
 водить I.1.2—4, I.1.3—2
 возлагать II.3—3
 возлагать вину V.3—2
 возложение (обязанности) II.3—3
 возложить VII.1—1
 возложить вину V.3—2
 возможно II.1—3, II.2—1, II.2—3,
 II.2—4, II.2—5, III.5—1, III.5—1,
 VI.2—2, VII.1—4
 возможность II.2—1, II.2—3, III.5—1
 воля VII.1—1, VII.1—3
 воображать I.2.2—1
 воспитывать I.1.1—3, I.1.2—4, I.2.1—2
 вперед IV.5—1
 впереди IV.5—1
 впрдь IV.5—1
 врать VI.2—2
 вредно I.1.2—3
 вредный I.1.2—3
 вроде (бы) III.5—2
 вроде как III.5—2
 все (это) время I.1.2—4.1
 все I.1.1—3, II.1—1, II.1—2, II.1—4,
 IV.3—3, IV.3—3 *et passim*
 все равно VII.1—4
 всегда I.1.1—3, I.1.2—4.1, I.1.3—3,
 IV.3—2, VII.2—2 *et passim*
 всего III.1—3
 вскрыжить голову VII.4—5
 вслед за IV.5—2
 вспоминать I.2.2—2, V.1—2, V.1—2
 вспомнить I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.4—4,
 V.1—2
 всякий II.1—1, II.1—2, IV.3—3 *et passim*
 вчера IV.5—3
 вы IV.1—1, IV.1—2, IV.2—4, IV.3—3
 выгнать V.4—2
 выгонять V.4—2
 выгораживать V.3—1
 выдать V.3—1
 вызубривать I.1.2—4, I.2.1—4
 вызубрить I.1.2—4, I.2.1—4
 выиграть I.2.3—2
 выигрывать I.2.3—2
 выкинуть из головы VII.4—1, VII.4—5
 выкуривать I.1.3—2
 вымереть I.1.3—2
 выпивать (чашку молока) I.1.3—2,
 I.2.1—3, I.2.2—2, I.2.4—3
 выпить I.2.2—2, I.2.4—3
 выплевывать VII.3—1
 выплюнуть VII.3—1
 вырядиться III.1—3
 выситься I.1.2—2, I.2.1—2
 высокий I.1.2—2
 выспаться I.1.2—4, I.2.1—4
 высypаться I.1.2—4, I.2.1—4
 выучивать I.2.1—4
 выучить I.2.1—4
 выяснить I.2.2—1, V.1—2
 гадание IV.5—2
 гадать V.1—2
 где IV.3—2, IV.3—3
 главарь VI.3—0
 глупый I.1.2—4, VII.4—1
 глядеть во все глаза VII.4—1
 говорить I.2.3—3, III.1—2, VI.2—2
 говорят III.5—2
 говорящий IV.4—1
 голова VII.4—1, VII.4—2, VII.4—4,
 VII.4—5
 голова идет кругом VII.4—1
 голодный I.1.1—3, I.1.2—2, I.1.2—3
 голос II.3—3, VII.1—1
 горазд I.1.2—2
 гореть I.1.2—4, I.2.3—2
 господин IV.1—2
 гость I.1.2—4
 грешить (на) V.3—1, V.3—2
 груб I.1.2—2.1
 грудь VII.4—4
 грустно I.1.2—3, I.1.2—3
 давно III.3—1
 даже III.1—3
 далекий IV.5—1

- далеко* III.3—1
дама сердца VII.4—4
дать материал V.3—1
де III.5—2
дезертир I.1.2—2
действительно III.3—2, III.6—1, VI.3—3, VI.3—4
делать вид VI.3—4
день деньской I.1.2—4
дескать III.5—2
дефицитны I.1.2—2.2
джентльмен III.3—2
директорствовать I.1.2—4
для I.1.1—2, I.1.2—5
до IV.5—2, IV.5—3
добро VII.1—1
добровольно VI.2—1
добрый VII.4—1
доверенность III.2—2
доверие III.2—2
доверить III.2—2
доверять III.1—2, III.2—2
доводить до сведения V.3—1
догадаться I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.3—2, V.1—2, V.1—3
догадка I.2.2—2
догадываться I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.3—2, I.2.3—3, V.1—3
дозимки IV.5—2
дойти (о дороге) III.1—1
доктор IV.1—2
долг II.3—2, VII.1—1
долго III.3—1, V.1—1
должен II.3—1, II.3—2, III.4—2, VI.2—1
должно быть II.3—1, III.5—1, III.5—2
должное II.3—3
доля VII.1—2
дом IV.3—3
домой IV.3—3
домчать I.2.1—4
донести V.3—1
дореволюционный IV.5—3
досветки IV.5—2
доходить III.1—1
драться I.1.2—2
драчун I.1.2—2
древний IV.5—2
дряхлаеть I.2.1—4
дома IV.3—3
думается I.2.2—2
думать (. что...) I.1.2—4
думать (о...) I.1.2—4
думать I.2.1—2, I.2.2—1, I.2.2—2, II.2—4, V.1—2, V.1—3
думаю VI.2—2
дурак I.1.2—2
дух VII.4—2, VII.4—3, VII.4—4, VII.4—5
душа VII.1—2, VII.1—3, VII.4—1, VII.4—2, VII.4—3, VII.4—4, VII.4—5
дышать I.1.2—4
его IV.3—3
её IV.3—3
если II.3—2, VII.2—2
есть (мясо) I.1.2—4, I.2.3—3, I.2.4—3
есть (связка) VI.1—3
есть (экзистенциальное) II.1—2
еще II.2—3
жалость VII.1—2
жарить I.1.1—3
жарко I.1.2—3, I.2.1—2
ждать I.2.3—2
же V.1—2, V.4—1, VI.3—4
желчны VII.4—4
желчь VII.4—4
жечь I.2.4—3
жить I.1.2—4
жребий VII.1—2
за I.2.1—3, IV.5—1
забыть I.1.2—4, VII.4—1
заведовать I.2.1—2
завершить I.1.2—4, I.2.1—4
завещать III.1—2
завтра IV.5—3
задним числом IV.5—2
заиграть I.1.2—5
заканчиваться V.5—1
заодно VII.1—4
записаться I.2.4—4
запрещать VI.2—2
заснуть I.2.1—4
засыпать I.2.1—4
затем IV.5—2
заявлять III.1—2
звать(ся) V.5—1, V.5—2, V.5—3
здесь III.1—1, III.1—2, IV.3—2
здорово I.1.2—3
здоровый, здоров I.1.2—2, I.1.2—3, I.2.1—2
зеленеть I.1.2—2
знаток I.1.3—2
знать I.1.2—4, I.1.2—5, I.1.3—1, I.1.3—2, I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.4—4, II.3—3, V.1—1, V.1—2, V.1—3, V.2—1, V.2—2, VI.2—2, VII.1—1 et passim
знобит I.1.2—3
зритель I.1.2—2
зря V.3—2
зубрить I.1.2—4, I.2.1—4

- и VI.1—3, VI.3—4
 играть I.1.2—4, I.1.2—4, I.2.1—3
 идти I.1.2—4, I.1.3—2, I.2.1—2, IV.5—2
 идти в ногу с IV.5—2
 из головы вылетело VII.4—1
 избежать II.3—2
 избитый VII.1—1
 известно V.1—1, V.1—2
 издеваться I.1.2—4
 изобличить V.3—1
 изредка II.1—3, II.1—4, VI.1—2
 или III.3—1
 именоваться(ся) V.5—1, V.5—2
 иметь I.1.2—4
 иметься V.5—1
 имя V.5—1
 иногда I.1.1—3, I.1.2—3, I.1.2—4, I.1.3—2, I.1.3—3, I.2.1—2, II.1—3, VI.1—2
 иной I.1.1—3
 иной раз I.1.1—3, I.1.2—4
 интересно I.1.2—3, V.1—1, V.1—2
 интересоваться V.1—2
 информировать V.3—1
 искать I.1.2—4, I.2.1—4, I.2.3—3, VI.3—5
 исполнять II.3—3
 испугать I.2.4—1
 испугаться I.1.3—1
 испустить дух VII.4—2
 испустить последний вздох VII.4—2
 испытывать отвращение I.1.1—3
 истина VII.1—1
 их IV.3—3
 к утру VII.1—5
 -ка VII.1—4
 каждый II.1—1, II.1—2, IV.3—3, IV.4—1
 кажется I.2.2—2, III.5—2, V.1—3
 казалось бы III.5—2
 казаться III.5—2, V.1—3, VI.3—4
 как III.3—1
 как будто III.5—2, V.1—2
 как долго V.1—1
 как раз I.1.2—4
 какой бы то ни было II.1—1
 какой-то V.1—2
 качество I.1.2—4
 каша в голове VII.4—5
 кипеть I.1.2—4
 кишки VII.4—6
 клаяться III.1—2
 когда I.1.3—1, I.1.3—2, IV.3—2
 когданибудь III.4—1
 количество II.1—4
 коллекционировать I.1.1—3
 колоть глаза V.4—2
 команда II.3—2
 кондитер I.1.1—3
 кончатся III.1—1
 кончить I.1.2—4, I.2.1—4
 кончиться III.1—1
 кончиться VI.3—1
 косметика VII.1—1
 космос VII.1—1
 кость VII.4—2, VII.4—4
 костяк VII.4—4
 критик IV.4—1
 кровно VII.4—4
 кровные VII.4—4
 кровный VII.4—4
 кровоизлияние VII.4—5
 кровопийца VII.4—4
 кровопролитие VII.4—4
 кровосос VII.4—4
 кровь VII.4—1, VII.4—2, VII.4—4, VII.4—5
 круг VII.1—1
 кто VII.2—1
 кто-то I.1.1—2, IV.1—2, IV.3—3, IV.4—1
 куда III.3—1, IV.3—2, IV.3—3
 куда следует V.3—1
 курить I.1.2—4, I.1.3—2
 кусать I.1.2—5, I.2.1—4
 ласковый VII.4—1
 лгать V.3—1
 легко V.1—2
 лежать I.1.2—2, I.1.2—4, I.1.2—5
 лезть в душу VII.1—4, VII.4—3
 ленивый I.1.2—2
 лениться I.1.2—2
 лентяй I.1.2—4
 лентяйничать I.1.2—2
 лечь (в больницу) I.1.1—2, I.2.4—4
 лечь I.1.2—2
 лжец VI.2—2
 ли III.3—1, III.5—1, V.1—2
 лингвист I.1.2—4, IV.4—1
 лицо VII.4—1
 лишен I.1.2—3
 лишить I.1.2—3
 ловить I.2.3—3, I.2.3—3
 ложиться I.1.2—2
 ложны VI.2—1
 ложный V.3—2, VI.2—2
 ложь VI.2—2
 луна I.1.3—1
 лучше (, чтобы) I.1.3—1
 льстить I.2.4—4, V.3—2

любезен I.1.2—2
любитель I.1.2—2, I.1.3—1, I.1.3—2, I.2.1—1
любить I.1.1—3, I.1.2—2, I.1.2—3, I.1.2—4, I.1.2—5, I.1.3—1, I.1.3—2, I.2.1—1, I.2.1—2, VII.4—4
любой I.1.2—3, I.2.1—1, I.2.1—2, II.1—1, IV.3—3
мал I.1.2—3
маленький I.1.2—3
мало II.1—1, II.1—3, II.1—4, III.3—1, VI.1—2
мало какие II.1—3
мало кто II.1—3
мало ли что VII.1—4
мало что II.1—3
малодушничать I.1.2—2
малый I.1.2—3
мама IV.1—2
манкировать I.1.2—5
матерый VI.3—0
мгновение VII.1—5
медленно I.2—2.1, I.1.2—4.3
меланхолии VII.1—3
метель I.1.1—2
мешать VI.1—1
миг VII.1—5
мил I.1.2—2.2
миновать VII.1—2
минута VII.1—5
мир VII.1—1
млекопитающее I.1.2—2.2
мне кажется III.5—2
мнение V.1—3, VI.2—2
многие I.1.1—3, II.1—3, II.1—4
много II.1—1, II.1—3, II.1—4, III.3—1
многое II.1—3, II.1—4
может (быть) III.5—2
может II.2—5
может быть II.2—1, II.2—2, II.2—4, III.5—1, VII.1—4
можно II.2—1, II.2—3, II.2—5, III.3—2, III.4—2, III.5—1, VI.2—2
мозг VII.4—2, VII.4—5
мозги VII.4—1, VII.4—5
мой IV.3—3
мол III.5—2
молодой IV.5—1
молчаливый I.1.2—2.2, I.1.3—2
молчать I.1.2—2, VI.2—2
момент VII.1—5
моментально I.1.2—2.1
морозно I.1.2—2
моросить I.1.2—4

мочь II.2—1, II.2—2, II.2—3, III.2—4, III.4—1, III.4—2, III.5—1
мудрец I.1.2—2
мучительно I.2.2—2, V.1—2
мчать I.2.1—4
мы IV.1—1, IV.1—2, IV.2—4
мысль II.2—4
мягкий I.1.2—2
мясо VII.4—4
на авось VII.1—4, VII.1—5
на душе VII.1—2, VII.4—3
на душу населения VII.1—2, VII.4—3
на самом деле III.6—1, VI.3—3, VI.3—4
на шее VII.4—1
набраться духу VII.4—3
наверно II.3—1, III.5—1, III.5—2
наверняка III.5—1, III.5—2
навеселе I.1.1—3, I.1.2—2, I.1.2—3
наготове I.1.2—3
надеяться I.1.2—4
надо II.3—2
название V.5—1
(на)зваться V.5—1
назвать, назваться, называть, называть своими именами, называть(ся), называться I.2.1—4, V.5—1, V.5—2, V.5—3, VI.3—4
найти I.1.2—4, I.2.1—4, I.2.3—2, I.2.3—3
найтись III.4—1
накануне IV.5—3
наконец III.4—1
написать I.1.2—4, I.1.2—4, I.2.1—3, I.2.1—4
наплевательский VII.3—1
наплевательство VII.3—2
наплевать VII.3—1, VII.3—2
напомянуть I.2.4—4
напоследок IV.5—2
напрасно V.3—2, V.3—2
напролет I.1.2—4
наречь V.5—2
нарочно I.1.2—3
настороже I.1.2—3
настроение I.2.1—2
настучать V.3—1
наутро VII.1—5
находить I.1.2—4, I.2.1—4, I.2.3—2, I.2.3—3
находиться I.1.2—2
начаться III.1—1
начеку I.1.2—3, I.1.2—5
начинаться III.1—1
наш IV.3—3

- не I.1.1—3, I.1.2—5, V.1—2
 не в духе I.2.1—2, VII.4—3
 не в форме I.1.2—3
 не говоря уже... VI.2—2
 не хватает духу VII.4—3
 неблагодарный I.1.2—3
 небось VII.1—4
 невероятно V.1—1
 невозможно II.2—1
 невозможное II.2—3
 невольню I.2.2—2
 недавно III.3—1
 недалекый IV.5—1
 недолго III.3—1
 недоумевать V.1—2
 нежен I.1.2—2
 незаслуженный V.3—2
 неизбежно II.3—1, II.3—2
 некоторые I.1.1—3, II.1—1, II.1—3, II.1—4
 нельзя II.2—5, VI.2—2
 нем I.1.2—2
 немало II.1—3
 немногие I.1.1—3, II.1—3
 немного II.1—1, II.1—3, II.1—4
 немногое II.1—3
 немногочисленные II.1—3
 ненавидеть I.1.1—3, I.1.2—3, I.1.2—4, I.2.1—2, VII.4—4,
 необходимо II.2—3, II.3—1, II.3—2
 необходимость II.3—1, II.3—3
 неожиданно I.1.2—1
 неопытный I.2.1—2
 непонятно V.1—2
 непохожий II.1—2
 непременно II.2—3, II.3—123—1
 непрестанно I.1.2—4
 нередко II.1—3
 несколько II.1—3, II.1—4, IV.3—3
 нескоро III.3—1
 несомненно II.3—1, III.5—1, III.5—2
 несправедливый V.3—2
 нести VII.1—1
 нет III.4—1
 неужели III.3—1, III.3—2
 неужто III.3—2
 нечасто II.1—3
 ни души VII.4—3
 ни слуху ни духу VII.4—2, VII.4—3
 ни слуху, ни помину VII.4—3
 ни хуху, ни духу VII.4—3
 никогда VI.2—2
 но VI.3—4
 новый IV.5—2
 нормальный VI.3—5
 нравиться I.1.2—2, I.1.3—1, I.1.3—2, I.2.1—1 *et passim*
 ну VII.1—4
 нужный VI.3—5
 оба IV.1—1
 обвенчаться I.2.4—4
 обвинение V.3—2, V.4—1
 обвинить V.3—2, V.4—1
 обвинять V.3—2, V.4—1
 обдумывать I.2.2—1
 обедать I.1.2—4
 обет II.3—3
 обещание VI.2—1, III.1—2
 обидно V.1—3
 обладать I.1.2—4, I.2.1—2
 обнаруживать I.2.2—2
 обнаружить I.2.2—2, V.1—2
 обойти II.3—2
 обойтись VII.1—4
 оборваться III.1—1
 обременить II.3—3
 обрываться III.1—1
 объявлять III.1—2
 обычно I.1.1—3, I.1.2—3, I.1.2—4, I.2.1—2
 обязан II.3—3
 обязанность II.3—2, II.3—3, VI.2—1, VII.1—1
 обязательно II.3—1
 обязательство II.3—3
 обязать VI.2—1
 одетый I.1.2—5
 один IV.3—3, VII.2—1
 один за другим IV.3—4
 одинаково II.1—2
 одним духом VII.4—2
 одряхлеть I.2.1—4
 он IV.1—1, IV.1—2, IV.1—2, IV.1—2, IV.3—2, IV.3—3, IV.4—1, IV.4—2
 опаздывать I.2.3—2
 операция I.2.4—4
 опоздать I.2.3—2
 опознать I.2.2—2
 оппонент I.1.2—2
 определить I.2.2—2
 оптимист I.1.2—3
 опытный VI.3—0
 опьянеть I.1.2—2
 опять I.2.1—2
 осведомиться I.2.2—2
 освободиться (из тюрьмы) I.2.4—4
 осознать I.2.2—2, II.3—3
 осторожный I.1.2—5

- осудить* V.3—2, V.4—1
осуждать V.3—2, V.4—1, VI.3—5
осуждение V.3—2, V.4—1
отвага VII.1—3
отгадать I.2.2—2
отгадка I.2.2—2
отгадывать I.2.2—2
отдать Богу душу VII.4—2
отдать сердце VII.4—4
отказаться III.4—1
открывать I.1.2—4.4, I.2.2—2
открыть I.1.2—4.4, I.2.2—2
откуда IV.3—2
отовсюду IV.3—2
отплевывать VII.3—1
отплевываться VII.3—1
отплюнуть VII.3—1
отрезветь I.1.2—2
отремонтировать I.1.1—2
отряд VI.3—0
отсутствовать I.1.2—4
отсюда IV.3—2, IV.3—2
охотник (до) I.1.3—2
очаровать I.1.2—5, I.2.1—4
очаровывать I.1.2—5, I.2.1—4
очутиться I.1.2—4
память VII.4—5
парить I.1.1—3
пароль V.5—1
партизан VI.3—0
партизанский VI.3—0
пахать I.1.2—4, I.2.1—3, I.2.1—4
перевести дух VII.4—2
перед IV.5—1, IV.5—3
переплыть I.1.2—4
переплыть I.1.2—4
переплюнуть VII.3—1
перераспределяться VII.1—1
перестать I.1.2—4
печенка VII.4—4
печенки VII.4—1, VII.4—4
печень VII.4—1, VII.4—6
писать I.1.2—4, I.1.2—4, I.2.1—3, I.2.1—4, I.2.3—2
питаться I.1.1—3, I.1.2—2, I.1.2—4, I.2.1—2
пить I.1.2—4, I.1.3—2, I.2.4—3
плавать I.1.2—4
плакать I.1.2—4
плевать VII.2—2, VII.3—1, VII.3—2, VII.4—3
плевать в потолок VII.3—1
плоть VII.4—2, VII.4—3, VII.4—4, VII.4—5
плюнуть VII.2—2, VII.3—1, VII.3—2
по- I.1.2—4, I.2.1—2, I.2.1—3, I.2.1—4, I.2.3—2, I.2.3—3
по душам VII.4—3
победитель I.1.2—2
победить I.1.2—4, I.2.1—4
побеждать I.1.2—4, I.2.1—4
побелеть I.1.2—2
побелить I.1.2—4
побеседовать I.1.2—4
побледнеть I.2.1—4
побриться I.1.2—4
повелевать II.3—3, VII.1—1
повеление II.3—2
поверить I.2.2—1, I.2.2—2, V.2—1, V.2—2
вернуть III.1—1
по-видимому III.5—2
повиноваться II.3—3
поворачивать III.1—1
повредить I.1.2—3
повыбросить I.1.1—3
повыть I.2.1—4
повыходить I.1.1—3
погаснуть I.1.2—4
поговорить I.2.1—1, I.2.3—3
погулять I.1.2—4, I.2.3—2
под утро VII.1—5
поддаться II.3—3
поджарить I.1.1—3
подличать I.1.2—2
подорожать I.1.3—2
подсказка VI.2—1
подумать I.2.2—2, VII.4—1
подхвалять VI.2—2
поезд I.1.1—2
поесть I.1.2—4, I.2.3—3
позади IV.5—1
позаниматься I.1.2—4
позволите...? III.4—1
позволить II.2—3
поздний IV.5—2, IV.5—3
поздравлять III.1—2
познать VII.1—1
поиграть I.1.2—4, I.2.1—3
поймать I.2.3—3
пойти кругом VII.4—5
показаться III.5—2, VI.1—3
поклонник I.1.2—4
покорить I.1.2—5
покорять I.1.1—3, I.1.2—5, I.2.4—1
покрасить I.1.2—4
полагать (, что...) I.1.2—4
полагать I.1.2—5, I.2.1—2, I.2.2—1, V.1—3
полежать I.2.1—4

- полезно* I.1.2—3
поливать грязью V.3—2
политик VI.3—0
политикан VI.3—0
положено II.2—3, II.3—2
полюй I.1.2—2
(по)любопытствовать V.1—2
помогать VI.1—3
по-моему III.5—2
понимать I.1.2—4, I.2.1—2, I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.3—2, V.1—2
понравиться I.1.2—2
понятие V.5—1
понятно V.1—2
понять I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.3—2, I.2.4—4, V.1—2
пообедать I.1.2—4
попить I.1.2—4
поплакать I.1.2—4, I.2.1—4
поплевать VII.3—1
попреки V.3—2, V.4—1, V.4—2, VII.1—5
попреки V.3—2, V.3—2, V.4—1, V.4—2, VII.1—5
попреки V.4—1, V.4—2, VII.1—5
попробовать I.1.2—5
поработать I.2.1—3
(по)раскинуть мозгами VII.4—1
порежать I.2.3—3
посидеть I.2.1—4
после IV.5—2, IV.5—3
послевоенный IV.5—3
последствие II.3—2
поспешно I.1.2—1
поссориться I.1.1—3
постепенно I.1.2—3
постоянно I.1.2—3, I.1.2—4, I.2.1—2
постоять I.2.1—4
постричься I.2.4—4
построить I.2.1—4, I.2.2—2
поступить I.1.1—3
потанцевать I.1.2—4
потерять голову VII.4—5
потонуть I.1.2—4
поутру VII.1—5
похвала V.3—1
похвалить V.3—2
похвалиться VI.2—2
похожий II.1—2
похудеть I.1.2—4
почти I.2.1—4
пошевелить мозгами VII.4—1
поэт I.1.2—4
появиться I.1.2—4
правда III.3—1, VII.1—1
правильно I.1.2—4
право II.2—3
предание IV.5—2
предлагать III.1—2
предложить II.2—4
предложить руку и сердце VII.4—4
предписание II.3—2
предположение II.2—4
предсказание VI.2—1
представлять себе V.1—2
предшествовавший IV.5—2
предъявитель VI.2—1
предыдущий IV.5—2
прежде IV.5—1
прежний IV.5—1, IV.5—3
презирать I.1.2—4, I.2.1—2, VII.4—4
прекратить(ся) I.1.2—4
прельстить I.2.4—2
прельщать I.2.4—2
преобладать I.1.2—4, I.2.1—2
преподавать I.1.1—3, I.2.1—2
прервать I.1.2—4
прерывать I.1.2—4
при смерти I.1.2—3, I.1.3—2, I.2.1—2
приблизительно V.1—3
привести I.1.2—4
приводить I.1.2—4
придумать V.1—2
признать I.2.2—2
прийти I.1.2—4, I.2.3—2, IV.5—2
прийти в голову VII.4—5
приказ II.3—2
приказывать VI.2—2
прилипнуть к гортани VII.4—1
принести I.1.2—4
приносить I.1.2—4
принять (на себя) II.3—3
присутствие духа VII.4—3
присутствовать I.1.2—5
приходить I.1.2—4, I.2.3—2
причесаться I.1.1—2
причина VI.3—1
про I.1.2—4
пробежать I.2.2—2
пробежать I.2.2—2
проведать I.2.2—2
продолжать I.2.3—2
продолжить I.2.3—2
прожить I.1.2—4
прозвать V.5—2
проиграть I.2.1—4
проигрывать I.2.1—4
происходить I.1.2—4
пройти IV.5—2
пролюбить I.1.2—4.1
пронести VII.1—4

просить III.2—2, III.4—2
 просить прощения III.1—2
 просить руки III.1—2
 просыпаться I.2.4—1
 просьба III.2—4, III.4—2
 профессор IV.1—2
 прочитывать I.1.3—2
 прошение III.2—2
 прошлое IV.5—1
 пугать I.1.2—5, I.2.1—4, I.2.4—1
 пугаться I.1.2—4
 пустовать I.1.2—2
 пустой I.1.2—2
 пылать I.2.1—2
 пьян I.1.2—2, I.1.2—3 *et passim*
 пьяница I.1.2—2, I.1.2—3, I.1.3—1 *et passim*
 раб II.3—3
 работа VII.4—2
 работать I.1.2—4, I.1.2—5, I.2.1—3
 равны VI.1—3
 равняться I.1.2—4, I.2.1—2
 рад I.1.2—2, I.1.2—3, I.1.3—1, I.1.3—2
 ради I.1.2—5
 радоваться I.1.3—1, I.1.3—2
 разбираться I.1.2—4, I.2.1—2
 разбить I.2.4—4
 разбудить I.1.2—5, I.2.1—4, I.2.1—4, I.2.3—2, I.2.4—1, I.2.4—3, I.2.4—4
 разве III.3—2
 разведать I.2.2—2
 разводиться I.1.1—3
 разглагольствовать I.1.2—2
 раздраженный I.1.2—3
 разлюбить I.1.2—4, I.1.2—4
 размышлять I.2.2—1, V.1—2
 разоблачить V.3—1
 разрешать II.2—3
 разрешение VI.2—2
 разрешить II.2—3
 разузнать I.2.2—2
 разум VII.4—2, VII.4—4
 ранний IV.5—2, IV.5—3
 раньше IV.5—1
 раритет I.1.2—2
 раскаиваться V.1—3
 раскинуться I.2.3—2
 раскрыть душу VII.4—3
 расплеваться VII.3—1
 расплевываться VII.3—1
 распознать I.2.2—2, I.2.2—2
 расположение (духа) VII.4—3
 расположенность I.1.2—2
 расположен(ный) I.1.2—2
 распоряжение II.3—2

распределять II.3—3, VII.1—1
 распределяться VII.1—1
 распространение I.1.3—2
 распространен(ный) I.1.2—2
 рассвело I.1.2—2, I.1.2—4
 рассветает I.1.2—3
 рассосаться VII.1—4
 растаять I.1.2—2
 расхваливание V.3—1
 редко I.1.1—3, II.1—3, II.1—4, VI.1—2
et passim
 редкостный I.1.2—2
 редкость I.1.3—2
 рекомендовать III.1—2
 решать I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.3—2, I.2.3—3, V.1—2
 решаться I.2.3—2
 решаться VII.1—2
 решить I.2.2—1, I.2.2—2, I.2.3—2, I.2.3—3, V.1—2
 решиться I.2.3—2
 рвать I.1.1—3, I.1.2—2, I.2.1—2
 родство VII.4—4
 рождаться I.1.2—4
 рок VII.1—2
 ругать V.3—2
 руководитель VI.3—0
 руководить I.1.1—3, I.1.2—4, I.2.1—2
 с головой VII.4—5
 с душой VII.4—3
 с утра VII.1—5
 с утречка VII.1—5
 садиться I.1.2—2, I.2.3—3
 сам IV.1—2, IV.3—3, IV.4—2
 свалить (в тюрьму) I.2.4—4
 сварить I.2.4—1
 светает I.1.1—1, I.1.2—2, I.1.2—4
 светло I.1.2—3
 свидетель I.1.2—2
 свирепствовать I.1.2—2
 свобода VII.1—1
 свой IV.3—4
 сговор VI.3—0
 сдаваться III.1—2
 сделать вид VI.3—4
 сделка VI.3—5
 сегодня IV.5—3
 сердце VII.4—1, VII.4—2, VII.4—3, VII.4—4, VII.4—5, VII.4—6
 сесть (в тюрьму) I.2.4—4
 сесть I.1.2—2, I.2.3—3
 сжечь I.2.4—3
 сжигать I.2.4—3
 сигнализировать V.3—1
 сидеть I.1.2—2

- сидеть в печенках* VII.4—4
сила VII.4—2
синеть I.1.2—2
сказать III.1—2, V.1—2, V.1—3, V.5—1, VII.1—1
склонность I.1.2—2
склонный I.1.2—2
сколько II.1—4, IV.3—3
скоро III.3—1
скучно I.1.2—3
следить (за чистотой) I.1.1—3
следить I.1.2—4, I.2.1—2
следующий IV.5—2
следующий IV.5—3
слобода VII.1—1
слушатель VI.1—3
слушать I.1.1—2, I.1.2—5, I.2.3—1
слыхать III.5—2
слышат I.1.1—2, I.1.2—5, I.2.3—1
слышно III.5—2
смеркается I.1.1—1, I.1.2—3
смертный I.1.2—3, I.1.3—2, I.2.1—2
сметь II.2—3, VI.2—2
смотри(те) не... I.1.2—5
смочь II.2—1, II.2—3
снова I.2.1—2
соблазнить I.2.4—2
соблазнять I.2.4—2
собраться VII.1—4
собраться с духом VII.4—3
собственный VI.1—2
совершенно I.2.1—4
совесть VII.1—1
совет VI.2—1
совсем I.2.1—4
согласен III.6—1
согласный VI.3—3
соглашение VI.3—0
содержать I.1.2—4, I.2.1—2
сожалеть V.1—3
создан I.1.2—2.2
соизволить III.1—3
солгать V.3—1
солнце I.1.3—1
соображение V.1—3
сообразить V.1—2
сообщить V.1—2, V.1—3, V.3—1
соответствовать I.1.2—4, I.1.2—4, I.2.1—2, I.2.1—2
сочинить I.2.2—2
сочинять I.2.2—2
спасатель VI.1—3
спаситель I.1.2—2
спать I.1.2—4, I.1.2—4, I.2.1—4
сплевывать VII.3—1
сплетник I.1.2—4
сплюнуть VII.3—1
спорить III.6—1, VI.3—3
спору нет III.6—1, VI.3—3
способный II.2—3
способствовать VI.1—3
споткнуться I.2.1—1, I.2.1—4
справиться I.2.2—2
спрашивать V.1—2
спросить I.2.2—2, V.1—2
спустя IV.5—3
срок I.1.2—4
ссора I.1.1—3
ссориться I.1.1—3
ставить всякое лыко в строку V.4—2
старательно I.2.2—2
старый IV.5—1
статья I.1.2—5
стоило... как I.1.1—3
стол I.1.1—1
столько II.1—4, IV.3—3
стоять I.1.2—2, I.1.2—5
странно V.1—3
страсть II.3—3
стремительно I.1.2—2.2
строить I.2.1—4, I.2.2—2
судьба V.2—2, VII.1—2, VII.1—5
судя по всему III.5—2
суровый I.1.2—2
счесть I.2.2—1, II.3—3
считать I.2.2—1, V.1—3, VI.2—2, VI.3—5
сшить (себе) I.2.4—4
сшить I.1.1—2
сведать I.2.4—3
сгнать I.2.4—3
сыро I.1.2—3
сыт по горло VII.4—1
сытый I.1.1—3, I.1.2—3
сюда IV.3—2
-ся I.1.2—5
там IV.3—2
таять I.1.2—2
твой IV.3—3
тело VII.4—1, VII.4—2, VII.4—3, VII.4—4, VII.4—4
тельце VII.4—1
темнеть I.1.2—2
теперь III.1—1, III.1—2
теплый I.1.2—2
теряться I.2.2—2
течь IV.5—2
тлеть I.2.1—2
-то III.1—3
тогда IV.3—2, IV.5—3

- толстый I.1.2—4
 только II.1—3, III.1—3
 тонуть I.1.2—4, I.1.2—4
 тоска VII.1—3
 точно II.2—4
 тошнит I.1.1—1
 тошно I.1.2—3
 травоядное I.1.2—2
 трезвый I.1.2—2, I.1.2—3, I.1.2—5,
 I.2.1—2
 трудиться I.2.1—2
 трудно III.4—1, III.4—2
 туда IV.3—2
 ты I.1.1—2, IV.1—1, IV.1—2, IV.2—1,
 IV.2—4, IV.3—3, IV.4—2
 тьфу VII.3—1
 убивать I.2.4—4
 убийца I.1.2—2
 убираться V.4—2
 убить I.2.3—1, I.2.4—4
 увеличиваться I.2.3—2
 увеличиться I.2.3—2
 увенчиваться I.1.2—4
 увлекаться I.1.1—3, I.1.2—4, I.2.1—2
 угадать I.2.2—2
 удаль VII.1—3
 удел VII.1—2
 удивительно V.1—3
 удивить V.1—3
 удостоверять VI.2—1
 ужели III.3—2
 узнавать I.1.2—4, I.2.2—2, V.1—2
 узнать I.1.2—4, I.2.2—1, I.2.2—2,
 V.1—2, VII.1—1
 уйти VII.1—2
 укусить I.1.2—5, I.2.1—4
 уж VII.4—1, VII.4—2
 умереть I.1.2—4, I.2.1—4, I.2.3—2,
 I.2.3—3
 уметь I.1.2—4
 умирать I.1.1—3, I.1.2—4, I.2.1—4,
 I.2.3—2, I.2.3—3
 умный VII.4—1
 умолять III.4—2
 упасть духом VII.4—3
 уплетать I.1.1—3, I.1.2—2, I.2.1—2
 упоминать VI.2—2
 управлять I.1.1—3, I.1.2—4, I.2.1—2
 упрек V.3—2, V.4—1, V.4—2
 упрекать V.3—2, V.4—1
 упрекнуть V.3—2, V.4—1, V.4—2
 упряжиться I.1.2—2
 упрямый I.1.2—2
 упустить IV.5—2
 усердствовать I.1.2—2
 условие II.3—2
 условий VI.2—1
 утверждение VI.2—1
 утонуть I.1.2—4
 уточнить VII.1—1
 утречком VII.1—5
 утром VII.1—5
 участь VII.1—2
 учитель IV.1—2
 учить I.2.1—4, VI.2—2
 учиться I.2.1—4
 факт I.1.3—1
 фатум VII.1—2
 философствовать I.1.2—2
 fortuna VII.1—2
 хвалить V.3—2
 хвалиться VI.2—2
 хворать I.2.3—2
 хитрый VII.4—1
 хищник I.1.2—2
 хищный I.1.2—2
 ходила I.2.1—2
 ходить I.1.2—4, I.1.3—2
 холодно I.1.2—3
 холодный, холоден I.1.2—2
 хорош (собой) I.1.2—3
 хороший I.1.1—3, VI.3—5
 хорошо (, что) I.1.3—1
 хотеть(ся) III.4—1
 хранить молчание I.1.2—5
 художника IV.4—1
 царствовать I.1.2—4, I.2.1—2
 целый II.1—2, III.1—3, IV.3—3
 частный VI.1—2
 часто I.1.1—3, II.1—3, III.3—1 et passim
 чей—то IV.3—3
 человек IV.2—1, IV.2—2, IV.4—1,
 VI.3—5
 чем не III.6—2
 через IV.5—3
 число II.1—4
 читать III.1—2
 что I.1.3—1, I.1.3—2, I.2.2—2, I.2.2—
 2, I.2.3—3, V.1—1, V.1—2, V.1—3,
 VII.2—1
 чтобы I.1.1—2, I.1.2—5, I.1.3—1,
 I.1.3—2, II.3—1, II.3—2
 что-то I.1.1—2, V.2—2
 чувство II.3—3, VII.1—1
 чувствовать II.3—3
 чудотворец VI.1—3
 чужд I.1.2—2
 шайка VI.3—0
 шалопай I.1.2—2
 шалопайничать I.1.2—2

шалун I.1.1—3
 шмотки VI.3—5
 это IV.1—2, V.1—2, VI.1—3, VII.2—1,
 VII.2—2
 этот VII.2—1
 я IV.1—1, IV.1—2, IV.2—4, IV.3—3,
 VII.2—1
 якобы VI.2—2
 ясный I.1.2—4

Отпусти IV.1—1
 Отмы I.1.1—2, IV.1—2, IV.2—1, IV.2—
 2, IV.2—3, IV.2—4, IV.4—2
 Отмы IV.1—2, IV.2—2, IV.2—3, IV.2—
 4, IV.4—2
 accuse V.3—2, V.4—1
 aletheia VII.1—1
 allege V.3—1
 anyone IV.4—1
 aus dem Kopf VII.4—5
 be dying I.2.3—2
 believe V.1—3, V.2—1, V.2—2
 by heart VII.4—5
 cognoscere V.2—1
 concede III.6—2
 connaître V.2—1
 criticize V.3—2, V.4—1
 croire V.2—1
 die I.2.1—4, I.2.3—2
 dire VI.2—2
 each IV.4—1
 eat I.2.4—3
 find out V.1—3
 golden VI.1—3
 grau VI.1—3
 grün VI.1—3

he IV.4—1
 he or she IV.4—1
 himself IV.4—1
 his IV.4—1
 ill I.1.2—2
 inform on V.3—1, V.3—2
 insinuate V.3—1
 know V.1—3, V.2—1, V.2—2
 lecture V.3—1
 like VI.1—3
 man IV.1—1
 manger I.2.4—3
 mentir VI.2—2
 more VI.1—3
 nag V.3—1, V.3—2
 on IV.1—1
 par coeur VII.4—5
 per capita VII.1—2, VII.4—3
 person IV.4—1
 realize V.1—3
 regret V.1—3
 resent V.1—3
 s/he IV.4—1
 sapere V.2—1
 savoir V.2—1
 say V.1—3
 she IV.4—1
 some IV.1—1
 someone IV.4—1
 spit VII.3—2
 tell V.1—3
 themselves IV.4—1
 they IV.1—1
 veritas VII.1—1
 win (a race) I.2.1—4

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель вошли лишь самые важные
из рассматриваемых в книге лингвистических явлений.

- автономность 11, 425—427, 429,
432—434
- автореферентность 453—454, 460
- агенс 345
- агентивность 26—27, 31—34, 88, 91,
94, 98, 102, 104, 109—110, 135,
150, 184
косвенная ~ 26—27, 189
- актуализованность 55, 61, 126, 127,
499
- алетическая модальность см. модаль-
ность
- анафора 322—323, 341, 343, 352
к родовому субъекту 363—367,
369—370
- анафорическая стратегия 366
- аномалии 11, 403, 435, 438, 440, 442—
443, 445—447, 450, 451, 454, 460,
501, 541
намеренные 442
ненамеренные 184
- антецедент 341—342, 363—368, 370,
549
- аспектуальная ситуация 132—134, 154
- ассертивный компонент 38, 197, 205,
254, 396, 461, 462
- ассерция 201, 203, 205, 207, 293, 408,
413, 418—419, 441, 462, 473
- безличные предложения 19, 21—22,
33, 65—66, 106—107, 320—322,
337, 345, 529
- бесперспективный (=гомогенный)
процесс 56—57, 87, 89—91, 94—96,
111, 135, 141—142, 144—145
- валентность 26, 49, 59, 61, 70, 214—
215, 226, 238—239, 252, 266, 269,
272, 277, 288, 297, 324, 360, 375,
396, 445
факультативная ~ 37
- вид 41, 43, 93—94, 103, 108—109,
139, 141, 144, 148, 165, 175—176,
182, 246, 348, 351
~ в императивных конструкциях с
отрицанием 33, 101—104
~ в обобщенно личных предложе-
ниях 348, 351
~ и контролируемость 108—110,
148, 171, 182
~ и падеж объекта 43, 141
~ и субстантивное число 41—43, 176
- видовая пара (парность) 74—75, 91—
94, 96, 110—111, 133, 138, 141,
145—146, 153—155, 159, 164—165,
167, 170, 172—174, 176, 178, 180,
182—184, 186—188, 190, 392
тип видовой пары 172 et passim
- видовой коррелят 151, 153, 155, 164,
168
- вневременность 35, 37, 54, 63, 76, 82,
110—111, 132, 134, 135, 137, 213
- возможность 209—217, 219—226,
228—231, 293—295
- вопрос 155, 173, 179, 247, 248, 250—
252, 257—258, 260—261, 263—276,
278, 281, 283, 286—288, 295—297
- вопросительное предложение 9, 222,
229, 248, 250, 258, 261, 263, 264—
274, 279, 281, 287—289, 295—296,
385, 388, 408, 418, 550
- вопросо-ответная пара 264, 270, 281
- временная локализация
(= локализация во времени) 10, 73,
81, 118, 121—122, 124, 126—127,
136, 169, 215, 341, 498—499, 528,
536, 543, 550
- временная нелокализованность 43,
54—55, 63, 80, 82, 117, 122, 137,
139, 144
- временная ориентация 373—374, 377
- временной срез 115, 117, 214—215,
379, 380
- «выполнение» 92
- генерализованность 35—36, 116—120,
122, 124—127, 341, 344, 347—348,
459, 471
- гипотеза:
~ в науке 438
~ как речевой акт 161, 296—297,
303

- гипотетическое предложение 279, 293, 296, 298
- гномический оператор 84, 124—125
- гномический предикат 120—123, 126, 127, 344
- гомогенный процесс см.
бесперспективный процесс
- грамматическая категория 17, 25, 304
(слово)классифицирующая 19, 24—25, 27, 34, 60, 63, 65, 68, 178, 324
- ♦скрытая (=криптотип) 18, 24—25, 27—28, 30, 34—35, 43
- флеktivная 18—20, 25, 33—34, 63, 105, 120, 185
- ♦явная (= фенотип) 24—25, 28, 35, 43, 44
- дейксис 11, 245—247, 319—320, 327, 332, 347, 350, 542, 544, 547, 551
- денотативный статус 56, 63, 124, 129, 131—132, 444
- деоnтическая модальность см. модальность
- дефектная парадигма 359, 360
- ♦деятельность♦ 94, 97, 142
- диктальный вопрос 266—267
- динамичность 31, 49, 50, 52—57, 97—100, 110—111 et passim
- ♦дифференцирующий♦ подход 353, 355
- долженствование 233—238, 291, 544, 547
- ♦достижения♦ 92—95, 105, 109, 111, 140
- ♦игноративные♦ предикаты 156, 159—160, 164, 174, 179, 389—393
- идентификация 36, 39, 171, 319, 332, 428, 433, 444, 450, 497—503, 513
- иерархический статус коммуникантов 414—415, 421
- иллокутивная сила 228—229, 248, 249, 267, 283, 285, 288, 291, 294, 454
- иллокутивное самоубийство 165, 405, 407, 410, 418—419, 453, 544
- иллокутивный акт 247—248
- иллокутивный тип 294—295
- императив 102—104, 155—157, 161, 164—166, 185, 190, 221—222, 238, 283, 289—291, 295, 389, 551
- ♦имперфективный парадокс♦ 177
- ♦импрессив♦ 299—300, 302
- индекс (=индексальный элемент) 39, 109, 245—247, 321, 379
- индивид 113—127, 506—509, 528—529 et passim
- инстант (=инстанция) 113—118, 120—124, 242, 337, 395, 414, 422, 506
- интеллектуальный дискомфорт 391
- интерпретативный компонент в описаниях речевых актов см. речевые акты
- интродуктивные экзистенциальные предложения 241
- ♦ипостась♦ 499
- истинностное значение 213, 249, 254
- исходное множество см. объемлющее множество
- канцелярский (=официально-деловой) стиль 258, 259, 260, 261, 262, 453
- категория см. грамматическая категория
- каузатив 183—189, 191
- каузация 100—101, 109—110, 150, 181—191
- намеренная ~ 187
- ненамеренная ~ 187
- ♦качества♦ 53—59 et passim
- ♦квазиавтомимные♦ употребления 425, 427
- ♦квазиассертив♦ 298—300, 302—303, 413—414, 419
- квазиперформатив 156—157, 161, 167, 190, 403, 458, 516—518, 520
- квалитативный предикат 72, 120—123, 127, 136—140, 215
- квантификация 41, 79, 127, 144, 195—199, 201, 206—209, 214—215, 227
- логическая ~ 196, 201
- прагматическая ~ 208
- квантифицируемость 54, 69, 71, 82—83, 87, 137, 139, 197—198, 200, 202, 204—206, 209
- квантор 10, 39, 40—41, 69—70, 72, 79—80, 82, 120, 127, 137, 139, 195—199, 201, 204, 206—207, 209, 215, 227
- ♦квотатив♦ 299—300
- класс:
- ~ (= открытое множество объектов) 63, 72, 83, 113—115, 117—118, 120—123, 199, 507
- ~ (= тип, категория) предикатов 49, 63—64, 75—76, 111—112, 130, 139, 144, 151

- классы языковые 28—46
 классифицирующая категория см.
 категория
 коассигнация 321, 352, 364
 конвенциональная импликатура 9,
 226—227, 229, 251, 253—255, 269,
 288, 291, 296, 308, 309, 443
 контактоустанавливающая функция
 264
 контролируемость 34, 57, 72—73, 97—
 102, 104—106, 108—111, 149—150,
 155—157, 159, 164—165, 166,
 169—170, 173, 181—185, 187—189,
 222, 279, 290, 403
 контрфактичность 301, 366, 497, 509,
 511
 кореферентность 320—321, 325—326,
 333, 339, 341—342, 349—352
 косвенная агентивность см? агентив-
 ность
 косвенно-вопросительное придаточное
 11, 155, 157, 160, 162, 385—389,
 391, 392—395
 косвенно-восклицательное придаточное
 385—386
 криптотип см. грамматическая ка-
 тегория скрытая
 косвенный речевой акт см. речевой акт
- лексикализация 58
 личное местоимение 340, 500
 логическая квантификация см. кван-
 тификация
 локализация во времени см. временная
 локализация
- ментальные предикаты 152—155, 165
 многократность 79, 134, 143, 153—
 154, 156, 158, 164—167, 177—178,
 183, 188
- множество
 недискретное 198—199, 204, 206,
 209, 359
 дискретное множество 196, 198—
 199, 204, 206—207, 209, 359
- модализация 395
 модальность
 алетическая ~ 218—228, 231, 233,
 236, 237, 238, 240, 277, 348, 408
 деонтическая ~ 218—225, 228, 231,
 233, 236—238, 240, 289, 291, 348,
 408
 онтологическая ~ 235
 модальный вопрос 267—268
 моральные нормы 238—239
- наблюдатель 52, 123, 137—138, 140,
 246, 301, 338, 344—345, 349, 377—
 378, 421—423, 489
 «наивный эксперимент» 448—450,
 512—513
 настоящее:
 «в значении будущего» 33, 108, 168
 историческое 94, 138
 научный стиль 260—261
 неагентивность 27, 31—32, 34, 88, 91,
 104, 109, 150, 184
 неактуализованность 61
 неисчисляемость (= пространственная
 неограниченность) 54, 78
 нейтрализация противопоставления
 23, 102
 необходимость 215, 221, 225, 229,
 234—235
 неоднозначность (vs. неопределенность)
 25—26
 неопределенно-личные предложения
 21, 60, 320, 321, 324, 327, 330,
 336—337, 341, 344—346, 350, 352,
 409, 428, 430
 несовершенный вид 41, 43, 76, 91,
 93—94, 103, 108—109, 111, 139,
 144, 148, 181—182, 517
 нетривиальные значения (форм несо-
 вершенного вида) 151—153, 159,
 170—182, 186
 нетривиальные семантические призна-
 ки (по Апресяну) 75, 131
 нулевое подлежащее 30, 60, 320—322,
 324, 339—340, 347, 350
- обобщенность: разные типы-и
 347 и сл.
 обобщенно-личные предложения 335,
 337—338, 348
 общевопросительные предложения
 266—268, 270, 291, 295
 «объемлющее» (=исходное) множество
 196, 199, 206—209
 определенно-личные предложения 21,
 60, 320, 321, 324, 327, 330, 336—
 337, 344—346, 350, 352, 409, 428,
 430
 «отрицательный языковой материал»
 440, 448
 «отчуждение» 345—346
- партитив см. родительный партитив-
 ный перформатив 101, 156—157,
 166, 190, 221, 240, 249—250, 260,

- 309, 403, 406—407, 411, 413, 418—419, 422, 458, 516—518, 520
 перекаатегоризация (предиката) 149, 159
 побудительные предложения 18, 102, 157, 222, 258, 259, 260—262, 283, 285, 288, 290, 294
 побуждение 9, 101, 104, 155—156, 164, 222, 229, 238, 257—261, 283—286, 288—291, 296, 530
 повествовательное предложение 18, 249, 258—262, 283, 291, 296
 позитивные нормы 238
 «позитивные» предикаты
 (= предикаты положительного суждения) 160, 174, 389—393
 положение вещей 46, 48—49, 57, 226, 295
 «попытка» 42, 93, 141
 «постепенное осуществление» 88—89, 92 и сл., 110, 141, 144, 146—151, 174, 392
 постулаты речевого общения 225, 227, 230, 251—252, 272, 283, 285—289, 394, 443, 445, 471, 504
 потенциальность 212—213, 231, 293—294
 «поясняющая» идентификация 498, 500
 прагматическая квантификация см. квантификация
 предикаты положительного суждения см. позитивные предикаты
 предикаты состояния класса 126, 127
 «предстояния» 170, 172, 174
 презумптивный (= пресуппозитивный) компонент 38, 118, 197, 254, 462, 473
 пресуппозиция 202—203, 251, 254, 272, 393, 395, 408—411, 413, 418—419, 448, 461—463, 473
 проблематичность 210—211, 228, 294
 «происшествия» 57, 88, 93—94, 111, 135, 141, 142, 146—148, 174, 184
 пропозициональная установка 157, 162, 230, 237, 386, 428, 503
 пропозициональные установок 10, 383
 пространственная неограниченность см. неисчисляемость
 пространственно-временная локализация 10, 39, 44, 63, 115—116, 118, 121—125, 127
 протагонист 335, 341, 344, 347—350, 368 (см. также эмпатия)
 процесс 47, 49, 64, 76—77, 111, 133 et passim
 «проявления» 58—59
 «результат» 111, 135, 141, 147, 171
 рекатегоризация см. перекаатегоризация
 репортаж (de re) 405
 референциальный статус см. денотативный статус
 референция 26—27, 36—39, 43—44, 56, 58—59, 63, 68, 72, 79, 115—118, 122—125, 131, 138—139, 197—200, 248, 320—321, 323, 328—333, 335, 337—339, 341, 343, 345—347, 349—351, 363—367, 379—380, 391, 425—428, 432—444, 454, 470—471, 497—500, 502—503, 512, 543, 549—550
 речевая импликатура 8—9, 225—227, 229, 296, 395, 461, 463—464, 469—470
 речевой акт 405—418, 420—423 et passim
 директивные речевые акты 267, 283, 291
 интерпретативный компонент в описаниях речевых актов 405, 407, 412, 422
 косвенный ~ 296
 родительный партитивный 43, 141, 186, 355
 самофальсификация 419, 453—459, 471
 свойство 46, 53, 59, 62—62, 66, 72—73, 82—83, 115, 120, 132 et passim
 семантическое согласование 32, 34, 106, 326, 331
 «семантическое согласование» 324, 335
 семиотика 244, 246, 546
 синтаксический нуль 320, 322, 335, 368
 скрытая категория (=криптотип) см. грамматическая категория
 (слово)классифицирующая категория см. грамматическая категория
 «события» 46, 56, 72—73, 64—73, 88, 90, 96, 111, 115, 138, 140, 144, 152, 156, 158, 167—173, 177, 181, 186, 437, 491
 совершенный вид 39, 56, 91, 102, 108, 124, 173, 182, 351
 состояния 58, 64—73, 88, 90, 96, 130, 146, 151, 154, 157—160, 162—163,

170—173, 177, 182—183, 386, 397, 404, 412

состояния класса предикаты см. предикаты состояния класса

специальный вопрос 267

статичность 49—50, 53—58, 72, 82, 98—100, 110, 135, 139

субъект:

- ~ агентивный 108, 133
- ~ каузации 189
- ~ личный/неличный 21, 30
- ~ оценки 347
- ~ речевого акта 407, 409—411, 423, 473
- ~ родовой (= генерический) 36, 63, 65—66, 344
- ~ установки (веры, знания, незнания) 160—163, 391, 401, 403—404

устранение-а 33 et passim

суперкатегория 43—44, 63, 125, 543

«тавтологии» 444—445, 497, 504—506, 508—509

таксономическая предикация (=идентификация) 278, 411, 499, 502

«тенденции» 111, 141

точка отсчета 337, 344, 374, 379—380

транспозиция 328, 330—333, 339, 350—352

тривиальные значения (форм несовершенного вида) 151—157, 170—172, 176, 181—182, 186

тривиальные свойства (признаки) языковых единиц 56, 98, 100, 104

«унифицирующий» подход 353—354, 356

«уступительно-противительные» конструкции 310—315

«уточняющая» идентификация 499—500

факт 115—117, 122, 210, 461, 467

фактивность 124, 155, 162—163, 385, 392—396, 403, 409, 543

фетическая метакоммуникация 264

Феютип см. грамматическая категория явная

Фокус эмпатии 335

фразеосхема 309—314

функциональный стиль 259, 262

характеризующие предикаты 70—71

целостность 137—138, 165

«цитирование» 300, 432—434

частновопросительное предложение 266

эвиденциальность 303—304

эллипсис 320, 322—324, 333

эмпатия 230, 246, 280—281, 335, 339, 341, 344, 347, 349—352, 368—369, 422

лицо, находящееся в фокусе эмпатии 335, 343—344 (ср. протагонист)

эпизодические предикаты 51, 54, 83, 120—127, 138, 215, 337, 343—344

эпистемическая модальность 230

эссенциальность 31, 51, 58

«явления» 49, 53—54, 56—58, 64, 66, 82—83, 132—133, 138

языковая демагогия 461—462, 467—468, 477

языковая игра 232—233, 426, 442, 447—448, 450, 512—513, 524

accomplishments, 92; 139; 145; 171—172; 177—178; 182; 183—186

achievements, 140; 143; 145; 171—172; 178; 182—183; 186

activities, 142; 171; 178

de dicto, 405; 407; 409; 415; 472; 475

de re, 405; 407; 409; 415—416; 472—474

episodica tantum, 118; 120; 138

eventiva tantum, 140; 144; 171

imperfectiva tantum, 138; 146; 165; 184; 188

perfectiva tantum, 93

processiva tantum, 142; 143; 171

qualitativa tantum, 118

states, 46; 171—172; 182; 556

*Татьяна Вячеславовна Булыгина,
Алексей Дмитриевич Шмелев*

**ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА
(на материале русской грамматики)**

Издатель А. Кошелев

Корректор Л. Ю. Аронова

Подписано в печать 17.02.97. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».
Усл. п. л. 46,44. Заказ № 1357 Тираж 1500.

Издательство Школа «Языки русской культуры».
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.
ЛР № 071105 от 02.12.94.

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 for M153.